This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P SLAV 620.5 (1902/11)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

НОЯБРЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

P Slav 620.5 (1902/11)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 20 1956

Morse 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го ноября 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **На покоѣ.** Разсказъ *А. И. Куприна.* . . . . . 5— 31
2. **Осенью.** *** Стихотворенія *Г. Перлина* . . . . . 31— 32
3. **«Сказитель»-гусляръ въ Уральскомъ краѣ.** (Изъ записной книжки). *Г. Бѣлорѣцкаго.* . . . . . 33— 55
4. **Смотритель кладбища.** Очеркъ *Н. Горловскаго* . . 56— 65
5. **Кармелитка.** Романъ *Крауфорда.* Переводъ К. И. Саблиной. Окончаніе. . . . . 66— 99
6. **Изъ «книги пѣсенъ» Г. Гейне.** *Г. Вилліама* . . 100—101
7. **Въ аломъ снѣгу.** Разсказъ *И. Емельянченко.* . . 102—110
8. **Въ потьмахъ.** Разсказъ *А. Погорѣлова.* . . . . . 111—153
9. **За право.** (Изъ наблюденій адвоката) *В. Беренштама.* . . . . . 154—203
10. **Объ одномъ злодѣяніи.** Разсказъ *Д. Айзмана* . . 204—216
11. *** Стихотвореніе *Н. Шрейтера.* 216

12. **Муза мести и печали.** (1877—1902). I—IV. *П. Гриневича* . . . . . 1— 44
13. **Новыя книги:**

Н. А. Некрасовъ. Полное собраніе стихотвореній.—Ѳ. Смирновъ. Передъ некрасовскими днями. — Вацлавъ Сѣрошевскій. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. — Григорій де-Волланъ. Полная чаша.—Вильгельмъ Вундтъ. Введеніе въ философію.—Фридрихъ Паульсенъ. Шопенгауеръ, Гамлетъ, Мефистофель.—Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Синтаксисъ русскаго языка.—Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Вопросы психологіи творчества.—В. В. Лесевичъ. Буддійскія легенды и ихъ соотношеніе съ буддійскими догматами.—На рубежѣ столѣтій. В. В. Битнеръ.—В. К. Пискорскій. Исторія Испаніи и Португаліи.—В. Я. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи.—П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни лицъ низшаго медицинскаго персонала въ Россіи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 44—74

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

14. **Политика**. Законодательные выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Законъ Фаллу. — Македонскія дѣла.—Текущія событія: законодательные выборы въ Даніи, сеймовые выборы въ Нижней Австріи, муниципальные выборы въ Англіи, южно-американскія дѣла. *С. Н. Южакова*. . . . 74— 91
15. **Аграрный вопросъ въ Якутской области**. *А. Бѣлевскаго* . . . . . 91—115
16. **Крестьянскіе университеты въ скандинавскихъ странахъ**. *О. М. Бендиктсена*. . . . . 115—132
17. **Взаимная борьба и взаимная помощь**. (Письмо изъ Англіи). *Діонео*. . . . . 132—159
18. **Рабочій праздникъ въ Швейцаріи**. *С. Ан—скаго*. . 160—173
19. **Хроника внутренней жизни**: I. О знакахъ препинанія, жизненныхъ явленіяхъ и законности.—II. По поводу юбилея печати.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—III. Изъ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія. *В. Мякотина* . . . . . 173—222
20. **Письмо въ редакцію** *П. Броунова*. 222
21. **Отчетъ конторы редакціи**. 222
22. **Объявленія**. . . . . 223—260

Открыта подписка на 1903 годъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . . . **9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . **8** р.
За границу . . . . . **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается ***разсрочка:***

при подпискѣ. . . . . 5 р.
и къ 1-му іюля . . . . . 4 »

или

при подпискѣ . . . . . 3 р.
къ 1-му апрѣля . . . . . 3 »
и къ 1-му іюля . . . . . 3 »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, **библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества,** доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изд. *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 3-ья. Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Ц. 75.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *пятое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *Въ* **С.-Петербургѣ** — *контора журнала, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9. Въ* **Москвѣ** — *отдѣленіе конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о героях. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона реда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія, 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

НА ПОКОѢ.

Разсказъ.

I.

Когда единственный сынъ купца I гильдіи Нила Овсянникова, послѣ долгихъ безпутныхъ скитаній изъ труппы въ труппу, умеръ отъ чахотки и пьянства въ Наровчатской городской больницѣ, то отецъ, не только отказывавшій сыну при его жизни въ помощи, но даже грозившій ему торжественнымъ проклятіемъ при отверстыхъ царскихъ вратахъ, основалъ въ годовщину его смерти „Убѣжище для престарѣлыхъ и немощныхъ артистовъ, имени Алексѣя Ниловича Овсянникова“. Оттого ли, что учрежденіе это находилось въ глухомъ губернскомъ городѣ, или по другимъ причинамъ, но жильцовъ въ немъ всегда бывало мало. Убѣжище помѣщалось въ опустѣвшемъ барскомъ особнякѣ, всѣ комнаты котораго давнымъ давно пришли въ ветхость, за исключеніемъ громадной залы съ паркетнымъ поломъ, венеціанскими окнами и бѣлыми, крашенными известкой, кривыми отъ времени колоннами. Въ этой залѣ и ютились осенью 1899-го года пятеро старыхъ, бездомныхъ актеровъ, загнанныхъ сюда нуждой и болѣзнями.

Посрединѣ залы стоялъ овальный обѣденный столъ, обтянутый желтой, подъ мраморъ, клеенкой, а у стѣнъ между колоннами размѣщались кровати, и около каждой по шкафчику, совершенно такъ же, какъ это заведено въ больницахъ и пансіонахъ. Венеціанскихъ оконъ никогда не отворяли, изъ боязни сквозняка; отъ этого въ комнатѣ прочно установился запахъ бѣдной, нечистоплотной, холостой старости,—запахъ застоявшагося табачнаго дыма, грязнаго бѣлья и больницы. Вверху, между стѣнами и потолкомъ, всегда висѣла сѣрая пыльная бахрома прошлогодней паутины.

Лучшимъ мѣстомъ считался уголъ около большой голландской печи, старинные изразцы которой были разрисо-

ваны синими тюльпанами. Здѣсь зимой бывало очень тепло, а широкая печь, отгораживая съ одной стороны кровать, придавала ей, до нѣкоторой степени, видъ отдѣльнаго жилья. Въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ устроился самый давній обитатель овсянниковскаго дома, бывшій опереточный теноръ Лидинъ-Байдаровъ, слабоумный, тупой и необыкновенно спѣсивый мужчина, съ трудомъ носившій на тонкихъ, изуродованныхъ подагрой ногахъ свое грузное и немощное тѣло. Попавъ въ убѣжище съ самаго дня его основанія, онъ держалъ себя въ немъ хозяиномъ, и первый далъ тонъ сквернымъ анекдотамъ и циничнымъ ругательствамъ, никогда не прекращавшимся въ общихъ разговорахъ. Онъ же покрывалъ бѣлыя колонны залы и стѣны уборной тѣми гнусными рисунками и омерзительными изреченіями въ стихахъ и прозѣ, на которыя было неистощимо его болѣзненное воображеніе тайнаго эротомана.

По другую сторону печи, ближе къ окнамъ, помѣщался бывшій суфлеръ Иванъ Степановичъ,—плѣшивый, беззубый, сморщенный старикашка. Въ былыя времена весь театральный міръ звалъ его фамильярно „Стаканычемъ"; это прозвище сохранилось за нимъ и въ убѣжищѣ. Стаканычъ былъ человѣкъ кроткій, набожный, сильно глуховатый на оба уха и, какъ всѣ глухіе, застѣнчивый. Ежедневно, по нѣскольку разъ, Лидинъ-Байдаровъ развлекался тѣмъ, что, сохраняя на лицѣ озабоченное выраженіе, говорилъ старому суфлеру издали всякія сальности, на что Стаканычъ улыбался ласковой, смущенной улыбкой, торопливо кивалъ головой и отвѣчалъ невпопадъ, къ великому удовольствію бывшаго опереточнаго премьера, которому эта шутка никогда не надоѣдала.

Съ утра до вечера Стаканычъ мастерилъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, тонкой проволоки и бисеру какія-то удивительно-хитрыя коробочки. Разъ или два въ годъ онъ отсылалъ ихъ партіями своему сыну Васѣ, служившему гдѣ-то въ уѣздномъ театрѣ „на выходахъ". Если же онъ не клеилъ коробочекъ, то раскладывалъ на своей кровати пасьянсы, которыхъ зналъ чрезвычайно много.

По ту же сторону, но совсѣмъ у оконъ, обиталъ старый трагикъ Славяновъ-Райскій. Изо всѣхъ пятерыхъ онъ одинъ пользовался некогда широкой и шумной извѣстностью. Въ продолженіи семи лѣтъ его имя, напечатанное въ афишахъ аршинными буквами, гремѣло по всѣмъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Но черезъ годъ послѣ его угарнаго заката, публика и печать сразу и совершенно позабыли о немъ. За кулисами, впрочемъ, старые актеры долго еще вспоминали о небывалыхъ, безумныхъ успѣхахъ его гастролей, о бѣшеныхъ деньгахъ, которыя онъ разбрасывалъ въ своихъ леген-

дарныхъ кутежахъ, и о скандалахъ и дракахъ, которые онъ устраивалъ въ каждомъ городѣ.

Съ товарищами по общежитію Славяновъ-Райскій держался надменно и былъ презрительно неразговорчивъ. По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ на кровати, молчалъ и безъ перерыва курилъ огромныя самодѣльныя папиросы. Иногда же, внезапно вскочивъ, онъ принимался ходить взадъ и впередъ по залѣ, отъ оконъ къ дверямъ и обратно, мелкими, быстрыми шагами. И во время этой лихорадочной бѣготни онъ дѣлалъ руками передъ лицомъ короткія негодующія движенія и отрывисто бормоталъ непонятныя фразы...

Напротивъ стояла кровать „дѣдушки", котораго, такъ же какъ и Стаканыча, весь актерскій міръ зналъ больше по этому прозвищу, чѣмъ по фамиліи. Уже цѣлыхъ три мѣсяца дѣдушка не вставалъ съ постели и, обросшій бѣлыми мягкими, длинными волосами, лежалъ изсохшій и благообразный, напоминая въ своей бѣлой рубашкѣ иконописное изображеніе отходящаго угодника. Онъ говорилъ мало, съ передышками, глухимъ и тонкимъ старческимъ голосомъ и съ такимъ трудомъ, какъ будто бы стоналъ на каждомъ словѣ. У него болѣла грудь, но кашлять, по настоящему, ему было трудно, и онъ только кряхтѣлъ слабо и жалобно. Дѣдушка былъ очень старъ, вѣроятно, старше всѣхъ современныхъ русскихъ актеровъ. Въ прежнее же время онъ былъ извѣстенъ во многихъ труппахъ, какъ хорошій актеръ на амплуа резонеровъ и дѣльный, грамотный режиссеръ.

Пятымъ и послѣднимъ обитателемъ убѣжища былъ комическій актеръ Михаленко, раздутый водянкой, задыхающійся отъ астмы циникъ. Хрипя, еле переводя дыханіе, съ трудомъ выжимая изъ своей оплывшей груди слова, онъ, едва проснувшись, принимался браниться съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и прекращалъ эти занятія, только ложась вечеромъ въ постель. Языкъ у него былъ острый, злой и безпощадно, по-актерски, грубый. Въ немъ вѣчно кипѣла завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его интриговать, сплетничать и писать на своихъ товарищей нелѣпые анонимные доносы попечителямъ убѣжища. Въ сквернословіи Михаленко состязался съ Лидинымъ-Байдаровымъ, уступая опереточному тенору въ изумительной способности изобрѣтать и комбинировать самыя невѣроятныя гнусности, но превосходя его злой и мѣткой язвительностью. Живая память сохранила ему неиссякаемый запасъ мерзостей закулисной жизни: любовныхъ связей, скандаловъ, дракъ, неудачъ и преступленій. Ссорясь съ сосѣдями, онъ умѣлъ извлекать изъ ихъ театральнаго прошлаго наиболѣе постыдныя, наиболѣе чувствительныя страницы и такъ разрисовывалъ ихъ своимъ циничнымъ юморомъ

что за нимъ всегда оставалось послѣднее слово. Одинъ глазъ у него былъ вставной,—тусклый, маленькій и слезливый, за то здоровый огромнымъ голубымъ шаромъ вылѣзалъ изъ своей орбиты и всегда носилъ разгнѣванное выраженіе.

Жизнь въ убѣжищѣ текла однообразно и скучно. Просыпались актеры очень рано, зимою задолго до свѣта и тотчасъ же, въ ожиданіи чая, еще не умывшись, принимались курить. Со сна всѣ чувствовали себя злыми и обезсилѣвшими и кашляли утреннимъ старческимъ давящимся кашлемъ. И такъ какъ въ этой убогой жизни неизмѣнно повторялись не только дни, но и слова и жесты, то всякій заранѣе ждалъ, что Михаленко, задыхаясь и откашливаясь, непремѣнно скажетъ старую остроту:

— Вотъ это настоящій акцизный кашель!..

А дѣдушка, знавшій когда-то иностранные языки и до сихъ поръ не упускавшій случая хвастнуть этимъ, прибавлялъ своимъ стонущимъ фальцетомъ:

— Bierhusten. Это у нѣмцевъ называется Bierhusten. Пивной кашель...

Потомъ служившій при убѣжищѣ отставной николаевскій солдатъ Тихонъ приносилъ кипятокъ и неизмѣнныя сайки. Актеры заваривали чайники и уносили ихъ къ своимъ столикамъ. Пили чай очень долго и по многу, пили съ кряхтѣньемъ и вздохами, но молча. Послѣ чая разсказывали сны и толковали ихъ: видѣть лошадь означало ложь или сильный вѣтеръ, вши и грязь предвѣщали неожиданныя деньги, мертвецъ—дурную погоду. Сновидѣнія Лидина-Байдарова всегда заключали въ себѣ какую-нибудь сладострастную пакость. Затѣмъ шло на цѣлый день лежанье на грязныхъ всклоченныхъ постеляхъ съ неприбранными, засаленными одѣялами. Отъ скуки и бездѣлья курили страшно много. Иногда посылали Тихона за газетой, но читали ее только двое: Михаленко, ревниво слѣдившій до сихъ поръ за именами бывшихъ товарищей по сценѣ, и Стаканычъ, котораго больше всего интересовали описанія грабежей, столкновеній поѣздовъ и военныхъ парадовъ. Дѣдушка плохо видѣлъ и потому просилъ изрѣдка почитать себѣ вслухъ. Но изъ этого мало выходило толку: беззубый суфлеръ шепелявилъ, брызгалъ слюной, и у него нельзя было разобрать ни слова, а Михаленко, читая, придѣлывалъ къ каждой фразѣ такія непристойныя окончанія, что дѣдушка въ концѣ концовъ махалъ рукою и говорилъ сердито:

— Ну, пошелъ врать, дуракъ. Эка мелетъ, мелево!.. Уходи, не хочу слушать.

Разговаривали рѣдко, но подолгу, и всегда кончали ссорой и уличали другъ друга въ лганьѣ. Въ большомъ

ходу были анекдоты, при чемъ у каждаго обозначалась своя область... Стаканычъ, который происходилъ изъ духовнаго званія, умѣлъ разсказывать про семинаристовъ, поповъ и архіереевъ; Михаленко былъ неистощимъ въ закулисныхъ исторіяхъ и помнилъ наизусть безчисленное множество неприличныхъ стихотворныхъ эпиграммъ, приписываемыхъ Ленскому, Милославскому, Каратыгину и другимъ актерамъ; Байдаровъ говорилъ противоестественныя и совершенно нелѣпыя гадости о женщинахъ. Впрочемъ, на послѣднюю тему всѣ они, не исключая набожнаго Стаканыча и не встававшаго съ постели дѣдушки, любили поговорить, и ихъ собственное безсиліе, ихъ физическая и душевная немощь, придавали этимъ разговорамъ уродливый и страшный характеръ. Ни разу, хотя бы случайно, ни одинъ изъ нихъ не помянулъ приличнымъ словомъ женщину, какъ мать, жену или сестру; женщина была въ ихъ представленіи исключительно самкой,—красивымъ, лукавымъ и безобразно-похотливымъ животнымъ.

Иногда актеры вспоминали и свои собственныя театральныя приключенія. Михаленко называлъ это „кислыми разсказами изъ прежней жизни". И, сами не замѣчая, они передавали одинъ и тотъ же эпизодъ по нѣскольку разъ, въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одинаковыми жестами и интонаціями; даже цѣплялись у нихъ анекдоты и кислые разсказы одинъ за другой все въ томъ же порядкѣ, по однимъ и тѣмъ же ассоціаціямъ мыслей. Отъ этого часто случалось, что, проговоривъ часъ или два подъ рядъ, актеры вдругъ ощущали, вмѣстѣ съ усталостью и скукой, чувство нестерпимаго отвращенія къ самимъ себѣ и къ своимъ сожителямъ.

Для нихъ не было ничего святого. Всѣ они, не переставая, богохульствовали, и даже полумертвый дѣдушка любилъ разсказывать очень длинный и запутанный анекдотъ, гдѣ Авраамъ и три странника у дуба Мамврійскаго играли въ карты и совершали разныя неприличныя вещи. Но по ночамъ, во время тоскливой старческой безсонницы, когда такъ назойливо лѣзли въ голову мысли о безтолково прожженной жизни, о собственномъ немощномъ одиночествѣ, о близкой смерти,—актеры горячо и трусливо вѣровали въ Бога и въ ангеловъ-хранителей, и въ святыхъ чудотворцевъ и крестились тайкомъ подъ одѣяломъ, и шептали дикія импровизированныя молитвы. Утромъ, вмѣстѣ съ ночными страхами, проходила и вѣра. Одинъ только Стаканычъ былъ сдержаннѣе и послѣдовательнѣе другихъ. Онъ даже пробовалъ кое-когда, вставши съ постели, торопливо, украдкой, креститься на образъ, но каждый разъ ему мѣшалъ Михаленко, который, стоя за нимъ, шутовски кланялся, размахивалъ правой рукой, какъ будто въ ней было кадило, и хриплымъ дьячковскимъ басомъ вытягивалъ:

— Паки и паки, съѣли попа собаки, если бы не дьячки, разорвали бы въ клочки...

Въ два часа актеры обѣдали и за обѣдомъ неизмѣнно ругали непечатной бранью основателя убѣжища купца первой гильдіи Овсянникова. Прислуживалъ имъ все тотъ же солдатъ Тихонъ; его огорчало, что господа говорятъ за столомъ гадости, и иногда онъ пробовалъ остановить Михаленка, который былъ на языкъ невоздержаннѣе прочихъ:

— Не выражались бы вы, господинъ Михаленко. Кажется, образованный человѣкъ, а такія послѣднія слова за хлѣбомъ солью... Совсѣмъ даже некрасиво.

Послѣ обѣда актеры спали тяжелымъ, нездоровымъ сномъ, съ храпѣньемъ и стонами, спали очень долго, часа по четыре, и просыпались только къ вечернему чаю, съ налитыми кровью глазами, со скверным вкусомъ во рту, съ шумомъ въ ушахъ и съ вялымъ тѣломъ. Во время сна они отлеживали себѣ руки, ноги и даже головы и, вставши съ кроватей, шатались, какъ пьяные, и долго не могли сообразить, утро теперь или вечеръ. Послѣ чая опять лежали, курили и разсказывали анекдоты. Часто играли въ карты,— въ пикетъ и въ шестьдесятъ шесть,—и непремѣнно на деньги, а проигрышъ приписывали къ старымъ карточнымъ долгамъ, которые иногда достигали десятковъ тысячъ рублей. Удивительнѣе всего было то, что всѣ они не переставали вѣрить въ свое будущее: пройдетъ сама собою болѣзнь, подвернется ангажементъ, найдутся старые товарищи, и опять начнется веселая, пріятная актерская жизнь. Поэтому то они и хранили, какъ святыню, въ глубинѣ своихъ спальныхъ шкафчиковъ старыя афиши и газетныя вырѣзки, на которыхъ стояли ихъ имена.

Въ 8 часовъ подавали ужинъ, состоявшій изъ разогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда. Тотчасъ же послѣ ужина актеры раздѣвались и укладывались спать. Но засыпали не скоро. Долго всѣ пятеро ворочались на своихъ кроватяхъ, и это было самое мучительное время сутокъ. Сильнѣе давали о себѣ знать старыя, запущенныя болѣзни, нельзя было отогнать печальныя и ядовитыя мысли о прошломъ, оскорбительнѣе чувствовалось убожество настоящей жизни. Но страшнѣе всего было думать о томъ, что, быть можетъ, одинъ изъ сосѣдей тихо, незамѣтно ни для кого, уже умеръ среди этой ночи и будетъ лежать до самаго утра молчаливый, таинственный, ужасный. И актеры по нѣскольку разъ въ ночь окликали другъ друга, спрашивая дрожащими и кроткими голосами, который часъ, или прося одолжить спичку. И долго, долго, до ранняго свѣта, слышились въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ трескомъ разсыхающагося

паркета, старческіе вздохи, глухое покашливанье и торопливый шопотъ...

И такъ тянулось изо дня въ день сѣрое, мелочное существованіе этихъ людей, когда-то такъ жадно объѣдавшихся жизнью. Пріятно разнообразилось оно хожденіемъ въ городъ, но это удовольствіе было сравнительно очень рѣдкимъ, потому что деньги почти никогда не водились въ убѣжищѣ, а безъ денегъ не стоило и выходить за ворота. Безъ денегъ нельзя было ни купить табаку, ни прокатиться на извозчикѣ, ни зайти къ дешевой раскрашенной проституткѣ, ни посидѣть часокъ-другой въ излюбленномъ ресторанѣ, который болѣе всего притягиваетъ къ себѣ бродяжническіе вкусы старыхъ актеровъ.

II.

14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія, въ убѣжищѣ остались только двое жильцовъ: суфлеръ Стаканычъ и дѣдушка. Остальные ушли съ утра въ городъ. Михаленко принималъ участіе въ какомъ-то утреннемъ спектаклѣ (онъ время отъ времени добивался для себя такихъ приглашеній отъ бывшихъ товарищей по сценѣ). Поэтому онъ еще за два дня началъ низко и безъ всякой мѣры льстить Лидину-Байдарову, превознося его замѣчательный голосъ и поразительные успѣхи у женщинъ, и, въ концѣ концовъ, выпросилъ у опереточнаго премьера бумажный воротничекъ и манжеты, бывшіе всего разъ въ употребленіи, а также красный, заношенный до лоска галстухъ. Самъ Байдаровъ по большимъ праздникамъ ходилъ обѣдать въ знакомое купеческое семейство, гдѣ его снабжали кое-какимъ застираннымъ и перештопаннымъ бѣльишкомъ, папиросами, мелкими деньгами и кирпичнымъ чаемъ. Впрочемъ, эти унизительныя подробности своихъ праздничныхъ визитовъ онъ скрывалъ отъ товарищей, отчасти изъ боязни насмѣшекъ, а отчасти изъ скупости, такъ какъ онъ очень не любилъ, если у него просили взаймы. Что касается Славянова-Райскаго, то онъ наканунѣ получилъ субсидію изъ театральнаго фонда и теперь отправился въ городъ съ единственной цѣлью—провести весь день въ излюбленномъ трактирчикѣ, носившемъ библейское названіе „Капернаумъ“, и вернуться въ убѣжище совершенно пьянымъ.

Дѣдушка лежалъ, сложивъ на животѣ и сцѣпивъ одну съ другой большія исхудалыя руки съ коричневой кожей и рѣзко выступающими наружу костяшками. Весь бѣлый, съ бѣлыми волосами, неподвижный и благообразный, онъ те-

перь, болѣе чѣмъ когда-либо, походилъ на святого старца, готовящагося къ праведной кончинѣ. Его блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе глаза были упорно устремлены въ широкое венеціанское окно, гдѣ на густой осенней синевѣ неба медленно раскачивалась, вся озаренная солнцемъ, золотая круглая верхушка липы. Даже здѣсь, въ душной, пропитанной тяжелымъ запахомъ, комнатѣ, чувствовалось, что тамъ, за окномъ, стоитъ добрый и холодный осенній день, сіяетъ яркое, но негрѣющее солнце, и тянетъ крѣпкимъ ароматомъ увядающаго листа.

Стаканычъ, сидя на кровати по турецки, раскладывалъ на одѣялѣ старыми, почернѣвшими и распухшими отъ времени картами одинъ изъ самыхъ длинныхъ своихъ пасьянсовъ,—„двѣнадцать старыхъ дѣвъ", который онъ, изъ уваженія къ его сложности и числовому наименованію, раскладывалъ только по двунадесятымъ праздникамъ. Видъ у Стаканыча былъ сосредоточенный. Онъ то подымалъ вверхъ брови, морща дряблую кожу на лбу въ длинныя, волнообразныя складки, то опускалъ ихъ внизъ и сдвигалъ вмѣстѣ, отчего надъ переносьемъ появлялась короткая, прямая, озабоченная морщинка. Когда же онъ муслилъ во рту палецъ, чтобы взять съ колоды карту, отъ которой пахло стекольной замазкой, и, медля класть ее, задумчиво пробѣгалъ прищуренными глазами пасьянсъ, то его губы круглились, какъ будто онъ собирался свистать.

— Иванъ Степанычъ, поди-ка, братецъ, ко мнѣ,—позвалъ вдругъ дѣдушка своимъ тонкимъ старческимъ голосомъ.

— А? Ты меня, что-ли, дѣдушка?—обернулся суфлеръ.

— Поди, говорю, на минуточку. Поговорить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣдушка, дай только рядъ докончу. Ну, вотъ, и вся-недолга́.

Стаканычъ перешелъ на кровать дѣдушки и усѣлся у него въ ногахъ. Старикъ опять посмотрѣлъ въ окно на густое, синее, спокойное небо, потомъ пошевелилъ сложенными на животѣ пальцами и широко вздохнулъ.

— Ну, что, дѣдушка, скажешь?—осторожно спросилъ Стаканычъ, слегка похлопывая старика по большой ступнѣ, которая горбомъ выпячивалась подъ одѣяломъ.

— Вотъ что, Стаканычъ... — дѣдушка перевелъ глаза на суфлера, но глядѣлъ на него такъ равнодушно, какъ будто бы разглядывалъ что-то сквозь него.—Вотъ, какую я тебѣ исторію скажу. Видѣлъ я сегодня во снѣ Машутку, свою внучку... Есть, братъ, у меня такая внучка въ Ростовѣ на Дону, Марьей ее зовутъ. Она портниха...

— Портниха? — озабоченно спросилъ Стаканычъ.—Портнихъ видѣть—не знаю, что значитъ. А вотъ иголку съ нит-

кой, или вообще шить что-нибудь,—это непремѣнно къ дорогѣ...

— Къ дорогѣ, такъ къ дорогѣ. Оно такъ, пожалуй, и выходитъ, что къ дальней дорогѣ... Но очень бы мнѣ хотѣлось ее еще разъ повидать передъ тѣмъ, какъ закончу земныя гастроли.

— Что кончу?—переспросилъ Стаканычъ, приставивъ ладонь рупоромъ къ уху.

— Аберъ глупости... ничего. (У дѣдушки было любимое словцо áберъ, которое онъ безъ нужды совалъ въ свою рѣчь). Потомъ глядѣлъ я все на небо. Осень теперь, Стаканычъ, и воздухъ на дворѣ, какъ вино... Прежде, бывало, въ такіе ядреные дни все куда-то тянуло... на мѣстѣ не усидишь... Бывало, нюхаешь, нюхаешь воздухъ, да ни съ того ни съ сего и закатишь изъ Ярославля въ Одессу.

— Изъ Вологды въ Керчь,—подсказалъ Стаканычъ, вспомнивъ, по суфлерской привычкѣ, слова изъ старой пьесы.

— Чушь!—съ усиліемъ поморщился дѣдушка.—Аберъ... я думалъ, что прошло ужъ это у меня. Но, какъ сегодня съ утра поглядѣлъ туда,—дѣдушка медленно перевелъ глаза на окно,—такъ и сталъ собираться. Выражаясь высокимъ штилемъ, вижу, что мое земное турнэ окончено. Но... все равно.

— Что за мысли, дѣдушка!—разсудительнымъ баскомъ перебилъ Стаканычъ и развелъ руки съ растопыренными пальцами.—Просто напустилъ ты на себя мехлюзію. Еще на наши могилки пескомъ посыпешь.

— Нѣ-ѣтъ братъ... Вижу, что довольно. Поигралъ пятакомъ да и за щеку, какъ говорили у насъ въ Орлѣ уличные мальчишки. Аберъ, ты постой, Стаканычъ, не егози,—остановилъ онъ рукой суфлера.—Мнѣ, братъ, это все равно...

— И не боишься, дѣдушка?—спросилъ вдругъ неожиданно для самого себя съ жаднымъ любопытствомъ Стаканычъ.

— Ни чуточки. Наплевать!.. Гнусно мы съ тобой, братецъ, нашу жизнь прошлепали. Это, вотъ, плохо... А бояться—чего же? „Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ—умирать“. Ты не думай, Стаканычъ, и тебѣ не долго ждать своей очереди.

Дѣдушка говорилъ эти страшныя слова со своими обычными передышками, такимъ слабымъ и безучастнымъ голосомъ, съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ усталыхъ, запавшихъ глазъ, что, казалось, будто внутри его говорила старая, испорченная машина.

— Такъ-то, вотъ, Стаканычъ. Рожденіе человѣка—случайность, а смерть—законъ. Но ты былъ всетаки добрый малый и самый замѣчательный изъ суфлеровъ, какихъ я

только встрѣчалъ въ своей большой и дурацкой жизни. Знакомы мы съ тобой безъ малаго лѣтъ сто, и никогда ты не былъ противъ меня жуликомъ. Поэтому я хочу тебѣ сдѣлать презентъ. Возьми, братъ, себѣ на память портсигаръ... вотъ онъ, на столикѣ... бери, бери, не стѣсняйся... Портсигаръ хорошій, черепаховый... теперь такихъ больше не дѣлаютъ. Антикъ. Была на немъ даже золотая монограмма, аберъ украли гдѣ-то, а то, можетъ быть, я и самъ ее потерялъ, или того... какъ его... продалъ. Возьми, Стаканычъ.

— Спасибо, дѣдушка... Только напрасно ты все это.

— Ну, ну, ну, чего тамъ!.. Въ немъ еще лежитъ мундштукъ пѣнковый. И мундштукъ возьми. Хорошій мундштукъ, обкуренный...

Стаканычъ вынулъ мундштукъ, повертѣлъ его и вздохнулъ.

— Спасибо, дѣдушка. Штучка великолѣпная. А у меня, вотъ, былъ тесть брандмейстеръ, знаешь, стараго закала человѣкъ, изъ кантонистовъ. Такъ онъ давалъ пѣнки обкуривать своимъ пожарнымъ. Совсѣмъ черныя дѣлались. Ему потомъ любители по триста рублей предлагали.

— Очень просто, — равнодушно согласился дѣдушка. — Такъ бери, Стаканычъ, и мундштукъ. Всетаки когда-никогда вспомнишь товарища. А, вотъ, только о чемъ я тебя попрошу. Тутъ останется послѣ меня разная хурда-мурда... одѣялишко, подушки, и изъ платья кое-что... Конечно, рухлядь, аберъ на худой конецъ все рублей пятнадцать дадутъ.

— Да,—выжидательно произнесъ суфлеръ.

— Жду я, видишь, не пріѣдетъ ли внучка. Писала она мнѣ письмо. Такъ отдашь ей. Путь не близкій, большихъ денегъ стоитъ.

Оба помолчали. Дѣдушка поигралъ пальцами по одѣялу и протянулъ суфлеру руку.

— Ну, а теперь того... прощай, Стаканычъ. Полежу, подумаю...

— Священника бы? — нерѣшительно предложилъ Стаканычъ.

— Аберъ... оставь. Былъ у насъ въ Крыжополѣ парикмахеръ Теофиль... изъ хохловъ. Такъ онъ все говорилъ: обойдется цыганское веселье безъ марцыпановъ. Чудакъ былъ человѣкъ. Смѣшно мнѣ всегда это бывало, Стаканычъ, что какъ ни парикмахеръ, такъ самый строгій театральный критикъ... Эхъ, Стаканычъ, помнишь Тамбовъ? конскія ярмарки? Смольскую? гусаровъ? Много, братъ, мы съ тобой пережили, аберъ все въ пустую, и все это мнѣ теперь кажется, точно старая-престарая повѣсть... Ну, иди, иди, братъ.

Стаканычъ пожалъ его холодную, негнущуюся большую

руку и, вернувшись на свою кровать, сѣлъ за прерванный пасьянсъ. И до самаго обѣда оба старика не произнесли больше ни слова, и въ комнатѣ стояла такая, по осеннему, ясная, задумчивая и грустная тишина, что обманутыя ею мыши, которыхъ пропасть водилось въ старомъ домѣ, много разъ пугливо и нагло выбѣгали изъ своего подполья на середину комнаты и, блестя черными глазенками, суетливо подбирали разсыпанныя вокругъ стола хлѣбныя крошки.

III.

Передъ обѣдомъ пришли столкнувшіеся на подъѣздѣ Михаленко и Лидинъ-Байдаровъ. У опереточнаго премьера торчалъ подъ мышкой красный платочекъ, въ который были завязаны какіе-то припасы. Михаленко же вернулся въ убѣжище злой и усталый. Ему не заплатили обѣщанной за спектакль платы, а такъ какъ свои деньги онъ оставилъ въ театральномъ буфетѣ, то ему и пришлось возвращаться черезъ весь городъ пѣшкомъ. Войдя въ залу, онъ съ силою швырнулъ свою шляпу-котелокъ о полъ, цинично и длинно выругался и повалился на кровать. Онъ задыхался; его жирное лицо было блѣдно, единственный глазъ выкатился наружу съ выраженіемъ ненависти, а отвисшія внизъ щеки блестѣли отъ пота. Безпредметная злоба, сдавливавшая ему горло и разливавшаяся горечью во рту, искала какого-нибудь выхода. Онъ увидѣлъ на шкафчикѣ у Лидина-Байдарова свою мѣдную машинку для папиросъ и тотчасъ же придрался къ этому.

— Послушай, ты, старый павіанъ, надо раньше спрашиваться, когда берешь чужую собственность. Подай сюда машинку,—сказалъ Михаленко.

— Какую тамъ еще машинку?—надменно и въ носъ спросилъ Лидинъ-Байдаровъ.—Вотъ тебѣ твоя машинка, подавись!

— Прошу не швыряться чужими вещами, которыя вы украли!—закричалъ Михаленко страшнымъ голосомъ и быстро сѣлъ на кровати. Глазъ его еще больше вылѣзъ изъ орбиты, а дряблыя щеки запрыгали.—Вы мерзавецъ! Я знаю васъ, вамъ не въ первый разъ присваивать чужое. Вы въ Перми свели изъ гостиницы чужую собаку и сидѣли за это въ тюрьмѣ. Арестантъ вы!

Отъ злости, болѣзни и усталости у него не хватало въ груди воздуха, и концы фразъ онъ выдавливалъ изъ груди хрипящимъ и кашляющимъ шопотомъ.

Байдаровъ обидѣлся. Обычная спѣсивая манера поки-

нула его, и онъ визгливо закричалъ, брызгая отъ торопливости слюнями:

— А я васъ попрошу, господинъ Михаленко, немедленно возвратить мнѣ взятыя у меня манжеты и галстухъ. И десять штукъ папиросъ, которыя вы мнѣ должны. Х-ха! нечего сказать, хорошъ драматическій актеръ: никогда своего табаку не имѣетъ. Потерянная личность!..

— Молчите, старый дуракъ. Я вамъ разможжу голову первымъ попавшимся предметомъ!—захрипѣлъ Михаленко, хватаясь за спинку стула и тряся имъ.—Я могу быть страшенъ, чортъ возьми!..

— Ак-теръ!—язвилъ тономъ театральнаго презрѣнія Лидинъ-Байдаровъ.—Вы на ярмаркахъ карликовъ представляли!

— А вы—воръ! Вы въ Иркутскѣ свиснули изъ уборной у Вилламова серебряный вѣнокъ и потомъ поднесли его сами себѣ въ бенефисъ. Низкій, слюнявый субъектъ!

Они ругались долго и ожесточенно, ругались до тѣхъ поръ, пока самыя безобразныя слова не потеряли своего смысла и перестали быть обидными. И самое нелѣпое въ этой руготнѣ было то, что они съ обычнаго актерскаго „ты“ перешли для большей язвительности на „вы“, и это вѣжливое мѣстоимѣніе смѣшно и дико звучало рядомъ съ бранными выраженіями кабаковъ и площадей. Потомъ, уставши, они стали браниться лѣнивѣе, съ большими перерывами, подобно тому, какъ ворчатъ, постепенно затихая, но всетаки огрызаясь время отъ времени, окончившія драку собаки. Но изъ Михаленки не успѣло еще выкипѣть безсильное, старческое раздраженіе. Когда принесли обѣдъ, онъ сначала привязался къ Стаканычу за то, что тотъ взялъ стулъ, которой Михаленко считалъ почему-то принадлежащимъ ему, а затѣмъ напалъ на Тихона, разставлявшаго посуду.

— Ты, гарнизонная крыса, не мажь пальцами по тарелкѣ. Ты думаешь пріятно ѣсть послѣ твоихъ поганыхъ рукъ.

— Да развѣ я... Ахъ, Господи!—обидѣлся Тихонъ.—Откуда же у меня руки будутъ поганыя, когда я мылъ ихъ передъ обѣдомъ съ мыломъ?

— Знаю я тебя, кислая шерсть,—продолжалъ ворчать Михаленко.—Тоже, подумаешь — севастополецъ. Герой съ дырой. Севастополь то вы свой за картошку продали... герои...

Тихонъ всегда довольно терпѣливо сносилъ крупную соль актерскихъ остротъ, но онъ никогда не прощалъ Михаленку Севастополя и легендарной картошки. И теперь, побагровѣвъ отъ негодованія, съ дрожащими руками, онъ закричалъ плачущимъ и угрожающимъ голосомъ:

— А вы вотъ что, господинъ Михаленко. Если вы про Севастополь еще одно слово, я завтра же пойду къ смотрителю. Такъ и скажу, что житья мнѣ отъ васъ нѣтъ. Только пьянствуете и ругаетесь. Небось, какъ изъ богадѣльни васъ попросятъ, куда вы сунетесь? Одно остается: руку горсточкой протягивать.

Передъ обѣдомъ Стаканычъ готовилъ себѣ салатъ изъ свеклы, огурцовъ и прованскаго масла. Всѣ эти припасы принесъ ему Тихонъ, дружившій со старымъ суфлеромъ. Лидинъ-Байдаровъ жадно слѣдилъ за стряпней Стаканыча и разговаривалъ о томъ, какой онъ замѣчательный салатъ изобрѣлъ въ Екатеринбургѣ.

— Стоялъ я тогда въ Европейской,—говорилъ онъ, не отрывая глазъ отъ рукъ суфлера.—Поваръ, понимаешь, французъ, шесть тысячъ жалованья въ годъ. Тамъ вѣдь на Уралѣ, когда наѣдутъ золотопромышленники, такіе кутежи идутъ... милліонами пахнетъ!..

— Все вы врете, актеръ Байдаровъ,—вставилъ, прожевывая говядину, Михаленко.

— Убирайтесь къ чорту. Можете спросить кого угодно въ Екатеринбургѣ, вамъ всякій подтвердитъ... Вотъ я этого француза и научилъ. Потомъ весь городъ нарочно ѣздилъ въ гостиницу пробовать. Такъ и въ меню стояло: сосъ а ла Лидинъ-Байдаровъ. Понимаешь: положить груздочковъ солененькихъ, нарѣзать тоненько крымское яблоко и одинъ помидорчикъ и накрошить туда головку лука, картофелю вареннаго, свеклы и огурчиковъ. Потомъ все это, понимаешь, смѣшать, посолить, поперчить и полить уксусомъ съ прованскимъ масломъ, а сверху чуть-чуть посыпать мелкимъ сахаромъ. И къ этому еще подается въ соусникѣ растопленное малороссійское сало, знаешь, чтобы въ немъ шкварки плавали и шипѣли... Уд-дивительная вещь!—прошепталъ Байдаровъ, даже зажмурясь отъ удовольствія.—А ну-ка, Стаканычъ, дай-ка попробовать, что ты тамъ накулинарилъ?..

Дѣдушка отказался отъ обѣда. Садясь за столъ, Михаленко и его задѣлъ ядовитымъ словомъ:

— Что, дѣдушка, помирать собрался? Пора бы ужъ, старикъ, пора; землей пахнешь. Тебѣ, чай, на томъ свѣтѣ давно провіантъ отпускаютъ.

Дѣдушка спокойно, безъ всякаго выраженія скользнулъ взглядомъ по Михаленку, точно поглядѣлъ мимоходомъ на неодушевленный предметъ.

— Противный ты человѣкъ, Михаленко,—сказалъ онъ равнодушно.

Когда актеры кончили обѣдать, и Тихонъ принялся уби-

рать со стола, дѣдушка поманилъ его къ себѣ рукой и спросилъ:

— А что, Тихонъ, обо мнѣ никто тамъ не справлялся?

— Гдѣ-съ, Николай Николаевичъ?—изумился Тихонъ.

— Говорю, не приходили-ли ко мнѣ?.. Дама одна...

— Никакъ нѣтъ, никто не приходилъ.—Тихонъ отъ удивленія даже развелъ руками, нагруженными посудой.

— Аберъ... ты вотъ что, Тихонъ... Если я засну, или что, а тамъ придутъ ко мнѣ, такъ ты меня того... разбуди. Барыня одна придетъ... внучка моя... Такъ ты разбуди...

Дѣдушка слабо махнулъ рукой и отвернулся отъ Тихона. И до глубокой ночи онъ лежалъ молча, еле замѣтно двигая пальцами по одѣялу и пристально, со строгой важностью глядя то въ противоположную стѣну, то въ широкое венеціанское окно, за которымъ тихо и ярко горѣла вечерняя заря.

А Михаленко съ Лидинымъ-Байдаровымъ послѣ обѣда, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли играть въ шестьдесятьшесть. Но Михаленку не везло и въ картахъ. Онъ проигралъ два съ полтиной, что вмѣстѣ со старымъ долгомъ составило круглую сумму въ двѣ тысячи рублей. Это разсердило Михаленку. Онъ сталъ провѣрять записи партнера и кончилъ тѣмъ, что уличилъ его въ нечестной игрѣ. Актеры опять сцѣпились и въ продолженіи двухъ часовъ выдумывали другъ о другѣ самыя грязныя и неправдоподобныя исторіи.

IV.

Славяновъ-Райскій съ утра не покидалъ Капернаума. Стоя у прилавка, онъ держалъ рюмку двумя пальцами, оттопыривъ мизинецъ, и жирнымъ актерскимъ баритономъ, благосклонно и вѣско, бесѣдовалъ съ хозяиномъ о томъ, какъ идутъ дѣла ресторана и о старыхъ актерахъ, посѣщавшихъ въ былыя времена изъ года въ годъ Капернаумъ. Ресторанный воздухъ точно воскресилъ въ немъ ту наигранную, преувеличенную и манерную любезность, которой отличаются актеры внѣ кулисъ, на глазахъ публики. Случалось, что кто-нибудь тянулся черезъ него къ стойкѣ. Тогда онъ учтиво и предупредительно отодвигался въ бокъ, дѣлалъ свободной отъ рюмки рукой плавный, приглашающій жестъ и произносилъ великолѣпнымъ тономъ театральнаго стараго барина:

— Тысячу извиненій... Пра-ашу васъ.

Уставъ стоять, онъ сѣлъ за ближайшій къ прилавку столикъ, облюбованный, по старой привычкѣ, завсегдатаями Капернаума, и спросилъ газету. Ресторанъ быстро наполнялся,

Сюда обыкновенно ходили, привлекаемые дешевизной и уютностью, студенты, мелкіе чиновники и приказчики. Скоро не осталось ни одного свободнаго мѣста. Два запоздавшіе посѣтителя,—одинъ постарше—хохластый, съ крючковатымъ носомъ, похожій на степеннаго попугая, а другой маленькій, подвижный, съ длинными масляными волосами и въ pince-nez,—не находили гдѣ присѣсть и, смѣясь, озирались по сторонамъ. Райскій перехватилъ взглядъ длинноволосаго. Слегка приподнявшись, онъ произнесъ съ напыщенной вѣжливостью:

— Если васъ только не стѣснитъ... э-э... я позволю себѣ предложить вамъ мѣсто за своимъ столомъ...

Посѣтители разсыпались въ благодарностяхъ и пошли къ буфету пить водку. Оба они считались въ ресторанѣ почетными гостями, „дававшими хорошо торговать". Они поздоровались съ хозяиномъ за руку и заговорили съ нимъ вполголоса. Славяновъ-Райскій понялъ, что рѣчь шла о немъ. Притворяясь углубленнымъ въ „Новое Время", онъ ловилъ привычнымъ ухомъ отрывки фразъ, которыя шопотомъ говорилъ хозяинъ, наклоняясь черезъ стойку.

— Ну да, тотъ самый... Помилуйте, пятьсотъ за выходъ, это въ тѣ-то времена! Талантище зам-мѣчательный... Только двое: онъ, да Ивановъ Козельскій... Что? Ну, конечно, если бы не пилъ...

Гости, дававшіе торговать, были польщены. Прежде, чѣмъ сѣсть, тотъ, что былъ похожъ на попугая, сморщилъ лицо въ заискивающую улыбку и, кланяясь и потирая руки, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ... хе, хе, хе... нельзя ли ужъ намъ всѣмъ познакомиться... знаете ли, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Позвольте представиться...

Онъ оказался оцѣнщикомъ земельнаго банка, а его товарищъ воскреснымъ фельетонистомъ мѣстнаго листка. Фельетонистъ встряхивалъ масляными волосами и бормоталъ:

— Мы оба съ вами представители искусства... Ваше громкое имя... Печать и сцена, какъ два полюса, всегда должны идти рука объ руку...

Славяновъ-Райскій, падкій на ресторанныя знакомства, пожималъ имъ руки, привѣтливо кивалъ головой и улыбался широкой, дѣланной, актерской улыбкой, обнаруживавшей беззубый ротъ.

— Очень пріятно встрѣтиться... Въ теперешнее время забываютъ насъ, старыхъ артистовъ, и тѣмъ болѣе отрадно... Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, отъ завтрака я откажусь... Но если вы ужъ такъ настаиваете, то развѣ одну только м-маленькую рюмочку водки... за компанію. Только уговоръ: разсчетъ по американски, каждый за себя... Merçi, ваше здо-

ровье. Пожалуйста не безпокойтесь, мнѣ отлично сидѣть. Благодарю васъ, коллега, благодарю,—говорилъ онъ покровительственнымъ баскомъ, пожимая съ фамильярной лаской руку фельетониста выше локтя.

Славяновъ и вправду не хотѣлъ ѣсть, потому что, какъ застарѣлый алкоголикъ, давно страдалъ отсутствіемъ аппетита. Водку же и пиво онъ пилъ благосклонно, но опьянѣлъ отъ четырехъ рюмокъ и сталъ врать. Поклонники ѣли порціонный завтракъ, а онъ критиковалъ кушанья и объяснялъ подробно, какъ выкармливаютъ въ Тамбовѣ поросятъ, какъ отпаиваютъ телятъ въ Суздалѣ, и какую уху онъ ѣлъ у рыбаковъ на Волгѣ. Потомъ онъ разсказывалъ о баснословныхъ кутежахъ, которые въ его честь задавалъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ директоръ банка, угодившій впослѣдствіи подъ судъ, и о торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ ему въ Москвѣ печатью. При этомъ онъ безъ затрудненія сыпалъ фамиліями, выхватывая ихъ изъ старыхъ пьесъ или просто сочиняя, и всѣхъ называлъ уменьшительными именами: „Сашка Путята... сверхъестественный мужчина... двадцать четыре тысячи въ годъ, не считая суточныхъ!.. И съ нимъ вмѣстѣ Измаилка Александровскій... Измаилушка! Вотъ это были люди! Измаилъ на вытянутой рукѣ подымалъ восемнадцать пудовъ... Пойми ты, огарокъ, вос-сем-надцать пудовъ“!—Онъ уже обращался къ своимъ новымъ знакомымъ на ты и, забывъ американскій разсчетъ, безцеремонно распоряжался за столомъ.

Затѣмъ онъ началъ читать монологи пьянымъ, хриплымъ голосомъ, съ воплями, завываніями и неожиданной икотой въ драматическихъ мѣстахъ. Иногда онъ забывалъ слова и, съ трудомъ вспоминая ихъ, дѣлалъ видъ, что длинной паузой усиливаетъ смыслъ фразы; тогда онъ молча и безсильно раскачивался на стулѣ съ рукой, застывшей въ трагическомъ жестѣ и со страшными, вращающимися глазами. Но такъ какъ оба его сосѣда начинали чувствовать себя неловко, а многіе посѣтители, оставивъ свои мѣста, собирались вокругъ почетнаго столика, то самъ хозяинъ подошелъ къ пьяному актеру и сталъ его уговаривать.

— Меркурій Иванычъ, не разоряйтесь, пожалуйста. Знаете ли, безобразно... и другіе гости обижаются. Ну развѣ нельзя честь-честью? Тихо, мирно, благородно...

— Уйди отъ меня, буржуй!—закричалъ Славяновъ, отмахиваясь отъ хозяина локтемъ и мѣряя его грознымъ взглядомъ.—Съ кѣмъ говоришь!..

И онъ принялся скандалить, какъ скандалилъ послѣ выпивки всю свою жизнь, во всѣхъ городахъ и во всѣхъ ресторанахъ. Сначала онъ обозвалъ скверными словами хозяина, по-

томъ своихъ собесѣдниковъ, пытавшихся его образумить, и наконецъ, обрушился на всю глазѣвшую на него публику.

— Всѣ вы свиньи, ненавидимыя мной!—кричалъ онъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ и стуча кулаками по столу.— Ненавижу васъ и презираю! Публика!—есть ли на свѣтѣ слово низменнѣе этого? А-а! вы сбѣжались посмотрѣть на скандалъ? Ну, такъ вотъ вамъ, глядите.—Славяновъ съ размаху хлопнулъ себя ладонью по груди.—Вотъ передъ вами первый въ Россіи трагическій актеръ, который влачитъ нищенское существованіе. Любопытно? И всетаки, я презираю васъ, хамы, всѣми фибрами своей души! Вы, кажется, смѣетесь, молодой идіотъ въ розовомъ галстукѣ?—обратился онъ вдругъ къ кому-то за сосѣднимъ столикомъ.—Кто вы такой? Вы приказчикъ? камердинеръ? бильярдный шуллеръ? парикмахеръ? Ага! Улыбка уже исчезла съ вашего лошадинаго лица. Вы—букашка, вы въ жизни жалкій статистъ, и ваши полосатые панталоны переживутъ ваше ничтожное имя. Да, да, смотрите на меня, жвачныя животныя! Я былъ гордостью русской сцены, я оставилъ слѣдъ въ исторіи русскаго театра, и если я палъ, то въ этомъ трагедія, болваны! А вы,—Славяновъ обвелъ широкимъ пьянымъ жестомъ всѣхъ глазѣвшихъ на него встревоженныхъ людей,—вы мелочь, соръ инфузоріи!..

— Позвольте!.. это скандалъ!.. мы этого не потерпимъ!— раздались негодующія восклицанія.—Гдѣ хозяинъ? Выкинуть этого субъекта. Послать за полиціей!..

Трактирный слуга бережно взялъ Славянова подъ мышки и повлекъ къ выходу. Славяновъ не сопротивлялся, но и не переставалъ браниться. Когда же его просовывали въ двери, онъ разбилъ кулакомъ оконное стекло и окровянилъ себѣ руку. Оцѣнщикъ банка и фельетонистъ рѣшили вдругъ, что съ ихъ стороны будетъ постыдно бросить на произволъ судьбы пьянаго, больного старика. Съ большимъ трудомъ узнали они у перваго трагическаго актера его адресъ и, при помощи дворника, усадили его на пролетку. Но, отъѣхавъ два шага, Славяновъ вдругъ остановилъ извозчика.

— Послушайте, какъ васъ?—пьянымъ движеніемъ руки подозвалъ онъ къ себѣ оцѣнщика.—Это я съ вами, кажется, сидѣлъ? Дайте рубль.

— Ахъ, пожалуйста, — любезно заторопился бухгалтеръ, вынимая изъ кармана портмонэ.

— Давайте сюда... Отлично. Запишите этотъ день красными чернилами въ своемъ гросбухѣ. Сегодня вы подали милостыню артисту Славянову-Райскому. Чортъ васъ побери!..

И всю дорогу, до самаго убѣжища, онъ бранился скверными словами, раскачиваясь въ разныя стороны на пролеткѣ,

V.

Въ убѣжище онъ явился совершенно пьяный. Глаза у него остеклянѣли, нижняя челюсть отвисла, изъ-подъ сидѣвшей на затылкѣ шляпы спускались на лобъ мокрыми сосульками волосы. Войдя въ общую комнату, онъ скрестилъ руки, свѣсилъ низко на грудь голову и, глядя впередъ изъ-подъ грозно нахмуренныхъ бровей, такъ что вмѣсто глазъ виднѣлись одни только бѣлки, началъ неистовымъ голосомъ гамлетовскій монологъ:

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

— Н-да-а, хоро-ошъ!—сказалъ Стаканычъ, качая головой.

— Тихонъ!—взвизгнулъ фистулой Михаленко.—Уберите немедленно этого пьянаго господина.

Но Славяновъ продолжалъ декламировать, не обращая на него вниманія. И, не смотря на сильное опьянѣніе, не смотря на хрипоту и блеяніе въ голосѣ, онъ всетаки, по безсознательной привычкѣ, читалъ очень хорошо, въ старинной благородной и утрированной манерѣ:

И если бы Всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!

— Эй, суфлеръ, что же ты не подаешь? Заснулъ!—крикнулъ Славяновъ на Стаканыча, который смотрѣлъ на него, сидя на кровати и кривя ротъ въ довольную усмѣшку.

— Меркурь Иванычъ, вы же знаете, что я по Полевому не могу. Я по Кронебергу.

— Подавай, какъ тебѣ велятъ...

Жизнь! что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими безплодными травами!..
Едва лишь шесть недѣль прошло...

— Прошу васъ, пьяный актеръ Райскій, прекратить вашу дурацкую декламацію!—опять закричалъ Михаленко.—Вы не въ кабакѣ, гдѣ вы привыкли кривляться за рюмку водки и бутербродъ съ килькой.

— Молчи, червякъ!—бросилъ ему съ трагическимъ же-

стомъ Славяновъ.—Съ кѣмъ говоришь?.. Подумай, съ кѣмъ ты говоришь... Ты, считавшій за честь подать калоши артисту Славянову-Райскому, когда онъ уходилъ съ репетиціи, ты, актеръ, игравшій толпу и голоса за сценой! Рабъ! Неодушевленная вещь!..

— У! дуракъ пьяный!—выдавилъ изъ себя вмѣстѣ съ припадкомъ кашля Михаленко.

— А-а! Ты забылъ разницу между нами? Негодный!—это цѣлая бездна. Во мнѣ каждый вершокъ—великій артистъ, вы же всѣ—гниль и паразиты сцены.

— Однако, вы потише, господинъ Райскій,—гордымъ тономъ вмѣшался Лидинъ-Байдаровъ.—Если вы будете продолжать ваши пьяныя оскорбленія людей, которые васъ не трогаютъ, то вы можете сильно за это поплатиться, чортъ возьми!..

— Ты... ты... ты!..—захлебнулся Славяновъ отъ негодованія.—Какъ у тебя повернулся языкъ? Этотъ вотъ,—онъ величественно указалъ на Михаленка,—этотъ хоть ходилъ по сценѣ, подавая стаканы, но онъ всетаки актеръ...

— Эѳіопъ вы!—болѣе спокойнымъ тономъ огрызнулся Михаленко.

— А ты, кан-налья, ты вылѣзъ на сцену, не имѣя на это никакихъ правъ, кромѣ толстыхъ ляжекъ въ розовомъ трико Ты пѣлъ козломъ и дѣлалъ гнусныя тѣлодвиженія.—„О, сновидѣнье, о, наслажденье“,—передразнилъ Словяновъ, сдѣлавъ непристойный жестъ.—Ты попалъ въ храмъ искусства по недоразумѣнію, случайно, какъ могъ бы попасть въ распорядители кафе-шантана, или открыть публичный домъ. Ты—мѣдная голова, ты—безстыдникъ! Вотъ, именно, без-стыд-никъ! У тебя, какъ у мелкаго, гаденькаго и похотливого звѣрюшки, никогда не было стыда за свой жестъ, за свою мимику, не было стыда лица и тѣла. Тебѣ, съ твоей развязностью продажнаго мужчины, ничего не стоило бы голымъ выскочить предъ публику, если бы только на это далъ позволеніе околодочный надзиратель, котораго одного ты боялся и уважалъ во всю свою презрѣнную жизнь...

— Я не понимаю, что меня удерживаетъ отъ удовольствія вышвырнуть васъ въ окно!—воскликнулъ напыщенно Лидинъ-Байдаровъ.

— У-у, кретинъ! Вѣдь въ каждомъ звукѣ твоего голоса слышна глупость, въ каждомъ твоемъ движеніи видно разжиженіе мозга. Но у тебя никогда нельзя было разобрать, гдѣ у тебя кончается глупость и гдѣ начинается наглость. Даже отъ твоего теаратльнаго имени вѣетъ пошлостью и нахальствомъ. „Лидинъ-Байдаровъ“! Скажите, пожалуйста!..

А ты просто шкловскій мѣщанинъ Мовша Розентулъ, сынъ старьевщика и самъ въ душѣ ростовщикъ.

— Пропоица, скандалистъ, дутая знаменитость!

— Пропоица?—презрительнымъ басомъ и выпятивъ нижнюю губу протянулъ Славяновъ.—Соглашаюсь, былъ Славяновъ-Райскій пропоицей. Пилъ чрезмѣрно и много безобразничалъ, билъ портныхъ и реквизиторовъ, билъ антрепренеровъ и рецензятъ, іудино племя. Но спроси, кто помнитъ зло на Славяновѣ-Райскомъ? Черезъ мои руки прошли сотни тысячъ денегъ, но спроси, гдѣ они? Отъ меня ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ маленькій актеришко не вышелъ безъ помощи. Шарманщики, уличные акробаты, слѣпые музыканты были моими друзьями. А сколько піявокъ питалось около меня!.. И какъ я жилъ!.. Широко жилъ, съ размахомъ. Вонъ, Стаканычъ знаетъ меня пятнадцать лѣтъ, онъ скажетъ. Правду я говорю, Стаканычъ?

— Вы мнѣ что ли, Меркурь Иванычъ?—спросилъ суфлеръ, отрываясь отъ своихъ коробочекъ и дѣлая руку надъ глазами щиткомъ.

— Всегда первый номеръ въ самой дорогой гостиницѣ. Прислугѣ швырялъ золото, какъ индійскій набобъ. Лучшій экипажъ, лошади—львы, кучеръ—страшилище, идоломъ сидитъ на козлахъ. Свой собственный лакей былъ—Мишка. Кто не зналъ моего Мишку? Антрепренеры въ немъ заискивали, чтобы узнать, въ какомъ духѣ я проснулся сегодня, за руку съ нимъ здоровались. А какъ я одѣвался! Всегда фракъ и англійское бѣлье. Каждый день Мишка покупалъ для меня новую сорочку: стиранаго не носилъ, гнушался. Портные за честь считали шить на меня въ долгъ. Городскіе франты нарочно ходили въ театръ поучиться у меня, какъ надо носить платье.

— Вотъ, братъ, и проносился,—ехидно вставилъ Лидинъ-Байдаровъ.

— О, тварь, ненавидимая мною!—завопилъ Славяновъ.— Да, я проносился, пропился и палъ до того, что живу въ одной грязной клѣткѣ съ такой мерзкой обезьяной, какъ ты. Но я прожилъ огромную жизнь, я испыталъ сладость вдохновенія, и за мною шла сказочная, царственная слава. Я заставлялъ людей плакать и радоваться. О! что я дѣлалъ съ толпой! Когда въ Макбетѣ въ сценѣ съ кинжаломъ я показывалъ рукой въ пространство, то полторы тысячи зрителей вставали со своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ. А какимъ я былъ Коррадо! Въ Харьковѣ полиція не дала мнѣ доиграть послѣдняго акта, потому что тогда разрыдались всѣ,—и мужчины, и женщины, и даже на глазахъ у актеровъ, игравшихъ со мною, я видѣлъ слезы. Пойми же, оран-

гутангъ, слезы!.. Ты, балаганный Петрушка, безчестилъ швеекъ, обѣщая сдѣлать изъ нихъ опереточныхъ примадоннъ, въ тебя стрѣляли, какъ въ бѣшеную собаку, когда ты убѣгалъ изъ опозоренныхъ спаленъ, ты дрожалъ надъ каждой копѣйкой и отдавалъ тайкомъ деньги въ незаконный ростъ, и только потому не сдѣлался подъ старость содержателемъ ссудной кассы, что тебя, когда ты сталъ скорбенъ главою, обобрала первая попавшаяся судомойка. Ты въ каждомъ городѣ оставлялъ грязные хвосты, и есть тысячи людей, которымъ ты, при всей своей наглости, не посмѣешь поглядѣть въ глаза. А я по всей Россіи, отъ Архангельска до Ялты и отъ Варшавы до Томска, прошелъ съ гордо поднятой головой, не чувствуя ни стыда, ни страха. Со мною губернаторы считались! Когда на Волгѣ описали за долги мой театръ и ко всѣмъ дверямъ приложили печати, что я сдѣлалъ? Я не тронулъ печатей, но снялъ съ петель всѣ двери и всетаки далъ спектакль. Кто бы могъ это сдѣлать, кромѣ Славянова-Райскаго?.. Стой, Тихонъ!—остановилъ онъ солдата, который въ это время бережно несъ къ образу зажженную лампадку.—Дай закурить...

Славяновъ потянулся къ огню, но Тихонъ сурово посмотрѣлъ на актера и отвелъ руку съ лампадкой въ сторону.

— Стыдитесь, господинъ Райскій, — сказалъ онъ внушительно. — Пора бы ужъ и о смертномъ часѣ подумать, а вы кощунствуете. Гдѣ же это видано, чтобы отъ лампадки закуривали? Да еще въ такой праздникъ.

— Ну, ну, гарниза-пуза, пошелъ разговаривать!—крикнулъ со своей кровати Михаленко. — Вотъ, постой, я перебью всѣ твои лампадки. Только вонь разводишь. Идолопоклонникъ!..

— Эхъ ужъ вы-ы!—безнадежно махнулъ рукой Тихонъ.— Одно слово безбожники вы, господинъ Михаленко. Вотъ господинъ Райскій... они хоть и выпивши, а я на нихъ никакъ не надѣюсь, чтобы они такое слово сказали.

Обличительная рѣчь Тихона дала вдругъ новое направленіе пьянымъ мыслямъ Славянова. Онъ умилился и со слезами полѣзъ цѣловать солдата.

— Тихонъ, душа моя!.. Добрый, старый, вѣрный Тихонъ! Понимаешь ты Славянова-Райскаго? Жалѣешь? Дай я поцѣлую твою честную, сѣдую голову.

— Господи, да какъ же намъ не понимать! — расчувствовался въ свою очередь Тихонъ. Онъ утерся рукавомъ и съ готовностью подставилъ губы Славянову. Потомъ, съ кряхтѣньемъ установивъ лампадку и слѣзая съ табурета, онъ сказалъ, добродушно и укоризненно покачивая головой:

— А нѣтъ того, чтобы отставному севастопольцу пожерт-

вовать на построеніе полдиковинки. Сами кушаете водочку, а своего вѣрнаго слугу забываете.

— Тихонъ! Радость моя! Голуба! Все я растранжирилъ, старый крокодилъ... Впрочемъ, постой... Тамъ у меня, кажется, еще что-то осталось. — Онъ пошарилъ въ карманѣ и вытащилъ оттуда вмѣстѣ съ грязной ватой, обломками спичекъ, крошками табаку и другимъ соромъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ.—На, получай, старый воинъ. И знай, Тихонъ!—вдругъ съ паѳосомъ воскликнулъ Славяновъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ, — знай, что тебя одного даритъ своей дружбой жалкая развалина того, что раньше называлось великимъ артистомъ Славяновымъ-Райскимъ!..

И онъ расплакался обильными, пьяными, истерическими слезами. Оплакивалъ онъ свою погибшую шумную жизнь, и свою сиротливую старость, и то, что его никто не понимаетъ, и то, что его давеча такъ оскорбительно вывели изъ ресторана. Его сожители давно уже лежали подъ одѣялами, а онъ все говорилъ и говорилъ, изрѣдка обращаясь къ своему сосѣду Стаканычу, который отвѣчалъ соннымъ, невнятнымъ мычаніемъ. И въ этомъ неясномъ бредѣ безобразно сплетались экипажи, фраки, губернаторы, серебряные сервизы, отрывки ролей и грязная ругань. И когда онъ, наконецъ, заснулъ, то все еще продолжалъ бормотать въ тяжеломъ, полномъ призраковъ, пьяномъ снѣ.

VI.

Къ часу ночи на дворѣ поднялся упорный осенній вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ. Липа подъ окномъ раскачивалась широко и шумно, а горѣвшій на улицѣ фонарь бросалъ сквозь ея вѣтви слабый, причудливый свѣтъ, который узорчатыми пятнами ходилъ взадъ и впередъ по потолку. Лампадка передъ образомъ теплилась розовымъ, кротко мерцающимъ сіяніемъ, и каждый разъ, когда длинный язычекъ огня съ легкимъ трескомъ вспыхивалъ сильнѣе, то изъ угла вырисовывалось въ золоченой ризѣ темное лицо Спасителя и Его благословляющая рука.

Всѣ актеры, кромѣ Славянова, бредившаго во снѣ, проснулись среди ночи и лежали, молча, со страхомъ и тоскою въ душѣ. Лидинъ-Байдаровъ, у котораго отъ прежнихъ привычекъ осталась только жадная любовь къ сладкому, ѣлъ принесенную имъ днемъ ватрушку съ вареньемъ и старался дѣлать это какъ можно тише, чтобы не услыхали сосѣди. Михаленко, покрывшись съ головой одѣяломъ, пугливо прислушивался къ глухому и тревожному біенію своего сердца.

Каждый разъ, когда вѣтеръ, напирая на стекла и потрясая ими, бросалъ въ нихъ съ яростной силой брызги дождя, Михаленко глубже прятался головой въ подушку и наивно, какъ это дѣлаютъ въ темнотѣ боязливыя дѣти, закрещивалъ мелкими быстрыми крестами всѣ щелочки между своимъ тѣломъ и одѣяломъ. Стаканычъ слѣзъ съ кровати и стоялъ на колѣняхъ. Въ темнотѣ слышались его глубокіе вздохи, однообразный, непрерывный и торопливый шопотъ и глухой стукъ его лба о полъ. Напротивъ его, дѣдушка лежалъ, все также прямо и неподвижно вытянувшись. Глаза его медленно переходили съ чернаго окна на нѣжно-розовый, мерцающій свѣтъ лампадки и на тѣни, качавшіяся по потолку. Лицо у него было важное, спокойное и задумчивое.

Позднѣе другихъ проснулся Славяновъ-Райскій. Онъ былъ въ тяжеломъ, грузномъ похмѣльи, съ оцѣпенѣвшими руками и ногами, съ отвратительнымъ вкусомъ во рту. Сознаніе возвращалось къ нему очень медленно, и каждое движеніе причиняло боль въ головѣ и тошноту. Ему съ трудомъ удалось вспомнить, гдѣ онъ былъ днемъ, какъ напился пьянымъ и какъ попалъ изъ ресторана въ убѣжище.

Онъ вспомнилъ также, что у него въ карманѣ пальто лежитъ полбутылки водки, которую онъ всегда, даже въ самомъ пьяномъ состояніи, запасалъ себѣ на утро. Это у него была своеобразная, пріобрѣтенная долгимъ пьянымъ опытомъ и обратившаяся въ инстинктъ привычка стараго алкоголика. Онъ всталъ и прошелъ босикомъ къ шкафу, гдѣ висѣли верхнія платья. Черезъ минуту оттуда послышалось, какъ задребезжало въ его дрожащихъ рукахъ, стуча о губы, горлышко бутылки, какъ забулькала въ ней жидкость, и какъ самъ Славяновъ закряхтѣлъ и зафыркалъ губами отъ отвращенія.

— Райскій, душечка, одолжи и мнѣ,—молящимъ шопотомъ попросилъ Михаленко.—Такая тоска... такая тоска...

Славяновъ поднялъ бутылку и нерѣшительно посмотрѣлъ въ нее на свѣтъ лампадки. Ему было жаль водки, но онъ никогда не умѣлъ отказать, если его о чемъ-нибудь просили.

— Эхъ, ну ужъ ладно, давай стаканъ,—сказалъ онъ, сморщившись.

Въ темнотѣ опять заплескала жидкость, и зазвенѣло стекло о стаканъ.

— Ну, вотъ, спасибо, братикъ, спасибо,—говорилъ Михаленко.—Фу-у-у, ожгло!.. Славный ты товарищъ, Меркурій Иванычъ.

— Ну ладно ужъ... чего ужъ тамъ... Давеча я наговорилъ тебѣ непріятностей, такъ ты ужъ того... не очень сердись.

— Вотъ глупости. Чай, мы съ тобой не чужіе. Свой братъ, Исакій. Ты мнѣ, я тебѣ, безъ этого не обойдешься.

— Вѣрно, вѣрно, милый... именно не обойдешься,—со вздохомъ зашепталъ Славяновъ, усаживаясь на кровати Михаленка.—Трудно безъ этого. Живемъ мы кучей, тѣсно и все другъ о друга тремся. Видалъ ты въ нѣкоторыхъ домахъ ставятъ такія стеклянныя мухоловки съ пивомъ? Наберется туда мухъ видимо-невидимо, и всѣ они въ собственномъ соку киснутъ, да киснутъ, пока не подохнутъ. Такъ и мы, братъ Саша, въ своей мухоловкѣ закисли и обозлились... А, кромѣ того, я и особо сердитъ на этого идіота, Байдарова. Ну, скажи на милость, какой онъ намъ товарищъ? Какой онъ артистъ? Все равно, что изъ грязи пуля Другое дѣло, взять хоть бы насъ съ тобой, Сашуха... всетаки мы, какъ-никакъ, а послужили театру.

— Что ужъ вы, Меркурій Иванычъ, ровняете меня съ собой. Вы, можно сказать—китъ сцены, а я такъ... пискаришко меленькій...

— Оставь, Саша. Оставь это, братецъ мой. У тебя тоже талантище былъ: теплота, юморъ, свѣжести сколько. У теперешнихъ механиковъ этого нѣтъ. Другой шерсти люди. Нутра имъ вовсе не дадено отъ природы. А ты нутромъ игралъ.

— Гдѣ ужъ намъ, Меркурій Иванычъ! Наше дѣло маленькое. За васъ, вотъ, обидно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не грѣши, Саша, ты этого не говори. Я вѣдь тобя хорошо помню въ „Женитьбѣ Бѣлугина". Весь театръ ты тогда морилъ со смѣху. Я стою за кулисами и злюсь: сейчасъ мой выходъ, сильное мѣсто, а ты публику въ лоскъ уложилъ хохотомъ. „Эка, думаю, переигрываетъ, прохвостъ! Весь мой выходъ обгадилъ". А самъ, понимаешь, не могу отъ смѣха удержаться, трясусь, прыскаю и шабашъ. Вотъ ты какъ игралъ, Сашецъ! У нынѣшнихъ этого не сыщешь. Шалишь!.. Но не везло тебѣ, Михаленко, судьбы не было.

— Что-жъ, Меркурій Иванычъ,—согласился польщенный Михаленко,—это вѣрно, что и меня публика хорошо принимала. Только голосу у меня нѣтъ настоящаго, вотъ что скверно. Астма эта проклятая.

— Вотъ, вотъ, вотъ... я это самое и говорю. Астма, или тамъ, скажемъ, судьба,—это все равно. Мнѣ, вотъ, повезло, и я покатилъ въ гору, а ты хоть и талантливъ, и знаешь сцену, какъ никто, а тебѣ не поперло. Но это и не суть важно. Главное, что упали то мы съ тобой все равно въ одно мѣсто, въ одну и ту-же отравленную мухоловку, и тутъ намъ пришелъ и сундукъ, и крышка...

— Не пили бы мы, такъ и не падали бы, Меркурій Иванычъ,—съ горькой насмѣшкой вставилъ Михаленко,

— Молчи, молчи, Саша,—испуганно и умоляюще зашепталъ Славяновъ,—не смѣйся надъ этимъ!.. Развѣ легко падать-то? Погляди на меня. Я ли не былъ вознесенъ, а теперь что? Живу на иждивеніи купчишки, хожу по трактирамъ, наровлю выпить на чужой счетъ, кривляюсь... Бываетъ вѣдь и мнѣ стыдно, Саша... охъ, какъ стыдно!.. Вѣдь мнѣ, Саша, голубушка ты моя, шестьдесятъ пять лѣтъ въ декабрѣ стукнетъ. Шестьдесятъ пя-ать... Цифра!.. Въ дѣтствѣ, я помню, начну, бывало, считать свои года и все радуюсь, какой я большой, сколько времени на одинъ счетъ уходитъ. А ну, на, посчитай теперь то,—неудержимо зарыдалъ вдругъ Славяновъ.—Дѣдушка вѣдь я, маститый старецъ, патріархъ, а гдѣ мои внуки, гдѣ мои дѣти? Чортъ!

Темнота ночи все сильнѣе взвинчивала нервы Славянова, разбитыя тяжелымъ похмѣльемъ. Онъ билъ себя въ грудь кулаками, плакалъ, сморкался въ рубашку и, качаясь, точно отъ зубной боли, взадъ и впередъ на кровати Михаленка, говорилъ всхлипывающимъ, тоскливымъ шопотомъ:

— Мира я хочу, тишины, простого мѣщанскаго счастья!.. Иду я иной разъ вечеромъ по улицѣ и—привычка у меня такая,—все въ чужія окна гляжу. И, вотъ, бывало, видишь: комнатка этакая мирная, лампа, круглый столъ, самоварчикъ... тепло, должно быть, тамъ, пахнетъ жильемъ, домовитостью, геранью. А кругомъ народъ молодой, бодрый, веселый, любящій... И старикашка тутъ же гдѣ-нибудь пристроился,—сѣденькій, опрятненькій, благодушный. Сидитъ себѣ съ черешневымъ чубукомъ, и всѣ къ нему такъ ласково, съ почтеніемъ... А я, старый шутъ, стою на улицѣ и мерзну, и плачу, и все смотрю... Слыхалъ я, и по пьесамъ знаю, что бываютъ милыя, вѣрныя на всю жизнь женщины, сидѣлки въ болѣзни, добрые друзья въ старости. Гдѣ онѣ, эти женщины, Михаленко? Любили, братъ, и меня,—но какая же это была любовь? Послѣ бенефиса поѣхали за городъ, тройки, галдежь, пьяное вранье, закулисныя прибаутки, и тутъ же затрепанныя, загаженныя слова: „люблю тебя свободною любовью, возьми меня, я вся твоя“! Отдѣльный кабинетъ, грязь, пьяная, угарная любовь, скитанье вмѣстѣ по труппамъ, и вѣчно старый, гнусный водевиль: „Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ“. И, вотъ, жизнь прошла, и нѣтъ у меня во всемъ мірѣ ни души... Н-ни души! Тоска, мерзость... Знаешь, Саша,—Славяновъ наклонился къ самому уху Михаленко, и въ его шопотѣ послышался ужасъ.—Знаешь, вижу я теперь часто во снѣ, бутто меня кто-то все догоняетъ. Бѣгу я будто по комнатѣ и много, много этихъ комнатъ впереди и всѣ онѣ заперты... И знаю я, что надо мнѣ успѣть открыть двери, вытащить ключъ и запереться съ другой стороны. И торопъ-

люсь я, тороплюсь, и страшно мнѣ до тошноты, до боли... Но ключи заржавѣли, не слушаются, и руки у меня, какъ деревянныя. А „онъ“ все ближе и ближе... Едва успѣю я запереться, а онъ ужъ тутъ, рядомъ, напираетъ на двери, и гремитъ ключомъ въ замкѣ... И знаю я, чувствую я, что не спастись мнѣ отъ него, но бѣгу изъ комнаты въ комнату, бѣгу, бѣгу, бѣгу...

— Эхъ, не скулилъ бы ты, Меркурій Ивановичъ,—съ безнадежнымъ уныніемъ перебилъ Михаленко.

— Гадокъ я себѣ самому, гадокъ,—страстнымъ шопотомъ восклицалъ Славяновъ.—Отвратителенъ!.. Милостыней вѣдь живу, Христа ради... И всѣ, всѣ мы такіе. Мертвецы ходячіе, рухлядь!.. Старая бутафорская рухлядь! О-о-о, гнусно, гнусно мнѣ!..

Онъ схватился обѣими руками за воротъ рубашки и разодралъ ее сверху до низу. Въ груди у него что-то клокотало и взвизгивало, а плечи тряслись.

— Уйди ты, уйди, ради Бога, Меркурій Ивановичъ! — умолялъ Михаленко. — Не надо, родной... боюсь я... страшно мнѣ...

Шлепая по полу большими ногами, съ мокрымъ лицомъ, шатаясь на ходу отъ рыданій, Славяновъ тяжело перевалился на свою кровать. Но онъ еще долго метался головой по подушкѣ и всхлипывалъ и горячо шепталъ что-то, сморкаясь въ простыню. Не спалъ и Лидинъ-Байдаровъ. Крошки отъ ватрушекъ набились ему подъ одѣяло, прилипали къ тѣлу и царапались, а въ голову лѣзли все такія скучныя, ненужныя и позорныя мысли о прошломъ. Стаканычъ, намазавшій на ночь грудь и поясницу бобковой мазью, кряхтѣлъ и ворочался съ боку на бокъ. Его грызъ застарѣлый ревматизмъ, который всегда съ особенной силой разыгрывался къ непогодѣ. И вмѣстѣ со словами молитвъ и привычными мыслями о сынѣ, въ его памяти назойливо вставали отрывки изъ старыхъ, забытыхъ всѣмъ міромъ пьесъ.

Одинъ дѣдушка лежалъ неподвижно. Его руки были сложены на груди, поверхъ одѣяла, и не шевелились больше, а глаза были устремлены впередъ съ такимъ строгимъ и глубокимъ выраженіемъ, какъ будто дѣдушка думалъ о чемъ то громадномъ, неизмѣримо превышающемъ всѣ человѣческіе помыслы. И въ этихъ немигающихъ, полузакрытыхъ глазахъ, не проникая въ нихъ, отражался стеклянным блескомъ розовый свѣтъ лампадки.

А ночь тянулась нестерпимо долго и тоскливо. Было еще темно, когда Михаленко, охваченный внезапнымъ страхомъ вдругъ сѣлъ на кровати и спросилъ громкимъ, дрожащимъ шопотомъ:

— Дѣдушка!.. Ты спишь?..

Но дѣдушка не отвѣтилъ. Въ комнатѣ была сонная, грозная тишина, а за чернымъ окномъ бушевалъ вѣтеръ и бросалъ въ стекла брызги дождя.

А. Купринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ*).

I.

Осенью.

Октябрь шумитъ... Во тьмѣ ночей
Холодный вѣтеръ завываетъ
И пламя рѣдкихъ фонарей
Съ какой-то злобой задуваетъ.
Здѣсь вѣтку тонкую согнетъ,
Тамъ желтый листъ сорветъ и броситъ,
Тамъ пѣсню подъ окномъ споетъ,
О чемъ-то жалобно попроситъ.
И стонетъ листъ сухой, шурша...
Вотъ, красный дискъ луны восходитъ
И, какъ погибшая душа,
Въ пустынной мглѣ уныло бродитъ.

Одинъ,—здѣсь, въ городѣ чужомъ,—
И для кого, и что̀ я значу?
Никто не поглядитъ съ тепломъ,
Когда порой я и заплачу!
И думаю, издрогнувъ весь,
Что не одинъ же я страдаю:
Такихъ, какъ я, вѣдь сотни здѣсь,
Лишь ихъ въ толпѣ я не узнаю.
Какъ я же, пишутъ по ночамъ,

---

*) Авторъ этихъ стихотвореній, Г. П. Перлинъ (Перловскій), умеръ лѣтъ нынѣшняго года, 20 лѣтъ отъ роду. Трудно, конечно, сказать, что̀ вышло бы изъ этого зарождавшагося дарованія, въ которомъ сквозило, какъ-то, что-то свое. Смерть по своему рѣшила вопросъ... *Ред*

За человѣчество страдая...
А ночь холодная и злая
Не внемлетъ стонамъ и мольбамъ!

II.

* * *

Я распахнулъ окно... Царила ночь всевластно,
И въ мутной темнотѣ тонула синева.
Чего-то я во тьмѣ искалъ глазами страстно,
Болѣла грудь моя, горѣла голова.
Какъ бѣлыхъ облачковъ задумчивая стая,
Сосѣдней фабрики клубился тихо дымъ,
И звуковъ сдавленныхъ неслась волна глухая—
Машинъ, смѣявшихся надъ отдыхомъ ночнымъ.
Но городъ мирно спалъ. Дневная жизнь заснула,
Страстей жестокій пиръ давно затихъ кругомъ;
Какъ будто смерть прошла и холодомъ дохнула...
Громадный дворъ лежитъ чернѣющимъ пятномъ.
И лишь въ одномъ окнѣ, мерцая сиротливо,
Свѣтъ лампы засіялъ, и кто-то, одинокъ,
У лампы надъ столомъ нагнулся терпѣливо,
И тѣнь его легла на низкій потолокъ.

Не знаю отчего — поэзіей печали
Пахнуло на меня отъ этого окна.
Трудъ вдохновенія, жестокая нужда ли
Заставила тебя ночь проводить безъ сна?
Или, разбитый весь, больной и одинокій,
Ты надъ печальною задумался судьбой?..
Мнѣ близокъ ты ужъ тѣмъ, что этотъ мракъ глубокій,
Случайный мой сосѣдъ, былъ озаренъ тобой!

Григорій Перлинъ.

„Сказитель"-гусляръ въ Уральскомъ краѣ.

(Изъ записной книжки).

I.

Деревенька Каратаевка *) со всѣхъ сторонъ окружена высокими мрачными горами, поросшими непривѣтливымъ, щетинистымъ и колючимъ ельникомъ. Когда спускаешься къ ней съ горы и видишь кучу жалкихъ домишекъ на днѣ глубокой ямы, точно въ колодцѣ, кажется, что разъ попадешь въ эту яму, такъ ужъ не выберешься изъ нея во вѣки вѣковъ. Этотъ видъ убогой деревеньки, закрытой со всѣхъ сторонъ отъ божьяго свѣта, всегда вызываетъ во мнѣ какое-то странное двойственное чувство: острая до боли жалость къ печальнымъ домишкамъ смѣшивается съ жгучимъ желаніемъ поскорѣе убраться отсюда, изъ этого оврага, отъ этихъ нависшихъ надъ душой суровыхъ громадъ-горъ. И я всегда тороплю ямщиковъ скорѣе перепрягать лошадей, съ нетерпѣніемъ жду, когда лошади вытащатъ мой тарантасъ на гору, и только когда передо мной блеснетъ тысячами чудныхъ красокъ знакомая панорама ласкающихъ взоръ граціозныхъ горъ, я вздыхаю съ чувствомъ облегченія: я снова чувствую себя свободнымъ, живымъ.

Въ мою послѣднюю поѣздку по Уралу я подъѣзжалъ къ этой деревенькѣ съ бо́льшимъ волненіемъ, чѣмъ когда-либо: я цѣлое лѣто провелъ въ подобныхъ деревенькахъ, такъ близко познакомился съ той невыносимой нуждой, тѣмъ безысходнымъ горемъ, которыя скрываются въ неуклюжихъ крестьянскихъ домишкахъ, такъ усталъ отъ сознанія своего безсилія бороться съ этимъ горемъ, что мнѣ страстно хотѣлось уйти, убѣжать, скрыться на время отъ ужаснаго призрака. А онъ еще яснѣе, еще конкретнѣе сталъ передъ моими глазами въ видѣ забытой Богомъ и людьми

---

*) Въ сѣверной гористой части Оренбургской губерніи.

кучи жалкихъ избъ на днѣ оврага... Боже, скорѣе, скорѣе мимо, чтобы не видѣть, не слышать!..

Ямщикъ осторожно свелъ съ горы подъ уздцы лошадей, и мы ѣхали уже по грязной единственной улицѣ деревни. Было холодно, шелъ мелкій дождь, сѣрыя облака нависли низко, низко. Плакало небо, плакали деревья, плакали мокрыя избенки.

Мы остановились у избы ямщика, который долженъ былъ везти меня дальше. Заскрипѣли ворота, и мы въѣхали во дворъ, еще болѣе грязный, чѣмъ улица.

— Лошади есть?—крикнулъ я вышедшему на дворъ хозяину.

— Нѣту, баринъ,—хрипло и не торопясь заговорилъ тотъ,—земскій проѣзжалъ, такъ всѣхъ лошадей угнали. Раньше завтрева не будутъ.

Я взглянулъ на сердитыя горы, на низкое небо, на торопливо убѣгающія облака.

— Придется переночевать,—продолжалъ хозяинъ.—Пожалуйте въ избу... Сюда вотъ, въ проѣзжающую.

Мнѣ стало немного жутко отъ перспективы провести сутки въ Каратаевкѣ, но—приходилось покориться суровому року, который въ образѣ хозяина безстрастно указывалъ закорузлымъ перстомъ на дверь „проѣзжающей". Я покорно вылѣзъ изъ тарантаса и направился въ избу. Тѣсная комната съ покривившимися стѣнами, съ мутными заплаканными окнами, съ низкимъ потолкомъ еще яснѣе и убѣдительнѣе подчеркнула мнѣ истину: „Отъ судьбы не уйдешь".

Мнѣ дали самоваръ. Онъ ворчалъ и шипѣлъ какъ-то ужъ очень недовольно и грустно, точно передавалъ мнѣ сдавленнымъ шопотомъ печальную исторію съ той-же тенденціей: „Отъ судьбы не уйдешь". Сколько разъ въ теченіе минувшаго лѣта я слышалъ эту фразу! Она звучала иной разъ злобой по адресу злодѣйки-судьбы по поводу только что свершившагося несчастія, то она была проникнута горькимъ сознаніемъ безпомощности и безсилія человѣка, то ее выставляли, какъ крѣпкій аргументъ противъ какого-либо смѣлаго начинанія. Она, эта фраза, здѣсь, въ этихъ горахъ, въ этихъ убогихъ деревенькахъ, вполнѣ понятна и объяснима: нельзя „горе мыкать, вѣкъ трудиться", чтобы, умирая нищимъ, не придти къ такому заключенію. „Но допустить возможность фразы еще не значитъ помириться съ нею", заключалъ я цѣпь мыслей, хотя въ глубинѣ души и чувствовалъ, что такое же убѣжденіе начинаетъ давить и меня самого, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше я нахожусь въ темномъ царствѣ. „Мы побѣдимъ судьбу, мы общими усиліями просвѣтимъ темное царство, мы не падемъ духомъ", старался я подбодрить себя, а въ глубинѣ души вставали грозные призраки темныхъ препонъ для борьбы съ мрачнымъ наслѣдіемъ вѣковъ, и борьба казалась далеко превосходящей наши силы...

Мнѣ было тѣсно въ „проѣзжающей". Кривыя стѣны, низкій потолокъ давили мой умъ, но я зналъ, что если уничтожить эти стѣны, этотъ потолокъ — его придавятъ высокія горы и низкое свинцовое небо. Развѣ можно жить подъ этимъ небомъ, подъ нависшими горами и быть свободнымъ духомъ?.. Нѣтъ, отъ судьбы не уйдешь...

Вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на мои думы, за перегородкой, отдѣляющей „проѣзжающую" отъ помѣщенія хозяевъ, раздался звенящій тоскливый звукъ. Какъ будто кто-то взялъ аккордъ на струнномъ инструментѣ. Я прислушался. Прозвучалъ новый аккордъ, сильнѣе и увѣреннѣе. Звуки напоминали звуки цитры, но были гораздо мягче, пѣвучѣе и какъ-то роднѣе. Они просились въ сердце, и казалось, что что-то въ груди отвѣчаетъ на вибраціи струнъ. Еще аккордъ, сильный и смѣлый, затѣмъ пауза, и вдругъ полилась тоскливая пѣвучая мелодія. Я не зналъ ея, но и она казалась мнѣ такою-же родною, какъ и отдѣльные звуки. Мной овладѣло странное чувство: мысль точно застыла, перешла въ тихую грусть безъ образовъ, безъ думъ. А мелодія лилась и лилась... Гдѣ я ее слышалъ? Почему она такъ близка мнѣ, такъ волнуетъ меня?..

Мелодія неожиданно оборвалась сильнымъ аккордомъ.

— Ловко,—сказалъ кто-то за перегородкой.

— Ловко-то ловко,—заговорилъ, судя по голосу, хозяинъ,— а баринъ-то отдыхаетъ поди. Будить-то не гоже.

Я отворилъ дверь „проѣзжающей". Моимъ глазамъ представилась такая картина. Возлѣ стола, на скамейкѣ, въ центрѣ кружка слушателей сидѣлъ страннаго вида человѣкъ. Прежде всего онъ былъ чрезвычайно массивенъ, — могучая фигура, широкія плечи, большая голова съ цѣлой копной всклокоченныхъ темно-рыжихъ волосъ. Одѣтъ онъ былъ не такъ, какъ одѣваются у насъ: широкій и длинный кафтанъ съ цвѣтнымъ узорчатымъ поясомъ дѣлалъ его похожимъ на дьякона или дьячка. Лица его не было видно: онъ наклонился надъ инструментомъ, лежавшимъ у него на колѣняхъ и съ виду напоминавшимъ цитру, и, повидимому, былъ занятъ его настройкой. Рядомъ съ нимъ лежалъ объемистый грязный мѣшокъ и такая же грязная истрепанная шапка.

Вокругъ этого, очевидно нездѣшняго, человѣка расположились полукругомъ слушатели. Прямо противъ него засѣдалъ хозяинъ, а на полу возлѣ ногъ музыканта пристроился мальчикъ лѣтъ десяти и, поднявъ голову вверхъ, съ любопытствомъ разматривалъ его дюжую фигуру. Было тутъ еще человѣкъ пять постороннихъ.

— Не спите?—замѣтилъ меня хозяинъ.

Музыкантъ поднялъ голову. Его лицо совсѣмъ не соотвѣтствовало его медвѣжьей фигурѣ: оно было очень простодушно,

глаза смотрѣли мягко, ласково и грустно. Нѣсколько секундъ онъ молча разсматривалъ меня, а потомъ всталъ и поклонился, взявъ свой инструментъ подъ мышки.

— Многая вамъ лѣта,—произнесъ онъ.

Голосъ у него былъ мягкій и задушевный и тоже не подходилъ ни къ его росту, ни къ внушительному сложенію. И въ голосѣ было что-то родное, наше, русское.

— Не обезсудьте,—прибавилъ онъ.—Може стихеру послушать желаете?

— Музыкантъ этто,—вмѣшался въ разговоръ хозяинъ,—по деревнямъ, значитъ, ходитъ, на гусляхъ играетъ и стихи поетъ. Сказитель, значитъ.

Я подошелъ ближе къ „сказителю". Тотъ посмотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза и улыбнулся мягкой, необыкновенно привѣтливой улыбкой.

— Прикажете сыграть? а може спѣть? а може...

— Енъ всякую штуку могитъ,—перебилъ опять хозяинъ,—и духовное, и обнаковенное.

— Ну, сыграйте что-нибудь,—сказалъ я.

— Вамъ на какой ладъ: на веселый или на протяжный?

— Ну, хоть на протяжный.

„Сказитель" быстро сѣлъ на скамейку, бережно положилъ себѣ на колѣни гусли, потеръ руки о полы кафтана и не безъ торжественности возложилъ ихъ на струны. Опять прозвучалъ сначала неувѣренный аккордъ, затѣмъ аккордъ посильнѣе, и полилась грустная-грустная мелодія. Это была странная, но очень гармоничная смѣсь русскаго народнаго стиля (съ его переливами, переборами и замирающими окончаніями музыкальныхъ фразъ) съ чѣмъ-то совершенно чуждымъ, не-русскимъ.

Сначала выводили напѣвъ высокія нотки, трогательно и нѣжно жалуясь на что-то, а затѣмъ сочувственно подхватывали ихъ жалобы басовыя струны... Этого мотива я тоже никогда не слыхалъ, и онъ не казался мнѣ уже близкимъ и роднымъ.

Я слушалъ чудную, артистически выполняемую мелодію и съ удивленіемъ смотрѣлъ на „сказителя": неуклюжая, согбенная медвѣжья фигура, толстые закорузлые пальцы—и эти нѣжные, трогательные звуки... Я посмотрѣлъ на его лицо; оно точно застыло и рѣшительно ничего не выражало.

А мелодія становилась все грустнѣй и грустнѣй. Еще жалобнѣе лепетали на непонятномъ языкѣ дѣтскіе голоса дискантовыхъ струнъ, еще страстнѣе отвѣчали на ихъ жалобы тихимъ, какъ будто сдерживаемымъ, ропотомъ басы. Въ этомъ ропотѣ звучали не однѣ только жалобы, но какъ будто прорывался и съ трудомъ сдерживаемый гнѣвъ. И вдругъ нѣжная медлительная мелодія смѣнилась бурными и гнѣвными протестующими аккордами. Переполнилась чаша, и нѣтъ силъ больше терпѣть—и нѣтъ мѣст-

кроткимъ жалобамъ, когда дѣлается послѣдняя отчаянная попытка добыть себѣ счастье...

„Да онъ виртуозъ“,—подумалъ я.

Музыкантъ неожиданно оборвалъ свою пьесу.

Прошла минута молчанія. „Сказитель“ сидѣлъ, опустивъ голову. Потомъ онъ взглянулъ на меня и опять улыбнулся. Его грустная улыбка удивительно гармонировала съ звуками гуслей, съ ихъ напѣвами.

— Еврейскій стихъ... Плачъ на рѣкахъ Вавилонскихъ,—сказалъ онъ,—а теперь будетъ расейская старинная пѣсня.

Онъ положилъ руки на гусли и запѣлъ:

А и было то въ стары времена...

Гусли нѣжно пророкотали что-то въ отвѣтъ.

Во тѣ-ли времена первоначальныя...
Когда люди съ Богомъ тѣснѣй жили...

Каждая строчка былины, которую пѣлъ „сказитель“, сопровождалась нѣсколькими аккордами гуслей. Я не слушалъ ея словъ,—ея старинный, торжественный и медлительный напѣвъ, немного дребезжащій пріятный голосъ пѣвца уносили мою мысль къ „тѣмъ-ли временамъ первоначальнымъ“, когда по Руси-матушкѣ разгуливали гусляры-Баяны вѣщіе, когда Владиміръ-Красное солнышко пиры пировалъ со дружиною и когда русскіе могутные богатыри били Соловьевъ-разбойниковъ, Тугариновъ Змѣевичей, сражались съ чудью бѣлоглазою да сорочиною долгополою... Въ лицѣ сидѣвшаго передо мной страннаго человѣка воскресалъ давнымъ-давно вымершій типъ русскаго народнаго пѣвца, выразителя чувствъ и вѣрованій народной души.

Какъ будто въ той мрачной книгѣ, которую я читалъ и которая была наполнена яркими доказательствами ничтожности и пришибленности крестьянской души, мнѣ неожиданно попалась чудная, яркая страничка, краснорѣчиво свидѣтельствующая, что жива еще эта душа и жива не хлѣбомъ единымъ.

Однообразный ритмъ пѣсни, спокойный голосъ „сказителя“ какъ будто смывали то тяжелое настроеніе, которое такъ давило меня. На душѣ становилось легче, свѣтлѣе.

Но вотъ тонъ пѣвца сталъ точно торжественнѣе. Я прислушался къ словамъ.

Искушеніе будетъ великое,
Искушенію три ступени:
Первая ступень—господиномъ быть,
Вторая ступень—богатымъ быть...

На этихъ словахъ „сказитель“ оборвалъ пѣнье.

— Не обезсудьте,—обернулся онъ ко мнѣ,—спѣлъ-бы еще, да горло пересохло.

— Противъ горла средствіе есть,—засмѣялся хозяинъ,—мы это живой рукой.

Онъ накинулъ на плечи сермягу и вышелъ. А „сказитель" бережно положилъ на лавку гусли, почесалъ затылокъ и, виновато улыбаясь, заговорилъ:

— Которые баре любятъ спрашивать, кто, молъ, ты таковъ, и откуда, и какія это ты пѣсни поешь... Только вы ужъ меня не спрашивайте... Не обезсудьте... Кому какое дѣло? Хорошо пою—слушай, не хорошо—не слушай, а какое кому дѣло, кто я таковъ... Не обезсудьте.

Онъ говорилъ немного смущенно, какъ-бы извиняясь.

— Надо и мнѣ спокой дать... Вотъ поснѣдаю съ добрыми людьми и отдохну малость... А вечеромъ може опять спою... А коли вамъ стихеры мои охота узнать, вотъ вамъ книга. Тутъ онѣ всѣ прописаны.

Онъ вытащилъ изъ своего мѣшка книгу въ толстомъ переплетѣ, отеръ ее полой кафтана и подалъ мнѣ. Она, повидимому, видала виды, но толстыя деревянныя крышки переплета надолго гарантировали ея цѣлость. Я раскрылъ книгу. Отъ нея вѣяло такой-же стариной, какъ и отъ сказителя: славянскія литеры, фигурныя красныя буквы въ началѣ главы, титла, пожелтѣвшая толстая бумага.

— У себя посмотрите. А утречкомъ я ее возьму... У себя, молъ, на слободѣ, поглядите.

Послѣдняя фраза прозвучала съ нѣкоторой настойчивостью. Я повиновался,—всталъ и ушелъ въ „проѣзжающую".

— Не обезсудьте... Вечеромъ може еще спою,—сказалъ мнѣ въ догонку сказитель.

А потомъ, послѣ небольшой паузы, добавилъ:

— А пачпортъ у меня въ порядкѣ.

II.

„Сказитель" представлялъ для меня очень странное и ужъ во всякомъ случаѣ неожиданное для той обстановки, въ которой я находился, явленіе. За многіе годы моихъ странствованій по Руси вообще и по Уралу въ частности я ни разу не встрѣчалъ ничего подобнаго. Видѣлъ я странниковъ, ходившихъ по святымъ мѣстамъ и разсказывавшихъ православнымъ христіанамъ о подвигахъ угодниковъ и своихъ, видѣлъ поэтовъ изъ крестьянъ, видѣлъ виртуозовъ по „гармонной" и балалаечной части, но все это было современно и потому очень понятно. А тутъ—передо мной „сказитель" съ гуслями, до мелочей выдержанный въ стилѣ

„временъ старыихъ, первоначальныихъ", представляющій непонятный анахронизмъ и производящій однимъ своимъ видомъ и манерой держать себя такое обаятельное впечатлѣніе... Этотъ голосъ, эти звуки гуслей, вся фигура „сказителя", представляющая такое странное сочетаніе мощи съ смиреніемъ... И, главное, гдѣ я встрѣтилъ этотъ цвѣтокъ—въ такой ужасной ямѣ, какъ деревня Каратаевка!.. Во всякомъ случаѣ я былъ очень благодаренъ случаю, столкнувшему меня съ „сказителемъ",—въ этой ямѣ я уже не чувствовалъ себя такимъ придавленнымъ, заключеннымъ. Фигура „сказителя" очень скрашивала тотъ сѣрый, невзрачный колоритъ, который лежалъ на всемъ, что я до сихъ поръ видѣлъ изъ крестьянской жизни. Эта фигура, казалось мнѣ, была яркимъ доказательствомъ въ пользу того, что, не смотря на всѣ ухищренія злодѣйки-судьбы, народъ еще не угасилъ духа... И все-же эта фигура была непонятна и необъяснима.

Въ чаяніи найти хоть какія-нибудь указанія относительно того, какъ могъ появиться у насъ на Уралѣ такой типъ, какъ „сказитель", я обратился къ книгѣ, которую онъ мнѣ далъ, но—увы!—и въ ней не нашелъ ничего, сколько-нибудь разъясняющаго дѣло.

На ея первой страницѣ была выведена съ большимъ тщаніемъ (судя по необыкновенно затѣйливымъ выкрутасамъ славянскихъ литеръ) надпись красными чернилами: „Книга стихеръ". Пониже стояла черная надпись буквами помельче: „Усердіемъ велегрѣшнаго и недостойнаго раба Божія Іоанна Мартынова сына Косыхъ стихѣры сіи во славу Божію и на поученіе христіанамъ православнымъ записаны суть. День святого ангела-хранителя моего Іоанна, нарицаемаго Богословъ, генваря въ 30-й день". А еще ниже: „Учата писаніемъ кетрадь сія въ годъ отъ Р. Х. 1864-ый, генваря въ день 15". На слѣдующемъ листѣ послѣ заголовка „Стихеры духовныя" начинались уже самыя „стихеры".

Первая изъ нихъ называлась „Сказаніе, егда кончины міру подобаетъ чаяти". Это было то самое сказаніе, которое пѣлъ „сказитель". Въ виду того, что оно представляетъ довольно вѣрное отраженіе народныхъ вѣрованій относительно того, какъ и когда должно наступить свѣтопреставленіе, я привожу его здѣсь цѣликомъ.

Сказаніе, егда кончины міру подобаетъ чаяти.

А и было то въ стары времена,
Во тѣ-ли времена первоначальныя,
Когда вѣра Христова крѣпче стояла,
Когда люди съ Богомъ тѣснѣй жили,
Не народился на свѣтъ злой еретикъ,
Патреархъ Никонъ, Аввадоновъ сынъ.
Потемнѣло небо ясное,

Поднимались тучи грозныя
Со всѣхъ четырехъ вѣтровъ
Съ бурею, громомъ и молніей.
Испужались люди Божіи—
Никогда таковыя грозы не видѣли—
Въ страхѣ Богу молятся.
Затряслась тутъ мать-сыра земля,
Разверзалось отецъ-высоко небо,
Бысть съ небесе трубный гласъ,
Подобный грому великому.
Отъ того гласу люди попадали,
Лежатъ, лютой кончины ожидаючи.
Говорила труба Божія
Таковые праведные глаголы:
«Ой вы, люди божіи—крещеные!
Когда кончины міру ждать надо,
Свѣтопреставленія страшнаго,
Упреждаетъ васъ Господь милостивый.
Народится на свѣтъ Антихристъ песъ,
А съ нимъ слугъ его множество,
Бѣсы все окаянные.
А и пойдутъ слуги-бѣсы по свѣту бѣлому,
Совращать будутъ людей крещеныхъ
Съ правильной пути, Христовой вѣры,
Прельщать благами дьявольскими,
Обучать будутъ дѣламъ дьявольскимъ,
Накладать печати дьявольскія,
Мудровать шутки дьявольскія.
Вы въ науку къ нимъ не ходите,
Тоя печати не принимайте.
И опутается весь бѣлый свѣтъ
Паутиною желѣзною,
Ваши души—хитростями бѣсовскими.
И пройдутъ по землѣ кони огненные,
Что огненные кони—желѣзные,
Они ходятъ, какъ молнія.
Вы на тѣхъ коняхъ не ѣздите,
Паутину ту погубляйте *).

*) Подъ желѣзной паутиной нужно разумѣть телеграфныя проволоки, а желѣзные кони не что иное, какъ чугунка. Взглядъ на телеграфную сѣть, какъ на одно изъ бѣсовскихъ орудій для уловленія душъ христіанъ православныхъ, повидимому, довольно распространенъ и очень крѣпко держится въ народѣ. Лѣтъ пять тому назадъ жители одной уральской деревеньки самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились проведенію черезъ ихъ деревню и поля телефонной проволоки для нуждъ сосѣдняго завода. Вырывали изъ земли и сняли столбы, сокрушали фарфоровые изоляторы, дрались «смерт-

Изроютъ бѣсы поганые
Грудь сырой земли матушки,
Серебра, золота ищучи,
Каменіевъ самоцвѣтныихъ *).
Вы на то золото-серебро не прельщайтеся,
Каменіе то не принимайте,
Не продавайте души дьяволу.
А паче всего стрегитеся
Тоя печати антихристовой:
Не допуститъ апостолъ Петръ-Павелъ
Съ печатью антихристовой
Въ Ерусалимъ—небесный, Христовъ городъ.
А и людей припечатанныхъ
Паче огня стрегитеся,
Бѣгите ихъ рѣчей лукавыихъ,—
Это слуги все антихристовы.
Искушеніе будетъ великое,
Искушенію три ступени:
Первая ступень—богатымъ быть,
Вторая ступень—господиномъ быть,
А третья ступень, кознь дьявольская,—
Женская прелесть лукавая,
Женская красота палящая,
Женская любовь, какъ медъ, сладкая,
Какъ змѣиный ядъ, ядовитая,
Какъ царьградское вино, кружитъ голову.
Вы на тѣ соблазны не прельщайтеся,
Не то предастъ васъ Господь милостивый
Геннѣ-огню пламени,
Во тьму кромѣшную.
А ежели искушеній устоите,
Дастъ вамъ Господь милостивый
Царство небесное, вѣчный покой.
Одесную ангелы,
Ошуйю—Херувимы,
Поютъ голосами архангельскими:
„Святъ, святъ, святъ"!..
Закрылось высоко небо,

нымъ боемъ» съ заводскими рабочими, проводившими телефонъ, и въ концѣ концовъ настояли-таки на своемъ: телефонъ провели въ другомъ мѣстѣ.

*) Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться (особенно въ бесѣдахъ съ раскольниками) съ очень недоброжелательнымъ отношеніемъ къ всякаго рода попыткамъ съ той или иной цѣлью «изрыть грудь матушки сырой земли». Земледѣліе, это—дѣло, освященное словомъ Божіимъ, а копаніе земли изъ-за скрывающихся въ ея нѣдрахъ богатствъ, это—уже отъ лукаваго, это уже оскорбленіе, надругательство надъ землей.

Ушла туча грозная,
Возсіяло на небѣ солнышко,
Просіяли души христіанъ православныхъ.

Дальше шло сказаніе о томъ, „откудова нечестивіи бѣси". Въ немъ излагалась легенда о происхожденіи нечистыхъ духовъ, стерегущихъ со всѣхъ сторонъ христіанскую душу въ ожиданіи удобнаго момента уловить ее въ свои сѣти. Всѣ они, эти „нечистые", происходятъ по сказанію отъ главнаго бѣса Верзаула, „всѣмъ сатанамъ сатаны, всѣмъ діаволамъ діавола". Откуда самъ Верзаулъ, „никому, окромя Господа Бога, невѣдомо". Повидимому, это—темная сила, смыслъ существованія которой заключается въ томъ, что, если бы не было ея, не было-бы такого смысла и для свѣтлой силы. Разъ есть Богъ, „свѣтъ неизрѣченный", долженъ быть и Верзаулъ, „темь кромѣшная". Какъ-бы уложилось въ народномъ сознаніи понятіе о свѣтѣ, если бы не было тѣни?

Пока не было людей на землѣ, Верзаулъ ничѣмъ не проявлялъ своего существованія: хотя онъ и злился „пуще змѣя-василиска ядовитаго", но не было ничего такого, на чемъ онъ могъ-бы сорвать злость, „досадить Господу Богу нашему". Но вотъ Верзаулъ увидѣлъ первыхъ людей, которые „жили въ раю, какъ ангелы":

Въ наготѣ были—не стыдилися,
Не знали, что за стыдъ такой,
Другъ друга любили, какъ самихъ себя,
Лютыхъ звѣрей не страшилися—
Лютые звѣри сами къ нимъ ласкалися—
Вкушали сладости райскія,
Не знали болѣзней и немощей,
Не знали горя, жили въ радости.
А и дѣла имъ было всего на всего—
Воспѣвати славу Божію.

Увидѣвъ „таковое праведное житіе", Верзаулъ сначала „возскрежеталъ зѣло зубомъ", а потомъ зѣло возликовалъ возможности досадить. Онъ задумалъ бѣсовскую хитростную думу—нарушить созданную Богомъ гармонію и изъ людей, слугъ Божіихъ, сдѣлать своихъ слугъ.

И принялъ онъ образъ змѣя ядовитаго,
Въ таковомъ видѣ въ рай проползъ—
Нашелъ злодѣй дыру-щель невеликую
На западной сторонѣ стѣны райскія.
Подползъ, злодѣй, къ женѣ Адамовой
Ко той-ли Евѣ прекрасной,
А и началъ надъ ней усмѣхатися,
А и началъ ее на грѣхъ соблазняти.

Въ сказаніи не говорится, въ чемъ состояли соблазны Верзаула. Конечно, Ева устояла-бы передъ всякими соблазнами, если бы случайно не отошелъ отъ нея на это время ея ангелъ-хранитель, которому нужно было дать отчетъ Богу въ своихъ дѣйствіяхъ за истекшій день, но—поддержки слабой женской волѣ не было и

соблазнилась Ева прекрасная,
Попала подъ власть Верзаулу окаянному.
Приходитъ—прилетаетъ ангелъ Евинъ,
Плачетъ слезами горькими:
Поправить бѣду нельзя никакъ.

Разъ Ева подпала подъ власть Верзаула, она должна была подчиняться всѣмъ его приказаніямъ. Съ ея помощью Верзаулъ успѣлъ соблазнить больше половины жителей рая.

Съ тоя поры по землѣ грѣхъ пошелъ,
А допрежъ того грѣха на землѣ не было.
Осквернили люди божій рай,
А и за то были изъ рая выгнаны.
Ворота у рая были заперты,
А и будутъ заперты до послѣдня дня,
До страшнаго свѣто-преставленія.
А Верзаулъ тотъ окаянный
Взялъ Еву, великую грѣшницу,
Себѣ въ жены—наложницы.
И родились отъ тоя свадьбы поганыя
Всѣ бѣсы, домовые, водяные и лѣшіе,
А и вѣдьмы всѣ, русалки, полуденницы и полночницы.
Родится бѣсъ—на землю летитъ
Совращать православныхъ христіанъ.
А и стало нечистыхъ великое множество,
Ни проходу, ни проѣзду отъ нихъ не было,
Трудно было людямъ чистоту блюсти.
Сжалился тутъ Господь милостивый,
Посылаетъ Илью Пророка,
Не побьетъ ли Илья Пророкъ бѣсовъ лютыихъ?
Далъ Ильѣ Пророку стрѣлы огненныя,
Колесницу ему быструю.
Ѣздитъ Илья Пророкъ на небѣ,
Усматриваетъ бѣсовъ на землѣ.
Увидитъ бѣса поганаго,
Пущаетъ въ него стрѣлу огненную
Съ громомъ великіимъ.

Но такъ какъ бракъ Верзаула съ Евой-грѣшницей оказался чрезвычайно плодороднымъ, число бѣсовъ на землѣ не только

не уменьшается, а, напротивъ, увеличивается. Если ихъ теперь такъ рѣдко можно видѣть, такъ это потому, что они прячутся, боясь зоркаго глаза Ильи Пророка. На этомъ и кончается сказаніе.

Далѣе слѣдовалъ пересказъ въ стихотворной формѣ извѣстнаго апокрифа „Сонъ Пресвятой Богородицы". Варіантъ, представляемый этимъ пересказомъ, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ стихотворнаго изложенія, не отличается отъ безчисленныхъ обращающихся въ народѣ сказаній на эту тему,—развѣ только тѣмъ, что та часть „Сна", въ которой разсказывается о хожденіи Богородицы по мукамъ, въ немъ изложена подробнѣе и живѣе.

Рядомъ съ „Сномъ" была переписана „стихѣра" безъ заглавія, въ которой тоже заключалось описаніе мученій, которымъ должны подвергнуться грѣшники. „Стихѣра" эта не давала цѣльнаго впечатлѣнія,—въ ней вслѣдъ за очень красивымъ вступленіемъ

А и было то давнымъ-давно,
Что и было—быльемъ поросло,
Разнеслось молвой по свѣту бѣлому
Сказками, притчами, побасенками.
А и было то въ стары времена,
Во тѣ-ли времена стародавнія,
Когда не было язычниковъ проклятыихъ,
А были одни крестьяне православные,
И было одно царство крестьянское,
Тогда не было богатыхъ и знатныихъ,
А всѣ жили, какъ братья единоутробные,
Одинъ съ другимъ дѣлилися,
Одинъ другому служили,—

начинается изложеніе самой темы, совсѣмъ не соотвѣтствующее началу сказанія:

Разыгралась гроза-буря великая
Расходились вѣтры буйные.
Ломаются съ корня сосны столѣтнія,
Мелкіе кустарники, какъ пухъ, летятъ.
Сходилися съ четырехъ вѣтровъ
Четыре грозныя тучи-облака,
Закрывали ясное солнышко,
А и все они небо ясное.
И ударила тутъ гроза-молнія великая
Съ небесе, съ облака во сыру землю.
Раздалася тутъ мать-сыра земля,
Пошла по ней широкая щель,
А и до самой щель до тартарары,
А и видно въ щель исподъ земли,

А и видно въ щель кромѣшный адъ,
Горючее пламя огонь лютый.
А прошла туча, гроза грозная,
Утихли вѣтры буйные,
А щель въ землѣ не закрылася,
Идетъ смрадъ лютый изъ тоя щели.
И ходили люди Божіи къ той щели,
Смотрѣли они исподъ земли,
Смотрѣли они кромѣшный адъ,
Какъ мучаютъ бѣсы поганые
Которыхъ людей грѣшныихъ.
Которыми людьми много лыгано,
Много хулы на Господа Бога говорено,
Тѣ люди за языки повѣшены
Надъ огнемъ-пламенемъ лютыимъ.
Которые люди любили серебро и золото,
Обиждали изъ-за денегъ другихъ людей,
Тѣ люди въ котлахъ кипятъ,
А въ котлахъ тѣхъ кипитъ растоплено золото.

И такъ далѣе, цѣлый рядъ всевозможныхъ мученій, иногда довольно изысканныхъ:

Со всѣхъ сторонъ змѣи, гадюки ядовитыя,
Жалятъ, язвятъ тѣло грѣшника,
А снизу огонь жгетъ грѣшника,
А сверху по головѣ стукаютъ млаты огневые,
Съ одного боку черти ремни рѣжутъ,
Съ другого боку черти кожу снимаютъ.

Есть мученія еще сложнѣе и ужаснѣе, но я не привожу дальнѣйшихъ выдержекъ, щадя чувства читателя. Мученія, изображаемыя въ „Снѣ", гораздо проще...

Послѣдней „духовной стихерой" былъ „Стихъ о книгѣ Голубиной и о благовѣрномъ князѣ Давыдѣ Ессеевичѣ". Въ немъ за извѣстнымъ разсказомъ о томъ, какъ выпадала съ небесъ книга „Голубиная" необыкновенныхъ размѣровъ и какъ прочесть и понять ее могъ только одинъ „благовѣрный князь Давыдъ Ессеевичъ", слѣдовало еще оригинальное добавленіе, безусловно позднѣйшаго и, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія. Судя по нѣкоторымъ фразамъ этого добавленія, нѣсколько не подходящаго къ основной темѣ „Стиха", оно было составлено еще въ тѣ времена, когда только что начиналась болѣе или менѣе систематическая колонизація Уральскаго края. Привожу добавленіе цѣликомъ.

А про нашу сторону Уральскую,
Что Уральскую-Сибирскую,

Сицевое въ книгѣ сказано:
Отвоевана та земля уральская
Что царемъ великимъ грозныимъ
У татаръ злыхъ, у башкировей.
А татары изъ нея прогнаны,
А живутъ въ ней люди башкирскіе
Да мордва малорослая,
Еще чукчи, народъ идольскій,
Еще пермь большеротая.
А живутъ они въ горахъ высокіихъ,
Въ лѣсахъ дремучіихъ,
Ѣдятъ мясо лошадиное,
Запиваютъ молокомъ кобыльимъ,
Заговариваютъ рѣчью нечестивою,
Вѣры они не крещеной.
А которые есть тамъ русскіе люди
Отъ тоя чукчи-мордвы сберегаются
Постомъ только и молитвою.
А житье тамъ не въ утробу:
Отъ горъ не видно солнышка,
Отъ лѣсовъ густыхъ темнымъ-темно,
А въ лѣсахъ звѣри лютые,
Медвѣди, волки и вапиторы,
До людской крови охочіе.
Посылаетъ меня въ сей нечистый край,
Посылаетъ царь-батюшка
Сослужить ему службу вѣрную.
Я не ѣмъ, не пью, убиваюся,
Горючьми слезми уливаюся,
Боюсь сторонки дикія.

III.

Вторая часть тетради, носившая названіе „Стихеры мірскія, отъ старыхъ старцевъ въ поученіе мірянамъ и во славу Божію реченныя“, заключала въ себѣ четыре цѣльныхъ былины. Всѣ онѣ принадлежали къ такъ-называемымъ историческимъ былинамъ. Три изъ нихъ были мнѣ извѣстны („О Сибири покореніи“, „Гришка Разстрига“ и „Казанское воинство“—см. „Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ“) и слишкомъ немногимъ отличались отъ опубликованныхъ варіантовъ, чтобы стоило ихъ записывать. За то четвертая былина оказалась совершенно неизвѣстнымъ произведеніемъ народнаго эпоса и при томъ составленнымъ въ послѣднемъ столѣтіи. Называлась она „Аполіонъ и Александра цари“ и содержала описаніе отечественной войны.

Начинается былина очень торжественно:

На восходѣ солнце изъ-за горъ подымается,
На закатѣ солнце за горы закатается,
За солнцемъ ходитъ свѣтелъ мѣсяцъ,
А за мѣсяцемъ ясны звѣздочки.
Оттого на восходѣ свѣтлѣй живутъ,
Оттого на восходѣ вѣра крѣпко стоитъ,
Мать-Россія тамъ раскинулась.
Оттого на закатѣ свѣту конецъ,
Конецъ вѣры—свѣту разума,
Лежатъ державы нечестивыя.
Темь со свѣтомъ неуживчивы,
Промежъ нихъ идетъ непрестанный бой:
Мучаютъ идольники крещеныхъ людей,
Нечестивые государи воюютъ съ царемъ бѣлыимъ;
Царемъ бѣлыимъ—православныимъ.

Послѣ этого вступленія начинается самый разсказъ:

А и будетъ сказаніе отъ давнихъ временъ,
Времени тому будетъ *сто годовъ*.
Поднимался нечестивый царь Аполіонъ
Со французы, нѣмцы и алюторы,
А всего съ нимъ народовъ двадесять,
Супротивъ государя-царя русскаго
Александры-царя православнаго.
Онъ идетъ съ силою неисчетною
Полонить царя бѣлаго,
Изничтожить церкви Божіи,
А крещеный народъ избить-перебить,
А которые живы останутся,
Совратить ихъ въ идольство.
А идетъ Аполіонъ съ западу,
Войсковъ съ нимъ на сто верстъ.
Впереди идетъ колдунья-волшебница
Паскудная дѣвка Маринка,
Злая еретница-безбожница.
Рѣку перейти—плюнетъ Маринка поганая,
Пересохнетъ рѣка быстрая,
Гору перелѣзть—махнетъ Маринка ручищею,
Отъ горы нѣтъ и званія.
Подходитъ Аполіонъ къ русской грани,
Посылаетъ гонца къ царю русскому:
«Сдавайся, молъ, безъ брани кровопролитія,
Не то худо тебѣ будетъ великое».
Отвѣчаетъ Александра—бѣлый царь:

«Я на Господа Бога надѣюся.
А поможетъ Богъ, свернемъ мы тебѣ, злодѣю, голову,
Да воткнемъ ее, поганую, на высокій колъ
На великое посрамленіе».
Осерчалъ тутъ нечестивый Аполіонъ,
Говоритъ рѣчи нечестивыя,
Ругаетъ царя бѣлаго,
Противъ Господа богохульствуетъ,
Велитъ войску вступить въ землю русскую.
То не буря-гроза разыгралася,
Не Илья-Пророкъ гремитъ на небѣ—
Гремятъ пушки, ружья мѣдныя,
Свистятъ стрѣлы каленыя,
Сражаются русскіе съ басурманами.
А у русскихъ рать крѣпка была,
Побили бы силу нечестивую,
Прогнали-бы супостата съ земли русскія,—
Помѣшали имъ военачальники:
Басурманы всѣ были начальники,
Что нѣмцы, сарацины и алюторы.
А потому у русскихъ были басурманы начальники,
Прогнѣвилъ Господа Александра-царь,
Безъ молитвы сажалъ начальниковъ,
Не отгонялъ отъ себя бѣса лукаваго,
На лѣвое ухо зло шепчуща,
И сажалъ начальниковъ по бѣсову наущенію
На погибель христіанъ православныхъ.
Потому побилъ русскихъ Аполіонъ.
Измывалася дѣвка Маринка:
«Побили разъ и еще побьемъ!
Возьмемъ себѣ Москву бѣлокаменну,
Перейдемъ въ нее на жительство.
Изничтожимъ церкви Божіи,
Понастроимъ идольскія капища,
Обратимъ русскихъ въ язычество,
Развратъ заведемъ великій».
Взликовалъ нечестивый Аполіонъ,
Велитъ въ трубы трубить мѣдныя,
Велитъ въ пушки палить аглицкія,
Въ барабаны бить турецкіе,
Идетъ—наступаетъ на землю русскую.
Сторонится войско православное—
Не даютъ ему побить силу вражію
Нечестивые наши начальники,
Верзаула слуги, царя бѣсовскаго.
А идетъ Аполіонъ къ Москвѣ-граду,

Ко той-ли Москвѣ бѣлокаменной,
Гдѣ Россіи-матушкѣ центра находится.
Руссскій народъ ужахается:
«Прогнѣвили мы Господа нашего»!

Слѣдствіемъ такого сознанія своей грѣховности было общее „во грѣхахъ передъ Господомъ покаяніе". Господь сжалился надъ русскимъ народомъ. Жилъ въ тѣ времена нѣкій угодникъ Божій (имени его былина не называетъ), до такой степени освятившій себя постомъ, молитвой и сокрушеніемъ о грѣхахъ, что

Отъ лика его пресвѣтлаго
Лучи-сіяніе было великое,
Нельзя было глазамъ смотрѣть.

Этотъ угодникъ и вѣщалъ крещенымъ людямъ волю Божію: чтобы заслужить себѣ прощеніе и избавиться отъ врага, они должны были, во-первыхъ, поститься сорокъ дней и сорокъ ночей, а во-вторыхъ, дать обѣтъ на будущее время жить по божьему указанію.

Пока все это происходило, нечестивый Аполіонъ съ дѣвкой Маринкой не дремали и подошли уже къ Москвѣ бѣлокаменной. Множество крестовъ, сіявшихъ на главахъ сорока сороковъ, остановили было рать нечестивую, но дѣвка Маринка своими циническими шутками успѣла подбодрить оробѣвшихъ слугъ Антихриста.

Входятъ нечестивые полки въ Москву бѣлокаменну...
Николи Россія-мать такого сраму не видѣла,
Такого поруганія великаго,
Посрамленія передъ всѣми языки.
Опозорены храмы Божіи,
Обезчещены престолы Господни.
Нечестивые говорятъ хулу великую,
Дѣлаютъ дѣла богомерзкія,
Дѣвка Маринка блудъ блудитъ.
Закручинился тутъ Александра-царь,
Призываетъ онъ вѣрныхъ совѣтниковъ,
Говоритъ имъ таковы слова,
Самъ рѣкой плачетъ-разливается:
„Ой вы, гой еси, слуги вѣрные!
Опозорилъ Аполіонъ землю русскую,
Надругался надъ вѣрой дѣдовъ-прадѣдовъ,
Опоганилъ Москву бѣлокаменну...
Ой вы, гой еси, слуги вѣрные!
Раскиньте вы умомъ разумомъ,
Какъ злодѣя намъ изничтожити,
Слободить Россію отъ супостата лютаго,

Поруганіе снять съ церквей Божіихъ,
А и крѣпко задумались совѣтники,
Министры, генералы и сенаторы,
Говорятъ всѣ въ одно слово:
«А и биться всѣмъ до послѣдняго,
Сложить буйны головы,
А такового сраму не терпѣки.
Снаряжай ты, царь нашъ, батюшка,
Послѣднее свое воинство,
Сажай военачальника новаго,
Не нѣмца-язычника, православнаго,
И пойдемъ мы съ Божьей помощью
На того-ли супостата окаяннаго,
На Аполіона нечестиваго».

Александра-царь кличъ кликалъ по землѣ Русской—и поднялись всѣ, кто только могъ:

И идетъ собирается со всей Руси
Силушка великая-несмѣтная,
Бросаютъ мужики своихъ женъ, дѣтей,
Добры молодцы зазнобушекъ,
Слѣзаютъ старики съ печей, заваленокъ,
Расправляютъ кости старыя,
Идутъ биться съ супостатами.

Войско набралось великое: не сотни, не тысячи, а тысячи тысячъ. Помолясь Богу, Александра-царь сталъ раскидывать умомъ-разумомъ: кого выбрать въ начальники этой православной силушки?

А въ тѣ поры Господь милостивый
Надъ русскимъ народомъ сжалился.
Слышитъ Александра во снѣ трубный гласъ:
«Который генералъ тебѣ утромъ первый встрѣтится,
Того генерала и сажай въ начальники».

Просыпается утромъ Александра-царь, выходитъ на улицу славнаго города Петербурга и видитъ, что идетъ ему на встрѣчу честной старецъ, славный Кутузовъ-генералъ. Въ тѣ поры Александра-царь возрадовался, ведетъ Кутузова къ себѣ во дворецъ и назначаетъ его военачальникомъ. Съ этого момента Господь милостивый „повернулъ лико свое пресвѣтлое" къ народу русскому: что ни стычка съ полчищами Аполіона, то разгромъ нечестивыхъ.

Собираетъ Аполіонъ животы свои,
На утекъ хочетъ съ Бѣлокаменной,
Ругаетъ дѣвку Маринку:

«На тебя я, Маринка, надѣялся,
На твое-ли волшебство-гаданіе,
На твою-ли силу бѣсовскую.
А теперь вижу, силы той нѣтъ въ тебѣ,
И приходитъ намъ на утекъ идти».
Выползаютъ полчища несмѣтныя
Со Москвы бѣлокаменной,
Выползаетъ Маринка-паскудница,
Свой гадючій хвостъ поджимаетъ,
Дрожитъ, какъ осиновъ листъ:
«Напрасно мы храмы Божіи безчестили"!

Конечно, православное воинство не мѣшкаетъ и бьетъ утекающаго супостата въ волюшку. Отъ полчищъ Аполіона не остается ужъ и половины.

А и напустилъ еще Господь милостивый
На то войско нечестивое
Лютую зиму—злой морозъ.
Русскіе люди къ морозу привычливы,
Крѣпчаетъ на морозѣ русскій человѣкъ.
А Аполіонъ отъ морозу корячится,
Какъ тараканъ топорщится,
Подъ подоломъ у Маринки отъ холоду хоронится.

Войско Аполіона все замерзло, дѣвка Маринка „отъ морозу, какъ пивная бочка, лопнула", а самъ Аполіонъ былъ взятъ въ полонъ и представленъ Александрѣ-царю.

Тутъ происходитъ между двумя императорами такая сцена:

Упадаетъ Аполіонъ передъ Александрой-царемъ,
А и молитъ слезно, жалобно:
«Прости мнѣ, Александра-царь,
Что гордость мою бѣсовскую,
Что замыселъ мой нечестивый:
Совратила меня та дѣвка-еретница,
Маринкою дѣвка прозывается.»
Отвѣчаетъ Александра-царь:
«Не гоже на дѣвку человѣку срекатися,
Не гоже, а стыдно есть.
А что касаемо прощенія,
Не судья я тебѣ, царь Аполіонъ.
Разсудитъ все Господь милостивый
На страшномъ судѣ послѣднемъ.
А ступай ты съ глазъ моихъ
Въ землю свою нѣмецкую.
Да скажи тамъ еретикамъ алюторамъ,

Что Россія-мать угодна Господу,
Не даетъ онъ ее на поруганіе.
Пока вѣра Христова крѣпко стоитъ,
Пока русскіе люди Богу молятся,
Не осилитъ насъ силушка нѣмецкая!»
И махнулъ рукой Александра-царь:
Подхватили Аполіона слуги царскіе,
Свели съ крыльца царева широкаго,
Да и дали подъ . . . . пинка сурьезнаго,
Запахалъ Аполіонъ носомъ сыру землю.

Кончилось все къ общему благополучію: алюторамъ и прочимъ народамъ языческимъ—наука великая впредь въ Россію-мать не соватися, а русскимъ людямъ—на многія лѣта памятка: не начинать войны-брани безъ Господа.

Ликованье идетъ по всей Руси,
Гудитъ-звенитъ колокольный звонъ радошный,
Поютъ попы славу Господу.

Былина кончается послѣсловіемъ такимъ же торжественнымъ, какъ я ея начало:

Не можетъ побѣдить свѣта тьма,
Не можетъ Верзаулъ, темный царь,
Сторжествовать надъ Господомъ, свѣтлымъ царемъ,
Бѣжитъ темна ночь отъ свѣтла дня,
Не взойти солнцу съ запада.

IV.

Вечеромъ „сказитель“ опять игралъ и пѣлъ. Слушателей набралось очень много; въ хозяйской половинѣ было тѣсно и душно. Были тутъ и мужики, и бабы, но всетаки преобладалъ женскій элементъ. Настроеніе слушателей было торжественное. Бабы попробовали-было подтягивать „сказителю“, но мужики энергично воспротивились этому:

— Довольно мы вашего вою наслушамшись... Нишкни, цыцъ!

„Сказитель“ пѣлъ не долго. Онъ заявилъ, что сегодня усталъ и у него на душѣ худо, и что поэтому пѣть ему не гоже. Публика зашевелилась и молча оставила комнату.

Къ „сказителю“ всѣ относились съ видимымъ почтеніемъ. Повидимому, всѣ уже знали его и пѣлъ онъ имъ не въ первый разъ.

Когда всѣ ушли, я попытался было завязать разговоръ съ нимъ, но онъ довольно рѣзко заявилъ, что онъ „страсть не

охочъ до спросовъ и разспросовъ". Рѣзкій тонъ, которымъ мнѣ это было сказано, смутилъ его самого же.

— Не обезсудьте,—виновато улыбнулся онъ.—Кому какое дѣло?.. Ваше дѣло господское, наше дѣло крестьянское—какое у насъ другъ къ дружкѣ можетъ быть понятіе?.. Не обезсудьте... Да и не до разговоровъ мнѣ.

Когда я уходилъ, онъ остановилъ меня робкой просьбой.

— Можа дашь что? За пѣсни, значитъ... Старался, угодить хотѣлъ.

Я далъ ему монету.

— Не обезсудьте... Спасибо...

Я ушелъ. Немного погодя, ко мнѣ явился хозяинъ.

— Каковъ соловей? а?—спросилъ онъ меня. Видимо, онъ гордился тѣмъ, что у него въ домѣ такой удивительный человѣкъ, какъ „сказитель".

— Кто онъ такой, этотъ вашъ соловей?

Хозяинъ разсказалъ мнѣ о „сказителѣ" слѣдующее.

Появился онъ въ этихъ краяхъ лѣтъ пять назадъ. Никто не зналъ, откуда онъ явился и кто онъ такой, „хоша пачпортъ евонный завсегда въ порядкѣ и наличности". По паспорту его зовутъ Спиридонъ Косыхъ, а самъ онъ велитъ себя звать Василіемъ. Такъ и до сихъ поръ никто о немъ ничего не знаетъ. „Проѣзжающіе которые господа" не разъ пытались втянуть его въ разговоръ, но онъ всегда подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ отказывался разсказать что-нибудь о себѣ. „Енъ книгой своей господамъ обыкновенно глотку затыкаетъ—на, молъ, читай, любопытствуй, а меня оставь." Книгу эту онъ всегда носитъ съ собой, и ее можетъ читать всякій, кто пожелаетъ и сможетъ, а о немъ самомъ такъ никто ничего и не знаетъ, да никогда, должно быть, и не узнаетъ. Да и не все-ли равно, кто онъ такой? Человѣкъ онъ хорошій, душевный, „даже можно сказать душеспасительный"—ну и ладно. Никакихъ грѣшковъ, въ родѣ воровства и т. д., никогда за нимъ не замѣчали. „Да развѣ этакій святой человѣкъ могитъ?" Крестьяне всегда рады его неожиданнымъ приходамъ. Это и понятно: „живешь, можно сказать, въ грязи, всякіе тамъ заботы и непріятности, вздохнуть неколи, и Бога забудешь. А тутъ вдругъ ёнъ съ гуслями, значитъ, съ стихерами божественными... Дюже хорошо."

— Не только бабы, мужики плачутъ, ежели чувствительное что играетъ. Большая ему сила дадена. Не иначе, какъ по нарочитому изволенію Господню... Присвятился, значитъ... За праведное житіе. Ну и точно, не простой челотѣкъ. Одинъ грѣхъ—выпить любитъ. Терпитъ, терпитъ, а потомъ и прорветъ его. Ну, а какъ запьетъ, попадетъ то есть бѣсу въ лапы, совсѣмъ другой человѣкъ.

— А чѣмъ онъ живетъ?—спросилъ я.

— А живетъ онъ по писанію: какъ птица. Не сѣетъ, значитъ, и не жнетъ. Его всякій накормитъ. А на одежу господа даютъ. Какъ птица живетъ: круглый годъ ходитъ... Спитъ теперича. Завтрешнее число, должно, уйдетъ отъ насъ. Святой человѣкъ.

Онъ помолчалъ.

— Идтить усуть... Пора... Завтра, чай, рано утречкомъ пошади будутъ. Прощайте, господинъ хорошій.

Онъ ушелъ. Я соорудилъ себѣ ложе и легъ, но долго не могъ уснуть: въ моихъ ушахъ звенѣли нѣжные звуки гуслей и мнѣ рисовалось ласковое лицо „сказителя". „Точно сонъ", — думалъ я.

Утромъ меня разбудилъ громкій говоръ въ сосѣдней комнатѣ. Я прислушался. Ораторствовалъ „сказитель". Говорилъ онъ чрезвычайно громко и визгливо и былъ, повидимому, очень возбужденъ.

— Ну, значитъ, напихалъ себѣ закромы всякимъ добромъ, — разсказывалъ „сказитель" — и говоритъ своей душѣ: „Пей, ѣшь, Василиса"!

— Василиса? — перебиваетъ его голосъ хозяйки.

— Душу евонную, значитъ, Василисой звали. Пей, говоритъ, Василиса, и ѣшь... Пей и ѣшь...

Пауза.

— Ну? — понукаетъ хозяйка.

— Ну и прогнѣвилъ Господа: померъ. Ни къ чему и пришлось богачество. Для Господа надо богатѣть, для души, значитъ, а не для себя. Добрыя дѣла, значитъ, нужны, а не закромы. Такъ-то.

— Водки-то ты для Господа что-ли нахлестался? — насмѣшливо спрашиваетъ чей-то мужской голосъ.

— Вѣсь силенъ... Пріидоша ко Владиміру (когда, значитъ, онъ хотѣлъ язычество свое бросить и вѣру перемѣнить) сарацины, чтобы, значитъ, его въ свою сарацинскую вѣру переманить, и зѣло хвалиша своего Бога. И вопроси Владиміръ-князь: „А вино вы потребляете"? И рекоша: „Нѣту, бо нашею вѣрою строго воспрещено". И прогнѣвася Владиміръ зѣло и повелѣ прогнати тѣ сарацины въ три шеи, и возопи гласомъ веліимъ, и рече: „Идите отъ меня отлашенные, въ огонь вѣчный! Руси есть веселіе пити, не могимъ безъ этого быти"!.. Такъ-то, добрый человѣкъ.

— Молодчага Владиміръ, — захохоталъ собесѣдникъ.

— И еще сказано въ писаніи, — продолжалъ „сказитель", — не суди, а то и тебя осудятъ. Сначала бревно сруби, а потомъ сучки обрубай... Такъ-то, добрый человѣкъ... Баринъ! а баринъ! ты всталъ?

Я поднялся съ своего ложа.

— Встаю...

— Притчу не пожелаешь-ли послушать? Угостишь ежели...

Въ дверяхъ „проѣзжающей" показалась фигура „сказителя"

Шагалъ онъ очень не твердо, но фигура его уже не была согбенной,—онъ, повидимому, старался придать себѣ гордый, самостоятельный видъ. Онъ подошелъ ко мнѣ. Отъ него такъ и разило сивушнымъ духомъ.

— Могу про дѣвокъ, пожелаешь ежели... которые баре любятъ...

Все обаяніе, которое произвелъ на меня вчера вечеромъ „сказитель", исчезло: передо мной стоялъ обыкновеннѣйшій пьяный мужикъ.

— А може и такъ дашь странному человѣку?.. Струментъ Божій, гусли, значитъ, заложилъ въ кабакѣ. За выкупъ—рубь, за пѣсни—рубь, за стихеры—рубь... На все, значитъ, такцы... Три рубля съ васъ, господинъ... А може и златницу пожертвуешь на спасеніе своея души?..

„Эхъ,—подумалъ я,—мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки"...

„Сказитель" посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и сипло запѣлъ:

А мы пить будемъ
И гулять будемъ,
А смерть придетъ—
Помирать будемъ...

— Руси есть веселіе пити, не могимъ безъ этого быти!. Такъ-то, господинъ хорошій...

На дворѣ зазвякали колокольчики. Я взглянулъ въ окно,—запрягали мой тарантасъ.

Григ. Бѣлорѣцкій.

СМОТРИТЕЛЬ КЛАДБИЩА.

(Очеркъ).

— Ишь ты, вѣтрище какой... такъ и рветъ, окаянный!. Отворяй, что-ли?!

Архипъ Архиповичъ Тарасовъ, смотритель N-скаго кладбища, и дьяконъ, отецъ Петръ, стоятъ подъ крыльцомъ кладбищенской конторы и ждутъ...

Кругомъ темно, какъ въ погребѣ... Холодный осенній вѣтеръ, словно испуганный близостью мертвецовъ, мечется въ сумракѣ глухой ночи съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ и злобнымъ страхомъ. И настойчивый, упорный дождь, не обращая вниманія ни на холодный осенній вѣтеръ, ни на продрогшихъ отъ холода Архипа Архиповича съ отцомъ Петромъ, тянетъ свой безконечный тоскливый разсказъ о томъ, какъ неуютенъ міръ, какъ мало въ немъ и свѣта, и тепла, и какъ однообразно-тяжела жизнь на этой грязной землѣ...

— Отворяй же, матушка!.. черти-бъ съѣли тебя!..

Архипъ Архиповичъ сердится... Впрочемъ, сердится не столько за себя, сколько за гостя своего, отца Петра, передъ которымъ онъ, хозяинъ, чувствуетъ отвѣтственность за это долгое ожиданіе среди непогоды, подъ холоднымъ вѣтромъ и дождемъ.

— Заснула, разсыпалась старая песочница!.. Ты ужъ, отецъ Петръ, извини порядки наши...

Архипъ Архиповичъ обращается къ отцу Петру на короткое дружеское „ты“.

Отецъ Петръ тяжело вздыхаетъ, лѣзетъ зачѣмъ-то въ карманъ и, наконецъ, какъ бы вспомнивъ, что ему необходимо высказаться, нерѣшительно произноситъ:

— Сказано въ Писаніи: толцыте и отверзется вамъ...

— Отворяй же ты, мучительница!.. Ну вотъ—воскресла! слава тебѣ, Господи... Ползетъ... Айда, матушка!

За дверью раздаются чьи-то глухіе, слабые шаги. Весело вспыхиваютъ щели, визжитъ желѣзный крючокъ, скрипятъ петли, и дверь „отверзается“.

Архипъ Архиповичъ вмѣстѣ съ дьякономъ, оба измокшіе, входятъ въ маленькій корридоръ. Передъ ними въ костлявыхъ рукахъ старой старухи дрожитъ крохотная лампа, и сама старуха еле держится на своихъ столѣтнихъ ногахъ...

— Съ Богомъ, Степановна! ступай себѣ!.. не слышишь? спать ступай!..—говоритъ ей Архипъ Архиповичъ.

Старуха отдаетъ лампу и вмѣстѣ съ тѣнями исчезаетъ гдѣ-то въ углу.

Изъ корридора Архипъ Архиповичъ и дьяконъ попадаютъ въ небольшую комнату, оффиціально именуемую конторой. Четыре голыхъ стѣны, столъ, обитый клеенкой, съ большой грязной книгой на немъ, желтый стеклянный шкафъ и нѣсколько стульевъ—вотъ и вся обстановка этой конторы.

— Раздѣвайся, отче...

Отецъ Петръ съ громаднымъ затрудненіемъ выпутывается изъ своихъ широкихъ одеждъ, смахиваетъ съ мокраго лица дождевыя капли и, приведя себя въ нѣкоторый порядокъ, садится за столъ.

Лампа горитъ неважно. Ея тощій огонекъ притаился подъ ярко-синимъ колпакомъ и мучительно и безнадежно тянется вверхъ—на свободу и просторъ. Свѣту мало...

Отецъ Петръ, пока что́, въ ожиданіи будущихъ событій, беретъ, по обыкновенію своему, кладбищенскую книгу, толстую, жирную, и, раскрывъ ее на удачу, читаетъ:

„За могилу титулярнаго совѣтника—15 рублей“.

„Купцу Егорову продано хорошее мѣсто противъ церковнаго алтаря для семьи его на пять человѣкъ — 200 (двѣсти) рублей“...

„Безплатно отведенъ участокъ № 1097 арестанту исправительнаго отдѣленія Александру Кузьмичеву“.

Архипъ Архиповичъ, между тѣмъ, покинувъ гостя наединѣ съ кладбищенской книгой, возится съ приготовленіемъ ужина... Слышно, какъ изъ сосѣдняго корридора шипитъ и трещитъ на веселомъ огнѣ бойкая сковородка, и какъ порою Архипъ Архиповичъ покрываетъ шумъ бойкой сковородки своими глубокими и равнодушно-спокойными вздохами...

Отецъ Петръ, дойдя до послѣдняго листа и прочитавъ свѣжую запись о какомъ-то „почетномъ гражданинѣ Павлѣ Ожогинѣ, доставленномъ изъ земской больницы“, начинаетъ томиться. Литературный матеріалъ исчерпанъ, любознательность пресыщена... и хочется ѣсть... Скучно!

— Архипъ Архиповичъ! — печально обращается онъ къ смотрителю кладбища.—Кто сей усопшій... гражданинъ Павелъ Ожогинъ?

Сковородка трещитъ... Архипъ Архиповичъ не отвѣчаетъ на вопросъ отца дьякона, еще разъ вздыхаетъ и, съ тихой усмѣшкой, медленно говоритъ:

— Читаешь все?! Почитай, отецъ мой!.. Книга эта умная! Почитай, погляди сколько ихъ!.. Всѣ людьми были, а теперь... ежели-бъ не записать ихъ, ничего-бъ отъ ихъ человѣчества и не осталось... Раньше, можетъ, каждому изъ нихъ требовалось полцарства, а теперь... всѣ они на сотнѣ листовъ вмѣстились. Въ двухъ кулакахъ зажмешь ихъ...

Философствовать о бренности человѣческаго существованія и о торжествѣ смерти Архипъ Архиповичъ любитъ до чрезвычайности... И отецъ Петръ хорошо знаетъ эти слабыя струнки смотрителя кладбища, и хотя уже съ давнихъ поръ привыкъ къ „философскимъ“ наклонностямъ Архипа Архиповича, однако, на всякій случай, относится къ нимъ осторожно и сдержанно, съ какой-то глухой тревогой и подозрительнымъ опасеніемъ.

И теперь вотъ, когда Архипъ Архиповичъ упомянулъ о „двухъ кулакахъ“, способныхъ, по его мнѣнію, зажать всѣхъ мертвецовъ N—скаго кладбища, дѣло принимаетъ явно угрожающій оборотъ и отецъ Петръ испытываетъ тупое чувство непонятной тоски...

— Кто сей усопшій?—снова спрашиваетъ онъ Архипа Архиповича, хватаясь за „усопшаго“, какъ за соломенку.

И соломенка спасаетъ погибающаго... Архипъ Архиповичъ, какъ бы уступая отцу Петру, рѣшаетъ, наконецъ, удовлетворить его безпокойное любопытство.

— Павелъ Ожогинъ—есть такой!—заявляетъ Архипъ Архиповичъ,—дѣйствительно, изъ больницы... тамъ и умеръ... умеръ отъ смерти да отъ случая. Случай случился съ нимъ, слышь, какой!.. Газетчикъ былъ этотъ Павелъ Ожогинъ, почасти городскихъ происшествій, что ли. И сочинилъ онъ какъ-то въ прошломъ мѣсяцѣ статью съ неодобреніемъ пожарной команды... молъ, бочки не въ порядкѣ, у лошадей—гнилое сѣно, брандмейстеръ кажный вечеръ занимается циркомъ, и всюду оттого опозданіе и пожарное бѣдствіе... Ядовитая статья!.. Прочелъ ее и брандмейстеръ, и стало ему очень обидно... „Кто такой писалъ“?.. Павелъ Ожогинъ!.. „Тотъ самый, говоритъ, что на пожарахъ записываетъ подробности“?.. Онъ самый!.. „Такъ слушайте, молодцы, велитъ онъ своей командѣ, какъ только сунется этотъ Ожогинъ на пожаръ, лейте на него изъ кишки, да хорошенько, молодцы! хорошенько, чтобъ зналъ собачій сынъ... Отвѣта не бойтесь!..

лейте на него подъ тѣмъ видомъ, что мѣшаетъ, дескать, тушить пламя или по нечаянности"... Сказано—и сдѣлано... Недѣли двѣ назадъ загорѣлись рыбныя лавки... знаешь?.. Загорѣлись отчаянно... Прибѣгаетъ и нашъ газетчикъ, значитъ, по своимъ газетнымъ надобностямъ... Глядитъ на все, нюхаетъ... А его, сердечнаго, и высмотрѣли. Высмотрѣли, да и ну поливать, такъ полили его, что сухой нитки не осталось на немъ... Погодища смертная! Человѣкъ и заболѣлъ... къ тому же грудь слабая... Отвезли въ больницу. Передъ самой смертью, сказываютъ,—пріѣзжалъ навѣстить товарищъ его, такой же сочинитель... товарищъ будто бы очень жалѣлъ покойника, а брандмейстера будто-бъ ругалъ подлецомъ и разбойникомъ... Такъ и умеръ Павелъ Ожогинъ. Сегодня закопали, записали въ книгу—и кончено...

Архипъ Архиповичъ останавливается, какъ бы размышляя, стоитъ ли извлечь ему изъ этого скверного „случая" съ Павломъ Ожогинымъ какую-либо полезную и назидательную мысль...

Отецъ Петръ, немного потревоженный печальной судьбой „усопшаго гражданина", рѣшаетъ омрачиться...

— Да-а-а!—произноситъ онъ,—дѣйствительно... —Затѣмъ дьяконъ съ робкимъ безпокойствомъ смотритъ на дверь, ведущую въ корридоръ, изъ котораго вмѣстѣ съ шипѣньемъ сковородки доносилась только что разсказанная Архипомъ Архиповичемъ повѣсть о дикомъ брандмейстерѣ... Отца дьякона безпокоитъ теперь самъ Архипъ Архиповичъ. Не придерется ли онъ къ „усопшему гражданину" Павлу Ожогину и не начнетъ ли разглагольствовать о безсовѣстной суетѣ и неправдѣ жизни?.. Впрочемъ, опасенія его, повидимому, оказываются напрасными.

Архипъ Архиповичъ молчитъ. Сковородка перестаетъ трещать. И черезъ нѣсколько минутъ и сковородка, и Архипъ Архиповичъ медленно и осторожно выплываютъ изъ корридора...

Сковородка, по сосѣдству съ лампой, занимаетъ добрую четверть маленькаго стола... Архипъ Архиповичъ роется въ желтомъ стеклянномъ шкафу, приноситъ двѣ тарелки, ножи съ вилками, хлѣбъ и водку, и затѣмъ спокойно садится рядомъ съ отцомъ Петромъ. Начинаютъ ужинать.

Густое облако жирнаго пара поднимается надъ столомъ и окутываетъ своими тяжелыми, неподвижными клубами и смотрителя кладбища, и отца дьякона. Слабо дрожатъ блѣдносинія пятна, падающія на нихъ отъ умирающей лампы, и кругомъ отовсюду, изъ всѣхъ угловъ ползутъ сѣрыя, чуть-чуть чернѣющія тѣни.

Архипъ Архиповичъ ѣстъ медленно и равнодушно. Отецъ

Петръ уплетаетъ каждый кусокъ съ какой-то задыхающейся быстротой, тонкимъ сладострастьемъ и упоеньемъ.

Отецъ Петръ вообще представляетъ собой удивительную фигуру. Маленькій и тщедушный, онъ, не смотря на свой сорокалѣтній возрастъ и духовный санъ, обладаетъ наружностью, въ высшей степени легкомысленной и глубоко простоватой. Странными, какъ бы неумѣстными и рискованными кажутся и его комически-быстрыя движенія, и тонкій козлиный голосокъ, и безпокойно-бѣгающіе глаза, и это почти дѣтское, чѣмъ-то удивленное лицо. Носъ у отца Петра сильно вздернутъ кверху, щеки пылаютъ румянцемъ, усы растутъ плохо, а вмѣсто бороды торчитъ нѣсколько подозрительныхъ клочковъ жидкихъ волосъ.

Въ противоположность отцу Петру, смотритель кладбища Архипъ Архиповичъ Тарасовъ выглядитъ человѣкомъ крупнымъ и весьма значительнымъ. Со своей большой сѣдою головой, съ потухшими холодными глазами, ушедшими далеко, подъ густыя низко нависшія брови, съ худымъ, изможденнымъ лицомъ грязно-землистаго цвѣта и съ мрачной улыбкой, всегда готовой сползти на огромную выцвѣтшую, тоже сѣдую, бороду, онъ производитъ впечатлѣніе необычайное. Кажется вамъ, что эти могилы, благоустройствомъ которыхъ завѣдуетъ Архипъ Архиповичъ, породнились съ нимъ и наложили на него свою таинственную печать.

И эти разные, совсѣмъ не похожіе другъ на друга люди, отецъ Петръ и Архипъ Архиповичъ, связаны между собой не то, чтобы дружбой, а систематическимъ совмѣстнымъ препровожденіемъ свободнаго и ни на что ненужнаго времени... Ужъ много лѣтъ, чуть ли не ежедневно, отецъ Петръ ходитъ къ Архипу Архиповичу въ гости, ходитъ потому, что живетъ по сосѣдству и ходить недалеко, и еще потому ходитъ, что дома у него нѣтъ ничего, кромѣ больной жены и грязныхъ дѣтей, а у стараго смотрителя кладбища всегда нетрудно бываетъ и закусить, и выпить. Въ свою очередь, Архипъ Архиповичъ, относящійся къ закускѣ и выпивкѣ съ полнымъ безразличіемъ, дорожитъ обществомъ отца Петра, какъ терпѣливаго и выносливаго слушателя, передъ которымъ безъ особыхъ затрудненій онъ можетъ развивать свои любимыя темы о жизни и смерти...

Ужинъ въ разгарѣ... Огонь открытъ: Архипъ Архиповичъ успѣлъ уже произнести не мало рѣчей и теперь опять говоритъ, и снова говоритъ. Отецъ Петръ слушаетъ его съ чувствомъ примирившейся готовности и, увлеченный, собственно, своимъ гастрономическимъ занятіемъ, пытается, тѣмъ не менѣе, заинтересоваться и изобразить на лицѣ должное вниманіе...

— Много въ тебѣ, отецъ Петръ, этой радости къ жизни,— обращается къ нему Архипъ Архиповичъ:—А у людей ее еще больше!.. Не люблю я этой радости. Противна она мнѣ, охъ, какъ противна. Примѣрно, живетъ человѣкъ и радуется. Чему онъ радуется? Я спрашиваю, чему онъ радуется? Тому, что живетъ? Эхъ-ма! Жить-то онъ, дѣйствительно, живетъ... да живетъ временно, попущеніемъ смерти... А смерть—слышишь?—главное... смерть больше, чѣмъ жизнь... она—навѣки, она не пройдетъ и пребудетъ во всѣ дни... Человѣкъ забываетъ себя, оттого и радуется!.. Думаетъ, что онъ господинъ всему, а посмотрѣть ближе—онъ все одно, что червякъ. Владычествуетъ надъ нимъ... выше него... смерть. Это онъ долженъ понять...

Отецъ Петръ еще ближе припадаетъ къ тарелкѣ, какъ-то сжимается, и на маломъ челѣ его выступаютъ двѣ неглубокія морщины. Судя по всему, отецъ Петръ начинаетъ переутомляться...

— Не любишь ты этой правды,—говоритъ ему Архипъ Архиповичъ.—Знаю я! не любишь ты... много въ тебѣ жадности и любви къ жизни. Хоть ты въ общемъ и смирно сидишь и есть въ тебѣ не мало огорченія всякаго, а все же ты радуешься, и духъ твой, словно бѣсъ... Чему радуешься?!.

Отецъ Петръ приходитъ въ легкое замѣшательство, тянется къ бутылкѣ и хочетъ отвѣтить, что онъ вовсе ничему не радуется и что даже напротивъ. Но Архипъ Архиповичъ продолжаетъ свое:

— Вотъ ты водку лижешь, лижешь для утѣшенія своей скорбящей души, а зачѣмъ тебѣ утѣшать душу свою, ты не знаешь. И я скажу тебѣ: никакого утѣшенія не требуется!.. Не утѣшать душу надобно, а примирять ее со смертью. У человѣка должна быть впереди точка. Точка эта и есть смерть. Такъ это и знай. Такъ и живи, какъ бы готовясь къ смерти. Иди къ ней безъ злобы и боязни, не противься ей! Смирись духомъ и побори въ себѣ жажду жизни и пойми, что смерть...

Отецъ Петръ чувствуетъ, что его немного мутитъ... Слабо, какъ бы дорожа только принципіальной стороной дѣла, онъ рѣшаетъ, наконецъ, сопротивляться:

— Это вы, Архипъ Архиповичъ... могу сказать... напрасно. Все отъ Бога!.. и радость, и не радость, и смерть, и жизнь. Изъ праха созданы и въ прахъ...

И не доканчивая фразы и вовсе не желая ни доказывать что-либо, ни опровергать, отецъ Петръ вливаетъ въ себя рюмку водки.

— Вотъ такъ!—говоритъ онъ.

— Отъ Бога, говоришь!.. — съ невозмутимымъ спокойствіемъ возражаетъ Архипъ Архиповичъ.—Богъ создалъ человѣка и весь міръ—это приблизительно вѣрно... Но кто, какъ не самъ человѣкъ долженъ разобрать, гдѣ что хорошо, а гдѣ скверно? И жуликъ, и святой праведникъ—все отъ Бога... Ты... человѣкъ обязанъ... несходство это... постичь... Да не въ томъ суть, голова моя!.. Я говорю тебѣ про жизнь и смерть. Что сильнѣй и что выше изъ нихъ? Вотъ что рѣшай!..

Отецъ Петръ тяжело и безнадежно хлопаетъ глазами.

— Возьми, къ примѣру, меня... Что есть моя жизнь?

И Архипъ Архиповичъ въ сотый разъ, къ ужасу отца Петра, разсказываетъ ему о своей жизни. Оказывается, что когда то давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, Архипъ Архиповичъ тоже жилъ, какъ живутъ всѣ люди. Былъ женатъ, ростилъ дѣтей, держалъ мельницу, имѣлъ хозяйство и домишко. Жилъ маленькой счастливой жизнью, и вдругъ всего не стало. Одно большое несчастье разомъ перевернуло всю его маленькую счастливую жизнь. Однажды лѣтомъ, когда Архипъ Архиповичъ ѣздилъ куда-то на ярмарку, въ позднюю ночь сгорѣли и домишко его, и мельница, а вмѣстѣ съ ними и жена его и пять душъ дѣтей, малъ-мала меньше. Остался онъ одинокимъ горемыкой, безъ угла и пріюта... Тяжко было сперва, и кормиться было нечѣмъ, да насчетъ пропитанія помогли благодѣтели. Въ газетахъ писали, сочувствовали... Самъ губернаторъ Олсуфьевъ призвалъ къ себѣ Архипа Архиповича и говоритъ ему: „Дѣло твое дрянь. Мы тебя устроимъ“. И устроили. Назначили смотрителемъ кладбища, того самаго кладбища, на которомъ лежатъ зарытыми шесть труповъ его сгорѣвшей семьи. Вотъ и вся жизнь.

Разсказываетъ Архипъ Архиповичъ холодно и безстрастно и разсказавши эту бѣдную, краткую біографію, снова возвращается къ философскимъ обобщеніямъ:

— Назначили смотрителемъ... Такъ и пошло... Старый я теперь. Много похоронилъ всякаго народа, а самъ живу... Зачѣмъ живу—не знаю... Вотъ, божій человѣкъ, и сообрази... Что есть жизнь человѣческая? Пустякъ и обманъ!.. Все въ ней не настоящее и невѣрное. И сгорѣть ты можешь, и потонуть, и задавить тебя можетъ, и брандмейстеру не трудно облить тебя на смерть изъ кишки, и болѣзни всякія, и черное горе стучится къ тебѣ во всѣ двери... И вездѣ, куда ни посмотришь, больше суеты и шума происходитъ, чѣмъ истиннаго счастья. И выходитъ, что смерть приходитъ къ человѣку, какъ бы любя его, на радость и для облегченія. И чего противятся ей и боятся ее, непостижимо уму... Это... какъ сказать?.. жадность и трусость... Трусливъ человѣкъ и жа-

день — это правда... Все-то ему мало, и любить онъ жизнь отъ той-же трусости и... боится смерти, какъ чорта... Смерть, отецъ Петръ...

Отецъ Петръ вздыхаетъ и пьетъ... Наступаетъ обычный моментъ, повторяющійся чуть ли не каждый вечеръ, когда отецъ Петръ, выпивши достаточное количество водки, вдругъ оживляется, и оставляя въ сторонѣ разглагольствованія Архипа Архиповича, перебиваетъ его и говоритъ:

— Что... право... смерть да смерть, Архипъ Архипычъ... Вы лучше... меня, живого... разсмотрите. Сорокъ лѣтъ мнѣ. Полжизни служу въ церковномъ причтѣ. Ни въ чемъ незамѣченъ. Стараюсь, какъ могу... а священства не удостоенъ. По какой причинѣ? Неподобающая, смѣхотворная наружность!..

— Ты брось-ка про это... Слышалъ, знаю... — мрачно протестуетъ Архипъ Архиповичъ и уноситъ со стола бутылку съ водкой. Архипъ Архиповичъ знаетъ, что, когда отецъ Петръ собирается разсказать о своихъ безуспѣшныхъ попыткахъ получить санъ и мѣсто священника, то пить отцу Петру больше не слѣдуетъ. А пока Архипъ Архиповичъ водворяетъ бутылку, отецъ Петръ, охваченный минутной вспышкой своихъ горькихъ воспоминаній, доканчиваетъ обычный монологъ:

— Иду къ его преосвященству... къ Кириллу... Прямо — въ ноги ему... и плачу слезами... Сорокъ лѣтъ, говорю... обремененъ семействомъ, измаялся, говорю... А его преосвященство отвѣтствуютъ... гнѣвнымъ голосомъ: „како, имѣя ликъ младенца, пріемлешь даръ пастырской власти? Послушайся, дьяконъ Петръ!.. оставь и не тщись"... Такъ и говоритъ... оставь и... не тщись...

Послѣ этого краснорѣчіе отца Петра истощается, и самъ отецъ Петръ впадаетъ въ то безнадежное состояніе, при которомъ Архипъ Архиповичъ не можетъ продолжать невольно прерванную рѣчь о жизни и смерти, не рискуя утратить своего единственнаго слушателя...

— Одѣвайся-ка ты... сдѣлай милость...

Архипъ Архиповичъ наскоро помогаетъ своему гостю одѣться, набрасываетъ на себя свое длинное изношенное пальто, и оба выходятъ изъ конторы...

На дворѣ злится вѣтеръ... Отъ конторы до церковнаго дома, въ которомъ живетъ отецъ Петръ, недалеко.

— Провожу тебя... пьяненькаго человѣка, — сообщаетъ ему Архипъ Архиповичъ.

И они плетутся по темной аллеѣ... Деревьевъ почти не видно, и о существованіи ихъ легче заключить по рѣзкому висту и шуму, который срывается съ ихъ обнаженныхъ

вѣтвей. Дождь пересталъ, и только вѣтеръ съ прежнимъ отчаяньемъ мечется вокругъ... Съ аллеи Архипъ Архиповичъ и отецъ Петръ поворачиваютъ по узкой дорожкѣ, извивающейся между могилъ. Кой-гдѣ, тамъ и сямъ слабо вырисовывается крестъ, чуть-чуть блеститъ мраморная плита или ярко вспыхиваетъ на черномъ фонѣ свѣтлый огонекъ теплящейся лампады. И тогда могилы, лежащія по сторонамъ, кажутся еще болѣе неприглядными... Дорожка, наконецъ, обрывается, и Архипъ Архиповичъ съ отцомъ Петромъ попадаютъ на открытую небольшую площадку передъ церковной папертью и затѣмъ подходятъ къ какой-то низкой двери, надъ которой тускло свѣтятся грязныя стекла узкой рамы...

— Вотъ тебѣ и край!..

Архипъ Архиповичъ бережно и осторожно вталкиваетъ отца Петра въ самую дверь и затѣмъ плетется обратно, плетется шагъ за шагомъ, медленно, не спѣша. Спѣшить и некуда, и незачѣмъ... И кромѣ того, Архипъ Архиповичъ очень любитъ побродить ночью среди этихъ хорошо знакомыхъ могилъ. Здѣсь старый смотритель кладбища со своей самодѣльной философіей, принимающей смерть за конечную цѣль всего существующаго, чувствуетъ себя какъ-бы въ родной стихіи. Здѣсь, среди этихъ могилъ, передъ лицомъ торжествующей смерти, удобнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, втайнѣ поразмыслить и о жизни...

„Что есть жизнь“?

Могилы спятъ непробуднымъ сномъ. Вѣтеръ злится, и Архипъ Архиповичъ слышитъ на себѣ его рѣзкіе, страстные порывы...

„Что есть жизнь?—думаетъ онъ,—суета и обманъ!.. жизнь, какъ этотъ вѣтеръ, кидается по всѣмъ сторонамъ, безъ всякаго толка и разума“...

Архипъ Архиповичъ подходитъ къ желѣзной калиткѣ и останавливается. Кругомъ темно, но Архипъ Архиповичъ знаетъ отлично, что скрывается въ этой темнотѣ. Тамъ, за оградой кладбища—широкая пустынная площадь. Съ правой стороны—голое поле, съ лѣвой, вдали—земская больница, ближе—анатомическій покой, и какъ разъ напротивъ—тюремный замокъ. Все здѣсь хорошо извѣстно Архипу Архиповичу... И этотъ шумъ отъ густой длинной аллеи, ведущей въ городъ, и рядъ телеграфныхъ столбовъ, убѣгающихъ невѣсть куда, и эти огоньки. Одни изъ нихъ, болѣе блѣдные и тусклые, свѣтятся въ больницѣ, другіе, поярче и сильнѣй, освѣщаютъ тюрьму. И только огоньки эти живутъ здѣсь и напоминаютъ Архипу Архиповичу и его могиламъ о томъ, что жизнь еще не изсякла въ своихъ источникахъ. Огоньки живутъ... Архипъ Архиповичъ смотритъ на нихъ и думаетъ

о той-же суетѣ и горькой неправдѣ человѣческой жизни, думаетъ о томъ, что и огоньки, и вѣтеръ, и тоскливое завываніе телеграфныхъ проволокъ не заключаютъ въ себѣ ничего хорошаго... Смерть лучше!.. Она снимаетъ съ человѣка его страданія и всѣ мелочи ежедневныхъ скучныхъ заботъ... Смерть лучше!..

Долго-долго стоитъ Архипъ Архиповичъ у желѣзной калитки, передъ широкой пустынной площадью...

Съ колокольни неохотно ползутъ удары церковнаго колокола. Они отрываются отъ металла съ какой-то глухой болью и, оторвавшись, плывутъ въ ночной глубинѣ тяжело и уныло. Имъ какъ будто бы жаль разстаться съ тихой колокольней и уйти навсегда, безслѣдно, въ эту холодную, мокрую ночь... Они, эти печальные, больные удары церковнаго колокола также говорятъ Архипу Архиповичу о томъ, что жить человѣку скверно и что лучше ему ничего не знать и забыться...

И Архипъ Архиповичъ чувствуетъ боль живого металла и понимаетъ его живой внятный языкъ.

— Что есть жизнь?!—все думаетъ онъ... И съ тѣми-же, почти такими-же старыми, какъ онъ самъ, мыслями, нисколько не разсѣянными ни этимъ ненастнымъ вѣтромъ, ни громадой этихъ могилъ, ни жалобой колокола, вдругъ пронесшейся надъ мертвымъ кладбищемъ, съ тѣми-же старыми, дряхлыми мыслями Архипъ Архиповичъ идетъ, наконецъ, домой...

Походка у Архипа Архиповича тяжелая... Высокій, худой, сгорбленный старикъ ступаетъ такъ, словно несетъ на себѣ всю тяготу той самой жизни, которая шальнымъ огнемъ истребляетъ людей, посылаетъ на нихъ злодѣевъ-брандмейстеровъ и гибелью угрожаетъ на каждомъ шагу, которая тлѣетъ вмѣстѣ съ огоньками и мечется вмѣстѣ съ холоднымъ осеннимъ вѣтромъ тамъ,—на широкой, пустынной площади, и которую Архипъ Архиповичъ, старикъ, готовый завтра сойти въ одну изъ могилъ своего кладбища, осудилъ уже давно и безповоротно...

Н. Горловскій.

КАРМЕЛИТКА.

Романъ *Крауфорда.*

Переводъ К. И. Саблиной.

VIII.

Былъ обѣденный часъ; Дельримпль сидѣлъ въ общей столовой, куда иногда заходили почетные гости, вродѣ доктора Таддси, выпить стаканчикъ вина.

— Я не трактирщикъ,—любилъ повторять Стефанонъ,—а торговецъ винами. Жена и дочь стряпаютъ для меня и для жильца нашего, но не для всякаго встрѣчнаго!

Въ этотъ день онъ отсутствовалъ,—уѣхалъ по дѣламъ въ Римъ. Сора Нанна сидѣла по правую руку англичанина и вязала шерстяной носокъ мужу; глаза ея нѣтъ-нѣтъ да и оторвутся отъ работы и взглянутъ на накрывающую на столъ Анету. Наконецъ, дѣвушка подала кушанье и усѣлась на другомъ концѣ стола, подальше отъ лампы, чтобы лучше видѣть обѣдающаго жильца.

— Мама,—вдругъ сказала она, подперевъ подбородокъ рукою и не спуская глазъ съ Энгуса,—хотите, я сообщу вамъ изумительную новость? Синьоръ англичанинъ ухаживаетъ за одной изъ кармелитокъ! Что вы на это скажете?.. Охъ, ужъ эти протестанты! Ничего святого для нихъ нѣтъ... Скоро молнія спалитъ весь монастырь, попомните мое слово!

— Что за чушь ты мелешь?—сказала мать, пристально глядя на свою работу.

— Чушь? Сущую правду. Взгляните на его виноватый видъ... Ого, кажется, я попала въ чувствительное мѣсто!—засмѣялась дерзкая дѣвушка, нимало не смущаясь неодобрительнымъ молчаніемъ и строгимъ выраженіемъ лица молодого человѣка.—Говорю вамъ, что все вижу, какъ на ладони. И не думайте, что я удовлетворилась его секретомъ! О нѣтъ: я узнала секретъ сестры Маріи Адолораты,—рѣчь вѣдь идетъ объ ней. О принцессѣ! Родственницѣ матери-игуменьи, племянницѣ самого кардинала. Вонъ куда хва-

тилъ нашъ протестантъ! Такъ узнайте-же, что сестра Марія тоже влюбилась въ него. Сегодня, въ то время, какъ вы, по обыкновенію, уткнули носъ въ корзину съ бѣльемъ, я выбрала удобную минутку и спросила ее, довольна-ли игуменья своимъ новымъ докторомъ; она отвѣтила, что очень довольна. Тогда я набралась храбрости и бухнула: „онъ гораздо лучше, чѣмъ синьоръ Томазо Таддси, неправда-ли, сестрица"? Въ отвѣтъ мнѣ бросили такой взглядъ, что я чуть не провалилась сквозь землю... то-есть другая, на моемъ мѣстѣ, провалилась-бы, а я ничего, уцѣлѣла. Охъ, эти знатныя барыни! Не фамильярничай съ ними, а то бѣда! Но я не изъ трусливыхъ: смиренно вздохнула, да и говорю: „я потому такъ спросила, сестрица, что лучше-бы для матушки-игуменьи не мѣнять доктора. На-дняхъ синьоръ Таддси совсѣмъ выздоровѣетъ, а ужъ онъ не таковскій, чтобъ оставить свою практику въ чужихъ рукахъ"... Царица Небесная! Какіе глаза она сдѣлала! Даже я немножко струсила,— а ужъ, кажется, не изъ робкихъ! Однако, ни слова... Побѣлѣла вся, словно статуя у фонтана, на нашей площади... Господи, что за лицо!

Хитрая, торжествующая улыбка скривила ротъ Анеты; не радостью сверкнули маленькіе черные глазки, и жесткій взглядъ ихъ ни на минуту не отрывался отъ Дельримпля. Сора Нанна перестала вязать и, разиня ротъ, смотрѣла на дочь, одурѣвъ отъ любопытства.

— Грѣхи тяжкіе!..—пробормотала она.

— Для него грѣховъ не существуетъ!—хихикнула Анета,— протестанты не исповѣдуются. Самъ себѣ судья и хозяинъ. А вотъ сестра Марія,—это другое дѣло... Придется ей каяться духовнику... Ха, ха! Что я говорила вамъ, мѣсяцъ тому назадъ, помните? Что она грѣшитъ помышленіемъ... Не права я была, скажете? Насквозь ее видѣла. Если бъ вы сами, мама, на что ужъ вы ничего не видите и не замѣчаете!—взглянули на нее, когда я объявила, что докторъ Томазо совсѣмъ поправился, и синьору англичанину не за чѣмъ будетъ ходить въ монастырь,—и вы поняли бы, что отчаяніе написано на ея лицѣ. А я только хотѣла испытать ее... Я вовсе не знаю, скоро-ли выздоровѣетъ тотъ старый сплетникъ... Говорятъ, дуракъ пьетъ и жретъ безъ удержу! Оселъ! Оттого и лихорадка. Ну, да выздоровѣетъ же когда-нибудь; или матушка-игуменья поправится, либо умретъ... и тогда? Тогда кончатся визиты синьора англичанина, и начнутся вздохи и слезы... Рѣкой будетъ разливаться наша гордая святоша,— но ничего не подѣлаешь! Ни она, ни вы, ни я—ничего не подѣлаемъ! Конецъ!..

Она, задыхаясь, умолкла.

— Господи Іисусе!—воскликнула Сора Нанна, оглушен-

ная этимъ словоизверженіемъ,—не сошла-ли съума моя дѣвчонка? И не стыдно тебѣ говорить такъ при синьорѣ? Не даешь вставить ему ни слова!

— Э, что́ ему сказать на это? Что я лгу? Онъ лучше меня знаетъ, что я говорю правду. Ахъ, дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть на нихъ, когда они вмѣстѣ! Я увѣрена, что она не разъ показывала ему свое лицо!

— Нѣтъ!—съ ужасомъ возразила Нанна, скандализированная и заинтересованная разсказаннымъ Анетой романомъ,—нѣтъ! Это ужъ положительно запрещено.

— Запрещено? Большое ему дѣло до этого. Вы все свое! Да вѣдь онъ протестантъ, что ему до этихъ запрещеній? Да будь онъ даже католикомъ, это дѣла не мѣняетъ. Онъ влюбился въ кармелитку. Ухаживаетъ за ней, и труды его не пропадаютъ даромъ. Ну, дѣла!..

При этихъ словахъ, нехорошій, злобный огонекъ загорѣлся въ глазахъ Анеты. Что касается до Дельримпля,—то онъ дѣлалъ видъ, что не слушаетъ; только лицо его было мрачно и гнѣвно. Наконецъ, онъ поднялъ съ книги глаза (онъ имѣлъ обыкновеніе за обѣдомъ читать) и сурово вперилъ ихъ въ нахальную дѣвчонку, изощрявшуюся въ остротахъ. Злые черные глазенки Анеты не выдержали этого взгляда и опустились.

— Простите ей, синьоръ,—вмѣшалась Нанна, обрадовавшись затишью,—она дура. Не знаетъ сама, что мелетъ ея языкъ. Никто не въ силахъ удержать ее, и меня не слушается. Стоитъ-ли обращать на нее вниманіе? Все равно, что шавка лаетъ... Но если она не уймется, то я пожалуюсь отцу Онъ задастъ ей. Кулакъ у него здоровенный. А главное, синьоръ, не обращайте на нее вниманія. Не стоитъ того.

Вмѣсто отвѣта, Дельримпль снова углубился въ книгу, пораженный тѣмъ, что онъ прочелъ на лицѣ бѣдовой дѣвушки. Ему до сихъ поръ въ голову не приходило, что она можетъ питать къ нему какое-нибудь иное чувство, кромѣ простого любопытства, внушаемаго чужестранцами въ Италіи; полнѣйшее равнодушіе его самого къ ней помѣшало ему до сихъ поръ придавать значеніе ея задорнымъ выходкамъ и заигрываньямъ, которыя давно примѣтилъ и вѣрно объяснилъ Томазо Таддси, за что и поплатился...

Вѣроятно, Энгусъ даже и не глядѣлъ на нее вовсе, допуская ея шутки и болтовню, какъ неизбѣжный аксессуаръ обѣда у Стефанона, и въ большинствѣ случаевъ углубленный въ чтеніе какой-нибудь книги. Въ общемъ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на шавку,—по наивному сравненію самой матери,—шумливую, надоѣдливую, но въ сущности безвредную.

И вдругъ словно прозрѣлъ онъ и, понявъ,—до нельзя чзумился.

Главнымъ же образомъ, сладко и болѣзненно забилось его сердце отъ сообщенія ревнивой дѣвушки...

Укрощенная холоднымъ, негодующимъ взглядомъ Энгуса, Анета замолчала. Лицо ея дышало страстной ревностью, каждая черта его ясно говорила, что маленькій необузданный звѣрокъ испытываетъ чувство, весьма похожее на любовь. Крупный ротъ искаженъ былъ страданіемъ, но оскаленная верхняя губа напоминала, что у этого существа ненависть и месть слѣдуютъ непосредственно за любовью, жестокость за нѣжностью. Она понуро молчала, взбѣшенная тѣмъ, что вѣрно угадала; ей хотѣлось или отбить Энгуса у Маріи, или убить его... Когда она разсказывала ему о красотѣ кармелитки, о ея чудномъ голосѣ, ей просто хотѣлось заинтересовать его разговоромъ, привлечь его разсѣянное вниманіе разсказами; она никакъ не ожидала, что онъ заинтересуется не ею, а героиней ея разсказа, будетъ слушать ее, а мечтать о той... И вотъ теперь ей пришлось убѣдиться, что онъ влюбленъ въ Марію,—губы его дрогнули во время ея разсказа, а женское сердце чутко къ малѣйшему проявленію любви!

Все это мигомъ постигъ Энгусъ, удивился отъ неожиданности,—но до того ли ему было, чтобы останавливаться на чемъ-нибудь постороннемъ?! Въ воображеніи его вставалъ милый образъ Маріи Брачіо, блѣдной отъ предстоящей разлуки съ нимъ. Итакъ, онъ не ошибся, она любитъ его! Приходитъ въ ужасъ при мысли потерять его... Онъ зналъ это, читалъ въ ея мысляхъ, раньше чѣмъ ревнивая дѣвчонка подмѣтила это своимъ завистливымъ глазомъ. Но что же дѣлать? Отступить? Бѣжать? Поздно... Страсть сильнѣе разсудка, когда чувство зашло ужъ такъ далеко. Идти навстрѣчу манящему счастью? Бросить вызовъ всему свѣту? Завоевать ее, во что бы то ни стало? О, съ какимъ восторгомъ сдѣлалъ бы онъ все это! Но она? Согласится ли? Даже въ томъ случаѣ, если бъ ему было время убѣждать ее, разбивать мало-по-малу тысячи цѣпей, которыми традиціи, предразсудки и матеріальныя препятствія приковывали ее къ монастырю?..

Между тѣмъ, Нанна продолжала свою нелѣпую болтовню, а Анета, убирая со стола, исподлобья слѣдила за волненіемъ, которое онъ мысленно переживалъ, стараясь казаться невозмутимымъ.

Онъ поспѣшно выпилъ послѣдній глотокъ вина и, надѣвъ плащъ, пошелъ безцѣльно бродить; его охватила потребность уединенія, чтобы сосредоточиться, разобраться въ своихъ мысляхъ и ощущеніяхъ безъ помѣхи. Въ сущности же, въ немъ пре-

обладал бурный восторгъ, сердце его билось отъ смутной и жаждой надежды близкаго счастья. Долго бродилъ онъ по горнымъ тропинкамъ; дулъ рѣзкій вѣтеръ; вечерѣло; время близилось ко всенощной. День былъ воскресный,—Энгусъ цѣлую недѣлю ждалъ этого дня и, съ первымъ ударомъ колокола, направился къ монастырю кармелитокъ. Церковь была еще пуста; спозаранку забрались лишь старухи и на колѣняхъ усердно молились.

Энгусъ сталъ у одной изъ колоннъ. Два маленькіе церковнослужителя начали зажигать свѣчи на алтарѣ. Позади, въ глубинѣ, находились хоры, защищенные рѣшеткой и занавѣской. Вскорѣ явилось духовенство, церковь мало-по-малу наполнилась народомъ и, послѣ обычныхъ прелюдій и колѣнопреклоненій, началась служба. Хоръ монахинь запѣлъ псалмы.

Съ непокрытой головой, уважая культъ, котораго онъ не раздѣлялъ и не понималъ, но зналъ, что базисомъ ему служитъ вѣра,—Дельримпль внимательно слушалъ. Съ первыхъ же звуковъ, какъ онъ и предвидѣлъ, слухъ его безошибочно узналъ голосъ Маріи Брачіо среди другихъ голосовъ. Въ хорѣ этихъ итальянокъ было, конечно, много прекрасныхъ голосовъ; но изо всѣхъ выдѣлялся, по дивному тембру, силѣ и задушевности, тотъ голосъ, ради котораго пришелъ въ церковь англичанинъ; среди мелодичныхъ звуковъ, которые неслись съ хоръ и замирали подъ высокими сводами купола, одинъ звукъ продолжалъ жить и трепетать въ сердцѣ его, долго послѣ того, какъ вибрація умолкала для всѣхъ остальныхъ слушателей. Сильный и нѣжный, гибкій и глубокій, вѣрный, какъ безукоризненная струна, краснорѣчивый и естественный, грустный и страстный, голосъ Маріи лился безъ усилія и аффектаціи, располагая къ благодатнымъ слезамъ, навѣвая поэтическія грезы.

И Дельримпль зналъ, что она поетъ для него, понималъ значеніе каждой ноты... Она пѣла о душевномъ разстройствѣ бѣдной жертвы семейныхъ традицій, о борьбѣ и укорахъ совѣсти Маріи Брачіо; объ отчаяніи Маріи Адолораты, Христовой невѣсты, о ея первой, страстной земной любви, грѣховной, запретной, но неотразимой и властной, какъ сама смерть. Сердце молодого человѣка преисполнено было нѣжностью и счастьемъ, радостью и блаженствомъ.

Кончилось тѣмъ, что онъ пересталъ слышать хоръ, или, вѣрнѣе, хоръ какъ бы служилъ аккомпаниментомъ пѣнію Маріи. Но вотъ кончились псалмы, духовенство встало съ мѣстъ и выстроилось въ рядъ передъ алтаремъ и раздались первыя фразы solo: Марія пѣла одна: „o salutaris hostia!“

Дельримпль вознесенъ на небо. Никогда еще старые своды

церкви не слыхали такого страстнаго, отчаяннаго призыва погибающей души; моленія, чтобы исчезло искушеніе, и затаеннаго желанія не быть услышанной; ужаса отъ сознанія кощунства и надежды, что оно свершится; безпорядочной смѣси страстныхъ порывовъ и стремленій, противорѣчивыхъ и бурныхъ упованій; такой дивной, по чувству и исполненію, пѣсни. Простые люди, равнодушно явившіеся въ церковь въ силу привычки, поняли, что слышатъ нѣчто изумительное, единственное, и многіе отъ умиленія плакали... Дельримпль упалъ на колѣни и пересталъ думать, бороться, желать... Его подхватило словно вихремъ и бросило на землю, побѣжденнаго, безсильнаго, отдавшагося безвозвратно во власть грѣховной прелести запрещенной людскими измышленіями любви.

Воцарилось молчаніе... Гимнъ кончился. Священнослужитель возжегъ ѳиміамъ; у алтаря прочли нараспѣвъ еще нѣсколько псалмовъ, хоръ пропѣлъ „Tantum ergo". Но *ея* голоса не было больше слышно... Затѣмъ священникъ благословилъ молящихся—и служба кончилась.

IX.

Оставалось-ли мѣсто борьбѣ? Для Энгуса священный гимнъ былъ ничто иное, какъ пылкій призывъ, какъ страстное объясненіе въ любви; если это грѣхъ,—то онъ былъ ужъ сдѣланъ, возврата не могло быть. Поздно измышлять полумѣры. Смѣлые планы, отчаянныя рѣшенія неясно толпились въ умѣ его. Онъ любимъ, и вдругъ остановится передъ пустымъ призракомъ вынужденнаго обѣта? Допотопной рухлядью монастырскихъ уставовъ? Смѣшно даже! О, нѣтъ, онъ отбросилъ колебанія... Но она? Какъ уговорить ее? Времени мало, случаи рѣдки, помощи ждать неоткуда. Столько почтенныхъ вѣрованій и узкихъ предразсудковъ придется ему побѣдить въ сердцѣ Маріи. Она его любитъ... Но достаточно-ли сильна, чтобъ этимъ рычагомъ приподнять свинцовую завѣсу, сотканную вѣками и тяготѣющую надъ ней? Тайное внутреннее убѣжденіе говорило ему: да. Онъ жадно запоминалъ каждое слово, комментировалъ каждый жестъ милой тѣни съ закрытымъ лицомъ; онъ думалъ, что знаетъ ее; наслѣдственная смѣлость не чужда ей; ни опасное предпріятіе, ни утомленіе—не испугаютъ ея. Значитъ, остается уговорить ее бѣжать съ нимъ... Матеріальныя затрудненія, церковные громы, месть семьи—все это ему ни почемъ! Даже преслѣдованія закона и наемный кинжалъ... Лишь бы Марія согласилась—и онъ побѣдитъ небо, землю и адъ!

Для Маріи Брачіо послѣдніе два дня тоже составили эпоху. Чуть не съ перваго свиданія она почувствовала влеченіе къ Дельримплю. Было-ли въ ихъ встрѣчѣ что-нибудь роковое, предопредѣленное судьбой, или просто пылкая страсть молодого человѣка властно покорила ее,—но сердце ея отдалось безъ вопросовъ, безъ борьбы, сомнѣній и колебаній. Первые дни, когда она еще не отдавала себѣ отчета въ своемъ чувствѣ,—она вся охвачена была безконечнымъ блаженствомъ, ясной радостью, чистымъ восторгомъ. Точно спали съ нея внезапно оковы, точно дали ей наслаждаться воздухомъ и солнцемъ,—и измученная душа ея жадно впивала въ себя и то, и другое. Но весна любви недолга, всѣмъ это извѣстно. На смѣну душевному миру и невинному счастью явились сомнѣнія, тревоги, смутныя опасенія и укоры совѣсти. Слова Анеты, сказанныя съ лукавой цѣлью, тяжелымъ камнемъ упали на сердце Маріи, пробудили ея самосознаніе. Она разомъ поняла, къ какой пропасти направляла шаги свои, на какія безвыходныя страданія обрекала себя... Завтра, по обыкновенію, явится докторъ... Ей стало въ первый разъ страшно при этой мысли, и она рѣшила, что обязана быть съ нимъ сдержанной, холодной... И вдругъ онъ первый предупреждаетъ ея намѣренія, самъ сдержанъ и холоденъ до неузнаваемости! Цѣлый день послѣ этого ходила она словно ошеломленная, машинально исполняя свои обязанности и предписанные обряды, съ отчаяніемъ и тоской въ душѣ... За вечернимъ богослуженіемъ настроеніе ея нашло исходъ: въ пѣніи вылилось все накипѣвшее горе ея; пѣніемъ выразила она и страхъ, и тоску, и любовь. Тутъ-ли онъ, въ числѣ прихожанъ? Быть можетъ, раздумалъ... Онъ такой былъ странный... Безумецъ! Не сегодня—завтра имъ и такъ предстоитъ разлука навѣки!

На слѣдующій день, послѣ обычнаго церемоніала докторскаго визита, когда дверь въ спальню игуменьи затворилась, Дельримпль выказалъ желаніе поговорить съ сестрой Маріей, по примѣру прежнихъ дней.

— Еще какую-нибудь инструкцію относительно больной желаете добавить?—спросила она, не садясь.

— Инструкцію? О, нѣтъ... Я, кажется, все сказалъ...

— Въ такомъ случаѣ, прощайте...

— Неужели нельзя поговорить съ вами, какъ бывало прежде?..—робко сказалъ онъ.

— Почему же... Но развѣ вы не спѣшите? У васъ, вѣрно, столько дѣлъ...

— Дѣлъ? Никакихъ, увѣряю васъ.

— Вчера несомнѣнно были. Даже матушка замѣтила это.

— Нѣтъ,—смутился Энгусъ,—дѣлъ у меня не было.

— А!.. Значитъ вамъ нездоровилось?

— И этого не было.

— Что же, въ такомъ случаѣ?

— Ни... ничего...

— Докторъ,—серьезно начала Марія, садясь въ кресло игуменьи и указывая ему мѣсто напротивъ себя,—вчера вы были совсѣмъ другой, чѣмъ сегодня, чѣмъ въ прежніе дни. Вы говорите: ни дѣлъ, ни нездоровья не было; значитъ я причина перемѣны вашего настроенія? Вы обязаны сказать мнѣ правду, прямо.

Послѣ минутнаго молчанія, онъ отвѣтилъ:

— Постоянное недовѣріе, разумѣется, не можетъ благотворно вліять на мое настроеніе.

— Что это значитъ?

— Господи, кажется, ясно! Сколько времени хожу я сюда! Вы видѣли съ перваго момента нашего знакомства, что я вашъ преданный другъ... Женскій инстинктъ на этотъ счетъ едва-ли ошибется.

— Въ этихъ стѣнахъ нѣтъ женщинъ... Я только кармелитка...—чуть слышно замѣтила она.

— Послѣ общихъ заботъ о больной, — продолжалъ онъ, не обративъ вниманія на ея слова,—общихъ тревогъ, опасеній, надеждъ, не грустно-ли мнѣ убѣдиться, что я для васъ всетаки первый встрѣчный, какой-то докторъ, не болѣе того!..

— Не понимаю...—смутилась Марія.

— Какъ? Не понимаете, что мнѣ оскорбительно видѣть васъ не иначе, какъ съ закрытымъ лицомъ? Я не разъ выражалъ желаніе увидѣть ваше лицо...

— Вы знаете, что уставъ запрещаетъ это...

— Варварскій и нелѣпый уставъ, который давно отжилъ свое время! Уставъ запрещаетъ вамъ пѣть, говорили вы мнѣ,—что можетъ быть безобразнѣе и глупѣе этого запрета? Но я слышалъ ваше пѣніе... вчера въ церкви... Марія... сестра Марія!..

— А!.. Вы были въ церкви?

— Былъ. А вы не знали... не почувствовали этого? Простите, я думалъ, что вы пѣли для меня... И съ какимъ благоговѣніемъ внималъ я вамъ! Я вознесенъ былъ на небо! До послѣдняго вздоха сохраню въ памяти звуки вашего небеснаго голоса! Кто научилъ васъ пѣть? Что чувствуете вы сами, когда покоряете сердца слушателей?..

— Я бываю счастлива!—просто сказала она,—точно съ узника спадаютъ оковы... Для меня пѣть, все равно, что слѣпому видѣть, разслабленному ходить, нѣмому говорить!.. О, какая пытка не смѣть пѣть!..

— Бѣдный жаворонокъ въ неволѣ! Простору и свѣту бы тебѣ, несчастный узникъ!—прошепталъ Энгусъ и задумался.

— Сестра Марія!—продолжалъ онъ черезъ минуту, поднимая голову,—вы смѣлы, это всякій понимаетъ; вы по наслѣдственности принадлежите къ той породѣ людей, которая привыкла повелѣвать, издавать и измѣнять законы... Попробуйте разобрать прямо и храбро: на какомъ основаніи прикованы вы здѣсь? Неужели вы, дѣвушка изъ семьи Джероно-Брачіо, умная, молодая, красивая, полная жизни, можете смиренно подчиниться нелѣпымъ и жестокимъ предразсудкамъ, не смѣя даже провѣрить ихъ? Неужели вы серьезно полагаете, что обязаны заглушить въ себѣ потребность жизни и любви, прятать отъ взоровъ людскихъ данное вамъ Богомъ красивое лицо,—словно это не даръ, не преимущество, а постыдное клеймо?..

Она не отвѣтила; но руки ея краснорѣчиво стиснули одна другую.

— Вы молчите? Но я безъ словъ понимаю васъ! Да, я утверждаю, что между нами есть сходство, душевная симпатія, влеченіе другъ къ другу,—называйте какъ хотите... Теперь скажите по совѣсти, не грѣхъ-ли задушить, уничтожить такое чувство? Не позорное-ли малодушіе смириться безъ борьбы, отказаться отъ такого сокровища, разойтись безо всякаго протеста? Докторъ Таддси скоро выздоровѣетъ... Я долженъ буду уступить ему мѣсто, стушеваться... Такъ я и уйду, не видавъ даже вашего лица?

Она вздрогнула; руки нервно затрепетали.

— Это будетъ еще не скоро...—упавшимъ голосомъ проговорила она.

— Быть можетъ, завтра!..—съ силой перебилъ Энгусъ,—и я умру, не видавъ васъ, Марія!

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. И вдругъ, съ внезапной рѣшимостью, сестра Марія откинула свой вуаль.

— Смотрите!

Лицо ея было блѣдно; глаза горѣли испугомъ; отъ порывистаго движенія, весь головной уборъ ея сдвинулся назадъ, оставляя открытыми весь лобъ и часть золотистыхъ волосъ.

Дельримпль, не двигаясь, боясь дохнуть, смотрѣлъ; такъ смотритъ художникъ на дивную статую, забывъ въ эту минуту все на свѣтѣ. Но мало-по-малу мраморъ оживился; румянецъ разлился по блѣдному лицу кармелитки. Восхищенный англичанинъ очнулся: казалось, онъ тутъ только понялъ, что передъ нимъ не мраморное изваяніе, а женщина, которую онъ любитъ; голубые глаза его сверкнули страстью... Но въ ту-же минуту Марія прониклась непоправимымъ ужасомъ своего поступка и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

Дельримпль не находилъ словъ утѣшенія; онъ всталъ и попытался взять ее за руку; но она отдернула свою руку.

— Уйдите!.. Уйдите!.. ради Бога уйдите!—умоляла она, рыдая.

Пришлось повиноваться. Внутреннее чутье говорило ему, что надо дать грозѣ пройти; что Марія несомнѣнно любитъ его... Но, съ другой стороны, каждая минута дорога; случаи для объясненій рѣдки... Онъ не ушелъ, а молча выжидалъ.

Марія понемногу успокоилась, отняла руки отъ лица и хотѣла привести въ порядокъ головной уборъ и вуаль, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздался хриплый стонъ.

Оба вздрогнули. Если бъ они внимательнѣе прислушивались, то услыхали бы за послѣднія минуты задыхающійся голосъ игуменьи, съ трудомъ выговаривавшій:

— Марія!.. Марія!.. Марія!..

Услыхавъ, наконецъ, молодая дѣвушка вскочила въ испугѣ.

— Что-нибудь случилось!..

— Марія!.. Умираю!..

Недолго раздумывая, Дельримпль бросился за Маріей въ комнату больной. Онъ давно опасался подобнаго припадка и всегда носилъ съ собой нужные медикаменты для возбужденія дѣятельности сердца.

Со страшно выпученными глазами и открытымъ ртомъ лежала игуменья, запрокинувъ голову назадъ, стоны прекратились,—она казалась мертвой. Дельримпль твердой рукой влилъ ей въ ротъ требуемый пріемъ лѣкарства, въ то время какъ перепуганная Марія поддерживала ея безжизненную голову; затѣмъ оба стали ждать.

— Все кончено!—прошептала молодая дѣвушка, послѣ тягостной минуты молчанія,—пусть покоится въ мирѣ!

— Нѣтъ, она не умерла. На этотъ разъ переживетъ припадокъ,—сказалъ Энгусъ, не спуская глазъ съ лица больной.

Черезъ нѣсколько мгновеній, Марія точно могла распознать признаки жизни на мертвенно-блѣдномъ лицѣ игуменьи: вѣки опустились, ротъ закрылся; сердце тоже начало биться и дыханіе вернулось. Не приходя въ сознаніе, старушка впала въ глубокій сонъ.

— Это хорошо!—произнесъ докторъ, считая удары пульса по своему хронометру,—пусть спитъ. Моя помощь больше пока не нужна.

— Слава Богу, что она не замѣтила вашего присутствія! Скорѣй идемте въ гостиную! Сохрани Господи, если она проснется и увидитъ васъ... Скорѣй, скорѣй!..

Марія быстро прошла въ гостинную, жестомъ торопя англичанина слѣдовать за ней.

— Какъ! Даже при такой опасности?—удивился Энгусъ,

никакъ не усвоивая щепетильныхъ монастырскихъ соображеній.

— Тетка моя женщина прямолинейная; принципы ея непоколебимы, и никакая опасность не въ состояніи пошатнуть или измѣнить ихъ.

— Да вѣдь дѣло идетъ объ ея жизни!—настаивалъ докторъ.

— Жизнь ея въ рукахъ Божіихъ,—вотъ что отвѣтила она доктору Таддси, когда онъ желалъ видѣть ея лицо.

— Великолѣпно! Но глупо, извините. Во славу Божію допустить себя умереть отъ недостатка медицинской помощи? При чемъ тутъ слава Божія?

— Увы, я этого сама не знаю и не понимаю!—созналась Марія.

Оба замолчали; разстроенная и блѣдная, она оперлась одной рукой о спинку кресла, а другую прижала къ сердцу; глаза ея задумчиво смотрѣли въ окошко; мысли, очевидно, были далеко; вопросъ о поднятомъ вуалѣ, такъ сильно безпокоившій ее недавно, былъ забытъ.

Но не забылъ ничего Дельримпль. Жизнь или смерть игуменьи играла въ его глазахъ второстепенную роль; долгъ свой, относительно паціентки онъ исполнилъ; самый же главный вопросъ остался невыясненнымъ. Онъ не спускалъ глазъ съ Маріи, думалъ о своемъ счастьи, о томъ, что надо дѣйствовать безъ промедленія и колебанія.

Въ эту минуту Марія, повидимому, забыла укоры совѣсти; не опасно ли будетъ напомнить о нихъ?

Сердце Энгуса страшно билось; ему стоило протянуть руки и заключить ее въ объятія... Ему безумно, неудержимо захотѣлось поступить именно такъ... Онъ до боли закусилъ губу и поблѣднѣлъ отъ усилія удержать себя отъ искушенія. Онъ ждалъ, что она заговоритъ, нарушитъ чары, внушитъ ему привычное самообладаніе. Но она сама казалась точно загипнотизированной, улетѣвшей въ область грезъ. Молчаніе становилось тягостнымъ. Наконецъ, Марія тихо перевела глаза на Энгуса... Онъ не выдержалъ и, стремительно двинувшись къ ней, въ страстномъ порывѣ обнялъ ее.

Черезъ мигъ губы ихъ встрѣтились въ безумномъ поцѣлуѣ.

X.

Пролетѣло такимъ образомъ нѣсколько быстрыхъ мгновеній. Блаженство обоихъ было такъ велико, что обыкновенно смертные дорого за него платятъ...

Энгусъ почувствовалъ, что она дѣлаетъ попытку освобо-

диться изъ его объятій; онъ съ усиліемъ разжалъ руки, и она опустилась на кресло, строгимъ движеніемъ отстраняя его отъ себя.

— Я совершила тяжкій грѣхъ...—прошептала она, поникнувъ головой. Убитый видъ ея и блѣдность поистинѣ были трагичны; но Дельримпль не расположенъ былъ дешево уступить свое счастье.

— Какъ?—рѣзко сказалъ онъ,—вы называете тяжкимъ грѣхомъ обязательство, которое приняли относительно меня?

— Я связана обѣтомъ и обязана сдержать его.

— Никакого обѣта вы не давали. Его дали за васъ. Поцѣлуй—вотъ вашъ обѣтъ мнѣ. Правдивый, свободный, единственный!..

— Тотъ предшествовалъ.

— Но онъ былъ вынужденъ, Марія!.. Неужели вы меня и наше счастье сравните съ такимъ вздоромъ? Вѣдь это химера!..

— Это не химера,—печально возразила она,—и вы это знаете такъ же хорошо, какъ и я. Вы джентльмэнъ, понимаете честь... Честь приказываетъ держать обѣты.

— Честь не имѣетъ отношенія къ вынужденнымъ обѣтамъ!—съ силой повторилъ Энгусъ,—вамъ не въ чемъ будетъ упрекнуть себя. Вы поцѣловали человѣка, безгранично любящаго васъ и любимаго вами. Поцѣлуемъ мы закрѣпили нашъ договоръ, Марія! Развѣ это преступленіе? Грѣхъ? Повѣрьте мнѣ, что видѣть въ этомъ грѣхъ и преступленіе—противоестественная извращенность понятій! Свободный и здравый человѣкъ долженъ гордиться чувствомъ любви!

— Свободный!.. Но я не свободна!

— Воображеніе!..

— Сердце мое было уже отдано.

— Подтасовка!

— Я связана словомъ!..

— Возьмите свое слово назадъ... Марія, который изъ вашихъ обѣтовъ чистосердечнѣе?..

— Не искушайте меня...

— Я хочу вернуть васъ на путь здраваго смысла и свободы. Если это вы называете искушеніемъ,—пусть будетъ такъ. Слушайте меня. Васъ обманули. Вѣдь вы были почти неразумнымъ ребенкомъ, когда вліяли на васъ въ извѣстномъ смыслѣ... Съ дѣтства исковеркали и извратили ваше мышленіе... Заставили называть долгомъ самое возмутительное рабство, самую вопіющую несправедливость... Вы уступили, подчинились,—какъ могло быть иначе? Но натура у васъ, правдивая и сильная, возмущена... Не говорите нѣтъ! Въ глубинѣ души вашей живетъ вѣчный протестъ! Обѣтъ былъ

вырванъ у васъ насильно, вымученъ, вынужденъ. Вы за него не отвѣтственны. Васъ убаюкали, усыпили обѣщаніями вѣчнаго блаженства за гробомъ, напугали нескончаемымъ мученіемъ въ аду... А знаете-ли вы, что такое настоящій адъ? Жизнь безъ любви, кто разъ постигъ это чувство! Это вѣрно, Марія! Скажите, вѣрите-ли вы мнѣ?

— Вѣрю, противъ моей воли!—тихо отвѣтила она,—а не должна бы вѣрить. Вы искуситель. Изъ-за васъ я тяжко согрѣшила. Но я еще могу замолить мой грѣхъ... Наложить на себя покаяніе... Если въ васъ есть капля великодушія, уйдите... Не приходите больше!

— Не уйду!—съ такой силой произнесъ Дельримпль, что Маріи послышался голосъ самой судьбы.

— Боже! Сжалься надъ бѣдной душой моей! Я-же не могу защищаться!

Она закрыла лицо руками; Энгусъ продолжалъ:

— Не на Бога надѣйтесь, а на меня. Я буду вашимъ защитникомъ. Отбросьте всѣ страхи и опасенія, положитесь на меня. Я смѣлъ и не сробѣю ни передъ обществомъ, ни передъ грубой силой. Возьму васъ, брошу вызовъ всему свѣту и унесу. Вы—моя вѣра, моя религія, мое счастье! И вы тоже любите меня, Марія! Загляните въ сердце свое и не бойтесь сказать правду. Вы гоните меня прочь? Но, бѣдное дитя, что будетъ съ вами, если я уйду? Вы боитесь погибнуть? Но безъ меня-то вы и погибнете! Впрочемъ, выбора для васъ уже нѣтъ: я получилъ отъ васъ въ залогъ любви поцѣлуй, вы теперь моя. Слышите, Марія: не я одинъ поцѣловалъ васъ, вы возвратили мнѣ поцѣлуй—и теперь не властны располагать собою. Вы связаны, принадлежите мнѣ. Никакая сила, ни земная, ни небесная, не заставятъ меня отказаться отъ васъ. Я вырву васъ отсюда... Не вынуждайте меня къ насилію. Не слушайте лживыхъ голосовъ, убѣждающихъ васъ, что любовь чувство позорное и грѣховное... Марія, слѣдуйте за мной!.. Вы свободны. Родители ваши, своимъ безчеловѣчнымъ эгоизмомъ, лишили себя всякихъ правъ на васъ... Не смущайтесь, не раздумывайте, дорогая моя,—идите за мной... Не говорите о возмездіи, о мукахъ ада... Неужели ради меня вы не рискнете подвергнуть себя мученіямъ, даже въ аду,—вы, равная мнѣ по смѣлости и силѣ духа? О, я бы купилъ васъ цѣной нѣсколькихъ вѣчностей адскихъ мукъ, клянусь вамъ! И не нашелъ бы эту цѣну слишкомъ дорогой! Вы рѣшились? Пойдете за мной?.. Смотрите,—Дельримпль указалъ рукой въ окно, на ограду,—ничего нѣтъ труднаго... Ночью выходите къ калиточкѣ; лошади будутъ ждать... Завтра мы въ Чевита-Веккіи... Тамъ англійское судно на якорѣ... Офицеры мнѣ пріятели... Черезъ

день мы въ безопасности, женаты, счастливы! О, Марія, Марія, подумайте и отвѣтьте, что вы согласны!

Она отняла руки отъ лица и, наклонившись впередъ, слушала уже спокойнѣе.

— Довѣрьтесь мнѣ!—убѣждалъ онъ горячо, торопливо,— вы не раскаетесь, будете счастливы! Я привезу васъ къ моему отцу, домой! Васъ полюбятъ, будутъ почитать, обожать! Дорогая, тамъ всѣ черныя суевѣрія и мрачные призраки разлетятся, какъ дымъ, препятствія покажутся ничтожными! На почвѣ моего отечества, даже на англійскомъ кораблѣ, вы забудете противоестественные обѣты, нелѣпыя эпитимьи и умерщвленія плоти, деспотическое вмѣшательство родительской власти въ вашу жизнь. У насъ все это неизвѣстно! Я самъ, вы знаете, избралъ карьеру, перешагнувъ черезъ существующіе у насъ предразсудки. Но отецъ не отнялъ у меня своего расположенія, не вычеркнулъ изъ списка сыновей. Я привезу ему невѣстку красивую, честную, благородную... Онъ васъ будетъ обожать. Не бойтесь, ѣдемъ... Тамъ новый свѣтъ, цвѣты, радость, миръ, любовь! Тамъ вы будете пѣть, никто не станетъ угнетать вашъ дивный даръ! Милая, вѣрьте, все въ этихъ стѣнахъ лживо, подтасовано, устарѣло, отжило свое время. Не въ отреченіи отъ счастья спасеніе! Стряхните оковы, берите счастье, которое дается вамъ: это ваше неотъемлемое право! Чувствуете-ли вы, какъ я люблю васъ? Каждый ударъ сердца моего, каждая капля крови принадлежатъ вамъ! Мы предназначены другъ для друга!

Она сдѣлала было попытку приложить руки къ ушамъ, чтобы не слышать искусителя; но онъ перехватилъ эти руки по дорогѣ, удержалъ ихъ въ одной изъ своихъ, а другой властно обнялъ ее за плечи.

Долго говорилъ Энгусъ. Говорилъ пылко и убѣдительно, то нѣжно, то страстно; обѣщалъ все, что имѣетъ, и чего не имѣетъ; вызывалъ на борьбу небо, адъ, людей и самого Бога. Безчисленное множество разъ повторялъ, что любитъ ее, увѣряя, что и она платитъ ему тѣмъ же.

Марія молчала, не протестуя, не защищаясь. Звукъ его голоса заглушалъ всѣ другіе голоса въ душѣ ея, и она слушала, очарованная.

Наконецъ, онъ замолчалъ. Она подняла глаза.

— А завтра?—спросила она.

— Завтра? Завтра будетъ днемъ избавленія! Бѣжимъ нынче же ночью! Всѣ слѣдующіе дни будутъ наши, неотъемлемо наши!

Но она покачала головой и тихонько высвободила плечо изъ-подъ его руки.

— А ее бросимъ умирать? — она кивнула въ сторону спальни игуменьи.

Онъ не нашелся отвѣтить.

— И затѣмъ стыдъ, стыдъ!—продолжала она.—Позоръ! Я не снесу его! Не требуйте!.. Да, да, тысячу разъ—да, я васъ люблю! Идти за вами было бы высшимъ счастьемъ. Отчасти согласна, что меня принесли въ жертву... Вынудили обѣты. Жизнь моя ужасна, будетъ еще ужаснѣе теперь... Но... запятнать имя Джероно-Брачіо... Никогда! Не могу! Ни за что!..

Брови англичанина грозно сдвинулись, голубые глаза сверкнули.

Наступило молчаніе.

— Вѣрите вы въ Бога?—спросилъ онъ, глядя на кармелитку въ упоръ.

Она вздрогнула, но не отвѣтила.

— Вѣрите. Такъ я призываю Его въ свидѣтели, что завтра застрѣлюсь, если вы откажетесь бѣжать со мной.

Онъ всталъ; встала за нимъ и она, блѣдная, съ расширенными глазами.

— Что вы сказали? Знаете-ли, что̀ вы сказали?..

— Знаю.

— Вы... не серьезно?..

— Совершенно серьезно. Слушайте меня, Марія. Я живу вами, для васъ, изъ-за васъ... Если вы боитесь, не способны идти на встрѣчу опасностямъ...

Она презрительно махнула рукой.

— Я не труслива.

— Если, наконецъ, у васъ не достаетъ нравственной смѣлости завоевать счастье,—я удалюсь... Но даю вамъ честное слово: покончу съ собой.

Она стояла, какъ окаменѣлая, неподвижно, со сдвинутыми бровями, не смѣя принять страшное рѣшеніе.

Тогда онъ двинулся къ двери.

— Прощайте!

Въ одинъ мигъ очутилась она возлѣ него, схватила его за руки.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Вы такъ не уйдете!..

— Чего вы хотите? Не играйте мною!—рѣзко сказалъ онъ.

— Боже мой! Сжалься! Дайте мнѣ время обдумать!.. Я сама не знаю... Голову потеряла... Дайте подумать!..

— Нѣтъ. Сегодня, какъ и завтра, будутъ тѣ же колебанія. Положеніе вѣдь не измѣнится. Вамъ надо самой, сразу повернуть свою судьбу. Раздумывать безполезно. Не можете,—прощайте. Вамъ предстоитъ медленная смерть, — мнѣ мгновенная... Послѣднее лучше...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—въ тоскѣ повторяла она, хватаясь за него своими нѣжными, бѣлыми руками,—вы не уйдете. Выслушайте меня... Имѣйте жалость... Подумайте: кто я?.. Гдѣ я?.. Чего вы требуете? Чтобъ я ушла отсюда сегодня? Но какъ? Какимъ образомъ? Даже одежда моя...

Онъ мигомъ понялъ, что, когда рѣчь идетъ о такихъ практическихъ мелочахъ, значитъ въ главномъ есть уже тайное согласіе на побѣгъ. Глаза его смягчились, лицо утратило гнѣвное выраженіе; онъ съ нѣжностью взглянулъ на милое, страдальческое лицо умолявшей его дѣвушки, поднесъ къ губамъ ея руку и сказалъ:

— Я закутаю васъ въ плащъ; плэдъ накинемъ на голову,—какъ носятъ шотландскія женщины, Марія! Но важнѣе всего этого выбрать моментъ, когда васъ никуда не позовутъ, долго не хватятся... Гдѣ ваша комната?

Она вздрогнула, смутилась; но опасаясь, что онъ снова заговоритъ о самоубійствѣ, обстоятельно объяснила ему, гдѣ находится ея келья, разсказала, что балконъ ея выходитъ въ садъ, прямо противъ калиточки. Онъ подробно разспросилъ о ключѣ и задвижкѣ... Затрудненій съ этой стороны не оказалось.

— Теперь полнолуніе, ночь свѣтлая,—сказалъ онъ задумчиво,—но все равно, ждать некогда. Не позже завтрашняго дня... Сегодня же приму нужныя мѣры... Отъ васъ прошу только отворить мнѣ калитку въ условный часъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вдругъ возмутилась она,—не могу! Стыдъ! Святотатство!.. Меня проклянутъ родные, церковь!.. Нѣтъ! Лучше умереть!..

Онъ слушалъ ее, до крови закусивъ губы. Глаза его снова метали молніи.

— Вижу,—медленно произнесъ онъ,—что я ошибся. Анаѳема горсти фанатиковъ, сплетни римскихъ аристократовъ,—вотъ главныя соображенія... Любовь, сравнительно съ такими капитальными дѣлами, сущій пустякъ, по вашему...

— Жестокій! Вы этого не думаете! Я васъ люблю, такъ же, какъ и вы меня!

— Я ставлю васъ выше всѣхъ остальныхъ соображеній.

— Знаю. И я тоже...

— Докажите!

— Вы требуете невозможнаго.

— Марія, подумайте о будущемъ! Близокъ часъ, когда меня не будетъ около васъ... Сумѣете вы жить безъ меня?

Она подумала.

— Нѣтъ. Отнынѣ жизнь безъ васъ для меня немыслима...

Наивныя слова эти произнесены были тономъ глубочайшей

искренности, беззавѣтной любви и отчаянія. Тронутый Энгусъ съ умиленіемъ взялъ ее за руку.

— Вотъ видите, дорогая! Не играйте-же и моимъ чувствомъ, моей жизнью. Слѣдуете за мной!..

— Надо!.. Надо!..—повторила она, какъ потерянная.

— Обѣщаетесь?

— Обѣщаюсь.

— А завтра снова начнутся колебанія?

— Я дала слово! А вы еще своего не дали...

— О, я!..—онъ энергично сжалъ ея руку:—вы знаете, что мнѣ не къ чему давать слово. Вы вѣрите мнѣ вполнѣ, иначе и быть не можетъ, Марія?..

— А вы мнѣ не вѣрите?

Онъ вперилъ проницательный взглядъ въ ея черные глаза.

— Все еще сомнѣваетесь?

— Сомнѣваюсь. Не осуждаю васъ... но вполнѣ довѣрять не могу...

— Что-же сдѣлать, чтобъ вы не сомнѣвались?

— Не знаю...

— Я дала обѣщаніе... Хотите клятву? Клянусь!.. Все равно, я ужъ душу свою погубила... Чего же вамъ еще?..

— Не знаю... Неотразимаго доказательства...—говорилъ онъ медленно, не спуская глазъ съ ея лица, отыскивая на немъ выраженіе непреклонной воли, непобѣдимой твердости.

Непривычный румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Маріи.

— Вѣрьте мнѣ!—повелительно сказала она,—смотрите!

Она вдругъ поднесла свою руку ко рту и впилась въ нее зубами. Показалась кровь.

Такое необдуманное, дикое доказательство, повидимому, возымѣло желаемое дѣйствіе: Дельримпль былъ обезоруженъ.

— Я вѣрю вамъ! —сказалъ онъ, страстно обнялъ ее и поцѣловалъ на прощанье.

XI.

Выйдя изъ монастыря, Энгусъ Дельримпль долго бродилъ по горамъ, придумывая и отвергая тысячи плановъ; наконецъ вернулся къ себѣ. Стефанона не было дома, —дѣла задержали его въ Римѣ; Анета съ толпой веселыхъ подругъ ушла на ярмарку въ Чивителла Санъ-Систо; сама хозяйка, Сора Нанна, занята была съ самаго утра стиркой, и издали доносился ея голосъ изъ прачешной, находившейся въ концѣ огорода.

Когда она улучила минутку забѣжать домой и увидала своего жильца, то разсыпалась въ извиненіяхъ за невольную неаккуратность въ обѣдѣ.

— Сію минуту! Сію минуту, синьоръ, подамъ вамъ кушать. А затѣмъ ужъ простите, вернусь въ прачешную. Сегодня у меня большая стирка, нѣсколько поденщицъ, дѣлъ по горло! Шутка сказать—выстирать столько бѣлья! А затѣмъ катать, гладить, снести въ монастырь! Синьоръ можетъ судить самъ по величинѣ корзинъ, каково тащить ихъ по горнымъ тропинкамъ!

Синьоръ сотни разъ уже выслушивалъ подобныя объясненія; но на этотъ разъ онъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе: ему пришло въ голову, нельзя ли какъ-нибудь утилизировать корзины и переслать въ одной изъ нихъ одежду сестрѣ Маріи? Но планъ этотъ оказывался во многихъ отношеніяхъ затруднительнымъ и небезопаснымъ.

Издали доносились голоса прачекъ, ихъ пѣніе и болтовня; Энгусъ раздражительно отодвинулъ свой стулъ и ушелъ къ себѣ наверхъ. Имъ овладѣвало отчаяніе; въ чарующемъ присутствіи любимой дѣвушки все ему казалось доступнымъ возможнымъ; теперь-же, наединѣ съ своими думами, дѣло представлялось въ иномъ освѣщеніи. Страшныя цѣпи приковывали Марію къ монастырю, требовались нечеловѣческія усилія, чтобы порвать ихъ. Аргументы, съ помощью которыхъ онъ исторгнулъ ея согласіе на побѣгъ, изобрѣтены были страстью, а не разумомъ; дѣйствіе ихъ будетъ непродолжительно; предоставленная самой себѣ, своей совѣсти, Mdія, конечно, снова поддастся и подчинится привычному и рутинному образу мыслей; клятва ея, запечатлѣнная даже кровью, окажется взбалмошнымъ порывомъ минутной страсти! Раскаяніе возьметъ верхъ; ничто не помѣшаетъ ей перестать принимать искусителя въ монастырѣ,—исходъ простъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Нечего обольщать себя иллюзіями! Она не рѣшится на побѣгъ. Безуміе надѣяться на это.

Вмѣстѣ съ этимъ мысль о смерти назойливо стала приходить ему въ голову. Онъ никогда не придавалъ чрезмѣрнаго значенія жизни; не разъ думалъ онъ, что самоубійство удѣлъ избранныхъ, сильныхъ натуръ... Теперь онъ самъ очутился въ такомъ положеніи, что вопросъ для него ставился ребромъ: или жить съ Маріей, или не жить вовсе. Онъ чувствовалъ себя рабомъ своей страсти, и рѣшимость покончить съ собой все болѣе и болѣе крѣпла въ немъ. До сихъ поръ желать и достигнуть — было для него однозначущимъ; неужели теперь онъ измѣнитъ себѣ, смирится и отойдетъ отъ намѣченной цѣли?

Нѣтъ. Онъ или достигнетъ ея, или умретъ. Сначала испробуетъ все: будетъ убѣждать, попробуетъ пустить въ ходъ силу и—въ случаѣ рѣшительной неудачи—отравится.

Придя къ такому рѣшенію, Энгусъ считалъ уже себя

какъ бы связаннымъ словомъ. Онъ хладнокровно приготовилъ деньги, нужныя бумаги—на случай неправдоподобнаго успѣха; затѣмъ открылъ дубовую шкатулочку съ пузырьками, тутъ были самыя разнообразныя лѣкарства, всѣ съ надписями; одно мѣсто въ шкатулочкѣ оставалось пустымъ: онъ наканунѣ вынулъ пузырекъ съ желудочными каплями. Анета приходила просить у него какого-нибудь средства отъ боли подъ ложечкой; онъ накапалъ ей въ рюмку, а пузырекъ поставилъ на полочку. Теперь онъ взялъ этотъ пузырекъ, вложилъ въ пустое мѣсто въ шкатулкѣ, а оттуда вынулъ другой пузырекъ, по виду совершенно схожій съ первымъ, такой же прозрачный и безцвѣтный.

Энгусъ взболталъ его, посмотрѣлъ на свѣтъ,—ни дать, ни взять вода или водка!

— Нѣсколько капель—и все кончено. Тутъ хватитъ отравить десятерыхъ!—сказалъ онъ себѣ.

Въ эту минуту хозяйка безъ церемоніи отворила къ нему дверь спальни и звала его: онъ захлопнулъ шкатулку, вышелъ изъ кабинета и спросилъ, что ей надо.

— Синьоръ, представьте, я получила письмо изъ Рима Вѣрно отъ мужа! Чудакъ, право! Знаетъ, что я читать не умѣю! У кого мнѣ было выучиться? Чудакъ! Развѣ я священникъ или учитель, чтобъ умѣть читать? Чего не придумаетъ!..

— Вы желаете, чтобъ я прочелъ вамъ письмо?

— Еще бы не желать! Кто мнѣ прочтетъ? Докторъ Томазо боленъ, Богъ съ нимъ... А вы ученый, синьоръ, не откажите...

— Хорошо. Пойдемте внизъ. Сейчасъ приду.

Онъ вернулся въ кабинетъ, поставилъ на полочку пузырекъ съ ядомъ, который былъ у него въ рукахъ, захватилъ свою шляпу и сошелъ внизъ. Писалъ дѣйствительно Стефанонъ,—т. е. писарь подъ его диктовку,—приказывая женѣ немедленно выслать ему еще ящикъ вина съ Джиджето, такъ какъ спросъ великъ и плата хороша. Надо ковать желѣзо пока горячо.

— Эге! дѣла идутъ!—радостно воскликнула Нанна,—мой Стефанонъ лицомъ въ грязь не ударитъ! Только вотъ придется мнѣ бросить стирку, да бѣжать разыскивать Джиджето!..

XII.

По счастью недолго пришлось рьяной прачкѣ искать Джиджето: онъ былъ по близости отъ дому, такъ какъ отказался сопровождать Анету съ подругами на ярмарку.

Онъ побывалъ въ Римѣ и былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія: можетъ ли ему быть весело на какой-то глупѣйшей ярмаркѣ! Пусть забавляются этимъ ничтожные субіакскіе мѣщане или окружные сѣрые крестьяне,—а не онъ, культурный Джиджето, побывавшій въ Римѣ!

Не смотря на такую комичную заносчивость, Джиджето былъ безобидный малый, съ женственнымъ лицомъ и бархатными глазами, игрокъ на гитарѣ, и съ рѣшительной склонностью ничего не дѣлать. На Анету онъ смотрѣлъ снисходительно, щадя въ ней будущую наслѣдницу Стефанона, и терпѣлъ ее, какъ неизбѣжное зло въ своей жизни, отдѣлываясь отъ ея общества при всякомъ удобномъ случаѣ. До появленія Дельримпля она ребячески восхищалась помощникомъ отца; но за послѣднее время манеры ея измѣнились, что, разумѣется, раздражало до нѣкоторой степени Джиджето, и онъ иногда находилъ нужнымъ попугать Сору Нанну намѣреніемъ подстрѣлить проклятаго англичанина изъ-за угла.

Какъ бы то ни было, но на ярмарку онъ не пошелъ, и Нанна отыскала его передъ аптекой, съ гитарой на перевязи, въ широкополой мягкой шляпѣ, разглагольствующимъ съ знакомыми. Узнавъ о приказаніи Стефанона, Джиджето немедлено собрался ѣхать въ Римъ, съ ящикомъ вина.

Между тѣмъ, Анета отъ души веселилась, радуясь, что ворчливый Джиджето не отравляетъ ей удовольствія своимъ присутствіемъ. Прежде всего она сходила къ обѣднѣ, поглазѣла на яркіе наряды женщинъ и на красивыхъ парней; затѣмъ, взявшись подъ руки со сверстницами, она вкусила всѣхъ ярморочныхъ удовольствій. Нѣсколько разъ прошли дѣвушки по главной улицѣ, смѣясь во все горло, дѣлая глазки кавалерамъ направо и налѣво, щеголяя праздничными костюмами; затѣмъ закусили, выпили бѣлаго винца, чокаясь между собою со всевозможными пожеланіями, снова раскатисто и безпричинно хохотали; вечеромъ любовались фейерверкомъ на площади, погуляли при лунномъ свѣтѣ около руинъ; наконецъ, переночевали на постояломъ дворѣ. На слѣдующее утро молодыя дѣвушки, шутки ради, помогли собирать виноградъ въ помѣстьи маркиза, окрестнаго магната; наконецъ, пообѣдавъ остатками закуски, взятой съ собой изъ дома, онѣ, съ пѣніемъ, направились въ Субіако. Было уже довольно поздно, и монастырскій колоколъ возгласилъ Angelus, когда онѣ дошли до площади и разошлись по домамъ.

Въ одномъ изъ оконъ доктора Таддси виднѣлся огонекъ; Анета взглянула на него и лукаво улыбнулась... Не зайти-ли взглянуть на результаты ея подвига? Въ общемъ, хорошо,

что дѣло кончилось благополучно... Старый негодяй напуганъ изрядно, а обиженная Анета отомщена... Остается признаться въ грѣхѣ на исповѣди... Трудненько будетъ высказаться передъ духовникомъ! Ну, да тамъ видно будетъ!..

„Зайду провѣдать стараго болтуна! — рѣшила она,— посмотримъ, какъ-то онъ меня приметъ! Интересно“!

Безъ дальнѣйшихъ колебаній, юная нахалка вошла въ подъѣздъ, вбѣжала вверхъ по лѣстницѣ и постучала въ дверь къ доктору. Старуха служанка осторожно пріотворила дверь и выглянула.

— Чего вамъ надо?—проворчала она не совсѣмъ ласково.

— Чего надо? Зашла узнать о здоровьи доктора Томазо! Или вы не узнаете меня, Серафина? Я Анета, дочь Стефанона! Желала-бы навѣстить нашего почтеннаго доктора... Поздравить съ наступающимъ выздоровленіемъ!..

— Ахъ, и правда, я васъ не узнала! Погодите крошечку, доложу, пойду...

Она всетаки не впустила посѣтительницу, а начала переговоры съ докторомъ; до Анеты донесся слабый, но слащавый голосъ больного:

— Вотъ какъ! Милѣйшая Анета! Добрая дѣвочка! Моя любимица! Войдите, войдите, mi favorisca!

Анета вошла. Синьоръ Томазо сидѣлъ въ креслѣ, блѣдный, изможденный.

— Вы ужъ встали, синьоръ Томазо? Слава Создателю! Какъ я рада!—болтала лукавая дѣвчонка, безпокойно бѣгая глазами по сторонамъ,—ахъ, до чего мы за васъ тревожились! Скажите, какой мерзавецъ задумалъ лишить насъ добраго, милаго доктора? Весь городъ слезами обливался...

— Какъ знать?—съ поразительнымъ добродушіемъ отозвался старикъ.—Надѣюсь, что всѣ простятъ ему, такъ же, какъ простилъ и я.

— Ахъ, какое великодушіе!—Анета въ экстазѣ сложила руки,—всѣмъ, всѣмъ разскажу! Истинный христіанинъ! Вѣдь онъ ударилъ васъ подло, сзади,—а вы прощаете!

Глаза ихъ встрѣтились; оба безошибочно прочли въ мысляхъ другъ у друга. Ликующей Анетѣ хотѣлось разсмѣяться, но комедія требовала серьезности до конца.

— Лѣчитесь, выздоравливайте! Скорѣе принимайтесь за практику... Больные по васъ стосковались...—сладко говорила она, между тѣмъ, какъ верхняя губа ея оскалилась, какъ у хищнаго звѣрька, готоваго укусить.

— Спѣшить нельзя, дитя мое! Chi va piano, va sano!— не смущаясь возразилъ старикъ,— въ мои годы выздоровленіе идетъ не быстрыми шагами.

— Въ ваши годы? — Анета обрадовалась случаю дать

волю душившему ее смѣху,—какіе такіе ваши годы? Вы одинъ называете себя старикомъ! Эхъ, синьоръ Томазо, по воскресеньямъ, какъ надѣнете вы обтянутыя брючки, да зеленый пиджачокъ,—сущій молодчикъ, провались я, коли вру! Вы Джиджето за поясъ заткнете. Что такое года? Пустякъ! Главное — красивая наружность, бодрость, а этимъ вы не обижены...

— Присядьте, дитя мое, присядьте! — сказалъ оглушенный больной, — Серафина, стульчикъ! Стары стульчики,— прибавилъ онъ, когда Анета сѣла и послышался трескъ,— стонутъ, бѣдняжки, при воспоминаніи о моей покойной женѣ, покупавшей ихъ.

— Царство ей небесное!—набожно произнесла дѣвушка.

— Аминь. Но какая вы нарядная, душа моя! Корсажъ бархатный, новый передничекъ... Нынче развѣ праздникъ?

— Видно, что вы больны! Забыли, что въ Чивителлѣ ярмарка. Я прямо оттуда. Какъ было весело! Только устала немножко...

— Какъ, вы пѣшкомъ?

— Конечно! Всѣ лошади ушли съ папой. Но насъ была цѣлая компанія, некогда было думать объ усталости. Вотъ теперь только чувствую, что ноги словно не мои...

— Ба! А сама свѣжа, какъ розанъ! И, не смотря на усталость, зашли провѣдать меня? Вотъ такъ истинное милосердіе! Да наградитъ васъ Богъ, дитя мое! А я все одинъ да одинъ...

— Одинъ? Англичанинъ, навѣрно, часто бываетъ у васъ?— равнодушно спросила Анета.

— Англичанинъ? Конечно, конечно... Но съ иностранцемъ какіе могутъ быть разговоры? Впрочемъ, благодарю его за уходъ...

— А матушка-игуменья-то? Вотъ, должно-быть, мучилась, что еретикъ лѣчилъ ее?! Что подѣлаешь! Надо покориться. Какъ Богу угодно. Но онъ знающій докторъ, что вѣрно, то вѣрно. И лѣкарства у него такія, что и вамъ, пожалуй, такому ученому, неизвѣстны! На дняхъ заболѣло у меня подъ ложечкой... Ахъ, такая боль, я просто думала—умру... Жарко было, знаете, разгорячилась, да и выпила залпомъ кружку ледяной воды... Глупо, конечно... Ну, не удержалась. Вотъ, бѣгу къ англичанину, объясняю, въ чемъ дѣло... Онъ, ни слова не говоря, наливаетъ въ рюмку какихъ-то прозрачныхъ капель, разбавляетъ водой... Выпила я, и что жъ вы думаете? Какъ рукой сняло! Я думаю, онъ колдунъ... И капли жгли во рту... Только разомъ выздоровѣла, что скажете на это?

— Для этого колдовства не надо, дочь моя. Желудоч-

ныя капли какія-нибудь на спирту. И у меня есть такія въ аптечкѣ...

— Благодарю, благодарю, мнѣ не требуется!—заявила Анета подозрительно, опасаясь какъ бы онъ не задумалъ отравить ее въ отместку за ударъ ножомъ,—теперь я здорова... Хоть пить и хочется, по правдѣ сказать...

— Капли даютъ только въ случаѣ болѣзни!—успокоилъ ее докторъ.—А если вамъ хочется пить, что же не сказали раньше? Чего прикажете? Воды? Вина? Сиропу?

— Стаканчикъ воды прикажите...

— Серафина!

Старуха немедленно явилась.

— Серафина, принесите воды и вина. Стараго вина, купленнаго у Стефанона, знаете?

— Нѣтъ, нѣтъ, вина не надо!—съ живостью запротестовала Анета.

— Всетаки принесите, Серафина. Можетъ быть, дорогая гостья и отвѣдаетъ его.

Служанка кивнула головой, и босыя ноги ея зашлепали по лѣстницѣ.

— Одной воды не пейте, дитя мое,—сказалъ докторъ,—вамъ жарко! Вы ужъ разъ испытали вредъ...

— Спасибо, спасибо... Одной воды... Такъ хочется пить. Съ самой Чивителлы умираю отъ жажды.

Серафина принесла на подносѣ графинъ холодной воды, два стакана и бутылку любимаго итальянцами персиковаго сиропа.

— Вотъ отличная мысль!—одобрилъ докторъ,—подлейте въ воду сиропу, дитя мое!

— Нѣтъ, нѣтъ, только воды!—упрямо твердила дѣвушка.

— Ахъ, Господи,—вмѣшалась служанка, думая, что Анета отказывается изъ церемоніи,—да я ужъ налила вамъ въ воду сиропу! Кушайте! Не выливать же въ самомъ дѣлѣ!..

Анета колебалась: смѣшно было дольше упрямиться, а между тѣмъ страшновато... Она взяла налитый стаканъ и поднесла его доктору:

— Сначала вы, синьоръ Томазо, а я послѣ васъ...—шутливо предложила она.

Докторъ отлично понялъ ея опасенія; онъ взялъ стаканъ и отпилъ нѣсколько глотковъ; тогда она успокоилась и съ жадностью залпомъ допила остальную воду.

— Не налить-ли еще?—предложила служанка.

— Нѣтъ, достаточно, вода холодная,—замѣтилъ докторъ.

Но Анета, не утоливъ сильной жажды, уже налила второй стаканъ чистой воды и мигомъ опорожнила его.

— А!.. Хорошо напиться, когда горитъ внутри!—сказала

она.—А затѣмъ, синьоръ Томазо, до свиданія, выздоравливайте поскорѣе. Звонятъ уже къ Ave Maria, надо спѣшить домой... Не пырнули-бы и меня ножомъ, какъ васъ, бѣднаго... Проклятый убійца! Никогда ему не прощу! Что сказать нашимъ? Надняхъ увидимъ васъ у себя?

— Надѣюсь, если Богу будетъ угодно. До свиданія, красавица моя. Не удерживаю васъ. Становится поздно. Да хранитъ васъ матерь Божія!..

По дорогѣ домой, дѣвушка вполголоса ворчала:

— Старый лицемѣръ!.. Шутъ гороховый!.. Дорого бы онъ далъ, чтобъ донести на меня!.. Да не смѣетъ!.. Папинаго ножа побаивается... Лебезитъ, старый чортъ!..

До послѣдняго поворота она дошла безпечно, то мурлыкая пѣсни, то ругая Томазо, какъ вдругъ почувствовала острую боль въ желудкѣ.

— Онъ отравилъ меня!—прошептала она, приходя въ ярость,—яду подсыпалъ! Проклятый убійца!

XIII.

Боли все усиливались; скорчившись и скрежеща зубами, доплелась Анета до дому. Она знала, что отецъ въ Римѣ, мать занята стиркой,—но надѣялась, что Дельримпль дома и спасетъ ее какими-нибудь чудодѣйственными каплями, какъ въ прошлый разъ. Матери-же затруднительно было-бы объяснить, почему она считаетъ себя отравленной...

Съ трудомъ взобралась Анета на лѣстницу, останавливаясь на каждой ступенькѣ: до такой степени нестерпимы были судорожныя боли въ желудкѣ. На площадкѣ она остановилась, придерживаясь за стѣну, чтобъ не упасть, и взглянула на дверь англичанина.

„Войти или нѣтъ? Въ тотъ разъ онъ помогъ ей... Да, но теперь ей придется объяснить ему, что она подозрѣваетъ отравленіе... Сказать, что она пырнула ножомъ доктора Томазо и думаетъ, что онъ подсыпалъ ей за это яду въ питье... Невозможно! Да и никто не поможетъ, если это отравленіе... Положимъ, зловредный Томазо отвѣдалъ самъ питья... слѣдовательно, у него, мошенника, есть противоядіе... а у англичанина и подавно! Онъ поученѣе въ десять разъ, чѣмъ тотъ старый дуракъ“...

Послѣднее соображеніе разрѣшило ея сомнѣнія: англичанинъ, вѣрно, дома, она войдетъ, все ему разскажетъ, попроситъ его помощи... Что-жъ дѣлать? Нечего колебаться, когда жизнь въ опасности.

Она постучала въ дверь,—отвѣта нѣтъ. Взглянула въ за-

мочную скважину—лунный свѣтъ ярко освѣщалъ первую комнату. Можетъ быть, онъ во второй? Не слышитъ стука?.. Зубы Анеты стучали отъ боли.

— Синьоръ! Вы у себя?

Молчаніе.

Она толкнула дверь. Въ первой комнатѣ—никого. Отворила вторую,—тоже пусто; луна ярко свѣтитъ... А, слава Богу! Вотъ на полочкѣ, на томъ-же самомъ мѣстѣ, пузырекъ. Этотъ самый! Анета читать не умѣла и не подозрѣвала, что въ шкатулочкѣ всѣ пузырьки одинаковы на видъ; ни малѣйшаго сомнѣнія не возникло въ ней: она схватила графинъ съ водой, налила немного въ стаканъ, стала искать ложку... Не найдя ложки, на глазъ накапала безцвѣтной жидкости и выпила.

Едва успѣла она поставить пустой стаканъ на столъ, какъ по тѣлу ея пробѣжало сотрясеніе, точно отъ электрическаго тока. Ей хотѣлось крикнуть, удержаться отъ паденія, но парализованная рука ея опустилась, ноги подкосились, и она рухнула на полъ.

Въ домѣ никого не было. Изъ глубины огорода слышны были удары вальковъ по мокрому бѣлью; Сора Нанна съ Джиджетто заняты были сборами въ дорогу и укладываньемъ бутылокъ въ ящикъ; никто не подозрѣвалъ о случившемся въ домѣ; только луна равнодушно освѣщала блѣдное, искаженное лицо уснувшей навѣки дѣвушки.

. . . . . .

Сестра Марія стояла у окна въ своей кельѣ и отсутствующимъ взглядомъ слѣдила за плывшими по небу облаками.

Поднимался вѣтеръ; подъ сводами корридоровъ, по трубамъ, сквозь всѣ щели гудѣлъ и вылъ онъ, наводя ужасъ на нервныхъ людей; на небѣ черныя тучи серебрились по краямъ, напоминая катафалки и покровы съ блестящими бахромами.

Въ душѣ Маріи царили нерѣшительность, сомнѣнія, отчаяніе. На бѣлой рукѣ, подпиравшей щеку, виднѣлся кровавый значекъ: свидѣтель клятвы оказывался нелишнимъ въ данную минуту, когда Дельримпля не было, чтобы вдохнуть въ нее свою энергію, ободрить ее, принудить, заставить дѣйствовать! О, онъ предвидѣлъ это! Она снова упала духомъ и готова была отступить. Только опираясь на него, она чувствовала себя въ силахъ повернуть судьбу по своему, попрать ногами все, что съ дѣтства привыкла чтить, какъ святыню! Вдали отъ него она опять принялась разсуждать, и пропасть подъ ногами ея казалась ей бездонной, непроходимой.

Не ада боялась она,—хотя въ простотѣ душевной и вѣрила въ него; не святотатство, не нарушеніе обѣта пугали ее: ради него она готова была на все это. Нѣтъ, ей казалось невозможнымъ запятнать, опозорить имя Джероно-Брачіо. Безчестье хуже грѣха въ глазахъ родовитой римской дѣвушки, даже кармелитки; безчестье падетъ не на нее одну, а на всю семью ея. Марія Адолората вольна погубить свою душу, но Марія Брачіо не смѣетъ загрязнить свой гербъ. Она не должна, не можетъ бѣжать изъ монастыря!.. Пусть ждетъ у калитки... Она не выйдетъ къ нему!. Богъ и честь—съ одной стороны; сатана, позоръ и искушеніе—съ другой. Выбора для Брачіо быть не можетъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ; облака неслись по небу все быстрѣй и быстрѣй.

Она вздрогнула отъ озноба, и страшное ощущеніе одиночества охватило ее. У изголовья больной и то легче, чѣмъ одной со своими мыслями.

Она пошла къ игуменьѣ и жестомъ отпустила дежурившую за нее сестру.

Послѣ утренняго припадка старуха-игуменья находилась постоянно въ состояніи полудремоты; ночникъ слабымъ мерцаніемъ освѣщалъ келью; распятіе висѣло надъ кроватью больной, и сама она, съ ввалившимися глазами и заостреннымъ носомъ, казалась восковой, умершей.

Взглянувъ на лицо тетки, Марія подошла къ кровати, пощупала пульсъ, сердце... Чуть слышные удары напомнили ей о неминуемой опасности со стороны сердца. Что дѣлать? Послать за искусителемъ? Допустить игуменью умереть безъ помощи? Медлить нельзя...

Онъ придетъ и снова все повернетъ по своему! Не сумѣетъ она противиться властному взгляду голубыхъ глазъ... Голова закружится отъ его прикосновенія... Мысли спутаются... Что дѣлать?

XIV.

Дельримпль вернулся домой поздно. Онъ закончилъ всѣ нужныя приготовленія на случай побѣга.

Въ домѣ все было тихо; ужинъ ему не накрытъ. Онъ машинально сѣлъ за столъ и облокотился. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Сора Нанна.

— Опоздала, синьоръ, извините! Подамъ вамъ ужинъ и опять убѣгу! Ничего не подѣлаешь: Джиджето сущій ребенокъ, безъ меня ничего не ладится!.. А Анеты все нѣтъ какъ нѣтъ. Осталась, чего добраго, въ Чивителлѣ до завтрашняго дня! Вѣтренница! Вы какъ полагаете, синьоръ?

Энгусъ равнодушно кивнулъ головой.

— Вотъ вашъ ужинъ. Кушайте! А я, съ вашего позволенія, побѣгу къ Джиджето. Ради Бога не сердитесь! Случай такой вышелъ...

Нетерпѣливымъ жестомъ онъ перебилъ ее.

— Ахъ, идите, идите, прошу васъ. Вы мнѣ не нужны!

Она не стала ждать повторенія и убѣжала. Дельримпль продолжалъ сидѣть у стола, не подозрѣвая, что тамъ наверху, въ его комнатѣ, костенѣетъ трупъ.

Четверть часа спустя послѣ ухода Соры Нанны, послышались за дверью шаги; кто-то постучалъ и, не дождавшись отвѣта, вошелъ. То былъ маленькій сынъ монастырскаго садовника, весь запыхавшійся.

— Матушка-игуменья очень плоха, синьоръ, — объявилъ онъ,—велѣли доктора звать немедленно!

Дельримпль вздрогнулъ; какъ молнія, промельнула въ его головѣ мысль, что представляется случай исключительный, единственный. Нынче же ночью надо увезти Марію; послѣ смерти игуменьи доступъ въ монастырь будетъ для него закрытъ,—а что она умретъ, если уже не умерла, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Твердой рукой надо ухватиться за послѣдній шансъ... Планъ созрѣвалъ въ его воображеніи...

Нанять лошадей въ Субіако, даже ночью, не трудно; у садовника, напримѣръ, есть лошадь; живетъ онъ около монастыря, на полугорѣ; мальчикъ, вѣрно, не откажется осѣдлать лошадь отца (за хорошее вознагражденіе) и ждать его въ указанномъ мѣстѣ.

Сказано—сдѣлано... Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ Дельримпль мальчику, что отъ него требуется, и въ задатокъ далъ ему нѣсколько монетъ; мальчишка обрадовался и пустился бѣгомъ, обѣщая осѣдлать отцовскую лошадь и ждать доктора за монастырской оградой, у поворота дороги въ Тиволи.

Только что мальчикъ убѣжалъ, Дельримпль схватилъ со стола лампу, въ четыре прыжка взбѣжалъ на лѣстницу и вошелъ къ себѣ.

Сильный аптечный запахъ шибнулъ ему въ носъ и напомнилъ о послѣднемъ союзникѣ въ затѣянной борьбѣ. Но черезъ минуту глазамъ его представился такой ужасъ, что даже его крѣпкіе нервы были потрясены: на полу лежала неподвижная Анета, въ своемъ праздничномъ нарядѣ. Опомнившись отъ перваго потрясенія, Энгусъ осмотрѣлся, замѣтилъ открытый пузырекъ съ ядомъ; половины содержимаго не было! Несчастная выпила дозу, которая способна была убить полдюжины сильныхъ мужчинъ. Нарочно сдѣлала это она? Ревность? Отчаяніе? Нѣтъ. Быстрый и ясный умъ живо

подсказалъ ему истину и возстановилъ факты: заболѣла, пришла просить у него лѣкарства и распорядилась сама, принявъ пузырекъ съ ядомъ за желудочныя капли...

Повинуясь инстинкту гуманности, Энгусъ нагнулся и перенесъ безжизненное тѣло къ себѣ на кровать. Осмотръ былъ недологъ: трупъ уже закоченѣлъ, сомнѣній не оставалось никакихъ.

Энгусъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая свои дальнѣйшіе поступки. Запереть дверь свою на ключъ, оставивъ трупъ Анеты въ комнатѣ... Но это значило бы навѣрняка подвергнуть себя обвиненію въ отравленіи молодой дѣвушки! Если предположить удачу въ побѣгѣ съ Маріей Брачіо, то обвиненіе въ убійствѣ найдетъ его вездѣ, и англійское судно не послужитъ ему защитой! Онъ въ раздумьи остановился передъ кроватью и взглянулъ на мертвое тѣло. Вдругъ въ умѣ его родился планъ, отважный, безумный, который могъ родиться только въ отчаянной головѣ такого возбужденнаго страстью смѣльчака. Планъ этотъ разомъ могъ объяснить исчезновеніе Анеты и Маріи Брачіо...

Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Голубые глаза Энгуса сверкнули страшной рѣшимостью; мигомъ раздѣлъ онъ трупъ, свернулъ юбку, корсажъ, новый передникъ и грубые башмаки въ одинъ узелъ и сунулъ его въ шкафъ, ключъ отъ котораго взялъ къ себѣ въ карманъ; туда же опустилъ пузырекъ съ ядомъ и другой пузырекъ съ тридцатью каплями опія. Потомъ завернулъ мертвое тѣло въ свой плэдъ и сдѣлалъ изъ него длинный тюкъ, тщательно связавъ концы плэда между собою; самъ накинулъ на себя плащъ, нахлобучилъ на глаза шляпу, взялъ на руки страшный тюкъ и осторожно сошелъ съ лѣстницы.

Отворивъ наружную дверь, онъ осмотрѣлся; кругомъ ни души—все тихо; онъ прислонилъ свою жесткую ношу къ наружной стѣнѣ, у самой двери, а самъ вернулся въ залъ и подошелъ къ буфету; никогда умъ его и сообразительность не работали яснѣе и быстрѣе, чѣмъ въ эти роковыя минуты! Ему необходимо было разбавить опій анисовой водкой,—онъ это методически и не спѣша исполнилъ, закрылъ дверцу буфета, сунулъ пузырекъ съ разведеннымъ опіемъ обратно въ свой карманъ и вышелъ на крыльцо. Шаги его были тверды, движенія неторопливы, но сердце сильно колотилось въ груди. Вернись въ это время домой Сора Нанна—все погибло! Но кругомъ все было тихо по прежнему... Энгусъ нащупалъ въ карманѣ свой перочинный ножъ, снова поднялъ на руки прислоненный къ стѣнѣ тюкъ и пустился

по дорогѣ въ монастырь. Вѣтеръ бушевалъ съ яростью; свинцовыя тучи заволокли луну, стало совсѣмъ темно.

Энгусу никто не попался навстрѣчу; въ то время ночной стражи въ Субіако не полагалось.

Подыматься въ гору было не легко; человѣкъ, физически и нравственно слабѣе Энгуса, не разъ изнемогъ бы подъ тяжелымъ и необычайнымъ бременемъ; капли пота струились по блѣдному лицу англичанина; но онъ все шелъ и шелъ впередъ.

Дойдя до калитки, онъ спустилъ на землю свою ужасную ношу, осторожно приткнулъ ее стоймя за выступъ ограды и отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобъ утереть со лба потъ, отдышаться и гимнастическими движеніями размять усталыя руки. Затѣмъ онъ двинулся дальше, до поворота дороги въ Тиволи; какъ было условлено, мальчикъ ждалъ его съ осѣдланной лошадью. Энгусъ сказалъ ему, что придется еще подождать, пока онъ навѣститъ игуменью; посовѣтовалъ привязать лошадь къ вѣткѣ куста, а самому прилечь да всхрапнуть.

— Ночь холодная,—заключилъ Дельримпль,—на-ка, выпей водочки, дружокъ!

Мальчикъ по запаху узналъ анисовую водку и, не заставляя просить себя, опорожнилъ весь пузырекъ анисовки съ каплями опія. Тогда Энгусъ усадилъ его подальше отъ дороги, близь головы привязанной въ кустахъ лошади. Черезъ нѣсколько минутъ онъ захрапитъ, сомнѣнія быть не можетъ. Въ остальномъ надо положиться на свою счастливую звѣзду. А въ случаѣ неудачи,—благодѣтельный пузырекъ въ карманѣ!

XV.

Энгусъ пошелъ обратно вдоль монастырской ограды; у калитки бросилъ бѣглый взглядъ на длинный свертокъ въ плэдѣ, стоявшій за выступомъ стѣны, словно безмолвный сторожъ; никому не придетъ въ голову шарить по нишамъ ограды, если даже допустить мысль, что кто-нибудь такъ поздно будетъ идти мимо.

Обойдя вокругъ всей этой стороны, онъ завернулъ за уголъ и позвонилъ у главнаго входа; на этотъ разъ его впустили немедленно.

Въ прихожей игуменьи его встрѣтила сестра Марія. Дверь въ корридоръ затворилась, но Марія стояла неподвижно, со скрещенными руками и спущеннымъ вуалемъ.

— Не поздно пришелъ я?

Она покачала головой.

— Умерла?

— Скончалась,—тихо отвѣтила Марія.

— Я этого ожидалъ... и боялся!..

— Но это никому еще не извѣстно...

Онъ подошелъ было къ ней, но она приложила палецъ къ губамъ поверхъ вуаля и жестомъ остановила его, указавъ на дверь, за которой стояла на часахъ сестра привратница. Онъ все понялъ: она разговаривала съ нимъ въ прихожей, чтобы защитить себя; отказать ему и себѣ въ послѣднемъ свиданіи у нея не хватило силы,—но идти за нимъ она не рѣшалась!..

— Марія!..—прерывающимся голосомъ, полнымъ укора, произнесъ онъ.

— Да, это такъ... Рѣшеніе мое неизмѣнно... Я останусь тутъ... Быть можетъ, Господь проститъ мой великій грѣхъ! До послѣдняго вздоха буду молить Его о прощеніи. Но дальше не пойду... Не запятнаю имени моего отца... даже изъ любви къ вамъ!

Тутъ голосъ ея, размѣренный и тихій въ началѣ, дрогнулъ и оборвался. Неотразимый магнетизмъ любимаго человѣка начиналъ ужъ на нее дѣйствовать. Она поклялась себѣ дружески проститься съ нимъ, а ужъ снова заговорила о любви! Спрятавъ руки въ рукава, она замолчала.

Но, по мѣрѣ того, какъ она слабѣла, Энгусъ, ошеломленный на мгновеніе, снова собрался съ силами.

— Да, да,—твердо и рѣшительно сказалъ онъ,—все это я предвидѣлъ, зналъ, что вы будете такъ говорить. Все равно. Факты, которые я имѣю сообщить вамъ, сильнѣе вашихъ или моихъ рѣшеній. Войдемте въ гостиную, прошу васъ. Вы, я вижу, боитесь, что насъ услышатъ—и на самомъ дѣлѣ, ничьи уши, кромѣ вашихъ, не должны слышать то, что я скажу вамъ...

— Что такое? Что имѣете вы сказать мнѣ?... Я рѣшенія не измѣню! Пусть въ смертный часъ Господь отречется отъ меня, если я говорю не искренно.

— Дѣло идетъ о моей жизни и чести!—проговорилъ съ удареніемъ Дельримпль. — Идемъ въ гостинную. Минуты дороги.

Она послушалась.

Въ ясныхъ и короткихъ словахъ разсказалъ онъ ей все, что случилось, и все, что онъ осмѣлился предпринять ради любви къ ней. Ничто не спасетъ его отъ обвиненія въ отравленіи Анеты, какъ только безслѣдное исчезновеніе ея! Марія въ ужасѣ слушала его и содрогнулась, когда онъ объяснилъ ей, какого рода предметъ оставленъ имъ у ка-

литки. Затѣмъ онъ быстро передалъ ей свой планъ, тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Не объявляйте никому о смерти игуменьи!—приказывалъ онъ,—идите къ себѣ въ келью, громко хлопните дверью, чтобы сестра привратница слышала это и впослѣдствіи припомнила, и запритесь изнутри; черезъ балконную дверь выйдите въ садъ и отоприте мнѣ калитку. Остальное до васъ не касается.

— Что вы задумали?—спросила она, какъ во снѣ, но уже видимо подчиняясь его волѣ.

— Что задумалъ? Хочу положить тѣло умершей дѣвушки на вашу кровать и поджечь ее. У васъ, вѣроятно, соломенный тюфякъ?—Она кивнула головой, почти потерявъ способность соображать и говорить.

— Я поставлю лампу на полу, у кровати,—подумаютъ, что пожаръ произошелъ отъ неосторожности; балконную дверь мы притворимъ, пройдемъ черезъ калитку, и я постараюсь съ помощью перочиннаго ножа запереть ее на крючокъ; осѣдланная лошадь ждетъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ... Все предусмотрѣно, все готово!

— Какой ужасъ!

— Честь ваша будетъ спасена, и я избавлюсь отъ подозрѣнія въ убійствѣ. Келья ваша каменная и не сгоритъ. Монастырь теперь спитъ, сестра привратница далеко. Пока спохватятся и выломаютъ дверь, тѣло успѣетъ обуглиться и распознать личность будетъ невозможно. Подумаютъ, что вы уснули и задохнулись отъ дыму, раньше, чѣмъ успѣли сообразить, въ чемъ дѣло; вы будете считаться легально умершей, васъ съ почестями предадутъ погребенію; имя ваше останется незапятнаннымъ!.. Нѣсколько позже будетъ констатирована смерть игуменьи,—похороны выйдутъ двойные. Обо мнѣ-же несомнѣнно скажутъ, что я увезъ Анету, переодѣвъ ее въ другое платье,—такъ какъ ея юбку, корсажъ, передникъ и башмаки я нарочно засунулъ въ свой шкафъ...

Машинально Марія откинула вуаль, точно желая лучше слышать; сжавъ губы, расширивъ глаза, внимала она словамъ Энгуса. Планъ былъ ужасенъ, но въ душѣ она восхищалась спокойной смѣлостью его замысловъ. Отчетливый, твердый голосъ отважнаго человѣка подчинялъ слушателя, внушалъ довѣріе; разсчеты были вѣрны...

Объяснивъ все это рѣшительнымъ, повелительнымъ тономъ, онъ вдругъ смягчился, взялъ руку Маріи и поднесъ ее къ губамъ своимъ.

— Вамъ нечего возразить мнѣ, не такъ-ли? Вѣдь я знаю васъ! Читаю въ душѣ вашей, какъ въ открытой книгѣ. Мы

съ вами изъ одной глины, Марія, безъ словъ понимаемъ другъ друга. Препятствіе, казавшееся вамъ важнымъ, заставило-бы и меня призадуматься, сознаюсь: вамъ не хотѣлось запятнать имя отца. Теперь препятствіе это уничтожено: Марія Брачіо будетъ похоронена; никакая тѣнь не ляжетъ на ея память; родители могутъ оплакивать ее... Остаются соображенія религіознаго свойства... Марія, заставитъ-ли васъ боязнь ада пожертвовать мной?

Въ волненіи, она не находила словъ.

— Если вы отвергнете меня,—продолжалъ Дельримпль,— завтра меня арестуютъ, обвинятъ въ убійствѣ... Но я самъ покончу раньше съ жизнью. Во всякомъ случаѣ смерть. Отъ васъ зависитъ моя жизнь! Выбирайте...

Выразительная улыбка заиграла на ея губахъ.

— Я выбираю жизнь для васъ; смерть—для моей души

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Надо дѣйствовать, — сказалъ онъ, — идите въ вашу келью и не забудьте хлопнуть дверями. Сестра Филомена вспомнитъ объ этомъ современемъ. Намъ нельзя пренебрегать никакой мелочью. Затѣмъ ждите меня у калитки. Положитесь на меня. Опасности не предвидится, если мы будемъ пунктуальны и осторожны. Не бойтесь ничего...

— Боятѣся? Вы меня плохо знаете! Что значатъ въ моихъ глазахъ опасности... съ вами?!

Послѣднія два слова были краснорѣчивѣе всякихъ признаній. Сердце Дельримпля затрепетало гордостью и счастьемъ новый приливъ энергіи окрылилъ его; сильнымъ, мужественнымъ рукопожатіемъ отвѣтилъ онъ ей; потомъ всетаки не выдержалъ, обнялъ ее и покрылъ безумными поцѣлуями,— сознавая, что жизнь ихъ обоихъ виситъ на волоскѣ.

Сестра привратница, по обыкновенію, подняла съ полу лампу и повела его по корридору къ выходу. Подъ сводами громко раскатился звукъ захлопнутой Маріей двери.

— Ея высокопреподобіе не чувствуетъ себя лучше?— рискнула спросить сестра Филомена.

— Ея высокопреподобіе внѣ опасности!—двусмысленно отвѣтилъ англичанинъ.

— Ну, такъ бѣдная сестра Марія можетъ вздохнуть свободно!—произнесла сестра-привратница, нарушая молчаніе, въ виду такого исключительнаго случая.

— Можетъ!—коротко подтвердилъ Дельримпль.

Десять минутъ спустя, онъ осторожно постучалъ въ калитку; она немедленно отворилась; Марія ждала его.

— Посторонитесь, — велѣлъ Дельримпль,—вамъ не къ чему смотрѣть...Я пройду, а вы притворите пока калитку... Это вашъ балконъ?

Она указала рукой и кивнула утвердительно; слабый свѣтъ мерцалъ въ кельѣ. Пока онъ тащилъ черезъ калитку свою ужасную ношу, Марія отвернулась; но не вытерпѣла и оглянулась ему вслѣдъ. Застывшая форма, бывшая такъ недавно подвижной и полной жизни Анетой, показалась ей удивительно длинной; въ ужасѣ содрогнулась Марія съ головы до ногъ, но тотчасъ-же опомнилась; молча и непреклонно взялась она за ручку калитки и стала ждать... Луна стояла высоко, но темныя облака поминутно заслоняли ее. Наконецъ, по жесткой землѣ послышались шаги. Дельримпль вернулся.

— Горитъ хорошо!—лаконически объявилъ онъ.

Тщательно осмотрѣвъ крючокъ, онъ прибавилъ:

— Снаружи можно будетъ ухитриться наложить крючокъ. Идемте!

Онъ тихонько вывелъ ее за калитку и принялся терпѣливо и осторожно дѣйствовать перочиннымъ ножомъ, чтобы оставить дверцу калитки запертой изнутри и отвлечь всякое подозрѣніе.

— Главное сдѣлано!—говорилъ онъ ровнымъ голосомъ, методически работая надъ крючкомъ,—время терпитъ. Готово! Никому и въ голову не придетъ, что калитку сегодня отворяли! Твердая почва тоже не выдастъ нашихъ слѣдовъ...

Нѣжнымъ, покровительственнымъ жестомъ онъ снялъ съ Маріи вуаль и головной уборъ, поцѣловалъ ея золотистые локоны и закуталъ ее въ свой плащъ; пространство, отдѣлявшее ихъ отъ поворота дороги въ Тиволи, пройдено было безпрепятственно; мальчишка крѣпко спалъ; лошадь нетерпѣливо перебирала ногами. Дельримпль взялъ Марію на руки и посадилъ ее въ сѣдло, самъ-же повелъ лошадь подъ уздцы.

— Если сжечь трупъ преступленіе,—сказалъ онъ,—то, во всякомъ случаѣ, не великое; я беру его на свою совѣсть. Другого преступленія въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ, Марія!

Счастливая звѣзда не измѣнила ему до конца. Планъ удался какъ нельзя лучше. О побѣгѣ Маріи никто не заподозрилъ. Утромъ нашли въ кровати умершую игуменью, а въ кельѣ Маріи Адолораты — обуглившіеся, неузнаваемые останки женщины, среди груды пепла.

Въ домѣ Стефанона нашлись принадлежности туалета исчезнувшей Анеты. Всѣ въ городѣ единогласно рѣшили, что Дельримпль увезъ дочь Стефанона, пожимая плечами и прибавляя, что должно быть родители были слѣпы, если не замѣчали увлеченія Анеты англичаниномъ!..

А тамъ на горѣ, въ монастырской капеллѣ, воздвигнутъ былъ великолѣпнѣйшій катафалкъ, горѣли сотни восковыхъ

свѣчей, и торжественно отпѣвали останки почтенной игуменьи и ея молодой племянницы.

На могилѣ Маріи Адолораты красуется мраморная доска, съ латинской надписью, гласящей о знатномъ происхожденіи усопшей, о ея высокихъ добродѣтеляхъ и трагической кончинѣ. Добрымъ католикамъ рекомендуется помолиться за упокоеніе ея души.

. . . . . .

Прошли года... Марія Брачіо на самомъ дѣлѣ покоилась уже въ родовомъ склепѣ Дельримплей; самъ Энгусъ, вслѣдствіе смерти бездѣтнаго старшаго брата, унаслѣдовалъ его титулы и богатство; но его неудержимо влекло въ тотъ гористый уголокъ Италіи, гдѣ онъ впервые познакомился съ Маріей. Онъ все помнилъ! Но не забылъ и другой: Стефанонъ поклялся, что дерзкій похититель его дочери умретъ отъ его руки. Не смотря на время, на посѣдѣвшія кудри и громкій титулъ Энгуса,—злобные глаза Стефанона узнали его — и мстительная рука нанесла вѣрный ударъ.

Дорогой цѣной купилъ Дельримпль свое недолговѣчное счастье? Едва-ли...

ИЗЪ „КНИГИ ПѢСЕНЪ“ Г. ГЕЙНЕ.

I.

Дитя! мы были дѣти...
Бывало, мы вдвоемъ
Зароемся въ солому
Въ курятникѣ пустомъ.
Поемъ тамъ пѣтухами...
Чуть взрослые пройдутъ—
„Ку-ку-ре-ку!“ и вѣрятъ:
Тамъ пѣтухи поютъ!
А на дворѣ, бывало,
Мы ящикъ обобьемъ
И въ немъ, какъ въ знатномъ домѣ,
Богато заживемъ.
Сосѣдей кошка въ гости
Заглянетъ къ намъ подчасъ—
Поклоны, присѣданья,
Любезности у насъ.
Разспросимъ о здоровьи
Заботливо потомъ...
Эхъ, сколько старыхъ кошекъ
Я спрашивалъ о томъ!
Мы, будто пожилые,
Любили потужить,
Что въ мірѣ въ наше время
Привольнѣй было жить;
Что свѣтъ любви и вѣры
И вѣрности изсякъ...
Какъ кофе вздорожало
И деньги рѣдки какъ!..
Пройдутъ, какъ игры дѣтства,
И не вернутся вновь
Міръ, время, деньги, вѣра,
И вѣрность, и любовь!

II.

Потерпите, если отзвукъ,
Невеселый и больной,
Старой скорби въ новыхъ пѣсняхъ
Внятно слышится порой.
Дайте срокъ! Былыхъ страданій
Эхо грустное замретъ,
И весна мелодій въ сердцѣ
Исцѣленномъ зацвѣтетъ.

III.

Мнѣ снилась съ заплаканнымъ блѣднымъ лицомъ
Красавица, царская дочь.
Подъ липой зеленой мы съ нею вдвоемъ
Сидѣли, обнявшись, всю ночь.
„Не нуженъ престолъ твоего мнѣ отца
И скипетръ его золотой,
Не нужны мнѣ блескъ и алмазы вѣнца—
Тебя мнѣ довольно одной!“
Она мнѣ шепнула: „Тому не бывать,
Лежу я въ могилѣ сырой...
Тебя я люблю и тебя цѣловать
Лишь ночью являюсь порой“.

IV.

Неясно, туманнымъ видѣньемъ
Всплываютъ въ дали голубой
Стариннаго города башни,
Вечерней одѣтыя мглой.
Сырой поднимается вѣтеръ,
И зыбь надъ водою встаетъ,
И мѣрно со скрипомъ тяжелымъ
Морякъ въ моей лодкѣ гребетъ.
Вотъ, вспыхнуло солнце еще разъ,
И гаснущій отблескъ упалъ
На то незабвенное мѣсто,
Гдѣ милую я потерялъ...

Георгій Вилліамъ.

ВЪ АЛОМЪ СНѢГУ.

Мы ѣхали.

Былъ вечеръ, обыкновенный сибирскій вечеръ, когда небо занимается какимъ-то пожаромъ, когда все въ его холодной глубинѣ—всѣ тучки и облака—горятъ кровавымъ огнемъ и когда снѣгъ на лысыхъ горахъ кажется алымъ, а тайга, выползая на хребты изъ темно-синей мглы падей, кажется оттопыренной щетиной какого-то окровавленнаго чудовища.

Мы ѣхали по льду, межъ двухъ скалистыхъ стѣнъ, совершенно обнаженныхъ, полузасыпанныхъ снѣгомъ, на дикихъ уступахъ которыхъ изрѣдка вставала тощая оборванная сосна и тоже краснѣла верхушкой въ общемъ пламени,—мы ѣхали узкой рѣчкой по всѣмъ ея прихотливымъ извилинамъ и заворотамъ.

Мы ѣхали вдвоемъ, бокъ-о-бокъ, но это не значило, что мы уже давно были знакомы, а изъ этого тоже не слѣдовало ничего: фляжка коньяку переходила отъ моего сосѣда ко мнѣ и обратно. Было холодно, не смотря на весь огонь неба надъ нами: смертельнымъ морозомъ дышали скалы береговъ, а воздухъ рѣзалъ грудь. Мы ѣхали очень быстро.

Но намъ хотѣлось ѣхать еще быстрѣй. Я и мой спутникъ, послѣ каждаго глотка изъ фляжки, рѣзкимъ крикомъ поощряли ямщика. Онъ низко склонялся къ конямъ и тоже съ крикомъ подбадривалъ ихъ. Мнѣ казалось, что полозья нашей кошевки почти не касаются дороги: одинокія сосны на уступѣ сбоку съ какимъ-то свистомъ растягивались въ сплошной заборъ, полоска снѣгу слѣва на рубцѣ берега бѣжала мимо алой лентой, а такая же полоска справа—темно-лиловой...

Но мы продолжали покрикивать. Чисто животный восторгъ охватывалъ насъ и, должно быть, передавался ямщику и его конямъ. Впереди алѣла яркимъ снѣгомъ гора, намъ, во что бы то ни стало, хотѣлось при свѣтѣ зари доѣхать до нея, взобраться и хоть на время очутиться въ пламени, кото-

рое разливалось тамъ. Странная радость охватывала насъ сильнѣй и сильнѣй; тѣло наслаждалось движеніемъ, въ которомъ оно само участвовало только пассивно. Всѣ силы лошадей, казалось, перешли въ копыта: дружно падали они на ледъ и дружно мелькали въ воздухѣ среди снѣжныхъ брызгъ. Гора въ аломъ снѣгу, казалось, бѣжала къ намъ на встрѣчу, росла, мѣняла свои очертанія и, наконецъ, стала передъ нами цѣпью пологихъ возвышенностей.

Сгоряча часть крутизны тройка взяла тѣмъ же темпомъ. Мы въѣхали въ боръ, и кони на протяженіи какихъ-нибудь десяти саженъ перешли къ тихому шагу.

Боръ молчалъ. Онъ былъ весь въ тѣни и, засыпанный снѣгомъ, казался мертвымъ царствомъ. Порою лишь глухо доносился издали трескъ древесныхъ стволовъ... Колокольчики грустно притихли, притихли и мы. Ямщикъ опустилъ вожжи.

— На волокъ взберемся, конямъ бы передохнуть маломало, а вамъ, господа хорошіе, чайкомъ погрѣться!

Кони были въ мылѣ, но наше прежнее настроеніе, чуть придавленное безмолвнымъ спокойствіемъ бора, еще не окончательно разсѣялось.

— Ну, что тамъ отдыхать,—сказалъ мой спутникъ,—доѣдемъ и такъ, съ горки-то конямъ полегче будетъ.

— Не очень-то легче, господа... Однако, это дѣло вашей воли, какъ будетъ угодно.

Онъ слегка подстегнулъ пристяжныхъ. Полозья скрипнули по снѣгу веселѣе. Колокольчики словно очнулись, и скоро мы были на перевалѣ.

Открылась широкая картина. Вся въ холмахъ и увалахъ лѣсная равнина уходила впередъ и синими зубцами далекихъ горъ смѣшивалась съ зубцами не менѣе далекихъ тучъ, среди которыхъ еще догорало вечернее, красное, какъ раскаленный уголь, солнце. Пожаръ неба угасалъ; кое-гдѣ еще догорали клочья облаковъ. Начинало темнѣть, но по снѣгу еще бродилъ алый блескъ, голубыя тѣни деревьевъ красиво подчеркивали его... Много было этого алаго снѣга на горѣ; въ его волнахъ, какъ бы прислонясь спиной къ сплошной стѣнѣ густого бора, стояла заимка подъ тяжелой крышей тоже алаго снѣга. Надъ ней вился дымокъ.

Наша дорога шла все книзу, въ глубокую падь, со снѣжнаго дна которой уже глядѣла мглой холодная таежная ночь. Мои намѣренія измѣнились: отъ заимки вѣяло такимъ уютнымъ тепломъ, что я не выдержалъ и сказалъ своему спутнику:

— А что, если бы намъ и въ самомъ дѣлѣ передохнуть здѣсь... какъ вы думаете?

Лошади, между тѣмъ, подкатили насъ къ широкимъ, гостепріимно-распахнутымъ воротамъ.

— Ну, что же, господа, мимо, аль... тпрру!

Ямщикъ пріостановилъ коней и обернулся къ намъ.

Мой спутникъ тоже соблазнился и махнулъ рукой на ворота. Мы въѣхали.

Дворъ былъ чисто подметенъ. Въ кучѣ снѣга торчали метла и лопата. Во всей этой опрятности и какъ бы культурности широкаго двора чувствовалось что-то не таежное. Я вопросительно взглянулъ на дорожнаго товарища. Онъ уже вылѣзъ изъ кошевки и тоже не безъ изумленія оглядывалъ длинный навѣсъ, построенный по европейски, изгородь занесеннаго снѣгомъ цвѣтника и все остальное.

Пока мы оглядывались, на высокомъ крыльцѣ показался сѣдой, крупный, здоровый мужикъ въ красной ситцевой рубахѣ, выпущенной изъ-подъ жилета — типичный сибирякъ.

— Здорово, дядя Миколай... вотъ гостей привезъ.

Старикъ кивнулъ головой ямщику на его привѣтствіе и встрѣтилъ насъ спокойно, не безъ ласковости.

— Добро пожаловать! Проходите, проходите въ горницу.

II.

Старикъ движеніемъ руки проводилъ насъ черезъ общую чистую, заботливо убранную комнату въ другую болѣе просторную, гдѣ мы и расположились. Старикъ завелъ какіе-то переговоры съ рослой дѣвушкой, красивое лицо которой мелькнуло намъ при входѣ изъ-за большой печки.

Мой спутникъ, отставной военный, „пошедшій по акцизу“, разглаживая сѣдоватые усы, устроился довольно комфортабельно на жесткомъ, обитомъ клеенкой диванчикѣ и закурилъ папиросу съ флегматичнымъ видомъ бывалаго путешественника. Я сталъ оглядывать горницу.

Прежде всего мое вниманіе привлекли два портрета въ черныхъ рамкахъ. Они висѣли на перегородкѣ, оклеенной дешевыми, скромными обоями. Подъ ними стоялъ большой столъ довольно грубой работы, покрытый клеенкой, которая была закапана чернилами.

Я вглядѣлся въ портреты и еще болѣе удивился. Портреты изображали двухъ русскихъ писателей, давно умершихъ, но еще живыхъ въ нашихъ сердцахъ...

Я долго разсматривалъ эти дорогія лица, плохо переданныя—одно не совсѣмъ умѣлымъ карандашомъ любителя, а другое—плохимъ негативомъ старой фотографіи. Присутствіе

этихъ портретовъ здѣсь, въ затерянной таежной заимкѣ, странно дразнило воображеніе. Меня невольно все больше и больше интересовалъ странный обитатель ало-снѣжной горы, въ относительной интеллигентности котораго я былъ уже вполнѣ увѣренъ. „Неужели это тотъ старикъ, что насъ встрѣтилъ?“—думалось мнѣ, и я продолжалъ осмотръ.

Въ углу горницы стоялъ большой шкафъ, тоже грубо сдѣланный и также окрашенный. Въ его дверцахъ не было стеколъ; онѣ были завѣшены простымъ чернымъ коленкоромъ. Когда эта занавѣска колыхнулась съ тихимъ шелестомъ, отдернутая моей рукой, — мнѣ показалось, что я открылъ чью-то могилу. Въ шкафу, на полкахъ я нашелъ книги, какіе-то, повидимому, медицинскіе инструменты и небольшую аптечку. Все это убѣдило меня, что я нахожусь въ жилищѣ несомнѣннаго интеллигента... Я приступилъ къ осмотру книгъ.

Да, тутъ были всѣ тѣ, которые кровью своего сердца вскармливали русскую честную общественную мысль. Съ трогательнымъ спокойствіемъ стояли книги въ грубыхъ переплетахъ, на грубо обтесанной полкѣ. Я раскрылъ одну изъ нихъ и на мгновеніе забылся.

„Видишь, — казалось говорилъ любимый писатель,—все ушло, все пронеслось... Сколько бурь и невзгодъ... а мы все еще живы и готовы повторить все тѣ же великія слова тебѣ, заѣхавшему въ эту снѣжную пустыню“...

Мысль моя невольно вернулась къ загадочному обладателю этой библіотеки. Я тихонько опустилъ занавѣску и снова подошелъ къ письменному столу. Надъ нимъ (я еще раньше его замѣтилъ) висѣлъ отрывной календарь. Разсматривая портреты, я не обратилъ на него вниманія,—теперь же увидѣлъ, что календарь этотъ старый.. Онъ потерялъ значеніе еще два года назадъ, и дата „24 мая“, которая стояла на верхнемъ листочкѣ, возбуждала смутное и жуткое чувство... Передо мной чернѣлъ двумя цифрами вѣроятный день смерти какого-то невѣдомаго брата по духу. Теперь я былъ уже увѣренъ въ этомъ и, склонившись къ листу, не безъ труда прочелъ сдѣланную на его уголкѣ неразборчивую надпись карандашомъ:

„Живая идея можетъ сузиться или расшириться въ своемъ движеніи, можетъ свернуть или развернуть волну своего содержанія, но она никогда не измѣнитъ своего направленія“.

— Что это?—подумалъ я,—случайная отмѣтка вычитаннаго изъ книги или предсмертное резюмэ цѣлой жизни. Мысль не нова, но здѣсь она получаетъ какую-то особенную окраску и живость...

Вошелъ старикъ. Онъ медлительно присѣлъ къ столу, посмотрѣлъ на меня, потомъ на моего спутника своими ясными, спокойными глазами и завелъ бесѣду. Акцизный изъ военныхъ не измѣнилъ своей позы, продолжалъ дымить папиросой, мало обращая вниманія на его присутствіе. Поэтому старикъ обращался преимущественно ко мнѣ.

— Далеко ли проѣзжаете?

Я отвѣтилъ. Старикъ неожиданно оживился.

— А... такъ, можетъ быть, васъ можно будетъ попросить передать тамъ проживающему г. N небольшую посылочку... Она у меня уже болѣе двухъ лѣтъ ждетъ случая.

Я изъявилъ полную готовность, но упоминаніе о двухъ годахъ съ лишнимъ опять неясной жутью шевельнуло мнѣ сердце, напомнивъ о календарѣ...

— Скажите,—спросилъ я,—кому собственно принадлежитъ эта заимка?

Старикъ отвѣтилъ не сразу... Въ это время въ горницу вошла молодая дѣвушка, чисто и нарядно одѣтая, та самая, которую мы уже замѣтили въ общей избѣ за печкой. Она поставила самоваръ на желѣзный листъ, прибитый къ столу, и приготовила все къ чаю.

— Ей вотъ—принадлежитъ... Дочери моей, Аграфенѣ.

Я внимательно оглядѣлъ Аграфену. Мой спутникъ привсталъ, лихо закрутилъ сѣдоватые усы и сверкнулъ глазами...

Аграфена потупилась, повела глазами, слегка поджала нижнюю губу и завозилась у самовара. Она замѣтила наше вниманіе къ ея лѣсной красотѣ. И дѣйствительно, она была красива. Ей недоставало, пожалуй, красокъ, глаза были нѣсколько тусклы, но формы, линіи были безупречны. Лицо было бѣло, даже, пожалуй, нѣжно, но широкія брови и рѣзкій овалъ лица просили дикаго таежнаго фона.

— Ей вотъ и отказана заимка-то, Аграфенѣ,—повторилъ старикъ, и что-то грустное прошло по его лицу.

При словѣ „отказана“ мое воображеніе опять торопливо заработало, разыскивая черты какой-то романической исторіи, и я спросилъ, кому раньше принадлежала заимка.

— Павлу Матвѣичу Ганецкому, вѣчная ему память...—Старикъ широко перекрестился. Имя Павла Матвѣича Ганецкаго мнѣ было знакомо.

— Значитъ, онъ умеръ!.. Давно ли?

Старикъ поднялся съ мѣста и наклонился къ окну. Мой взглядъ слѣдовалъ за нимъ.

— Да, упокоился,—сказалъ старикъ,—тамъ вонъ, у лѣса, подъ большимъ крестомъ... уже болѣ двухъ лѣтъ...

За окномъ еще алѣла неясная полоска зари, рѣзко обрѣ-

занная угломъ лѣсной стѣны, и на фонѣ гаснущаго неба я отчетливо увидѣлъ черный силуэтъ большого креста.

— Такъ я посылочку-то изготовлю... ты ужъ не откажите передать-то,—сказалъ старикъ послѣ короткаго молчанія, направляясь въ общую комнату.

Онъ вышелъ. Я сталъ пить чай. Передо мной на стѣнѣ висѣли крестъ на крестъ два ружья и другіе охотничьи доспѣхи... Я безсознательно разглядывалъ ихъ, а въ головѣ вихремъ проносились воспоминанія. Мой спутникъ, между тѣмъ, завелъ пошловатую бесѣду съ Аграфеной, которая прислуживала намъ за чаемъ. Аграфена улыбалась, поводила глазами въ отвѣтъ на заигрыванія бывшаго военнаго и видимо была довольна его вниманіемъ.

Передо мной, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій памяти, изъ груды разнообразныхъ впечатлѣній отчетливо вырисовалась фигура худенькаго, блѣднаго, съ необыкновенно печальными глазами студента-медика, Павла Матвѣевича Ганецкаго. Вспомнилась бурная студенческая сходка... Среди общаго шума и возбужденія на каѳедрѣ неожиданно появилась скромная фигура ранѣе никѣмъ не замѣчаемаго студента... Лицо его пылало, глаза сверкали, онъ, казалось, былъ полонъ какихъ-то невысказанныхъ словъ. Всѣ притихли, но студентъ ничего не сказалъ, только нервно взбросилъ руки кверху и сильно потрясъ въ воздухѣ сжатыми кулаками.

Это какъ-то странно подошло къ минутѣ. Когда Павелъ Матвѣевичъ, нѣсколько смущенный, сошелъ послѣ своего безмолвнаго красноречія съ каѳедры, его проводилъ громъ искреннихъ рукоплесканій.

Затѣмъ Ганецкій пропалъ для меня и для многихъ другихъ... Прошелъ было глухой слухъ, но ему не придали значенія, и вотъ гдѣ отыскался теперь этотъ незамѣтный въ пестрой толпѣ маленькій студентъ...

III.

Я смотрѣлъ въ окно. Сумерки шли, но крестъ еще явственно чернѣлъ на фонѣ темно-малиноваго неба.

Я невольно глубоко вздохнулъ.

— Съ чего вы это?—спросилъ мой спутникъ. Аграфена тоже поглядѣла на меня удивленными глазами. Она уже раза два присаживалась на кончикъ дивана, потуплялась больше, чѣмъ было нужно, и вообще подчеркивала свою дѣвичью стыдливость. Мой спутникъ видимо торжествовалъ. Я невольно взглянулъ на Аграфену, но она инстинктивно отвела глаза въ сторону.

— Вотъ я и приготовилъ вамъ посылочку!

Въ дверяхъ показался старикъ; онъ держалъ въ рукахъ небольшой пакетъ, обшитый полотномъ.

— Хорошо,—сказалъ я.—Дайте сюда и нѣтъ-ли у васъ чернилъ: я запишу, кому надо отдать.

Старикъ ухмыльнулся.

— Сдѣлалъ я уже это, разберете-ли только, не очень я грамотный: на старости лѣтъ меня Павелъ Матвѣичъ грамотой снабдили... по сѣдому уже дѣлу.

— А чѣмъ занимался Павелъ Матвѣичъ?—спросилъ я.

— Каждымъ дѣломъ по немногу, а всѣмъ-то много: нашего брата мужика таежнаго отъ хвори всякой лѣчилъ, уму разуму училъ, тутъ перомъ выручитъ, а здѣсь и топоромъ поможетъ... Этакихъ людей Богъ на землѣ долго не держитъ!.. э-э-эхъ!.. такъ я вамъ посылочку вотъ здѣсь и положу, не забудете?

Старикъ снова исчезъ. Казалось, онъ сознательно уклонялся отъ разспросовъ.

Черезъ полчаса мы уже собирались въ дорогу. Ех-военный недовольно ворчалъ: онъ готовъ былъ, повидимому, заночевать на заимкѣ, но я такъ энергично настаивалъ на отъѣздѣ, что онъ крѣпко выругался и сталъ одѣваться. Уже въ шубѣ и дохѣ, онъ ухитрился довольно таки больно ущипнуть Аграфену, когда та провожала насъ съ поклонами на крыльцо.

Она не обидѣлась.

— Заѣзжайте когда, не забывайте, — приглашала она, играя глазами. Мнѣ стало противно и почему-то больно. Въ этомъ чувствѣ я не отдавалъ себѣ отчета, да и трудно было отдать: оно рождалось не въ работѣ мысли, а въ совокупности довольно смутныхъ ощущеній.

Отдохнувшіе кони бойко пронесли насъ мимо безвѣстной могилы... Дорога сильно шла книзу; мгла, казалось, раскрывала намъ свои объятія, и подъ трепетъ звонковъ и тихое колыханье кошевки я скоро сталъ засыпать, предоставивъ своему спутнику на полной свободѣ ворчать и злиться...

IV.

Посылочки мнѣ не удалось вручить адресату: я его уже не нашелъ въ томъ мѣстѣ, куда ѣхалъ. Пять лѣтъ съ тѣхъ поръ я возилъ съ собой небольшой пакетикъ, потерялъ надежду когда-либо исполнить данное мнѣ порученіе и недавно рѣшилъ вскрыть посылку. Думаю, что я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго: въ пакетѣ оказалась кипа писемъ—

я ихъ сжегъ, не читая; тамъ же была и небольшая рукопись, которою я рѣшаю подѣлиться съ читателемъ.

„Хотѣлъ было выругать жизнь и не повернулось перо, а какъ будто и есть за что... Безумецъ тотъ, кто говоритъ въ минуту горечи: о, жизнь, какъ ты зла и обидно гадка!.. Можно порицать факты жизни, мертвые клочки огромнаго тѣла, оторванные отъ своего цѣлаго, лишенные связи съ нимъ... Но порицать жизнь, это почти кощунство... Или нѣтъ солнца надъ нами?.. или нѣтъ у разума своихъ лучей, что на встрѣчу солнцу посылаютъ свои могучія колебанія и тоже готовы наполнить міръ и тоже творятъ жизнь во всемъ, что есть у нея сознательнаго: и тѣ, и другіе лучи, скрещиваясь, творятъ ту великую бурю явленій, имя которой—жизнь...

„Да, жизнь, жизнь!.. въ самомъ словѣ этомъ есть уже радость, смѣхъ и цвѣты. Можно, конечно, на все это набросить флеръ печали, тоски, ненависти, презрѣнія, но это будетъ только флеръ и даже очень прозрачный, онъ не уничтожитъ красокъ жизни, а придастъ имъ лишь особую прелесть поэзіи, сдѣлаетъ ихъ болѣе дорогими, болѣе цѣнными... Такъ за что же мнѣ хотѣлось выругать жизнь? Не могу вспомнить сразу. Голова горитъ, пульсъ бѣшеный—у меня начинается тифъ, несомнѣнный и безнадежный. Можетъ быть, это и есть то, за что можно выругаться... Пожалуй. Жилъ себѣ человѣкъ, т. е. глядѣлъ на жизнь, прислушивался къ ея голосу, думалъ, чувствовалъ и вдругъ... тифъ, т. е. могила... Это обидно, это больно: но... если жизнь такъ гадка, тогда—почему обидно, почему больно?.. Гадка жизнь, ну и уходи отъ нея и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Однако, нѣтъ, уходить не хочется... Чего жалко?.. Нужно-ли отвѣчать: всего жалко, всего...

„Да всего. Жалко радостей, жалко и страданій. Жалко вѣры и жалко сомнѣній. Жалко всякаго самаго маленькаго дѣла, которое совершилъ, и жалко каждой маленькой ошибки, въ которую впадалъ...

. . . . . .

„Пришла Аграфена и помѣшала писать: въ послѣдніе дни она ходитъ, такая печальная и такая ласковая, словно предчувствуетъ что-то... Съ Аграфеной у меня что-то неладное выходитъ, еще недѣлю тому назадъ я былъ увѣренъ, что люблю ее... Да, ее—эту дикую и не развитую дѣвушку... А теперь, теперь мнѣ ее какъ-то вовсе не жалко. Странно это: неужели я поддался настроенію и даже мимолетному. Не знаю, но сейчасъ я думаю объ ней вполнѣ спокойно, можетъ быть, даже преступно спокойно, такъ какъ она-то несомнѣнно ко мнѣ привязалась... Однако, Богъ съ ней. Сегодня я говорилъ на чисто со старикомъ... Что за хорошая душа и что

за серьезный умъ. Я ему хотѣлъ подарить заимку, но онъ и руками замахалъ.

— Не надо, не надо... ты то зачѣмъ умирать собрался, еще жить бы тебѣ, да и жить!

„Чудной старикъ. Тогда я сказалъ, что оставлю заимку Аграфенѣ. Онъ тоже нахмурился и сказалъ сухо:

— Твое дѣло.

«Славный старикъ. Я теперь не сплю, и онъ не спитъ, а Аграфена, слышу я, уже ложится.

„Вспомнилось мнѣ, что пріѣхалъ я сюда съ смутнымъ, но тяжелымъ чувствомъ. Потомъ это разсѣялось, много дѣла и здѣсь нашлось, пришлось поселиться здѣсь, въ центрѣ трехъ деревень, чтобы къ каждой было близко... Теперь я поселюсь навсегда около своей заимки, чтобы къ каждой было далеко, далеко... вотъ въ этомъ и есть что-то обидное: все начать, не додѣлать и уйти по суровому приказу неизвѣстнаго хозяина, не зная, куда и зачѣмъ тебя „переводятъ“...

„Вотъ опять меня будто холодкомъ опахнуло: теперь я смогу дописать, что хотѣлъ, а раньше мысли путались. Я заговорилъ о жизни. Мнѣ кажется, что я вижу большое, широкое, цвѣтущее поле... всюду цвѣты: желтые, голубые, красные, но кажется, что они растутъ не въ землѣ, а въ воздухѣ... да, да и хотятъ пустить корни, хотятъ прикрѣпиться къ землѣ, но ихъ волнуетъ вѣтеръ и носитъ по полю, а вдали море синѣетъ и тоже волнуется... Когда я пріѣду домой, а это будетъ черезъ тысячу лѣтъ... нѣтъ раньше,—мнѣ кажется, что я ѣду, уже ѣду, ѣду... И кругомъ падаетъ снѣгъ, бѣлый, чистый, холодный... Впрочемъ, это было прежде... Я ѣхалъ, ѣхалъ, и шелъ снѣгъ, и покрывалъ равнину... какъ будто кровью“...

Послѣднія слова едва можно было разобрать. Очевидно—ослабѣвшее сознаніе водило слабой рукой...

Мой разсказъ былъ бы не оконченъ, если бы я не прибавилъ, что, какъ я узналъ впослѣдствіи, Аграфена вышла замужъ за здоровеннаго мужика и превратила свою заимку въ бойкій постоялый дворъ на перевалѣ горнаго хребта.

И. Емельянченко.

ВЪ ПОТЬМАХЪ.

I.

Прохоръ Кузьмичъ тревожно всматривался въ мутную темноту ночи. Вѣтеръ свистѣлъ, шумѣлъ и вылъ, трепля дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, холщевый фартукъ повозки. Скрипѣли полозья, прерывисто звенѣлъ колокольчикъ, и, то усиливаясь, то замолкая, стучало и охало что-то назади. Казалось, кто-то, спотыкаясь и тяжело дыша, торопливо бѣжалъ за повозкой.

Впереди разстилалась сѣрая снѣжная равнина, по которой безпрерывно бѣжали все въ одну сторону тонкія, словно придавленныя, струйки мелкаго колючаго снѣга. Края дороги и острые выступы сугробовъ дымились. Темная полоса лѣса, то исчезала въ снѣжномъ хаосѣ, то колеблющимися пятнами выступала изъ сѣраго мрака.

Всматриваясь въ причудливые переливы гонимаго вѣтромъ снѣга, въ которыхъ чудилось что-то одушевленное, прислушиваясь къ равномѣрному постукиванію и пыхтѣнью позади себя, Прохоръ Кузьмичъ почти не сомнѣвался, что за нимъ гонится умершій двадцать лѣтъ тому назадъ мастеровой Алешка Безматерныхъ и что появленіе его не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Вѣтеръ дулъ то сзади, то справа; колючая снѣжная пыль рѣзала Прохору Кузьмичу лицо, забивалась въ рукава и за шею. Ямщикъ, поднявъ воротникъ, сидѣлъ, не шевелясь, точно изваяніе; изрѣдка будто изъ-подъ земли доносились его покрикиванья на лошадей, заглушаемыя вѣтромъ. Повозка то вязла въ сугробахъ, то скользила по гладко укатанному полотну дороги, то накренялась на бокъ, тормозя отводами.

Когда въѣхали въ лѣсъ, мятель вдругъ стихла, ревъ бури молкъ, и только гулкій и мелодическій шумъ лѣса торжественно несся навстрѣчу. Справа и слѣва потянулись строй-

ные ряды елей и сосенъ, поднимавшихъ свои вершины подъ самое небо, казавшееся теперь не чернымъ, какъ минуту назадъ, когда ѣхали степью, а мутно бѣлесоватымъ. Въ наступившей тишинѣ ярче зазвенѣлъ колокольчикъ, веселѣе заскрипѣли полозья, и отчетливѣе стали слышны странные удары въ задокъ повозки и чье-то захлебывающееся дыханіе. Прохоромъ Кузьмичемъ овладѣлъ ужасъ. Закрывъ глаза, онъ сталъ торопливо шептать заклинанія и молитвы. Иногда казалось, что кто-то уже совсѣмъ догоняетъ повозку, хватается за отвода, бѣжитъ рядомъ... Прохоръ Кузьмичъ холодѣлъ отъ страха и ждалъ, что еще мгновеніе—и произойдетъ нѣчто безсмысленно ужасное. Иногда бѣжавшій назади отставалъ, спотыкающіеся шаги его замолкали, но равномѣрный стукъ не прекращался ни на минуту.

„Отломилось что-нибудь и стучитъ",—думалъ Прохоръ Кузьмичъ, но это здравое разсужденіе нисколько не успокоивало его.

Когда выѣхали изъ лѣса и стали осторожно спускаться подъ-гору, странный стукъ вдругъ замолкъ, и только слышно было, какъ могучимъ аккордомъ гудѣлъ оставшійся позади лѣсъ. Прохоръ Кузьмичъ облегченно вздохнулъ и перекрестился. Ямщикъ перекрестился тоже, заерзалъ на мѣстѣ и веселѣе крикнулъ на лошадей.

„Слава Богу, отвязалась нечистая сила", — прошепталъ Прохоръ Кузьмичъ. „Видно и на томъ свѣтѣ не ладно Алешкѣ живется, ежели столько годовъ не можетъ забыть... А всегда былъ злопамятный мужиченко... Положимъ, не вовсе правильно поступили съ нимъ тогда... поколотили порядочно... но вѣдь ужъ двадцать лѣтъ прошло, пора и забыть... А главное, не надо было въ лѣсу бросать... Конечно, думали—отлежится, а онъ застылъ... Охъ, и не одинъ вѣдь Алешка Безматерныхъ... у-у! много ихъ, лѣсныхъ то воровъ, перекалѣчено, перебито... Служба такая—ничего не подѣлаешь!.. А всетаки никто окромѣ этого варнака не чудился никогда, только онъ... такой былъ всегда, не тѣмъ будь помянутъ, самый сутяжный мужиченко... какъ раньше былъ вредный, такъ и теперь... да... Ну, слава Богу, Митькину Гарь проѣхали, самое нехорошее мѣсто"...

Когда спустились подъ-гору и потомъ снова поднялись на открытый бугоръ, рѣзкій вѣтеръ, бѣшено мчавшійся черезъ степь, подхватилъ повозку и, казалось, приподнялъ ее на воздухъ, накренилъ на бокъ, оборвалъ съ крючковъ фартукъ, затѣмъ, успокоившись, сталъ равномѣрно дуть, осыпая Прохора Кузьмича колючею пылью и унося за собою стелющуюся по землѣ мутную пелену снѣга. И опять въ этой движущейся массѣ Прохоръ Кузьмичъ сталъ видѣть что-то сверхъ-

естественное и страшное. Что-то живое, казалось ему, дрожало, металось, прыгало съ бугра на бугоръ, скользило по гладкой поверхности снѣга, дико и яростно выло и жалобно стонало...

„Ишь, ишь, какъ метнулось... Господи Исусе!.. ишь по полю чешетъ... вонъ, вонъ прыгаетъ... ахъ, чтобъ тебя... ишь, между лошадинныхъ ногъ проскочилъ, сукинъ сынъ“!—шепталъ про себя Прохоръ Кузьмичъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

II.

Было далеко за полночь, когда показались первые признаки жилья, убогія лачуги, едва виднѣвшіяся изъ-подъ снѣга. Огромное селеніе Нижне-Каргинскаго завода, казалось, вымерло. Не видно было ни огней, ни другихъ признаковъ жизни, только вѣтеръ бѣшено крутилъ на перекресткахъ улицъ, наметая сугробы.

Проѣхавъ селеніемъ версты двѣ, мѣстами переправляясь черезъ снѣжныя горы выше домовъ, тройка остановилась у воротъ двухъ-этажнаго каменнаго дома. Темная фигура отдѣлилась отъ забора, растворились ворота, и повозка въѣхала въ обширный дворъ. Откуда-то появился фонарь, залаяли собаки, въ окнахъ забѣгали огни, хлопнула дверь, послышался говоръ, и нѣсколько дюжихъ рукъ стали вытаскивать Прохора Кузьмича изъ повозки. Высокій мужикъ съ красной разбоничьей рожей и черной бородой свѣтилъ, поднявъ фонарь высоко надъ головой.

— А ужъ мы думали, благополучно-ли, сударь,—говорилъ онъ низкимъ пріятнымъ басомъ.—Вишь она пурга-то... батюшки-свѣты!.. Ну, слава Богу!.. Должно быть, поздненько изволили выѣхать?

Прохоръ Кузьмичъ ничего не отвѣтилъ и тяжело сталъ подниматься по лѣстницѣ. Въ передней съ него сняли шапку и рукавицы, размотали огромный зеленый шарфъ, стащили шубу и полушубокъ, и изъ массивной фигуры онъ превратился въ сухопараго старичка съ пріятно худощавымъ лицомъ, сѣдой козлиной бородкой, жидкими волосиками, которые на вискахъ и на затылкѣ вились въ кольца, съ выцвѣтшими глазами и острымъ носомъ. Мелкими стариковскими шагами, потирая озябшія руки, прошелъ онъ въ комнату, помолился на иконы и въ изнеможеніи опустился на диванъ. Высокій черный мужикъ почтительно сталъ у дверей.

— Здорово, Демидычъ,—послѣ минутнаго молчанія проговорилъ собравшійся съ духомъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Здравствуйте, сударь,—отвѣчалъ тотъ и низко, по старинному, поклонился.

Огромнаго роста, широкоплечій, съ черною какъ смоль бородою, онъ казался богатыремъ. Трудно было повѣрить, что Прохоръ Кузьмичъ и онъ были ровесники и когда-то вмѣстѣ учились въ заводской школѣ: Прохоръ Кузьмичъ казался, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ старше.

— Управляющій задержалъ... выѣхали поздно,—сказалъ Прохоръ Кузьмичъ, съ усиліемъ откидываясь на спинку дивана, и затѣмъ прибавилъ, понизивъ голосъ:—Алешка Безматерныхъ за нами всю дорогу гнался.

— Ой, что вы!—воскликнулъ Демидычъ.

— Всю дорогу... такъ и чешетъ, такъ чешетъ за повозкой-то... ни сколь не отстаетъ...

— Не ладно,—сказалъ Демидычъ.—А видѣли его?

— Нѣтъ, въ лицо не видалъ, а слышать слышалъ.

— Можетъ, не онъ?

— По голосу онъ... Все еще въ себя не приду... охъ, Господи!..

— Не ладно, не къ добру.

Помолчавъ, Демидычъ заговорилъ, также понизивъ голосъ:

— Капраловъ Вьюна видѣлъ.

— А-а!.. гдѣ?..

— На Песчищахъ... сидитъ, говоритъ, на пенькѣ, плачетъ, слезами уливается.

— Ахъ, Господи!..

— Я ровно, говоритъ, не въ себѣ сдѣлался. Мнѣ бы бѣжать, говоритъ, а я стою, смотрю на ево и ровно бы остолбенѣлъ. А онъ плакалъ—плакалъ да какъ обернется ко мнѣ, да какъ захохочетъ! Такъ у меня, говоритъ, не то-ли что, а руки—ноги отнялись, волосы дыбомъ встали...

— Гмъ!.. нехорошо, нехорошо.

— Послѣ того, говоритъ, вдругъ не стало его: ровно, говоритъ, сквозь землю провалился... Ужъ и не знаю, что это ныньче... сказываютъ вонъ, Емелина пещера загудѣла...

— Какая Емелина пещера?

— Развѣ вы не знаете? Емелина пещера. Вверхъ по рѣчкѣ Каргѣ, верстахъ въ десяти отъ кордона...

— Ну?

— Ну, стало быть, пещера эта самая... просто сказать, дыра книзу... и туда, слѣдовательно, ходъ, и тамъ, говорятъ, горница, а дальше опять колидоръ, и будто-бы калидоръ этотъ на Мельковку верстъ за пять выходитъ. Зимой изъ этой ямы паръ идетъ—самъ я видалъ... эдакъ въ родѣ какъ дымъ, особливо къ морозу... Ну, такъ про эту пещеру все говорили, что она гудитъ, но, однако, никто не слыхалъ

до этого... Сказывали старики, что передъ большимъ пожаромъ гудѣла, да какъ плотину прорвать—два дня, говорятъ, гудѣла... И нынче гудитъ... сказываютъ, ужъ третій день...

— Кто слышалъ?

— Многіе слышали. Нашъ Петрованъ слышалъ. Ѣду, говоритъ, по дорогѣ—въ курень ѣздилъ—и слышу гудитъ: у-у! у-у!—жалобно таково...

— Да, да... неладно, неладно...

Старичекъ съ бабьимъ безбородымъ лицомъ внесъ и поставилъ на столъ кипящій самоваръ.

— Здравствуй, здравствуй, Зотеичъ,—сказалъ Прохоръ Кузьмичъ, разсѣянно отвѣчая на его низкій поклонъ, и опять обратился къ Демидычу:

— Но какъ же она гудитъ?.. то-есть, какъ это?.. отчего?..

— А неизвѣстно. Гудитъ и все. По всему заводу теперь разговоры объ этомъ идутъ. Сказываютъ старики, что которые смѣлые прежде вовсе близко подходили, и чѣмъ ближе, говорятъ, тѣмъ пуще гудитъ... Подъ самымъ ухомъ реветъ, а гдѣ—неизвѣстно, стало быть, невидимо... И въ пещеру которые лазали, и тамъ, говорятъ, ничего... а звукъ, слѣдовательно, надъ самой дырой...

— Да, да... Сними-ка съ меня валенки, дай сленьи сапоги... Охъ, ноги тоскуютъ... Вотъ такъ... спасибо... Теперича налей чайку покрѣпче... и себѣ наливай...

Демидычъ присѣлъ къ столу и огромными неуклюжими руками сталъ разливать чай. Со двора смутно доносился шумъ бури. За стѣнами что-то жалобно выло, и весь домъ, казалось, дрожалъ мелкой дрожью.

— А ко мнѣ покойница вчера приходила,—прошепталъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Катерина Павловна?—переспросилъ Демидычъ и оглянулся на темную дверь.

— Она... Пришелъ я изъ управленія разстроенный... управляющій ни за что облаялъ... ну, обидно мнѣ показалось... Пришелъ, сѣлъ на кровать, думаю себѣ: Господи! оглянулся, смотрю, а она стоитъ за занавѣской... лицо прячетъ, отворачивается, а вижу, что она... Обрадовался я... Катенька, говорю, милушка моя... бросился къ ней, а она повернулась да и ушла въ стѣну...

Прохоръ Кузьмичъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ низкимъ, безцвѣтнымъ голосомъ:

— Не стало ее... а была вотъ-вотъ, какъ живая... Какъ такъ, думаю? что такое? почему?.. Напала на меня тоска... скучно стало, руки на себя наложилъ бы... Зачѣмъ, думаю, она приходила? можетъ быть, надо ей что-нибудь?.. И сдѣлался я какъ не въ своемъ умѣ... сталъ искать ее... подъ

стульями, подъ диваномъ, подъ кроватью... Искалъ, искалъ, не нашелъ и зачалъ головой биться объ стѣну... ровно бы мнѣ легче отъ этого... такая дурость нашла...

— Сказать она что-нибудь хотѣла, да помѣшали,—проговорилъ Демидычъ:—не надо бы подходить къ ней...

— Да, да... я понимаю... ну, не вытерпѣлъ!.. Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

Прохоръ Кузьмичъ долго сидѣлъ въ оцѣпенѣніи и молчалъ, затѣмъ тряхнулъ головой и, перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Судебный приставъ пріѣхалъ?

— Такъ точно, пріѣхали сегодня,—оправляясь, отвѣчалъ Демидычъ.

— Завтра Митрохина да Настюковыхъ выдворять, помнишь?

— Такъ точно.

— Все готово?

— Все, сударь. Не въ первой.

Прохоръ Кузьмичъ помолчалъ, пожевалъ губами и уже опять прежнимъ простымъ тономъ спросилъ:

— Лѣсъ рубятъ у мужиковъ?

— Рубятъ-съ.

Прохоръ Кузьмичъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Не одобряю я этого, охъ, не одобряю.

— Бабы ревутъ шибко да и мужики которые ровно ошалѣлые... потому что лѣсъ береженый, холеный... конечно, жаль своего добра...

— Нехорошо, нехорошо,—повторилъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Извините, сударь, а и я скажу: жалости подобно смотрѣть!.. Вѣдь, окромя того, сколько покосовъ испортили... Теперича вонъ Марьину рощу срубили... жалость какая...

— Какъ Марьину рощу срубили? что ты врешь?—переспросилъ Прохоръ Кузьмичъ, выпрямляясь и блѣднѣя.

— Такъ точно, вчера всю закончили... на дрова-съ... Нагнали татаръ изъ Рудянки сотъ пять, въ три дня очистили... По телефону управляющій распорядился. Нашъ-то не повѣрилъ сначала, нарочнаго посылалъ, чтобы гумагу дали... Ну, перетурка ему была за это большая.

— Господи!.. да ты не врешь?

— Помилуйте, сударь.

— Господи Исусе!.. что-жъ это такое?..

Прохоръ Кузьмичъ не слыхалъ больше ничего, что еще говорилъ ему Демидычъ,—онъ старался и не могъ понять, что Марьина роща, съ ея глубокимъ протяжнымъ шумомъ, съ пахучей влажной прохладой, съ таинственнымъ полумракомъ, со всей поэзіей его дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, на-

всегда перестала существовать, превращена въ голое мѣсто, въ пустыню.

— Зачали было у Караваева кедровую рощу рубить,— продолжалъ разсказывать Демидычъ: — не далъ... Оно и точно: роща-то ему двѣсти цѣлковыхъ на орѣхахъ даетъ. Дѣлать нечего, сошелся съ Густавомъ Карлычемъ на двухъ сотенныхъ да намъ ведро вина выставилъ..,

Демидычъ разсказывалъ затѣмъ о ходокахъ, которые собрались ѣхать въ Петербургъ, но были перехвачены въ дорогѣ, о томъ, какъ они путали слѣды, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, и какъ, тѣмъ не менѣе, были выслѣжены, настигнуты у Пихтовскаго полустанка въ тотъ самый моментъ, когда уже садились на поѣздъ, схвачены и посажены въ чижовку, о сумасшедшемъ солдатѣ, который сбивалъ народъ въ итальянское подданство и за это былъ высѣченъ становымъ, о таксаторѣ, у котораго сбѣжала жена... Прохоръ Кузьмичъ не слушалъ. Когда часы въ сосѣдней комнатѣ пробили три, онъ вздрогнулъ и испуганно оглянулся.

— Да, да... — пробормоталъ онъ, очевидно, отвѣчая на собственныя свои мысли.—Охъ-хо-хо!.. Иди-ка спать, Демидычъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ тотъ и пошелъ укладываться въ дальнюю комнату на войлокѣ около печки.

Прохоръ Кузьмичъ, разсѣянно помолившись на иконы, сѣлъ на кровать и, по обыкновенію, охая и кряхтя отъ старческихъ недуговъ, раздѣлся. Марьина роща не выходила у него изъ головы. Богъ вѣсть почему съ необыкновенною ясностью припомнилось ему одно солнечное утро, когда онъ школьникомъ забѣжалъ въ рощу и былъ пораженъ ея таинственнымъ полумракомъ, тишиной и прохладой. И свѣжесть утра, и запахъ хвои, и дорожка въ лѣсу, и замираніе дѣтскаго сердца отъ смѣшаннаго чувства удивленія, любопытства и восторга,—все съ такою небывалою живостью воскресло въ памяти, что у него занялся духъ и слезы выступили на глаза. Еще вспомнилась та же роща вечеромъ, багрянецъ заката, горящія золотомъ вершины сосенъ и его первая любовь, Маша Полѣнова, которую онъ, казалось, позабылъ совершенно и о которой не думалъ десятки лѣтъ. „Ишь ты“! съ удивленіемъ сказалъ онъ себѣ. Черноволосая, черноглазая, босая, тоненькая, съ лукавой и радостной улыбкой, она стояла передъ нимъ, какъ живая. А когда вслѣдъ за тѣмъ припомнился ему и ея голосъ, также давно позабытый и потому такъ странно знакомый теперь, волнующій кровь и разрывающій ту страшную преграду промчавшихся лѣтъ, которая отдѣляла его отъ юности,—онъ задохнулся отъ болѣзненно радостнаго чувства, и воспоминанія одно ярче

другого хлынули на него такимъ бурнымъ потокомъ, что онъ вскочилъ съ кровати и побѣжалъ босикомъ по холодному полу.

— Господи, о, Господи!—застоналъ онъ.

Демидычъ проснулся и подумалъ сквозь сонъ, что со старикомъ творится что-то неладное.

Опомнившись, Прохоръ Кузьмичъ подошелъ къ окну: тамъ за замерзшими стеклами безпокойно билось что-то смутное и жуткое. Прохоръ Кузьмичъ перекрестился, легъ въ постель и потушилъ лампу. И вмѣстѣ съ потухшимъ свѣтомъ исчезли въ одно мгновеніе всѣ воспоминанія, точно провалились въ бездну, надъ которой сомкнулась пустая жуткая темнота. За стѣнами шумѣлъ вѣтеръ, слышно было, какъ, вздрагивая, стучали ставни внизу и что-то жалобно стонало на дворѣ.

Прохоръ Кузьмичъ вспомнилъ о безсмысленномъ и жестокомъ дѣлѣ, въ которомъ ему предстояло участвовать завтра, и тяжело вздохнулъ. Ему стало скучно, тоскливо и жутко, онъ почувствовалъ, что у него болитъ спина, ноютъ ноги...

III.

Когда на слѣдующее утро Прохоръ Кузьмичъ проснулся, старинные часы, висѣвшіе въ простѣнкѣ, показывали уже четверть десятаго. Желтые солнечные лучи несмѣло и печально пробивались сквозь замерзшія, занесенныя снѣгомъ стекла. Слышно было, какъ хрустѣлъ снѣгъ на улицѣ подъ чьими-то шагами, и чувствовалось, что на дворѣ морозъ.

Прохоръ Кузьмичъ, спустивъ ноги, кряхтя и охая, надѣлъ валенки и постучалъ въ стѣну кулакомъ. Вошелъ Демидычъ съ кипящимъ самоваромъ и сказалъ, что уже два раза приходили отъ пристава узнать, скоро ли ѣхать. На лицѣ аккуратнаго Прохора Кузьмича выразился испугъ, онъ заторопился. Наскоро поплескавъ себѣ въ лицо холодной водой, причесавъ передъ зеркаломъ жидкіе мокрые волосы и помолившись передъ иконами, онъ торопливо проглотилъ стаканъ чаю и сталъ одѣваться.

— Проспалъ... подь оно... чтобъ васъ...—бормоталъ онъ, съ просонья не попадая въ рукава шубы, которую подавалъ ему Демидычъ.

Уже сидя въ саняхъ, онъ тревожно и суетливо разспрашивалъ Демидыча, достаточно ли подводъ и хватитъ ли народу, чтобы все кончить сегодня же къ вечеру, извѣщенъ ли Иванъ Мамаевъ, есть ли у возчиковъ веревки и топоры, заряжены ли у лѣсниковъ револьверы и можно ли послѣ вчерашней мятели проѣхать лѣсными дорогами. Демидычъ

давалъ на все краткіе успокоительные отвѣты. Наконецъ, гремя бубенцами и звеня колокольчиками, подъ конвоемъ конныхъ лѣсныхъ сторожей, сани выѣхали изъ воротъ и, миновавъ нѣсколько улицъ, остановились передъ домомъ, на которомъ бѣлыми буквами по черному фону было написано: „квартира для гг. чиновниковъ". Демидычъ, бойко соскочивъ съ сѣдла, пошелъ съ докладомъ къ приставу, но тотъ уже выходилъ на крыльцо въ сопровожденіи какого-то неизвѣстнаго, не по заводски щеголевато одѣтаго человѣка. Не смотря на ранній часъ дня, приставъ былъ уже замѣтно навеселѣ. Остановившись на площадкѣ крыльца и удерживая собесѣдника за рукавъ, онъ говорилъ ему что-то съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.

— Тебя ждутъ,—видимо тяготясь разговоромъ, вполголоса промолвилъ господинъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Заламывай цифру солидную, понимаешь?.. Однимъ словомъ, не стѣсняйся.

— Хорошо, хорошо, но ты заставляешь ждать...

— И подождутъ, что за важность!.. Потому что, понимаешь, ужъ если продавать чорту душу, то, по крайней мѣрѣ, не даромъ. Однимъ словомъ, до свиданія и желаю успѣха.

Господинъ, освободившись, поспѣшно пошелъ вдоль улицы, шагая черезъ сугробы.

— Почтеннѣйшему, благообразному старцу почтеніе!—привѣтствовалъ приставъ Прохора Кузьмича.

— Здравствуйте, сударь,—съ холодной учтивостью отвѣчалъ тотъ.—Извините, кажется, задержалъ васъ.

— Это ничего. До свиданія, до свиданія, желаю успѣха!—еще разъ крикнулъ приставъ вслѣдъ уходившему господину и, усѣвшись въ сани, сказалъ:—айда!

Проѣхавъ версты двѣ по заводу, миновавъ фабричный дворъ и дровянную площадь, сани выѣхали на широкую плотину.

— Прудомъ поѣдемъ или горами?—спросилъ ямщикъ, сдерживая лошадей.

— Прудомъ, прудомъ,—отвѣчалъ Прохоръ Кузьмичъ, которому не хотѣлось проѣзжать мимо Марьиной рощи.

— Вчера пурга была. Подводы горами ушли.

— Ничего, поѣзжай, благословясь.

Лошади, почуявъ просторъ, дружно подхватили и понесли по гладкой равнинѣ замерзшаго пруда, которая разстилалась на много верстъ, сливаясь съ голубою далью, манившей къ себѣ и сулившею что-то прекрасное. Справа и слѣва поднимались высокіе лѣсистые берега. Кони мчались съ захватывавшей духъ быстротой. Снѣгъ милліонами искръ блестѣлъ на солнцѣ. Было весело ѣхать и смотрѣть кругомъ.

Впечатлительный приставъ крикомъ и гиканьемъ выражалъ свой восторгъ.

Проѣхавъ прудомъ верстъ шесть, сани круто свернули въ сторону и стали подниматься въ гору по узкой, едва замѣтной, занесенной снѣгомъ дорожкѣ. Лѣсъ сразу обступилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, точно принялъ въ свои объятія. Чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился выше и глуше. Стали попадаться кедры и огромныя лиственницы съ голыми сучьями. Вверху надъ головой въ нѣсколько ярусовъ висѣли отягченныя снѣгомъ вѣтви елей и пихтъ. Такой же бѣлый, мягкій снѣгъ лежалъ на землѣ. Утопая въ немъ, сани двигались, какъ въ волнахъ бѣлаго пуха. Колокольчики лѣниво позванивали. Отъ лошадей шелъ паръ. Дорога становилась все тѣснѣе. Иногда казалось, что впереди лѣсъ смыкался сплошной стѣной, но кажущаяся преграда раздвигалась, открывая впереди новыя преграды, также раздвигавшіяся, и сани безшумно продолжали путь. Вверху надъ лѣсомъ свѣтило солнце, а внизу подъ деревьями былъ ровный, мягкій полумракъ. Иногда въ просвѣтахъ вѣтвей виднѣлись въ вышинѣ яркія пятна освѣщенныхъ вершинъ, и на темноголубомъ небѣ красиво вырѣзывалась серебряная корона лѣсного великана.

— И все это вырубятъ, всю эту красоту,—сказалъ приставъ,—не свинство ли, а?

— Чего изволите?—переспросилъ Прохоръ Кузьмичъ, пробуждаясь отъ своихъ думъ.

— Лѣсъ жалѣю. Истребляете лѣса безпощадно. Вонъ Марьину рощу вырубили... вѣдь за это надо бы, по настоящему, я не знаю что...

— Это не мы... развѣ мы?..—глухо отозвался Прохоръ Кузьмичъ.

— А то кто же?.. И свой, и мужицкій лѣсъ истребляете безъ пути, безъ нужды. Я собственными ушами слышалъ, какъ управляющій вашъ говорилъ нашему предсѣдателю: я, говоритъ, это потому, что у мастеровыхъ не должно быть лѣсу. И свой, и мужицкій, говоритъ, я на пятнадцать верстъ кругомъ вырублю, чтобы была пустыня. Тогда я, говоритъ, на однихъ дровахъ сочиню крѣпостное право. Ей-Богу, это я собственными ушами слышалъ.

— Не знаю-съ... не наше это дѣло-съ... наше дѣло маленькое...

— Въ сущности весьма возмутительно. Вотъ и теперь, чортъ его знаетъ! вѣдь мы людей зорить ѣдемъ... Ежели разсудить, оно не особенно того...

— Не намъ судить... намъ, сударь, что прикажутъ...

— А если бъ приказали человѣка убить? тогда какъ?.. А вѣдь, пожалуй, оно и похоже...

Прохоръ Кузьмичъ въ сильномъ волненіи закашлялъ и задвигалъ плечами.

— Позвольте-съ,—заговорилъ онъ, заикаясь,—меня даже вовсе и не было здѣсь, когда Марьину рощу рубили... позвольте... я уѣзжалъ въ главную контору...

— Это все равно, я не объ этомъ, а вообще...

— Нѣтъ, позвольте, сударь, какъ не объ этомъ?—все больше и больше волнуясь, продолжалъ Прохоръ Кузьмичъ.— Вы говорите, человѣка убить... Нѣтъ, позвольте... я служу графу, его сіятельству, сорокъ пять лѣтъ вѣрой и правдой... безоблыжно... такъ, по вашему, что же?.. я честно служилъ... такъ по вашему, слѣдовательно, я подлецъ послѣ этого?.. или какъ?.. ежели я честно и безоблыжно?.. Позвольте!..

— Полноте! да вы кому служите? вы полагаете, графу служите?—также внезапно возбуждаясь, возразилъ приставъ.—Ну, едва ли? дьяволу, самому сатанѣ, но никакъ не графу... Графъ-то гдѣ онъ? видали вы его, графа-то? да и есть ли еще онъ, графъ-то? Можетъ быть, его и нѣту вовсе, а? тогда какъ?.. Ха, ха, ха!.. то-то и есть... Графъ!.. честю, преподобно!.. какъ-бы не такъ!.. Графъ!.. нѣтъ, не графъ тутъ, а разные проходимцы, а графъ не болѣе, какъ фантазія.

Прохоръ Кузьмичъ былъ такъ ошеломленъ этой выходкой пристава, что въ первый моментъ не нашелся ничего отвѣтить и только минуту спустя сказалъ:

— Графъ бумаги подписываетъ. Я самъ видѣлъ его подпись.

— Поддѣлка—больше ничего,—не смущаясь, отвѣчалъ приставъ.

IV

Лѣсъ, раздвинувшись на обѣ стороны, обнаружилъ впереди торную дорогу съ широкой просѣкой, небольшую поляну и новый деревянный домъ съ высокимъ заплотомъ и растворенными настежъ воротами. По свѣже утоптанному снѣгу во дворѣ и у воротъ толпилось человѣкъ тридцать мужиковъ въ полушубкахъ и бѣлыхъ понявахъ съ топорами за поясомъ. Вдоль забора, уткнувшись въ сугробы, понуро стояли десятка три лошадей, запряженныхъ въ дровни.

Красныя лица, маслянистые глаза, размашистыя движенія и развязное галдѣнье свидѣтельствовали, что толпа подъ хмѣлькомъ. Подрядчикъ Мамаевъ, бравый черноволосый мужикъ, въ городской шубѣ и бобровой шапкѣ, сидѣлъ на корточкахъ у заплота и изъ полуведерной бутыли цѣдилъ

водку въ чайную чашку съ отломанной ручкой, поднося мужикамъ, которые стояли кругомъ съ благочестивыми лицами.

Заслышавъ звонъ колокольчика, Мамаевъ заткнулъ бутыль пробкой, стукнувъ по ней ладонью, сунулъ въ снѣгъ вмѣстѣ съ чашкой и накрылъ полушубкомъ.

— Послѣ, пущай проѣдутъ,—сказалъ онъ, отряхиваясь отъ снѣга.

Выйдя изъ воротъ, онъ сталъ махать навстрѣчу ѣдущимъ шапкой. Толпа притихла, и человѣкъ двадцать одинъ за другимъ лѣниво поснимали шапки. Изъ толпы отдѣлился староста съ знакомъ на груди и, утопая въ снѣгу, побрелъ къ санямъ, за нимъ четверо полицейскихъ десятскихъ и человѣкъ пять лѣсныхъ сторожей. Мамаевъ, держа шапку на отлетѣ, суетился около саней.

— Прохору Кузьмичу наше нижайшее,—тарантилъ онъ, радостно ухмыляясь,—его высокородію, господину судебному приставу совершеннѣйшее уваженіе... десять персиковъ—одна малина!..

— Сколько подводъ?—спросилъ его Прохоръ Кузьмичъ.

— Аккуратъ тридцать четыре.

— Не мало?

— Нѣтъ. Еще съ Суханки будетъ около шестнадцати. Хватитъ.

— Вамъ-то что? для себя старается,—вмѣшался приставъ,—сдѣлайте одолженіе, своего не упуститъ.

— Совершенно справедливо-съ!—восторженно подхватилъ Мамаевъ,—потому что понимаемъ свой интересъ вполнѣ... Эхъ, ваше благородіе! не удостопли вы прокатиться, а посмотрите—лошадка-то, а? Обратите ваше вниманіе, побезпокойтесь взглянуть... вонъ туда... вонъ, вонъ... поверните головку вправо... вотъ, вотъ... а?.. каковъ-съ?.. Живописная картина, ась?.. Олеографія въ полномъ смыслѣ, десять персиковъ—одна малина...

Приставъ, разсѣянно посмотрѣвъ на ковровыя щегольскія сани и великолѣпнаго вороного жеребца въ наборной сбруѣ, ничего не сказалъ. Мамаевъ лукаво подмигнулъ и прищелкнулъ языкомъ.

— Не угодно ли? а? прокатиться? а?

Приставъ покачалъ головой и отвернулся.

— Хе, хе, хе!.. еще все сердитесь, ваше благородіе?.. Совершенно напрасно-съ. Потому что не въ ту линію попадаете, право, ей-богу-съ... Понятія у васъ неправильныя, то-есть, собственно, по этому предмету.

Приставъ презрительно пожалъ плечами и сказалъ:

— Подлецъ ты—больше ничего.

— Это какъ вамъ будетъ угодно,—обидчиво возразилъ Мамаевъ.—Потому что вы какъ человѣкъ нужный, для васъ завсегда готовъ... но ежели въ такомъ разѣ, что возможности никакой и притомъ безъ разсчету, то сдѣлайте ваше одолженіе-съ...

— Да ужъ молчи, молчи.

— Можемъ и помолчать.

— Ну, и молчи.

— Какъ угодно, мы можемъ.

— Копѣечная твоя душа.

— Очень можетъ быть-съ, мы не споримъ. Ваше дѣло большое, наше маленькое.

— У тебя голикъ вмѣсто сердца.

— Ну, и голикъ... намъ ладно... Не знаю, какъ вамъ, а намъ превосходно.

По другую сторону саней въ то же время шелъ иной разговоръ.

— Почему старшина не пріѣхалъ?—спрашивалъ старосту Прохоръ Кузьмичъ.

Староста, потупившись, стоялъ по колѣна въ снѣгу и отвѣчалъ съ большой неохотой.

— Не могу, сударь, знать.

— Все мудритъ! Смотри, кабы не домудрился до чего-нибудь.

— Некогда, говоритъ, своихъ дѣловъ много.

— Вамъ, чуть что до господскаго интересу, все некогда. Какія такія дѣла?

— Не могу знать.

— Ну, конечно!.. А тебя, я слышалъ, таки поучили маленько, а?.. Это ничего, впередъ будешь умнѣе.

Староста, который только-что вышелъ изъ-подъ ареста, потянулъ носомъ воздухъ, переступилъ съ ноги на ногу, но ничего не отвѣтилъ.

— Да, неправильно ты поступилъ, неправильно.

Староста и самъ зналъ, что неправильно, хотя не смѣлъ въ этомъ сознаться даже самому себѣ. Неправильность же, которую онъ допустилъ, состояла въ томъ, что онъ согласился приложить должностную печать къ протоколу о самовольной порубкѣ, учиненной конторскими рабочими на усадьбѣ мастерового Ивана Бастрыгова, и далъ ему формальное разрѣшеніе перевезти срубленныя деревья къ себѣ во дворъ. Это было сдѣлано по совѣту одного законника и являлось одной изъ многочисленныхъ попытокъ со стороны населенія защитить свои права. Дальнѣйшій планъ состоялъ въ томъ, чтобы дѣло провести черезъ всѣ судебныя инстанціи до сената включительно и по примѣру перваго иска предъявить

водку мужикамъ, заводоуправленію другіе такіе же на десятки, а можетъ и на сотни тысячъ рублей. На это предпріятіе возлагались большія надежды, но онѣ были разрушены очень скоро. Въ тотъ же день по распоряженію лѣсничаго секвестрованный старостой лѣсъ былъ увезенъ со двора Бастрыгова на заводскій дворъ, самого старосту посадили въ темную и продержали подъ арестомъ восемнадцать сутокъ, Бастрыгова же привлекли къ отвѣтственности за кражу лѣса.

— Тебѣ ли, дураку,—продолжалъ Прохоръ Кузьмичъ,— судить графскія дѣла? Для того ли ты присягу принималъ, чтобы народу потачку давать, а? Ты начальникъ и долженъ внушать благоговѣніе, а не развратъ, да! У графа, другъ, вездѣ заручка: и сверху, и снизу, и спереди, и сзади, и со всѣхъ боковъ, такъ ты объ этомъ помни.

— Мы понимаемъ,—неопредѣленно бормоталъ староста.

— Не больно вы понимаете... Сколько съ тобой десятскихъ?

— Четверо.

— Почему мало?

— Народу нѣту, Прохоръ Кузьмичъ, всѣ въ расходѣ; туды-сюды...

— Туды-сюды... все фокусы, все фокусы...

Изъ-за лѣсу показался урядникъ на гнѣдомъ конѣ. Взмахнувъ нагайкой, онъ лихо подскакалъ къ санямъ и по солдатски отрапортовалъ, приложивъ правую руку ко лбу:

— Ихъ благородіе приказали сказать, что по случаю несчастнаго происшествія на рудникѣ они быть не могутъ... такъ что даже мертвыя тѣла-съ...

— У этого станового всегда какая-нибудь отговорка,—съ неудовольствіемъ проворчалъ приставъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, въ шахтѣ несчастіе сдѣлалось, такъ что семерыхъ на смерть, да двоихъ въ больницу свезли.

— Ну вотъ! всегда такъ!.. и надо же непремѣнно въ это самое время... Ну, однако, ѣхать такъ ѣхать.

Тронулись дальше. Впереди гарцовалъ урядникъ, позади гуськомъ трусила лѣсная стража. Возчики, пурхаясь въ снѣгу, съ трудомъ выводили лошадей на дорогу и, вскакивая на дровни, съ гиканьемъ и свистомъ неслись вдогонку, растянувшись на полверсты. Шумъ этого поѣзда всполошилъ мертвую лѣсную тишь и разбудилъ притаившееся эхо. Нѣсколько мужиковъ, окруживъ Мамаева, остались во дворѣ около бутыли съ водкой. Минутъ двадцать спустя Мамаевъ мчался на своемъ жеребцѣ, какъ бѣшеный, обгоняя обозъ. Его разноцвѣтныя сани, судорожно ныряя въ снѣгу, бились о стволы деревьевъ, вздрагивали, какъ въ истерикѣ, ложились то на правый, то на лѣвый бокъ, то, выпрямляясь, скрывались въ ухабѣ. Вороной конь минутами совершенно исче-

залъ въ снѣжномъ вихрѣ. Самъ Мамаевъ съ вдохновен[illegible]зилъ видомъ стоялъ на ногахъ, натянувъ возжи, и каждую [illegible]васъ [illegible]ожнуту казалось, что онъ разможжитъ себѣ голову. Мелькнув[illegible], какъ метеоръ, онъ скрылся впереди за поворотомъ дороги.

— Сущій дьяволъ, — съ восхищеніемъ произнесъ приставъ.

V.

Проѣхавъ версты двѣ, опять свернули на маленькую дорожку. Ѣхать стало труднѣе. Лѣсъ порѣдѣлъ, мелькнула бѣлая поляна съ торчащею изъ снѣжныхъ сугробовъ изгородью, показались тесовыя ворота и высокій заплотъ, изъ-за котораго выглядывали занесенныя снѣгомъ крыши, кирпичная труба и скворешникъ съ пучкомъ соломы. У воротъ весь въ мылѣ стоялъ жеребецъ Мамаева. Во дворѣ заливались собаки. Мамаева не было, только его шуба, небрежно брошенная на край саней, да темномалиновый шарфъ свидѣтельствовали о его присутствіи гдѣ-то неподалеку.

Приставъ, выйдя изъ саней, потрогалъ калитку: она была заперта. Лицо пристава стало озабоченнымъ и сердитымъ.

— Исторія!—сказалъ онъ.—Еще того и гляди, что укокошатъ тебя, какъ собаку.

Кучеръ, будто исполняя положенную по штату формальность, стукнулъ два раза въ ворота, крикнувъ: — Эй, вы, черти!—и полѣзъ въ карманъ за табакомъ, прибавивъ вполголоса, — отопрутъ они, дожидайся!

Между тѣмъ, изъ-за сугроба, наметеннаго вдоль изгороди, показался Мамаевъ въ поддевкѣ, по поясъ въ снѣгу.

— Чуть не утонулъ,—сказалъ онъ, выбираясь на дорогу и отряхиваясь отъ снѣга,—намело выше крышъ.—И прибавилъ, понижая голосъ: все гнѣздо дома,—старуха въ молельнѣ, самъ въ теплушкѣ, прочіе въ избѣ. Стало быть учуяли—все кругомъ на запорѣ.

— А ты какъ узналъ?

— Я во дворѣ былъ, у оконъ подслушивалъ.

— А собаки?

— Собаки на цѣпи. Охъ, берегитесь, братцы, чтобъ съ цѣпи ихъ не спустили: собаки большущія!

Подъѣхавшія подводы запрудили все видимое пространство дороги и небольшой площадки передъ воротами, наполнивъ воздухъ бодрымъ и веселымъ говоромъ.

Приставъ, урядникъ, Прохоръ Кузьмичъ и Мамаевъ стали совѣщаться.

— Сопротивленія не окажутъ, будьте въ спокоѣ,—сказалъ урядникъ.

— Почему ты думаешь?

— Вѣры не такой... хозяинъ-то... не нашей вѣры, не христіанской... такъ что всякія слова говори и ругайся, а драться не велѣно.

— Ну, это, положимъ, ерунда... Эй, ломай ворота!

Когда подъ пѣніе дубинушки разломали заплотъ и ворота, открылся чисто прибранный, очищенный отъ снѣгу дворъ съ амбаромъ, завозней и сараемъ. По веревкѣ, протянутой поперекъ двора, оскаливъ зубы, метались и лаяли обезумѣвшія отъ ярости собаки. Мамаевъ одну за другой пристрѣлилъ изъ револьвера и постучался въ запертыя двери крыльца. Никто не отозвался, домъ казался вымершимъ.

— Ломай!—закричалъ приставъ.

Выломали двери и вошли въ сѣни. Тамъ также было пусто. У окна лежала опрокинутая недодѣланная деревянная кадка, валялись черемуховые прутья, доски, топоръ и пила. Направо и налѣво шли двери. Приставъ осторожно потянулъ къ себѣ правую, она подалась и съ жалобнымъ визгомъ отворилась. Заглянувъ внутрь, приставъ отшатнулся. На первый взглядъ тамъ было совершенно темно, однако, вглядываясь, онъ замѣтилъ едва мерцавшій желтый свѣтъ восковой свѣчки передъ темнымъ иконостасомъ, нѣсколько иконъ, таинственно выступавшихъ изъ мрака, и склонившуюся на колѣняхъ передъ образами старуху. Она крестилась, кладя земные поклоны.

— Эй, гдѣ тутъ хозяинъ?—громко спросилъ приставъ,—Парамонъ Алексѣевъ Митрохинъ?

Старуха, не оборачиваясь и не отвѣчая, продолжала молиться.

— Ты, старая! слышишь, тебѣ говорю! гдѣ хозяинъ?—развязно и неестественно громко продолжалъ приставъ.

Старуха быстрѣе зашевелила губами и еще истовѣе стала креститься.

— Гдѣ хозяинъ, я спрашиваю?

Приставъ взялъ ее за худое костлявое плечо, прикрытое грубой холстиной. Старуха вся содрогнулась, у нея затряслась голова, задрожали руки, но она продолжала шептать и креститься, не отзываясь ни однимъ звукомъ. Приставъ постоялъ въ нерѣшительности нѣсколько секундъ и вдругъ разразился ругательствами.

— Тьфу! будьте вы прокляты, кержаки окаянные!—кричалъ онъ и, хлопнувъ дверью, въ сильномъ гнѣвѣ вышелъ изъ молельной.

Другая дверь оказалась запертой изнутри.

— Ломай!—возопилъ приставъ.

Дверь высадили съ петель просунутымъ снизу ломомъ

и, когда стали срывать съ крючка, на которомъ тяжелая дверь еще держалась, она вырвалась изъ рукъ и оглушительно грохнулась на полъ. Черезъ образовавшуюся брешь представилась очень мирная картина: обыкновенная, весьма опрятная изба съ крашеными лавками и полатями, съ мѣдными складными иконами на божницѣ. На голубцѣ сидѣлъ самъ хозяинъ въ безмятежной позѣ погруженнаго въ работу человѣка. Въ рукахъ у него былъ лапоть и коточигъ, а на колѣняхъ и на полу лежали лыки. Онъ былъ блѣденъ, какъ надѣтая на немъ рубаха, лапоть и лыки прыгали въ его рукахъ. Онъ не оглянулся на шумъ и продолжалъ свою работу, безцѣльно тыкая коточигомъ.

Пожилая баба, его жена, сидѣла у залавка, закрывъ руками лицо, и голосила: — „мамонька-а!.. мамонька-а!..“ Другая баба, молодая и красивая, странно изогнувшись и опираясь одной рукой о стѣну, а другой судорожно хватаясь за горло, выкрикивала истерически: „О-ой!.. о-ой!..“ Огромные черные глаза ея съ выраженіемъ безумнаго ужаса устремлены были на входившихъ въ избу людей, которые представлялись ей чудовищами, изрыгающими пламя и скверну нечестія. Съ полатей слышался пронзительный дѣтскій плачъ.

Приставъ вошелъ въ избу первый, сбросилъ съ плечъ шубу, которую подхватилъ стражникъ, и кинулъ на столъ портфель съ бумагами. За нимъ вошли Прохоръ Кузьмичъ, Мамаевъ, урядникъ и нѣсколько человѣкъ лѣсниковъ.

— Парамонъ Митрохинъ! — громко и отчетливо, стараясь перекричать причитанье бабъ и плачъ ребенка, обратился приставъ къ хозяину.—Встать долженъ, когда съ тобой говорятъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ, — встань!

— Пошто?—не измѣняя позы, отвѣчалъ Митрохинъ.

— А по то, что я съ тобой говорю!

— Разбойничать пріѣхалъ, меня грабить, а я тебѣ кланяйся! Нѣтъ, не будетъ этого никогда! Разбойничай! Правь свое дѣло! На что тебѣ мои поклоны?

— Ахъ, ты...—Приставъ, весь красный отъ гнѣва, загнулъ трехъэтажное ругательство. — Эй! поднимите его, поставьте на ноги!.. Такъ!.. Я научу тебя, сукина сына, какъ съ чиновниками разговаривать!..

Митрохина взяли подъ мышки и приподняли.

— Такъ,—продолжалъ приставъ,—теперь слушай...

— Не желаю слушать.

— Все равно, молчи. Судъ приговорилъ всѣ твои постройки къ сносу—ты это знаешь.

— Нѣтъ, не знаю и тебя съ антихристомъ не признаю.

— Затѣмъ присуждено съ тебя за пользованіе покосами и усадьбой 624 рубля 70 копѣекъ и судебныхъ издержекъ

60 рублей, а всего 684 рубля 70 копѣекъ. Тебѣ это также извѣстно.

— Я судовъ вацихъ не признаю.

— Это все равно. Денегъ ты не уплатилъ, поэтому у тебя были описаны и проданы съ торговъ постройки твои, какъ строительный матеріалъ. Понимаешь?

— Грабители вы — это я понимаю.

— На торгахъ онѣ были пріобрѣтены крестьяниномъ Новоскольской волости Иваномъ Петровымъ Мамаевымъ за 7 рублей 45 копѣекъ, каковыя деньги поступили въ погашеніе слѣдуемыхъ съ тебя взысканій. Объ этомъ я тебѣ объявляю. Мамаевъ!

— Здѣсь.

— Вы Иванъ Петровъ Мамаевъ?

— Такъ точно.

— Крестьянинъ Новоскольской волости?

— Такъ точно.

— Вами пріобрѣтены на торгахъ 14 ноября сего года строительные матеріалы, заключающіеся въ домѣ, абмарѣ и другихъ постройкахъ, принадлежащихъ бывшему мастеровому Верхъ-Каргинскаго завода Парамону Митрохину...

— Такъ точно, и какъ, слѣдовательно, онѣ...

— Молчи!

— Слушаю-съ.

— И находящихся на землѣ, принадлежащей управленію Каргинскихъ заводовъ.

— Такъ точно.

— Объявляю, что домъ, службы и всѣ постройки Митрохина, какъ проданныя съ торговъ, принадлежатъ вамъ, вы можете получить ихъ, онѣ ваши.

— Слушаю-съ.

— Но такъ какъ онѣ куплены на сносъ, то вы обязаны очистить ихъ немедленно.

— Слушаю-съ,—съ чрезвычайной почтительностью отвѣчалъ Мамаевъ.

Окончивъ эту комедію, приставъ прибавилъ:

— Теперь можете приступить.

Вдругъ Митрохинъ, на котораго перестали обращать вниманіе, тряхнувъ плечами, сбросилъ съ себя руки державшихъ его лѣсниковъ и рванулся впередъ.

— Не дамъ!—закричалъ онъ, какъ безумный, вращая налившимся кровью глазами.—Я суда вашего не признаю!.. чортовы слуги!..

— За эдакія слова, смотри, братъ...

— Дьяволъ! это мое мѣсто, моя земля! дѣдовская она— вотъ что! дѣдъ владѣлъ, отецъ владѣлъ, я владѣю тридцать

лѣтъ... наше вѣковое владѣніе... По всѣмъ законамъ мое... мое оно, мое... Отнять захотѣли, ограбить?.. анафемы!.. Нѣ-етъ!.. не тронь!.. не дамъ!.. пусть пропадаетъ все!.. не достанется вамъ... А-а!..

Въ изступленіи онъ схватилъ лежавшій на лавкѣ топоръ и съ необычайной силой сталъ рубить голубецъ, подпорный брусъ палатей и косяки оконъ. Топоръ на цѣлый вершокъ впивался въ дерево, полетѣли щепки... Толпа отпрянула назадъ, давя другъ друга. Одинъ приставъ остался на мѣстѣ, скованный ужасомъ, каждую секунду ожидая смерти.

— Возьмите его, сумасшедшаго!—закричалъ, наконецъ, Прохоръ Кузьмичъ.

Нѣсколько человѣкъ бросились на Митрохина. Началась свалка. Минуту спустя Митрохинъ, окровавленный, съ связанными руками, смирно сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову, и тяжело дышалъ. Приставъ былъ смертельно блѣденъ.

— Онъ хотѣлъ меня убить,—бормоталъ онъ, выходя изъ оцѣпенѣнія и грузно опускаясь на скамью.

Черезъ четверть часа, онъ писалъ протоколъ о вооруженномъ сопротивленіи. Рядомъ съ нимъ староста коптилъ печать надъ сальнымъ огаркомъ.

VI.

На дворѣ дѣло разрушенія уже началось. Съ уханьемъ и пѣснями ломали крыши, тащили доски и бревна, клали на дровни и увозили со двора. Мамаевъ распорядился выносить имущество изъ избы, у которой уже начали ломать крышу. Сундуки, подушки, полушубки, холсты, женскіе сарафаны, кадки, горшки, самоваръ, посуду, иконы—все валили въ одну кучу.

Когда было вынесено имущество, приступили къ выдворенію хозяевъ. На Митрохина насильно надѣли полушубокъ и валенки, нахлобучили шапку и вывели на дворъ. Затѣмъ одѣли и поволокли упиравшуюся старуху. Молодая баба съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и пожилая съ мальчикомъ лѣтъ десяти и дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати вышли сами. Онѣ теперь уже не выли и, казалось, смотрѣли на все съ тупымъ равнодушіемъ.

— Куда запропастилась Анисья? — спрашивала пожилая баба.

— А Богъ знаетъ,—отвѣчала молодая.

Усѣвшись на опрокинутую колоду, урядникъ и Мамаевъ курили папиросы и разговаривали.

— За семь съ полтиной купилъ, говоришь?—спрашивалъ урядникъ.

— За эту самую цыфру, господинъ офицеръ... окромя того, вывозка конторская...

— Какая дешевись!..

— По моему, не очень. Прошлый разъ Никольскій выселокъ продавали, такъ я по рублю съ гривной за дворъ купилъ.

— Чудеса!

— Потому что здѣшніе боятся покупать, кабы голову, напримѣръ, не оторвали и тому подобное.

— Совершенно вѣрно.

— А контора не корыстуется: ей лишь бы разорить гнѣздо, а барышевъ ей не надо. Поэтому собственно и оцѣнка рупь или полтинникъ. Накинулъ пятачекъ и получай въ потомственное владѣніе. Разумѣется, будь у меня настоящій капиталъ, не сталъ бы и я соваться въ такія дѣла: безпокойство большое.

— Само собой.

— Надо мнѣ по первому разу въ силу войти, чтобы было съ чѣмъ взяться. А дѣла здѣсь—золотое дно, самородная жила!.. Во-первыхъ, необразованность... Во-вторыхъ, контора въ пустяки не вникаетъ, да и ей что? Загребаетъ она милліоны, стало быть, ей разсчету нѣтъ безпокоить себя... Вонъ старичина пристава куда-то поволокъ... куда это?.. Пожалуй, проклажаться здѣсь больше нечего, надо ѣхать къ Настюковымъ... А бабеночка ничего... смотри-ка-сь, а?.. вдова что-ль?

— Нѣтъ, солдатка. Говорятъ, припадочная. Какъ мужа взяли въ солдаты, такъ съ этихъ поръ.

— А это чья? Откуда взялась? Какъ мы ее не видали?

— Дочь, дѣвица. Нездоровая она, поэтому и замужъ не вышла.

— А красавица, только худа больно.

— Провинка за ней была... въ прошломъ году съ учителемъ убѣгала.

— Ну?

— Да, да. Черезъ мѣсяцъ обратно пришла: учитель то бросилъ ее въ городѣ Оренбургѣ, самъ скрылся.

— Значитъ, прошелъ полный курсъ и довольно. Молодецъ!

Приставъ закуривалъ папиросу, когда Прохоръ Кузьмичъ, сѣрый съ лица, нетвердыми шагами подошелъ къ нему сзади и потащилъ за рукавъ, говоря заплетающимся языкомъ:

— Пойдемте-ка-сь... пожалуйста... туды...

— Куда? что такое?

— Пожалуйста... пойдемте... сдѣлайте милость... вонъ туды-съ... пожалуйста...

Они пошли и въ сѣняхъ встрѣтились съ молодой дѣвуш-

кой, которая посторонилась, чтобъ дать имъ дорогу. Она была въ короткой шубейкѣ и бѣломъ платочкѣ, блѣдная и печальная. Красивое лицо ея было прозрачно, какъ воскъ, тонкія губы блѣдны, огромные черные глаза съ длинными рѣсницами ощущены внизъ.

— Она... вонъ... глядите... видите...—въ ужасѣ бормоталъ Прохоръ Кузьмичъ, пятясь и прижимаясь къ стѣнѣ.

— Кто она?.. что такое? что съ вами?—спрашивалъ удивленный приставъ.—По всей вѣроятности, это дочь хозяина, чего вы боитесь?

Но Прохоръ Кузьмичъ уже опомнился и приходилъ въ себя.

— Ничего, такъ, извините,—бормоталъ онъ,—показалось мнѣ... о, Господи!.. двѣ капли воды покойница жена... охъ, сердце зашлось... испугался...

— Эта дѣвушка? Похожа на вашу жену?

— Да, да... двѣ капли воды...

— Странно... ваша жена умерла молодая?

— Да, да, молоденькая, двадцати лѣтъ... Пятнадцатый годъ вдовѣю... двухъ лѣтъ не жилъ съ женой... Ахъ, батюшки! Все еще сердце дрожитъ.

— Странное совпаденіе,—говорилъ приставъ, снова выходя на дворъ и закуривая папиросу.

Прохоромъ Кузьмичемъ овладѣла непонятная суетливость. Протискиваясь въ общей суматохѣ между народомъ, загромождавшими дворъ санями и грудами бревенъ, онъ кричалъ, чтобы не ломали зауголковъ, считалъ нагруженные возы и соображалъ, сколько еще остается свободныхъ подводъ, подсоблялъ провести лошадь или подтащить сани. Въ одну изъ такихъ суетливыхъ минутъ, когда онъ кричалъ что-то ползающимъ по крышѣ рабочимъ, къ нему подошла дѣвушка, похожая на его жену, и упала ему въ ноги.

— Что такое, Боже мой!—испуганно воскликнулъ онъ, пятясь назадъ.

— Прохоръ Кузьмичъ, родимый!—сказала дѣвушка,—не погубите, велите тятеньку отпустить...

— Что ты, милая? встань, пожалуйста... какъ господинъ приставъ... я не знаю...

— Похлопочите, заступитесь...

— Хорошо, хорошо... вонъ приставъ, пойдемте къ нему.

Приставъ сидѣлъ съ урядникомъ на колодѣ. Дѣвушка бухнулась ему въ ноги.

— Простите тятеньку, прикажите отпустить.

На лицѣ пристава показалось жесткое и какое-то скаредно тупое выраженіе.

— Нѣтъ, милая,—отвѣчалъ онъ язвительно и черство,

точно его хотѣли подвести, но онъ раскрылъ всѣ козни,— меня топоромъ, а я прощай... покорно благодарю... у меня не двѣ головы.

— Простите ради Христа... онъ и такъ кругомъ наказанъ...

— Нѣтъ, нѣтъ.

Дѣвушка обернулась къ Прохору Кузьмичу, но тотъ съ озабоченнымъ видомъ смотрѣлъ, какъ спускали бревно по веревкѣ.

— Нѣтъ-съ, красавица, не могу-съ, — продолжалъ приставъ,—а вы встаньте-съ, нѐчего-съ... Строго говоря, я даже не имѣю права... да-съ, не имѣю права прекратить дѣло... Ну-съ, Прохоръ Кузьмичъ, а вѣдь надо спѣшить, а? какъ вы полагаете? пора ѣхать къ Настюковымъ.

— Да, да... конечно-съ...

— А кто здѣсь остается?

— Демидычъ, десятскихъ человѣка два...

— Стало быть, ѣдемъ.

Выселокъ Настюковыхъ, состоящій изъ пяти дворовъ, разбросанныхъ въ лѣсу, былъ совсѣмъ близко, верстъ около четырехъ. Оказалось, что обитатели его благоразумно удалались, и здѣсь уже хозяйничали рабочіе съ Суханки.

— Вотъ и чудесно, — говорилъ Мамаевъ,—что хорошо, то хорошо... по крайности, безъ грѣха... Дѣйствуй, сударики, дѣйствуй! — прибавилъ онъ, обращаясь къ рабочимъ, — по-окончаніи полуведерная на поздравку.

— Ваше благородіе, что съ бабами дѣлать?—спрашивалъ пристава урядникъ.

— Съ какими бабами?

— Съ Митрохинскими.

— Ну?

— Самого, понятно, въ чижовку, а бабъ куда?

— Вотъ! а мнѣ-то что? Это меня не касается. Вези въ заводъ, сдай старшинѣ, какъ онъ хочетъ.

— А движимое имущество?

— И движимое имущество тоже.

Когда вернулись къ Митрохинскому двору, тамъ уже все было разрушено до основанія. На истоптанномъ снѣгу валались клочья соломы, осколки бревенъ, отвалившіеся углы, жерди, гнилыя балки, стойки, половицы, домашній скарбъ. Посреди четырехугольной сѣрой ямы, которою означалось мѣсто, гдѣ была изба, возвышалась огромная глинобитная печь съ кирпичной трубой.

Хозяинъ разореннаго гнѣзда, все еще связанный, согнувшись и опустивъ голову, сидѣлъ на опрокинутой вверхъ дномъ кадкѣ и тупо смотрѣлъ на свое разореніе. Повидимому, онъ ни о чемъ не думалъ. У него зябли ноги, болѣз-

ненно ныли отекшія руки, одеревенѣла спина, но онъ какъ-будто не замѣчалъ этого, весь погруженный въ созерцаніе своей бѣды. Онъ ни разу не взглянулъ на своихъ семейныхъ и не отвѣчалъ, когда съ нимъ заговаривали.

Жена его, по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета, для чего это она дѣлаетъ, переставляла горшки и собирала разсыпанный на снѣгу овесъ. У молодухи, не переставая, плакалъ грудной ребенокъ. Она кутала его въ полушубокъ, совала въ ротъ пустую грудь, укачивала его, кланяясь всѣмъ корпусомъ, какъ очепъ, а онъ все плакалъ какимъ-то безсильнымъ затихшимъ плачемъ. Старуха, потупившись, шептала молитвы. Мальчикъ и дѣвочка, уже освоившись вполнѣ съ новой обстановкой, беззаботно играли „въ стельки", пиная другъ въ друга замерзшими глыбами навоза.

По дорогѣ, пока хваталъ глазъ, двигались нагруженныя бревнами сани съ бредущими подлѣ нихъ возчиками. Въ морозномъ воздухѣ ясно и гулко доносился протяжный скрипъ полозьевъ. На вершинѣ голой лиственницы, одиноко торчавшей надъ зелеными соснами, медленно угасалъ послѣдній лучъ заката. По небу съ запада расплывался янтарно-оранжевый свѣтъ. Воздухъ медленно застывалъ въ своей неподвижности. Становилось морозно. Дыханіе людей и животныхъ вылетало клубами бѣлаго тумана. Шерсть на лошадяхъ покрывалась куржавиной.

Около десятка мужиковъ, просунувъ въ жерло печи конецъ бревна, налегли на него животами.

— И-е-ой ра-азикъ...—затянулъ высокій теноръ.

— Еще да разъ,—подхватили остальные, налегая тяжестью своихъ тѣлъ и упираясь въ землю ногами.—У-ухъ!.. но-о-о... еще... еще...

Печь долго не поддавалась усиліямъ, но, наконецъ, медленно и солидно повернулась въ основаніи. Отъ нея отдѣлилась и сползла большая глиняная глыба. Труба дрогнула, покачнулась, остановилась на одно мгновеніе въ нерѣшительности и вдругъ съ шумомъ грохнулась на землю, поднявъ облако коричневой пыли. Въ лѣсу что-то ахнуло и покатилось. Черезъ минуту на мѣстѣ печи лежала сѣрая груда мусора.

VII.

Свѣтло оранжевая заря быстро угасала, ночь спускалась на землю, кой-гдѣ въ глубинѣ неба слабо замигали рѣдкія звѣзды. Каждый звукъ звонко и отчетливо раздавался въ воздухѣ.

Митрохина посадили на дровни и стали привязывать ве-

ревками къ передку. Бабы завыли. Подростки, схватившись за мать, начали кричать: „тятьку куда везутъ?.. тя-а-тьку!..“ Бабъ и ребятъ, не смотря на сопротивленіе, размѣстили на другія дровни и повезли.

— Тьфу, будь онѣ прокляты, какую музыку завели... бабы бабы и есть... Какъ гора съ плечъ,—говорилъ приставъ.

— Нѣтъ хуже сословія—бабъ,—замѣтилъ урядникъ.

— Ужъ это такой сортъ, съ тѣмъ возьмите,—сказалъ Мамаевъ, добывая изъ саквояжа бутылку съ коньякомъ и какую-то закуску.—А ну-те, господа, съ окончаніемъ, а? послѣ трудовъ праведныхъ замѣсто поздравки, съ устатку; для сугрѣву... а?.. ну-те-ка!..

— Ты что-жъ раньше не сказалъ, что у тебя коньякъ есть? жила! цѣлый день морилъ, дьяволъ!..—сердито говорилъ приставъ, съ жадностью проглатывая рюмку коньяку и набрасываясь на закуску.

Выпивъ и закусивъ мерзлой закуской, стали усаживаться въ сани.

— Вы чего жъ?—крикнулъ приставъ на Прохора Кузьмича, видя, что онъ медлитъ.

Прохоръ Кузьмичъ, не отвѣчая, безпокойно оглядывался на сгущавшійся сумракъ.

— А гдѣ же она, эта дѣвушка?—спросилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жъ она? Вѣроятно, впередъ ушла. Кто видѣлъ?

Оказалось, что никто ее не видалъ: точно она сквозь землю провалилась. Стали кричать, но въ отвѣтъ доносилось изъ лѣсу только многоголосное звонкое эхо. Темнѣющій лѣсъ и холодный отблескъ потухавшей зари, чуть видный на поверхности снѣжной поляны, пугали Прохора Кузьмича, и мучительная тоска заползала ему въ сердце.

— Ну, чортъ съ ней! вотъ очень нужно! не маленькая. Ѣдемъ!—рѣшилъ приставъ. Но Прохоръ Кузьмичъ, не взирая на обидныя издѣвательства пристава, пересѣлъ въ розвальни и съ Демидычемъ и двумя лѣсниками отправился на поиски. Приставъ съ Мамаевымъ уѣхали въ заводъ.

— Либо у Хохлачевыхъ, либо на Собачьемъ пріискѣ—больше ей негдѣ быть, тутъ дорога одна,—говорилъ Демидычъ. Въ лѣсу быстро темнѣло, но пока еще можно было различать слѣды на снѣгу. Чувствовалось, какъ стынетъ неподвижный воздухъ и усиливающійся морозъ сковываетъ и леденитъ все.

„Испугалась, ушла, можетъ быть, уже замерзла... на ней только коротенькая шубейка“... мучительно думалъ Прохоръ Кузьмичъ. Снѣгъ пестрѣлъ множествомъ мелкихъ слѣдовъ, пересѣкавшихъ дорогу по всѣмъ направленіямъ.

— Не видно?—то и дѣло спрашивалъ Прохоръ Кузьмичъ ѣхавшаго впереди Демидыча.

— Не видать,—неизмѣнно отвѣчалъ тотъ.

Впереди смутно зачернѣли какія-то постройки. Это была Хохлачевская заимка, приговоренная судомъ къ разоренію и поэтому покинутая жителями, пустая. Прохоръ Кузьмичъ и Демидычъ только теперь вспомнили объ этомъ.

Поѣхали дальше, къ Собачьему пріиску. Теперь уже было совершенно темно. Снѣгъ казался чернымъ, какъ чернила. Въ просвѣтѣ узкой дорожной просѣки торжественно горѣли яркія звѣзды. Ихъ холодный таинственный блескъ пугалъ Прохора Кузьмича. Вдругъ назади послышался какой-то крикъ, Прохоръ Кузьмичъ весь содрогнулся отъ жуткаго чувства.

— Стой!.. стой!..—отчаянно кричалъ кто-то.

— Пашкинъ голосъ,—сказалъ Демидычъ, выравниваясь съ дровнями.

Дровни остановились, ихъ нагналъ верховой.

— Кто? что такое?

— Нашлась, пожалуйте обратно.

— Слава тебѣ Господи! гдѣ?

— По дорогѣ нагнали, идетъ себѣ пѣшечкомъ.

— Ну, слава Богу!

— Пошла, говоритъ, просить управителя, чтобы тятеньку отпустили.

Прохоръ Кузьмичъ перекрестился, поднялъ воротникъ, зарылся въ солому и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Въ сердцѣ его вдругъ разлилась пріятная теплота, хотя зубы стучали отъ холода. Лежа на спинѣ, онъ смотрѣлъ, какъ звѣзды, вспыхивая, горѣли въ вышинѣ надъ его головой и казались живыми, и чувствовалъ, что въ душу его проникаетъ что-то необъятно большое, строгое и торжественное.

VIII.

Судебный приставъ, только-что отобѣдавшій, съ посоловѣвшими глазами отъ выпитой водки, развалясь на диванѣ, бесѣдовалъ съ пріятелемъ, тѣмъ самымъ, съ которымъ сегодня по утру выходилъ изъ дома. Пріятеля звали Петромъ Степанычемъ Луневымъ. Онъ былъ секретаремъ уѣзднаго съѣзда, пріѣхалъ вмѣстѣ съ приставомъ для переговоровъ съ управителемъ завода по поводу обѣщаннаго ему мѣста помощника повѣреннаго конторы для веденія разныхъ судебныхъ дѣлъ. Передъ ними на столѣ выстроилась батарея пивныхъ бутылокъ.

— Слѣдовательно, порѣшили?—уже въ третій разъ спрашивалъ приставъ.

— Да.

— Окончательно?

— Окончательно.

— Полтораста въ мѣсяцъ, суточныя и разъѣзды... такъ?

— Такъ.

— Ну, поздравляю, дай Богъ... всего лучшаго... Тебѣ чего?—вдругъ испуганно произнесъ приставъ, увидѣвъ заглядывавшаго въ двери мужика,—чего тебѣ надо?

Мужикъ вышелъ на свѣтъ, оглянулся на кого-то въ прихожей, помолился на иконы, отвѣсилъ поклонъ и сказалъ:

— Ишшо здорово, ваше благородіе.

— Здравствуй, куда лѣзешь?

— До твоей милости.

— Чего до моей милости?

— На счетъ покосу... неужели на вовсе отобьютъ у меня ево?.. Покосъ дѣдовскій.

— На счетъ какого покосу?

— Отобрали отъ меня покосъ, а онъ дѣдовскій, покосъ-отъ.

— Кто отобралъ?

— Контора.

— Зачѣмъ?

— Кто ее знаетъ... отобрали пошто-то... Покосъ нашъ собственный...

— Почему жъ его отобрали?

— Продали на торгахъ—больше ничего.

— Кто продалъ?

— Контора.

— Значитъ, покосъ конторскій?

— Пошто? нашъ собственный, дѣдовскій.

— Тогда какъ же его продали?

— Кто ихъ знаетъ!.. продали, не у одного меня... вовсе неправильно...

— Въ судѣ дѣло не разбиралось?

— Разбиралось... какъ не разбиралось? разбиралось у земскаго начальника и въ съѣздѣ разбиралось.

— Ну, и что же?

— Отказали намъ. Вотъ у меня и гумаги всѣ.

— Отказали, стало быть, и разговаривать не о чемъ.

— Неужели же, молъ...

— Отъ меня-то тебѣ чего надобно?

— А это самое... неужто же, молъ, всему попуститься?.. коли эдакъ неправильно...

— Да я-то тутъ при чемъ?

— Ты-то?

— Да, я-то? Дѣло меня не касается.

— А можетъ быть... въ случаѣ... опись или что...

— Ступай съ Богомъ.

— Не посмотришь гумаги-те?

— Чего ихъ смотрѣть!

— Смотрѣлъ тутъ одинъ баринъ, удивлялся.

— Уходи, уходи.

— Покажи мнѣ,—вступился Луневъ.

Мужикъ обрадовался.

— Ой? посмотришь? Посмотри-ка-сь въ самомъ дѣлѣ.

— Вотъ охота!—лѣниво сказалъ приставъ.

— Можетъ пригодиться,—отвѣчалъ Луневъ,—для практики, мало ли...

Мужикъ исчезъ въ темной прихожей и вернулся съ пачкой документовъ, завернутыхъ въ синюю сахарную бумагу. Слѣдомъ за нимъ показался изъ прихожей благообразнаго вида старикъ съ ласковыми глазами, одѣтый весьма опрятно. Въ рукахъ у него была толстая книга въ переплетѣ съ бумажными закладками.

— Ты зачѣмъ?—окрикнулъ его приставъ.

Старикъ, приложивъ правую руку къ сердцу, выступилъ впередъ и сказалъ учтиво:

— Не къ вамъ-съ, ваше высокородіе, а къ нимъ-съ.

— Зачѣмъ?

— У меня дѣла одни-съ.. сами знаете, ваше высокородіе.

— Это на счетъ правды-то?.. Ха, ха! чудакъ... все еще, видно, не нашелъ ее, правду-то? а?..

— Такъ точно, нѣтъ еще, не нашелъ-съ.

— То-то. И не найти никогда.

— Почему же?

— А не найти и все тутъ. Потому что нѣтъ ее правды-то, вотъ почему.

— Почто-же? Не можетъ быть. Мы ищемъ правду, которая по закону, а не которая по писанію. Ужъ объ томъ, что по писанію-то, мы молчимъ.

— Все равно. Кому нужна ваша правда?

— Всетаки желательно обсказать. Можетъ быть, вотъ они подадутъ намъ совѣтъ.

— Кто? это вотъ онъ-то? Ха, ха! Попалъ пальцемъ въ небо! Ты знаешь ли, кто это?

— Сказывали, изъ судейскихъ.

— Ха, ха! Погоди! онъ вамъ покажетъ кузькину мать! слыхали про эдакую даму? а? Такъ вотъ онъ покажетъ.

— Я поговорю только, а они какъ хотятъ... донесется же когда-нибудь до настоящаго... узнаютъ люди...

— Кому-то нужно ваши дѣла разбирать!.. Чудакъ ты, право... всякому до себя...

Луневъ прочелъ документы и, возвращая ихъ мужику, сказалъ:

— Ловко придумано!

— А что?—спросилъ приставъ.

— Очень ловко придумано!

— Да въ чемъ дѣло-то?

— А вотъ видишь. У этого джентльмэна покосъ, который по закону 1893 года долженъ поступить ему въ надѣлъ. Контора объявляетъ торги и на торгахъ отдаетъ этотъ самый покосъ въ аренду на годъ нѣкоему Якову Малькову.

— Не нашей вовсе и волости-то,—пояснилъ мужикъ.

— Когда Мальковъ пріѣхалъ на покосъ косить сѣно, то этотъ джентльмэнъ—зовутъ его Михайло Пантюхинъ, такъ вѣдь?..

— Такъ, такъ, вѣрно, Пантюхинымъ меня зовутъ.

— То онъ его въ шею.

— Потому что, ваше благородіе, ежели онъ не на своемъ мѣстѣ...

— На слѣдующій годъ контора опять отдаетъ покосъ уже нѣкоему Мамаеву.

— Вотъ который, ваше благородіе, съ вами ѣздилъ заимки зорить,—опять пояснилъ Пантюхинъ.

— И опять та же исторія, т. е. этотъ джентльмэнъ и Мамаева въ шею. Тотъ въ судъ. Волостной судъ отказываетъ, рекомендуя за убытками обратиться въ контору. Тогда сама контора вчиняетъ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и въ доказательство, что владѣлецъ покоса—она, представляетъ за нѣсколько лѣтъ документы о торгахъ. Дѣло разбирается у земскаго начальника, потомъ въ уѣздномъ съѣздѣ, и покосъ у мужика отбираютъ.

— Положимъ, чепуха,—возразилъ приставъ,—ему слѣдовало просить окружный судъ о признаніи правъ собственности.

— Вотъ эдакъ же говорилъ облакатъ одинъ, а послѣ какъ раскумекалъ дѣло-то, не то забаялъ. Потому что собственность-то у насъ только съ 1908 года.

— Позвольте мнѣ сказать, ваше высокородіе, — съ изысканной учтивостью вступился старикъ.

— Говори.

— По закону 19 мая 1893 года намъ, мастеровымъ и сельскимъ работникамъ поссессіонныхъ горныхъ заводовъ, поступаютъ въ надѣлъ всѣ угодья, какими мы на самомъ дѣлѣ владѣемъ. Поэтому-то они и оспариваютъ наше вла-

дѣніе, придумываютъ разныя штуки... И всегда было такъ... Дѣла эти, прямо сказать, мошенническія...

IX.

Старикъ все тѣмъ же ровнымъ, пріятнымъ, ласковымъ голосомъ, видимо щеголяя книжностью оборотовъ рѣчи и знаніемъ крестьянскихъ узаконеній, сталъ разсказывать объ ухищреніяхъ, какія употреблялись съ перваго момента воли, чтобы обезземелить мастеровыхъ и лишить тѣхъ преимуществъ, какія имъ предоставлялись закономъ.

— Законы у насъ не исполняются—вотъ что!—говорилъ старикъ.—Вонъ лѣсъ теперича рубятъ. На нашей землѣ онъ растетъ, лѣсъ-отъ, мы его выростили, нашъ онъ по всѣмъ правамъ, по всѣмъ законамъ, а они знать ничего не хотятъ, грозятся весь лѣсъ вырубить. И негдѣ искать защиты. Вотъ какое наше положеніе.

— Положеніе ваше печальное,—сказалъ приставъ, раскупоривая новую бутылку.

— Зачалъ управляющій желѣзную дорогу строить,—продолжалъ старикъ,—повелъ линіи по нашимъ покосамъ, ни у кого не спросился. У кого полдесятины, у кого четверть, у кого и весь покосъ отхватили, зачалъ народъ говорить: что такое? какъ такъ? „А мы, говорятъ, вамъ въ другомъ мѣстѣ дадимъ, а то деньги получите“. Однако, то да се, время прошло, ничего не получили: ни денегъ, ни земли. Послѣ того повели дорогу черезъ заводъ поперекъ всего селенія: по улицамъ, по площадямъ, по жилымъ мѣстамъ. У кого огородъ, у кого домъ, у кого полдвора на смарку. Обрѣзали, какъ имъ надо, землю отняли, дома сломали, линію повели, изладили дорогу—вотъ тебѣ и все, больше ничего! Зачалъ было купецъ одинъ судиться—не высудилъ ничего. Послѣ на повѣрку оказалось, что и дорога-то неправильная, построена безъ согласу начальства. Былъ одинъ земскій начальникъ, зачалъ было по закону судить, такъ не успѣлъ опамятоваться, какъ его, голубчика, сократили и даже изъ губерніи выслали.

Приставъ, зѣвая, что-то неодобрительно мычалъ. Луневъ же слушалъ довольно внимательно. Онъ даже весь оживился и глаза его заблистали, когда старикъ сталъ разсказывать о повальномъ воровствѣ, искони процвѣтающемъ на заводахъ. Крали всѣ служащіе отъ мала до велика. Воровство было установленное, традиціонное, организованное. Инженеры, воровавшіе милліоны, были, однако, очень щепетильны въ отношеніи нравственности мастеровыхъ, и рабочій за грошо-

вую кражу какого-нибудь желѣзнаго обрѣзка изгонялся безъ всякой пощады, записывался въ кондуитъ и навсегда лишался работы.

За спиной старика мелькнула сѣрая шинель со свѣтлыми пуговицами, и кто-то дернулъ его за рукавъ. Старикъ поморщился и, не оглядываясь, досадливо двинулъ плечемъ.

— Кто тамъ?—прищурившись, крикнулъ приставъ. — Эй, кто ты?

Изъ темноты вышелъ стражникъ въ ветхой шинели, которая, казалось, каждую минуту готова была свалиться съ плечъ. Онъ вытянулся по военному.

— Тебѣ чего?

— Такъ что съ нимъ-съ, ваше высокоблагородіе, вотъ съ нимъ-съ...

— Съ кѣмъ? а? что ты говоришь?

— Съ нимъ-съ... такъ точно... съ этимъ человѣкомъ.

— Со мной онъ, ваше высокородіе,—пояснилъ старикъ.

— Съ тобой? зачѣмъ?

— Для надзору полиціи.

— Что такое? для какого надзору полиціи?

— Для надзору, ваше высокородіе, — опять вытягиваясь, отвѣчалъ солдатъ,—некасаемо какихъ полетическихъ словъ, какія, напримѣръ, слова али что...

— Позвольте объяснить... едва ли вы его разговоръ поймете,—улыбаясь, сказалъ старикъ. — Видите ли, подводили подъ меня эвонъ какую махину, вродѣ, напримѣръ, темной повозки или тѣхъ мѣстовъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, воронъ костей не заноситъ. Эвонъ какъ они хотѣли меня ошарашить!

— То-есть, кто же собственно?

— А контора... кому больше?.. Чуть было не упечатали меня, да Богъ не выдалъ, оправился я въ лучшемъ видѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ какъ вы теперь, сидѣлъ господинъ полковникъ и допрашивалъ меня при всей своей формѣ... ласковый такой, пріятный старичокъ... И насчетъ законовъ экзаментъ мнѣ сдѣлалъ. Я отвѣтилъ на все, ни въ чемъ не ошибся. Только вижу, что въ законахъ онъ ничего-то какъ есть не понимаетъ, и такъ выходитъ по его словамъ, что никакихъ законовъ не надо. Удивился я, но спорить не сталъ, потому что обробѣлъ. Послѣ того посадили меня въ чижовку, мѣсяцъ въ чижовкѣ отсидѣлъ... потомъ выпустили, но для вѣрности отдали подъ надзоръ полиціи. Законы, какіе были, отобрали... библія была... новый завѣтъ — тоже... Я, не будь дуракъ, новые выписалъ... выслали по почтѣ безъ замедленія... Писарь доносилъ объ этомъ, но оставили безъ послѣдствій... Вотъ по этому-то, соб-

ственно, случаю и стражникъ. Слушаетъ, начальству доноситъ... Ну, да слова мои правильныя — хоть слушай, хоть нѣтъ. У меня и живетъ, поставили ко мнѣ на фатеру, того—другого припрашиваетъ, въ праздникъ вина ему давай... Надоѣлъ хуже не знаю чего... Вотъ сейчасъ, зачѣмъ вы думаете, онъ меня безпокоитъ? Въ баню ему надо, такъ домой меня зоветъ. Иди!—вдругъ сердито закричалъ старикъ на стражника:—иди! не убѣгу вѣдь... Тебѣ въ баню, а мнѣ вотъ съ господами поговорить...

— Простынетъ баня-то,—трагическимъ шопотомъ говорилъ стражникъ.

— Ну, и чудеса въ рѣшетѣ!—удивлялся приставъ,—чортъ знаетъ, тутъ только копни!..

— Да, но съ другой стороны,—замѣтилъ Луневъ,—надо и то имѣть въ виду, что эдакій джентльмэнъ въ самомъ дѣлѣ можетъ надѣлать хлопотъ, можетъ чортъ знаетъ чего нагородить мужикамъ... нельзя же въ самомъ дѣлѣ всякому полуграмотному грамотѣю позволять трактовать серьезныя вещи...

— Это само собой.

Слова Лунева сильно взволновали старика.

— Законы для всѣхъ писаны, ваше высокородіе,—неспокойно заговорилъ онъ, краснѣя отъ волненія,—для грамотныхъ и для неграмотныхъ. Они не въ тайности содержатся, а публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Поэтому объ законахъ каждый имѣетъ право говорить и разсуждать, и толковать ихъ по своему разумѣнію.

— Такъ-то такъ, но вѣдь иной Богъ знаетъ чего наплететъ.

— И плети—это ничего не значитъ, какъ же иначе? Дуракъ всегда по дурацки будетъ судить, а умный по умному. А который ясный законъ, то какъ его ни толкуй, все на одно выходитъ... Они это нарочно запутываютъ, туману напускаютъ... потому что чиновники конторѣ подвержены, на нее упѣваютъ... А народъ въ темнотѣ, безъ понятія...

— Ну, однако, за эдакія слова... — началъ приставъ и остановился, всматриваясь въ темноту.—Это кто еще?.. Прохоръ Кузьмичъ, вы?.. Вотъ сюрпризъ! какими судьбами?.. но что вы? что съ вами? вы блѣдны, какъ смерть?...

— Здравствуйте,—глухо проговорилъ Прохоръ Кузьмичъ, садясь на первый попавшійся стулъ и растерянно глядя кругомъ. Онъ былъ блѣденъ, его волосы были взъерошены, руки дрожали, было видно, что съ нимъ случилось что-то необыкновенное. Минуты двѣ длилось гробовое молчаніе.

— Я къ вамъ,—съ блѣдной улыбкой началъ Прохоръ Кузьмичъ,—покойница послала... жена...—онъ перевелъ духъ.—Ве-

лѣла просить за Митрохина... чтобы его отпустить... Простите его, ваше благородіе, ради Христа,—договорилъ онъ съ усиліемъ и неожиданно повалился приставу въ ноги,—простите ради Христа!

Приставъ испуганно попятился назадъ и уронилъ стулъ.

— Отпустите... простите, будьте милосердны; ваше благородіе,—сложивъ молитвенно руки, съ необычайнымъ волненіемъ продолжалъ Прохоръ Кузьмичъ,—изорвите протоколъ, ради Христа.

— Встаньте... что вы... какъ можно такъ?.. Извольте, извольте, я готовъ... что вамъ угодно готовъ... пожалуйста, встаньте...— бормоталъ приставъ, поднимая Прохора Кузьмича.

Тотъ съ трудомъ поднялся и тяжело дышалъ.

— Изорвите протоколъ, уничтожьте,—повторилъ онъ какъ то странно, какъ автоматъ,—ради Господа... видите-ли... она просила... Спасибо, спасибо, дай вамъ Богъ...

Держа въ рукахъ переданный ему разорванный протоколъ, Прохоръ Кузьмичъ долго смотрѣлъ на него и, казалось, усиливался что-то понять.

— Да, вотъ... вотъ... спасибо...—бормоталъ онъ,—да, да... а я-то что же?.. я-то?.. О, Господи, Господи!.. Спасибо, спасибо... Ну, я пойду, до свиданія... А-а! это ты, Пантелеичъ?—останавливаясь, спросилъ онъ, увидѣвъ старика—законника,—все правду ищешь? хе, хе! эхъ, ты, горюнъ!.. Нѣту ее, правды-то, нѣту...

Онъ пошутилъ надъ старикомъ по привычкѣ, какъ всѣ шутили надъ нимъ, но вдругъ всхлипнулъ и сказалъ:

— Прости меня, Пантелеичъ... прости, праведная душа... Когда-то пріятелями были... помнишь, вмѣстѣ на охоту ѣздили...

Пантелеичъ, не отвѣчая, съ холодною почтительностью посторонился.

— Ну, все равно... все равно, — пробормоталъ Прохоръ Кузьмичъ и вышелъ.

Часъ спустя Луневъ и приставъ, оба красные отъ выпитаго пива, чокаясь стаканами, потѣшались надъ старикомъ, который, стоя передъ ними, возбужденно говорилъ:

— Теперича мы по всѣмъ законамъ прошлись и по всѣмъ законамъ выходитъ, что земля наша.

— Ну, ваша.

— Вѣрно это?

— Ужъ на что вѣрнѣе?—забавляясь, соглашался приставъ.

— Въ такомъ разѣ почему жъ ее отъ насъ отнимаютъ? а? ежели она наша?

— И отнимутъ.

— Но почему? на какомъ законномъ основаніи?

— А вотъ на такомъ... чортъ его знаетъ на какомъ... Отнимутъ и все.

— Теперича лѣсъ на нашей землѣ нами выращенъ, почему его вырубаютъ? за что насъ штрафуютъ, садятъ въ тюрьму, за что? когда лѣсъ-то нашъ собственный? а?..

— А вотъ и садятъ, и штрафуютъ—больше ничего, и ничего не подѣлаешь.

— За что же? позвольте васъ спросить.

— А вотъ за то за самое, что правды-то нѣтъ... я вѣдь говорилъ тебѣ... ха, ха!.. поэтому самому...

— Но почему, за что?

— Однако, довольно, старикъ, ступай, надоѣлъ ужъ...

— Но за что? и гдѣ теперича правду искать?

— А гдѣ хочешь, намъ-то что?.. Иди-ка, иди въ самомъ дѣлѣ.

— Стало быть, никакого совѣта не ждать отъ васъ?— угрюмо спрашивалъ старикъ.

— Какого совѣта? съ какой стати?.. Ступай, ступай...

Старикъ вздохнулъ и, не поклонившись, медленно вышелъ. Въ прихожей онъ разбудилъ спавшихъ на ларѣ стражника и мужика, и они втроемъ, спустившись по темной лѣстницѣ, очутились на улицѣ среди непроглядного мрака.

X.

Въ слѣдующіе два дня разорили еще четыре заимки. Дѣло обошлось безъ всякихъ приключеній, потому что хозяева заранѣе побросали свои гнѣзда. На третій день Прохоръ Кузьмичъ послалъ съ приставомъ одного Демидыча, а самъ не поѣхалъ. Онъ чувствовалъ себя не хорошо, ему нездоровилось, онъ весь былъ разбитъ, изломанъ и утромъ едва могъ заставить себя подняться съ постели.

Проводивъ Демидыча, онъ легъ на диванъ и пролежалъ до полудня. Вздорныя и мелочныя мысли одолѣвали его.

„На все нуженъ свой глазъ“,—думалъ онъ, повторяя привычныя, тысячу разъ слышанныя и говоренныя имъ фразы,— „только не досмотри, только отвернись—все врозь пойдетъ... Вотъ поѣхали, и ужъ навѣрное черезъ Большую Яму, а дороги тамъ зимой нѣту... Охъ-хо-хо!.. Демидычъ хоть и заботливъ, да несообразителенъ... А старшина опять уклонился, не пріѣхалъ... все хитритъ, все хитритъ... хочетъ передъ народомъ выслужиться... Служи, служи народу-то, кромѣ вора и подлеца, ничего не выслужишь... Народу слу-

жить, что волка кормить: онъ же тебя съѣстъ... Надо будетъ земскому написать, докуда, въ самомъ дѣлѣ?.. А все переписка да письмо... много письма... Недѣльный рапортъ еще не посланъ... на бумагу о минеральныхъ водахъ не отвѣтили... а вѣдь и всего-то два слова, что, молъ, никакихъ минеральныхъ источниковъ не имѣлось и не имѣется... Положимъ, пустяки, но могутъ счесть за неаккуратность... Иванъ Мухинъ пьетъ вторую недѣлю... придется уволить, а у него семья... И вездѣ-то все не такъ, вездѣ упущенія... Захворай я—вѣдь это бѣда!..“

Но за этими мыслями, безпорядочными и скучными, какъ гонимые вѣтромъ осенніе листья, скрывалось что-то смутное и тяжелое, какъ-будто въ глубинѣ души происходила какая-то темная разрушительная работа, и эти мелочныя мысли казались теперь ненужными, не имѣющими смысла. Чтобы заглушить въ себѣ тягостное чувство тоски, онъ крестился и вздыхалъ, пытаясь привести себя въ состояніе привычнаго, отчасти искренняго, отчасти притворно-набожнаго сокрушенія о своихъ грѣхахъ, думалъ о будущей жизни, о второмъ пришествіи, о томъ, что за суетой ему рѣдко доводится посѣщать церковь, что онъ давно не говѣлъ, что однажды, по забывчивости, въ великій постъ наѣлся скоромнаго... Но все это мало соотвѣтствовало той смутѣ, какая происходила въ глубинѣ его души, и насильственно-набожное настроеніе не приносило обычнаго успокоенія. Что-то другое, болѣе значительное, чѣмъ привычное воздыханіе о грѣхахъ, овладѣвало имъ, и это была начинавшаяся тоска отъ смутнаго сознанія своей вины передъ кѣмъ-то и закравшагося сомнѣнія въ правотѣ и благообразіи прожитой жизни.

„Напрасно я не поѣхалъ“,—между тѣмъ продолжалъ думать онъ,—„размялся бы и ничего, все прошло бы... на морозѣ-то и ноги не такъ болятъ, и голова свѣжѣе... Эхъ-хе-хе!.. расхлябался я—вотъ что!..“

Снизу, черезъ корридоръ, доносилось щелканье счетъ и тяжелый, глухой кашель чахоточнаго конторщика. Иногда Прохоръ Кузьмичъ слышалъ, какъ старый Зотеичъ, безпокоясь за его здоровье, поднимался по лѣстницѣ и подходилъ къ дверямъ, потомъ также тихо и осторожно скускался внизъ, въ свою темную каморку, похожую на каменный гробъ. Прохоръ Кузьмичъ, слыша шорохъ его шаговъ, совершенно ясно представлялъ себѣ его жалкую фигуру, которая и тридцать лѣтъ назадъ была такъ же костлява и согнута, какъ теперь, его высохшее безбородое лицо съ ласковыми, старчески-добрыми и ребячески-наивными глазами. „Вотъ живетъ человѣкъ“,—подумалъ Прохоръ Кузьмичъ, и

въ первый разъ за всѣ сорокъ лѣтъ совмѣстной ихъ службы вниманіе его остановилось на интимной сторонѣ жизни этого образцоваго слуги. Прохоръ Кузьмичъ съ изумленіемъ соображалъ, что у старика должны быть свои мысли, свои желанія, свои симпатіи и надежды, что для него такъ же, какъ и для самого Прохора Кузьмича, ничего нѣтъ и не можетъ быть дороже собственной его жизни; теперь ему казалось почему-то удивительнымъ, что человѣкъ полстолѣтія живетъ изо дня въ день въ каменномъ мѣшкѣ, только для того, чтобы мести полы, топить печи, бѣгать на звонки, вытягиваться передъ начальствомъ, выслушивать окрики и брань, дѣлать ненужное ему самому дѣло...

„Однако все это надо, и у всякаго своя часть"—возражалъ онъ самъ себѣ: „одни работаютъ, другіе распоряжаются, одни начальники, другіе подчиненные—вездѣ такъ. Вонъ въ рудникахъ какъ тяжело, а робятъ, потому что безъ этого нельзя... А жизнь-то, жизнь-то! только по праздникамъ и видятъ свѣтъ Божій, а то все подъ землей, какъ въ аду.., Одичали, въ родѣ звѣрей, на людей не похожи... Работа да пьянство—вотъ и вся жизнь... Въ праздникъ лба не перекрестятъ, а ужъ въ кабакѣ, пьютъ до озвѣрѣнія... къ утру пробыгается—на работу!.. А вѣдь живутъ же... да... И будто бы все это для графа, будто-бы ему нужно, чтобы люди гноили себя въ подземельяхъ, жарились на огнѣ, спивались, теряли человѣческій образъ... А грѣха-то, грѣха-то—Боже мой!.. А онъ, можетъ быть, и не знаетъ... да и гдѣ ему знать?.. да и кто онъ такой, этотъ графъ? гдѣ онъ?.. можетъ быть, его и въ самомъ дѣлѣ нѣту вовсе, а есть только одни мошенники?.. Нѣтъ, лучше не думать... Не нами заведено, не нами кончится, не намъ и судить... Господи! прости меня многогрѣшнаго"!..

Послѣ полудня вошелъ Зотеичъ и испуганнымъ шопотомъ доложилъ, что Прохора Кузьмича зовутъ къ управителю. Прохоръ Кузьмичъ, лежавшій съ закрытыми глазами, вскочилъ и суетливо сталъ одѣваться.

— Зачѣмъ? не знаешь? что такое? кто приходилъ?—тревожно спрашивалъ онъ.

— Лакей ихній. Говоритъ, сейчасъ же чтобъ шелъ.

— Ты говорилъ, что я нездоровъ?

— Говорилъ.

— Что жъ онъ?

— Да ничего, сударь. Доложу, говоритъ. Онъ здѣсь, отвѣта дожидается.

— Сейчасъ, сейчасъ... скажи, что сейчасъ иду... Теперь я оклемился немного, только голову обноситъ...

Какъ всегда, при внезапномъ вызовѣ къ начальству, Про-

хора Кузьмича охватило смутное предчувствіе какой-то бѣды. Трясущимися руками онъ кое-какъ, при помощи Зотеича, одѣлся и, спотыкаясь, вышелъ на улицу. Здѣсь „отъ воздуху", какъ онъ объяснилъ себѣ, у него закружилась голова, и онъ прислонился къ периламъ крыльца.

Пока щеголеватая горничная ходила съ докладомъ, Прохоръ Кузьмичъ, дожидаясь въ передней управительскаго дома, тщетно старался успокоиться и принять приличный видъ.

— Пожалуйте,—сказала вернувшаяся горничная и провела его въ кабинетъ.

Прохоръ Кузьмичъ вошелъ и почтительно остановился у двери. Высокій сѣдой старикъ, какъ маятникъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

— Здравствуй, садись,—отрывисто промолвилъ онъ, не останавливаясь и не отвѣчая на поклонъ.

Прохоръ Кузьмичъ продолжалъ стоять.

— Садись, садись.

Прохоръ Кузьмичъ сѣлъ у стѣны на край стула. Минуты двѣ прошло въ совершенномъ молчаніи. Управитель шагалъ по кабинету, заложивъ за спину руки.

— Что у тебя съ главнымъ управляющимъ вышло?—спросилъ онъ, внезапно останавливаясь передъ Прохоромъ Кузьмичемъ,

— Какъ-съ?..—испуганно переспросилъ тотъ, поднимаясь со стула.—Ничего-съ... помилуйте... я не знаю-съ...

— Не можетъ быть, что-нибудь вышло...

И управитель опять началъ ходить.

— Управляющій тобой недоволенъ,—помолчавъ, продолжалъ онъ, не останавливаясь, на ходу,—недоволенъ, да...

Прохоръ Кузьмичъ откашлялся и сказалъ:

— На той недѣлѣ они изволили меня ругать безо всякой причины... и даже ногами топали... будто-бы за Микулинскіе курени... но вы знаете, что это не мой участокъ...

— Но ты это объяснилъ ему?

— Такъ точно, объяснилъ-съ.

— И что-же?

— Не взяли во вниманіе, а въ это самое время и затопали ногами... Обидно это, Степанъ Емельянычъ, на старости лѣтъ... за мою службу... но я смолчалъ...

— Н-да... все оно такъ, все такъ...—Управитель еще прошелся нѣсколько разъ.—Видишь ли,—началъ онъ снова,—надо тебя предупредить... то-есть, вообще... что положеніе твое непрочно... да... вообще... Однимъ словомъ, управляющій настаиваетъ на увольненіи...

Прохоръ Кузьмичъ стоялъ блѣдный, вытянувшись, и молчалъ. Управитель боялся на него взглянуть.

— Да-съ, настаиваетъ,—повторилъ онъ.

— За что же-съ?—прошепталъ Прохоръ Кузьмичъ помертвѣвшими губами.

— За что? за что?—вдругъ сердито закричалъ управитель.—Въ томъ-то и дѣло-то, за что? Я тебя объ этомъ спрашиваю... Говоритъ: старъ и прочее... однимъ словомъ, разную ерунду!.. Но мы это еще посмотримъ... Во всякомъ случаѣ я посовѣтую тебѣ... Но что съ тобой? Ты боленъ?.. Неужели это такъ на тебя подѣйствовало?

— Мнѣ не здоровится ужъ третій день,—пробормоталъ Прохоръ Кузьмичъ, которому казалось, что все это происходитъ во снѣ.

— Не здоровится?.. Что-жъ, это, можетъ быть, кстати... Бери отпускъ на мѣсяцъ, на два, а тамъ все уляжется, сгладится, позабудется... Ты—мѣстный житель—вотъ въ чемъ вся бѣда!.. Впрочемъ, я подозрѣваю здѣсь оговоръ... Онъ намекалъ на что-то... какая-то старуха... твоя родственница... что-то въ родѣ Оксиньи или Лукерьи Остолоповой или Осининой... что-то въ этомъ родѣ... Кажется, у ней описывали имущество... не припомнишь?..

— У меня есть тетка Арина Ослякова,—отвѣчалъ Прохоръ Кузьмичъ,—у ней за сына хотѣли продать избенку...

— Ну вотъ, вотъ!—радостно вскричалъ управитель,—я такъ и думалъ... вотъ это самое... видишь... и ты допустилъ поблажку, да...

— Какую?.. это неправда...

— Конечно, конечно... Ее научили сказать, что имущество ея собственность... понимаешь, не сына, а ея собственность... и ты будто-бы подтвердилъ это.

— Подтвердилъ, потому что это сущая правда.

— Такъ, такъ, но тебѣ слѣдовало въ видахъ безпристрастія... не забывай, что она твоя тетка... чтобъ не подавать повода къ нареканіямъ... слѣдовало быть осторожнымъ... ты знаешь, что онъ... подозрѣваетъ всѣхъ насъ, мѣстныхъ старыхъ служакъ, чуть не въ стачкѣ съ мастеровыми. Поэтому надо быть на чеку-съ... Однимъ словомъ, я совѣтую тебѣ вотъ что: поѣзжай къ управляющему и хорошенько съ нимъ объяснись, и на счетъ тетки, и на счетъ куреней...

— Нѣтъ, что ужъ... все равно... пусть...—печально проговорилъ Прохоръ Кузьмичъ,—послужилъ, будетъ...

— Твое дѣло, почтеннѣйшій, твое дѣло...

— Все равно... пусть...—бормоталъ Прохоръ Кузьмичъ уже на улицѣ.

XI.

Когда, придя домой, Прохоръ Кузьмичъ посмотрѣлъ на голыя стѣны своего одинокаго жилища и подумалъ о томъ, что онъ теперь свободенъ отъ всякихъ заботъ и хлопотъ, его охватилъ такой холодный ужасъ, что, не смотря на усилившуюся слабость, онъ рѣшилъ сегодня же ѣхать въ Больше-Каргинскій заводъ, гдѣ находилось главное управленіе. „Надо объясниться, надо объясниться", шепталъ онъ высохшими губами.

Уже стемнѣло, когда онъ подъѣзжалъ къ Больше-Каргинскому заводу. Съ чернаго неба рѣдкими хлопьями падалъ снѣгъ. Все на улицахъ было погружено въ сумракъ, только говоръ невидимыхъ прохожихъ да узкія полоски свѣта, кой-гдѣ пробивавшагося сквозь щели оконныхъ ставней, указывали, что заводскіе обыватели еще не спятъ.

„Восьмой часъ, еще не поздно... сегодня же пойду, объяснюсь... ужъ все равно... можетъ быть, приметъ", думалъ Прохоръ Кузьмичъ, вылѣзая изъ саней. На скоро переодѣвшись, онъ пошелъ къ управляющему. Можетъ быть, его привлекло яркое освѣщеніе,—дворецъ управляющаго горѣлъ огнями,—можетъ быть, по другой причинѣ, но только сверхъ обыкновенія онъ пошелъ не съ задняго крыльца, а прямо къ ярко освѣщенному парадному подъѣзду. Впрочемъ, онъ не отдавалъ себѣ отчета и дѣйствовалъ какъ во снѣ. Подходя къ дому, онъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ, точно не вполнѣ понимая, гдѣ онъ. Изъ всѣхъ тридцати трехъ оконъ главнаго фасада лился яркій свѣтъ на расчищенный передъ домомъ тротуаръ и снѣжные сугробы. Нависшее надъ нимъ небо было черно, какъ чернила, и изъ него, какъ серебряныя бабочки изъ мрака, летѣли на свѣтъ бѣлыя пушинки снѣга.

Прохоръ Кузьмичъ, который всегда подходилъ къ этому дому съ душевнымъ трепетомъ, теперь безучастно поднялся по чугуннымъ ступенямъ подъѣзда.

— Зачѣмъ? куда?—грубо остановилъ его швейцаръ.

Прохоръ Кузьмичъ, очнувшись, съ удивленіемъ осмотрѣлся. Прежде всего ему бросилось въ глаза его собственное блѣдное лицо съ тоскующимъ взглядомъ, глядѣвшее изъ большого зеркала, потомъ темная бронзовая статуя женщины, держащей свѣтильникъ, шитый позументами балахонъ швейцара и перистыя зеленыя лапы неизвѣстныхъ ему тропическихъ растеній. Въ растворенныя двери виднѣлась большая ярко освѣщенная комната съ позолоченными стульями.

Откуда-то слышался молодой женскій смѣхъ. Изъ дальнихъ комнатъ доносились звуки рояля.

— Мнѣ очень нужно Петра Игнатьича,—сказалъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Теперь не время.

— Доложите, голубчикъ, авось приметъ.

— Хорошо, только едва ли... онъ теперь музыкой занятъ, а тамъ зачнутъ гости собираться, вечеръ сегодня у насъ... Сядьте вонъ тутъ въ уголокъ.

Прохоръ Кузьмичъ, раздѣвшись, сѣлъ на низкую скамью между двумя цвѣточными кадками и, опершись локтями въ колѣни, опустилъ сѣдую голову. Кто-то продолжалъ играть такъ хорошо и трогательно, что у него изъ глазъ полились слезы. Онъ вспомнилъ о своей старости, о томъ, что жизнь его кончена и впереди ничего не осталось, что онъ несправедливо обиженъ, что за сорокъ пять лѣтъ онъ не выслужилъ ничего и теперь изгоняется, какъ старая негодная кляча, что его ненавидитъ населеніе, что ему нечѣмъ помянуть прошедшее, что теперь все кончено и вернуть ничего невозможно... Звуки рояля внезапно смолкли, и все кругомъ стало опять безцвѣтно и пусто.

„Но зачѣмъ я здѣсь“?—съ испугомъ спросилъ себя Прохоръ Кузьмичъ, вдругъ понявъ, что уже вечеръ, что къ управляющему собираются гости, что онъ пришелъ не вовремя и что если и будетъ принятъ, то изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. Онъ испугался и заторопился, ища глазами свою шубу.

„Надо домой, какъ можно скорѣе домой“,—шепталъ онъ, силясь натянуть на себя шубу. Но было уже поздно. Изъ дверей, откуда только-что слышалась музыка, выходилъ управляющій. Этотъ маленькій черноватый человѣчекъ, съ закрученными кверху усиками, стриженой головой, съ длиннымъ и острымъ носомъ и надменно прищуренными глазами, вѣчно былъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ не уронить своего достоинства. Онъ топорщился и поднимался на цыпочки, чтобы придать себѣ внушительный видъ. Прохору Кузьмичу онъ казался сильнымъ и грознымъ.

— Вамъ что?—спросилъ управляющій не громко, но такъ, что Прохоръ Кузьмичъ почувствовалъ всю силу обиднаго къ себѣ пренебреженія.

— Мнѣ сказали...—началъ Прохоръ Кузьмичъ, но отъ волненія не могъ продолжать. Управляющій посадилъ себѣ на носъ пенснэ и сталъ черезъ него смотрѣть снизу вверхъ на Прохора Кузьмича прищуреннымъ взглядомъ.

— Ну-съ?—произнесъ онъ.

— Что я увольняюсь отъ службы...

— Такъ-съ, ну-съ?

— По вашему распоряженію...

— Ну-съ?

Лицо Прохора Кузьмича приняло жалкое и заискивающее выраженіе.

— За что же, сударь?..

Управляющій снялъ пенснэ и надѣлъ его на лацканъ пиджака.

— Вы только за этимъ и изволили пожаловать?—спросилъ онъ.

— За этимъ...—съ недоумѣніемъ отвѣчалъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Больше ничего сообщить не имѣете?

— Ничего-съ.

— Я думалъ, что-нибудь еще... О причинѣ вашего увольненія можете узнать завтра въ управленіи. Тамъ же вы представите свои объясненія и оправдаетесь, если это для васъ возможно, а здѣсь не время и не мѣсто для разговоровъ. До свиданія. Швейцаръ, проводи.

Управляющій, очень довольный собой, молодцомъ повернулся на каблучкѣ и хотѣлъ идти, но Прохоръ Кузьмичъ подвинулся на шагъ и заговорилъ плачущимъ голосомъ:

— Петръ Игнатьичъ, позвольте мнѣ...

— Что такое?—нахмурившись, перебилъ его управляющій и опять набросилъ на носъ пенснэ.

— Петръ Игнатьичъ...

— Я сказалъ вамъ, вы меня слышали, ну? Чего-жъ вамъ еще? извольте идти...

— Петръ Игнатьичъ...

— Я говорю, извольте идти... извольте идти вонъ!..

Прохоръ Кузьмичъ вышелъ. У подъѣзда онъ прислонился къ колоннѣ и перевелъ духъ. На освѣщенное передъ домомъ пространство падалъ густой пушистый снѣгъ, онъ покрывалъ пухлымъ мягкимъ слоемъ нижнія ступени крыльца, чугунныя тумбы, тротуаръ, дорогу... Прохоръ Кузьмичъ подивился его необычайной бѣлизнѣ, и какое-то далекое воспоминаніе шевельнулось въ немъ, смутное и неуловимое, но такое молодое, свѣтлое и радостное, что въ немъ заиграло сердце, и слезы подступили къ горлу. „Боже мой, все прошло, все миновало“, прошепталъ онъ и сталъ смотрѣть во тьму разстилающейся передъ нимъ ночи. Тамъ была бездна, въ ней мелькали какіе-то призраки, и это была смерть. Онъ содрогнулся отъ холоднаго ужаса и закрылъ глаза, ему показалось, что она тутъ, близко и касается его краемъ своихъ одеждъ.

Опомнившись, онъ, спотыкаясь, пошелъ черезъ площадь

по дорогѣ и, чтобы отвлечь свои мысли отъ того таинственнаго и ужаснаго, что нависло надъ нимъ, какъ кошмаръ, старался думать о чемъ-нибудь привычномъ, обыденномъ... „Да, да",—шепталъ онъ,—„завтра иду въ управленіе, завтра въ управленіе"...

Въ другое время, проходя мимо фабричнаго двора, онъ замѣтилъ бы нѣсколько странностей, но теперь ему было не до того. Главныя ворота, вообще рѣдко отпиравшіяся, были растворены настежъ, и черезъ нихъ свободно ходили взадъ и впередъ толпы рабочихъ. Сторожа отсутствовали. Со двора неслось могучее гудѣнье волнующейся толпы. Прохоръ Кузьмичъ безсознательно отмѣтилъ это въ умѣ, но ему было все равно, и онъ прошелъ мимо, не давъ себѣ труда подумать о томъ, что это могло значить.

Придя на квартиру, онъ тотчасъ же раздѣлся и легъ, но не могъ заснуть. Что-то пустое и мертвое надвигалось на него, и единственно живая мысль была о томъ, что завтра онъ пойдетъ въ контору и все устроится: казалось, она одна привязывала его къ жизни. „Оправдаюсь и все пойдетъ по старому", думалъ онъ, тщетно стараясь отстранить отъ себя тотъ ужасъ, который надвигался на него со всѣхъ сторонъ, смотрѣлъ на него изо-всѣхъ угловъ.

Въ семь часовъ утра онъ, одѣтый, сидѣлъ за потухшимъ самоваромъ, не сомкнувъ глазъ во всю ночь. Ему было то жарко, то холодно. Красные отъ безсонницы глаза его лихорадочно горѣли безпокойнымъ огнемъ. Голова была налита свинцомъ, стучало въ вискахъ, передъ глазами ходили зеленые и красные круги. Онъ смотрѣлъ на часы, и ему казалось, что время не движется. Минувшая ночь представлялась ему далекимъ и смутнымъ кошмаромъ, а со вчерашняго вечера, казалось, прошла уже цѣлая вѣчность. Онъ высчитывалъ минуты, оставшіяся до девяти, когда можно было идти въ контору, но путался, головная боль мѣшала ему, временами находили на него полосы затмѣнія, и тогда ему казалось, что боль въ ногахъ и контора это одно и то же и что надо перевернуть диванъ, чтобы не болѣла спина. Свѣтъ лампы двоился, вытягивался въ длинныя колючія иглы и рѣзалъ глаза. Прохоръ Кузьмичъ то закрывалъ глаза, то въ испугѣ открывалъ ихъ, боясь задремать. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ онъ удивился, замѣтивъ, что свѣтъ лампы куда-то исчезъ, что въ комнатѣ совершенно свѣтло и въ окнахъ играетъ солнце. Часы показывали ровно девять. Онъ встревожился и хотѣлъ вскочить, но боль въ головѣ и тяжесть во всемъ тѣлѣ удержали его на мѣстѣ. Все въ комнатѣ завертѣлось и поплыло въ одну сторону.

„Надо скорѣе вытащить поясницу изъ-подъ дивана",—

думалъ онъ, собираясь съ мыслями. „Но что такое и зачѣмъ диванъ?.. Да, помню, это контора... надо идти въ контору“...

Онъ съ большимъ усиліемъ всталъ. Его покачнуло, и опять все, что было въ комнатѣ, медленно поплыло куда-то мимо него. Не смотря на невыносимую головную боль, онъ надѣлъ шубу и вышелъ. Холодный воздухъ ободрилъ его, и онъ довольно твердо зашагалъ по улицѣ.

Фабрики, мимо которыхъ онъ опять проходилъ, должны были поразить его своимъ безмолвіемъ, но онъ на обратилъ на это никакого вниманія. Онъ не замѣтилъ также и шума тысячной толпы, собравшейся на площади передъ волостнымъ правленіемъ, которую онъ могъ видѣть черезъ узкій переулокъ, проходя мимо.

На крыльцѣ передъ домомъ управляющаго сидѣли на ступеняхъ человѣкъ десять рабочихъ. Они были въ шапкахъ, громко разговаривали и смѣялись. Это было также странно и необычно, потому что передъ господскимъ домомъ рабочіе всегда стояли безъ шапокъ и не смѣли громко говорить. Удивительно было и то, что ни одинъ изъ нихъ не всталъ и не поздоровался съ проходившимъ мимо Прохоромъ Кузьмичемъ.

— Эй, ты, ворона, куда?..—очевидно обращаясь къ нему при хохотѣ остальныхъ, сказалъ молодой парень.

„Видно, узнали, что мнѣ отставка“,—подумалъ Прохоръ Кузьмичъ и молча прошелъ въ контору. Въ конторѣ было безлюдно и пусто. Единственный сторожъ встрѣтился ему въ корридорѣ и сталъ торопливо говорить что-то непонятное.

— Никого нѣту... никого... — бормоталъ онъ, какъ пьяный:—всѣ разбѣжались... кто куда... оставили меня одного... испугались... кто по домамъ, кто къ управляющему... прошли корридоромъ и двери заперли... улицей не посмѣли... Видно, настало времячко... охъ-хо-хо!..

„Пойду къ управляющему“,—сказалъ себѣ Прохоръ Кузьмичъ, выходя изъ конторы.

Рабочіе, посторонившись, что-то говорили ему, когда онъ поднимался на крыльцо, но онъ не могъ понять. Задыхаясь, и чуть не падая отъ усталости, онъ потянулъ къ себѣ массивную дверь, но она оказалась запертой изнутри. Онъ позвонилъ...

Что было дальше, Прохоръ Кузьмичъ помнилъ отрывочно и смутно, воспоминанія мѣшались съ бредомъ, который вскорѣ совершенно овладѣлъ имъ...

Послѣднимъ воспоминаніемъ этого дня былъ для Прохора Кузьмича клочекъ прояснившагося синяго неба надъ освѣ-

щенной солнцемъ колокольней, мелькнувшій передъ нимъ на мгновеніе, когда его клали на дровни въ почти безчувственномъ состояніи.

Ему памятны также напрасныя усилія, какія онъ употреблялъ, чтобы оторваться отъ бреда и вернуться къ дѣйствительности, страшная жажда, мучившая его. Очнулся Прохоръ Кузьмичъ полтора мѣсяца спустя въ больницѣ, перенеся тяжкую и опасную болѣзнь.

На дворѣ была весна, свѣтило яркое солнце, по улицамъ бѣжали ручьи, звонко чирикали воробьи. Съ ближайшей колокольни весело доносился праздничный звонъ. Но когда Прохоръ Кузьмичъ, приподнявшись на своей койкѣ, заглянулъ въ окно, онъ удивился, не замѣтивъ обычнаго праздничнаго оживленія на улицѣ: не было ни разряженныхъ въ разноцвѣтныя платья женщинъ, ни парней съ гармониками, ни стариковъ съ крючковатыми батогами на заваленкахъ, улица была безмолвна и пуста...

А. Погорѣловъ.

ЗА ПРАВО!

(Изъ наблюденій адвоката).

Я рѣшилъ сдѣлаться адвокатомъ бѣднаго, трудящагося населенія и поселился въ Фабричной Слободѣ. Въ ней проживало тысячъ сорокъ рабочихъ, нѣсколько сотенъ интеллигенціи, до двадцати врачей, но, какъ это ни странно, не было ни одного адвоката.

Когда мы живемъ въ городѣ, мы часто годами не знаемъ, кто нашъ сосѣдъ по лѣстницѣ, не видимъ его. Въ рабочей слободѣ—другое дѣло. Здѣсь всѣ присмотрѣлись другъ къ другу, жизнь въ свободное отъ работы время проходитъ въ трактирахъ, гдѣ такъ легко знакомятся, такъ легко изливаютъ душу даже постороннимъ. Будничные интересы рабочихъ, благодаря однообразію труда и постоянному нахожденію въ заводахъ или фабрикахъ — сужены, почему новостей мало, и одинъ фактъ появленія въ слободѣ новаго интеллигентнаго человѣка, а тѣмъ болѣе адвоката,—неистощимая тема для общихъ разговоровъ. Постоянное общество товарищей, близость къ городу (а отъ Слободы до города было всего лишь полчаса ѣзды на паровомъ трамваѣ) дѣлаютъ рабочаго въ массѣ несравненно обтертѣе, сознательнѣе крестьянина. И потому рабочій легче находитъ дорогу къ повѣренному, защитнику... А тутъ еще интеллигенція, сочувствующая горестямъ рабочихъ, едва узнавъ о появленіи рабочаго адвоката, торопится направлять къ нему нуждающихся въ помощи. Вотъ почему достаточно было поселиться въ слободѣ, какъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, ко мнѣ уже повалилъ народъ...

За пять лѣтъ у меня накопились разныя наблюденія изъ жизни заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ набросковъ, затрагивающихъ самые жгучіе вопросы рабочей жизни, не могутъ быть по разнымъ причинамъ напечатаны въ настоящее время. Полагаю, однако, что и предлагаемые очерки не лишены интереса: жизнь рабочихъ очень мало извѣстна, а ее такъ нужно знать.

Привести замѣтки въ систему у меня нѣтъ умѣнія, поэтому онѣ идутъ необработанными въ томъ порядкѣ, какъ писались.

I.

Варфоломѣй Хахинъ.

Варфоломѣй Хахинъ былъ моимъ первымъ кліентомъ. Можетъ быть, поэтому въ своихъ воспоминаніяхъ я сохранилъ къ нему даже нѣжное чувство. Это былъ маленькій человѣкъ, коренастый, съ большой головой, заросшей черными съ просѣдью волосами, съ плутовскимъ лицомъ. Онъ сразу же, повидимому, понялъ свое привилегированное положеніе „перваго" кліента у молодого адвоката и зачастилъ ко мнѣ каждый день. Варфоломѣй Хахинъ былъ необычайно развязенъ со мною и обращался не только за панибрата, но и какъ учитель. У него было серьезное увѣчье лѣвой руки, полученное имъ на заводѣ лѣтъ восемь назадъ и выбившее его изъ колеи. Изъ больницы Хахинъ былъ выпущенъ еще съ перевязанной рукой... Не будучи въ состояніи работать, онъ началъ просить милостыню. Его сразу же арестовали, доставили въ Николаевскій Комитетъ для разбора нищихъ, а паспортъ подшили къ дѣлу. И хотя Хахина не выслали на родину, но отдали на судъ къ мировому, послѣдній задержалъ паспортъ Хахина, т. е. сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ мировые судьи, забывая о человѣкѣ. Мѣсяца два-три ждалъ Варфоломѣй суда. Безъ паспорта онъ окончательно потерялъ возможность работать и опустился... Ухватившись за меня, онъ непрерывно искалъ доказательствъ увѣчья. Одѣтъ Хахинъ былъ въ рубище, ночевалъ въ ночлежномъ домѣ, нигдѣ не работалъ; когда, однажды, я спросилъ его, чѣмъ онъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба, Хахинъ весело разсмѣялся.

— Меня тутъ на тракту всѣ знаютъ, всѣ купцы цѣнятъ, уважаютъ,—заявилъ онъ.—Подойду я къ ларю и стою, стою и облизываюсь да только молчу. Вотъ купецъ и начинаетъ: „Голубчикъ, Хахинъ, не стой, Христа ради, здѣсь, уйди!"—Чего такъ?—полнокровно отвѣчаю я.—„Не томи мою душу, уйди подальше отъ грѣха: поговорить ни съ кѣмъ изъ-за тебя не могу, не рѣшаюсь"...—А что дашь за то что уйду? Яблоко дашь?—„Дамъ". И вотъ мы поторгуемся, поторгуемся, и, глядишь, онъ отпуститъ мнѣ, кромѣ яблока, и баранковъ, и колбасы, а иногда и папиросъ еще поднесетъ... Такъ и кормлюсь.

— Чего жъ васъ такъ купцы уважаютъ?

— Чего?!—переспросилъ меня Хахинъ съ удивленіемъ и покровительственно.—А боятся, чтобы я „не взялъ чего на шушу".

— Какъ?

— Этакъ, по благородному, потихоньку... „Егоръ съ того свѣта“ научилъ ихъ: не давали такъ, онъ все больше и „бралъ на халтай“... И все сходило. Отсидитъ въ „притворительномъ домѣ“ и снова: свидѣтелёвъ не было, умѣлъ обойти.

— Что же это за халтай?

— А это—изъ рукъ въ руки: схватилъ и убѣгай!.. Да бѣда случилась: „Егоръ съ того свѣта“ „погладилъ“ трактирщика; дѣло заварили,—по сей часъ сидитъ...

— Ну, а вы какъ?

— Я смирной, отговорю даже... Вы и не знаете. Разъ вы ночью въ городъ шли: помните, осенью, подъ Покровъ... А мы трое въ ночлежный опоздали и за амбаромъ ночевали... Идете вы одинъ по мосткамъ и пѣсню еще напѣваете. Вотъ „Павлушка-сѣдло“ и говоритъ Василію Ивановичу: „Должно веселъ—деньги есть“. — Я васъ сразу не узналъ, а всетаки заступился: охота вамъ, окаянные, людей по ночамъ безпокоить?.. Анъ приглядываюсь, а это—вы... Тутъ я ихъ, подлецовъ, даже выругалъ по настоящему... Какъ же можно: съ нашего же адвоката и пальто на халтай брать?.. Примѣты ваши приказалъ запомнить. Можете хоть пьянымъ идти, не тронутъ!

На этотъ разъ уже зимою, Хахинъ пришелъ ко мнѣ и застрялъ. Онъ очень удобно усѣлся въ пріемной, уступилъ всѣмъ очередь и по тому, какъ онъ началъ потягиваться, зѣвать, я понялъ, что онъ имѣетъ тайное намѣреніе остаться у меня чуть не на всю ночь. Желая поскорѣе освободиться отъ него (въ это время онъ уже былъ единственнымъ посѣтителемъ), я прямо приступилъ къ дѣлу.

— Вы чего, Хахинъ?

— Холодно на дворѣ, Владиміръ Аверьяновичъ,—одежа худая стала... хорошо бы платьице...

Я подумалъ и вспомнилъ, что у меня въ шкафу виситъ старый студенческій сюртукъ, отслужившій уже свою службу. Я подарилъ его Хахину... На радостяхъ онъ тутъ же сбросилъ свой изодранный пиджакъ и надѣлъ новое облаченіе. Я не узналъ Варфоломѣя Хахина. При своей полной достоинства осанкѣ онъ сдѣлался очень похожимъ на любого изъ сторожей мирового судьи. Только полы сюртука, повисшаго на немъ довольно свободно, достигали до земли. Но особую радость Хахину, повидимому, доставляли блестящія съ орлами пуговицы. Онъ повернулся предо мною и многозначительно произнесъ:—Енералъ!..

Хахинъ ушелъ. На другой же день онъ снова былъ у меня и съ нетерпѣніемъ показывалъ, что ждетъ—не дождется очереди. На сюртукѣ его не было ни одной мѣдной пуговицы и, вмѣсто ихъ, красовались какія-то двѣ большія дамскія сѣрыя.

— Ну, что?

— Бѣда, Владиміръ Аверьяновичъ,—живо заговорилъ онъ,

войдя въ кабинетъ,—вчера, думалъ я, пропадать мнѣ отъ этого „дипломата“.—Хахинъ показалъ на сюртукъ.—Первое пришелъ въ ночлежный, въ очередь стать не поспѣлъ,—кругомъ свистъ подняли: Хахинъ „въ кадеты“ поступилъ... въ сыщики значитъ!.. Подарено мнѣ, говорю, знакомый человѣкъ подарилъ—никто не вѣритъ!.. Услыхала смотрителька, выглянула и руками всплеснула, позвала „самого“.—Смотри, говоритъ, анафема Варфоломѣй какого-то барина обобралъ.—Позвалъ меня смотритель и сталъ ругать: сначала нѣжностью хотѣлъ взять: „ты, сукинъ сынъ“, говоритъ, „сознайся, какого студента обчистилъ, совѣсти въ тебѣ нѣтъ, кого вздумалъ обижать“... Я и говорю—знакомый человѣчекъ одинъ подарилъ... Тутъ онъ и началъ на меня наступать,—повели въ участокъ... Эхъ, мать чесна!.. Самъ дежурный, ѣдятъ его мухи, вышелъ съ кулаками.—Да тебя, говоритъ, Варфоломѣй, и узнать нельзя, ну-ка признавайся, а нѣтъ, такъ узнаешь каменную постель.—Счастье тутъ меня выручило. Вспомнилъ я, что вы письмо мнѣ разъ писали, форменное и печатка синяя съ боку стоитъ. Я и вынулъ его, показалъ. — Вотъ кто мнѣ подарилъ, письма пишетъ—мой защитникъ. Посмотрѣли и отпустили.—Ты-бы, говорятъ, отъ него сразу-бы запиской запасся, что тебѣ подарилъ. И намъ бы и тебѣ спокойнѣе...—А на утро—снова бѣда. Вышелъ я на улицу, всякій останавливаетъ.—Хахинъ, гдѣ укралъ?—никто не вѣритъ, пальцами показываютъ... Пришелъ я въ портерную и упросилъ дать эти двѣ бляхи замѣсто енеральскихъ...—И Хахинъ ударилъ рукою по пуговицамъ.—Теперь посвободнѣе. Только нельзя ли будетъ на самомъ „дипломатѣ“ вашу печатку поставить и надписать, что мнѣ подарили, а то какъ бы не поссориться съ полиціей...

Дѣлать нечего: Хахинъ снялъ сюртукъ, и я выставилъ на бѣлой подкладкѣ рукава свой штемпель, надписавъ, что сюртукъ этотъ мною подаренъ навсегда Варфоломѣю Хахину, чему препятствій не чинить... руку приложилъ и т. д.

Странно порвались мои отношенія съ Хахинымъ. Когда, наконецъ, доказательства увѣчья имъ были собраны, я далъ Хахину бланкъ довѣренности и 1 р. 80 к. на засвидѣтельствованіе ея у нотаріуса. Получивъ ихъ, онъ исчезъ и довѣренности не принесъ. Потомъ я случайно узналъ, что, со своими уже собранными доказательствами вполнѣ возможнаго иска, онъ побывалъ у нѣсколькихъ моихъ товарищей и со всѣхъ ихъ получилъ деньги на довѣренность. Такъ тянулось-бы долго, но одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ далъ Хахину, вмѣсто денегъ, карточку къ нотаріусу съ просьбой засвидѣтельствовать довѣренность за его счетъ. Хахину это не понравилось, и онъ сталъ настойчиво просить, вмѣсто карточки, дать рубль восемь гривенъ деньгами. Присяжный повѣренный понялъ, въ чемъ дѣло, и попросилъ его удалиться, пригрозивъ всякими ужасами.

Какъ-то, идя по улицѣ, я встрѣтилъ Хахина. Отъ моего сюртука на немъ ничего уже не осталось, а висѣли прежнія лохмотья. Увидя меня, онъ быстро перебѣжалъ на мою сторону улицы и весело, улыбаясь во весь ротъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поздоровался:—Мое почтеніе, Владиміръ Аверьяновичъ! Ваше здоровьице!

Онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой и побѣжалъ снова къ ларю...

II.

Математика.

Маленькій, забитый человѣкъ сидитъ у меня, смотритъ на свою руку и плачетъ. Ткацкимъ станкомъ у него оторвало... только мизинецъ.

Съ точки зрѣнія адвоката-„увѣчника", это такая пустяковина, что изъ-за нея не стоитъ и начинать судебную волокиту...

Я не шучу... Вѣдь и у нашего брата вырабатывается „спеціальная" точка зрѣнія, вырабатывается особенная расцѣнка человѣческихъ костей и кусковъ мяса *). Вѣроятно, то-же [конечно, до извѣстной степени!] бываетъ съ врачами дѣйствующей арміи. Въ лазаретъ Краснаго Креста несутъ и несутъ солдатъ съ оторванными руками, ногами, съ простреленными глазами, размозженными головами, несутъ даже трупы, обезображенные, исковерканные трупы — и вдругъ приходитъ солдатикъ съ отсѣченнымъ мизинцемъ, глядитъ только на свою ладонь и плачетъ, не замѣчая лежащихъ передъ нимъ кровавыхъ, оборванныхъ туловищъ. Кругомъ такія ужасныя раны... Нѣтъ, съ мизинцами здѣсь некогда возиться врачу... И намъ тоже некогда возиться съ мизинцами, и наша помощь нужна настоящимъ калѣкамъ, нужна этой безконечной вереницѣ калѣкъ... Но, увы, на „увѣчниковъ-адвокатовъ" дѣйствуетъ еще одно маленькое обстоятельство: за оторванный мизинецъ можно выхлопотать рабочему отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, значитъ о гонорарѣ не можетъ быть и рѣчи...

Но, такъ или иначе, а Мононовъ сидитъ у меня и горько плачетъ, а блѣдное лицо его нервно передергивается...

Мононовъ служилъ на крупной прядильной фабрикѣ Азбуковскаго товарищества. У нихъ всѣ рабочіе чистили и чистятъ машины на ходу. Чистилъ также онъ и попалъ рукой въ шестерню; ему и оторвало палецъ...

---

*) Въ книгѣ Литвинова-Фалинскаго «Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ, по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ» приложенъ чертежъ скелета съ означеніемъ стоимости каждаго члена, каждой косточки, каждаго кусочка человѣческаго тѣла по «тарифу», принятому въ Германіи—стоимость выражена въ % заработка.

Я беру у Мононова разсчетную книжку и читаю ему одинъ изъ параграфовъ правилъ внутренняго распорядка, въ которомъ говорится, что рабочимъ прядильни строго запрещается чистить машины въ ходу: за это даже взыскивается рублевый штрафъ!

— Вотъ видите, вы сами виноваты,—говорю я Мононову,— вѣдь вамъ запрещено чистить машины въ ходу, а вы чистили. На другихъ не ссылайтесь... Мало ли что другіе дѣлаютъ... Если всѣ станутъ бросаться въ колодезь, развѣ и вы поэтому бросите?

— У насъ не только въ книжкахъ было пропечатано запрещеніе, и на стѣнахъ для блезиру объявленія висѣли, будто нельзя въ ходу чистить.... А сами приказывали...

— Не можетъ быть, кто можетъ вамъ приказывать!?

— Подмастерья!

— Какіе пустяки! Вѣдь вамъ грозитъ такая страшная опасность: всю вашу руку можетъ втянуть, измять, искалѣчить! Вы еще счастливо отдѣлались. Чистка машинъ въ ходу запрещена и обязательнымъ постановленіемъ губернскаго присутствія. Зачѣмъ слушаться нелѣпыхъ приказаній. Почему вы не пошли жаловаться на это къ директору? Вѣдь вы же люди съ головами на плечахъ?!.

— Подмастерья говорятъ, что нельзя время терять...

— Мало ли что, вы остановите и чистите, вѣдь васъ за это не штрафуютъ?

— Нѣтъ, про штрафы не слыхалъ... На жалобы вниманія не обращаютъ... Просто разсчетъ записываютъ... Слушайся и не жалуйся... Отработалъ двѣ недѣли и баста... Ищи тогда работу, голодай!..

— Но отчего-же вы не заявили объ этомъ фабричному инспектору?

— Какъ оторвало палецъ, заявилъ. Онъ пріѣзжалъ на фабрику, допрашивалъ... Все вывѣдывалъ, былъ ли когда случай, что штрафовали рабочихъ за чистку въ ходу, какъ сказано въ книжкѣ... Никогда такихъ случаевъ не бывало... Потомъ въ конторѣ онъ что-то вычитывалъ управляющему... Инспектора можно свидѣтелемъ поставить... Всѣ говорятъ, онъ честный человѣкъ...

— Сколько у васъ, Мононовъ, въ прядильнѣ такихъ, какъ вы, рабочихъ?

— Болѣе двухъ тысячъ.

— По скольку станковъ на каждаго?

— По два.

— А сколько времени нужно на чистку, если ихъ остановить?

— Полчаса...

Я вспомнилъ объяснительную записку министра финансовъ къ законопроекту 2-го іюня 1897 года о рабочемъ времени. Въ

ней говорилось, что особое совѣщаніе, созванное для выработки законопроекта, признало необходимымъ ввести одиннадцати-часовой рабочій день. Но министерство финансовъ само измѣнило въ этомъ отношеніи законопроектъ, удлинивъ рабочій день еще получасомъ—„на чистку машинъ“... Значитъ, Мононовъ говорилъ правду, что чистка требуетъ не менѣе получаса.

Я взялся за дѣло Мононова и рѣшилъ бороться за него, за его мизинецъ, за мизинцы его товарищей до послѣдней ступени правосудія.

Дѣло пошло своимъ чередомъ... Были допрошены свидѣтели—сосѣди Мононова, разсказавшіе то же, что и онъ... Былъ допрошенъ и фабричный инспекторъ. У меня сохранилась копія протокола съ его показаніемъ, и я привожу его цѣликомъ *).

„На вопросы свидѣтель, фабричный инспекторъ Х-ой губерніи, И. И. Ивановъ показалъ. По полученіи извѣстія о происшедшемъ несчастномъ случаѣ 12-го марта 1897 года на мануфактурѣ Азбуковскаго Товарищества мною былъ произведенъ осмотръ на мѣстѣ кардной машины за № 25, послужившей причиной поврежденія рабочаго Мононова. Этимъ осмотромъ, въ связи съ опросомъ сосѣднихъ рабочихъ, я былъ приведенъ къ убѣжденію, что рабочіе чистятъ машины, когда онѣ въ ходу, и когда, слѣдовательно, являются опасными при операціи чистки, не смотря на существованіе § въ правилахъ внутренняго распорядка фабрики, возбраняющаго чистить машины, когда онѣ въ ходу. Режимъ, установившійся на фабрикѣ, таковъ, что рабочіе чистятъ исполнительные органы прядильнаго производства, когда таковые въ ходу. Если бы администрація фабрики пожелала бороться противъ такого режима, то несомнѣнно пришла бы къ точному опредѣленію въ правилахъ внутренняго распорядка времени, которое полагается для чистки машинъ по отдѣламъ, пріурочивъ къ тому же времени полную остановку машинъ. Но въ такомъ случаѣ фабрика должна была бы оплачивать рабочимъ эти часы чистки. Это обстоятельство подтверждаетъ мое убѣжденіе въ томъ, что режимъ вышеупомянутый поддерживается администраціей фабрики, хотя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, равно и въ случаѣ съ рабочимъ Мононовымъ, нѣтъ возможности фактически доказать, что машины чистятъ по приказанію подмастерьевъ. Фабричный инспекторъ Х-ой губерніи И. И. Ивановъ“.

Еще было три засѣданія, изъ которыхъ послѣднее „по существу“...

Повѣренный Азбуковскаго Товарищества увѣрялъ, что фабрика не могла поддерживать такого режима, что самая мысль о немъ—полетъ фантазіи фабричнаго инспектора. Свидѣтели всѣ гово-

*) Имена и названія, какъ и вездѣ у меня, конечно, вымышлены.

рятъ неправду: они невѣжественные, темные люди, конечно, просто сочиняютъ, не вѣдая, что творятъ. Если-же Мононову какой-нибудь подмастерье дѣйствительно приказалъ чистить въ ходу, онъ долженъ былъ не медля отправиться къ директору, отстоять свои права на цѣлость костей. А если онъ этого не сдѣлалъ,—то вина его, а не фабрики.

Рѣшеніе суда въ окончательной формѣ съ присужденіемъ Мононову трехъ рублей въ мѣсяцъ и съ категорическимъ признаніемъ, что Азбуковское Товарищество заставляло рабочихъ чистить машины въ ходу...

Все это, что такъ волновало тогда, уже прошло и готово исчезнуть изъ памяти, но до сихъ поръ я вижу, какъ живого, Мононова, изнервничавшагося, горько плачущаго о потерѣ своего трехрублеваго пальца.

III.

«Аттестатъ!»

Крутелевъ—старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ и не сѣдой, но лицо у него желто-сѣрое, совершенно выцвѣтшее, глаза помутнѣлые; съ дѣтства онъ работалъ на фабрикахъ, на Варваринской же бумагопрядильнѣ ткачемъ—болѣе тридцати лѣтъ. Теперь за старостью и негодностью къ работѣ его уволили. Онъ обошелъ всѣ фабрики, разныя конторы, просясь въ сторожа. Говорятъ: „принеси аттестатъ". Старикъ и спрашиваетъ меня,—нельзя-ли сочинить какое-нибудь прошеніе объ аттестатѣ?

Я написалъ Крутелеву прошеніе къ управляющему Варваринской бумагопрядильной мануфактуры; но старикъ вернулся ни съ чѣмъ.

Размышляя, какъ поступить теперь, я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ объ одномъ циркулярѣ фабричнаго присутствія, предписывающемъ фабрикамъ и заводамъ выдавать рабочимъ, по ихъ просьбѣ, удостовѣреніе о томъ, сколько времени они служили *). Поэтому я написалъ прошеніе къ фабричному инспек-

*) Этотъ вопросъ разрѣшенъ циркуляромъ м-ва финансовъ, по соглашенію съ м-вомъ внутр. дѣлъ, присутствіямъ по фабричнымъ дѣламъ и чинамъ фабр. инспекціи отъ 16 іюля 1898 г. (за № 19601) (см. сборникъ узак. и распор. по дѣламъ, касающимся фабр. инспекцій, изд. м-ва финансовъ, 1899 г., выпускъ II). Въ циркулярѣ сообщается, что «одно изъ присутствій по фабричнымъ дѣламъ возбудило ходатайство о разрѣшеніи установить такой порядокъ, въ силу котораго фабричнымъ рабочимъ при увольненіи ихъ *обязательно* должны выдаваться, одновременно съ паспортомъ и разсчетомъ, свидѣтельства о томъ, съ какого времени и по какое рабочій служилъ, какія отправлялъ обязанности, но безъ всякихъ отзывовъ о его качествахъ, какъ нравственныхъ, такъ и профессіональныхъ», и что министръ финансовъ къ удовлетворенію этого ходатайства не усмотрѣлъ основаній, по двумъ соображеніямъ: такія свидѣтельства не предусмотрѣны закономъ и «свѣдѣнія о

тору, прося потребовать отъ фабрики для Крутелева такое удостовѣреніе.

Снова было отказано и данъ совѣтъ обратиться къ мировому судьѣ. Написалъ и ему, прося вызвать фабричнаго инспектора, въ качествѣ свѣдущаго лица.

Мировой судья назначилъ дѣло къ слушанію. Въ этотъ день я не могъ выйти утромъ на разборъ, но вечеромъ ко мнѣ зашелъ радостный Крутелевъ:—Дѣло прикончили миромъ. Фабрика пообѣщала дать аттестатъ. Велѣно придти за нимъ черезъ три дня...

Я успокоился. Прошло недѣли двѣ.

Приходитъ ко мнѣ Крутелевъ, разстроенный, взволнованный.

— Куда ни пойду,—говоритъ,—посмотрятъ мой аттестатъ—смѣются, вонъ гонятъ. Я—неграмотный, посмотрите.

На бланкѣ, украшенномъ гербами съ печатями, значилось:

Компанія
Варваринской бумагопрядильной мануфактуры.
(Мѣсто гербоваго двуглаваго орла).
Адресъ для телеграммъ
Варваринской прядильнѣ г. Х.

г. Х. 28 января, 1899 г.
Собачья набер., № 84.

Аттестатъ!

Симъ свидѣтельствуемъ, что Дорофѣй Евдокимовичъ Крутелевъ, запасной ефрейторъ изъ крестьянъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Никитинской волости, дер. Карпова, работалъ на нашей фабрикѣ и былъ уволенъ вслѣдствіе того, что испортилъ машину по собственной неосторожности.

Компанія
Варваринской бумагопрядильной мануфактуры.
Директоръ О. О. Гиршфельдъ.

Лучше всего въ этой бумагѣ былъ восклицательный знакъ,—толстый, массивный восклицательный знакъ, выставленный въ заголовкѣ послѣ слова „аттестатъ“.

— Понять не могу,—говорилъ, между тѣмъ, старикъ.—Приду въ контору, скажу: аттестатъ имѣю, посмотрятъ въ него, захохочутъ и другихъ еще позовутъ, смѣются кругомъ... Нѣтъ тебѣ мѣста, говорятъ,—ты дуракъ. Да какой же дуракъ, тридцать лѣтъ работалъ... и вдругъ дуракъ.—А вотъ и дуракъ... Думалъ я, думалъ, смотрю аттестатъ форменный, самъ директоръ росписался, такъ точно, какъ въ нашихъ разсчетныхъ книжкахъ роспись его сдѣлана. Только неграмотенъ, прочитать не могу...

времени предшествовавшей службы рабочаго могутъ быть почерпнуты изъ его разсчетной книжки, которая обязательно выдается рабочему». Послѣднее соображеніе фактически ошибочно: разсчетная книжка обыкновенно служитъ лишь въ теченіе года, а старыя на заводахъ и фабрикахъ почти нигдѣ не хранятся, почему и не могутъ свидѣтельствовать о времени службы.

Я прочелъ аттестатъ и объяснилъ Крутелеву, въ чемъ дѣло.

— Ну, старикъ, лучше его никому не показывать, а чтобъ по ошибкѣ кому не показали, оставьте его мнѣ на память... Да что, вы дѣйствительно испортили машину?

— Какъ же, какъ же, батюшка, былъ грѣхъ, испортилъ... Тогда у насъ машину чистили на ходу. Я обтиралъ масло. У меня и втянуло „концы" (тряпку изъ обрѣзковъ пряжи) въ станокъ, а какъ—и самъ не замѣтилъ. Около часу станокъ простоялъ, слесарь починялъ, ну, а потомъ снова пустили. За то, батюшка, на меня штрафу рубль наложили, чуть не разсчитали...

— Какъ такъ, чуть не разсчитали, когда васъ изъ-за этого прогнали?..

— Что вы, послѣ этого я два года работалъ... Это зря прописано, для баловства... Мнѣ мастеръ говоритъ: „носи-ка ты тазы съ пряжей". Я попробовалъ: тяжело—пудовъ пять.— Не могу, говорю, осилить.—Ну, не можешь и не надо, и записалъ разсчетъ. Отработалъ и прогнали... А за года ничего не дали...

И все это старикъ разсказывалъ спокойнымъ, безобиднымъ голосомъ...

„Вѣчное мѣсто"!.. Сколько горя, безпросвѣтной нужды связано съ этими двумя словами.

За всѣ увѣчья надо платить, ибо въ рабочую среду уже проникло сознаніе о возможности полученія вознагражденія за увѣчье. И вотъ нѣкоторые управляющіе и директора изобрѣли „вѣчное мѣсто"...

Всякій рабочій знаетъ, какъ трудно добиться, даже имѣя повѣреннаго, вознагражденія или обезпеченія за увѣчье. Дѣло въ судѣ тянется не менѣе года, а иногда и годами. Способъ для этого въ рукахъ ярыхъ „антиувѣчниковъ" самый простой: они просятъ допросить на мѣстѣ (иногда въ Сибири) выбывшаго свидѣтеля, могущаго подтвердить, что рабочій самъ полѣзъ въ машину на ходу, и все дѣло путешествуетъ за этимъ свидѣтелемъ, котораго не находятъ; еще чаще такіе „антиувѣчники" подаютъ апелляціонную жалобу въ послѣдній день срока и не вносятъ пошлинъ И вотъ, объ этомъ судъ дѣлаетъ постановленіе, посылаетъ объявленіе, назначаетъ срокъ, а время тянется... А то заводы даютъ командировки въ другіе далекіе города наиболѣе опаснымъ для нихъ свидѣтелямъ изъ рабочихъ. Ищи ихъ тогда! Трудно увѣчному рабочему выдержать годъ—два борьбы. Иной идетъ просить на улицу, пока не попадаетъ въ комитетъ для разбора нищихъ; другой, въ лучшемъ случаѣ, находитъ товарища, который и поддерживаетъ его до окончанія дѣла. Адвокатская этика запрещаетъ принимать увѣчныхъ на содержаніе, и не дай Богъ рабочему попасть къ адвокату, который даетъ такое содержаніе. Въ случаѣ выигрыша дѣла рабочему останется немного—

все пойдетъ на уплату гонорара и возмѣщеніе содержанія. Найти какую-нибудь работу увѣчному почти невозможно.

И вотъ при такихъ обстоятельствахъ рабочій неизбѣжно идетъ на предложеніе „вѣчнаго мѣста". Управляющій или старшій мастеръ зоветъ его въ кабинетъ и съ глазу на глазъ убѣждаетъ „примириться", взять отъ 10 до 50-ти рублей за увѣчье, выдать нотаріальную (безспорную) росписку и получить вѣчное мѣсто, т. е. служить до конца жизни за прежнее жалованіе. Крайняя нужда заставляетъ согласиться. Росписка съ обязательствомъ никогда не предъявлять иска, но въ большинствѣ случаевъ безъ упоминанія о вѣчномъ мѣстѣ, выдана, и тутъ-то обнаруживается, что такое „вѣчное мѣсто". Если о немъ не упомянуто въ роспискѣ, то управляющій приказываетъ сторожамъ не пускать въ контору и на заводъ рабочаго съ вѣчнымъ мѣстомъ, гнать въ шею; если же противъ обыкновенія въ роспискѣ упомянуто, конечно, условно, то даетъ отработать мѣсяцъ-другой и за негодностью къ работѣ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, увольняетъ. Нѣсколько разъ, слушая разсказы потерпѣвшихъ рабочихъ объ этомъ безобразіи и обманѣ, я желалъ привлечь такого управляющаго къ уголовной отвѣтственности, за вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, но этого сдѣлать не удавалось, такъ какъ разговоръ о „вѣчномъ мѣстѣ" между управляющимъ и рабочимъ всегда происходилъ наединѣ.

IV.

«Штемпелекъ» и «Грыжа».

Однажды ко мнѣ обратился молодой рабочій. Онъ молча развернулъ предо мною свой паспортъ на имя Дмитріева, указалъ на оборотную его сторону, гдѣ обыкновенно полиція дѣлаетъ прописку и наклеиваетъ марки больничнаго сбора, и многозначительно ткнулъ пальцемъ на небольшой круглый синій штемпель съ надписью по ободку: „Бумагопрядильная фабрика Товарищества братья Петровы", со вписаннымъ черниломъ внутри словомъ „ткачъ".

— Вотъ оно дѣло!

Я рѣшительно ничего не понялъ.

— Маленькій штемпелекъ, а большое зло для всѣхъ рабочихъ,—произнесъ Дмитріевъ. — Нельзя ли какъ-нибудь уничтожить, а то насъ клеймятъ, словно каторжниковъ...

— Но въ чемъ же зло?

— А то, что съ такимъ штемпелемъ ни одна фабрика не принимаетъ. Нужно либо паспортъ мѣнять, либо объявлять въ полицію, что утерялъ. Придешь на фабрику, первымъ дѣломъ въ паспортъ смотрятъ, нѣтъ ли штемпеля. Чистыхъ берутъ, а со штемпелемъ вонъ гонятъ—„ты,—кричатъ,—бунтарь, тебя съ

Макселевской фабрики прогнали". Да нѣтъ, говорю, я не бунтарь, у насъ на фабрикѣ даже бунту не было, я честью ушелъ, жалованье было маленькое. Справьтесь у управляющаго, телефонъ у васъ есть. А онъ свое: „иди, иди, ступай прочь",—и слушать не хотятъ—„намъ некогда справляться, у насъ и безъ тебя много желающихъ. Не за бунтъ, такъ за плохую работу, либо грубость разсчитанъ". Такъ толку и нельзя добиться. Ни одна ткацкая не принимаетъ.

Я понялъ значеніе штемпеля. Въ самомъ дѣлѣ, рабочій отличается отъ прислуги тѣмъ, что прислуга рѣдко служитъ на одномъ мѣстѣ болѣе двухъ-трехъ-четырехъ лѣтъ и, обыкновенно, въ массѣ, мѣняетъ мѣсто въ теченіе года даже по нѣсколько разъ. Рабочіе служатъ на фабрикахъ по многу лѣтъ подъ рядъ и такіе, которые 20-30 лѣтъ—не рѣдкость. Правда, стариковъ стараются „выжить", почему обыкновенно служатъ лѣтъ по 10-15-ти...

Если прислуга приходитъ наниматься съ нѣсколькими прописками на паспортѣ, ее не принимаютъ, ея боятся, какъ неуживчивой. Для рабочаго, почти не мѣняющаго мѣста, такое же значеніе должна имѣть одна помѣта, не о перемѣнѣ жительства, которое у прислуги совпадаетъ съ „мѣстомъ" служенія, а о перемѣнѣ фабрики.

И фабрики могутъ гнать „отмѣченныхъ" рабочихъ, въ силу одной боязни ихъ „неуживчивости".

Но мнѣ пришло въ голову иное соображеніе, почему такіе штемпеля являются явно несправедливыми. Взять, хотя бы, самый простой случай. Лакей потерялъ хѣсто и въ погонѣ за кускомъ хлѣба нанялся ассенизаторомъ. Допустимъ, что ему поставленъ на паспортъ объ этомъ штемпель. Наймутъ ли его снова въ лакеи, когда онъ, поправивъ дѣла, пойдетъ искать болѣе знакомую работу?.. При первомъ же взглядѣ на штемпель, его, конечно, прогонятъ. Пусть точно также машинистъ пойдетъ въ чернорабочіе, пусть онъ затѣмъ одѣнется прилично, всякій наниматель встрѣтитъ его уже не по одеждѣ, а по паспорту, съ недовѣріемъ, или дастъ болѣе дешевую плату...

Когда мы,—интеллигенція или вообще болѣе состоятельный классъ, прописываемъ виды на жительство, то сами объявляемъ полиціи свое занятіе въ общихъ выраженіяхъ, и она сама вписываетъ его. По закону учрежденіе, выдающее паспортъ, должно само означать „родъ занятій предъявителя", но никто не можетъ прикрѣплять работника къ данному хозяину...

— Для меня лично,—говорилъ между тѣмъ Дмитріевъ,—этотъ штемпель не важенъ. Моему паспорту остался всего одинъ мѣсяцъ, все равно посылать нужно, но сдѣлать что-нибудь хорошо бы.

— А свидѣтели у васъ найдутся, что на фабрикѣ со штемпелемъ не принимаютъ?

— Какъ же,—мы четыре человѣка разомъ обошли всѣ ткацкія, хотѣлось испытать, правда-ли. Придешь на такую, гдѣ есть мѣста. „Хорошо“, говорятъ, „намъ нужны ткачи, со вторника можно выходить“, но посмотрятъ паспорта и вдругъ намъ — штемпелеваннымъ отказываютъ...

— А много времени нужно, чтобы перемѣнить паспортъ?

— Около мѣсяца пройдетъ.

— Меньше двухъ недѣль, значитъ, никакъ нельзя?

— Что-о вы,—конечно, нельзя.

— Есть у васъ здѣсь земляки?

— Тверскіе-то? Сколько угодно.

— Значитъ и эти подтвердятъ?

— Да.

И вотъ послѣ дѣлового разговора о заработкѣ, для установленія размѣра убытковъ отъ порчи паспорта, я рѣшилъ предъявить къ товариществу фабрики искъ о 12 рубляхъ убытка...

Въ первомъ же засѣданіи у мирового судьи, въ качествѣ нашего противника, выступилъ довольно извѣстный присяжный повѣренный. Еще до разбора дѣла онъ подошелъ ко мнѣ и началъ убѣждать прекратить дѣло. „Теперь, послѣ предъявленія вами иска, у насъ перестали ставить штемпеля... Но, зачѣмъ же мнѣ ходить въ эту кабацкую духоту изъ-за 12 рублей. Пусть вашъ кліентъ откажется отъ своей претензіи и заявитъ на судѣ, что самъ считаетъ ее совершенно неосновательной; если онъ дастъ честное слово, что никому не разскажетъ, я дамъ ему изъ своихъ средствъ 15 рублей, чтобъ только не ѣздить сюда“...

Я передалъ Дмитріеву этотъ разговоръ.

Онъ пришелъ въ восторгъ.—Ну, слава Богу, и прекрасно, значитъ зацѣпило,—заговорилъ Дмитріевъ, блистая глазами,—конечно, не кончать! Судитесь, да и баста, проиграемъ,—не бѣда! Я вамъ два рублика на расходъ принесъ, можетъ пригодится. Теперь безъ мѣста, трудно мнѣ больше...

Я развилъ предъ судьей свои доводы.

— Вы только подумайте, г. судья, — заявилъ противникъ, — сколькимъ рабочимъ придется платить, если истецъ выиграетъ это дѣло: вѣдь тогда наше Товарищество разорится... Но, къ счастью, мы имѣемъ въ рукахъ доказательство своей правоты...

Противникъ побѣдоносно вынулъ старый, пожелтѣлый номеръ „Полицейскихъ Вѣдомостей“, и показалъ напечатанный въ немъ циркуляръ губернатора.

— Вы сами видите, господинъ мировой судья, администрація фабрики поступаетъ на основаніи распоряженій свыше и потому безотвѣтна.

Въ циркулярѣ говорилось о томъ, что полиціей неоднократно было замѣчаемо, что рабочіе уклоняются отъ уплаты адреснаго и больничнаго сбора, давая неправильныя свѣдѣнія о занимае-

мыхъ ими мѣстахъ, въ виду чего губернаторъ, приглашая администраціи фабрикъ и заводовъ къ содѣйствію полиціи, требовалъ отъ нихъ обозначать на паспортахъ должности рабочихъ. О штемпеляхъ съ именемъ фабрики ничего не говорилось.

Дѣло было совершенно ясно. Безобидный циркуляръ, имѣющій чисто фискальныя цѣли, направленный къ облегченію городу сбора налоговъ, сыгралъ неожиданную роль... А между тѣмъ, что было дѣлать? Оставалось прекратить искъ, попытаться жаловаться въ Сенатъ на неправильное примѣненіе закона губернаторомъ. Но проигрывать сразу не хотѣлось. Я попросилъ судью отложить дѣло. Онъ согласился.

Когда я объяснилъ Дмитріеву безнадежность положенія, онъ нисколько не смутился.—Ничего,—сказалъ онъ весело, — подадимъ въ Сенатъ, а только здѣсь не отступайтесь. Пока мы будемъ судиться, клеймить никого не посмѣютъ

— А противникъ говорилъ мнѣ сейчасъ, при выходѣ, что онъ всетаки предлагаетъ заплатить свои...

— Нѣтъ, Богъ съ ними, повоюйте.

При слѣдующемъ же разборѣ я проигралъ. Я попытался было доказать вину Товарищества тѣмъ, что въ циркулярѣ ничего не говорится о штемпелѣ, но съ этимъ, конечно, трудно было согласиться. Я просилъ допросить свидѣтелей, но, увы... Для очистки совѣсти подалъ кассацію въ Съѣздъ. Ничего...

Но когда мы собрались принести жалобу въ Сенатъ уже на циркуляръ,—Дмитріевъ неожиданно долженъ былъ уѣхать на родину... Такъ мы и не обжаловали этого безъ вины виноватаго циркуляра... И я рѣшилъ подождать, пока кто-нибудь обратится съ аналогичнымъ дѣломъ.

Въ такомъ же или еще худшемъ положеніи находятся рабочіе, получившіе на заводѣ грыжу. Въ Окружномъ судѣ ничего сдѣлать нельзя. Почти всѣ эксперты *) даютъ заключеніе, что эта болѣзнь природная, отъ рожденія, что ее легко получить, благодаря сильному кашлю и даже чиханію... Но почему-то этой „природной“ болѣзнью почти совершенно не страдаемъ мы, почему то ею не заболѣваютъ ни прислуга, ни даже дворники, таскающіе вязанки дровъ на пятые этажи. А между тѣмъ, среди рабо-

*) Въ нѣкоторыхъ городахъ мѣстные врачи-эксперты, назначаемые уѣзднымъ членомъ окружного суда, признаютъ происхожденіе грыжи отъ даннаго, опредѣленнаго несчастнаго случая. Эти города—извѣстны. И вотъ рабочему адвокату приходится отсылать грыжнаго въ такой городъ, а самому просить судъ объ осмотрѣ больного по мѣсту «жительства» черезъ уѣзднаго члена и врача, по его усмотрѣнію. И это имѣетъ безусловный успѣхъ! Но такое путешествіе рабочаго сопряжено съ большими расходами, а путешествіе дѣла съ громадной потерей времени. Кто же охотно пойдетъ на это? Я не прибѣгалъ къ такому способу экспертизы, но просто просилъ судъ не назначать такихъ-то экспертовъ, перечисляя фамиліи всѣхъ обычныхъ экспертовъ. И это иногда приносило пользу для дѣла.

чихъ — грыжныхъ больше всего. И эта болѣзнь на нѣкоторыхъ заводахъ господствуетъ словно эпидемія.

— Какъ вы получили грыжу?

— Не знаю. Работа была тяжелая. Сначала дали мнѣ отъ завода бандажъ, а теперь, какъ онъ лопнулъ, я пошелъ у мастера просить больничную записку, а онъ мнѣ разсчетъ записалъ... Теперь черезъ двѣ недѣли мнѣ пропадать, никуда не примутъ.

И, дѣйствительно, грыжныхъ никуда на заводы не принимаютъ. При поступленіи на службу всякаго новаго рабочаго осматриваетъ докторъ.

— Ну, а когда появилась у васъ впервые болѣзнь?

— Не помню — кажется, мѣсяца два назадъ.

Начинается опросъ, и очень часто въ концѣ его узнаешь, что за мѣсяцъ до появленія грыжи былъ такой случай. Мастеръ заставилъ рабочаго стать обѣими ногами на проволочный канатъ, которымъ тянули посредствомъ пара паровозъ: канатъ былъ толще ролика блока и вотъ, чтобы онъ не соскакивалъ, мастеръ рѣшилъ „обминать“ его человѣческими ногами, обутыми въ простые деревенскіе, неуклюжіе сапоги... Канатъ дернуло, и рабочій, хорошо знавшій свое дѣло, но никуда не годный акробатъ, упалъ животомъ съ размаху на землю. Мѣсяцъ онъ ходилъ, а потомъ грыжа выступила. И какъ трудно добиться отъ этого рабочаго разсказа о происхожденіи его грыжи. Когда у него оторванъ палецъ, отрублена рука—онъ вамъ разскажетъ всѣ подробности, всѣ детали увѣчья, назоветъ свидѣтелей... Но для него совершенно непонятна причинная связь между грыжей и вообще внутренней болѣзнью и его паденіемъ. Если у него болитъ животъ послѣ такого паденія, онъ, по совѣту заводскаго врача, не подозрѣвающаго паденія, исправно пьетъ касторку... А затѣмъ грыжа, полученная по винѣ завода, является для него уже вѣчнымъ штемпелемъ на безработицу...

V.

Перехитрилъ.

Въ кабинетъ вошла небольшая, круглая женщина, съ большимъ животомъ, въ деревенскихъ сапогахъ и короткой ситцевой юбкѣ. На приглашеніе сѣсть, она ничего не отвѣтила и, пыхтя, опустилась на стулъ; видно, ей было душно...

— Что у васъ за дѣло?

— Да что?—мужа на заводѣ убило, котелъ, вишь, горазъ разорвало...

— Ну?

— Да вотъ, махонькій,—она указала на животъ.

— Вижу... тяжело...

— Знамо, тяжело...

— Ну, разскажите, какъ было дѣло?

— Ничего я не знаю. На заводъ пошла узнать,—меня сторожъ прогналъ. Да... А землякъ къ вамъ послалъ...

— На чьемъ же заводѣ убило?

— Не знаю, родимый, я—баба... знамо—баба...

— Вы что, вѣрно, изъ деревни?

— Изъ деревни. Вотъ у меня бумага есть—землякъ далъ. Говоритъ, покажи,—она вынула засаленный номеръ „N—скаго Листка", гдѣ, въ числѣ полицейскихъ происшествій, мелкимъ шрифтомъ было напечатано, что такого-то числа, на такомъ-то заводѣ разорвало чугунную крышку котла, послѣдствіемъ чего была смерть рабочаго Елисея Купріянова.

Этого было достаточно, и я рѣшилъ дѣйствовать...

Черезъ три дня Купріянова снова сидѣла у меня, и я объяснялъ ей, что противъ хозяина завода, богатаго милліонера Зорина возбуждено уголовное преслѣдованіе за неправильное устройство котла, что она должна заявить свой искъ о пожизненномъ пособіи по 10 рублей въ мѣсяцъ до начала засѣданія и что всего выгоднѣе отстаивать гражданскій искъ во время уголовнаго процесса. Купріянова слушала молча, но вдругъ засопѣла, задышала тяжело, встала со стула, опустилась на колѣни и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, растянулась по полу на четверенки.—„Батюшка мой! Куда жъ я теперь пойду?"—застонала она. Я поднялъ ее и еще съ большимъ трудомъ добился въ чемъ дѣло: ей скоро предстоятъ роды, деньги нужны, хочется уѣхать поскорѣе въ деревню. — „Выхлопочи рублей пятьдесятъ, половину себѣ возьми",—причитала она,—„не оставь, не гони меня!"

Я написалъ письмо Зорину, предлагая кончить дѣло Купріяновой миромъ, и черезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ, въ которомъ Зоринъ приглашалъ обратиться къ его повѣренному Сидорову. Я отправился.

Сидоровъ жилъ на одной изъ лучшихъ улицъ N—а, въ одномъ изъ лучшихъ ея домовъ съ лѣстницей, устланной коврами, освѣщаемой электричествомъ и охраняемой ливрейнымъ швейцаромъ; его квартира во второмъ этажѣ была обставлена со всей возможной роскошью.

Присяжный повѣренный Сидоровъ былъ никому невѣдомый адвокатъ, никакими особенными талантами не отличался, но, начавъ свою карьеру съ комнаты подъ чердакомъ, въ настоящее время ѣздилъ на превосходныхъ собственныхъ рысакахъ. Произошло это, благодаря тому, что онъ, войдя въ знакомство со многими крупными торговыми фирмами, сдѣлался ихъ повѣреннымъ. Когда-то Сидоровъ говорилъ хорошія слова о равенствѣ людей,

о крестьянствѣ, о защитѣ труда бѣдноты, въ настоящее же время вся его дѣятельность сводилась къ тому, что онъ, принявъ отъ фабрикъ и заводовъ съ подряду веденіе всѣхъ дѣлъ противъ увѣчныхъ рабочихъ, выступалъ въ судѣ тогда, когда фабрикантъ находилъ это нужнымъ. И онъ, не задумываясь, пускалъ въ ходъ всѣ свои знанія, пріобрѣтенныя въ университетѣ и практикой, свои способности на борьбу съ разными калѣками-рабочими, ищущими куска хлѣба. Въ началѣ онъ еще „стыдился" и охотно кончалъ дѣла миромъ, такія, конечно, которыя, все равно долженъ былъ проиграть. Но затѣмъ онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что нѣтъ безнадежнаго „увѣчнаго дѣла", что самое „вѣрное дѣло" со стороны рабочаго, потерявшаго правую руку, оба глаза, по явной небрежности фабриканта, можетъ быть проиграно, если не въ судѣ, такъ въ судебной палатѣ, благодаря тому, что его повѣренный не знаетъ устройства машины и никогда не видалъ ея. Когда кто-нибудь напоминалъ ему „старину", то онъ обыкновенно начиналъ распространяться на тему о томъ, какъ обираютъ увѣчные рабочіе заводы и фабрики, а самихъ рабочихъ — „увѣчники"-адвокаты,—и чувствовалъ себя побѣдителемъ... И если онъ предлагалъ фабрикѣ уплатить рабочему, то только по такому дѣлу, по которому состоялся уголовный приговоръ противъ администраціи фабрики, либо ожидался таковой. Но при этомъ онъ всегда торговался и съ него надо было „запрашивать". Я слышалъ уже ранѣе о Сидоровѣ, и мнѣ было интересно увидать его „въ дѣлѣ".

Не смотря на то, что я пришелъ къ Сидорову въ пріемные часы и не засталъ у него никого изъ „кліентовъ", — онъ заставилъ меня прождать болѣе получаса и вышелъ, позѣвывая, въ гостиную.

— Пожалуйте!

Кабинетъ Сидорова былъ обставленъ еще шикарнѣе, чѣмъ гостиная. Весь полъ утопалъ въ коврахъ, громадный столъ, по величинѣ напоминающій билліардъ, былъ заставленъ канделябрами и письменнымъ приборомъ. У стѣнъ красовались массивные съ рѣзьбою книжные и несгораемый шкафы. Темныя занавѣси на окнахъ, на дверяхъ — придавали всему мрачный, „ученый" видъ. Сидоровъ попросилъ меня занять одно изъ рѣзныхъ креселъ, обтянутыхъ кожей, и, дѣловито наклонивъ голову, спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

Я разсказалъ ему и показалъ письмо Зорина.

— Знаю, знаю, онъ мнѣ уже сообщилъ... Но что бы вы желали? Вѣдь вы, какъ адвокатъ, сами знаете, что дѣло вашей Купріяновой совершенно безнадежное: что изъ того, что лопнулъ стальной винтъ—вѣдь мы здѣсь не при чемъ; вы купите коляску

за двѣ тысячи и всетаки не поручитесь, что у васъ при первой же поѣздкѣ не лопнетъ ось...

— Да, но Зоринъ привлеченъ уже къ уголовной отвѣтственности, мы выступимъ гражданскими истцами, я буду обвинять его. Не забудьте, что фабричный инспекторъ далъ обстоятельное заключеніе о привлеченіи...—Я досталъ копію протокола...

— Ну-те, хорошо. Но сколько вы желали бы получить?!

— Мы согласились бы на 1.200 рублей...

— Боже мой, да пожалѣйте меня, если вамъ не жаль Зорина,—вѣдь мнѣ нельзя будетъ ему на глаза показаться... Вы не знаете, что это за господинъ. Онъ немилосердно скупъ и во все самъ входитъ... Я много разъ говорилъ ему: „Павелъ Ивановичъ, пригласите отвѣтственнаго управляющаго",—но онъ не соглашался, скаредничалъ и теперь за это платится. Однако, больше 200 рублей мы не дадимъ: для деревенской бабы этого болѣе чѣмъ достаточно... Скиньте, пожалуйста!

И вотъ у насъ начался торгъ... Попрекнувъ разъ десять отсутствующаго Зорина за то, что онъ не завелъ отвѣтственнаго управляющаго, тогда, какъ это такъ просто: достаточно лишь заявить фабричному инспектору, а теперь, благодаря этому, „самъ идетъ подъ монастырь"... Сидоровъ согласился дать 560 рублей.

— Изготовьте проектъ нотараільной росписки и приходите ко мнѣ съ нею.

— Она ждетъ на улицѣ у подъѣзда, и ее легко позвать, а росписку мы можемъ сейчасъ составить.

— Ну, хорошо.

Сидоровъ позвонилъ и приказалъ человѣку позвать Купріянову. Мы сѣли составлять росписку. Когда росписка была готова, Сидоровъ впустилъ въ кабинетъ Купріянову. Она, повидимому, была совершенно подавлена невиданной роскошью и растянулась на полу.

— Что ты, что ты, любезная, вставай,—произнесъ Сидоровъ.

Я поднялъ Купріянову. Сидоровъ внимательно оглядѣлъ ее и вдругъ спохватился, лицо его просіяло.

— Прекрасно, прекрасно,—заговорилъ онъ, уже не обращая на Купріянову никакого вниманія, словно ея и въ комнатѣ не было,—вѣдь она—беременная, у нея родится ребенокъ, и у него будутъ права на искъ! Вотъ видите, что значитъ быть предусмотрительнымъ! Теперь мы обезпечимъ Зорина и отъ ребенка. Я всегда самъ смотрю на увѣчныхъ,—знаете, докторъ—докторомъ, а собственный глазъ еще лучше: и промаха, и нареканій потомъ быть не можетъ; жену или родителей убитыхъ рабочихъ къ доктору посылать неловко, ну, а посмотришь: одни—совсѣмъ дряхлые—имъ пожизненная пенсія подъ стать, а другіе—молоды, крѣпки, съ ними лучше сразу покончить. Вотъ видите, какая предусмотрительность!

И въ росписку Сидоровъ внесъ, что Купріянова „въ полное удовлетвореніе за смерть своего мужа Елисея Андреева получила 560 рублей, какъ для себя лично, такъ и въ качествѣ естественной опекунши и для имѣющаго родиться отъ нея ребенка“ и т. д.

Когда на завтра я привезъ Сидорову удостовѣренную нотаріусомъ росписку, онъ запечаталъ ее при письмѣ въ собственный со штемпелемъ конвертъ, надписалъ на конвертѣ адресъ Зорина и предложилъ мнѣ поѣхать за деньгами къ послѣднему.

Зоринъ жилъ на краю города въ той мѣстности, гдѣ уже тянутся заборы, въ достойномъ его богатства особнякѣ. Его громадная передняя скорѣе походила на большой залъ; только вѣшалка, вся заваленная шубами, ясеневая мебель, да рослый широкоплечій николаевскій солдатъ съ медалями на груди—швейцаръ напоминали о назначеніи этой комнаты. Горничная, вызванная швейцаромъ, пошепталась съ нимъ, указала на Купріянову и отправилась доложить о насъ. Мы усѣлись на диванѣ. Швейцаръ, видимо, мялся и желалъ начать разговоръ. Наконецъ, озираясь кругомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и, какъ-то таинственно наклонясь, потянулъ пальцемъ въ сторону Купріяновой:

— Насчетъ нея?

— Да.

— Увѣчная?

— Нѣтъ, за смерть мужа,—на заводѣ убило...

— Котломъ?

— Да, а вы почему знаете?

— Интересуюсь... Вы, баринъ, поосторожнѣе.

— Какъ поосторожнѣе?

— А вотъ насчетъ „самого“... онъ людей обижаетъ...

Швейцаръ оглянулся и зашепталъ:

— Недавно я проворонилъ,—тоже деревенская баба была — у нотаріуса росписку на 200 рублей сдѣлала, принесла; „самъ“ взялъ росписку, а денегъ даетъ 20 рублей. Я тебѣ, говоритъ, въ годъ по 20 рублей давать буду...

— Да, что вы говорите?! полноте!

Все поведеніе швейцара было до такой степени невѣроятно, что я оторопѣлъ. Я слышалъ о разныхъ темныхъ способахъ наживы, о „вѣчномъ мѣстѣ“, но я никогда не могъ допустить мысли, что крупный милліонеръ можетъ такъ мелко плавать.

— И давно вы здѣсь служите?

— Лѣтъ 15, еще при папашѣ служилъ.

— Но какъ же вы остаетесь?

— Эхъ, баринъ, предупреждаю...

Меня позвали къ Зорину. Онъ принялъ въ своемъ кабинетѣ, заставленномъ, словно музей, моделями производства его завода. Зоринъ внимательно разсмотрѣлъ конвертъ, вскрылъ его и прочиталъ два раза росписку и письмо. Онъ долго вертѣлъ ихъ въ

рукахъ, но, наконецъ, потянулъ руку съ роспиской въ боковой карманъ сюртука. Не предупреди меня швейцаръ, я не придалъ бы этому никакого значенія, но теперь я былъ черезчуръ на сторожѣ.

— Простите, г. Зоринъ, вѣдь Купріяновой деньги еще не получены, такъ что росписку...

— Да, да, знаю... вотъ что, я не могу рѣшиться выдать деньги, не повидавъ Сидорова,—поѣдемъ сейчасъ къ нему, а я захвачу деньги...

Мы покатили на саняхъ Зорина, а Купріянова потащилась слѣдомъ на извозчикѣ.

Посмотрѣвъ росписку, Сидоровъ сказалъ, что она вполнѣ хороша, а главное предусмотрительна, и солидно объяснилъ почему; Зоринъ выдалъ деньги.

Получивъ ихъ, Купріянова, по моему совѣту, положила 500 рублей на свое имя въ сберегательную кассу, а остальныя взяла въ деревню на роды; на прощаніе она принесла мнѣ какую-то громадную фарфоровую чашку (съ такимъ же блюдцемъ) темно-коричневаго цвѣта съ золотыми каемками и цвѣтами.

Прошло мѣсяца три. Я уже забылъ о Купріяновой.

Однажды въ мой кабинетъ вошла старуха крестьянка и, послѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ разговоровъ, заявила, что она—мать убитаго на заводѣ рабочаго Купріянова, а что жена его Настасья была у меня, и я ей деньги выхлопоталъ.

Теперь Настасья отъ родовъ сама умерла и ребенка не осталось; передъ смертью она говорила, что 500 рублей въ кассу положила, книжку передала. Вотъ старуха и пошла въ кассу, нельзя ли ей получить. Начальникъ посовѣтовалъ принести форменную записку отъ Зорина, что „деньги на обѣихъ выдалъ, тогда получишь, а то наслѣдниковъ нѣтъ, деньги въ казну отойдутъ“. Нельзя ли поѣхать попросить?

Дѣлать нечего, я отправился къ Сидорову. Когда я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, онъ весь побагровѣлъ и началъ усиленно тереть кулакомъ свой лобъ...

— Боже мой, Боже мой,—заговорилъ онъ,—какая непростительная недальновидность!.. Мы забыли, что она беременная и не подождали. Ради Бога не ѣздите къ Зорину, онъ не проститъ мнѣ этого... Нѣтъ, нѣтъ, никакого удостовѣренія мы вамъ не выдадимъ... Какая недальновидность!..

Я выскочилъ отъ Сидорова и почти бѣгомъ помчался домой...

Въ тотъ же вечеръ я объяснилъ старухѣ ее положеніе, разсказалъ, что Зоринъ не имѣлъ ея въ виду, что она можетъ искать въ свою пользу особо, указалъ хорошаго адвоката, къ которому далъ письмо... А чтобъ деньги не пропали, посовѣтовалъ ей найти какого-нибудь болѣе близкаго родственника.

Послѣ этого я интересовался положеніемъ дѣла старухи...

Для нея все устроилось. Съ Зорина мировой присудилъ въ ея пользу по 50 рублей въ годъ до конца жизни, а найденный законный наслѣдникъ, на радостяхъ, что получилъ нежданное богатство, подарилъ старухѣ двѣсти рублей.

VI.

«Обмѣнъ паспорта».

Пожалуй, больше всего недоразумѣній и подчасъ тяжелыхъ „недоразумѣній" вызываетъ у рабочихъ паспортная система; особенно затруднителенъ для нихъ обмѣнъ паспортовъ, обыкновенно годичныхъ. Сами по себѣ волости задерживаютъ изготовленіе новыхъ паспортовъ до безконечности. И рабочіе, и волостныя правленія поголовно не знаютъ о циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшающемъ не посылать при обмѣнѣ старыхъ паспорта въ волости, а возвращать ихъ, въ моментъ полученія новыхъ, полицейскимъ управленіямъ по мѣсту жительства*). Отправивъ же почтой старый (съ прошеніемъ о новомъ) паспортъ, рабочій остается какъ безъ рукъ; онъ не можетъ перемѣнить квартиру, не можетъ уйти съ фабрики, не можетъ найти новое мѣсто...

А тутъ еще характерная 19-я статья положенія о видахъ на жительство; она гласитъ: „Неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, *хотя бы и совершеннолѣтнимъ*, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора. Въ случаѣ отказа съ его стороны, виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чиновника либо коммиссара по крестьянскимъ дѣламъ, или замѣщающихъ ихъ должность лицъ, по принадлежности. *Распоряженія сего рода обжалованію не подлежатъ*". Послѣднее время Сенатъ разъяснилъ, что можно жаловаться все-же въ уѣздный съѣздъ *на необсужденіе* (и только) земскимъ начальникомъ просьбы о выдачѣ паспорта.

И вотъ, постоянно „хозяева неотдѣленной крестьянской семьи"—дѣды, отцы или просто старшіе братья, пользуясь этой 19-й статьей, грубо эксплуатируютъ „за паспортъ" давно оторванныхъ отъ деревни, даже родившихся въ городѣ и никогда не бывавшихъ „на родинѣ" (на мѣстѣ приписки) рабочихъ, требуютъ съ нихъ за возможность жить въ городѣ ежемѣсячныя, а иногда единовременныя уплаты. Обыкновенно земскіе начальники, видя-

*) См, «Правительств. Вѣстникъ» 25 и 26 февраля 1897 года №№ 44, 45 и циркуляръ М. В. Дѣлъ по Департаменту Полиціи отъ 25 декабря 1899 г. № 6034.

щіе и выслушивающіе на мѣстѣ только одну сторону, — родителей или старшихъ братьевъ,—находятся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ общей крестьянской нужды, рисуютъ себѣ невѣдомую жизнь городскихъ рабочихъ въ самыхъ радужныхъ красскахъ, забывая о ея дороговизнѣ, и упорно отказываютъ рабочимъ въ просьбахъ о возобновленіи паспортовъ при запретѣ хозяевъ дворовъ... И какому вымоганію содѣйствуютъ они этими отказами!..

Какъ сейчасъ помню, однажды пришелъ ко мнѣ худой, пришибленный юноша лѣтъ 23—Николай Павловъ, съ темными, рѣзкими кругами подъ глазами. Какимъ-то подавленнымъ, замореннымъ голосомъ онъ разсказалъ свою повѣсть. Его отецъ, родившійся въ Тверской губерніи, въ деревнѣ, названіе которой онъ не сразу вспомнилъ, умеръ, когда ему было 2 года. Тогда, по разсказу матери, они жили въ деревнѣ. Старикъ дѣдъ, не любившій отца Павлова и имѣвшій еще двухъ сыновей, прогналъ мать Наколая послѣ смерти отца изъ дому и завладѣлъ всѣмъ ихъ хозяйствомъ. Мать перебралась въ городъ, поступила на фабрику и „вывела своего сына въ люди“: онъ тоже поступилъ на Спасскую ткацкую мануфактуру...

Когда Николаю насталъ 21 годъ и онъ поѣхалъ на призывъ, дѣдъ „вспомнилъ“ о немъ. Павлова, какъ единственнаго сына, не забрили въ солдаты, но его закабалилъ дѣдъ.

Съ этого года за каждый паспортъ Николай долженъ былъ платить дѣду по десяти рублей, иначе волость, по просьбѣ „хозяина двора“, не выдавала ему паспорта. Затѣмъ дѣдъ сталъ требовать, чтобы онъ ежемѣсячно присылалъ по три рубля. И Павлову пришлось подчиниться. Фабрику штрафовали, если она держала рабочихъ съ просроченными видами, и она гнала такихъ...

Николай женился, у него родился ребенокъ, старуха мать заболѣла ревматизмомъ (на фабрикѣ былъ жестокій сквознякъ и разная температура въ тѣхъ отдѣленіяхъ, по которымъ ей постоянно приходилось ходить), ни одинъ адвокатъ не взялся ей помочь, а вѣдь она перестала работать. Павловъ сталъ содержать и ее. Съ выработкой, сверхъурочной работой по праздникамъ онъ едва натягивалъ 20 рублей. Приходилось голодать...

Два родныхъ брата отца Николая, сыновья дѣда, зарабатывали въ это время по 45 рублей въ мѣсяцъ на механическихъ заводахъ, и [illegible] одинъ изъ нихъ былъ холостой.

И вотъ теперь Павловъ [illegible] получилъ ужасную повѣстку: за всей семьей дѣда числилось 30 рублей [illegible] недоимки и дѣдъ, въ качествѣ хозяина семьи, всю эту недоимку возложилъ на [illegible] одного Николая, не пожелавъ разложить ее, хоть частью, на двухъ своихъ сыновей.

Я понялъ всю безнадежность положенія Павлова, но напи[illegible]ступаетъ [illegible]скому начальнику прошеніе, прося повліять на дѣда

Пришелъ ожидаемый отвѣтъ — отказъ: „неотдѣленный членъ крестьянской семьи“ и т. д... Какъ будто-бы отъ этого члена семьи зависѣло отдѣлиться...

Подали въ съѣздъ: все то-же. И нужно было видѣть, что дѣлалось постепенно съ Николаемъ. На его жалованье былъ наложенъ арестъ, и у него ежемѣсячно отнимали четверть заработка... Когда Павловъ дошелъ до полнаго отчаянія, я посовѣтовалъ ему поѣхать къ дѣду и сказать: „ну теперь ты сгубилъ меня, такъ корми меня и мою семью“...

Что было съ нимъ дальше, не знаю.

VII.

Безъ исхода.

Блѣдная, анемичная, худощавая женщина. Лицо все въ морщинахъ, дряблое. На видъ ей лѣтъ 55. Разсказъ старухи кратокъ.

— Съ 9-ти лѣтъ я работала на фабрикѣ Штиглица. Сколько лѣтъ, не помню. На ней выросла. Мѣсяцъ назадъ я заболѣла и не вышла на работу 4 дня. Вотъ и больничная записка мастера. Я ему сказала, что мнѣ плохо, а онъ послалъ къ доктору. Докторъ меня и отпустилъ. Какъ пришла я на работу, мастеръ мнѣ разсчетъ и записалъ: „ты, говоритъ, хворая, докторъ сказалъ, что тебѣ мѣсяцъ нельзя работать“. Мастеръ далъ отработать двѣ недѣли... Теперь выгнали. Ходила я къ фабричному инспектору.—Я, говоритъ, ничего не могу сдѣлать—все по закону.—Ходила къ старшему.—Ничего.—Что дѣлать?

— А кромѣ васъ еще кого-нибудь разсчитали?

— Да, многихъ... Что-же мнѣ теперь дѣлать!?

— Что дѣлать!.. И я ничего не могу сдѣлать. Все по закону — дали вамъ отработать... (и я показываю на XI томъ). Хотите, попробуемъ прошеніе о пособіи?..

А она сидитъ и плачетъ и утираетъ тихо глаза чернымъ головнымъ платкомъ...

Пробовалъ я въ такихъ случаяхъ (а сколько ихъ было!) писать прошеніе о пособіи изъ штрафного капитала или обращаться въ благотворительныя общества. Только случайно можно было добиться даже грошоваго пособія. На рѣдкой фабрикѣ штрафной капиталъ бываетъ не израсходованъ и при томъ безнадежно.

Организація этого „благотворительнаго“ капитала такова, что именно лучшія фабрики, дорожа [illegible] добрыми отношеніями съ рабочими, не желаютъ его [illegible] „добывать“, а слѣдовательно, и не имѣютъ. Въ самом[illegible]ъ дѣлѣ, штрафной капиталъ образуется изъ тѣхъ штрафовъ, которые налагаются на рабочихъ администраціей фабрикъ и заводовъ за нарушеніе порядка, прогулъ и неисправную работу. Промышленныя заведенія не могутъ взимать штраф[illegible]

свою пользу. Штрафы—безапелляціонны: по закону рабочіе не имѣютъ права подавать на нихъ жалобы никуда, даже своимъ фабричнымъ инспекторамъ. Пособія изъ этого капитала выдаются самой же фабричной администраціей на роды, больнымъ, погорѣльцамъ и, вопреки правиламъ, почти никогда, увѣчнымъ, ибо при поддержкѣ тѣ не такъ легко сдадутся на „миръ".

Если фабрика съ легкимъ сердцемъ разсчитываетъ многолѣтнюю и опытную, хотя и старую работницу, то очевидно, что въ данный моментъ, по условіямъ производства, фабрикѣ не нужны рабочіе и ихъ выгоднѣе, даже придравшись къ случаю, *разсчитать*. Поэтому, разъ фабрика удаляетъ своихъ давнихъ рабочихъ, она, очевидно, предпочитаетъ не штрафовать ихъ, а просто давать разсчетъ, предупредивъ о томъ за двѣ недѣли (всякаго рабочаго, нанятаго на срокъ неопредѣленный, можно такъ удалить). И потому, чѣмъ болѣе удаляютъ рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ, тѣмъ болѣе пустуетъ штрафной капиталъ, ибо тогда штрафы замѣняются простой записью въ разсчетной книжкѣ о предстоящемъ расторженіи договора. Вотъ почему старухѣ нечего было ждать отсюда.

Но, кромѣ этихъ штрафовъ съ рабочихъ, существуютъ еще штрафы и съ самихъ фабрикъ, заводовъ и управляющихъ ими, налагаемые фабричными присутствіями за неправильное веденіе паспортовъ и разсчетныхъ книжекъ рабочихъ, за не назначеніе управляющимъ вмѣсто себя на время отлучки замѣстителя, за расплату съ рабочими вмѣсто денегъ условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ или иными предметами и т. д. Согласно закону 1895 года, изъ этихъ штрафовъ образуется при Министерствѣ Финансовъ особый капиталъ „для выдачи вспомоществованій больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ". Но и до сихъ поръ изъ этого капитала рабочимъ ничего не выдается, такъ какъ Министерство Финансовъ рѣшило раньше скопить такой капиталъ, чтобъ можно было пользоваться процентами съ него *). И вотъ, самые несчастные калѣки должны ожидать, пока наступитъ этотъ счастливый моментъ.

Прошенія и здѣсь не помогаютъ...

А рабочіе уже провѣдали объ этомъ капиталѣ; они думаютъ, что фабрики *должны* выдавать изъ него пособія „за года", т. е. за многолѣтнюю службу, и къ какимъ грустнымъ недоразумѣніямъ иногда приводитъ эта ошибка...

Куда-же еще писать старухѣ?!

---

*) Въ то время, когда настоящія замѣтки были уже сданы въ редакцію «Русск. Бог.», М-во Финансовъ издало правила, согласно которымъ оно приступаетъ уже къ выдачѣ пособій изъ этого капитала.

VIII.

Изъ огня въ полымя.

Былъ холодный день. Ноги вязли въ сугробахъ снѣга. Вѣтеръ раздувалъ полы моего пальто. Я быстро шелъ, но вдругъ мое вниманіе привлекли слова стоявшаго на тротуарѣ извозчика: „ахъ ты, букашка ты маленькая! Золотое сердце“!

Возлѣ извозчика стояла едва примѣтная дѣвочка съ посинѣлымъ личикомъ, закутанная въ одинъ „материнскій“ платокъ. Въ сжатой рукѣ она держала бумажный кулекъ.

Я глядѣлъ на извозчика и на дѣвочку...

— Вотъ, баринъ,—обратился ко мнѣ извозчикъ,—доброе сердце... Слѣзъ я съ козелъ, бѣгаю отъ морозу, ногами притоптываю, а она изъ лавочки бѣжитъ, остановилась и жалостливо говоритъ: что, дядя, холодно?!. Ахъ ты, букашка, сама застыла, дрожитъ, а о старикѣ не забываетъ... Бѣги домой!..

Прошло около мѣсяца, и у меня сидѣлъ этотъ самый извозчикъ въ качествѣ кліента. Я сразу-же узналъ его, не смотря на то, что вмѣсто кучерского армяка на немъ была обычная одежа чернорабочаго: кафтанъ изъ сѣраго, потертаго крестьянскаго сукна.

— Такъ это вы, баринъ, и есть адвокатъ?—спросилъ онъ, добродушно улыбаясь...

— А что?

— Да я извозчикомъ раньше былъ, стоялъ около разъѣзда, васъ и примѣтилъ, да не зналъ, что это вы... А привелъ Господь и мнѣ судиться!..

— Что такъ?

— Обидѣли очень, тоска взяла... Какъ въ извозчикахъ состоялъ,—господа все ругались; бывало и такъ, что день поѣздишь на часы, а сѣдокъ въ проходной дворъ и убѣгетъ, полиція тоже штрафы все писала, а только никто за шиворотъ, какъ загаженнаго котенка, не таскалъ, да по мордѣ не билъ... Старъ, батюшка... А тутъ на свою голову я и задумалъ въ заводскіе пойти... Жалованіе вѣрнѣе, отработалъ сколько слѣдуетъ и свободенъ... Вотъ и поступилъ въ чернорабочіе на котельный заводъ. Поднимали мы на цѣпяхъ коробку котла. Тянулъ я за цѣпь, какъ другіе, старался по совѣсти. Этотъ разъ самъ директоръ распоряжался... Вдругъ, подскочилъ онъ ко мнѣ и накинулся съ послѣдними словами: Я тебѣ, подлецъ, разсчетъ дамъ!—кричитъ, а я, знай, молча работаю, налягаю. Отвяжется собака, думаю. Отошелъ... Только снова вдругъ подскочилъ ко мнѣ, схватилъ за шарфъ на шеѣ, сдавилъ мнѣ горло и потащилъ. Шаговъ 10 къ двери волокъ, далъ въ ухо и швырнулъ о полъ... За что этакая напасть случилась, и самъ не знаю... Ну, думаю, какъ

былъ я извозчикомъ, полиція меня все штрафовала, знаю я полицейскіе ходы, можетъ, хоть теперь полиція заступится... Отправился я въ участокъ къ приставу, а онъ и впрямь распорядился все какъ слѣдуетъ: далъ мнѣ записку къ полицейскому врачу... Только тотъ черезъ три дня осмотрѣлъ меня, ну, а бумагу выдалъ. Вотъ она,—произнесъ старикъ.

Я пробѣжалъ свидѣтельство. Въ немъ говорилось, что у крестьянина Селифантова полицейскій врачъ не нашелъ ни перелома костей, ни вывиха, ни наружныхъ знаковъ...

— Да, но вѣдь у васъ ничего не было найдено?!.—спросилъ я.

— За три дня хоть какая плюха сойдетъ,—резонно замѣтилъ Селифантовъ,—только на висѣльникѣ веревчатый слѣдъ такъ и остается, а я слава Богу живъ остался. За три дня всѣ примѣты разошлись... И за что, господинъ, онъ такъ обидѣлъ меня, понять не могу... Оттого и хочу закономъ осудить, а то очень горестно...

Я написалъ Селифантову жалобу къ судьѣ съ просьбой привлечь директора за оскорбленіе словами, дѣйствіемъ и за насиліе.

Къ разбору дѣла на судъ явился самъ директоръ. Когда судья удалилъ свидѣтелей въ отдѣльную комнату, директоръ сначала объяснилъ, что Селифантовъ взялся не за ту цѣпь отъ блока, не за поднимающую, а опускающую, и онъ, боясь, чтобъ коробка не поддалась и не задавила кого-либо изъ людей, схватилъ Селифантова и отвелъ отъ коробки, при чемъ сгоряча ругнулъ его. Но черезъ двѣ минуты, директоръ попросилъ разрѣшеніе сдѣлать поправку.

— Я испугался, господинъ судья,—заявилъ онъ,—что коробка опустится и задавитъ самого Селифантова, потому, желая спасти его, я дѣйствительно схватилъ и оттолкнулъ, онъ-же споткнулся и упалъ...

Я обернулся на Селифантова. Старикъ стоялъ со строгимъ застывшимъ, блѣднымъ лицомъ и упорно молчалъ.

Начали выходить свидѣтели—сосѣди по работѣ. Всѣ они поголовно показывали, что ничего не видали и не слыхали... Одинъ объяснилъ, что изъ-за котла не было видно, другой,—что онъ оглохъ отъ клепки, вату въ ушахъ носитъ, и ничего не слыхалъ...

И все это словно заучено...

Вышелъ еще послѣдній свидѣтель и съ разбѣгу произнесъ:

— Я ничего не видалъ и не слыхалъ, господинъ судья!.. Впрочемъ, нѣтъ,—горячо спохватился онъ.—По правдѣ, по совѣсти покажу!.. Все видѣлъ и слышалъ... Тащили мы коробку, всѣ за одну цѣпь, и Селифантовъ за нее же тащилъ, только онъ не поворотливъ малость, деревенскій или не привычный, кто его знаетъ. Онъ и тянулъ послабѣе... Господинъ директоръ пришелъ на заводъ не въ духахъ, всѣхъ въ этотъ день ругалъ... Ну и на него набросился, а потомъ, вдругъ, за шиворотъ хватилъ, поволокъ да о полъ и бросилъ, а чтобы билъ, того я не видалъ...

Я задалъ свидѣтелю вопросъ, была ли опасность Селифантову.—Отвѣтилъ „нѣтъ“ и разсказалъ, что подъ котломъ были подставлены лежни въ родѣ высокихъ скамей; если бы даже котелъ сорвался съ цѣпи, то и тогда не придавилъ бы...

Судья отпустилъ свидѣтелей.

— Послушайте,—обратился онъ ко мнѣ,—это дѣло надо кончить миромъ... Вѣдь знаете,—работа горячая, тутъ некогда гостиныя выраженія подбирать... Ну, какая честь можетъ быть у такого простого, сѣраго мужика? Это вы ему честь сами сочинили, именно придумали. Ему нужны деньги, да кусокъ хлѣба. Кончайте дѣло миромъ, господинъ директоръ его обратно приметъ...

Я отрицательно кивнулъ головой.

— Не согласны?.. какъ угодно, — повернулся судья къ директору.—Ну такъ дайте, господинъ Дмитріевъ, ему (судья указалъ на Селифантова) рубля три, и дѣлу конецъ... Стоитъ ли возиться...

— Спросите самого Селифантова,—замѣтилъ я.

— Ничего мнѣ вашего не надо и рублевъ я не возьму,— вдругъ гнѣвно произнесъ старикъ,—съ голоду подохну, а не возьму... Я самъ штрафы платилъ и не кланялся!.. Отказываюсь!

Еще нѣсколько минутъ и мировой судья объявилъ,—увы!— оправдательный приговоръ директору...

Мы вышли на улицу.

Я разсказалъ Селифантову, что дѣло можно дальше передать и въ съѣздѣ навѣрно выиграть. .

— Не надо,—отвѣтилъ онъ рѣшительно,—плюнемъ на него! Спасибо вамъ... Видѣлъ, какъ старались... Э-эхъ, и судья! Ѣздилъ я, знаете, одно время на слѣпой кобылѣ, ничего она не видѣла, глядишь, бывало, въ оба, чтобъ не наскочила... Черное ей бѣлымъ казалось, а яма гладкой дорогой... Слушалъ я этого самаго судью и о кобылѣ своей вспомнилъ... Очень мнѣ досадно стало!.. Нѣтъ, уйду я отъ заводовъ подальше, снова въ извозчики наймусь, тамъ лучше...

Я кончилъ о Селифантовѣ, но мнѣ хочется сказать еще два слова о мировыхъ судьяхъ. Когда я покидалъ университетъ и мечталъ объ адвокатурѣ, я очень идеализировалъ ихъ. Мнѣ казалось, что *выборные судьи* должны быть превосходны, что коронные, наоборотъ,—безжалостные и сухіе формалисты... Практика сказала иное. Размышляя только теоретически, я забывалъ о томъ, кто избираетъ этихъ „выборныхъ“ судей? А избирателями ихъ является не все общество, а „городскіе избиратели“— трактирщики, купцы, домовладѣльцы... Въ то время, какъ коронные судьи—исключительно образованные юристы, въ мировые— сплошь и рядомъ попадаютъ разные корнеты, разные командиры, отставные педагоги, неудачники врачи или юристы изъ самой закорузлой купеческой и мѣщанской среды... И въ область вели-

кихъ судебныхъ уставовъ, въ область равенства всѣхъ передъ закономъ они вносятъ грозный окрикъ, юнкерскую команду или педагогическія, тошнотворныя сентенціи... Коронный судъ (я говорю объ Окружномъ и палатѣ, ибо ихъ лишь и знаю) неизмѣримо выше. И только у немногихъ мировыхъ судей я видѣлъ такое же участливое отношеніе и къ простому люду, какое такъ обычно здѣсь, почему-то особенно въ гражданскихъ отдѣленіяхъ.

IX.

Линкусъ.

Приходитъ рабочій. Высокій, плечистый. Выговоръ крестьянина Виленской губерніи. Волосы короткіе, отчего вся голова производитъ впечатлѣніе лысой. Онъ сіяетъ, на лицѣ удовольствіе и блаженство, ротъ расплылся улыбкой и показываетъ бѣлые зубы.

— Ну что?

— А вотъ и я къ вамъ пришелъ, прямо изъ тюрьмы...

— Какъ такъ?

— За кражу сидѣлъ, а теперь пришелъ по своему дѣлу.

— По какому?

— Увѣчье руки...

— А кража при чемъ?

— Это такъ, къ слову... Видите ли, я работалъ на цементномъ заводѣ; станокъ былъ неисправенъ, все давалъ оборотъ назадъ; я заявлялъ. Говорятъ — работай. Я и работалъ, пока ремнемъ руку затянуло и пальцы оторвало. Я поправился, пришелъ изъ больницы на заводъ, прошу штрафное пособіе. Мнѣ отказали... Работай, видите ли... Хоть я и не принадлежу къ партіи людей, называющихся ворами, а стало обидно. Вотъ я тотъ самый ремень, что меня изувѣчилъ, на куски тихонько изрѣзалъ и унесъ. Пошелъ продавать сапожникамъ на подметки, меня и накрыли. Три мѣсяца отъ стѣны до стѣны пробѣгалъ. Нельзя ли теперь что-нибудь съ заводомъ сдѣлать за увѣчье?

— Можно.

— А кража не помѣшаетъ?

— Нѣтъ. Свидѣтели есть?

— Сколько угодно...

Я написалъ прошеніе къ мировому судьѣ, прося выдать удостовѣреніе о бѣдности, и разсказалъ рабочему, какъ дѣйствовать. Беззаботный Линкусъ поднялся и уже собрался выйти, какъ вдругъ, весело улыбаясь, остановился.

— Ахъ да, нельзя ли мнѣ вашу карточку съ адрескомъ?

— Для чего?—вѣдь у васъ мой адресъ есть.

— Меня знакомецъ просилъ. Мы съ нимъ разомъ сидѣли,

разомъ и вышли.—Когда, говоритъ, разыщешь хорошаго адвоката, попроси адресокъ для меня, можетъ понадобится: попадусь въ кражѣ, тогда буду просить въ защитники. Позволите ему обратиться?

— Онъ—что-же, изъ партіи людей, называемыхъ ворами?

— Изъ самыхъ настоящихъ.

— Тогда нельзя. Вы ему лучше посовѣтуйте найти работу и заняться честнымъ трудомъ.

— Это какъ угодно.

Прошло нѣсколько дней, и Линкусъ снова появился у меня въ пріемной, на этотъ разъ въ сопровожденіи прилично одѣтаго господина, съ какими-то хитро прищуренными острыми глазками. Они вошли разомъ въ кабинетъ. Линкусъ, попрежнему весело улыбающійся, сообщилъ, что удостовѣреніе получитъ на-дняхъ.

— А вотъ это,—заявилъ онъ,—къ вамъ насчетъ мѣста. Тотъ самый землячекъ, что я вамъ разсказывалъ. Вотъ уже пять мѣсяцевъ безъ работы...

— И безъ опредѣленныхъ занятій,—добавилъ товарищъ Линкуса,—могутъ изъ столицы выслать. Нельзя ли на какую-нибудь работишку?...

— Чѣмъ-же вы раньше были?

— Сначала нѣмой скрипкой...

— Чѣмъ?

— На купеческихъ вечерахъ для видимости большого оркестра нѣмой скрипкой сидѣлъ, смычкомъ въ воздухѣ выводилъ... а потомъ клоуномъ въ циркѣ Соломонскаго служилъ.

— За что же вы въ тюрьму попали?

— За присвоеніе чужой собственности...

— Какимъ образомъ?

— При посредствѣ фокусовъ... Съ перваго раза такъ... У насъ въ городскомъ театрѣ давался спектакль фокусника. Я съ пріятелемъ сѣлъ во второмъ ряду. Фокусникъ показывалъ, какъ вещи незамѣтно летаютъ. Вотъ я сижу и вдругъ чувствую въ своемъ заднемъ пустомъ карманѣ сюртука чью-то руку... Конечно, понялъ, самъ этими дѣлами занимался, да думаю, дай потѣшусь и притворился, что не замѣчаю. Рука изъ кармана исчезла. Тутъ и антрактъ объявили. Я полѣзъ рукою въ карманъ и нашелъ въ немъ двадцатипяти рублевый билетъ. Я смекнулъ, въ чемъ дѣло, позвалъ пріятеля въ буфетъ, и мы хорошо кутнули. Позвонили. Фокусникъ торжественно вышелъ на сцену, показалъ, какъ ѣстъ горящую вату, а потомъ помахалъ въ воздухѣ 25-ти рублевымъ билетомъ, сталъ въ позу и, свистнувъ въ кулакъ, заявилъ, указывая на меня, что у господина, сидящаго во второмъ ряду, въ заднемъ карманѣ сюртука тѣ самые 25 рублей, которые онъ сейчасъ показывалъ публикѣ. Я поднялся съ мѣста, сталъ въ позу фокусника и, свистнувъ на его манеръ въ кулакъ,

сказалъ: ну, а теперь изъ этихъ денегъ 9 рублей 80 копѣекъ уже въ буфетѣ, 15 рублей утонули у меня въ кошелькѣ, а въ карманѣ осталось только 20 копѣекъ... И я торжественно, съ жестами фокусника, показывая публикѣ руки и карманъ, вынулъ изъ него 20 копѣекъ и замахалъ ими въ воздухѣ... Всѣ мнѣ стали апплодировать... Только плохо вышло: съ этого началось. Я самъ въ чужихъ карманахъ сталъ фокусничать. Такъ и пропала моя карьера... Кого угодно умѣлъ обойти. Вотъ какъ этого деревенскаго болвана,—клоунъ показалъ на просіявшаго отъ удовольствія Линкуса.—Лучше всего у меня обращенія съ публикой выходили.—Господа, я утверждаю, что ни одна дама не любитъ своего мужа!.. Кто любитъ, встаньте!—Никто не встаетъ, и я заявляю, что выигралъ пари. Публика реветъ отъ хохоту, а самъ директоръ за кулисами меня хвалитъ. А то обращусь къ кому-нибудь.—Кто былъ первый человѣкъ въ мірѣ?—Адамъ!—Это старо. Вотъ я шелъ по Гороховой и на углу Казанской видѣлъ вывѣску: магазинъ Адамъ, бывшій Канъ. Канъ, значитъ, и былъ первымъ человѣкомъ. А то приведу душъ десять послѣднихъ оборванцевъ съ рынка и прыгаю черезъ нихъ...—Господа, знаете ли вы, откуда у меня всѣ эти люди?—Изъ гостинаго двора приказчики. И всѣ довольны,—нетребовательны. Покажи только ноготь пальца, вотъ какъ этой шляпѣ,—клоунъ ткнулъ въ голову Линкуса,—а онъ уже и рыгочетъ... Нельзя ли порекомендовать меня на какое-нибудь мѣстечко?

Я заявилъ, что рѣшительно не могу помочь ему по его профессіи, и что онъ еще первый встрѣченный мною клоунъ.

— Ну, идемъ, — сказалъ онъ Линкусу, и Линкусъ, весело сіяющій, довольный побрелъ за нимъ.

Я сталъ вести дѣло Линкуса; послѣ допроса свидѣтелей, была назначена медицинская экспертиза. Я написалъ ему объ этомъ, но мнѣ вернули письмо (благодаря моему адресу на конвертѣ) съ надписью о томъ, что Линкусъ выбылъ изъ города. Я послалъ письмо съ оплаченнымъ отвѣтомъ. Тоже. Такъ экспертиза и не состоялась, и куда пропалъ мой легкомысленный, веселый кліентъ, я не узналъ, не смотря на всѣ поиски.

X.

Оборотень.

Былъ „среди насъ“ одинъ адвокатъ—оборотень. Сегодня онъ съ яростью большого мальчика нападалъ „отъ заводовъ“ или страховыхъ обществъ на увѣчныхъ рабочихъ, завтра—съ кротостью и нѣжностью маленькой дѣвочки лилъ передъ судомъ за нихъ слезы... Сегодня онъ готовъ былъ плакать на груди суда, повѣствуя, какъ печальна доля рабочаго-калѣки безъ одного лишь

указательнаго пальца, завтра онъ доказывалъ, что и съ двумя пальцами на рукѣ фабричный можетъ прожить, а трудиться, при добромъ желаніи, сумѣетъ не хуже, чѣмъ раньше.—„Вѣдь живутъ-же слѣпые, нѣтъ у нихъ глазъ, за то развивается осязаніе и до такой степени, которая намъ зрячимъ неизвѣстна... Мы вонъ двумя пальцами ничего сдѣлать не можемъ, а есть художники, которые и ногами рисуютъ. Не слѣдуетъ только унывать“...

Однажды онъ „увлекся“. И тогда предсѣдатель суда, сдержанный, спокойный человѣкъ вдругъ не выдержалъ, заерзалъ на мѣстѣ, громко ахнулъ и воскликнулъ: „Послушайте, господинъ повѣренный, неужели вы хотите доказать, что Богъ сдѣлалъ ошибку, создавъ человѣка съ пятью пальцами? Нѣтъ, ужъ оставьте религію въ покоѣ“!

Но за то онъ умѣлъ и защищать, конечно, если самъ выступалъ отъ рабочаго. Впрочемъ, однажды онъ выступилъ „защитникомъ“ и въ чужомъ дѣлѣ...

Онъ зналъ психологію суда!

Помню день, когда пришелъ ко мнѣ Василій Ивановъ. Его привелъ за руку старый рабочій. Они тихо сѣли. Василій молчалъ; изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ его текли слезы.

— Въ то время, какъ онъ лишился глазъ,—разсказывалъ старикъ,—я былъ пріемщикомъ и посейчасъ пріемщикомъ... Ему изъ машины, при обточкѣ вала, попала въ глазъ стружка, этакъ нулевой номеръ. У насъ даютъ очки—просто кусокъ проволочной сѣтки, по краямъ сукномъ обшитъ. Отъ нихъ въ глазахъ только рябитъ, никто не надѣваетъ, никому и не приказываютъ надѣвать... Когда случилось это преступленіе, онъ прибѣжалъ ко мнѣ. У него изъ глаза кровь капала. Я вижу, глазъ въ ненормальномъ состояніи... У меня есть стекло увеличительное. Иногда по 5—6 разъ въ день приходится мусоръ да стружки изъ глазъ вынимать. Когда бумажкой, а когда и спичкой... Открылъ я ему глазъ, а глазъ весь разсѣченъ. Доложилъ управляющему, его и свезли въ глазную лѣчебницу, въ городѣ. И оказалось, что отъ природы онъ на другой глазъ совсѣмъ не видитъ. Вотъ паренекъ и ослѣпъ, водить надо: такъ, какъ въ молокѣ, все ему кажется, узнать лица человѣческаго не можетъ. Мы съ нимъ въ одной казармѣ жили... Жалко мнѣ его стало, я его къ вамъ и привелъ. Теперь—не читать ему больше... Онъ изъ старовѣровъ... На деревнѣ Василій все хотѣлъ грамотѣ учиться, такъ отецъ въ школу православную не пускалъ. Я тебѣ, говоритъ, по писанію, по старинному письму самъ покажу. Время и прошло. А ему все-жъ хочется про небо узнать, про звѣзды, про деревья, какъ растутъ, какъ человѣкъ ногами ходитъ... Пріѣхалъ въ деревню отъ насъ одинъ землячекъ и разсказалъ ему—въ городѣ, молъ, воскресная школа есть: просись у отца на заработки, теперь не поздно

еще за грамоту браться, и старики учатся. Онъ и пріѣхалъ. Поступилъ и, какъ вы думаете, въ два мѣсяца вполнѣ читать научился. Все съ книжками сидѣлъ... Вы на него теперь не смотрите, что онъ такъ молчитъ и не движется—слова клещами не вытащишь, это его паровымъ молотомъ пришибло... Ну, говори, Вася!

Василій молчалъ, а изъ глазъ его попрежнему текли слезы...

Я взялся за искъ Иванова, уговорилъ старика принять его на содержаніе, и дѣло пошло своимъ чередомъ: свидѣтельство о бѣдности, допросъ свидѣтелей, экспертиза и т. д.

По этому-то дѣлу и выступилъ въ качествѣ „противной" стороны Оборотень.

Осмотрѣвъ Иванова, экспертъ призналъ его полнымъ калѣкой, но далъ уклончивое заключеніе: если-бы очки, хотя и сѣтчатые, были надѣты, то увѣчья не случилось-бы. Но сѣтчатые очки—мало-годный типъ охранительныхъ очковъ; они—незамѣнимы тѣмъ, что не потѣютъ, хотя отъ нихъ рябитъ въ глазахъ и сколько-нибудь мелкая работа затруднительна. Стеклянные очки въ послѣднемъ отношеніи много лучше, но они тяжелы, потѣютъ, почему также мало годны тамъ, гдѣ въ мастерской мѣняется температура; въ механическихъ-же заводахъ неизбѣжна эта перемѣна, такъ какъ приходится имѣть дѣло и съ раскаленнымъ, и съ холоднымъ желѣзомъ; къ сѣтчатымъ очкамъ нужно себя пріучить, тогда и работать безопасно возможно; вообще-же идеальныхъ очковъ нѣтъ и трудно требовать, чтобъ вопросъ о качествахъ ихъ рѣшалъ самъ фабрикантъ, когда даже наука не можетъ сдѣлать выбора среди нихъ.

Я видѣлъ, что судъ, по его отношенію къ дѣлу, долженъ присудить Иванову. Не легко судьямъ отказать въ искѣ ослѣпшему при работѣ, отказать полному калѣкѣ въ кускѣ хлѣба, когда самое несчастіе было неизбѣжно, благодаря одному факту существованія завода, того завода, который не могъ дать идеальныхъ, а слѣдовательно, обязательныхъ очковъ! Какъ выбросить такого рабочаго на улицу или на шею и безъ того бѣднаго сельскаго общества!

Когда наступилъ „рѣшительный моментъ", послѣднее засѣданіе „по существу", мой противникъ вдругъ подалъ суду квитанцію казначейства о взносѣ имъ на имя Иванова 200 рублей и заявленіе, что его довѣритель, руководствуясь исключительно чувствомъ благотворительности и жалости къ Иванову, ослѣпшему по собственной неосторожности, такъ какъ онъ игнорировалъ выданные ему очки, а также отнюдь не ощущая за собою никакой вины, рѣшилъ обезпечить Иванова, внеся для него 200 рублей, которые Ивановъ и можетъ всегда получить.

Впечатлѣніе отъ заявленія съ квитанціей было ошеломляющее!.. Членъ докладчикъ наклонился къ предсѣдательствующему

и началъ умиленно шептать. Предсѣдатель закивалъ головой... —Въ деревнѣ обезпеченъ—донеслось до меня!

Я почувствовалъ, что дѣло проиграно. Настроеніе суда всегда замѣтно. Было ясно, что у судей исчезло всякое чувство жалости къ Иванову, а при безконечномъ просторѣ толкованія 684 *) статьи законовъ гражданскихъ, на основаніи которой, обыкновенно, рѣшаются увѣчныя дѣла, это чувство неизбѣжно руководитъ судомъ. А размыслить, что могли дать Василію двѣсти рублей? Поводыря въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, не болѣе... Хорошее обезпеченіе!

Между тѣмъ, мой противникъ, бывшій сегодня такимъ добрымъ „врагомъ", началъ увѣрять судъ, что ему самому жаль несчастнаго Иванова, какъ жаль и своего довѣрителя, котораго нельзя-же обижать...

— И почему Ивановъ,—кипятился противникъ,—которому были даны очки, не надѣвалъ ихъ, не пріучилъ себя къ нимъ? Не нянька-же заводъ! Вѣдь ходятъ дамы въ вуаляхъ и у нихъ не рябитъ въ глазахъ?! Но... вуаль изъ проволоки почему-то рябитъ простому, неизбалованному рабочему...

Говоря это, Оборотень забывалъ, что всего лишь нѣсколько дней тому назадъ, будучи „другомъ бѣдноты" и защищая по такому-же дѣлу увѣчнаго, онъ самъ доказывалъ, что тонкая, легкая нитка вуали не есть желѣзная проволока грубой сѣтки, да и дамы гуляютъ на воздухѣ часъ-другой, глядя на небо и кавалеровъ, а рабочіе должны трудиться, обливаясь потомъ, въ темныхъ мастерскихъ со спертымъ воздухомъ въ теченіе одиннадцати часовъ, возясь и съ мелкими кусочками стали... Я случайно слышалъ эту удачную защиту.

И возражая, я повторилъ слова скромнаго друга (увы, онъ даже не моргнулъ), развилъ и другіе доводы.

Судьи вышли и скоро вынесли рѣшеніе; въ искѣ отказать.

Такъ за 200 рублей мой противникъ провалилъ искъ о 180 рубляхъ въ годъ до конца жизни Иванова...

Но разсчетъ „доброты" оказался невѣренъ. Я взялъ изъ казначейства 200 р., передалъ ихъ Василію и подалъ въ Судебную Палату апелляціонную жалобу. Теперь Ивановъ могъ заплатить долги и даже подѣлиться съ пріемщикомъ.

Въ своей жалобѣ, съ согласія Иванова, я писалъ, что прошу зачесть въ слѣдуемую Иванову сумму полученные имъ 200 руб-

---

*) Ст. 684-я X т. ч. I Св. зак. гласитъ: «Всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненые кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона, или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить».

лей, такъ какъ ему милостыни не нужно, и ходатайствовалъ о вызовѣ новаго эксперта, въ виду неясности заключенія перваго.

Палата уважила ходатайство, вызвала экспертомъ профессора по глазнымъ болѣзнямъ, который призналъ проволочные очки не только никуда негодными, но прямо вредными, а нежеланіе рабочихъ надѣвать ихъ безусловно законнымъ, тѣмъ болѣе, что существуютъ хорошіе стеклянные подъ наклономъ, которые заводъ и долженъ былъ дать рабочимъ.

— Но у завода нѣтъ средствъ заставить рабочихъ надѣвать и стеклянные,—замѣтилъ Оборотень.

— Платите тѣмъ, которые носятъ,большее жалованіе,—возразилъ профессоръ;—такъ какъ въ очкахъ труднѣе работать, и у васъ всѣ надѣнутъ ихъ, а глазныхъ увѣчій совсѣмъ не будетъ.

Теперь дѣло было выиграно; еще больной Ивановъ уѣхалъ въ деревню съ тѣмъ, чтобъ вернуться въ городъ и поступить въ школу для слѣпыхъ.

XI.

Загадочный кліентъ.

Почти къ каждому адвокату, доктору и т. д. на пріемъ приходятъ подъ видомъ кліентовъ воры и разные жулики съ цѣлью похитить одежду или что-нибудь другое. Такіе господа ко мнѣ, повидимому, не приходили, или, по крайней мѣрѣ, кражъ ни разу не совершили... Кліенты-же изъ привлеченныхъ уже воровъ бываютъ вполнѣ корректны. Но такіе, которые приходили съ явной цѣлью предварительно до кражъ посмотрѣть и полюбопытствовать, какъ я живу,—случались.

Однажды ко мнѣ на пріемъ пришелъ мастеровой; его лицо и руки были вымазаны сажей такъ-же, какъ и синяя рабочая блуза. На пріемъ ко мнѣ рабочіе въ такомъ видѣ никогда не приходили: они, очевидно, забѣгали раньше домой переодѣться въ пиджакъ (чаще двубортный, застегнутый на всѣ пуговицы), умывались, хоть наскоро, и уже тогда шли посовѣтоваться по своимъ дѣламъ. Но я не обратилъ-бы вниманія на его сажу и блузу, если бы не одна странность...

Съ самаго-же начала своей адвокатской работы я сталъ здороваться и прощаться за руку рѣшительно со всѣми кліентами. Подъ конецъ пріема рука моя дѣлалась совершенно грязной, а однажды на ней появился форменный лишай. Конечно, руку необходимо было усиленно отмывать, но за то посѣтители менѣе стѣснялись, держались проще, и потому даже отъ самыхъ застѣнчивыхъ или болѣе „деревенскихъ“ легче было добиться, чего они желаютъ. И вотъ, совершенно для себя неожиданно, я сдѣлалъ одно маленькое открытіе: у рабочихъ разныхъ фабрикъ и

заводовъ разно расположены на кисти руки мозоли, въ зависимости отъ производимой работы. У слесарей (отъ напильника и молотка) всегда очень грубыя мозоли у самаго края ладони (словно отъ гребли веслами), у ткачей (отъ метанія челнока)—на концахъ пальцевъ, у сборщиковъ механическихъ заводовъ—на концахъ пальцевъ и твердые на ладони и т. д. Уже черезъ годъ практики, здороваясь за руку съ рабочимъ, я могъ, во многихъ случаяхъ, не спрашивая, сказать, какой отраслью труда онъ занимается...

И что-же? Пожавъ руку пришедшему въ синей блузѣ рабочему, я, къ удивленію, замѣтилъ, что его рука такая-же мягкая, какъ моя, безъ всякихъ признаковъ какихъ-бы то ни было мозолей. По принятому порядку я усадилъ незнакомца, но рѣшилъ за нимъ наблюдать повнимательнѣе.

Усѣвшись поудобнѣе на стулъ, посѣтитель сообщилъ, отвѣчая на вопросы, что зовутъ его Василіемъ Буревымъ, живетъ тамъ-то, работаетъ уже 5 лѣтъ простымъ слесаремъ на механическомъ заводѣ Деколоновскаго Общества въ корабельной мастерской, номеръ-же его 456-й. Я записалъ все это...

— Ну-те, въ чемъ-же ваше дѣло?—спросилъ я.

— Можетъ быть, вы, господинъ повѣренный, не знаете того,—началъ Буревъ, вызывающе глядя на меня,—что у насъ лѣтомъ была стачка (простые рабочіе всегда говорятъ: „бунтъ“ и никогда—„стачка“), послѣ этого администрація для того, чтобъ на заводъ не проносили листковъ, приказала сторожамъ у воротъ (рабочіе ихъ называютъ—„хожалыми“), осматривая рабочихъ при выходѣ, не только щупать карманы, нѣтъ-ли украденныхъ вещей, но, если замѣтятъ какую-нибудь бумагу, книгу, письма,—немедля представлять ихъ по начальству. Кромѣ того, на заводѣ вездѣ расклеили объявленія, что, дескать, послѣднее время у насъ появились подпольные соціалисты, съ которыми необходимо бороться, а лучшее средство къ тому смотрѣть всѣхъ рабочихъ и представлять найденныя бумаги по начальству, которое сумѣетъ ихъ разобрать. Во избѣжаніе-же безпокойства благонадежнымъ рабочимъ нечего таскать на заводы бумаги... У меня и произошелъ два дня назадъ нѣкоторый скандалъ... Выхожу я и держу въ рукѣ номеръ „Нивы“ (Буревъ вдругъ выразительно подмигнулъ мнѣ и усмѣхнулся—понимай, молъ, нашихъ)... Сторожъ ко мнѣ,—что несешь?—Номеръ „Нивы“—на, пощупай, что ничего нѣтъ въ бумагѣ. Онъ хватилъ, хотѣлъ вырвать, я не далъ и выбѣжалъ съ завода... На другой день меня разсчитали... (Странно,—подумалъ я—почему-же онъ и сегодня весь вымазанъ?) Нельзя-ли сочинить дѣло?—спросилъ Буревъ,—предъявить какой-нибудь искъ, чтобъ бумагъ не искали, да чтобъ подорвать администрацію съ ея объявленіемъ?...

— Значитъ, вы уже эти два дня не работаете?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Я внушительно объяснилъ Буреву, что, будучи адвокатомъ, отнюдь не преслѣдую никакихъ цѣлей, кромѣ правосудія и законности, дѣлъ не сочиняю и сочинять не намѣренъ, если же искъ кажется мнѣ правильнымъ и законнымъ, то предъявляю его. О дѣлѣ Бурева я отказываюсь сказать что-нибудь, пока онъ не принесетъ копію объявленія, такъ какъ только по нему я могъ-бы судить о законности самого объявленія и согласны-ли дѣйствія завода со 105 статьей устава о промышленности... Мнѣ хотѣлось выяснить личность Бурева.

Когда таинственный незнакомецъ ушелъ, я обратился къ кліентамъ-рабочимъ того-же завода за справками о немъ, написалъ въ адресный столъ. Оказалось, что такого Бурева и объявленій, о которыхъ онъ разсказывалъ, никогда и нигдѣ не было.

Онъ-же ко мнѣ больше не пришелъ и у меня никакой кражи не совершилъ.

XII.

Въ калейдоскопъ.

Съ какими только дѣлами не приходятъ на пріемъ?! Тутъ и слезы, и смѣхъ, и горе, и радость... Когда теперь я оглядываюсь на всю эту вереницу людей, ищущихъ своего права, правды, справедливости—то старыхъ, то молодыхъ, то мужчинъ, то женщинъ, то сильныхъ, мускулистыхъ, то больныхъ и хилыхъ,—мнѣ кажется, что я гляжу въ калейдоскопъ русской жизни...

Конечно, у рабочихъ есть дѣла спеціально рабочія, по самому своему характеру присущія только имъ (увѣчныя, разсчетныя, стачки и нѣкоторые виды паспортныхъ), но и рабочимъ, не смотря на суженность будничныхъ интересовъ, свойственны всевозможные интересы—и любовь, и честь, и борьба за существованіе... И со всѣми этими интересами они идутъ къ адвокату. Спрашиваютъ иногда о такомъ, что болѣе чѣмъ не имѣетъ отношенія къ адвокатурѣ...

— Не можете-ли вы, господинъ повѣренный, порекомендовать хорошую акушерку: моя жена на сносяхъ.

— Къ сожалѣнію, не знаю. У васъ еще что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего... Я собственно за этимъ.

— Хотите я укажу вамъ просто по адресной книгѣ, какія поближе?

Я дѣлаю выписку, и онъ уходитъ съ горячей благодарностью.

Ткачиха Васильева убита горемъ: дворникъ дома, Иванъ, „зря“ обвиняетъ ее у мирового въ клеветѣ за то, что она гадала на картахъ подругѣ, кто укралъ ея вещи, и сказала, что по

картамъ выходитъ, будто укралъ именно дворникъ Иванъ. Она и сейчасъ убѣждена въ этомъ, такъ какъ вышелъ червонный валетъ, а Иванъ весь рыжій.

Я уговариваю ее повиниться передъ дворникомъ и попросить у него прощенія. Такой упрямой не только ткачихи, но и вообще женщины я не встрѣчалъ!

Около меня сидитъ молодой рабочій—Ардашевъ. Онъ пришелъ на костыляхъ. Правая нога парня отрѣзана до колѣна и обмотана бѣлой, еще совершенно свѣжей марлей.

Три мѣсяца назадъ Ардашевъ пріѣхалъ впервые изъ деревни въ городъ и сразу-же поступилъ на электрическій заводъ чернорабочимъ. Въ первый же день работы ему вмѣстѣ съ другими товарищами пришлось перетаскивать въ мастерской на валькахъ чугунную колонну, вѣсившую около 500 пудовъ. Ее тащили за привязанные канаты. Команды никакой не было, дубинушки не пѣли, стоялъ шумъ, гамъ, трудно было что-нибудь разобрать... Оказалось, что колонну неправильно подкатили: валикъ не попалъ въ пролетъ дверей и зацѣпилъ за косякъ. Кто-то крикнулъ—назадъ! Десятки рукъ схватились за колонну и дернули ее обратно. Ардашевъ ничего не разслышалъ и остановился около колонны. Валикъ накатился на его ногу!.. Ардашевъ упалъ. Пятисотпудовая колонна проѣхала по его ногѣ, раздробила на ней кости. И теперь, когда онъ разсказываетъ объ этой великой бѣдѣ, лицо его все передергивается, глаза красны отъ слезъ...

— За 80 копѣекъ ногу отдалъ,—говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ,—одинъ только день проработалъ, а ноги нѣтъ. Предлагали мнѣ копать огородъ, 60 копѣекъ тоже поденно давали, а на заводѣ 80 можно взять... Думаю,—коня намъ надо купить, на заводѣ скорѣе... За 20 копѣекъ ногу свою я продалъ, пущай-бы на огородъ не предлагали!.. Ходилъ сегодня на заводъ... Ничего мы тебѣ не дадимъ, отвѣчаютъ, ты команды не слушалъ, самъ виноватъ, и передъ нами ничѣмъ не заслужилъ—всего одинъ день работалъ... И какъ подумаю я, баринъ, что свою ногу я за 20 копѣекъ продалъ, такъ мнѣ тошно, холодно станетъ... Двадцать копѣекъ!.. За двадцать копѣекъ я у барина-помѣщика загонъ за полъ-дня поправилъ, за двадцать копѣекъ къ батюшкѣ учительку возилъ... А за всѣ восемьдесятъ на вокзалъ ѣздилъ—выѣдешь засвѣтло, а къ обѣду вернешься... за восемьдесятъ копѣекъ...

И онъ вспоминаетъ, когда и какъ онъ зарабатывалъ 80 копѣекъ, не теряя ноги.—Восемьдесятъ копѣекъ... восемьдесятъ...—задумавшись, тихо твердитъ онъ и вздрагиваетъ, задѣвъ рукой бѣлую марлю.

Приходитъ молодая швея.

— Моя бабушка составила на меня духовное завѣщаніе; мнѣ

нужны деньги. Нельзя-ли утвердиться въ правахъ наслѣдства... Вотъ и духовная.

Я разсматриваю завѣщаніе и нахожу его правильнымъ: оно на цѣломъ листѣ, подписи свидѣтелей, переписчика и рукоприкладчика въ порядкѣ...

— Можно,—говорю я увѣренно,—а метрическая выпись о смерти у васъ уже есть?

— Не понимаю.

— Ну, такъ давно умерла ваша бабушка?

— Что-о вы?! Нѣтъ, она еще слава Богу жива!

Предо мной молодой рабочій. Лицо очень интеллигентное руки корявыя, въ мозоляхъ.

— Я дворянинъ, нельзя ли мнѣ перейти въ другое званіе, пониже?—заявляетъ онъ рѣшительно.

— Вы шутите?—недоумѣваю я,—вѣдь такъ вамъ удобнѣе, и съ паспортомъ никакихъ безпокойствъ.

— Да, но за то я прикованъ къ Лимбергскому заводу. Попалъ на него три года назадъ, работаю хуже вола, а плату все не хотятъ прибавить. Не на что одежду справить. Пробовалъ перемѣнить заводъ,—взять новое мѣсто,—никакъ невозможно. Куда ни приду: „вы, должно быть, студентъ“? —спрашиваютъ. Никакъ нѣтъ,—отвѣчаю.—„Ну, все равно, идите съ Богомъ, намъ такихъ не надо“. Позвольте,—говорю,—вѣдь я уже три года на Лимбергскомъ заводѣ работаю. „Ну это ихъ дѣло. Значитъ пропустили, раньше и у насъ можно было, а теперь бунты пошли... Нельзя“... А то придешь иной разъ... Совсѣмъ уже готовы принять... „Какъ ваше званіе“?—Дворянинъ такой-то.—„Полякъ“?—Нѣтъ,—говорю,—русскій. „Ну, русскаго дворянина намъ не надо, У васъ должно быть въ карманахъ книжки, можете по грамотѣ идти“... Чѣмъ же я виноватъ, что у насъ въ деревнѣ много мужиковъ-дворянъ... Посовѣтуйте мнѣ, баринъ, какъ бы отъ дворянства избавиться, а то никакой карьеры нѣтъ... Самъ я неграмотенъ... Бѣда и только... Дворянство это только мнѣ всякую ваканцію перебиваетъ...

Приходятъ два мальчика, на видъ лѣтъ 14-ти, исхудалые, блѣдные, съ синяками подъ глазами. Оба они все поглядываютъ другъ на друга. Наконецъ, меньшій изъ нихъ начинаетъ разсказывать, и я узнаю слѣдующее:

На одной изъ главныхъ улицъ города недавно открылся новый „Американскій Магазинъ“ г. Цяпкина. На магазинѣ самая длинная въ городѣ вывѣска, съ крупными золотыми буквами. Магазинъ блестящій; въ немъ роскошный выборъ вещей; самъ хозяинъ—привѣтливъ и ласковъ; въ окнахъ магазина, съ большими зеркальными стеклами, по ночамъ обворожительно горятъ двѣ красныя печи; но, подъ всѣмъ этимъ блескомъ, въ темномъ подвальномъ помѣщеніи, два маленькія, мутныя окна котораго

едва замѣтны проходящимъ мимо красныхъ печей, находится механическая мастерская того-же владѣльца г. Цяпкина.

Въ мастерской съ нависшимъ потолкомъ, болѣе всего похожей на склепъ, работаютъ 7 человѣкъ: одинъ мастеръ и шесть учениковъ-мальчиковъ. Рабочій день начинается отъ 6 часовъ утра и тянется до 7 часовъ вечера. Въ теченіе этого времени на обѣдъ дается одинъ часъ, а на завтракъ—полчаса. Ѣдятъ тутъ-же. Въ помѣщеніи вентиляціи никакой, открывать же форточку г. Цяпкинъ не позволяетъ, говоря: „настудите мастерскую, а потомъ дрова будете жечь“! За малѣйшую оплошность они подвергаются побоямъ, какъ самого хозяина, спускающагося время отъ времени изъ своего блестящаго „Американскаго магазина“ въ мрачное подземелье и здѣсь „перемѣняющагося“, такъ и отъ подмастерья, полагающаго, что шесть битыхъ стоютъ 36-ти небитыхъ. Дѣти не знаютъ отдыха и въ воскресенье: въ этотъ день рано утромъ они выходятъ изъ подвала (тутъ они остаются ночевать въ субботу) въ чарующій магазинъ, увы!—не для того, чтобъ насладиться его зрѣлищемъ, а чтобъ натереть своевременно паркеты, приготовивъ ихъ до 12 часовъ. Послѣ 12-ти часовъ ребята переходятъ изъ магазина... въ комнаты г. Цяпкина натирать и въ нихъ полы. Мальчики работаютъ безплатно. Но, если на лампѣ лопается стекло, г. Цяпкинъ заставляетъ мальчика, зажегшаго лампу, купить стекло „на свои деньги“. И мальчики плачутъ, вынимая послѣдній пятакъ.

Впрочемъ, однажды г. Цяпкинъ самъ заплатилъ за разбитое мальчикомъ стекло. „Сашка, дай лампу“! — раздался грозный голосъ хозяина въ коридорѣ, ведущемъ въ подвалъ. Ученикъ кинулся искать лампу. Она стояла около него, а онъ не замѣчалъ ея. Наконецъ, мальчикъ схватилъ лампу, зажегъ ее и подалъ хозяину. Медленность Сашки возмутила г. Цяпкина. Онъ размахнулся и ударилъ со всей силы своего ученика.

Голова Сашки попала на стекло лампы и вмѣстѣ со стекломъ шарахнулась о стѣну. На головѣ выступила гуля, стекло не выдержало и разлетѣлось въ дребезги. На этотъ разъ г. Цяпкинъ не сказалъ ни слова о стеклѣ.

Въ наукѣ г. Цяпкина мальчики находятся въ теченіе отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ. Для того, чтобы придти съ фабричной слободы (они живутъ у родителей) на работу, мальчики должны встать въ 5 часовъ утра. По окончаніи работы, въ 7 часовъ вечера, они обязаны убрать мастерскую, на что уходитъ не менѣе $^1/_2$ часа. Для того же, чтобъ добраться домой, имъ нужно потратить около часа. Итого они заняты съ 5-ти часовъ утра до половины девятаго, или $15^1/_2$ часовъ! За это время мальчики не ѣдятъ горячей пищи, довольствуясь селедкой, обрѣзками колбасы, чаемъ въ прикуску и хлѣбомъ. Даже простой каши они никогда не видятъ.

И вотъ теперь Сашка, подъ вліяніемъ меньшого Петра, рѣшилъ наказать г. Цяпкина.—Пусть отецъ меня выпоретъ—говоритъ Сашка,—а на судъ подавайте.

— Не бойся, Сашка,—замѣчаетъ меньшой,—онъ тебя не запоретъ, съ тобой, что ни дѣлай, ничего не станется: ты луженый... Этакъ его махнулъ о стѣну, и голова не разлетѣлась! Вѣдь правда, господинъ,—обращается онъ уже ко мнѣ,—мертвая рыба всегда плыветъ по водѣ, а живая идетъ противъ воды?

— Кто это вамъ сказалъ?

— Такъ, одинъ человѣкъ, замѣчательный, настоящій... Онъ всѣ заводы обошелъ, объѣхалъ весь свѣтъ, а теперь на якорѣ стоитъ: занимается половыми швабрами. Ты,—говоритъ ко мнѣ,—грязный носъ, не спи и котелкомъ своимъ работай, да поглядывай кругомъ... Онъ намъ и адресъ вашъ далъ.

— Не знаю я такого...

— А онъ и другимъ вашъ адресъ указываетъ... Гдѣ только говоритъ, хоть какой пожаръ въ бочкѣ съ водой займется, тутъ я его адресокъ и сую.

Я берусь за дѣло Сашки и рѣшаю сходить къ его отцу, такъ какъ самъ Сашка дѣла возбудить не можетъ, да нужно и договоръ объ ученичествѣ прекратить...

— Видишь, Сашка,—шепчетъ, просіявъ, меньшой,—твое дѣло выгораетъ... Погоди, придетъ и мое время...

Сѣдой старикъ, въ очкахъ, молча садится на стулъ и степенно лѣзетъ рукою въ карманъ; онъ протягиваетъ мнѣ четвертушку исписанной бумаги и пронзительно смотритъ поверхъ очковъ.

И я читаю:

„Знаки повреждения Петра Иванова.

1886 года 11 октября Придавленъ посажирскимъ колесомъ къ Центры безымянной палецъ имею Знакъ,

1888 года 20 февраля Ушибленъ Гласъ Струшкой во время действія резала и отскочила,

1889 года 22 марта Грудь ушипъ объ Цупартъ и правое плече, Соскочилъ ключь съ гайки,

1890 года 17 декабря, Котили таварное колесо и накатили помяло Ступню и три пальца чуствую ужасную боль,

1892 году 16, іюня Билитенъ № 204. Получилъ Грыжу отъ тежелова подема и надорвался,

1892 года 7 августа, Полученъ Бандажъ отъ Доктора г-на Яковлева,

1898 года 26 августа Лопнули зубья въ Шестярнѣ и отскочилъ Зубъ Мне въ бокъ, у доктора неявлено,

1898 года 30 сентября, Съ Голдареи въ дыру наждачного тачила упалъ Медной кранъ весу 5 фунтовъ ударилъ въ правое плечо имею боль у доктора небыл Мастеру Заявлено,

1899 года Съ 23. Декабря имею Болшую Хроническую кашель

посие время и болшую Слабость Слепой глухой руки болятъ поесница подорвана многахъ болшая боль и голова круженія. Петръ Ивановъ".

— Двадцать лѣтъ служилъ въ вагонныхъ мастерскихъ,—говоритъ старикъ,—теперь отставленъ, неужели ничего нельзя?..

— Да, старикъ, знаковъ отличія много, словно подъ Шипкой побывалъ, а пенсіи не заслужилъ!..

Кочаловъ обвиняется въ кражѣ... Работалъ на казенномъ заводѣ много лѣтъ. Въ проклятый день принесъ съ собой на работу сороковку и нализался. Будучи совершенно пьянъ, укралъ на заводѣ 2 шрапнели (вродѣ ядра для пушки),—для чего, и самъ не знаетъ, и съ ними въ безчувственномъ состояніи упалъ за воротами завода. Городовой поднялъ его и составилъ протоколъ о шрапнеляхъ. Начальникъ мастерской говоритъ, что радъ за него похлопотать и даже ходилъ къ мировому судьѣ, но тотъ только руками машетъ: пьянство отъ наказанія не освобождаетъ. Все начальство мастерскихъ его жалѣетъ и говорятъ, что напрасно городовой не спросилъ ихъ прежде составленія протокола. Къ судьѣ онъ самъ и подойти боится: тотъ реветъ, какъ протодіаконъ: „помолчите", ничего не говоритъ и только пальцемъ показываетъ—вонъ уходи. Что теперь дѣлать, никто не знаетъ.

Я обѣщаю защищать Кочалова и пишу ему прошеніе о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля начальника мастерской...

XIII.

По первой статьѣ.

— По закону, по первой статьѣ!..—раздался громкій, хриплый окрикъ въ пріемной.

Я выпустилъ изъ кабинета кліентку и спросилъ, чья очередь.

Посреди комнаты, наполненной народомъ, стоялъ высокій, худой старикъ, съ сѣдой распущенной бородой, длинными, какъ у дьячка, космами мочалистыхъ волосъ, съ острыми, блестящими глазками въ глубокихъ орбитахъ; онъ былъ въ лѣтнемъ порыжѣломъ пальто, подпоясанномъ поверхъ выцвѣтшимъ краснымъ поясомъ. Увидѣвъ меня, старикъ развелъ руками и закричалъ:

— По закону, по первой статьѣ... Суди!

Всѣ сидѣли молча, глядя на него, и старикъ вошелъ ко мнѣ. Онъ усѣлся было на стулъ, но нервно вскочилъ. Послѣ длиннаго разговора я понялъ, въ чемъ его дѣло. Съ дѣтства онъ служилъ на ткацкой фабрикѣ Цыркина и лѣтъ 10 назадъ попалъ въ красильное отдѣленіе. Здѣсь мѣшаютъ краски и отъ нихъ идутъ ядовитые пары. У старика Семенова, благодаря имъ, сдѣлалась черная болѣзнь (падучая); теперь онъ сталъ падать часто и гдѣ попало. Разъ чуть не утонулъ посреди улицы, упавъ лицомъ въ

отъ ему и дали разсчетъ, а онъ заявилъ мировому искъ

„на лѣченіе, за года и за болѣзнь 300 рублей". Уже судъ былъ. Отъ фабрики никто не вышелъ, и судья присудилъ ему всѣ 300 рублей; но фабрика подъѣхала къ судьѣ—подала бумагу и судья снова будетъ разсматривать дѣло. Когда у судьи разбиралось дѣло, судья сказалъ: подавай доказательства; онъ отвѣтилъ: „по закону, по первой статьѣ суди"—и судья присудилъ.

— Нельзя ли теперь въ Синодъ дѣло передать?—спросилъ, наконецъ, старикъ, пронизывая меня испытующимъ взглядомъ.

Я отвѣтилъ, что никакъ нельзя, и пожелалъ узнать, нѣтъ ли съ нимъ какихъ бумагъ. Но у него ничего не было. Мы условились, что я поѣду къ судьѣ и посмотрю дѣло; тогда и порѣшимъ, какъ дѣйствовать.

Мировой судья былъ добрый, честный человѣкъ. Когда я попросилъ у него разрѣшенія посмотрѣть дѣло, онъ сдѣлалъ перерывъ и вышелъ въ канцелярію.

— А, старикъ-таки къ вамъ попалъ,—обратился онъ ко мнѣ,—вотъ и прекрасно: вѣдь я все боялся, что онъ во время разбора устроитъ скандалъ. Жаль мнѣ его, но онъ никакихъ доказательствъ не представилъ, да и не можетъ представить. Тогда онъ все твердилъ свое: „суди по закону, по первой статьѣ". Я и присудилъ ему по „первой" статьѣ (судья усмѣхнулся), но рѣшеніе было заочное: думалъ, можетъ, согласятся, а теперь поданъ отзывъ, и я въ искѣ долженъ буду отказать. Ну, посмотрите, нельзя ли что сдѣлать.

Я внимательно разсмотрѣлъ тощее дѣло Семенова и убѣдился, что оно стоитъ отвратительно; заочное рѣшеніе судьи ссылалось единственно на голословное заявленіе истца.

На вопросъ Семенову, сколько онъ израсходовалъ на лѣченіе, я получилъ мрачный отвѣтъ:

— Ничего.

Въ разсчетной книжкѣ его не было никакихъ правилъ о выдачѣ пособія „за года", и съ этой стороны искъ тоже являлся явно „неосновательнымъ". Оставалось одно—искъ за болѣзнь. Хотя Семеновъ утверждалъ, будто у него „увѣчье" отъ фабрики, но мнѣ казалось, что между падучей и ядовитыми газами не можетъ быть причинной связи. И я не зналъ, что дѣлать. Но, еще со студенчества, мнѣ посчастливилось познакомиться съ однимъ старымъ профессоромъ медицинской академіи, чуднымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, бросившимъ кафедру, чтобъ уступить ее „болѣе молодымъ силамъ". Къ нему я обращался, когда встрѣчалъ затрудненіе въ опредѣленіи увѣчья рабочихъ, и онъ съ сердечностью молодого юноши осматривалъ ихъ, отрываясь отъ своихъ книгъ и журнальной работы. Къ нему я и поѣхалъ съ Семеновымъ.

Профессоръ внимательно изслѣдовалъ старика и, когда тотъ вышелъ въ залъ, объяснилъ, что падучая обыкновенно является прирожденной болѣзнью на почвѣ алкоголизма, сифилиса и т. д.

родителей, но иногда и благопріобрѣтенною. Постоянно отравленный воздухъ тяжело дѣйствуетъ на легкія и, благодаря ему, у человѣка можетъ развиться малокровіе, затѣмъ общая анемія, анемія мозга, а за нею и падучая... Но установить причинную связь очень трудно.

„Вина фабрики“ была „найдена“. Фабричная администрація, совершенно игнорируя интересы рабочихъ, не понимающихъ губительнаго дѣйствія газовъ, ставила своихъ служащихъ въ опасный для здоровья помѣщенія на продолжительные, многолѣтніе сроки. Заботясь хотя сколько-нибудь о безопасности рабочихъ, она должна была бы мѣнять составъ ихъ въ красильномъ отдѣленіи, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ, почему и отвѣчаетъ и т. д. Въ этомъ направленіи я и рѣшилъ дѣйствовать... Основаніе было шаткое. Все зависѣло отъ эксперта.

Я спросилъ Семенова, какой порядокъ существуетъ на другихъ фабрикахъ относительно продолжительности службы въ красильныхъ отдѣленіяхъ; онъ не зналъ. Когда же я заявилъ ему, что теперь у мирового судьи мы, вѣроятно, дѣло проиграемъ, то онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ недовѣріемъ.

— По закону, по первой статьѣ! Присудилъ и присудитъ.

— Не знаю...

— Значитъ, фабрика купила...

— Пустяки вы говорите, судья—хорошій человѣкъ!

— Мою кровь купила. Распротоанафема...

Очевидно, онъ рѣшительно не понималъ существованія, кромѣ „первой“, еще и „второй“ и дальнѣйшихъ статей и абсолютно не могъ понять, какъ судья, разъ присудивъ, откажетъ затѣмъ въ томъ же искѣ. Еще менѣе успѣха имѣло предложеніе бросить дѣло у мирового и перенести въ Окружный судъ, такъ какъ здѣсь за то же увѣчье больше присудятъ. Но окончательно подорвалъ ко мнѣ довѣріе совѣтъ измѣнить цѣну иска, такъ какъ искать 300 рублей единовременною суммою, а не въ видѣ пожизненнаго ежемѣсячнаго пособія съ частнаго завода нельзя.

— Подавай въ Синодъ!—отрѣзалъ сухо Семеновъ.

Мнѣ было жаль старика, и я рѣшилъ не бросать его.

Въ первомъ же засѣданіи у судьи (съ противникомъ—присяжнымъ повѣреннымъ) я высказалъ свои соображенія, „объяснилъ“ цѣну иска и добился того, что судья потребовалъ отъ фабрики представленія прежнихъ разсчетныхъ книжекъ Семенова и назначилъ эксперта.

Въ слѣдующемъ засѣданіи экспертъ (какой-то врачъ, извѣстный только судьѣ) далъ заключеніе, что опредѣлить происхожденіе болѣзни Семенова нельзя, а что „мои“ соображенія о происхожденіи падучей—болѣе чѣмъ сомнительны. По существу дѣло было уже проиграно, но, по моей просьбѣ, отложено слушаніемъ до представленія разсчетныхъ книжекъ...

Я позвалъ къ себѣ Семенова, объяснилъ положеніе вещей и

сказалъ, что пойду просить мира. Онъ молча выслушалъ, ничего не отвѣтилъ и ушелъ.

Моимъ противникомъ былъ Горошковъ—старенькій присяжный повѣренный, маленькій, худенькій, весь какой-то миніатюрный, очень добродушный человѣкъ. Онъ жилъ съ громадной семьей на 5-мъ этажѣ, видимо, нуждался и былъ въ полной кабалѣ у своихъ постоянныхъ довѣрителей; по дѣламъ противъ рабочихъ онъ выступалъ безъ всякаго жара, ни о какихъ принципіальныхъ вопросахъ не думалъ, но былъ человѣкъ, какъ человѣкъ. Къ нему я и направился. Онъ высказалъ удивленіе, что я взялся за это дѣло, но понялъ меня и послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ, что попроситъ у своего довѣрителя 100 рублей подъ предлогомъ, что нужно отдѣлаться отъ старика. Я усиленно началъ доказывать, что слѣдуетъ дать всѣ 300 рублей, что у Семенова 300 рублей какая-то кабалистическая цифра и что онъ не „отвяжется", пока не получитъ именно ихъ. Но Горошковъ колебался. Тогда я пустилъ въ ходъ послѣднее средство:

— Въ такомъ случаѣ вотъ что,—пришлю къ вамъ старика, пусть онъ самъ поговоритъ съ вами.

— Что вы, что вы,—закричалъ испуганный Горошковъ,—ни за что! Я не могу его принять! Я и то боялся все время у мирового, что онъ меня прибьетъ... Нѣтъ, ужъ мы иначе сдѣлаемъ: я буду уговаривать дать 250 рублей, поговорю съ племянникомъ Цыркина, попрошу уломать дядю; вѣрьте, я сдѣлаю все, но сумму необходимо хотя нѣсколько уменьшить, такъ какъ Цыркинъ будетъ убиваться, что напрасно судился.

Когда я разсказалъ Семенову о результатахъ хожденія, онъ весь потемнѣлъ.

— Подавай въ Синодъ, по закону, по первой статьѣ подавай!—какъ-то глубоко мрачно произнесъ онъ.

— Нельзя.

— Подавай!

Я сказалъ ему, что если онъ не вѣритъ мнѣ, пусть идетъ въ консультацію при судѣ (далъ адресъ) и посовѣтуется тамъ, а тогда возвращается.

Семеновъ ушелъ.

Я отправился къ мировому и къ ужасу узналъ, что Семеновъ подалъ прошеніе о прекращеніи навсегда дѣла въ виду передачи въ Синодъ. Почти одновременно я получилъ отъ противника письмо, гдѣ онъ писалъ, что Цыркинъ изъ чувства благотворительности согласенъ дать 250 рублей.

Я написалъ Семенову—отвѣта не было. Справился въ адресномъ столѣ,—на жительствѣ не значился.

Прошло окола года. Какъ-то разъ, подъ вечеръ, я шелъ пѣшкомъ въ городъ. День былъ праздничный и потому конку переполняли рабочіе; попасть на нее не было возможности. Дорога тянулась по берегу рѣки, среди складовъ дровъ, угля, строитель-

ныхъ матеріаловъ, заводовъ, фабрикъ, маленькихъ и большихъ деревянныхъ домовъ, заборовъ и длинной вереницы разныхъ амбаровъ съ просвѣчивающей между ними водою и далью рѣки. Въ одномъ изъ амбаровъ помѣщался ночлежный домъ. Въ немъ было мало наръ, но кромѣ ночлега за 5 копѣекъ давали еще кусокъ хлѣба и чашку горячей воды, разбавленную чаемъ; поэтому около входа его зимою, уже съ 3-хъ часовъ дня, всегда терпѣливо тѣснились длиннымъ хвостомъ ободранные, сѣрые, голодные мужчины и женщины.

Мимо проносилась паровая конка, тяжело тянулись ломовые, катили роскошные экипажи владѣльцевъ фабрикъ.

Я шелъ и думалъ...

Вдругъ я услыхалъ знакомый голосъ. Среди голой бѣдноты стоялъ Семеновъ, весь какой-то истерзанный, жалкій и, указывая сосѣдямъ на дымящуюся трубу завода, хрипло выкрикивалъ:

— Матрена лопоухая! Трипроклятая! Кровь высосала. Суди! По закону...—и онъ вытягивалъ въ воздухѣ руку...

Я хотѣлъ подойти къ старику, но вспомнилъ, что теперь все пропало, что свои 250 рублей онъ уже не получитъ... Да врядъ-ли и повѣритъ, что я не „продалъ его кровь“ проклятой фабрикѣ...

XIV.

За честь!

Въ пріемной прилично одѣтый молодой человѣкъ. У него длинное, рябое некрасивое лицо съ темно рыжими волосами и бородкой, но за то широкій лобъ и умные, выразительные глаза. Онъ читаетъ газету, а руки въ бѣлыхъ манжетахъ дрожатъ.

— Что у васъ за дѣло?

— Я—Васильевъ, служилъ до третьяго дня подмастерьемъ въ красильномъ отдѣленіи ткацкой фабрики товарищества Мундеръ и К°. Меня оскорбилъ управляющій...

— Не волнуйтесь. Разскажите.

— Видите-ли, въ красильномъ отдѣленіи у меня было всего 8 человѣкъ рабочихъ. Весною двухъ взяли на повторительный сборъ. Такихъ разсчитывать нельзя, а обязательно нужно принять назадъ. Управляющій и нанялъ двухъ замѣщающихъ. Но они оказались хорошими рабочими. Когда тѣ вернулись, мнѣ стало жаль и этихъ. Я обратился къ управляющему съ просьбой оставить всѣхъ. Онъ согласился, но заявилъ, что лучше устроить ночную смѣну, и приказалъ оставить трехъ рабочихъ, проработавшихъ весь день, еще и на всю ночь и такимъ образомъ начать, пока не подберется полная ночная смѣна. Это было невозможно. Я не могъ оставить заморенныхъ людей безъ сна и отдыха, да еще и безъ присмотра, въ красильномъ отдѣленіи. У насъ $11^1/_2$ часовъ работы, да кромѣ того сверхъурочная... Работа очень тяжелая. Я и отпустилъ ихъ домой, сказавъ, чтобы вышли на ночь завтра... Утромъ управляющій пришелъ въ красильную узнать, исполнилъ-ли я его распоряженіе. Я отвѣтилъ, что не совсѣмъ. Почему?—спросилъ онъ. —Я думалъ, что нельзя заставлять такъ работать.—Думаютъ только индюки да дураки,—закричалъ онъ,—намъ думающихъ не надо, вы пришли сюда слушаться, васъ за уши изъ рабочихъ въ под-

мастерья вытянули, а вы себѣ и рыло кверху.—Я сдержался и спокойно отвѣтилъ:—господинъ управлящій, если я не гожусь, разсчитайте меня, но ругать вы не можете. Тогда онъ пришелъ въ ярость и высыпалъ на меня ушатъ помойной ругани: опомниться трудно... Я, конечно, немедля попросилъ разсчетъ... Нельзя-ли привлечь управляющаго за оскорбленіе? Онъ только и дѣлаетъ, что ходитъ по мастерскимъ да сквернословитъ, а при случаѣ всегда готовъ „въ ухо". Только меня не рѣшался...

— Свидѣтели были?

— Какъ же, вся мастерская.

— Но пойдутъ-ли на судъ? Пожалуй, побоятся, скажутъ ничего не видали и не слышали?

— О нѣтъ, всѣ пойдутъ, мѣста потеряютъ, а пойдутъ и скажутъ правду. Вѣдь они понимаютъ, что я ради нихъ.

На судѣ свидѣтели-рабочіе добросовѣстно разсказали, какъ было дѣло, и мировой судья приговорилъ управляющаго къ пяти днямъ ареста.

Прошло мѣсяца два. Дѣло объ оскорбленіи перешло въ Съѣздъ по отзыву управляющаго.

Дѣло въ Съѣздѣ пошло безъ свидѣтелей, такъ какъ управляющій въ качествѣ апеллятора отказался отъ допроса ихъ. Съѣздъ замѣнилъ арестъ пятидесятью рублями штрафа.

XV.

Ходатай.

Передо мной кліентъ особаго рода. Это г. Баркатовъ—подпольный ходатай по судебнымъ дѣламъ въ рабочей слободѣ, пришедшій ко мнѣ для „консультаціи".

Приступая къ адвокатской дѣятельности, я рисовалъ себѣ подпольныхъ „аблакатовъ" или „дровокатовъ" оборванными пропойцами, строчащими неграмотныя жалобы и прошенія въ кабакахъ или трактирахъ за штофъ водки или за пятакъ, губящими бѣдноту, запутывающими ее... Дѣйствительность сказала иное. Такіе „адвокаты" и сейчасъ, конечно, есть, но ихъ все больше вытѣсняютъ ходатаи другого типа...

О Баркатовѣ я уже слышалъ раньше. Теперь онъ пришелъ посовѣтоваться по дѣлу, которое самъ принялъ къ производству. У него большая практика, а уголовщиной Баркатовъ заваленъ.

Ходитъ онъ, не смотря на 40 лѣтъ, козыремъ, а когда стоитъ, то ноги разставляетъ циркулемъ; пиджакъ на немъ очень хорошій. Правда, нѣкоторое время онъ былъ портнымъ.

Баркатовъ живой, веселый человѣкъ и все смѣется.

Многіе рабочіе его хвалятъ и идутъ къ нему со всякими дѣлами. Если рабочему не на что выѣхать въ деревню, Баркатовъ ничтоже сумняшеся, строчитъ ему прошеніе объ отправкѣ этапнымъ порядкомъ на мѣсто приписки.

Нѣкоторые судьи его не выносятъ и третируютъ, но онъ гордо ведетъ свои уголовныя защиты. Говоритъ на судѣ съ пафосомъ, то повышая, то понижая голосъ до трагическаго шопота. Но со мной онъ держится просто. Онъ иногда нестерпимо запутываетъ дѣла рабочихъ, хотя по судебной части несомнѣнно натертъ. Я сообщаю Баркатову, какіе усматриваю кассаціонные

поводы по интересующему его приговору, и онъ все это заноситъ въ свою записную книжку. А она у него—юридическій календарь!

— Еще одинъ вопросецъ,—говоритъ Баркатовъ,—есть тутъ у одного литейщика теща. Очень она его допекаетъ. А жена за нее стоитъ. Хочется ему ее выслать, или, чтобъ убрали изъ дома.—„Озолочу,—говоритъ,—если выживешь.“ Только за бабой нѣтъ никакихъ преступленій. Просто язвительная особа. Въ деревнѣ, конечно, можно бы по общественному приговору хоть въ Сибирь сослать. А вотъ какъ въ городѣ обойтись тихо, скромно, безъ скандала—не могу придумать. Не посовѣтуете-ли вы?

— Конечно, нѣтъ, да и вамъ какъ не стыдно, Баркатовъ. Оставьте вы эту язвительную особу въ покоѣ, пусть себѣ на здоровье ссорятся!

— Ну, простите, пожалуйста! У меня и еще одинъ вопросецъ. Дѣло вексельное... Принялъ я на себя взысканіе по векселямъ. Передаточныя надписи на меня сдѣлали, вотъ я отъ своего имени и предъявилъ искъ, самъ пошлины внесъ, а отвѣтчикъ возьми и скончайся! Теперь у него малолѣтнія дѣти остались... Къ наслѣдству они не утверждаются. Опять, если къ нимъ искъ предъявить, то опекуна надо, дѣло на вѣки затянется!.. Слышалъ я, что какъ-то къ лицу покойника искъ предъявить можно, да не знаю, какъ это сдѣлать...

— Знать-то знаю, да не хочу вамъ разсказывать. Боюсь, вы ребятъ обидите...

— Это какъ угодно, все равно, я поразспрошу, поразузнаю и дорожку найду, сами видите... Только... у меня и еще одинъ вопросецъ...

И Баркатовъ засыпаетъ меня вопросами. Вся практика его идетъ мимо моего слуха. Онъ, повидимому, рѣшилъ вымотать всѣ мои знанія.

— Побывалъ я въ консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ,—признается онъ,—посовѣтоваться по этому дѣлу... Конечно, промолчалъ, что самъ веду чужое. Только очень ужъ на лету посовѣтовали, какъ вы объ этомъ вотъ дѣльцѣ думаете?

Я отвѣчаю и получаю новый запросъ... Практика его разнообразна, очень многія дѣла того же характера, что и мои. И онъ, какъ и я, выхлопатываетъ рабочимъ паспорта, а женамъ отдѣльные виды на жительство.

— По 15 копѣекъ прошенія на высочайшее имя соломеннымъ вдовицамъ пишу,—а вѣдь женщина за отдѣльный паспортъ душу чорту отдастъ,—говоритъ онъ, съ гордостью подчеркивая свое великодушіе.

И я начинаю думать, что такіе ходатаи, какъ Баркатовъ, къ сожалѣнію, нужны теперь рабочему населенію, и не только нужны, но и трудно замѣнимы, по своей доступности, для бѣднаго, трудящагося люда, пока на помощь этому люду не пришелъ настоящій, разборчивый образованный юристъ, пока такъ много пустыхъ мѣстъ въ рядахъ рабочей адвокатуры...

— Гдѣ вы, Баркатовъ, учились, что такъ преуспѣваете?—спрашиваю я, когда наша „консультація“ закончена.

— Въ духовной семинаріи,—смѣется онъ.—До четвертаго класса

пребывалъ. Учился плохо, и такъ какъ сказано въ священномъ писаніи: не мечите бисера передъ свиньями, то... пришлось уйти...

— И тѣмъ лишить Россію одного пастыря?..

— Архипастыря, ибо при моихъ качествахъ я пробилъ бы себѣ дорогу и до архіерейской кафедры... Затѣмъ, я занимался разными дѣлишками, состоялъ помощникомъ письмоводителя у судьи... Отъ него у меня и пошла практика. Урвешь свободное время и закатываешь всякія апелляціи, отзывы... Публика считала, что если самъ помощникъ секретаря пишетъ, значитъ дѣло будетъ вѣрнѣе...

— Отчего-же, въ такомъ случаѣ, вы не держите экзамена на частнаго повѣреннаго?

— Душою бы радъ... Мнѣ и самому надоѣло на судей за обиды да плевки жалобы въ Сенатъ писать... Только, знаете, навѣрно на чемъ-нибудь срѣжусь—старъ ужъ я... Позвольте вамъ разсказать одно маленькое нравоученіе. Есть у меня знакомый почтмейстеръ, старикъ лѣтъ 56-ти, онъ и рѣшилъ держать экзаменъ для производства въ какой-то тамъ 14-й или 16-й классъ. Я для него и справки наводилъ... Задали ему написать сочиненіе: „Описаніе моего мѣстожительства—села Кобаньки". Ломалъ старикъ голову, ломалъ и, наконецъ, послѣ долгаго размышленія, взялъ перо и написалъ: „у насъ теперь лѣсничій—Иванъ Петровичъ Яковлевъ, а раньше былъ Егоръ Дмитріевичъ Фаддѣевъ. А становой у насъ—Николай Демьяновичъ Уткинъ, а кто раньше былъ, не знаю. А батюшка у насъ—отецъ Яковъ, а по фамиліи Безштановъ, а главочникъ—Ѳедоръ"... Тутъ и сталъ.—„Такъ, горитъ, и не могъ вспомнить отчества и фамиліи Ѳедора Тимофѣевича Григорьева! Оттого и срѣзался!"—Вотъ я, и боюсь, что тоже какого-нибудь Тимофѣича не сумѣю влѣпить, да и судьи меня знаютъ, постараются на вороныхъ прокатить!—засмѣялся Баркатовъ.—Нѣтъ, знай каждый свое мѣсто, а съ гордостью и образованіемъ вездѣ можно держаться. Вотъ, знаете, иду я сегодня отъ Мирошки, вижу, на извозчикѣ ѣдетъ мастеровой—прямо съ завода. На мостовой выбоины, ѣдутъ шагомъ, а разговоръ у нихъ идетъ о папиросахъ и куреніи. И слышу я мастеровой говоритъ извозчику: „такъ бы ты тогда и сказалъ мнѣ: а что, баринъ, нѣтъ ли у васъ папироски, я тебѣ и далъ бы, а сейчасъ послѣднюю закурилъ"... Чѣмъ-же я не повѣренный, если и мастеровой въ „барины" попасть можетъ?! По закону всякій воленъ защищать уголовныя дѣла, какъ всякій имѣетъ право сѣсть на извозчика... Я этого и держусь!.. Мое нижайшее!..

И онъ уходитъ, забывъ уплатить „гонораръ за совѣтъ", хотя, кажется, никогда не забываетъ получить его съ кліентовъ, хотя бы и въ гомеопатическихъ дозахъ.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, мнѣ необходимо коснуться вопроса о заработкѣ адвоката-рабочихъ, такъ какъ понятно,—какое практическое значеніе можетъ имѣть отвѣтъ на него.

Намъ часто приходится слышать, что въ Россіи вообще перепроизводство образованныхъ людей, потому и адвокатамъ некуда дѣваться, нечего дѣлать—нѣтъ кліента, нѣтъ куска хлѣба... А въ это самое время громадныя массы трудящихся, но бѣдныхъ людей остаются безъ всякой или почти безъ всякой юридической по-

мощи. Правда, по крупнымъ и громкимъ процессамъ, напр., о безпорядкахъ—въ защитѣ недостатка не бываетъ. Иной разъ за эти дѣла берутся даже люди, никакого сочувствія къ рабочимъ не питающіе. Находятся также повѣренные для „увѣчныхъ", платныхъ дѣлъ. Но это еще не то, что нужно, и не все, что нужно. Рабочимъ нуженъ адвокатъ, къ которому они могли бы идти со всякой и ничтожной своей нуждой, котораго они знали бы, которому бы вѣрили...

Принимаясь за адвокатуру, я пользовался нѣкоторыми личными средствами, дававшими возможность существовать. Но я принципіально рѣшилъ, что какой-нибудь заработокъ и такая адвокатура должна давать, ибо иначе мой трудъ будетъ случайной филантропіей, не могущей имѣть послѣдователей. Не нужно только никогда напоминать о гонорарѣ, не нужно открывать лавочку, слѣдуетъ отказываться отъ него тамъ, гдѣ будетъ видно. И вотъ теперь, оглядываясь назадъ, я долженъ признать, что начинать рабочую адвокатуру, не имѣя никакихъ средствъ, очень и очень трудно. Сразу адвокатура не дастъ и черстваго куска хлѣба. Нужны побочныя занятія у „патрона", уроки, литература и т. д. Мнѣ вспоминаются слова одного мастерового: „несчастные вы люди адвокаты: однимъ изъ васъ ѣсть нечего, другимъ ѣсть некогда". Гонорары, конечно, очень ничтожны: за веденіе дѣла отъ 1—до 5 рублей, но за то дѣлъ такая масса, что иногда приходится выступать по нѣсколькимъ дѣламъ въ день...

При этомъ гонорары несутъ самые разнообразные не только деньгами, но и натурою.

Одинъ рабочій принесъ мнѣ за написанное наканунѣ „вѣрное", по его словамъ, прошеніе... билетъ для входа въ заѣзжій музей съ восковыми фигурами разныхъ знаменитостей: онъ самъ попалъ въ него, осмотрѣлъ, восхитился и рѣшилъ, что не можетъ ничѣмъ лучше отблагодарить меня... Дѣлать нечего: я отправился въ эту „рѣдкостную" кунсткамеру.

Другой какъ-то поднесъ мнѣ фунтъ московской копченой колбасы и все хотѣлъ, чтобъ я попробовалъ ее при немъ; третій притащилъ глинянаго въ разноцвѣтной поливѣ слона съ ящикомъ для спичекъ на спинѣ, а одна женщина спустила съ рукъ въ пріемную живую утку, чуть не разбившую мнѣ лампу. Но больше всего мнѣ почему-то дарили чашки съ яркими, то огненными, то золотыми, то кумачево-красными рисунками.

Рабочая практика со временемъ несомнѣнно можетъ дать и настоящій заработокъ, и средства къ существованію. Наиболѣе оплачиваются увѣчныя дѣла. Здѣсь иски по цѣнѣ достигаютъ отъ 1200 до 4000 рублей, и судъ, кромѣ просимаго вознагражденія за увѣчье, присуждаетъ еще и на вознагражденіе труда повѣреннаго и за веденіе дѣла—до 10% цѣны иска. Эти деньги несомнѣнно адвоката. Только увѣчныя дѣла, какъ я уже отмѣчалъ, долго тянутся, и первый гонораръ по нимъ можно получить не ранѣе года.

Долженъ прибавить, что рабочіе всегда въ высшей степени добросовѣстно относились къ моему труду, и каково бы ни было вознагражденіе по размѣрамъ,—напоминать о немъ не было нужды.

Однажды, окончивъ разговоръ съ однимъ изъ кліентовъ, я

вышелъ въ пріемную проводить его и сказать, что слѣдующій по очереди можетъ войти. Въ пріемной уже сидѣло нѣсколько человѣкъ простыхъ рабочихъ и между ними два инженера.

Не успѣлъ я спросить, чья очередь, какъ со стульевъ сорвались два мужика въ своихъ желтыхъ, свѣжихъ тулупахъ и съ улыбающимися довольными лицами какъ-то разомъ сказали:—Мы къ вашей милости...

— Но ваша ли очередь?—переспросилъ я.

— Наша очередь,—сказали инженеры и приподнялись.

Одинъ изъ мужиковъ, весь сіяющій, вдругъ обратился къ инженерамъ.

— Пустите насъ, господа, раньше: намъ скорое дѣло.

Инженеры, улыбаясь, согласились.

Мужики вошли въ мой кабинетъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства все съ тѣми же улыбками.

— Мы къ вашей милости,—начали они,—пришли благодарить.

— За что?

— А какъ же, батюшка, развѣ не помните?

— Нѣтъ!

— А ломовыхъ-то извозчиковъ?!

— Какихъ?

— Да что за кражу мировой осудилъ.

Я вспомнилъ.

— Ну, такъ мы того... тебѣ на чай принесли. Ты намъ бумагу написалъ, намъ тогда заплатить нечѣмъ было, такъ мы и пришли поблагодарить...

И одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ кармана серебряный рубль и все еще весь сіяющій положилъ его на столъ.

— Ну, а еще что скажите?

— Ничего, ваша милость, только для этого и пришли,—промолвилъ другой, и оба они, пожавъ мою руку, повернулись и вышли.

Отъ обоихъ вѣяло такой простотой, такой деревенской непосредственностью, что у меня на душѣ сдѣлалось какъ-то хорошо.

Дѣло ихъ было очень простое. Оба работали въ ломовыхъ извозчикахъ. Однажды часовъ въ 6 вечера зимою къ нимъ на трактирный дворъ пришелъ молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати... Онъ нанялъ ихъ перевезти кули съ овсомъ. Они подъѣхали къ амбару, который молодой человѣкъ отперъ при приказчикѣ ключемъ, и положили на подводы кули; въ это время подошелъ городовой. Молодой человѣкъ и приказчикъ убѣжали. Испугавшись, одинъ изъ ломовыхъ тоже ускакалъ на лошади, успѣвъ сбросить почти всѣ кули, другой остался и назвалъ товарища. Оказалось, что молодые люди—хозяйскій сынъ и приказчикъ,—хотѣли украсть кули. Отецъ привлекъ сына къ обвиненію. Судья приговорилъ всѣхъ четырехъ, въ томъ числѣ и ломовыхъ, за кражу, хотя хозяйскій сынъ и приказчикъ клялись, что никогда раньше не видали ломовыхъ и не сговаривались съ ними.

Я написалъ имъ коротенькій апелляціонный отзывъ, отпустилъ ихъ и забылъ даже, что писалъ. Но они, какъ видите, не забыли.

Владиміръ Беренштамъ.

ОБЪ ОДНОМЪ ЗЛОДѢЯНІИ.

Разсказъ.

Было еще совсѣмъ темно, когда извозчикъ Лэйзеръ, присѣвъ на грудѣ лохмотьевъ, служившей ему постелью, зажегъ жестяную лампочку и сталъ одѣваться. Онъ одѣвался медленно, нехотя, кряхтя и кашляя, и то принимался чесать себѣ локтемъ бока, то терся спиной объ стѣну.

— Я знаю?.. Я знаю, что это будетъ?—мысленно говорилъ онъ себѣ.—Только Господь Всевышній можетъ знать. А человѣкъ что́? Человѣкъ знать не можетъ.

Онъ всталъ и началъ молиться. И молясь, онъ думалъ не о смыслѣ произносимыхъ словъ, а все о томъ же: неизвѣстно, какъ окончится день, и нельзя знать, будутъ-ли дѣти сегодня сыты.

Окончивъ молитву, Лэйзеръ надѣлъ армякъ, подпоясался ремнемъ и, переступая черезъ спавшихъ на полу дѣтей, направился къ двери. Но здѣсь глазъ его скользнулъ по полкѣ, по лежавшей на ней краюхѣ хлѣба,—и онъ смалодушествовалъ.

— Сося,—тихо и какъ бы вопросительно проговорилъ онъ, оборачиваясь къ женѣ, высохшей, сутуловатой женщинѣ, только-что слѣзшей съ печки и безмолвно усѣвшейся на перевернутой кадкѣ.

— Ну!

Это „ну“ отрезвило Лэйзера.—Въ самомъ дѣлѣ,—что это онъ затѣялъ! Дѣти же вѣдь...

Онъ крякнулъ и шагнулъ къ двери.

— Такъ что же это ты себѣ думаешь?—вызывающе крикнула Сося.—Попадешь ты когда-нибудь на работу?

Лэйзеръ остановился.

— Развѣ я могу знать?.. Можетъ быть Господь благословитъ...

— Ты ничего не можешь знать! Ничего! Другіе знаютъ же, другіе работаютъ же.

— А я что, не хочу работать?—Лэйзеръ грустно посмо-

трѣлъ на жену.—Что дѣлать! Бугъ сталъ, пшеницы не грузятъ, работы нѣтъ... Придетъ кто-нибудь за однимъ извозчикомъ, и сейчасъ выскакиваютъ двадцать...

— Выскакивай и ты.

— Я стараюсь. Я все дѣлаю...

— Ты ничего не дѣлаешь! Ты лайдакъ, ты спишь на повозкѣ, ты никогда не будешь имѣть работы.

Лэйзеръ вздохнулъ и вышелъ.

Въ сараѣ стоялъ Храпунчикъ, бѣловатая слѣпая кляча съ длинной мохнатой мордой, съ узловатыми ногами, съ провалившимся, словно переломаннымъ, хребтомъ и съ широкими, плоскими, какъ тарелки, копытами. Спотыкаясь и путаясь въ упряжи, Лэйзеръ впихнулъ лошадь въ оглобли, запрягъ и, взявъ возжи въ руки, выѣхалъ со двора.

Когда онъ былъ уже посреди улицы, во дворѣ раздались крики „татэ, татэ", и высокая женская фигура, закутанная въ большой платокъ, подбѣжавъ къ телѣгѣ, стала что-то совать ему въ руки.

— На, возьми! бери!

Лэйзеръ не бралъ и отвелъ руки назадъ.

— А дѣти?—нерѣшительно проговорилъ онъ.

Пара большихъ, глубоко ввалившихся глазъ гнѣвно сверкнула въ едва дрогнувшей тьмѣ.

— Ну такъ что жъ, что дѣти! Тебѣ ѣсть не надо?

— Я попаду на работу, такъ и куплю.

— Не руби ты мнѣ мозгъ! „купитъ"!.. А если на работу не попадешь?.. Цѣлый день не ѣсть на холодѣ... Свалишься, что тогда будетъ!

Лэйзеръ закашлялъ, потомъ взялъ у дочери ломоть хлѣба и двѣ луковицы и погналъ свою клячу впередъ.

Ѣхать пришлось левадой, по топкой грязи; колеса уходили въ нее до половины спицъ, а иногда, попадая въ яму, погружались и до оси. Лэйзеръ шелъ съ телѣгой рядомъ, въ критическія минуты подталкивалъ ее плечомъ и тянулъ за колеса; лошадку онъ постоянно подбадривалъ, дергалъ возжами и уговаривалъ не лѣниться:—Нё, нё, веселѣче! Будемъ зѣвать, не будемъ жевать, Храпунчикъ, ты знаешь хорошо!..

Когда добрались до замощенной Херсонской улицы, Храпунчикъ пошелъ живѣе. Лэйзеръ влѣзъ теперь на повозку, сѣлъ на край и ноги свѣсилъ внизъ. Тьма стала понемногу таять, и уже были видны соломенныя крыши низенькихъ домовъ, черныя канавы и безконечные, мѣстами повалившіеся заборы. Вѣтеръ билъ Лэйзера въ затылокъ, а крупа, кру-

жившаяся въ воздухѣ, садилась къ нему на бороду, на лохматыя брови, таяла и разливалась по лицу. Лэйзеръ досталъ изъ повозки мѣшокъ, сдѣлалъ изъ него капюшонъ и надѣлъ. Но вѣтеръ сейчасъ же сорвалъ капюшонъ, и какъ Лэйзеръ ни бился, а укрѣпить его ему не удалось. Онъ положилъ мѣшокъ обратно въ телѣгу и, не пытаясь уже защищаться, покорно отдался злобной власти вѣтра и колючей крупы.

— Ента у меня добрая,—думалъ онъ, ежась и постукивая сапогами о телѣгу,—принесла хлѣба... Положимъ, мнѣ хлѣба не надо. Развѣ я могу его ѣсть, когда не хватаетъ дѣтямъ? Теперь это для меня не хлѣбъ, а раскаленное желѣзо... Но только что? Если разсудить по настоящему, то развѣ человѣку возможно жить, когда онъ не ѣстъ?.. На Іомъ-Кипуръ, напримѣръ, тоже не ѣшь, постишься,—такъ вѣдь это только одинъ день. Наканунѣ наѣшься хорошенечко, и потомъ сидишь себѣ въ теплой синагогѣ и молишься. А многіе, такъ они такіе себѣ деликатные, что не выдерживаютъ и этого: они нюхаютъ нашатырный спиртъ и выходятъ изъ синагоги на холодокъ, прогуляться, напримѣръ... А тутъ же, вотъ, вчера я легъ голоднымъ, и позавчера тоже не доѣлъ, и уже, можетъ быть, больше двухъ недѣль, какъ сытъ не былъ... И все семейство голодно... Развѣ это шутка, когда жена и столько дѣтей голодны? Пусть меня Богъ не накажетъ за эти слова, только я совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ все это такъ дѣлается...

Черезъ полчаса Лэйзеръ пріѣхалъ на биржу. Посреди обширной, до невѣроятности загаженной площади, подъ высокимъ навѣсомъ, напоминавшимъ своей выгнутой крышей китайскія постройки, находился старый, наполовину засыпанный и давно уже заколоченный колодезь, и около этого колодца, по радіусамъ, располагались ломовики. Теперь ихъ было здѣсь десятка два, и новые прибывали ежеминутно. Лэйзеру удалось пристроить Храпунчика на хорошее мѣсто, за вѣтромъ. Храпунчикъ, какъ только остановился, опустилъ свою лохматую голову къ землѣ и сталъ искать сѣна. Но сѣна Лэйзеръ ему не далъ. Онъ накрылъ лошадку рядномъ, дружески погладилъ по лбу и по вдавленному хребту и отошелъ подъ навѣсъ. Долго, однако, онъ тамъ не пробылъ: вѣтеръ сквозилъ и свисталъ межъ столбами навѣса и пронизывалъ насквозь. Лэйзеръ предпочелъ сквозняку крупу. Онъ вернулся къ Храпунчику и, взобравшись на телѣгу, предался размышленіямъ.

— Вотъ, такъ вотъ идетъ человѣческая жизнь!.. Нужна человѣку работа—нѣтъ работы. Нужно человѣку ѣсть—нечего ѣсть. Человѣкъ не можетъ, какъ телеграфный столбъ,

цѣлый день на дождѣ и вѣтрѣ стоять, а онъ всетаки стоитъ... Ну? Какъ это понять?.. Я не могу это понять... Или вотъ: далъ мнѣ Богъ одиннадцать дѣтей, и пятеро изъ нихъ умерло, и умерли какъ разъ всѣ мальчики. Мальчика можно отдать въ ученье, къ портному, къ лудильщику, куда-нибудь приказчикомъ. Мальчикъ можетъ помощь дать. А что дѣлать съ дѣвочками? Какъ будешь ихъ выдавать замужъ?.. А Ента, когда Богъ меня уже благословилъ и я достигъ выдать ее замужъ, что съ Ентой? Такая тебѣ выходитъ исторія: сходитъ ея мужъ съ ума, его забираютъ въ сумасшедшій домъ, а она съ двумя дѣтьми и беременная возвращается ко мнѣ... Такія вовсе дѣла... И были бы хоть ея дѣти здоровы,—такъ нѣтъ и этого... Что? Себѣ самому я могу говорить правду, себя самого мнѣ нечего стыдиться: когда Шмилекъ кашляетъ, такъ у меня внутри все разрывается на куски, и когда онъ жалуется и проситъ ѣсть, а ѣсть нечего, то я таки плачу... Таки плачу, ну!.. Таки не могу удержаться, отворачиваюсь въ кутокъ и плачу...

— Ты, задумчивый ангелъ!—гаркнулъ за спиной Лэйзера только что подъѣхавшій извозчикъ, огромный рыжій верзила, по имени Шлёмка Гицель. — Посторониться не можешь, іолдъ!

Лейзеръ пугливо оглянулся и проворно подобралъ ноги. Гицель, скверно ругаясь, и по-еврейски, и по-русски, и колотя Храпунчика кулакомъ по шеѣ, сталъ устраивать свою телѣгу.

— И отчего-жъ таки мнѣ не плакать,—продолжалъ думать Лэйзеръ,—отчего? Когда одного легкаго у Шмилека уже нѣтъ, а на ногѣ у него такая страшная рана, и она всегда горитъ... Надо Шмилеку рыбій жиръ, надо ему молоко, и для раны какую-нибудь хорошую мазь,—а ничего этого нѣтъ...

Лэйзеръ поднялъ голову и сталъ озираться. Молока неподалеку было сколько угодно: молочный рядъ устьемъ упирался въ площадь и весь видѣнъ былъ какъ на ладони. По другую сторону площади сквозь сѣрую мглу смутно желтѣли растопыренныя крылья золоченаго орла. Это аптека. Тамъ, конечно, есть и хорошая мазь для ноги, и рыбій жиръ, и разныя лѣкарства для легкихъ...

— Да, а только что же, когда Богъ не хочетъ, чтобы это было для насъ... И чтобы я такъ не зналъ зла, какъ я не знаю, за что онъ на насъ сердится... И что же, напримѣръ, будетъ, если я таки въ самомъ дѣлѣ свалюсь?.. Вотъ я хочу ѣсть, ужасно хочу ѣсть (Лэйзеръ нащупалъ за пазухой хлѣбъ и луковицу, пососалъ языкомъ и плюнулъ), и я озябъ, и вотъ у меня потекла за воротникъ по голой спинѣ вода...

Ну что, развѣ я мѣдный? Таки заболѣю... Мнѣ по настоящему надо бы теперь съѣсть свой хлѣбъ и зайти себѣ въ „Англію“, взять чаю, или тамъ таранки жареной, и поддержать себя,— а нѣтъ возможности... Такъ ѣсть хочу, что душа изъ тѣла уходитъ,—а нѣтъ никакой возможности...

Ноги у Лэйзера озябли до того, что онъ ихъ не чувствовалъ. Чтобы отогрѣться, онъ усиленно скребъ пальцами подошву,—но это не помогало. Онъ спрыгнулъ съ повозки и принялся притаптывать.

— Уй-уй, какъ холодно! Какъ страшно холодно... Можно бы зайти въ „Англію“—вродѣ какъ будто поискать кого,— и пока что погрѣться; только вѣдь можно же прозѣвать нанимателя... Вотъ такъ на зло всегда выходитъ: сторожишь, какъ собака на цѣпи, цѣлую недѣлю, и не является никто, а на пять минутъ отойдешь—и со всѣхъ сторонъ народъ повалитъ... Надо терпѣть...

Въ началѣ десятаго на биржѣ появилась еврейка, въ казакинѣ, въ мужскихъ сапогахъ, и объявила, что ей нужны четыре извозчика, перевозить мебель. Мгновенно на нанимательницу накинулось человѣкъ двадцать, и гвалтъ на площади поднялся такой, какъ если бы кого-нибудь не фигурально только, а самымъ подлиннымъ образомъ рвали на куски. Лэйзеръ тоже полѣзъ было въ толпу, но двое здоровенныхъ дѣтинъ отбросили его прочь, и онъ, не смѣя уже возобновлять свою попытку, стоялъ позади всѣхъ и, подымая кверху руки, задыхаясь, кричалъ:—вотъ я! вотъ я! Я поѣду, я!.. я!..

Но еврейкой въ это время овладѣлъ Шлемка Гицель. Онъ схватилъ ее за поясъ и поволокъ къ своей телѣгѣ.

— Вамъ четырехъ извозчиковъ не надо,—гремѣлъ онъ,— будетъ съ васъ двухъ. Ѣду я и вотъ—мой товарищъ... Мы сдѣлаемъ по два конца.

— Да пустите меня... Не хочу въ два конца, это будетъ долго. Теперь дни короткіе. Я хочу все сразу забрать.

— Чего долго! Ничего не долго!.. Галопомъ поѣду... Садись на повозку, ну-ка!

— Да пустите! Постойте!

— Зачѣмъ стоять? Стоять некогда! Дни короткіе. Садись, балабуста, садись. Я-жъ и знакомый тебѣ, знаю, гдѣ ты живешь—на Рыбной улицѣ.

— Вовсе не на Рыбной,—на Узенькой.

— А мнѣ бѣда большая, если на Узенькой. Ну, гопъ! Садись! Живо, вихремъ!

Общій крикъ сдѣлался еще пронзительнѣе. Извозчики

всей стаей напали на Гицеля и стали его ругать за то, что онъ не „по правилу“ забираетъ кліента.

— А чтобы вы сгорѣли, мамзеры проклятые! Ишь глотки,— послѣдовалъ рядъ крѣпкихъ словъ. — Ну чортъ съ вами. Айда мѣряться!

Гицель подбросилъ кнутъ, другой извозчикъ подхватилъ его посрединѣ, и потомъ всѣ желавшіе ѣхать стали охватывать кнутовище указательнымъ и среднимъ пальцемъ, какъ ножницами. Кто окажется наверху, тотъ и поѣдетъ.

Лэйзеръ тоже сунулся къ кнутовищу, но Гицель локтемъ толкнулъ его въ грудь.

— Брысь! куда лѣзешь!

Съ Лэйзеромъ это продѣлывали всегда, когда „мѣрялись“, и это было одной изъ причинъ, по которымъ онъ такъ рѣдко попадалъ на работу. Слабый физически и кроткій духомъ, онъ не умѣлъ за себя постоять и отступалъ сразу. На этотъ, однако, разъ на помощь къ нему пришла сама нанимательница.

— Нѣтъ, пусть и онъ,—приказала она.

— „Раввинша“? Ко всѣмъ чертямъ! У него лошадь дохлая.

— Ничего, пусть.

— У него лошадь еще для постройки Соломонова храма камень возила.

— Если онъ не будетъ мѣряться, никого не возьму.

Стиль Гицеля, его разбойничья рожа и своеобразность тѣлодвиженій пугали еврейку. Она была увѣрена, что онъ все раскрадетъ и перебьетъ половину мебели. И остальные извозчики довѣрія тоже ей не внушали. Одинъ только Лэйзеръ казался похожимъ на человѣка, и ей очень хотѣлось, чтобы онъ поѣхалъ.

— Знать не хочу! Пусть мѣрятся!—настаивала она.

Ободренный Лэйзеръ опять полѣзъ въ толпу и протянулъ къ кнутовищу озябшіе пальцы. „Господи, сдѣлай, чтобы я былъ наверху!—съ сердечнымъ замираніемъ молилъ онъ.— Помоги мнѣ!.. не для меня, а для Шмилека“...

Господь Шмилеку покровительствовалъ, и молитва Лэйзера была услышана.

Какъ только двинулись въ путь—первымъ шелъ Гицель съ нанимательницей, потомъ два другихъ извозчика и позади всѣхъ Храпунчикъ,—такъ сейчасъ же Лэйзеръ вытащилъ изъ-за пазухи хлѣбъ и луковицы, и въ два-три пріема проглотилъ... Точно въ яму все провалилось.

— У-ва! какъ ѣсть хочется!—проговорилъ онъ, подбирая съ армяка крошки.—Страшенное дѣло, какъ хочется ѣсть... Ну, ничего! До вечера потерпимъ, а вечеромъ все будетъ

Покушаемъ себѣ хорошо... Очень хорошо покушаемъ... Нѐ, нѐ, Храпунчикъ, веселѣче!

Пріѣхали на Узенькую улицу. Мебель еврейки оказалась такая нелѣпая и громоздкая, что укладывать ее на возы было особенно трудно. Сперва вытащили какой-то шкафъ, отъ котораго, пока его несли, отскакивали и шлепались на землю полки и дверцы; потомъ поволокли два огромныхъ ободранныхъ, пудовъ по пятнадцати каждый, дивана. Затѣмъ послѣдовала корявая конторка, кресла безъ ножекъ или безъ сидѣній... Все это извозчики таскали съ крикомъ, съ гамомъ, съ руганью; а еврейка бѣгала за ними, ужасалась, охала, упрашивала... Лэйзеръ тоже суетился и выносилъ вещи полегче. Извозчики не совсѣмъ были неправы, когда не хотѣли брать его въ свою компанію. Чахлый и слабосильный, съ ветхой кляченкой и дрянной телѣгой, онъ былъ для нихъ невыгоднымъ компаньономъ. „Это развѣ извозчикъ? Это раввинша",—говорили они о немъ. И дѣйствительно, для работъ „серьезныхъ", для грузки хлѣба, напримѣръ, Лэйзеръ не нанимался и самъ. Его спеціальностью было отвозить съ базара покупки—нѣсколько пудовъ антрацита, сотню арбузовъ, пустыя бочки, или что-нибудь въ этомъ родѣ.—„Нагрузи его телѣгу какъ слѣдуетъ—она разсыплется, лошадь упадетъ и хлопотъ съ нимъ не оберешься"... И исходя изъ этого соображенія, извозчики и теперь тяжелой, „хорошей" мебели на телѣжку Лэйзера не ставили, а украсили ее кухонной рухлядью да тѣмъ движимымъ, которое хозяйка хранила въ сараѣ.

Въ половинѣ второго нагрузка была окончена, и процессія тронулась. Опять во главѣ пошелъ Гицель, а послѣднимъ Лэйзеръ.

Теперь валилъ уже снѣгъ; вѣтеръ нѣсколько притихъ, но измѣнилъ направленіе и сдѣлался холоднѣе. Храпунчикъ плелся медленно, вытягивая впередъ мохнатую голову и дѣлая ею такія движенія, какъ будто говорилъ: „да, да, я согласенъ". Онъ звонко хлопалъ плоскими копытами по жидкой грязи и послѣ каждыхъ двухъ-трехъ шаговъ выказывалъ явное желаніе остановиться. Но Лэйзеръ этого желанія не раздѣлялъ и, сопя и кашляя, какъ самъ Храпунчикъ, не переставалъ ему напоминать, что если „захочешь зѣвать, то не будешь жевать".

— Да, вотъ такъ, вотъ оно и есть, вотъ,—бормоталъ онъ.— Лошадь, напримѣръ, такъ ей еще хуже, чѣмъ человѣку. Человѣкъ, — вотъ, положимъ, какъ я,—когда проголодается, такъ онъ сейчасъ начинаетъ думать, что у него дома жена и дѣти не ѣли,—и въ моментъ его голодъ исчезъ. Уже ты дай мнѣ обѣдъ, какъ у самого барона Гирша, и я его ѣсть

не стану. Уже я сытъ! совершенно сытъ, вполнѣ! А лошадь, такъ она этого не понимаетъ. Ей надо, чтобы сѣно было, и конченъ балъ... Нё, Храпунчикъ, веселѣче... Уй, уй, какъ, однако, хочется ѣсть! Ажъ кареты въ животѣ разъѣзжаютъ, ей Богу! Также вотъ можно и въ обморокъ упасть тоже. Развѣ долго? Вовсе не долго.

— Ты, оловянная птица!—гаркнулъ впереди Гицель,—чего отстаешь? Вмѣстѣ съ Мессіей пріѣхать думаешь, что ли?

— Веселѣе, Храпунчикъ, веселѣе!—Лэйзеръ взволнованно задергалъ возжами —Нё, погоняй... А сегодня Сося ругаться не будетъ: когда Богъ благословитъ и принесешь ей, напримѣръ, восемьдесятъ копѣекъ и кварту молока,—а то еще и двѣ кварты,—такъ она дѣлается добрая... Она очень добрая честное слово! Только съ горя и съ голоду она кричитъ. Всѣ кричатъ, когда голодны... Уй, какъ я ѣсть хочу!.. Никогда въ жизни еще не былъ такъ голоденъ. Прямо огнемъ кишки палитъ... Это онѣ знаютъ, что есть заработокъ, такъ и строютъ себѣ штуки...

Около мостика, переброшеннаго черезъ городскую канаву, подъ жидкимъ слоемъ сѣроватой глины, было подобіе мостовой, и повозка Лэйзера отъ этого стала подпрыгивать, а находившіеся на ней предметы — раскачиваться, громыхать. Одна кадка наѣхала на другую, ухватъ и кочерга, торчавшіе изъ нихъ, куда-то провалились, а широкій топчанъ шлепнулся на какой - то ящикъ и сталъ медленно катиться...

— У! еще надѣлаю шкоды!

Встревоженный Лэйзеръ подбѣжалъ къ возу и началъ умащивать вещи. Когда онъ, пыжась и отдуваясь, налегъ грудью на топчанъ, а руками поддерживалъ готовый свалиться перерѣзъ, пальцы его вдругъ погрузились во что-то липкое и холодное.

— Ну, это что за коммерція?

Лэйзеръ посмотрѣлъ въ перерѣзъ. Тамъ, среди полудесятка пустыхъ горшковъ и всякой кухонной посуды, стоялъ котелокъ, до краевъ наполненный жаркимъ.

— Тью! Такое вовсе!.. Совсѣмъ кушанье?!..

Озадаченный Лэйзеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на свои растопыренные, смоченные соусомъ пальцы, то въ перерѣзъ, въ котелъ.

— Вовсе кушанье...

Онъ опустилъ руку къ армяку, намѣреваясь ее обтереть, но вдругъ передумалъ и вложилъ пятерню въ ротъ...

— У-ва! хорошо!.. И пахнетъ... У-ахъ, какъ хорошо!.. до невозможности.

Лэйзеръ сосалъ пальцы, чмокалъ и жмурился.

— Замѣчательно... Ну, надо теперь котелъ накрыть... Гдѣ тутъ покрышка? А вотъ!.. Съѣхала себѣ въ сторону... Надо накрыть... А то вѣдь все расхлюпается, пропадетъ все...

Лэйзеръ накрылъ жаркое и отошелъ въ сторону.

— Ухъ, какъ пахнетъ!.. Что это такое туда кладутъ, что такъ хорошо пахнетъ? Корицу? Должно быть, корицу.

Повозка попала вдругъ въ глубокую рытвину и опять послышалось дребезжаніе горшковъ.

— Ну, вотъ тебѣ мостовая!.. Ничего себѣ мостовая... Съ такой мостовой можно же всѣ горшки перебить и можетъ же разлиться вся подливка.

Чтобы она не расплескалась, Лэйзеръ со всѣхъ сторонъ сталъ сдавливать котелъ горшками. Операція эта удалась вполнѣ, но рука Лэйзера при этомъ снова погрузилась въ соусъ.

— Нѣтъ, это не корица,—сказалъ онъ, облизывая пальцы.— Навѣрное не корица... Духъ совсѣмъ не тотъ... А хорошій духъ! Уй-уй, какой хорошій... И если такъ пахнетъ, когда холодное, то что же будетъ, если его разогрѣть? Совсѣмъ райскій вкусъ будетъ... Ей Богу!.. И вотъ что—я таки теперь припоминаю: я такое жаркое когда-то уже ѣлъ... Навѣрное ѣлъ... только у кого?

Лэйзеръ вложилъ въ ротъ картофелину.

— Да, капля въ каплю, точно такое ѣлъ... Я таки знаю это навѣрное. Только гдѣ и когда—не могу вспомнить... А ну, я кусочекъ мяса попробую. Маленькій кусочекъ, косточку... Ай, ай, какъ вкусно... Всѣ вкусы тутъ... расходится по жиламъ, какъ хорошій бальзамъ... Удивляетъ меня, что я не могу вспомнить, у кого это ѣлъ!.. Прямо досадно... Могу поклясться, чѣмъ угодно могу поклясться, что ѣлъ, а гдѣ— не знаю... Совершенно такое же... И это пахнетъ, и тогда тоже пахло... А-а! Это не корица! Это лавровый листъ! Это вовсе лавровый листъ! Лавровый листъ и гвоздика!.. Конечно, лавровый листъ!.. А я думалъ, что корица... Вотъ дуракъ! Таки настоящій дуракъ... Гвоздика - такъ она совсѣмъ другой духъ имѣетъ. Гвоздика—она вродѣ какъ перецъ. Ты думаешь, что перецъ, а раскусишь — и вовсе гвоздика... Ахъ, замѣчательно! Это же только на свадьбѣ можно такое ѣсть, честное слово!..

Разсуждая такимъ образомъ, Лэйзеръ продолжалъ умащивать горшки,—лѣвой рукой. Правую же онъ то погружалъ въ котелокъ, то подносилъ ко рту.

— Ага-га-га!.. Вспомнилъ!.. Таки вспомнилъ... Это же я у мусю Цыпоркеса такое кушанье ѣлъ!.. Ну да, конечно... Я тогда привозилъ ему вино съ парохода—онъ же все изъ Одессы себѣ выписываетъ, — и меня позвали на кухню и

угостили... Ну да, у мусю Цыпоркеса... Большой человѣкъ мусю Цыпоркесъ, магнатъ. Свинья, но магнатъ... Только что же это, ей Богу, я совсѣмъ не понимаю: у мусю Цыпоркеса было тогда обрѣзаніе, такъ у него могло быть такое жаркое. А это же простая еврейка... Что такое ея мужъ? Приказчикъ на лѣсной!—и она въ будни, въ простой четвергъ, дѣлаетъ такое жаркое... Вотъ, такъ вотъ наши евреи и любятъ: заработаютъ рубль, а проживутъ три. Шарлатаны... А русскіе отъ этого воображаютъ, что всѣ евреи ужасно богаты, и за это насъ бьютъ. Изъ-за такихъ вотъ расточителей насъ и ненавидятъ... Видалъ ты такое? Лавровый листъ! Она безъ лавроваго листа не можетъ! Паскудница какая... Ну, а только я тоже хорошъ: совсѣмъ и позабылъ, гдѣ ѣлъ такое жаркое. Га?.. Что ты на это скажешь? Вотъ исторія!

Мостовая давно кончилась, телѣга пошла ровнѣе, горшки уже не дребезжали и стояли спокойно, но Лэйзеръ все еще ихъ умащивалъ... Онъ въ послѣдній разъ просунулъ руку къ котлу, сгребъ прилипшія ко дну картошки, обсосалъ начисто пальцы и, накрывъ старательно котелъ крышкой, отошелъ къ сторонѣ... Впереди, на разстояніи полуквартала, одна за другой, тянулись первыя три телѣги, и подлѣ нихъ, съ лампой въ одной рукѣ и зеркаломъ въ другой, высоко подоткнувъ юбки, шагала хозяйка.

— Ой! А если она спохватится... Ой, Боже мой!..

Лэйзеръ замеръ.

— Эй, нѣтъ!.. „Спохватится“. Чего ей спохватываться? Вотъ такъ вдругъ, сразу и спохватится?.. Непремѣнно ей сейчасъ надо спохватиться?.. Ничего не будетъ. Пріѣду на мѣсто и сейчасъ снесу всѣ горшки, заставлю кадками— и готово... А какъ съѣду со двора, тогда пусть она себѣ и спохватывается. Поди, ищи меня тогда, кусай въ поясницу... Э! нечего и безпокоиться. Что она, судиться со мной будетъ? У нея есть свидѣтели?.. Я ея не боюсь!.. Такой она важный вахмистръ, чтобы я боялся?.. нисколько не боюсь... Пся!..

Извозчики успѣли уже наполовину разгрузить первую телѣгу, когда Храпунчикъ доползъ, наконецъ, до мѣста назначенія.

— А, сухая кишка!—привѣтствовалъ Лэйзера Гицель.— Еще не издохъ.

Лэйзеръ молчалъ. Внутри все у него трепетало и дрожало мелкой дрожью. Глаза не смотрѣли ни на кого, и языкъ точно распухъ... Онъ поспѣшно развязалъ веревки, которыми укрѣпленъ былъ на его телѣгѣ скарбъ, и суетливо сталъ его носить... Черезъ нѣсколько минутъ дѣло было облажено: всѣ

горшки и котлы стояли въ узкомъ проходѣ между печью и стѣной, спереди замаскированы кадкой.

— Ну, теперь готово. Теперь неопасно. Теперь вотъ снесутъ только диваны—и кончено, конченъ балъ... Храпунчикъ, ничего! Накушаешься сегодня замѣчательно.

Уже вся мебель была составлена. Извозчики вытирали вспотѣвшіе лбы, поправляли упряжь на лошадяхъ и располагались уѣзжать. Ждали только расплаты.

— Мадамъ! пожалуйте разсчитываться,—приглашалъ Гицель запропастившуюся куда-то хозяйку. Онъ имѣлъ намѣреніе получить на чай, и сдѣлался галантенъ.

— Мадамъ, гдѣ вы? Пожалуйста, мы ждемъ. Потрудитесь!..

И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ непонятное. Мадамъ, какъ бомба, выскочила на крыльцо и, потрясая надъ головой пустымъ котломъ, заорала:

— Арестанты! Жулики! Махшемойники! Чтобъ вы поздыхали, проклятые! Вы думаете, я вамъ буду молчать! Вы цумаете, это вамъ пройдетъ даромъ! Шарлатаны, каторжники!..

— Ого!—весело отозвался Гицель,—умѣешь! Въ моей гимназіи училась, что-ли?

— Я тебѣ покажу гимназію, чтобъ ты почернѣлъ! Я тебѣ покажу!

И показывая собиравшимся на крикъ жильцамъ пустой котелъ, еврейка продолжала:—такіе жулики, такіе прохвосты! Я нарочно вчера еще сдѣлала жаркое, думала, сегодня съ перевозкой не поспѣю, думала, какъ перевезутъ мебель, у сосѣдей нагрѣю и будетъ дѣтямъ готовый обѣдъ, а эти негодяи слопали. Все слопали!.. Ну! Ну!.. Что я теперь должна дѣлать?

— Сваришь другое,—услужливо посовѣтовалъ Гицель.

— Другое?! А я вотъ вычту съ тебя, такъ ты и будешь знать „другое“, каторжникъ! Мнѣ жаркое въ полтора рубля обошлось, ты мнѣ за него заплатишь...

— Я заплачу? Я?

Гицель подошелъ къ еврейкѣ поближе.

— А это вотъ,—такъ, по совѣсти, если тебя спросить—ты видала?

Онъ поднесъ къ ея лицу шаршавый, величиной въ добрый качанъ капусты, кулакъ.

— Кто твое жаркое ѣлъ—на здоровье ему!—пусть онъ и платитъ. А со мной ты эту политику брось... Восемь гривенъ подавай!—вдругъ загремѣлъ онъ звѣринымъ голосомъ.—И четвертакъ на чай, за диваны!..

Крикъ на дворѣ стоялъ еще долго. Еврейка безстрашно твердила свое и собиралась вычесть полтора рубля; извоз-

чики же, вдохновленные этимъ обѣщаніемъ, поминали родителей и располагались выбивать зубы и стекла... Лэйзеръ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ, позади Храпунчика. Въ злодѣяніи своемъ онъ не признавался. Запираться, однако же, тоже не запирался. Онъ стоялъ молча, понурый, блѣдный, и только по временамъ порывисто поднималъ голову, испуская какой-то странный звукъ,—и потуплялся опять...

— Нѣтъ, одинъ человѣкъ сожрать не можетъ, это немыслимо!—размахивала руками еврейка.—Четыре фунта мяса, приварокъ... Надо имѣть не животъ, а рундукъ, чтобъ это выдержать... Всѣ вмѣстѣ жрали, махшемойники проклятые...

Окончилось дѣло тѣмъ, что тремъ извозчикамъ хозяйка заплатила полностью, и даже на водку прибавила, а Лэйзеру не дала ничего.

— Старый человѣкъ,—кричала она ему, когда онъ съѣзжалъ со двора,—сѣдой человѣкъ, а дѣлаетъ такое свинство! Надо васъ въ часть отправить, только мнѣ паскудиться не охота...

Уже темнѣло. Снѣгъ пересталъ и вѣтеръ стихъ тоже, но бралъ сильный морозъ. Мокрый армякъ Лэйзера скоро окаменѣлъ, и тарелкообразныя копыта Храпунчика уже не шлепали по лужамъ, а гулко стучали о мерзлую землю...

Когда черезъ часъ Лэйзеръ подъѣзжалъ къ своему жилью, издали, изъ непроглядной тьмы, послышался радостный возгласъ.

— Да будетъ восхвалено Его святое имя!..

И Сося поспѣшно приблизилась къ телѣгѣ.

— Ну? Сколько?

По тому, что Лэйзеръ пріѣхалъ поздно, она знала уже, что онъ на работу попалъ. И въ теченіе добрыхъ двухъ часовъ она съ Ентой и другими дѣтьми обсуждала, успѣютъ ли еще сбѣгать въ мясную за требухой, чтобы сварить супъ. Полагали, что успѣютъ...

— Давай же сюда молоко,—сказала Сося, наваливаясь грудью на телѣгу.—Не переверни только, темно.

— Нѣту молока.

— Не купилъ? Ну ничего! Фейгочка къ Мудрецехѣ сбѣгаетъ, Мудрецеха доитъ поздно.

— Я не работалъ сегодня.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Га?

— Никто не приходитъ нанимать... Что ты хочешь?.. До сихъ поръ ждалъ на биржѣ... Ни сумасшедшей собаки не видно...

Лэйзеръ отпрягъ Храпунчика и поставилъ на мѣсто. Ло-

шадь немедленно принялась шарить по сторонамъ, ища обѣщанныхъ съ утра лакомствъ. Но тряпкообразныя губы ея встрѣчали однѣ лишь холодныя доски...

Черезъ полчаса Лэйзеръ лежалъ на кучѣ тряпокъ и ладонями сжималъ себѣ голыя ступни. Ему казалось, что ступнямъ отъ этого теплѣе. Сося и дѣти лежали на своихъ мѣстахъ и, чтобы не чувствовать голода, силились заснуть. Всѣ молчали. Только маленькій Шмилекъ, лежавшій съ матерью на нетопленной печкѣ, тоненькимъ, сиплымъ голоскомъ монотонно тянулъ:

— Немножко молока, ма-а-ма!

— Молоко будетъ завтра, Шмилекъ, завтра.

— Молока... Я хочу молока-а-а...

— Завтра, сыночекъ, завтра... Завтра будетъ и молоко, и супъ. Хорошій супъ, съ мясомъ, съ курицей.

— У меня сердце горитъ... Молока-а-а...

Ента не отвѣчала.

— Я ѣсть хочу, молока-а...

— Ну ша, ша... ну что дѣлать? ты голоденъ! Всѣ же голодны, всѣ не ѣли... И вотъ дѣдушка, старый и больной, и весь день на холодѣ и на дождѣ былъ, и тоже вѣдь ничего не ѣлъ...

Лэйзеръ перевернулся на своемъ ложѣ. Совѣсть его мучила, а во рту еще ощущался сладостный запахъ гвоздики и лавроваго листа...

Д. Айзманъ.

---

* * *

Осенней свѣжестью повѣяло съ полей,
Покрылъ листву румянецъ золотой.
Блестятъ лѣса послѣдней красотой...
И воздухъ сталъ прозрачнѣй и свѣтлѣй.

Въ пустынѣ голубой кочуютъ облака.
Живымъ лучемъ тепло озарены,
Они глядятъ въ стекло рѣчной волны...
Какъ зеркало—пустынная рѣка!

Въ прибрежномъ тальникѣ не молкнетъ птичій свистъ,
Веселый шумъ, проворныхъ крыльевъ звонъ...
И не поймешь—то̀ правда, или сонъ?!
Такъ міръ хорошъ, такъ непорочно-чистъ!

Н. Шрейтеръ.

Муза мести и печали.

(1877—1902 г.)

Замолкни, муза мести и печали!
Н. Некрасовъ.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей.
Н. Некрасовъ.

I.

25 іюля 1839 года петербургскій цензоръ Фрейгангъ подписалъ къ выпуску въ свѣтъ тетрадь стихотвореній, имѣвшихъ общій заголовокъ „Мечты и звуки". Автору ихъ было всего лишь 17 лѣтъ отъ роду, хотя передъ тѣмъ онъ успѣлъ уже напечатать, за полной своей подписью — Н. Некрасовъ, цѣлый рядъ стихотвореній въ „Сынѣ Отечества", въ „Литературной Газетѣ" и въ „Прибавленіяхъ къ Инвалиду". Нѣкоторые изъ этихъ юношескихъ опытовъ даже обратили на себя вниманіе любителей поэзіи.

Послѣ цензорскаго разрѣшенія можно было приступить къ печатанію книги, но, какъ разсказывалъ впослѣдствіи самъ Некрасовъ, имъ овладѣли тревожныя сомнѣнія, и онъ рѣшилъ показать раньше свою рукопись признанному королю тогдашнихъ поэтовъ—Жуковскому. Послѣдній отнесся къ юному собрату съ теплымъ сочувствіемъ, увидавъ въ его стихахъ несомнѣнные задатки поэтическаго дарованія,—однако, печатать книгу не совѣтовалъ. Къ сожалѣнію, было уже поздно: среди знакомыхъ Некрасова была уже открыта на сборникъ его стиховъ подписка, и часть полученныхъ отъ нея денегъ издержана.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Жуковскій,—не выставляйте, по крайней мѣрѣ, полнаго вашего имени на книгѣ. Ограничьтесь иниціалами.

Совѣтъ этотъ Некрасовъ принялъ къ свѣдѣнію, и въ началѣ слѣдующаго года „Мечты и звуки" явились въ свѣтъ за скромной подписью Н. Н.

Книгъ выходило въ тѣ времена, сравнительно, немного, и кругъ вопросовъ, которыхъ журналы имѣли право касаться, былъ до чрезвычайности узокъ; поэтому о каждой почти вновь напечатанной книжкѣ, какъ бы ничтожно ни было ея значеніе, непремѣнно появлялись болѣе или менѣе пространныя рецензіи. „Мечты и звуки“ Некрасова не составили исключенія изъ общаго правила и вызвали цѣлую кучу отзывовъ: въ „Литерат. Газетѣ“, въ „Отечеств. Запискахъ“, въ „Современникѣ“, въ „Сѣв. Пчелѣ“, даже въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ (изъ видныхъ органовъ промолчалъ, кажется, одинъ только „Сынъ Отечества“ Полевого, быть можетъ, потому, что Некрасовъ на его страницахъ по преимуществу печаталъ свои стихи). Въ „Журн. М. Н. Пр.“ стихотворецъ Менцовъ, очевидно знавшій о возрастѣ автора „Мечтаній и звуковъ“, далъ одинъ изъ наиболѣе сочувственныхъ отзывовъ: рецензентъ исходилъ изъ того мнѣнія, что при разборѣ сочиненій столь юнаго поэта задача критики не въ опредѣленіи ихъ литературной цѣнности и значенія, а лишь въ рѣшеніи вопроса—есть ли у поэта признаки таланта, обѣщаетъ ли онъ въ будущемъ создать произведенія, достойныя вниманія и памяти. „И потому да не дивятся читатели,—замѣчалъ Менцовъ,—если мы будемъ судить г. Некрасова (критикъ считалъ возможнымъ разоблачить иниціалы) снисходительнѣе, нежели, можетъ быть, слѣдовало бы: похвалами умѣренными и справедливыми мы имѣемъ цѣлью ободрить его прекрасный талантъ и поощрить къ дальнѣйшимъ трудамъ въ пользу отечественной словесности“. Далѣе, рецензентъ осыпалъ похвалами отдѣльныя пьесы сборника, защищалъ юнаго автора отъ возможныхъ упрековъ въ подражательности и, въ заключеніе, предрекалъ Некрасову завидную извѣстность и почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если онъ будетъ „развивать свое природное дарованіе изученіемъ твореній поэтовъ, признанныхъ великими отъ всего просвѣщеннаго міра, и чтеніемъ лучшихъ Теорій Изящнаго“.

Такою же мягкостью проникнута была и коротенькая замѣтка „Современника“, написанная, вѣроятно, самимъ Плетневымъ. „Здѣсь не только *мечты и звуки*, какъ выразился поэтъ, но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая въ себѣ почти одни лирическія стихотворенія, исполнена разнообразія. Въ каждой пьесѣ чувствуется созданіе мыслящаго ума или воображенія. Наша эпоха такъ скудна хорошими стихотвореніями, что на подобныя явленія смотришь съ особеннымъ удовольствіемъ. У г. Н. Н. замѣтна только нѣкоторая небрежность въ отдѣлкѣ стихотвореній“.

Плетневъ, несомнѣнно, тоже хорошо зналъ, кто скрывается подъ таинственными иниціалами; но авторъ третьей рецензіи, помѣщенной въ „Сѣв. Пчелѣ“, прямо заявляетъ, что имя поэта ему

„вовсе неизвѣстно“, что оно, „кажется, въ первый разъ является въ нашей литературѣ“. И, тѣмъ не менѣе, подобно „Журналу М. Н. П.“, рецензентъ „Сѣв. Пчелы“ начинаетъ съ положенія, что снисходительность—одно изъ главныхъ условій критики, имѣющей передъ собою первые опыты юношескаго пера, особенно когда въ нихъ примѣтно дарованіе, которое впослѣдствіи можетъ развернуться; дарованіе же Н. Н., по мнѣнію критика, не подлежитъ никакому сомнѣнію и возбуждаетъ самыя пріятныя надежды. Какъ и Менцовъ, онъ ставитъ только на видъ юному поэту необходимость „образовать“ свой талантъ долгимъ изученіемъ искусства и безпрерывнымъ наблюденіемъ за самимъ собою.

Не такъ, однако, легко и снисходительно отнеслись къ „Мечтамъ и звукамъ“ анонимный критикъ „Литерат. Газеты“ (гдѣ Некрасовъ не разъ помѣщалъ передъ тѣмъ свои стихи) и самъ Бѣлинскій въ „Отеч. Запискахъ“. Обѣ рецензіи до того сходны по мыслямъ, по тону и самому слогу, что и въ первой изъ нихъ можно было бы заподозрить перо Бѣлинскаго (тѣмъ болѣе, что послѣдній сотрудничалъ и въ „Литерат. Газетѣ“), если бы не существовало прямыхъ указаній на принадлежность ея Галахову или Каткову. „Особенность подобныхъ г-ну Н. Н. поэтовъ и писателей вообще,—говорилось въ этой рецензіи,—заключается въ томъ, что они *суть нѣчто* до тѣхъ поръ, пока не издадутъ полнаго собранія своихъ сочиненій: тогда они становятся *ничто*“. „Названіе *Мечты и звуки* совершенно характеризуетъ стихотворенія г. Н. Н.: это не поэтическія созданія, а *мечты* молодого человѣка, владѣющаго стихомъ и производящаго звуки правильные, стройные, но не поэтическіе“.

Почти то же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ и Бѣлинскій въ „Отеч. Зап.“ Если проза можетъ еще удовлетворяться гладкой формой и банальнымъ содержаніемъ, то „стихи рѣшительно не терпятъ посредственности“. Читая такіе стихи, вы чувствуете иногда, что авторъ ихъ человѣкъ, несомнѣнно, благородный и искренній, но въ то же время видите, что эти благородныя чувства „такъ и остались въ авторѣ, а въ стихи перешли только отвлеченныя мысли, общія мѣста, правильность, гладкость и—скука. Душа и чувство есть необходимое условіе поэзіи, но не ими все оканчивается: нужна еще творческая фантазія, способность внѣ себя осуществить внутренній міръ своихъ ощущеній и идей и выводить во внѣ внутреннія видѣнія своего духа“.—„Прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣтить въ нихъ все знакомыя и истертыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки и много-много, если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ риѳмованныхъ строчекъ,—воля ваша, это чтеніе или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть о нихъ въ журналѣ извѣстіе вродѣ: выѣхалъ въ Ростовъ“.

Мы потому съ такой подробностью остановились на шумѣ, вызванномъ въ литературѣ первымъ поэтическимъ выходомъ Некрасова, что шумъ этотъ, несомнѣнно, оказалъ большое и существенное вліяніе на дальнѣйшую судьбу поэта. Авторитетный отзывъ Бѣлинскаго, высказанный въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., сразу заглушилъ, конечно, всѣ сочувственные голоса, и о „Мечтахъ и звукахъ“ установилось съ тѣхъ поръ прочное мнѣніе, какъ о книжкѣ стиховъ, до послѣдней степени ничтожныхъ и бездарныхъ. „Интересъ книжки въ томъ,—читаемъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (въ статьѣ С. А. Венгерова),—что мы здѣсь видимъ Некрасова въ сферѣ совершенно ему чуждой, въ роли сочинителя балладъ съ разными страшными заглавіями вродѣ „Злой духъ“, „Ангелъ смерти“, „Воронъ“ и т. п. „Мечты и звуки“ характерны не тѣмъ, что являются собраніемъ плохихъ стихотвореній Некрасова и какъ-бы *низшей* стадіею въ творчествѣ его, а тѣмъ, что они *никакой стадіи* (курсивъ словаря) въ развитіи таланта Н. собою не представляютъ. Некрасовъ, авторъ книжки „Мечты и звуки“, и Некрасовъ позднѣйшій—это два полюса, которыхъ нѣтъ возможности слить въ одномъ творческомъ образѣ“.

На самого поэта приговоръ Бѣлинскаго и Галахова (или Каткова?) подѣйствовалъ, между тѣмъ, самымъ угнетающимъ образомъ: съ этого, по крайней мѣрѣ, момента,—какъ бы увѣрившись, что лишенъ всякаго поэтическаго таланта,—онъ пишетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ стихи только юмористическаго характера, главнымъ же образомъ пытаетъ силы въ области прозы. Какъ извѣстно, въ роли беллетриста и критика Некрасовъ далеко не пошелъ, и въ смыслѣ непосредственной цѣнности литературное творчество его за пятилѣтіе 1840—44 г. является совершенно безплоднымъ. Другое дѣло—незримая, подспудная, такъ сказать, работа таланта, когда, сдерживаемый насильно въ извѣстныхъ рамкахъ, онъ судорожно бился въ поискахъ своей настоящей дороги: въ такомъ смыслѣ и указанные годы имѣли огромное значеніе для опредѣленія основного характера некрасовской поэзіи. Объ этомъ, впрочемъ, ниже; теперь же остановимся на минуту на возникающемъ невольно вопросѣ: насколько былъ правъ или неправъ Бѣлинскій въ суровомъ осужденіи первыхъ поэтическихъ опытовъ Некрасова? И вѣрно-ли держащееся до сихъ поръ мнѣніе, будто опыты эти не стоятъ рѣшительно ни въ какой связи съ позднѣйшимъ обликомъ „музы мести и печали“?

Взятая сама по себѣ, книжка „Мечты и звуки“, несомнѣнно, очень слаба, такъ что у Бѣлинскаго (къ тому же, только что переѣхавшаго изъ Москвы въ Петербургъ и не подозрѣвавшаго, что Некрасовъ такъ еще зеленъ) было очень мало данныхъ для того, чтобы отнестись къ ней иначе, чѣмъ онъ отнесся. Другое дѣло—критика нашихъ дней. Для насъ „Мечты и звуки“,—если бы это была

и дѣйствительно вполнѣ бездарная въ художественномъ отношеніи вещь,—имѣютъ интересъ совершенно особаго рода: это—первый опытъ поэта съ могучими поэтическими силами, и крайне любопытно знать, нѣтъ-ли въ этомъ опытѣ, хотя бы и въ зачаточномъ видѣ, элементовъ того настроенія, которое такъ ярко сказалось въ позднѣйшей некрасовской поэзіи. Подходя къ вопросу съ такой точки зрѣнія, разсматривая „Мечты и звуки“ съ высоты 62 лѣтъ, мы должны признать черезчуръ суровымъ приведенный выше отзывъ С. А. Венгерова. Прежде всего нельзя сказать, что въ „Мечтахъ и звукахъ“ Некрасовъ является въ роли сочинителя страшныхъ балладъ,—такъ какъ балладъ этихъ (не по заглавію только страшныхъ) въ книжкѣ ничтожное меньшинство, всего 2—3 изъ общаго числа 44 пьесъ; а затѣмъ нужно замѣтить, что уже самая нелѣпость содержанія и примитивность формы обличаютъ ихъ принадлежность къ наиболѣе раннему, отроческому періоду творчества Некрасова. Со словъ сестры поэта извѣстно, что, покидая 16-лѣтнимъ мальчикомъ отцовскій домъ, онъ увезъ съ собою толстую тетрадь съ *дѣтскими* стихотворными упражненіями („за славой я въ столицу торопился“—вспоминалъ онъ самъ на смертномъ одрѣ). Это было 20 іюля 1838 года, а съ сентябрьской книжки „Сына Отечества“ за тотъ же годъ стихи Некрасова уже стали печататься.

Позволительно также предполагать, что молодой поэтъ, уже сумѣвшій передъ тѣмъ написать незаурядное стихотвореніе „Жизнь“, и помѣстилъ то эти баллады въ свой сборникъ единственно ради внѣшняго его округленія, а, быть можетъ, и ради... умилостивленія безмѣрно строгой тогда цензуры. Слѣды ея властной руки можно видѣть въ этомъ сборникѣ не въ видѣ только разбросанныхъ тамъ и сямъ точекъ. Такъ, въ стихотвореніи „Поэзія“ читаемъ:

Я владѣю чуднымъ даромъ,
Много власти у меня,
Я взволную грудь пожаромъ,
Брошу въ холодъ изъ огня;
Разорву покровы ночи,
Тьму вѣковъ разоблачу,
Проникать земныя очи
Въ міръ надзвѣздный научу...
Возложу вѣнецъ лавровый
На достойнаго жреца,
Или въ мигъ запру въ оковы
Поносителя вѣнца.

Не надо обладать особенной проницательностью, чтобы догадаться, что послѣдній стихъ въ первоначальномъ текстѣ читался, по всей вѣроятности: *„Я носителя вѣнца“*, и что печатной своей нелѣпостью онъ обязанъ мнительности цензора Фрейганга, которому всякій „вѣнецъ“ (хотя бы то былъ вѣнецъ Нерона!) казался

чѣмъ то неприкосновеннымъ. Быть можетъ, объ этой именно остроумной цензорской поправкѣ вспоминалъ Некрасовъ двадцать пять лѣтъ спустя, когда въ уста не въ мѣру ретиваго стража печати вкладывалъ слѣдующее признаніе:

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ васъ лишалъ.
Оставлялъ я страницы и строки,
Только вредную мысль исключалъ.
Если ты написалъ: «Равнодушно
Губернатора встрѣтилъ народъ»,
Исключу я три буквы: «Ра-душно»
Выйдетъ... Что же? Три буквы не счетъ! *)

Если, за одно со „страшными" балладами, выключить изъ сборника и нѣкоторое количество просто безцвѣтныхъ и безсодержательныхъ дѣтскихъ стишковъ вродѣ „Турчанки" (у которой кудри—„вороновы перья, черны, какъ геній суевѣрья, какъ скрытой будущности даль"), или „Ночи" („Ахъ туда, туда, туда—къ этой звѣздочкѣ унылой чародѣйственною силой занеси меня, мечта"!), то большинство пьесъ книги окажется проникнуто весьма опредѣленнымъ взглядомъ на жизнь, на достоинство и призваніе человѣка, поэта въ особенности,—взглядомъ, который ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать „полюсомъ, противоположнымъ" позднѣйшей некрасовской поэзіи.

Вотъ, напр., діалогъ, въ которомъ душа, въ отвѣтъ на соблазны тѣла, гордо заявляетъ:

Прочь, искуситель! Не напрасно
Безсмертьемъ я освящена!
. . . . . .
Хотя однажды, трупъ безсильный,
Ты мнѣ уступишь торжество!

Въ другомъ стихотвореніи—духъ разрушеннаго, великолѣпнаго нѣкогда Колизея находитъ утѣшеніе въ мысли, что хотя онъ и погибъ, но уже много столѣтій не обрызганъ живой человѣческой кровью. Или стихотвореніе—„Мысль":

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый...
. . . . . .
Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи!

---

*) Тургеневъ вспоминаетъ: «Особеннымъ юморомъ отличался цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: «Помилуйте, я всѣ буквы оставлю, только духъ повытравлю». Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя въ глаза; «Вы хотите, чтобъ я не вымарывалъ? Но посудите сами: я не вымараю—и могу лишиться 3000 р. въ годъ, а вымараю—кому отъ этого какая печаль? Были словечки, нѣтъ словечекъ... Ну, а дальше? Какъ же мнѣ не марать?! Богъ съ вами»! («Литерат. и жит. воспом.»)—Очевидно, Тургеневъ имѣлъ въ виду того же Фрейганга.

Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи.

Все это выражено, правда, по-дѣтски, въ неяркихъ и подчасъ аляповатыхъ стихахъ; однако, сквозитъ во всемъ этомъ серьезное и вдумчивое отношеніе къ жизни; уже и здѣсь передъ нами не просто лишь созерцательная поэтическая натура, непосредственно и безразлично отдающаяся „всѣмъ впечатлѣньямъ бытія", а мыслящій поэтъ, предъявляющій къ жизни свои требованія и запросы.

Вотъ какія негодующія строки находимъ, напр. въ стих. „Жизнь":

Изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній
Разгульной оргіей мы сдѣлали тебя
(т. е.—жизнь),
И гибельно паритъ надъ нами злобы геній,
Еще въ зародышѣ все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуреваетъ насъ, блаженства ищемъ мы,
А къ пропасти ведетъ порокъ и заблужденье
Святою вѣрою нетвердые умы.
Поклонники грѣха, мы не рабы Христовы;
Намъ тяжекъ крестъ скорбей, даруемый судьбой;
Мы не умѣемъ жить, мы сами на оковы
Мѣняемъ всѣ дары свободы золотой.
. . . . . Искусства намъ не новы:
Не сдѣлавъ ничего, спѣшимъ мы отдохнуть;
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество—оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что онѣ безумнымъ намъ приносятъ?
Презрительно смѣясь надъ слабостью земной,
Священнаго огня намъ искру въ сердце бросятъ
И сами же зальютъ его нечистотой!
За наслажденьями, по ихъ дорогѣ смрадной,
Слѣпые, мы идемъ и ловимъ только тѣнь;
Терзаютъ нашу грудь, какъ коршунъ кровожадный,
Губительный порокъ, бездѣйственная лѣнь.
И послѣ буйнаго минутнаго безумья,
И чистый жаръ души, и совѣсть погубя,
Мы съ тайнымъ холодомъ невѣрья и раздумья
Проклятью предаемъ неистово тебя!

Стихи эти явно, конечно, навѣяны страстнымъ обвиненіемъ, которое великій поэтъ бросилъ передъ тѣмъ въ лицо русскому обществу („Дума" Лермонтова появилась въ янв. книгѣ „Отеч. Зап." того же 39 года, т. е. за полгода всего до цензорскаго разрѣшенія „Мечтаній и звуковъ"); нельзя, однако, отрицать, что въ „Жизни" Некрасова слышится и оригинальная нота, искренній религіозный паѳосъ; нѣкоторые стихи не лишены и извѣстной красоты и силы выраженія (напр., подчеркнутые нами). Во всякомъ случаѣ, такъ можетъ „подражать" далеко не всякій 17-лѣтній поэтъ.

Самую миссію поэта юный Некрасовъ понимаетъ въ возвышенномъ, почти экзальтированномъ смыслѣ.

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ,
Кто у него пощады вымоляетъ,
Кто передъ нимъ колѣна преклоняетъ,
Тотъ не поэтъ!
Кто юныхъ дней губительныя страсти
Не подчинилъ разсудка твердой власти,
Но, волю давъ и чувствамъ, и страстямъ,
Пошелъ, какъ рабъ, во слѣдъ за ними самъ,
Кто слезы лилъ въ годину испытанья
И трепеталъ подъ игомъ тяжкихъ бѣдъ
И не сносилъ безропотно страданья,
Тотъ не поэтъ!
На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
Кого сей міръ въ душѣ не вдохновлялъ,
Кто предъ грозой разгнѣваннаго Бога
Съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ,
Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ себя толпѣ за злато,
Тотъ не поэтъ!
Любви святой, высокой, благородной
Кто не носилъ въ груди своей огня,
Кто на порокъ презрительный, холодный
Смѣнилъ любовь, святыни не храня;
Кто не горѣлъ въ горнилѣ вдохновеній,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ суетъ,
Съ кѣмъ не бесѣдовалъ въ часы ночные геній —
Тотъ не поэтъ!

Не думаемъ, чтобы эти мысли были плодомъ одного только подражанія романтической школѣ: въ значительной степени это искреннія юношескія мечты о высокомъ призваніи писателя. Изъ другого стихотворенія („Изгнанникъ") мы узнаемъ, что уже рано дѣйствительность грубою рукой прикоснулась къ свѣтлымъ мечтаніямъ поэта, и онъ „очутился на землѣ".

Ты осужденъ печать изгнанья
Носить до гроба на челѣ,—

сказалъ ему тогда таинственный голосъ:

Ты осужденъ цѣной страданья
Купить въ странѣ очарованья
Рай, недоступный на землѣ!

И поэтъ не теряетъ бодрости; онъ даже полюбилъ свой крестъ:

Теперь отрадно мнѣ страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастій потъ съ чела стирать!

За туманно-романтической формой, какъ-будто, чуется здѣсь и нѣчто автобіографическое (печальное дѣтство; разрывъ съ отцомъ, бросившій юношу-поэта почти нищимъ на мостовую большого города), какъ-будто слышится искренняя нота горделивой увѣренности, что, и „очутившись на землѣ“, онъ не утратилъ стремленія къ идеалу: хотя бы „цѣной страданья“, онъ придетъ въ обѣтованную землю!

Красавица, не пой веселыхъ пѣсенъ мнѣ!—

читаемъ въ другой пьесѣ, интересной въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые выступаетъ образъ матери Некрасова, воспѣтый имъ позже въ такихъ чудныхъ, трогательныхъ стихахъ:

Онѣ плѣнительны въ устахъ прекрасной дѣвы,
Но больше я люблю печальные напѣвы...

Унылый тонъ этихъ напѣвовъ,—объясняетъ поэтъ,—въ особенности милъ ему потому,

Что въ первый жизни годъ родимая съ тоской
Смиряла имъ порывъ ребяческаго гнѣва,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что въ годы бурь и бѣдъ завѣтною молитвой
На томъ же языкѣ молилась за меня;
Что, побѣжденъ житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стеня...

Слѣдуетъ еще отмѣтить печать глубокой религіозности, характеризующей сборникъ „Мечты и звуки“. Въ каждомъ почти стихотвореніи встрѣчаемъ упоминаніе о Богѣ, о молитвѣ, о необходимости „путь къ знаньямъ вѣрой освѣтить“ и „разлюбить родного сына за отступленье отъ Творца“. Духъ сомнѣнія представляется юному Некрасову злымъ духомъ, и онъ совѣтуетъ не ввѣрять сердца „его всегда недоброму внушенью“.

Порывъ души въ избыткѣ бурныхъ силъ,
Святой восторгъ при взглядѣ на творенье,
Размахъ мечты въ полетѣ вольныхъ крылъ,
И юныхъ думъ кипучее паренье
И юныхъ чувствъ не омраченный пылъ—
Все осквернитъ печальное сомнѣнье!

Напомнивъ еще разъ читателю, съ какой точки зрѣнія оцѣниваемъ мы „Мечты и звуки“, резюмируемъ теперь наше общее впечатлѣніе. Книжка эта является, по нашему мнѣнію, не столько продуктомъ сознательнаго литературнаго подражанія романтической школѣ, сколько—зеркаломъ дѣтски-неопытной и наивной, но глубоко-искренней, религіозно и поэтически настроенной юной души. Слабые въ художественномъ отношеніи, стихи эти обнаруживаютъ, тѣмъ не менѣе, богатый запасъ нетронутой ду-

шевной силы и свѣжаго чувства. Позднѣйшему, знаменитому Некрасову,—кромѣ плохой формы,—положительно нечего въ нихъ стыдиться: по альтруистически-повышенному настроенію своему „Мечты и звуки“ являются именно подготовительной, „низшей стадіей“ его творчества, отнюдь не звучащей въ немъ диссонансомъ. И намъ кажется, что знакомство съ этой дѣтской книжкой Некрасова дѣлаетъ, какъ-будто, менѣе страннымъ фактъ „внезапнаго“, какъ обыкновенно думаютъ, превращенія посредственнаго разсказчика и куплетиста въ первостепеннаго лирика.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, одну любопытную черту, касающуюся внѣшней формы стиховъ сборника „Мечты и звуки“. Оказывается, что уже въ эту раннюю пору Некрасовъ не питалъ такого исключительнаго пристрастія къ ямбу, какъ Пушкинъ и поэты его школы: изъ 44 пьесъ сборника ямбомъ написана лишь половина, другая половина—амфибрахіемъ, дактилемъ и хореемъ (нѣтъ только излюбленнаго впослѣдствіи Некрасовымъ анапеста). Встрѣчаются уже и столь характерныя для позднѣйшаго Некрасова трехсложныя рифмы:

Мало на долю мою безталанную
Радости сладкой дано;
Холодомъ сердце, какъ въ бурю туманную,
Ночью и днемъ стѣснено.
Въ свѣтѣ какъ лишній, какъ чѣмъ опозоренный,
Вѣчно одинъ я грущу...

Довольно часты также рискованныя рифмы, которыми поэтъ и впослѣдствіи не брезговалъ: „буду—минуту“, „слѣпо—небо“, „брата—отрада“ и т. п.

II.

Кто же былъ этотъ юноша-идеалистъ, потерпѣвшій такое жестокое крушеніе при первой же попыткѣ выйти въ треволненное литературное море?

Некрасову не исполнилось еще и семнадцати лѣтъ, когда лѣтомъ 1838 года онъ явился на улицахъ Петербурга съ тетрадкой стиховъ въ карманѣ (значительная часть ихъ годъ спустя вошла въ книжечку „Мечты и звуки“), а между тѣмъ, испытать и пережить ему пришлось уже больше, чѣмъ иному взрослому человѣку. Къ сожалѣнію, фактическія подробности его дѣтской жизни біографамъ поэта извѣстны довольно смутно: въ точности не знаютъ даже, гдѣ онъ родился, какъ звали его мать (по однимъ свѣдѣніямъ—Александрой, по другимъ—Еленой), сколько лѣтъ провелъ онъ въ Ярославской гимназіи (кто пишетъ—два года, кто—шесть), изъ какого класса и почему, собственно, вышелъ; въ какомъ, на-

конецъ, году пріѣхалъ въ Петербургъ *). Нужно надѣяться, что предстоящій юбилей восполнитъ эти біографическіе пробѣлы; газеты, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ, что въ Ярославлѣ, считающемся, такъ сказать, пріемной родиной Некрасова, идетъ въ этомъ направленіи дѣятельная работа: перебирается гимназическій архивъ, опрашиваются родственники поэта (въ Ярославлѣ живетъ до сихъ поръ младшій братъ его, Ѳедоръ Алексѣевичъ Некрасовъ). Весь полученный новый матеріалъ, вмѣстѣ съ не напечатанными до сихъ поръ рукописями Некрасова, будетъ обнародованъ въ спеціальномъ (юбилейномъ) литературномъ сборникѣ.

Конечно, все это въ высшей степени интересно. Но задача настоящей статьи собственно не біографія Некрасова, и подробности дѣтства и отрочества его имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе; тѣмъ болѣе что общій характеръ этихъ лѣтъ ярко очерченъ самимъ поэтомъ въ массѣ его произведеній. Даваемыми имъ свѣдѣніями мы и можемъ удовлетвориться.

На фонѣ младенческихъ воспоминаній Некрасова ярко вырисовываются необыкновенно характерная для тогдашней русской жизни фигура его отца, грубаго и невѣжественнаго самодура-помѣщика (средней руки), и матери, молодой образованной женщины съ тонкой душевной организаціей и кроткимъ любящимъ сердцемъ.

Ты увлеклась армейскимъ офицеромъ,
Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
Не спорю—онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ;
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?

Съ такими словами обращается (въ поэмѣ „Мать“) къ своей бѣглянкѣ-дочери бабка поэта, варшавская аристократка Закревская,—и, кажется, портретъ этотъ вполнѣ отвѣчалъ дѣйствительности. Да и чѣмъ инымъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, быть заурядный армейскій офицеръ двадцатыхъ годовъ, выросшій въ условіяхъ крѣпостного права? Если даже самъ поэтъ, въ сравнительно позднее время, воспитывался окруженный псарями, музыкантами, „крѣпостными любовницами, гаэрами и слугами“, въ домѣ, жизнь котораго текла „среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства“, то можно вообразить, какова была среда, окружавшая старика-Некрасова, дѣдъ котораго (воевода) и отецъ (штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ), богатѣйшіе помѣщики края, проиграли въ карты нѣсколько тысячъ „душъ“ крестьянъ. И если ихъ потомокъ-поэтъ сумѣлъ съ годами „стряхнуть съ души своей тлетворные слѣды поправшей все разумное ногами, гор-

*) Самъ Некрасовъ называлъ 1837 годъ (годъ смерти Пушкина), но точное указаніе его сестры (20 іюля 1838 г.), повидимому, болѣе соотвѣтствуетъ фактамъ.

дившейся невѣжествомъ среды", то, по его собственному свидѣтельству, „живую душу" спасла въ немъ мать, бывшая несомнѣнно рѣдкимъ, необычнымъ явленіемъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, случайной его, экзотической гостьей. У Некрасова-отца такой матери, конечно, не было... Онъ не представлялъ, правда, чего-либо исключительнаго, чудовищнаго на фонѣ своей мрачной эпохи,—онъ былъ лишь типичнымъ помѣщикомъ двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ, въ достаточной степени умѣвшимъ отравлять жизнь не только своимъ крѣпостнымъ, но и собственной семьѣ, хотя надо сознаться, что сынъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для его обрисовки: дикарь, угрюмый невѣжда, деспотъ и даже палачъ—такъ и мелькаютъ въ тѣхъ мѣстахъ стихотвореній и поэмъ Некрасова, которыя посвящены воспоминаніямъ объ отцѣ. „Твой властелинъ",—обращается онъ, уже умирая самъ, къ покойной матери:

. . . . наслѣдственные нравы
То покидалъ, то буйно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ!

А въ поэмѣ „Несчастные" находимъ и болѣе подробную картину (хотя въ общемъ герой этой поэмы м не можетъ быть отождествленъ съ авторомъ, но изображенія его дѣтства и юности, несомнѣнно, автобіографичны).

Рога трубятъ ретиво,
Пугая ранній сонъ дѣтей,
И воютъ псы нетерпѣливо...
До солнца сѣли на коней—
Ушли... Орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ.
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.
. . . . . .
Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ—снова рогъ трубитъ.
Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ:
Ихъ взоръ унылъ, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ!
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою)...
Что слышитъ? Пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;

Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой;
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы...
. . . . . .
Смѣются гости надъ ребенкомъ,
И чей-то голосъ говоритъ:
«Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ-то травленымъ волченкомъ?
Поди сюда»! *Блѣднѣетъ мать;*
Волченокъ смотритъ—и ни шагу.
«Упрямство надо наказать—
Поди сюда»!—Волченокъ тягу...
«А-ту его»! Тяжелый сонъ...

Николай Алексѣевичъ, первенецъ въ семьѣ, былъ, повидимому, много старше своихъ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ, и одинокое дѣтство его протекало въ невыносимо-душной нравственной атмосферѣ. Чтобы получить объ ней понятіе, достаточно прочесть „Родину“, или другое стихотвореніе того же періода—„Въ невѣдомой глуши“, которое авторъ, по не совсѣмъ понятнымъ для насъ мотивамъ, не хотѣлъ признавать оригинальнымъ. Первоначально стихотвореніе это было озаглавлено: „Изъ Ларры“, позже—„Подражаніе Лермонтову“, при чемъ въ авторскомъ экземплярѣ сдѣлано было такое примѣчаніе: „Сравни: Арбенинъ (въ драмѣ *Маскарадъ*). Не желаю, чтобы эту поддѣлку раннихъ лѣтъ считали какъ черту моей личности“. И еще слѣдовало ироническое добавленіе: „Былъ влюбленъ — и козырнулъ“. Понимай: порисовался демоническимъ плащемъ сильнаго, много испытавшаго, во всемъ разочаровавшагося человѣка...

Позволительно, однако, усомниться въ полной справедливости этого примѣчанія. Прежде всего, въ монологахъ лермонтовскаго героя отыщется всего лишь 5—6 строкъ, имѣющихъ болѣе или менѣе рельефное сходство съ некрасовской пьесой:

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ...
. . . . . .
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся!
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ—и увидалъ, что я *ее* люблю,
И стыдно молвить... *ужаснулся!*
И снова ревность, бѣшенство, любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ:
Изломанный челнокъ, *я снова брошенъ въ море!*
Вернусь ли къ пристани я вновь?

И еще въ другомъ монологѣ:

О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!

Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но нынче черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра («Маскарадъ»).

Сходство некрасовскаго стихотворенія съ первымъ изъ этихъ монологовъ Арбенина очень слабое, чисто-формальное; настроенія передъ нами глубоко-различныя: въ душу Арбенина любовь вноситъ ужасъ и смятеніе; у Некрасова, напротивъ, она означаетъ возрожденіе и надежду:

. . . Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь,
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впечатлѣній
Съ души изгладила любовь!

Мотивъ второго отрывка изъ „Маскарада", несомнѣнно, тотъ же, что и у Некрасова, но у послѣдняго разработанъ онъ съ такими пластически-реальными подробностями и въ такомъ оригинальномъ освѣщеніи, что „подражаніемъ" его стихи трудно назвать: скорѣе, это—сходство настроеній, вытекшихъ изъ одинаковыхъ общественныхъ условій времени... Возможно, что Некрасова смущали слѣдующіе стихи его пьесы:

Я въ мутный ринулся потокъ
И молодость мою *постыдно и безумно*
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ.

И дѣйствительно, по отношенію къ личной біографіи поэта это совершенная неправда (а въ ней-то, собственно, и выразилось подражаніе Арбенину): если и были въ молодости Некрасова не совсѣмъ безгрѣшныя увлеченія, то, конечно, во сто разъ больше было въ ней непосильно-тяжелаго труда, мученій бѣдности, благородныхъ юношескихъ стремленій... За то начало стихотворенія даетъ, повидимому, вполнѣ вѣрную картину растлѣвающаго вліянія на юную душу—отцовскаго дома съ его рабовладѣльческими нравами и инстинктами:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты
(т. е. разоренныхъ и озлобленныхъ рабовъ-крестьянъ),
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.

Вѣдь это почти то же, что̀ разсказывается и въ знаменитой „Родинѣ“, гдѣ Некрасовъ, несомнѣнно уже, говоритъ о самомъ себѣ:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
. . . . . .
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ *иногда бывалъ помѣщикомъ и я*;
Гдѣ отъ души моей, *довременно-растлѣнной*,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ...

Какія тяжелыя, поистинѣ кошмарныя воспоминанія вынесъ поэтъ изъ своего дѣтства, видно изъ заключительныхъ строкъ той же „Родины“:

И *съ отвращеніемъ* кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ и т. д.

Послѣ этого отнюдь не кажется преувеличеніемъ страдальческій крикъ:

Всему, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!

По счастью, однако, въ томъ же родномъ краю и въ томъ же раннемъ дѣтствѣ Некрасова лежитъ начало и всему, что̀ было благословеніемъ его жизни. Это—обольстительно-свѣтлый образъ рано умершей мученицы-матери, навсегда воплотившей для него идеалъ любви, терпѣнія и гуманности! Безъ преувеличенія можно сказать, что болѣе трогательнаго и поэтическаго образа не знаетъ не только русская поэзія, но, быть можетъ, и вся русская литература... Смягчая и просвѣтляя мрачные звуки некрасовской лиры, образъ этотъ не разъ спасалъ и самого поэта отъ конечнаго паденія...

Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила, нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты, грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
. . . . . .
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою

И на правый поставила путь.
Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой вещаво-безгласная,
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно-свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія
Ты, чистѣйшей любви божество!
. . . . . .
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Читатель нашъ, конечно, десятки разъ перечитывалъ эту безконечно-трогательную молитву-жалобу—и, тѣмъ не менѣе, онъ не посѣтуетъ, мы увѣрены, за длинную выписку...

Вотъ, между прочимъ, что разсказываетъ по поводу „Рыцаря на часъ“ Н. К. Михайловскій въ февр. кн. „Русск. Бог.“ за 1897 г. (тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ цитируемъ эту страницу, что она вкраплена въ статью, посвященную совсѣмъ другому писателю и до сихъ поръ не вошедшую ни въ одно отдѣльное собраніе сочиненій): „Мимоходомъ сказать, какая странная судьба этого изумительнаго стихотворенія Некрасова, которое, если бы онъ даже ни одной строки больше не написалъ, обезпечивало ему „вѣчную память“, и которое едва-ли кто-нибудь, по крайней мѣрѣ, въ молодости, могъ читать безъ предсказанныхъ поэтомъ „внезапно хлынувшихъ слезъ съ огорченнаго лица“. Мнѣ вспоминается одинъ вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жилъ въ Любани, ко мнѣ пріѣхали изъ Петербурга гости, большею частью уже не молодые люди, въ томъ числѣ Г. И. Успенскій. Поговорили о петербургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто-то предложилъ по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя „Рыцаря на часъ“. И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ домѣ; на улицѣ, занесен-

ной снѣгомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ комнатѣ, около стола, освѣщеннаго лампой, сидитъ нѣсколько человѣкъ, повторяю, большею частію не молодыхъ; Глѣбъ Ивановичъ читаетъ; мы всѣ слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ стихотвореніе. Но вотъ голосъ чтеца слабѣетъ, слабѣетъ и—обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминаніе. Но вѣдь оно, пожалуй, даже не личное. По всей Россіи вѣдь разсыпаны эти маленькіе деревянные домики на безмолвныхъ и темныхъ улицахъ; по всей Россіи есть эти комнаты, гдѣ читаютъ (или читали?) „Рыцаря на часъ“ и льются (или лились?) эти слезы... А между тѣмъ, въ извѣстномъ сборникѣ г. Зелинскаго критическихъ статей о Некрасовѣ, доведенномъ до 1877 г., т. е. до года смерти поэта, вы найдете всего пять упоминаній о „Рыцарѣ на часъ“, да и то, во-первыхъ, очень бѣглыхъ, а, во-вторыхъ, одно изъ нихъ относится къ рѣчи свящ. Горчакова на могилѣ поэта, а другое къ некрологической статьѣ Достоевскаго. А вѣдь стихотвореніе написано въ 1860 г. Что же это значитъ? То-ли, что многочисленные враги Некрасова не смѣли коснуться этой блещущей безпощадною искренностью поэтической жемчужины, а еще болѣе многочисленные друзья и почитатели благоговѣйнымъ молчаніемъ выражали свое уваженіе къ интимной сторонѣ житейской драмы, воплощенной въ этомъ воплѣ души?.. Во всякомъ случаѣ, „неизвѣстный другъ“, приславшій Некрасову въ трудную минуту его жизни ободряющее стихотвореніе, былъ правъ, когда, перечисливъ обращаемые къ поэту упреки, прибавлялъ:

Но отчего-жъ весь міръ сильнѣй любитъ
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!»

Для насъ важно сейчасъ констатировать, что эта способность будить въ читателяхъ „благіе порывы“, въ свою очередь, заложена была въ душу Некрасова его матерью.—Полька по происхожденію, воспитанію, религіи и языку, противъ воли родителей вышедшая за русскаго офицера, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ походной жизни, она очутилась въ чужой ей до тѣхъ поръ, грубой обстановкѣ захолустнаго помѣщичьяго дома, окруженная „роемъ подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ“, и здѣсь, одинокая, оскорбленная въ лучшихъ чувствахъ, увядала, какъ та сказочная царевна, которую жестокій колдунъ держитъ и терзаетъ въ плѣну. Но въ сказкѣ,—съ горечью говоритъ Некрасовъ въ своихъ „Несчастныхъ“,—придетъ благородный витязь, убьетъ злого волшебника и вмѣстѣ съ клочьями его негодной бороды, броситъ къ ногамъ освобожденной красавицы свою руку и сердце; дѣйствительность была ужаснѣе. Безъ конца и безъ на-

дежды на освобожденіе, „любя, прощая, чуть дыша“, „святая женская душа“ цѣлыхъ двадцать лѣтъ провела въ своей пустынѣ,—всю молодость, всю жизнь!

По счастью, мать Некрасова умѣла не только плакать и „легкой тѣнью“ бродить по липовымъ аллеямъ грешневскаго сада; не умѣя бороться активно, она въ высокой степени обладала способностью борьбы пассивной, она была „горда и *упорна*“ (качество, всецѣло унаслѣдованное и ея сыномъ-первенцемъ). Она могла терпѣть, нести свой крестъ „въ молчаніи рабы“, но жила и дѣйствовала всетаки по своему, такъ, какъ подсказывало ей любящее сердце... Ея сынъ и пѣвецъ разсказываетъ, что, осужденная сама на страданія, за страданія же полюбила она и свою новую родину:

Несчастна ты, о родина, я знаю,—

влагаетъ онъ въ ея уста обращеніе къ Польшѣ начала тридцатыхъ годовъ:

Весь край въ крови, весь заревомъ объятъ,
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!

И въ продолженіе двадцати долгихъ лѣтъ страданія она была ангеломъ-хранителемъ не только для собственныхъ дѣтей, но и для крѣпостныхъ рабовъ. „Ты не могла голодному дать хлѣба, ты не могла свободы дать рабу; но лишній разъ не сжало чувство страха его души, но лишній разъ изъ трепета и праха онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ.“ И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что сѣмена любви къ несчастному порабощенному народу посѣяны были въ душѣ нашего поэта именно рукою его страдалицы-матери. Рисуя впослѣдствіи (въ „Пиръ на весь міръ“) симпатичный образъ семинариста-поэта Гриши, Некрасовъ, быть можетъ, не объ одномъ Добролюбовѣ вспоминалъ, когда писалъ:

И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью *къ бѣдной матери*
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слилась—и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что будетъ жить для счастія
Убогаго и темнаго
Родного уголка...

Если не жить для счастья убогаго и темнаго люда, то работать для него, несомнѣнно, мечталъ и юноша-Некрасовъ. Гуманное вліяніе матери заключалось не въ одномъ только примѣрѣ, но и въ непосредственномъ воздѣйствіи. Она была человѣкомъ образованнымъ; на поляхъ оставшихся послѣ ея смерти польскихъ книгъ, привезенныхъ когда-то съ далекой родины, сынъ

ея—поэтъ, нашелъ впослѣдствіи рядъ замѣтокъ, обнаруживавшихъ пытливый умъ и глубокій интересъ къ предмету чтенія. Уходя мыслью къ временамъ ранняго дѣтства, онъ припоминаетъ, какъ въ зимнія сумерки, у догорающаго камина, она держала его на колѣняхъ и ласковымъ, мелодическимъ голосомъ разсказывала, подъ завыванія вьюги, сказки „о рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ".

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.

Такимъ образомъ, и первая искра любви къ поэзіи была заронена въ душу Некрасова той же матерью (извѣстно, что семи лѣтъ отъ роду онъ уже писалъ стихи, и даже сохранилось его дѣтское четверостишіе, обращенное къ матери).

Изъ всего этого видно, что чуткая, нервно-впечатлительная душа будущаго поэта, на зарѣ своей сознательной жизни, находилась подъ двумя рѣзко противоположными вліяніями; они-то, быть можетъ,—эти вліянія,—и послужили фундаментомъ при созданіи загадочно-сложнаго, полнаго такихъ удивительныхъ контрастовъ, характера Некрасова и его одновременно—реальной и идеалистической музы.

Мы проходимъ мимо гимназическаго періода жизни Некрасова, такъ какъ въ литературѣ имѣются пока лишь глухія, отрывочныя и часто противорѣчивыя свѣдѣнія объ этихъ годахъ. Каковы были его учителя, товарищи? Какой уровень знаній и нравственнаго развитія давала тогдашняя ярославская гимназія своимъ ученикамъ? Какъ жили, что дѣлали и читали эти послѣдніе внѣ стѣнъ учебнаго заведенія? Возстановить полную картину этихъ лѣтъ жизни Некрасова врядъ ли уже удастся. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что пребываніе въ гимназіи въ значительной степени сняло съ Некрасова гнетущія путы отцовскаго деспотизма и рано развило въ его характерѣ черту самостоятельности. Въ родительскую деревню онъ пріѣзжалъ въ эти годы только на рождественскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы, все же остальное время жилъ съ младшимъ братомъ въ Ярославлѣ на частной квартирѣ, пользуясь почти безграничной свободой. Правда, къ нему съ братомъ приставленъ былъ крѣпостной дядька, но надзоръ этотъ ограничивался лишь матеріальной стороной жизни молодыхъ барчуковъ, а никакъ не умственной или нравственной. Существуетъ указаніе (опирающееся, кажется, на расказъ сестры поэта), что Некрасовъ—гимназистъ злоупотреблялъ этой свободой,—участвовалъ въ товарищескихъ пирушкахъ и другихъ нездоровыхъ развлеченіяхъ, учился плохо и къ гимназическому начальству относился непочтительно; между про-

чимъ, онъ писалъ сатирическіе стихи на учителей,—обстоятельство, повліявшее, будто бы, и на невольное удаленіе его изъ четвертаго или пятаго класса...

Семейное преданіе это не слѣдуетъ, однако, принимать съ абсолютнымъ довѣріемъ. Извѣстно вѣдь, какъ относится обыкновенно семья къ исключенному изъ училища юношѣ: обвиняютъ во всемъ его одного; охотно преувеличиваются и раздуваются до грандіозныхъ размѣровъ его шалости, его распущенность... Что послѣдняя не доходила у Некрасова до чего-нибудь отталкивающаго, безобразнаго, порукой намъ служатъ тѣ же „Мечты и Звуки", составившіяся, главнымъ образомъ, изъ стихотвореній, писанныхъ въ гимназическіе годы и, однако, проникнутыхъ свѣтлымъ идеализмомъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Не такова была натура Некрасова, чтобы систематически предаваться лѣни, шелопайству и распутству. Шестнадцатилѣтнимъ юношей очутился онъ на еще болѣе безграничной свободѣ, въ Петербургѣ, совсѣмъ уже вдали отъ родительскаго глаза,—и это ничуть не помѣшало ему (даже если и бывали временами увлеченія и ошибки) упорно трудиться и идти по разъ намѣченному пути. Природная искра Божія и идеалистическое вліяніе матери, очевидно, были крѣпкимъ щитомъ противъ недобрыхъ и темныхъ силъ жизни.

III.

За тяжелой порою дѣтства и отрочества, омраченной раннимъ знакомствомъ со всей грязью и ужасомъ крѣпостного строя русской жизни, послѣдовала еще болѣе безрадостная и мрачная юность. Вскорѣ она затмила собою самыя ужасныя воспоминанія раннихъ лѣтъ, и, какъ это часто случается, юношѣ начало даже казаться, что позади остались одни только „ручейки, долины, холмики, лѣски и все, чѣмъ *въ долѣ беззаботной въ деревнѣ счастливъ земледѣлъ*, чему-бъ теперь опять охотно душой предаться я хотѣлъ" („Мечты и Звуки").

Я былъ несчастнѣй,—

Сравниваетъ онъ дальше свою долю съ долей земляка-товарища, тоже попавшаго въ Петербургъ:

Я пилъ дольше
Очарованье бытія,
За то потомъ и плакалъ больше,
И громче жаловался я.

Какъ извѣстно, благодаря ссорѣ съ отцомъ, сынъ богатаго сравнительно помѣщика, Некрасовъ очутился одинъ одинеше-

некъ на улицахъ Петербурга въ положеніи почти нищаго; но на психологическую сторону этого превращенія какъ-то мало обращалось до сихъ поръ вниманія. По исключеніи изъ гимназіи, поэту грозила серьезная опасность пойти по слѣдамъ предковъ, въ ранніе годы поступавшихъ въ военную службу и тамъ, въ душной атмосферѣ казармы, заканчивавшихъ свое воспитаніе или, лучше сказать, развращеніе, начатое въ рабовладѣльческой усадьбѣ. Военщина являлась въ тѣ времена не только послѣднимъ прибѣжищемъ для всѣхъ недорослей изъ дворянъ, неудачниковъ на другихъ путяхъ жизни, но и окружена была въ глазахъ обывателя извѣстнымъ ореоломъ, какъ одна изъ наиболѣе завидныхъ жизненныхъ карьеръ. О такой карьерѣ для сына мечталъ отецъ; толкали юношу на проторенный путь и матеріальныя затрудненія родителей: семья ихъ все росла, а денежныя средства, благодаря широкимъ привычкамъ главы дома, все таяли; на продолжительную и значительную поддержку изъ дому Некрасовъ разсчитывать поэтому не могъ. И вотъ, лѣтомъ 1838 г., его отправили съ рекомендательнымъ письмомъ къ жандармскому генералу Полозову въ Петербургъ, для поступленія на казенный счетъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ Петербургъ Некрасовъ явился, письмо Полозову передалъ, но—вмѣсто корпуса—сталъ готовиться къ экзаменамъ въ университетъ и, какъ бы бросая вызовъ ненавистному прошлому, въ сентябрьской книжкѣ „Сына Отечества“ напечаталъ первое свое стихотвореніе „Мысль“:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый!..

Біографы поэта утверждаютъ, что все это вышло случайно Некрасовъ познакомился, молъ, со студентомъ Глушицкимъ, и тотъ такъ „увлекъ его разсказами о преимуществахъ университетскаго образованія“, что мысль о корпусѣ была брошена. Въ дѣйствительности врядъ-ли произошло это такъ ужъ случайно: вѣдь не Глушицкій же заставилъ Некрасова, почти на другой день по пріѣздѣ въ Петербургъ, понести свои стихи въ журналъ Полевого; очевидно, и самъ поэтъ, не хуже другихъ, понималъ всѣ преимущества интеллектуальной карьеры передъ фронтовой шагистикой. Знакомство съ студенческимъ кружкомъ сыграло, по всей вѣроятности, въ его рѣшеніи лишь роль послѣдней капли, переполняющей чашу.

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Некрасова, Достоевскій, пытаясь найти ключъ къ этому загадочному, „раненому въ самомъ началѣ жизни“ сердцу, писалъ въ извѣстной некрологической статьѣ: „милліонъ—вотъ демонъ Некрасова... демонъ, который осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ — и никуда не пошелъ“... Достоевскій, какъ это часто случалось съ нимъ, увлекся

въ этомъ случаѣ яркимъ парадоксомъ, въ явный ущербъ истинѣ и справедливости *).

Безспорно, что Некрасову хорошо знакомъ былъ „мрачный и унизительный бѣсъ, — бѣсъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердою стѣною и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость и угрозы"; но неправда, что этотъ унизительный демонъ такъ ужъ безраздѣльно владѣлъ его душою, неправда, что жажда самообезпеченія была центральнымъ двигательнымъ нервомъ духовной жизни Некрасова. Если даже и вѣрно, что въ юности онъ поклялся „не умереть на чердакѣ", то клятва эта имѣла, конечно, не прямой и грубый смыслъ стремленія къ богатству и наживѣ (какъ толкуютъ друзья—недруги поэта), а смыслъ болѣе сложный и глубокій: страшно и обидно казалось юношѣ-Некрасову погибнуть на чердакѣ, т. е. въ безвѣстности и безсиліи, со всею ненавистью и любовью, какія бушевали въ его рано оскорбленномъ сердцѣ! Это отнюдь не произвольное толкованіе. Мы придаемъ огромное значеніе „аннибаловой клятвѣ" Тургенева, выразившаго свой протестъ противъ крѣпостного права въ свойственной ему

---

*) Характерно, между прочимъ, что Достоевскій для иллюстраціи своего обвиненія выбралъ стихотвореніе Некрасова «Секретъ». «Суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ бы предсказана имъ же самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самыхъ первоначальныхъ стихотвореній»... Приводится далѣе цитата, оканчивающаяся стихами:

Да сорокъ лѣтъ минуло времени—
Въ карманѣ моемъ милліонъ!..

«Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова... Этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца... Тогда-то и начались, быть можетъ, мечтанія Некрасова, можетъ быть, и сложились тогда же на улицѣ стихи: въ карманѣ моемъ милліонъ». Такимъ образомъ уродливый герой этой ядовитой сатиры («И вотъ тебѣ, *коршунъ*, награда за жизнь *воровскую* твою!») съ помощью какой-то непонятной эквилибристики превращается у Достоевскаго въ самого Некрасова, мечтающаго о милліонѣ!.. Казалось бы, скорѣе можно было воспользоваться другимъ Некрасовскимъ стихотвореніемъ:

Я за то глубоко презираю себя,
. . . . . .
Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не нажилъ я себѣ хоть богатой казны,
Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подчасъ позавидовать могъ!

Къ первоначальному заголовку этой пьесы «Изъ Ларры» Некрасовъ сдѣлалъ, какъ извѣстно, примѣчаніе: «Неправда. Приписано Ларрѣ по странности содержанія. *Искреннее.* Написано во время гощенія у Г. (Грановскаго?). *Можетъ быть, навѣяно тогдашними разговорами*».—Такимъ образомъ, хотя стихотвореніе и «искреннее», навѣяно оно все же минутнымъ настроеніемъ, и странно было бы пользоваться подобнымъ матеріаломъ для характеристики души поэта.

формѣ мягкихъ художественныхъ образовъ, которые такъ восхищаютъ насъ въ „Запискахъ Охотника". Но развѣ можно сравнить по силѣ этотъ протестъ съ пламеннымъ протестомъ Некрасова, всю жизнь буквально горѣвшаго „святымъ безпокойствомъ" за судьбы народа? Здѣсь передъ нами поистинѣ всеобъемлющая страсть, о которой поэтъ имѣлъ бы право сказать словами лермонтовскаго героя:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла!
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской...

Эта страсть проникла въ душу Некрасова еще въ раннемъ дѣтствѣ, на волжскомъ берегу, при видѣ шедшихъ бичевою и пѣвшихъ заунывныя пѣсни бурлаковъ.

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!..
Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей-дѣтей,
Какія клятвы я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ! *)

Но, говорятъ,—„демонъ самообезпеченія" всетаки очень рано присосался къ сердцу Некрасова и отравилъ его навсегда... Какъ, однако, странно поведеніе этого „демона"! Цѣлыхъ восемь лѣтъ (1838—1846) человѣкъ подвергается опасности зачахнуть отъ непосильной и неблагодарной работы, даже буквально умереть съ голоду, а между тѣмъ—стоило ему вернуться на лоно благонамѣренности и, помирившись съ отцомъ, поступить въ корпусъ, и онъ снова былъ бы сытъ, обезпеченъ, и будущее улыбалось бы ему въ видѣ, быть можетъ, блестящей военной карьеры. „Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ. Это мое личное мнѣніе, которое, я думаю, впрочемъ, не удивитъ никого изъ знавшихъ Некрасова". Однако, мы знаемъ, что за всѣ годы своей тяжелой юности онъ ни разу не поду-

*) Не смотря на подзаголовокъ «Дѣтство Валежникова», сразу видно, что въ поэмѣ «На Волгѣ» Некрасовъ рисуетъ собственное дѣтство. По первоначальному плану, стихотвореніе это составляло часть большой поэмы «Рыцарь на часъ», и пьеса, теперь извѣстная подъ этимъ заглавіемъ, называлась въ прежнихъ изданіяхъ: «Изъ поэмы *Рыцарь на часъ*, гл. IV: Валежниковъ въ деревнѣ».

малъ ни объ одной изъ подобныхъ возможностей „самообезпеченія“... Рисуя впослѣдствіи въ „Несчастныхъ“ душевное состояніе юноши, заброшеннаго въ столичный омутъ, поэтъ писалъ:

Счастливъ, кому мила дорога
Стяжанья, кто сей вѣренъ былъ
И въ жизни ни однажды Бога
Въ пустой груди не ощутилъ.
Но если *той тревоги смутной*
Не чуждо сердце—пропадешь!
Въ глухую полночь, безпріютный
По стогнамъ города пройдешь.

Такъ именно и было съ Некрасовымъ. Не „дорога стяжанья“ плѣняла его; душой его владѣла иная властная сила, иная „смутная тревога“ въ видѣ страстной любви къ литературѣ (единственно возможной въ тѣ времена формѣ служенія родинѣ и народу), и, не смотря на всѣ частныя ошибки и, быть можетъ, даже паденія, сила эта всегда брала въ его душѣ верхъ. Ниже мы помѣщаемъ записку Г. З. Елисеева, чрезвычайно интересно и оригинально освѣщающую эту сторону личнисти Некрасова; пока же ограничимся сказаннымъ и вернемся къ юнымъ годамъ поэта, къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ окончательно сформировались его личность и поэзія.

Первые годы пребыванія Некрасова въ Петербургѣ совпали съ однимъ изъ самыхъ печальныхъ и мрачныхъ періодовъ русской журналистики вообще, и петербургской въ особенности. Впослѣдствіи самъ Некрасовъ такъ охарактеризовалъ его:

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли;
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли...

И въ самомъ дѣлѣ, со смертью Пушкина литературный діапазонъ сразу рѣзко понизился... Лучшіе элементы пріуныли и пали духомъ, худшіе—подняли голову и обнаглѣли... Что касается общества, то оно еще помнило, какъ разсказываетъ Тургеневъ въ „Литерат. и жит. воспоминаніяхъ“, „ударъ, обрушившійся на самыхъ видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ; и изъ всего того, что проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно послѣ 55 г., ничего даже не шевелилось, а только бродило,—глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными, проявленіями ихъ—не было, какъ не было прессы, какъ

не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность—и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали".

Дѣйствительно, не только въ талантливыхъ, но даже и въ геніальныхъ представителяхъ литературы въ концѣ 30-хъ годовъ не было недостатка: загоралась яркая звѣзда Лермонтова; къ голосу Бѣлинскаго уже прислушивалась вся юная Россія; Гоголь былъ признаннымъ главою „натуральной школы"; живъ еще былъ и Жуковскій... Но Бѣлинскій лишь въ самомъ концѣ 39 г. переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, и въ письмахъ отсюда къ московскимъ пріятелямъ долгое время жаловался на полное одиночество. Жуковскій жилъ при дворѣ и отъ журнальнаго міра всегда стоялъ въ сторонѣ. Лермонтовъ,—когда не находился въ ссылкѣ,—вращался также въ высшемъ обществѣ и къ литературѣ относился съ показнымъ пренебреженіемъ. Наконецъ, Гоголь въ которомъ въ это время начинался уже печальный внутренній переломъ въ сторону піэтизма, жилъ большею частью въ Римѣ и лишь рѣдкими наѣздами бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Во времена Пушкина,—кромѣ него самого, издававшаго „Современникъ",—во главѣ журналистики стоялъ такой даровитый и смѣлый боецъ за правду, какъ Полевой, но къ концу 30-хъ годовъ отъ этого смѣлаго бойца уже оставалась одна жалкая тѣнь. Жизнь заставила его пойти на компромиссы и, сильно подавшись вправо, сдѣлавшись поставщикомъ псевдопатріотическихъ драмъ и фактическимъ редакторомъ грече-булгаринскаго „Сына Отечества", онъ близко подошелъ къ направленію „Сѣверной Пчелы". Духъ „двухъ задорныхъ поляковъ", т. е. Булгарина и Сеньковскаго, занялъ вообще въ эти годы непропорціонально-большое мѣсто въ петербургской журналистикѣ. Несомнѣнно, Сеньковскій былъ чище Булгарина, даровитѣе его и умнѣе, но умъ его, по остроумному выраженію баснописца Крылова, былъ „какой-то дурацкій", лишенный всякихъ принциповъ. Журналъ его, гремѣвшая въ 30-хъ годахъ и имѣвшая до 7000 подписчиковъ „Библіотека для чтенія", сѣяла въ умахъ читателей легкомысленное, „веселое" отношеніе рѣшительно ко всѣмъ явленіямъ литературы и жизни... Въ этомъ смыслѣ рука объ руку съ „Библ. для Ч." шли довольно многочисленные въ эти годы альманахи, сборники и другіе полу-лубочныя изданія, единственною причиною возникновенія которыхъ былъ разсчетъ издателей-барышниковъ на пробуждавшуюся въ русской публикѣ охоту къ чтенію. Пушкинскій „Современникъ", въ рукахъ корректнаго, но скучноватаго профессора эстетики Плетнева, влачилъ жалкое существованіе; „Отеч. же Записки", послѣ продолжительнаго перерыва возобновившіяся въ январѣ 1839 г., только съ конца этого года, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, когда и всѣ его московскіе пріятели (Боткинъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Герценъ) перекоче-

вали въ этотъ журналъ, стали пріобрѣтать постепенно значеніе боевого либеральнаго органа.

Въ такое-то время явился въ Петербургъ Некрасовъ, полный радужныхъ юношескихъ мечтаній и горячей вѣры въ литературу, какъ въ единственно-возможную въ то время форму разумной и свободной дѣятельности. Неопытный новичокъ-провинціалъ, мало развитой къ литературномъ смыслѣ юноша, онъ не умѣлъ еще разбираться въ тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ и направленіяхъ, и, по всей вѣроятности, какой-нибудь Гречъ или Сеньковскій ничѣмъ ровно не отличался въ его глазахъ отъ Полевого или Краевскаго. По крайней мѣрѣ, стихи Некрасова начали появляться безразлично въ „Литерат. Газетѣ", „Библіотекѣ для Чт." „Сынѣ Отечества", „Прибав. къ Инвалиду" и пр.; только собственное природное чутье привело его въ концѣ концовъ въ кружокъ Бѣлинскаго. Но случилось это, къ сожалѣнію, не такъ скоро...

„За славой я въ столицу торопился",—вспоминалъ позже самъ поэтъ. И дѣйствительно, едва успѣвъ напечатать въ журналахъ десятокъ, другой дѣтскихъ стихотвореній, едва успѣвъ ознакомиться съ дешевыми лаврами и дорогими терніями литературной дороги (въ видѣ холода, голода и одиночества въ большомъ городѣ), ровно годъ спустя по прибытіи въ Петербургъ, онъ уже сдалъ въ цензуру книжечку своихъ стихотвореній. Въ біографіяхъ Некрасова сообщается обыкновенно, что къ этому времени нужда уже настолько выпустила его изъ своихъ когтей, что онъ сумѣлъ даже сдѣлать кой-какія сбереженія для выпуска въ свѣтъ книги. Но это, конечно, явное недоразумѣніе. Деньги на изданіе собраны были Бенецкимъ по подпискѣ, и настоящая нужда Некрасова съ осени 39 г., т. е. съ поступленія его въ вольно-слушатели университета и окончательнаго разрыва съ отцомъ, еще только начиналась: съ этого времени въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ шла непрерывная борьба за существованіе въ буквальномъ смыслѣ слова,—съ ночевками въ ночлежныхъ пріютахъ, жизнью въ сырыхъ углахъ и подвалахъ, корпѣньемъ за черной литературной работой, едва спасавшей поэта отъ голодной смерти.

О неудачномъ литературномъ дебютѣ Некрасова мы уже говорили. Собственныхъ признаній поэта на счетъ впечатлѣнія, какое произвело на него это событіе, у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Все говоритъ, однако, за то, что здоровое критическое чутье Некрасова, сила его большого природнаго ума подсказали ему, что если приговоръ Бѣлинскаго и былъ нѣсколько рѣзокъ по формѣ, то по существу заключалъ въ себѣ много правды: на почвѣ абстрактныхъ лирическихъ изліяній Некрасовъ не могъ бы пойти далеко. Несравненные художники, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, умѣли превращать въ настоящіе бриллiанты поэзіи все, къ чему ни прикасались. Такъ, Лермонтовъ, уже въ очень ранніе

годы, не смотря на поверхностное знакомство съ жизнью, на основаніи лишь „внутреннихъ видѣній своего духа“ (выраженіе Бѣлинскаго) могъ создавать вещи вродѣ „Ангела“ или „Паруса“, не уступающіе позднѣйшимъ его шедеврамъ. Но это—завидное право генія, являющагося, можетъ быть, разъ въ столѣтіе... По счастью, Некрасовъ рано понялъ это: онъ принялъ свою неудачу, какъ заслуженную, и съ чисто-юношескимъ ригоризмомъ рѣшилъ, что онъ совсѣмъ не поэтъ По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что послѣ плачевнаго опыта съ „Мечтами и звуками“ онъ надолго оставилъ писанье лирическихъ стиховъ, а къ самой этой книжкѣ отнесся съ безпощадной свирѣпостью: всѣ уцѣлѣвшіе отъ продажи экземпляры (а они составляли, вѣроятно, значительнѣйшую часть изданія) немедленно уничтожилъ; во всѣ позднѣйшія изданія своихъ стихотвореній никогда не включалъ изъ „Мечтаній и звуковъ“ ни одной пьесы и до конца жизни не любилъ даже вспоминать о нихъ. Наконецъ, ни малѣйшаго непріязненнаго чувства не сохранилъ онъ и къ своему неумолимо-строгому судьѣ Бѣлинскому, къ которому, наборотъ, съ перваго же дня личнаго знакомства сталъ относиться съ благоговѣніемъ самаго преданнаго и вѣрнаго ученика (и благоговѣніе это донесъ до могилы). Можно думать, что, вращаясь въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, Некрасовъ уже и въ моментъ выпуска своей злополучной книги хорошо зналъ имя Бѣлинскаго и высоко его цѣнилъ,—оттого-то онъ и принялъ такъ къ сердцу приговоръ великаго критика.

Чего, однако, стоило этому гордому, замкнутому, „съ самаго начала жизни раненому“ сердцу такое безмолвное и, повидимому, спокойное отреченіе отъ завѣтной юношеской мечты? Объ этомъ, повторяемъ, свѣдѣній мы не имѣемъ, хотя и не трудно представить себѣ внутреннюю бурю, пережитую поэтомъ. Инстинктъ тянулъ къ литературѣ и поэзіи, продолжая, быть можетъ, подсказывать: „здѣсь твое призваніе, твое законное мѣсто!“ А разсудокъ и опытъ жизни говорили другое: „Стой! ты—не поэтъ, а только мечтатель... Войти въ этотъ храмъ ты недостоинъ“.

Да, это была тяжелая внутренняя драма. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рефлексія одерживала верхъ надъ инстинктомъ, и Некрасовъ шелъ по дорогѣ литературнаго чернорабочаго. Но, съ другой стороны, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ не бросилъ всетаки литературы, сказалась могучая сила инстинкта настоящаго таланта. Въ лицѣ Некрасова мы имѣемъ яркій примѣръ того, что значитъ крупное литературное дарованіе: точно тихійная сила, рано или поздно оно неудержимымъ потокомъ рорвется наружу, не смотря ни на какія искусственныя преграды плотины! Не смотря на всю тяжесть нужды, Некрасовъ никуда е пошелъ отъ литературы. Не удалось въ качествѣ признаннаго реца войти въ храмъ,—онъ остался у воротъ храма, въ качествѣ ростого подметальщика сора, рецензента, куплетиста, фельето-

ниста, лишь бы быть *возлѣ* литературы! Даже умирая съ голоду, не покидалъ онъ своего поста, пока, наконецъ, терпѣніе, упорный трудъ, горячая любовь, случай (въ видѣ знакомства съ Бѣлинскимъ), а главное—развернувшійся постепенно талантъ не вывели на широкую дорогу славы...

Въ біографіяхъ Некрасова этотъ періодъ его жизни признается однимъ изъ самыхъ темныхъ. Если не считать отрывочныхъ разсказовъ самого поэта о нѣкоторыхъ исключительныхъ моментахъ его тогдашняго житья-бытья (вродѣ скитаній по ночлежнымъ домамъ и кухмистерскимъ низшаго разбора), да его же краткаго признанія, что онъ „попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться", то мы, дѣйствительно, не имѣемъ ровно никакихъ біографическихъ свѣдѣній за время отъ 1840 до 1845 года. Но если, съ другой стороны, перебрать все написанное Некрасовымъ за эти 4—5 лѣтъ (за всю жизнь онъ написалъ, по собственному его признанію, до 300 печ. листовъ *прозы*, и, конечно, значительная ихъ доля падаетъ на юношескіе годы), то станетъ вполнѣ ясно, что бѣдному юношѣ было въ это время не до „жизни" въ настоящемъ смыслѣ этого слова! Нужно отъ души пожелать, чтобы нашелся, наконецъ, добросовѣстный изслѣдователь, который взялъ бы на себя трудъ внимательно перечесть всю груду юношескихъ писаній Некрасова и прослѣдить, насколько они вызваны были заботой о насущномъ кускѣ хлѣба, и насколько отразилась въ нихъ внутренняя жизнь поэта. Кромѣ многочисленныхъ пародій и юмористическихъ куплетовъ (изъ которыхъ въ общеизвѣстное собраніе стихотвореній Некрасова вошелъ только „Говорунъ"), Некрасовымъ между 1840—1843 гг. написаны слѣдующіе разсказы и повѣсти *): „Макаръ Осиповичъ Случайный", „Безъ вѣсти пропавшій піита", „Утро въ редакціи", „Пѣвица", „Въ Сардиніи", „Двадцать пять рублей", „Ростовщикъ", „Капитанъ Кукъ", „Необыкновенный завтракъ", „Помѣщикъ 23 лѣтъ", „Карета, предсмертныя записки дурака", „Жизнь Александы Ивановны", „Опытная женщина", „Жизнь и люди (философическая сказка)"; затѣмъ слѣдовали водевили и драмы: „Актеръ", „Шила въ мѣшкѣ не утаишь", „Ѳеоктистъ Онуфріевичъ Бобъ", „Мужъ не въ своей тарелкѣ". „Дѣдушкины попугаи", „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису", „Материнское Благословеніе", „Похожденія Петра Столбикова". Но вся эта беллетристическая производительность должна, кажется, померкнуть передъ массой написанныхъ Некрасовымъ театральныхъ и литературныхъ рецензій. О количествѣ ихъ можно судить

Свѣдѣнія эти взяты изъ статьи г. В. Горленко „Литературные дебюты Некрасова» («От. Зап.» 1878 г., дек.), дающей, къ сожалѣнію, лишь очень краткій и далеко не полный перечень и характеристику прозаическихъ опытовъ Некрасова.

по тому обстоятельству, что за *одинъ* 1841 годъ и въ *одной* только „Литерат. Газетѣ“ г. Горленко насчиталъ ихъ больше тридцати, а между тѣмъ, Некрасовъ писалъ рецензіи постоянно, изъ года въ годъ, помѣщая почти во всѣхъ литературныхъ журналахъ 40-хъ годовъ, въ „Русскомъ Инвалидѣ“, „Прибавленіяхъ къ Инвалиду“, „Библіотекѣ для чтенія“, „Отеч. Запискахъ“, „Пантеонѣ“ и даже „Финскомъ Вѣстникѣ“!

Много работалъ также Некрасовъ въ качествѣ фельетониста... Но всего этого мало: нужда привела его и къ лубочнымъ издателямъ (Иванову и Полякову), для которыхъ онъ сочинилъ нѣсколько азбукъ и сказокъ. Въ числѣ послѣднихъ извѣстна большая „русская народная сказка въ стихахъ“ (больше 2000 стиховъ), „Баба-Яга, костяная нога“. Состояла она изъ восьми главъ; въ первыхъ двухъ авторъ пытается подражать манерѣ „Руслана и Людмилы“, въ остальныхъ— народнымъ сказкамъ Пушкина.

Дѣйствительной народности въ этой „народной“ сказкѣ, также какъ и поэзіи — ни капли; содержаніе ея вполнѣ нелѣпое, форма — примитивная *). Невольно приходитъ, въ голову, что „Баба-Яга“ писана Некрасовымъ не въ 1841 г., въ Петербургѣ, а еще въ Ярославлѣ, двумя-тремя годами раньше, теперь же, въ трудную минуту, лишь слегка, быть можетъ, подправлена и пущена на книжную толкучку...

Подъ гнетомъ этого безпросвѣтнаго, безрадостнаго и безнадежнаго чернаго труда проходили годы, лучшіе годы молодости...

Кажется, лѣтомъ 1842 года въ жизни Некрасова случилось знаменательное событіе—примиреніе съ отцомъ и поѣздка въ родное Грешнево. За время четырехлѣтняго отсутствія поэта, тамъ произошло много печальнаго. Умерла прежде всего любимая сестра его, трагическую судьбу которой рисуютъ слѣдующія строки изъ „Родины“:

И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей

---

*) Вотъ небольшой образчикъ. Баба-Яга пытается соблазнить героя Булата.

Да и чмокъ его тутъ въ губы...
Чуть Булатъ съ досады зубы
Тутъ колдуньѣ не разбилъ:
«Чтобы чортъ тебя любилъ!—
Закричалъ онъ,—я не стану...
Я люблю одну Любану».
Ха-ха-ха! Да хи-хи-хи
И пустилась во смѣхи:
«Полно, миленькій дружочекъ,
Мой прекрасный жизненочекъ,
Чѣмъ же я тебѣ худа?
Гдѣ же лучше красота?
Ротъ немножко широконекъ,
Носъ изрядно великонекъ,
На макушкѣ есть рога,
Словно кость одна нога,
Да немножко ухо длинно,
Но за то вѣдь я невинна!
Вотъ что главное, дружокъ...»
И опять Булата чмокъ!
Чуть не вылъ Булатъ со злости...

Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною, и строгою улыбкой
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.

Другихъ подробностей тяжелой драмы не сохранилось, но легко представить себѣ, что̀ переживала несчастная мать, сама давно уже сгоравшая и таявшая, какъ свѣча. Повидимому, незадолго до ея смерти въ домѣ произошла какая-то дикая, грубая сцена, быть можетъ, одна изъ многихъ, какія бывали между бѣдной страдалицей и ея властелиномъ; на это есть намекъ въ „Рыцарѣ на часъ“: „И гроза надъ тобой разразилася, *ты, не дрогнувъ, ударъ приняла!...*“ Самъ „палачъ“ не выдержалъ своей роли и, въ позднемъ раскаяніи, упалъ къ ногамъ замученной имъ женщины: „Ты побѣдила! У ногъ твоихъ дѣтей твоихъ отецъ...“

Некрасова вызвали изъ Петербурга; но, по всей вѣроятности, письмо отца написано было въ успокоительномъ тонѣ, позволявшемъ думать, что непосредственно-близкой опасности больной не грозитъ: по крайней мѣрѣ, поэтъ не поторопился выѣхать—и получилъ вскорѣ извѣстіе, что все уже кончено. Мать Некрасова умерла 29 іюля 1841 года, и когда слѣдующимъ лѣтомъ онъ собрался посѣтить Грешнево, на могилѣ ея уже лежала плита съ вырѣзанной на ней надписью, а въ домѣ сдѣланы были постройки и заведены новые порядки.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой—
И опоздалъ!.. И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлеснутъ былъ я невскою волной...

Встрѣча съ отцомъ имѣла наружно-мирный характеръ. Къ 20-лѣтнему юношѣ уже нельзя было относиться, какъ къ мальчику, и возможно, что старикъ испытывалъ теперь даже нѣкоторое почтеніе къ сыну, къ его твердости и умѣнью стоять на собственныхъ ногахъ. „Съ усталой головой, ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ по-долгу), *но горделивъ*—пріѣхалъ я домой“, находимъ въ поэмѣ „Мать“ воспоминаніе объ этой поѣздкѣ на родину.

Послѣ смерти жены отецъ Некрасова прожилъ еще около 20 лѣтъ, но поэтъ уже рѣдко вспоминаетъ объ этомъ позднѣйшемъ періодѣ его жизни, а если и вспоминаетъ, то съ несравненно большей мягкостью; иногда прорываются какъ-будто, даже теплыя нотки:

Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ...
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, *что посаженъ отцомъ*,

И ту иву, что мать посадила...
(1863 г.).
Мой черный конь, съ Кавказа приведенный,
Уменъ и смѣлъ,—какъ вихорь, онъ летитъ;
Еще отцомъ къ охотѣ пріученный,
Какъ вкопанный, при выстрѣлѣ стоитъ.
(1874 г.).

IV.

Мы подошли къ факту духовной жизни Некрасова, въ исторіи развитія его нравственной личности сыгравшему не меньшую, если не бо́льшую, роль, чѣмъ любовь къ матери: такимъ фактомъ было—знакомство съ Бѣлинскимъ...

Впервые великій критикъ обратилъ на нашего поэта вниманіе, какъ на автора нѣкоторыхъ понравившихся ему рецензій, должно быть, еще въ 1842 году; но долгое время ихъ встрѣчи и бесѣды были мимолетны и незначительны. Некрасовъ уже давно преклонялся передъ Бѣлинскимъ, но природная замкнутость и застѣнчивость мѣшали ему сдѣлать первый шагъ къ болѣе тѣсному сближенію: онъ глядѣлъ на себя, какъ на скромнаго литературнаго работника, а Бѣлинскій былъ въ это время уже въ апогеѣ своей славы и въ „Отеч. Зап.“ занималъ мѣсто главнаго редактора.

Сближеніе началось, кажется, лишь съ осени 1844 г., когда Некрасовъ собиралъ матеріалъ для задуманнаго имъ въ то время литературнаго сборника „Физіологія Петербурга“, для котораго и Бѣлинскій, въ числѣ другихъ писателей, далъ статью „Петербургъ и Москва“. Между прочимъ, Бѣлинскаго сильно заинтересовалъ (еще въ рукописи) назначенный для этого сборника очеркъ самого Некрасова „Петербургскіе Углы“, одинъ изъ лучшихъ прозаическихъ опытовъ поэта, посвященный жизни трущобныхъ обитателей и написанный въ духѣ и манерѣ „натуральной школы“. Интересъ былъ тѣмъ сильнѣе, что до Бѣлинскаго не могли не дойти слухи о лично пережитомъ Некрасовымъ періодѣ нищеты и голоданія, и въ „Петербургскихъ углахъ“ онъ видѣлъ не столько художественное произведеніе, сколько глубоко выстраданную жизненную правду. „Съ этихъ поръ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ив. Панаевъ,—Некрасовъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, разсказывалъ ему свои горькія литературныя похожденія, свои разсчеты съ редакторами различныхъ журналовъ... Онъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала пріятное впечатлѣніе. Послѣдній полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по лѣтамъ, который

онъ вынесъ изъ своей труженической и страдальческой жизни— и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ... Ни въ комъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ". Бѣлинскій полагалъ, впрочемъ, что Некрасовъ навсегда останется лишь полезнымъ литературнымъ труженикомъ—не больше. Даже въ слѣдующемъ (45 г.), когда Некрасовъ напечаталъ уже во II части „Физіологіи" свою сатиру въ стихахъ „Чиновникъ", Бѣлинскій, осыпая ее въ печати похвалами, какъ „одно изъ тѣхъ въ высшей степени удачныхъ произведеній, въ которыхъ мысль, поражающая своей вѣрностью и дѣльностью, является въ совершенно соотвѣтствующей ей формѣ",—ни однимъ еще словомъ не обмолвился о поэтическомъ талантѣ автора. И только позже, въ „Обзорѣ русской литературы за 1845 г.", онъ называетъ „Чиновника", „Соврем. Оду" и „Старушку" *) „счастливыми вдохновеніями таланта"... Но, кажется, передъ этимъ Бѣлинскій прочелъ уже въ рукописи стихотвореніе „Въ дорогѣ", которое, по свидѣтельству Панаева, привело его въ полный восторгъ: „У Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:—Да знаете ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?.."

Съ этого момента, а особенно послѣ знаменитой „Родины", Бѣлинскій начинаетъ возлагать на Некрасова, какъ на поэта, большія надежды, и отношенія его къ автору оригинальныхъ стихотвореній принимаютъ нѣжный, почти любовный оттѣнокъ...

Посмотримъ же, чѣмъ былъ Бѣлинскій для Некрасова. „Онъ видѣлъ во мнѣ,—вспоминалъ впослѣдствіи самъ поэтъ,—богато одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, имѣвшія для меня значеніе поученія". А какимъ обаяніемъ вѣяло на Некрасова отъ личности Бѣлинскаго, видно хотя бы изъ разсказа Достоевскаго о его первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ по поводу „Бѣдныхъ Людей": „Въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о Гоголѣ, цитируя изъ „Ревизора" и изъ „Мертвыхъ Душъ", но главное—о Бѣлинскомъ. „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть, и вы увидите... Да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!"—восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками...—О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Не смотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ,

*) Забытое въ настоящее время стихотвореніе.

между ними, навѣрное, ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ на вѣкъ и связываютъ неразрывно". Или, вотъ, какой разговоръ Некрасова съ Добролюбовымъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаева-Головачева: „Жаль, что вы сами не знали этого человѣка! Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня потеря его. Я чаще сталъ видѣть его во снѣ, и онъ живо рисуется передъ моими глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ вдвоемъ, часовъ до двухъ ночи, бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Вы вотъ вступили въ литературу подготовленнымъ, съ твердыми принципами и ясными цѣлями. А я?.. Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду! Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Чтобы ему пожить подольше! Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь!—Некрасовъ произнесъ послѣднюю фразу дрожащимъ голосомъ, быстро всталъ и ушелъ въ кабинетъ".

Къ воспоминаніямъ Панаевой во многихъ частностяхъ позволительно относиться cum magno grano salis, но въ данномъ случаѣ показаніе ея нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ отзывами Некрасова о Бѣлинскомъ, разсѣянными во многихъ мѣстахъ его стихотвореній и поэмъ *). Не станемъ цитировать всѣмъ извѣстную, знаменитую тираду изъ „Медвѣжьей Охоты" обращенную къ „многострадальной тѣни" великаго „учителя", научившаго русское. общество „гуманно мыслить". Но есть у Некрасова еще одно произведеніе, въ главномъ героѣ котораго изображенъ, думается намъ, также Бѣлинскій: это—Кротъ во II части „Несчастныхъ". Если никто не замѣчаетъ обыкновенно поразительнаго сходства этой фигуры съ личностью Бѣлинскаго, то, конечно, лишь благодаря Достоевскому, который пустилъ въ обращеніе совсѣмъ иное толкованіе: „Однажды, въ 63, кажется, году,—разсказываетъ онъ въ „Дневникѣ Писателя", — отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, Некрасовъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе, „Несчастные", и внушительно сказалъ: я тутъ

*) «Памяти пріятеля» (1853 г.); «О погодѣ» (1859); «Ликуетъ врагъ» (1866); «Медвѣжья Охота» (1867); «Кому на Руси жить хорошо» (1873); не напечатанное до сихъ поръ въ цѣломъ видѣ стихотвореніе «Бѣлинскій» («Въ то время пусто и мертво въ литературѣ нашей было»).—На смертномъ уже одрѣ, Некрасовъ не разъ вспоминаетъ Бѣлинскаго и записываетъ въ своемъ дневникѣ отъ 16 іюня 1877 г.: «Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было—

Въ степи мірской, широкой и безбрежной...»

объ васъ думалъ, когда писалъ это (т. е. объ моей жизни въ Сибири),—это объ васъ написано". На этомъ основаніи и сложилось распространенное мнѣніе, будто Кротъ Некрасова—Достоевскій... Но, всматриваясь въ этотъ образъ пристальнѣе, легко убѣждаешься, что это явное недоразумѣніе! Сочиняя „Несчастныхъ", поэтъ, несомнѣнно, думалъ о горькой судьбѣ Достоевскаго, но это отнюдь не значитъ, что именно его разумѣлъ онъ подъ Кротомъ. Достоевскій и Кротъ—совершенно противоположные характеры! Другое дѣло—Бѣлинскій...

Прежде всего — наружность послѣдняго. Вотъ какъ описываетъ ее великій мастеръ такого рода описаній, Тургеневъ: „Это былъ человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, *худощавый, съ впалой грудью и понурой головой*. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ *всѣ главные признаки чахотки*, весь такъ наз. habitus этой злой болѣзни... *Густые бѣлокурые волосы падали клокомъ* на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. *Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ*, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, *расширялись и сверкали въ минуты одушевленія*; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. *Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ*, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и *придыханіями*, „упорствуя, волнуясь и спѣша"...

Не тотъ же ли это портретъ, что и въ поэмѣ Некрасова:

Рука нетвердая въ трудѣ,
Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
И, словно ленъ, пушистый волосъ
На головѣ и бородѣ.
. . . . . .
Коритъ, грозитъ! Дыханье трудно,
Лицо сурово, какъ гроза,
И какъ-то бѣшено и чудно
Блестятъ глубокіе глаза.

Подобно Бѣлинскому, и Кротъ погибаетъ отъ злой чахотки: „почти *два года*, изъ тюрьмы не выходя, онъ разрушался..." Это внѣшнія черты сходства, но внутреннія еще поразительнѣе.

Пусть рѣчь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душѣ живой.
. . . . . .
Онъ насъ учить не тяготился,
Онъ съ нами братски подѣлился

Богатствомъ сердца своего!
. . . . . .
Не на конѣ, не за сохою
Провелъ онъ свой недолгій вѣкъ
Въ трудѣ ученья, но душою,
Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.
Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: «Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй... и т. д.

Развѣ это не Бѣлинскій?.. Даже однимъ и тѣмъ же выраженіемъ („святое безпокойство") характеризуетъ Некрасовъ своего Крота въ „Несчастныхъ", какимъ въ „Медвѣжьей Охотѣ" — Бѣлинскаго... Литературныя и историческія пристрастія обоихъ точно также одинаковы: вѣщія пѣсни Кольцова, великія дѣянія великаго Петра, „отца Россіи новой"...

Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Въ основѣ каждаго добра.

Но особенно ярко бросается въ глаза сходство Крота съ Бѣлинскимъ въ изображеніи его конца:

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
Едва бродя, едва дыша.
И только насъ бодрить хватало
Въ немъ силъ... Великая душа!
Его страданья были горды,
Онъ ихъ упорно подавлялъ,
Но иногда изнемогалъ
И плакалъ, плакалъ... Камни тверды,
Любой попробуй... Но огня
Добудешь только изъ кремня!
Таковъ онъ былъ...
Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь—и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ
Его Господь передъ кончиной,
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: «Впередъ!» —
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ...
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,—
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Вѣдь это вполнѣ реальное, яркое изображеніе предсмертныхъ минутъ Бѣлинскаго...

Однако, быть можетъ, спросятъ: что за странная фантазія

пришла Некрасову въ голову—послать Бѣлинскаго въ каторгу, изобразить на мрачномъ фонѣ клейменаго острожнаго міра, когда всѣмъ извѣстно, что умеръ онъ у себя въ постели, въ Петербургѣ, окруженный близкими, женою и друзьями?.. Да; но извѣстно также и другое: Достоевскій, арестованный одиннадцать мѣсяцевъ спустя, осужденъ былъ въ каторгу, главнымъ образомъ, за чтеніе и распространеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю... Слѣдовательно, думать о великомъ покойномъ учителѣ Некрасову во время писанія „Несчастныхъ" представлялось, во всякомъ случаѣ, не меньше поводовъ, чѣмъ о Достоевскомъ...

„Я находился въ такомъ литературномъ кружкѣ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться; встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ". Это признаніе поэта подтверждается, какъ данными его біографіи и свидѣтельствами современниковъ, такъ въ особенности и всѣмъ ходомъ и развитіемъ его поэтической дѣятельности. Гуманная школа Бѣлинскаго наложила на мысль и душу поэта глубокій отпечатокъ. Къ 48 году (годъ смерти Бѣлинскаго) окончательно опредѣлился тотъ дѣйствительный „демонъ" Некрасова, который всегда доминировалъ, какъ въ жизненной его дѣятельности, такъ и въ поэтическихъ настроеніяхъ. Можно сказать, что до встрѣчи съ великимъ учителемъ онъ лишь инстинктомъ любилъ народъ, инстинктомъ стремился для него работать, какъ человѣкъ, самъ много страдавшій и вынесшій, какъ человѣкъ, превосходно изучившій и сумѣвшій понять душу народную со всѣми ея тѣневыми и свѣтлыми сторонами; но интеллектуальную формулу этой любви и толчокъ къ активной работѣ во имя ея Некрасовъ получилъ, несомнѣнно, отъ Бѣлинскаго. Идеи великаго критика упали на богатую почву высокоодаренной натуры поэта, обладавшаго — преимущественно передъ всѣми членами кружка — глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ народной жизни, и дали роскошный плодъ въ видѣ не одной только поэзіи Некрасова: въ журнальной его дѣятельности, сыгравшей, по мнѣнію критики, ничуть не меньшую роль въ исторіи русской интеллигенціи, чѣмъ его стихи, точно также явственно виденъ могучій духъ Бѣлинскаго...

Къ сожалѣнію,—потому ли, что благотворное вліяніе пришло довольно поздно и оборвалось слишкомъ рано, потому ли, что сложная природа Некрасова не поддавалась одной какой-либо опредѣленной окраскѣ,—онъ навсегда остался во власти глубокихъ противорѣчій, отъ которыхъ самъ, разумѣется, прежде всего и больше всего страдалъ.

На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ...

Идеалистъ, преданный, какъ никто другой, дѣлу служенія родинѣ и народу, — онъ оставался всю жизнь рабомъ среды и

привычки, любилъ жизнь ради самой жизни и дорожилъ ея „минутными благами“. Конечно, и во времена Некрасова встрѣчались рыцари безъ страха и упрека, подобные Бѣлинскому или позже, Добролюбову, но это были люди—въ подлинномъ смыслѣ слова „не отъ міра сего“, съ юныхъ лѣтъ порвавшіе съ грубой матеріальной „существенностью“ и витавшіе въ свѣтлой области идеала. Изъ всѣхъ сверстниковъ своихъ и соратниковъ Некрасовъ по преимуществу былъ человѣкомъ живой дѣйствительности и меньше, чѣмъ кого другого, его можно разсматривать и судить внѣ, такъ сказать, времени и пространства. „Мы выросли въ ежевыхъ рукавицахъ“, выразился Г. З. Елисеевъ о своемъ и некрасовскомъ поколѣніи, и сыновьямъ позднѣйшей эпохи грѣшно было бы не принять въ разсчетъ этого обстоятельства при оцѣнкѣ работы своихъ предшественниковъ. Крѣпостное право бросало свою мрачную тѣнь на всѣ рѣшительно явленія дореформенной жизни; въ душной атмосферѣ вѣчнаго страха, унынія и рабской подавленности росли, жили и дѣйствовали цѣлыя поколѣнія.

Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но домая навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины!..

Геройство всегда было и будетъ завидной долей лишь отдѣльныхъ единицъ. Некрасовъ не могъ претендовать, да никогда и не претендовалъ на титулъ героя: напротивъ, онъ всегда усиленно казнилъ себя за душевную дряблость, усиленно подчеркивалъ недостатки свои, какъ гражданина.

Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ,—плохой я гражданинъ.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ... На голову же Некрасова сыпались и до сихъ поръ продолжаютъ сыпаться безконечныя обвиненія, вплоть до довольно-таки курьезныхъ. Онъ жилъ приблизительно такъ же, въ той же обстановкѣ и съ тѣми же барскими замашками, какъ и очень многіе изъ его товарищей по профессіи, и къ Тургеневу, напримѣръ, никто не предъявляетъ обвиненія въ томъ, что онъ любилъ комфортъ, не тачалъ самъ себѣ сапоговъ и не ходилъ за сохою, какъ Левъ Толстой. Но то, что прощается большинству, Некрасову, оплакивавшему народную нищету и горе, вмѣняется чуть не въ преступленіе... „Есть неумолимые, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ *развѣнчать* Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами“ (Н. К. Михайловскій, „Литератур-

ныя воспоминанія", т. I) *). Не вступая съ подобными господами въ споръ, отошлемъ читателя къ статьѣ, изъ которой взята только что приведенная цитата: болѣе глубокаго и тонкаго проникновенія въ сложную природу души Некрасова въ русской литературѣ нѣтъ. Намъ хотѣлось бы только прибавить кое-что по поводу „тѣни, которая четверть вѣка назадъ (а теперь уже 36 лѣтъ назадъ. П. Г.) пала на личность поэта и затуманила ее въ глазахъ самыхъ горячихъ поклонниковъ".

Дѣло происходило, какъ извѣстно, въ 1866 году, когда надъ „Современникомъ" и даже,—думалось тогда многимъ,—надъ всей русской литературой нависла грозная туча. Людямъ нашего поколѣнія трудно и представить себѣ ту мрачную пелену паническаго страха, которая, по единогласному свидѣтельству современниковъ, окутала въ тѣ дни самыя не робкія сердца и недюжинные умы; „Sauve qui peut"—было общимъ крикомъ... Къ сожалѣнію, многія любопытныя и поучительныя подробности тѣхъ событій еще не могутъ быть разсказаны, и мы прочтемъ ихъ когда-нибудь на страницахъ „Русской Старины". Въ этотъ-то моментъ всеобщей растерянности и заботы о спасеніи дрогнулъ и Некрасовъ,—и рука его „исторгла у лиры невѣрный звукъ"... Но первый пароксизмъ испуга прошелъ, опасность миновала, оказавшись не столь грозной, какъ ее рисовало напуганное воображеніе, и поэту пришлось испить по каплѣ всю горькую чашу—злорадства враговъ, упрековъ друзей и собственной совѣсти...

И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
Стоявшіе безсмѣнно предо-мной,
Великія страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.

Неизвѣстно въ точности, какое впечатлѣніе произвело комплиментарное обѣденное стихотвореніе на самого графа Муравьева: разсказывали, будто онъ отвернулся отъ поэта... Вообще, если Некрасовъ разсчитывалъ отвести грозу, главнымъ образомъ, отъ своего „Современника, то онъ горько ошибся: журналъ былъ вскорѣ закрытъ. Однако, вотъ что писалъ по этому поводу Г. З. Елисеевъ *):

---

*) Отмѣтимъ кстати и другую статью Н. К. Михайловскаго, посвященную Некрасову, но, къ сожалѣнію, не вошедшую пока въ собраніе его сочиненій «Р. Б.» 1898 г., № 1.

**) Записка эта, хранящаяся у Н. К. Михайловскаго, имѣетъ форму отвѣта на письмо нѣкоего Х. (горячаго когда-то поклонника поэта), полное горькихъ и даже жестокихъ упрековъ за «невѣрный звукъ лиры». Письмо было получено Елисеевымъ (или, быть можетъ, самимъ Некрасовымъ) съ далекаго востока еще въ началѣ 70-хъ годовъ, отвѣтъ же Елисеева писанъ долго спустя послѣ смерти Х., вѣроятно, уже въ концѣ 80-хъ годовъ.

„Намъ понятно то глубокое негодованіе, которое кипѣло въ груди автора каждый разъ при мысли, что Некрасовъ говорилъ въ клубѣ стихи въ честь М., въ которыхъ призывалъ карающую руку... Понятно потому, что, можетъ быть, первыя чувства гражданской доблести въ Х. были пробуждены и воспитаны музою Некрасова, и вотъ теперь... онъ слышитъ отъ этой самой музы вмѣсто утѣшенія и благословенія проклятіе! Тѣмъ не менѣе, такое отношеніе автора къ Некрасову мы признаемъ крайне несправедливымъ и жестокимъ. Извѣстно, что въ томъ мракѣ... ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тѣмъ болѣе дѣло не могли явиться безъ компромиссовъ. А у Некрасова на рукахъ было большое публичное дѣло, дѣло расширенія и упроченія за прессою свободнаго слова, съ цѣлью дать возможно широкое распространеніе въ обществѣ новой идеѣ. Изъ всѣхъ писателей 40-хъ годовъ Некрасовъ одинъ съ самаго перваго появленія этой идеи предался ей вполнѣ и сдѣлался неизмѣннымъ ея носителемъ и служителемъ и остался такимъ до конца жизни. На это посвятилъ онъ весь свой громадный талантъ, дѣйствуя какъ поэтъ и какъ журналистъ. Теперь даже (трудно) опредѣлить, чѣмъ онъ болѣе принесъ пользы: своими ли поэтическими произведеніями, или своей журнальной дѣятельностью. Въ то время, когда стихи его разсѣевали всюду „святое недовольство“ и возбуждали въ молодыхъ умахъ горячіе порывы къ обновленію, журналъ указывалъ источники зла и тѣ пути, которыми нужно было идти для его истребленія,—и гдѣ, и въ чемъ искать новаго дѣла; около журнала группировались вѣрные борцы за новую идею, дѣлавшіе всегда первые смѣлые шаги впередъ. Недаромъ „Современникъ“ сдѣлался любимѣйшимъ журналомъ публики и въ особенности молодежи; недаромъ ни на одинъ журналъ не сыпалось столько обвиненій и тайныхъ доносовъ со стороны ретроградовъ и столько гоненій и притѣсненій со стороны цензуры, какъ на „Современникъ“. Съ назначеніемъ Муравьева все ставилось на карту. Передъ чѣмъ могъ остановиться, чего не могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, который иногда осмѣливался не являться во дворецъ, не смотря на неоднократныя требованія, отзываясь дѣлами и недосугомъ? *). И вотъ, для умилостивленія этого человѣка, способнаго и готоваго уничтожить всю новую литературу и остановить движеніе новой идеи на нѣсколько десятковъ лѣтъ, Некрасовъ принесъ въ жертву свое самолюбіе, написавъ въ его честь и прочитавъ публично въ клубѣ стихотвореніе. Говорятъ: Некрасовъ всетаки не спасъ этимъ „Современника“... Но тѣ, которые говорятъ такъ, забываютъ, что дѣло шло

*) По другимъ свѣдѣніямъ, императоръ Александръ II не любилъ Муравьева, и, благодаря этому, послѣдній не могъ дать полную волю своимъ реакціонымъ стремленіямъ П. Г.

не о спасеніи одного „Современника“, а о сохраненіи возможности существованія новой идеи, о предупрежденіи гоненія на литературу, какъ на литературу только... Законность и необходимость принесенной Некрасовымъ жертвы, навѣрное, будетъ выяснена для всѣхъ исторіей нашего времени. Къ сожалѣнію, Некрасовъ былъ не настолько великъ, чтобы, сознавая необходимость своего поступка, оставаться равнодушнымъ къ близорукимъ толкамъ современной толпы о своемъ поступкѣ. Толки эти мучили его всю жизнь. Всѣмъ извѣстно написанное имъ въ 1866 году прекрасное стихотвореніе „Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, качая головой“, гдѣ онъ изображаетъ себя оттолкнутымъ отъ всѣхъ, къ кому лежали его симпатіи, и попавшимъ черезъ свое (клубное) стихотвореніе въ дружбу къ толпѣ *безличныхъ*, которые „спѣшатъ въ объятья къ новому рабу и пригвождаютъ жирнымъ поцѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу“. Сокрушеніе о своемъ поступкѣ Некрасовъ высказывалъ и впослѣдствіи въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ и лично говорилъ о немъ всѣмъ симпатизирующимъ ему лицамъ, стараясь оправдать его или объяснить необходимостью тогдашнихъ обстоятельствъ. Даже передъ смертью, мучимый страшной болѣзнью, едва дышавшій и говорившій, онъ не переставалъ приносить покаяніе... Такъ давила и мучила его жертва, принесенная имъ въ пользу своего великаго дѣла.

„Но что́ руководило Некрасовымъ при его поступкѣ: мысль о дѣлѣ, которому онъ служилъ, или о тѣхъ личныхъ выгодахъ, которыя были сопряжены съ этимъ дѣломъ? И если послѣднее, то не заслуживаетъ ли его поступокъ справедливаго порицанія, и не были ли тѣ страданія, которыя онъ испыталъ за него, вполнѣ заслуженной карой? На этотъ вопросъ можно отвѣчать другимъ вопросомъ. Могъ ли бы Некрасовъ имѣть столько враговъ, сколько онъ ихъ имѣлъ, если бы сталъ пѣть другія пѣсни и служить другому, противоположному дѣлу? Наглядное, блистательное доказательство того, какъ перемѣна идейнаго фронта можетъ обогатить и возвеличить даже и не такого талантливаго, какъ Некрасовъ, но бойкаго и ловкаго литератора, каждый можетъ видѣть на примѣрѣ Суворина. Этотъ робкій чижъ скромно чирикалъ свои либеральные фельетоны у Корша, завидуя славѣ и блеску такого сокола-соловья, какъ Катковъ. Но вдругъ у него родилось желаніе направить свое чириканье во славу (сильныхъ и сытыхъ міра сего). Онъ попробовалъ — и на него полились деньги и слава. Онъ теперь признанъ политическимъ мудрецомъ...

„Чего же бы, какихъ почестей и какого богатства не достигъ Некрасовъ, при его громадномъ умѣ и талантѣ, если бы захотѣлъ хотя бы нѣсколько умѣрить свое направленіе? Но онъ не пошелъ этой дорогой. А не пошелъ потому, что не могъ пѣть фальшиво; это не былъ скворецъ, наученный пѣть по-соловьи-

ному, или чижикъ, робко чирикающій ходячія пѣсенки, а—дѣйствительный соловей, который могъ пѣть только своимъ голосомъ и пѣть то, что̀ хватало его за живое. Талантъ Некрасова былъ вполнѣ самобытный, соединенный съ замѣчательною силою и крѣпостью ума. Некрасовъ нигдѣ почти не воспитывался—онъ не окончилъ курса даже въ гимназіи,—не могъ читать ни на одномъ иностранномъ языкѣ, а между тѣмъ критическій умъ его былъ такъ силенъ, что никто лучше его не могъ оцѣнить значенія каждой новой мысли, являвшейся въ литературѣ по наукамъ соціальнымъ; при этомъ равно тонко было и его эстетическое чутье, такъ что можно смѣло сказать, что онъ былъ лучшимъ критикомъ для всѣхъ статей, которыя помѣщались въ его журналѣ. Это самое критическое чутье давало ему возможность замѣчать каждое выдающееся дарованіе, появлявшееся въ другихъ журналахъ, и вербовать его въ сотрудники своего изданія, что̀ онъ и дѣлалъ. Но еще болѣе вѣрно это критическое чутье руководило имъ въ области явленій міра политическаго. Вспомнимъ, что при самомъ первомъ появленіи новыхъ вѣяній, почувствовавшихся въ обществѣ вскорѣ послѣ Крымской войны, Некрасовъ тотчасъ понялъ новое положеніе вещей, круто порвалъ съ своими сверстниками—литературными дѣятелями 40-хъ годовъ, набралъ себѣ новыхъ сотрудниковъ по журналу и сталъ во главѣ новаго литературнаго движенія. До какой степени это характеризуетъ не только тонкость критическаго чутья Некрасова, но и симпатію его къ новой идеѣ, это мы можемъ видѣть изъ примѣра многихъ его современниковъ, какъ-то: Писемскаго, Достоевскаго, самого Тургенева, который, не смотря на свою замѣчательную чуткость ко всѣмъ новымъ вѣяніямъ, безтактно выступилъ въ то время на борьбу съ новой идеей въ своихъ „Отцахъ и Дѣтяхъ". Все это показываетъ, насколько былъ проницателенъ и твердъ умъ Некрасова въ распознаваніи и оцѣнкѣ проходящихъ передъ нимъ явленій и вѣяній политическаго міра. Онъ ясно понималъ ветошь и ничтожность дореформеннаго строя, видѣлъ невозможность его долгаго существованія и не могъ не быть борцомъ за новую идею. Только во имя ея онъ могъ слагать свои пѣсни, только ея дѣло онъ могъ нести такъ усердно всю жизнь, какъ онъ его несъ. Правда, онъ не былъ теоретикомъ, у него не было предвзятаго опредѣленнаго міросозерцанія, но онъ, навѣрное, пошелъ бы за новою идеею до тѣхъ поръ, пока она не создала бы лучшаго строя жизни, возможнаго для разумнаго человѣческаго существованія. Говоря все это, мы, однако же, никакъ не думаемъ возводить Некрасова въ герои въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово *). Некрасовъ не пошелъ бы

*) Все дальнѣйшее, кромѣ двухъ-трехъ заключительныхъ фразъ, было уже цитировано Н. К. Михайловскимъ въ его статьѣ о Некрасовѣ.

на смерть, ни на страданія за дѣло новой идеи, которое онъ несъ на себѣ; мы не должны забывать, что онъ воспитанъ былъ въ ежевыхъ рукавицахъ дореформенной эпохи. Это былъ, если угодно, герой, но герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль,—по временамъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ; понимаетъ, что такимъ только образомъ онъ можетъ ея добиться, а, кромѣ того, понимаетъ, что въ той средѣ, которая его окружаетъ, не найдется такихъ людей, какъ онъ; хотя, быть можетъ, есть не мало лицъ изъ тронутыхъ новой идеей, которыя гораздо выше, т. е. самоотверженнѣе и чище, лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее жизнью, но не найдется такихъ героевъ-рабовъ, которые бы такъ упорно шли въ теченіе десятковъ лѣтъ, шагъ за шагомъ, по тому тернистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ день разнымъ мелкимъ мученіямъ и перенося сдѣлки со своей совѣстью. Герой-рабъ могъ признаваться, что его рука иногда у „лиры звукъ невѣрный исторгала", что, „жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованъ онъ привычкой и средой", что онъ „къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой". Но дѣйствительный герой не могъ дѣйствовать въ то время на журнальномъ поприщѣ. Мы, однако, не должны забывать, что каждый герой долженъ оцѣниваться по условіямъ времени и цѣлямъ. Для каждаго времени является свой *мужъ потребенъ*. Герой тотъ, кто понялъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло, публично, запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжденія; хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертію въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ внѣшнихъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу. По условіямъ нашей жизни у насъ могъ выработаться въ литературѣ только герой-рабъ. Скажемъ болѣе: только такой герой и могъ вынести дѣло новой идеи при первомъ ея появленіи и утвержденіи въ обществѣ... Покойный Х. не понялъ, что герой-рабъ позволилъ своей рукѣ „у лиры звукъ невѣрный исторгнуть" единственно для того, чтобы уровнять и сдѣлать менѣе тернистымъ путь для героевъ иного типа, героевъ будущаго".

Для людей нынѣшняго поколѣнія, выросшихъ въ совсѣмъ иной общественной атмосферѣ, покажутся, навѣрное, странными нѣкоторыя изъ мыслей Елисеева. Но вѣдь онъ самъ же и оговорился, что рисуетъ образъ хотя и героя, но—„героя-раба"... Отлично,

разумѣется, понималъ Елисеевъ все нравственное превосходство героя—свободнаго человѣка; но было бы несправедливо отрицать своеобразное „величіе“ въ той спокойной твердости, съ которою онъ громко признается: „да, наше поколѣніе шло рабьей дорогой къ своей великой цѣли, потому что иной дороги мы не видѣли“.

И Елисеевъ, этотъ „аскетъ текущей жизни и непосредственныхъ практическихъ результатовъ“ (какъ опредѣляетъ его Н. К. Михайловскій), человѣкъ съ исключительной идейной и душевной цѣльностью, былъ вполнѣ послѣдователенъ въ примѣненіи своихъ теоретическихъ взглядовъ къ жизни. Оставляя въ сторонѣ оцѣнку этихъ взглядовъ самихъ по себѣ, мы хотѣли бы только выяснить вопросъ о томъ, насколько нарисованный Елисеевымъ образъ „героя-раба“ дѣйствительно подходилъ къ Некрасову. Было ли, точно, сознательнымъ жертвоприношеніемъ поведеніе его въ 1866 году? Н. К. Михайловскій, говоря о запискѣ Елисеева, осторожно замѣчаетъ: „Я не иду такъ далеко, я думаю, что Некрасовъ тогда просто растерялся, испуганный надвигавшейся грозой, тѣмъ болѣе страшной, что неизвѣстно было, какъ и куда она направитъ свои удары. Испугался онъ, можетъ быть, частью за журналъ, но главнымъ образомъ, я думаю, за себя лично“.

Въ свою очередь не рѣшаясь идти „такъ далеко“, мы думаемъ только, что для самого Некрасова въ моментъ опасности могли быть не вполнѣ ясны руководившіе имъ мотивы. Во всякомъ случаѣ, апологія поэта, написанная Елисеевымъ, кажется намъ чрезвычайно важной не по однимъ лишь крайне интереснымъ подробностямъ, но и по существу, какъ голосъ не адвоката только, но и свидѣтеля, человѣка, который самъ, подобно Некрасову (хотя и въ значительно меньшей степени) „прошелъ черезъ цензуру незабываемыхъ годовъ“. Изъ всѣхъ сотрудниковъ и единомышленниковъ Некрасова Елисеевъ, который и родился даже въ одномъ съ нимъ 1821 году, былъ, конечно, наиболѣе похожъ на него по тѣсному, кровному соприкосновенію съ живой жизнью, такъ что, выслушивая Елисеева, мы выслушиваемъ отчасти какъ-бы самого поэта... Упоминая о предсмертныхъ попыткахъ Некрасова высказаться, Н. К. Михайловскій особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что оправдательно-покаянныя рѣчи поэта имѣли „затрудненный“ характеръ,—какъ-будто онъ „не могъ ни другимъ разсказать, ни самому себѣ уяснить ту смѣсь добра и зла“, изъ которой состояла его жизнь и дѣятельность. Но не могла ли зависѣть эта „затрудненность“ отчасти и оттого, что Некрасовъ своимъ тонкимъ, проницательнымъ чутьемъ угадывалъ огромное психическое различіе между собою и младшими своими сотрудниками? Не боялся ли онъ, что при всемъ уваженіи и любви къ нему людей младшаго поколѣнія, въ нѣкоторыхъ вещахъ они никогда съ нимъ не столкуются и не поймутъ его, а если и

поймутъ, то не посочувствуютъ? Этотъ страхъ и могъ сковывать его языкъ, холодить душу. Съ Елисеевымъ онъ чувствовалъ себя, вѣроятно, проще и высказывался прямѣе...

Но, имѣя такъ много общаго другъ съ другомъ, эти два человѣка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были глубоко различны. Елисеевъ рисуется намъ натурой цѣльной, какъ бы высѣченной изъ одного куска. Н. К. Михайловскій характеризуетъ его такъ: „Демократизмъ Елисеева былъ не дѣломъ только принциповъ и убѣжденій, а самихъ инстинктовъ"; онъ былъ „какъ бы самъ народъ, собственными усиліями пробившійся къ свѣту и достигшій верховъ самосознанія"; онъ „проще и непосредственнѣе относился поэтому къ народу" („Литер. воспом. и соврем. смута", т. I). Некрасовъ, при всей глубинѣ и искренности своей любви къ народу, при всемъ несравненномъ знаніи народной жизни и психики, лишенъ былъ такой непосредственности. Елисеевъ всегда чувствовалъ себя равноправнымъ членомъ того народа, для котораго всю жизнь работалъ; Некрасовъ никогда, въ сущности, не переставалъ чувствовать себя бариномъ-интеллигентомъ, находящимся въ неоплатномъ долгу передъ народомъ...

Эта черта, которую Успенскій назвалъ „больной совѣстью", болѣе приближала Некрасова къ поколѣнію младшему, нежели старшему. Герой-рабъ, не чуждый порой самой трезвой и даже черствой положительности, умѣлъ въ то же время до страсти, до злобы ненавидѣть эту свою положительность, и болѣе „тяжкой работы совѣсти", чѣмъ его скорбно-покаянныя пѣсни, вплоть до 70-хъ годовъ русская литература не знала. Въ глазахъ юныхъ современниковъ Некрасова покаянная нота его поэзіи была не недостаткомъ „величія" въ характерѣ поэта, а, напротивъ, лучшимъ правомъ его на безсмертіе. Къ сожалѣнію, выяснить все огромное значеніе „музы мести и печали" для самой жизни русской сможетъ лишь болѣе или менѣе отдаленная исторія; она же произнесетъ и окончательный приговоръ Некрасову, какъ человѣку и гражданину.

П. Ф. Гриневичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Новыя книги.

Н. А. Некрасовъ. Полное собраніе стихотвореній. Изданіе восьмое. Спб. 1902.

Не знаемъ, въ какомъ числѣ экземпляровъ выпускались каждый разъ стихотворенія Некрасова при жизни поэта, но за двадцать лѣтъ времени (съ 1856 г.) они выдержали шесть послѣдовательныхъ тиражей. Въ нынѣшнемъ году вышло уже восьмое *посмертное* изданіе, отпечатанное въ 20 тыс. экземпляровъ. Первое посмертное, вышедшее въ свѣтъ въ февралѣ 1879 г. въ 6000 экз., разошлось въ два года, а въ 1881 — 1882 гг. выпущены были, одно за другимъ, два дешевыхъ компактныхъ изданія, каждое по 10 тыс. экземпляровъ. То и другое распродано было съ изумительной быстротой... Цѣна слѣдовавшихъ затѣмъ изданій была, къ сожалѣнію, повышена съ 3 до 5 рублей; но и они всѣ долго не залеживались, не смотря на то, что печатались въ 10—15 т. экз. каждое. Такимъ образомъ, въ общемъ, за четверть вѣка, протекшую со дня смерти Некрасова, было выпущено около *ста тысячъ* экземпляровъ его книги, и если принять въ разсчетъ, съ одной стороны, ея сравнительно высокую цѣну, съ другой — прискорбно-продолжительный и лишь въ самое недавнее время, по счастію, окончившійся отливъ вниманія въ русскомъ обществѣ къ долѣ народной массы, то цифра эта представится довольно-таки внушительной...

Очевидно, широкіе круги читающей публики не перестаютъ питать горячій интересъ къ поэту, надъ гробомъ котораго раздавались восторженные молодые голоса: „Онъ выше, выше Пушкина и Лермонтова!“

„Года минули, страсти улеглись“. Для Некрасова насталъ уже судъ потомства... Никто, вѣроятно, не скажетъ теперь, что онъ „выше“ Пушкина и Лермонтова, но за то, думаемъ, никто, кромѣ ошалѣлыхъ декадентовъ, не раздѣлитъ и мнѣнія знаменитаго художника, „друга юности“, а потомъ „врага“ поэта, несправедливо утверждавшаго, что „поэзія даже и не ночевала въ его стихахъ“; никто не рѣшится теперь назвать эту поэзію гнѣва и печали явленіемъ эфемернымъ, фальшивымъ и дутымъ (мнѣніе, которое не разъ, въ пылу партіозныхъ увлеченій, высказывалось современными Некрасову критиками). Лишь немногіе въ настоящее время не согласятся, что изъ всего легіона русскихъ поэтовъ XIX вѣка одинъ только Некрасовъ по праву можетъ стать рядомъ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, какъ въ смыслѣ обще-

ственнаго значенія своей лирики, такъ и энергіи и силы поэтическаго вдохновенія.

Къ сожалѣнію, тѣ, кто является посредникомъ между обществомъ и писателемъ, издатели сочиненій Некрасова, заботились все время лишь о собственномъ преуспѣяніи и ровно ничего не сдѣлали съ своей стороны для того, чтобы связь между публикой и ея любимымъ поэтомъ крѣпла и росла. Конечно, слова эти не относятся къ давно уже покойной сестрѣ поэта, Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, подъ наблюденіемъ которой вышло первое посмертное изданіе стихотвореній (въ 1879 г.), изданіе, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное, сдѣланное любящей и умѣлой рукой. Главное достоинство его составляли обширныя и въ высшей степени цѣнныя примѣчанія С. И. Пономарева, въ основу которыхъ положены были собственноручныя замѣтки поэта, сдѣланныя имъ на поляхъ авторскаго экземпляра предыдущаго изданія стихотвореній. Г. Пономаревъ руководился слѣдующимъ справедливымъ соображеніемъ: „О стихахъ такого жизненнаго содержанія, какъ некрасовскіе, весьма интересно было бы знать многое—и поводы, по которымъ написаны пьесы, и лица, которыхъ очерчиваетъ поэтъ, и то впечатлѣніе, которое возбуждали его произведенія въ нашемъ обществѣ, въ нашей журналистикѣ въ минуту своего появленія и пр. Но вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ *пока* невозможно“. Въ настоящее время невозможность эта, по всей вѣроятности, значительно уменьшилась, а между тѣмъ — позднѣйшіе издатели Некрасова не только не расширили примѣчаній С. И. Пономарева, но даже и совсѣмъ ихъ устранили... Въ началѣ это сдѣлано было подъ предлогомъ экономіи мѣста въ дешевомъ однотомномъ изданіи, но потомъ, съ возвратомъ къ изданію дорогому (двухтомному) и переходомъ его въ собственность г. Суворина, „примѣчанія“ были просто забыты... И не вспоминаютъ о нихъ вотъ уже двадцать лѣтъ! Къ чему? вѣдь книжка и безъ того хорошо расходится...

Съ той же цѣлью удешевленія, біографія Некрасова, составленная г. Скабичевскимъ, была сокращена въ 1881 году до одной трети, т. е. до блѣднаго и краткаго перечня всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, и въ такомъ видѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, она преподносится читателю и до сихъ поръ...

„При всемъ стараніи сдѣлать новое изданіе какъ можно болѣе достойнымъ памяти покойнаго поэта,—писала сестра его въ предисловіи къ изданію 1879 г.,—я не считаю себя вполнѣ достигшей предположенной цѣли: *иное было невозможно по недостатку времени, многое оказывалось пока не своевременнымъ*“.

Ни тѣмъ, ни другимъ мотивомъ г. Суворинъ не могъ бы въ настоящее время отговориться, а между тѣмъ—за столько лѣтъ владѣнія духовнымъ наслѣдствомъ знаменитаго поэта — онъ не только не „старался“ сдѣлать новыя изданія „болѣе достойными

его памяти", но сдѣлалъ ихъ, по сравненію съ изданіемъ 1879 г., положительно менѣе достойными. Въ дѣлѣ изученія текста стихотвореній Некрасова, возстановленія стиховъ, замѣненныхъ точками или искаженныхъ въ угоду „независящимъ обстоятельствамъ", а также розысканія новыхъ, не напечатанныхъ при жизни поэта пьесъ, — не говоримъ уже о корреспонденціи Некрасова, — имъ ровно ничего не сдѣлано, не смотря на прямое и категорическое утвержденіе А. А. Буткевичъ (а ужъ она ли не знала истиннаго положенія вещей!), что „многое" оставалось еще сдѣлать... Досадно подумать, что упущено двадцать лучшихъ лѣтъ: сколько рукописей, стихотвореній, варіантовъ могло безслѣдно затеряться за этотъ промежутокъ времени!

Но г. Суворинъ можетъ, пожалуй, указать въ свое оправданіе на первую-же страницу I-го посмертнаго изданія, гдѣ поэтъ яснымъ русскимъ языкомъ проситъ своихъ наслѣдниковъ *ничего*, кромѣ указаннаго *имъ* самимъ, не перепечатывать послѣ его смерти.

Справедливо; однако, нужна маленькая поправка. „Завѣщаніе" это написано было Некрасовымъ еще въ 1864 году и, естественно, должно относиться только къ стихамъ, сочиненнымъ *до* этого года, главнымъ же образомъ къ сборнику „Мечты и звуки" и другимъ, большею частью неудачнымъ, стихотворнымъ опытамъ 1838—1844 г. Если распространить смыслъ некрасовскаго распоряженія и на весь послѣдующій періодъ (1864—1877), то, придется, напр., назвать самоуправствомъ поступокъ Салтыкова, черезъ три года послѣ смерти поэта напечатавшаго въ „Отеч. Зап." его поэму „Пиръ на весь міръ", которую при жизни автора цензура не соглашалась пропустить... Повидимому, такъ именно и разсуждаетъ г. Суворинъ; и до сихъ поръ не перепечатывалъ бы онъ этой поэмы въ „Собраніяхъ стихотвореній" Некрасова, если бы его не предупредила сестра поэта, успѣвшая, незадолго до смерти, распорядиться внесеніемъ „Пира на весь міръ" въ первое дешевое изданіе... По крайней мѣрѣ, всѣ новыя стихотворенія Некрасова, опубликованныя позже, г. Суворинъ упорно не удостоиваетъ вниманіемъ. Изъ такихъ стихотвореній намъ извѣстны пять слѣдующихъ: „Время-то есть, да писать нѣтъ возможности" („Жизнь" 1898 г., напечатано съ автографа, хранящагося въ бумагахъ сенатора Лихачева); „Вамъ, мой даръ цѣнившимъ и любившимъ" („Р. Бог." 1898, № 4, въ „Литер. и жизни", съ автографа), „Смолкли честные, доблестно павшіе" („Р. Б." 1898, № 8, въ „Итогахъ двухъ юбилеевъ", съ трехъ тождественнымъ списковъ); „Средь міра дольнаго" („Р. Б." 1898, № 8, тамъ же, по списку); „Вчерашній день часу въ шестомъ" („Р. Б." 1902, № 8, въ „Пѣвцѣ Сіона", по записи М. И. Писарева со словъ поэта). Напомнимъ еще, что, по указанію покойнаго Гербеля (см. посмертное изданіе 1879 г., т. IV, стр. CXLVI), Некрасовъ собирался

передъ смертью взять для новаго изданія своихъ стихотвореній пять юмористическихъ пьесъ изъ *Свистка* „Современника“, до сихъ поръ остающихся тамъ погребенными. Наконецъ, не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, пропускать и двухъ предсмертныхъ стихотвореній поэта, имѣющихся въ „Примѣчаніяхъ“ С. И. Пономарева, а теперь всѣми забытыхъ: „Пускай чуть слышенъ голосъ мой“ и „Пѣсни“ изъ вновь задуманной главы „Кому на Руси жить хорошо“ — „Смертушка“.

Нельзя, въ заключеніе, не посѣтовать на дороговизну изданія; думаемъ, что безъ особеннаго ущерба для издательскаго кармана ее можно бы уменьшить вдвое... Пять рублей — цѣна настолько высокая, что не всякій даже и состоятельный человѣкъ, не задумываясь, пріобрѣтетъ подобную книгу; а вѣдь главный контингентъ поклонниковъ некрасовской поэзіи люди далеко не состоятельные. Что же мудренаго, если „тотъ“, чьи страданія поэтъ воспѣвалъ, не знаетъ до сихъ поръ даже имени своего печальника и заступника!

...Тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта, —
Увы! не внемлетъ онъ и не даетъ отвѣта...

Ѳ. Смирновъ. Передъ некрасовскими днями. Ярославль. 1902.

27-го декабря исполнится двадцатипятилѣтняя годовщина смерти Некрасова. Земляки поэта, ярославцы, естественно, раньше другихъ стали думать о томъ, какъ и чѣмъ достойнѣе ознаменовать этотъ печальный день. Хотя родился Некрасовъ и далеко на югѣ, въ какомъ-то мѣстечкѣ Подольской губерніи, но дѣтскіе и отроческіе годы провелъ на родинѣ своихъ предковъ, на берегу Волги, въ отцовскомъ имѣніи Грешневѣ Ярославской губерніи; приволжскій ландшафтъ чаще всего фигурируетъ въ его поэзіи; даже имена близкихъ къ Грешневу деревень и селъ (Гогулино, Большія Соли, Бабайскій монастырь и т. п.) то и дѣло встрѣчаются въ его поэмахъ.

Въ ярославскомъ „Обществѣ содѣйствія народному образованію“,—разсказываетъ г. Смирновъ,—возникъ поэтому симпатичный планъ пріобрѣсти въ собственность общества часть бывшей усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ для устройства тамъ народной школы или библіотеки (или того и другого вмѣстѣ). Дѣло остановилось за малымъ—недостаткомъ средствъ. На страницахъ ярославской газеты „Сѣверный Край“ г. Смирновъ обращался за помощью къ землякамъ-почитателямъ поэта, но... увы! „призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“... Тогда онъ рѣшилъ, выпустивъ настоящую брошюру, обратиться съ призывомъ уже ко всему русскому обществу.

Конечно, это лучшее, что могло придумать ярославское „Общество содѣйствія народному образованію“, такъ какъ въ достой-

номъ чествованіи памяти Некрасова заинтересованы, разумѣется, не одни ярославцы, а вся грамотная Россія, планъ же устройства народной школы въ той мѣстности, которая воспѣта поэтомъ въ лучшихъ его созданіяхъ („На Волгѣ", „Рыцарь на часъ", „Матери", „Родина", „Уныніе" и пр. и пр.), и гдѣ въ настоящее время процвѣтаетъ *кабакъ* „Раздолье", можно только отъ всей души привѣтствовать.

Въ маленькой (50 страничекъ) брошюрѣ г. Смирновъ даетъ читателю съ любовью и вниманіемъ подобранный матеріалъ, ярко доказывающій raison d'être задуманнаго „обществомъ" дѣла. Полна интереса глава „Въ некрасовщинѣ"; тутъ находимъ, между прочимъ, описаніе „фамильнаго склепа" Некрасовыхъ (часовни съ полной воды ямой по серединѣ, гдѣ виденъ еще черный ящикъ— гробъ съ прахомъ отца поэта) и въ сторонѣ отъ него расположенной, „много говорящей всѣмъ, кто любитъ поэзію Некрасова", могилы его матери. На этой могилѣ нѣтъ въ настоящее время креста; поломана мѣстами и желѣзная рѣшетка, окружающая памятникъ изъ бѣлаго мрамора. „Гибкія таловыя вѣтви, склоняющіяся изъ-за рѣшетки, тотчасъ вызвали у меня въ памяти образъ той трепетной ивы, которую добрая и физически слабая мать поэта посадила рядомъ съ дубомъ упрямаго, заскорузлаго крѣпостника-мужа. Какъ и поэтъ, я порадовался, что прахъ матери Некрасова погребенъ не подъ семейнымъ сводомъ, этимъ недоконченнымъ памятникомъ барской спѣси, гдѣ не только душно и нѣтъ солнца, но еще накопилось на два аршина застоявшейся воды, чернѣющей подъ досками пола. Мирно спитъ мать поэта въ обросшей травою и лозами могилѣ за алтаремъ церкви, а въ склепѣ мнѣ все чудилось, что самъ А. С. Некрасовъ постучитъ вдругъ въ крышку своего ящика и крикнетъ: Брр... скверно!.. Возьмите меня отсюда, изъ этой ямы".

Небезынтересны и приводимые г. Смирновымъ разсказы-воспоминанія мѣстныхъ крестьянъ-стариковъ объ отцѣ Некрасова, оставившемъ по себѣ недобрую память. Самого поэта, въ позднѣйшіе годы жизни лишь наѣздами бывавшаго въ родномъ Грешневѣ, народъ помнитъ смутно и мало („былъ баринъ добрый, щедрый, настоящій баринъ!"); о поэзіи его онъ не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго представленія, — и имя Некрасовыхъ въ общемъ продолжаетъ зловѣще звучать на его родинѣ. Не исполнилась еще (да и скоро-ли исполнится?) мечта поэта:

Услышишь пѣсенку свою
Надъ *Волгой*, надъ Окой, надъ Камой...

Повторяемъ еще разъ: планъ ярославскаго „Общества содѣйствія народному образованію" кажется намъ достойнымъ всякой поддержки. Пожертвованія должны быть адресуемы въ редакцію „Сѣв. Края", съ обозначеніемъ цѣли и именъ жертвователей.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Т. II. Спб., 1902.

Въ первомъ томѣ этого изданія заключалось самое крупное беллетристическое произведеніе автора—„На краю лѣсовъ",—съ которымъ читатели „Русскаго Богатства" познакомились нѣсколько лѣтъ назадъ. Лежащій передъ нами второй томъ содержитъ помѣщавшіеся также въ періодическихъ изданіяхъ разсказы—„Предѣлъ скорби", „Янгъ-хунъ-цзы", „Боксеръ" и „Кули". Всѣ они очень интересны, прекрасно написаны и проникнуты сочувствіемъ къ людскому страданію, порождаемому стихійною силой культурной борьбы. И въ то же время авторъ чрезвычайно далекъ отъ слезливаго паѳоса, съ большимъ художественнымъ чутьемъ рисуя горе и радости убитыхъ судьбою и отвергнутыхъ людьми героевъ.

„Предѣлъ скорби"—это, дѣйствительно, граница человѣческаго бѣдствія, это—прокаженные якуты, у которыхъ только одна общая съ другими людьми радость—возможность дышать и чувствовать, что живешь. Отвратительные, полусгнившіе, отброшенные въ глухія болота сѣвера, не смѣющіе приблизиться къ человѣческому жилью, мерзнущіе и голодающіе—это-ли не предѣлъ скорбнаго существованія, дальше котораго не можетъ уже быть никакого горя. Но какъ ни далеки герои повѣсти отъ читателя, послѣдній невольно чувствуетъ свою близость къ нимъ въ ихъ элементарныхъ проявленіяхъ первобытныхъ свойствъ живого человѣка, благодаря правдивости и художественной простотѣ разсказа. Въ маленькой группѣ прокаженныхъ якутовъ авторъ сумѣлъ отыскать и освѣтить свѣтомъ художественной правды много и хорошихъ, и дурныхъ сторонъ человѣческой природы, выражающихся и въ этой до крайности простой обстановкѣ безконечно разнообразными и сложными формами.

Остальные три разсказа, помѣщенные въ этомъ томѣ, рисуютъ культурный, политическій и экономическій конфликтъ Китая съ народами западной цивилизаціи. Авторъ и здѣсь проникаетъ глубоко въ душу изображаемыхъ лицъ, преломляя черезъ призму ихъ индивидуальныхъ міровоззрѣній крупныя явленія историческаго порядка. Разсказъ „Янгъ-хунъ-цзы" (заморскій чортъ) ведется отъ лица молодого человѣка, попавшаго въ китайскую семью и ставшаго одновременно звеномъ и буферомъ между консервативнымъ укладомъ китайскаго быта и европейскимъ раціонализмомъ. Силы оказываются слишкомъ противоположными, и вмѣсто компромисса происходитъ крушеніе этого буфера въ лицѣ самого героя и любящей его китайской дѣвушки. Въ разсказѣ этомъ, написанномъ по матеріаламъ, собраннымъ покойной А. В. Потаниной, удивительно выдержанъ тонъ простого сердечнаго участія, съ которымъ главное дѣйствующее лицо—упомянутый молодой человѣкъ—относится къ своимъ китайскимъ друзьямъ.

Впрочемъ, тѣмъ же гуманнымъ отношеніемъ къ описываемымъ людямъ проникнуты и другіе разсказы г. Сѣрошевскаго: очевидно, эта гуманность составляетъ одну изъ органическихъ чертъ его таланта.

Какъ уже сказано, нигдѣ, однако, эта гуманность не переходитъ въ слащавую слезливость: мѣркою горя и мѣркою радости, которыя переживаютъ герои г. Сѣрошевскаго, служитъ ихъ собственное міропониманіе, и авторъ очень умѣло избѣгаетъ подставлять свою личную оцѣнку туда, гдѣ она должна опредѣляться съ мѣста занимаемаго героями. „Боксеръ“ и „Кули“ — что можетъ быть дальше отъ насъ по своему углу воззрѣнія на внѣшній міръ, и, однако, г. Сѣрошевскій умѣетъ вплотную подвести читателя къ этому ихъ міровоззрѣнію и заставляетъ, если не раздѣлить ихъ чувства, то понять ихъ. Нѣсколько страничекъ, на которыхъ напечатаны эти разсказы, много краснорѣчивѣе тѣхъ безчисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, авторы которыхъ силились, по поводу недавнихъ событій на Востокѣ, проникнуть въ душу китайскаго народа.

Григорій де-Волланъ. Полная чаша. Изъ семейной хроники Ногайцевыхъ. Спб. 1902.

Это какое-то странное литературное произведеніе: историческій-ли это романъ, психологическій или соціально-философскій— трудно разобрать, какъ трудно выдѣлить главную фабулу и опредѣлить намѣренія автора и идею, которую онъ имѣлъ въ виду иллюстрировать. Судя по эпиграфу изъ Томаса Гуда, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ попыткою охарактеризовать соціальный вредъ матеріальнаго богатства, но въ самомъ романѣ нѣтъ намека на какой-нибудь конфликтъ, вытекающій именно изъ этого обстоятельства. Напротивъ, герои „Полной чаши“ купаются въ довольствѣ и пользуются изобильно, если не своими, то чужими матеріальными достатками, занимаются во всю ширь амурами, наглухо изолированные отъ другого міра людей, далеко стоящихъ отъ полной чаши. Историческимъ романомъ книгу нельзя назвать—въ ней нѣтъ историческихъ событій въ собственномъ смыслѣ слова, хотя есть какіе-то намеки на происходящую за кулисами „исторію“. Что касается психологіи, то въ этомъ отношеніи романъ и не обнаруживаетъ никакихъ претензій: кромѣ волненій любви, другихъ душевныхъ эмоцій дѣйствующія лица почти не испытываютъ, да и въ этомъ они не выходятъ изъ шаблонныхъ рецептовъ, преподанныхъ отъ начала міра.

Главное дѣйствующее лицо—молодой человѣкъ Покровскій, фигурирующій сначала въ качествѣ умнаго, но бѣднаго красавца, не стѣсняющагося, впрочемъ, нисколько своею бѣдностью и не только пьющаго изъ чужой „полной чаши“, но и одерживающаго цѣлый рядъ амурныхъ побѣдъ надъ великосвѣтскими красави-

цами. Въ концѣ концовъ онъ оказывается сыномъ какого-то князя, родственникомъ тѣхъ дамъ, съ которыми онъ амурился, и очень богатымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ получается довольно согласный акордъ, нарушенный лишь тѣмъ, что герой попадаетъ въ тюрьму по дѣлу Петрашевскаго и присуждается въ арестантскія роты. „Какая иронія судьбы",—мелькаетъ въ его головѣ:

«Родиться подъ княжескою пеленою, провести все дѣтство, отрочество, юность въ бѣдности, нуждѣ,—и вдругъ улыбка счастья: богатство, знатность и, можетъ быть, семейное счастье—и все это опять на смарку... Ну, не глупо-ли? И къ чему люди такъ цѣпляются за эту несчастную жизнь?»

Читатель видитъ по этой цитатѣ, насколько разсудителенъ герой г-на де-Воллана. Онъ уменъ и разсудителенъ на протяженіи всей книги; эта разсудительность да еще красота и обезпечиваютъ ему мѣстечко у чужой „полной чаши" въ періодъ его благородной бѣдности. Отъ него въ восторгѣ не только дамы, но и мужчины, хотя онъ вольнодумецъ. Ему поручаетъ воспитывать сына декабриста министръ, „всесильный временщикъ", и въ то же время съ нимъ заигрываетъ на балахъ у ростовщиковъ и сводниковъ революціонеръ Петрашевскій. Вотъ какой между ними происходитъ разговоръ на вечерѣ у одной сводницы:

— Зачѣмъ вы попали сюда?—допрашивалъ его господинъ.—Вы извините,—продолжалъ Петрашевскій, замѣтивъ въ своемъ собесѣдникѣ досаду,—что я васъ допрашиваю. Сюда пріѣзжаютъ только для игры или любезничать съ дамами.

— Вы ни того, ни другого не дѣлаете,—замѣтилъ Покровскій.

Петрашевскій усмѣхнулся многозначительно.

Покровскій разсказалъ, что ему хотѣлось поговорить съ людьми выдающимися, что онъ, живя въ Харьковѣ, думалъ найти въ Петербургѣ этихъ людей.

— И этотъ красивый Ногайцевъ привезъ васъ сюда?—удивился Петрашевскій. -Нашелъ мѣсто. Но это ничего, я васъ теперь знаю и приглашаю васъ къ себѣ. У меня вы найдете и разговоръ, и карты.

— Я не играю,—коротко отвѣтилъ Покровскій.

— И вамъ не скучно?—удивился Петрашевскій.

— Да, я нахожу, что карты и танцы являются въ періодъ упадка общественнаго развитія,—замѣтилъ Покровскій.—А потомъ я не играю потому, что у меня нѣтъ денегъ для проигрыша.

— Какъ я радъ, что я васъ встрѣтилъ,—продолжалъ Петрашевскій.—Я васъ познакомлю съ моимъ кружкомъ. Все славные ребята, восторженные идеалисты.

Таковъ Петрашевскій въ изображеніи г. де-Воллана... А герой г. де-Воллана—напыщенный и глупый человѣкъ, какъ ни старается авторъ убѣдить читателя, что онъ ужасно уменъ и благороденъ. Петрашевцы, которые, къ счастью, выведены въ романѣ лишь вскользь—какая-то темная компанія, играющая въ карты, быть можетъ, даже нечисто, и ведущая разговоры о революціяхъ сверху и революціяхъ снизу... Очевидно, авторъ взялся

ле за свое дѣло, начавъ писать романъ; будемъ надѣяться, что это первое и послѣднее его дѣтище.

Вильгельмъ Вундтъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. Штейнберга и Д. Львова. Изд. редакціи журнала «Образованіе Спб. 1902 г.

Вильгельмъ Вундтъ. Введеніе въ философію. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. А. Котляра подъ редакціей профессора московскаго университета, С. Н. Трубецкого. 1892 г.

Единовременное появленіе книги Вундта въ двухъ переводахъ спустя годъ только послѣ выхода ея въ оригиналѣ показываетъ, повидимому, что интересъ къ философіи, проявившійся у насъ въ послѣдніе годы, все еще не ослабѣваетъ. Однако, то исключительное усердіе, съ которымъ у насъ переводятся „введенія", невольно наводитъ также на мысль, что этотъ интересъ еще носитъ характеръ неясныхъ стремленій, а не опредѣлившихся запросовъ, что значительная часть интересующихся философіей больше *собирается* познакомиться съ нею, и для этого запасается прежде „введеніями". Эта догадка еще болѣе подтверждается, если сопоставить обиліе „Введеній въ философію" и „Исторій философіи" съ бѣдностью переводной—объ оригинальной нечего и говорить—философской литературы. На русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ Юма, не переведена ни одна изъ классическихъ нѣмецкихъ логикъ, и русскому читателю, желающему глубже изучить логику, приходится поневолѣ удовлетвориться „Логикой" Милля, не соотвѣтствующей во многихъ своихъ частяхъ современному состоянію науки; о многихъ новѣйшихъ философскихъ направленіяхъ русскій читатель узнаетъ только по скуднымъ указаніямъ въ „Исторіяхъ философіи", да по намекамъ, попадающимся мимоходомъ въ журнальныхъ статьяхъ. Такое положеніе вещей указываетъ на то, что серьезные труды по философіи все еще ждутъ у насъ своего читателя.

Если справедливы предыдущія соображенія, если вѣрно то, что главный контигентъ читателей переводящихся съ такимъ усердіемъ введеній составляютъ люди, въ первый разъ переступающіе порогъ философіи, то нужно сказать, что книга Вундта меньше всего удовлетворитъ такихъ читателей. Изложеніе Вундта—далеко не популярное, да и планъ книги не способствуетъ большей ея ясности. Вундтъ главнымъ образомъ хочетъ показать „какъ возникла сама философія и философскія проблемы". Но задачи введенія въ науку не совпадаютъ съ задачами исторіи этой науки. Это остается не менѣе вѣрнымъ и для философіи. Для цѣлей введенія важнѣе всего выясненіе внутренней логической связи различныхъ философскихъ направленій; исторія-же философіи интересуется, главнымъ образомъ, генетической связью этихъ на-

правленій. Соотвѣтственно различію задачъ, и порядокъ изложенія этихъ дисциплинъ долженъ быть различенъ: для исторіи философіи—хронологическій, для введенія—систематическій. Вундтъ стремится совмѣстить оба порядка изложенія, и не избѣжалъ поэтому повтореній и запутанности. Но тотъ, кого не оттолкнетъ трудность изложенія, найдетъ въ книгѣ Вундта солидное, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ современной исторіи философіи введеніе въ новѣйшую нѣмецкую философію, и въ частности въ философію Вундта. Система философіи самого Вундта, представляющая собою сочетаніе философскаго идеализма Гегеля въ метафизикѣ съ критицизмомъ Канта въ теоріи познанія, въ этой книгѣ только намѣчается, такъ какъ цѣль этого введенія „довести читателя только до порога философіи". Введеніе Вундта совершенно свободно отъ придатковъ теологіи, этого первороднаго грѣха нѣмецкой философіи. Вся книга проникнута строго научнымъ духомъ; по прочтеніи этой книги мыслящій читатель вынесетъ убѣжденіе, что научная философія не есть нѣчто вродѣ „деревяннаго желѣза", что сочетаніе научнаго и философскаго духа вполнѣ возможно, и въ этомъ главное достоинство новой книги Вундта.

Переводъ С. Штейнберга и Д. Львова лучше перевода Г. А. Котляра. Въ послѣднемъ попадаются неудачно переведенныя слова и фразы. Lebensanschaung онъ переводитъ черезъ „воззрѣніе жизни". С. Штейнбергъ и Д. Львовъ переводятъ не буквально, но болѣе вѣрно: „жизнепониманіе". А вотъ фраза, переведенная такъ, что совершенно исказился ея смыслъ. На стр. 31 перевода Г. А. Котляра мы читаемъ: „*Такимъ образомъ* раздѣленіе различныхъ областей знанія вызвано съ самаго начала не логическими мотивами, а практическими соображеніями наиболѣе выгоднаго раздѣленія труда". Выходитъ, будто это предложеніе является выводомъ изъ предыдущаго; въ дѣйствительности-же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: раньше доказывается, что къ раздѣленію различныхъ областей знанія должны привести чисто логическія требованія; смыслъ же этого предложенія таковъ: *фактически* раздѣленіе наукъ вызвано не логическими, а практическими соображеніями. С. Штейнбергъ и Д. Львовъ переводятъ вполнѣ правильно: „Но обособленіе различныхъ областей знанія вытекаетъ прежде всего не изъ логическихъ, а практическихъ мотивовъ раздѣленія труда". Впрочемъ, нужно сказать, что неправильно переведенныхъ фразъ въ переводѣ Г. А. Котляра немного, и переводъ можно признать довольно удовлетворительнымъ.

Фридрихъ Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Кіевъ. Изданіе Г. К. Таценко. 1902.

Русскій переводъ одной изъ работъ Паульсена („Нѣмецкіе университеты") представилъ намъ случай нѣсколько лѣтъ тому

назадъ дать на этихъ страницахъ („Русск. Бог.“ 1899 г. № 1) общую характеристику научной физіономіи берлинскаго профессора. Это ясный и гуманный мыслитель, пожалуй, болѣе привлекательный, чѣмъ интересный, но разносторонній, твердый, сильный въ своей сдержанности и весьма полезный для разнообразной молодежи, толпами стекающейся въ обширный и гостепріимный Auditorium maximum слушать его „введеніе въ философію“. Въ новомъ трудѣ, лежащемъ предъ нами, онъ какъ бы вступаетъ въ новую область литературной критики; вѣрнѣе,—онъ пользуется литературными образами для экскурса въ предѣлы исторіи человѣческихъ міровоззрѣній: книжка носитъ подзаголовокъ „Три очерка изъ исторіи пессимизма“. Онъ даетъ три характеристики, и то, что Шопенгауэръ былъ живой человѣкъ, а Гамлетъ и Мефистофель—созданія поэтическаго творчества, даже не вызываетъ съ его стороны оговорокъ; художественные образы столь же реальны для него, какъ и люди, при чемъ онъ совсѣмъ не склоненъ отожествлять нравственную философію Гамлета и Мефистофеля съ міровоззрѣніемъ Шекспира и Гете, а, пожалуй, развѣ лишь съ ихъ преходящимъ настроеніемъ. Наоборотъ, онъ больше склоненъ оттѣнить то, что Шопенгауэръ и Гамлетъ—люди, а Мефистофель—діаволъ. Итакъ, что объединяетъ три образа, въ послѣдовательной характеристикѣ которыхъ авторъ видитъ страницу изъ исторіи пессимизма? Онъ самъ формулируетъ ихъ сходство:

„Общимъ у нихъ является даръ ясновидѣнія: они одарены глубокой проницательностью къ оборотной сторонѣ явленій, скрывающейся подъ покровомъ прекрасной внѣшности. Общимъ является то удовольствіе, съ которымъ они срываютъ этотъ покровъ и открываютъ дѣйствительность во всей ея наготѣ... Наконецъ, общимъ для всѣхъ трехъ является недостатокъ любви, той щадящей, всевыносящей, милосердной любви, которая направлена не на зло, но на добро, которая вездѣ по возможности обращается къ лучшему, которая даже въ порокѣ видитъ и ищетъ человѣческую душу“. Этой глубокой и по истинѣ оптимистической философіей проникнуты три характеристики, цѣнныя не только своимъ теоретическимъ, но и руководящимъ значеніемъ. Наиболѣе рельефной, ясной и убѣдительной изъ нихъ намъ представляется очеркъ, посвященный Шопенгауэру; очевидно, авторъ всетаки больше философъ, чѣмъ литературный критикъ.

Переводъ, сколько можно судить безъ сличенія съ текстомъ, сдѣланъ добросовѣстно; отмѣтимъ одно исключеніе: вѣрно и самому переводчику неизвѣстно, что значитъ его фраза: „никогда еще Тальми-Верте всякаго рода, особенно въ области литературы, не имѣли такого большого значенія и такой ходкости на рынкѣ, какъ въ годы послѣ побѣдоносной войны“. *Talmi*—сплавъ, напоминающій видомъ золото; Talmi-Werthe—поддѣльныя цѣнности.

В. В. Лесевичъ. Буддійскія легенды и ихъ соотношеніе съ буддійскими догматами. Одесса, 1902.

Авторъ раскрываетъ менѣе общеизвѣстную и болѣе привлекательную сторону буддійскаго вѣроученія, не формулированную въ догматахъ, но нашедшую достаточно опредѣленное выраженіе въ религіозныхъ легендахъ буддистовъ. Буддизмъ сталъ для ходячаго представленія обычнымъ названіемъ нравственной философіи, исчерпывающейся требованіемъ самоусовершенствованія, достижимаго безъ проявленій дѣятельной любви къ ближнему. Основы буддійской этики и источникъ всѣхъ буддійскихъ заповѣдей объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ другимъ людямъ и всѣмъ вообще живымъ существамъ—правдивость, созерцаніе, мудрость. Эти „высшія ступени восходящей къ Нирванѣ лѣстницы оставляютъ какъ бы позади себя законъ милосердія и состраданія ко всему живущему и сосредоточиваются исключительно и всецѣло на мысли о подавленіи индивидуальности“. Но таковъ буддизмъ лишь въ догматическихъ умствованіяхъ его метафизиковъ; безъискусственныя народныя легенды рисуютъ намъ иное міровоззрѣніе, проникнутое чувствомъ жизни и вниманіемъ къ ближнему, доходящимъ до самоотверженнаго человѣколюбія. Рядъ сказаній, переведенныхъ авторомъ, изображаетъ въ привлекательномъ видѣ эту народную этику, ограничивающую и исправляющую черствость теоріи, несущейся ввысь и забывающей о землѣ.

Книжка издана въ пользу бѣдныхъ дѣтей еврейскаго безплатнаго училища; біографическая замѣтка о В. В. Лесевичѣ, предпосланная издателями, составлена весьма неудачно.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Синтаксисъ русскаго языка. Спб.

Онъ-же. Вопросы психологіи творчества. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1902.

Эти двѣ книги, по первому взгляду имѣющія между собою столь мало общаго, связаны не только именемъ автора, но и единствомъ содержанія. Одна какъ будто посвящена предмету завѣдомо сухому и скучному—русской грамматикѣ, другая, заключающая статьи о Пушкинѣ, Гете и Гейне, занимается матеріей болѣе интересной—литературной критикой. На самомъ дѣлѣ обѣ книги заняты изученіемъ процессовъ человѣческой мысли,—менѣе сложныхъ въ „Синтаксисѣ“, менѣе элементарныхъ въ „Вопросахъ психологіи творчества“. Грамматика основательно дискредитирована въ ходячихъ воззрѣніяхъ; болѣе всего этому, конечно, способствуетъ школа, оставшаяся упорно недоступною тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя оживили въ продолженіе послѣдняго вѣка науку о языкѣ. Въ лучшемъ случаѣ извѣстны популярно изложенные общіе труды по философскому языкознанію

вродѣ работъ Макса Мюллера; но знаніе, почерпнутое изъ этихъ популярныхъ произведеній, остается поверхностнымъ, если не закрѣпляется знакомствомъ съ процессомъ грамматическаго изслѣдованія, съ совокупностью мелкихъ конкретныхъ фактовъ и обобщеній, относящихся къ области какого-нибудь языка. Популярная книга всегда и непремѣнно разсчитываетъ быть лишь первымъ шагомъ; въ вопросахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто остается послѣднимъ. Тому, кто хотѣлъ бы не вѣрить на слово автору общедоступнаго сочиненія, кто хотѣлъ бы не остановиться на слишкомъ широкихъ обобщеніяхъ философскаго языкознанія, но наполнить ихъ опредѣленнымъ содержаніемъ, есть у насъ два пути: вернуться къ школьной грамматикѣ, чтобы снова и окончательно придти въ отчаяніе отъ этой схоластической стряпни, или обратиться къ спеціальнымъ трудамъ по спеціальнымъ вопросамъ, чтобы потеряться въ этой безднѣ накопленнаго матеріала, столь рѣдко озаряемаго объединяющей творческой мыслью. Этотъ пробѣлъ хорошо заполняетъ синтаксисъ проф. Овсянико-Куликовскаго. Пусть названіе и первый видъ этой книги, испещренной мелкими примѣрами и требующей отъ читателя бо́льшей энергіи, чѣмъ утренняя газета, не пугаетъ его. Она общедоступна и трактуетъ о тѣхъ предметахъ, интересъ къ которымъ неистребимъ у всякаго, кто думалъ о загадкахъ языка или читалъ о нихъ въ общеизвѣстныхъ книгахъ. Результаты современнаго языкознанія,—особенно трудовъ его замѣчательнаго представителя А. А. Потебни,—изложенные въ этомъ опытѣ общедоступной грамматики, даютъ настоящее умственное удовольствіе; то, что въ школьной грамматикѣ казалось произвольнымъ, случайнымъ, безсодержательнымъ, освѣщается здѣсь внутренней необходимостью и цѣлесообразностью, правящею движеніемъ рѣчи; мѣсто непререкаемаго и самодовлѣющаго догмата заняло простое научно точное и вдумчивое описаніе фактовъ. И—самое главное—грамматика изложена, какъ часть психологіи, какъ ея матеріалъ. Примѣромъ этой связи пусть послужитъ изложеніе основной идеи, составляющей главный выводъ изъ всего разнообразнаго содержанія книги. Это—идея подвижности грамматическихъ формъ, идея эволюціи предложенія, „открытіе и научное обоснованіе которой составляетъ великую заслугу Потебни“. Здѣсь не мѣсто указывать тотъ путь, какимъ шло въ связи съ развитіемъ мысли—развитіе предложенія; можно лишь указать—въ виду ея общаго историко-философскаго значенія—на тенденцію этого развитія. Въ исторіи предложенія, какъ показалъ Потебня, глагольныя формы все развиваются на счетъ именныхъ; категорія субстанціи въ человѣческой мысли уступаетъ категоріи дѣйствія—и это прежде всего находитъ выраженіе въ перестройкѣ предложенія. И быть можетъ,—такова была мысль Потебни,—движеніе новой науки, сводящей элементы ма-

теріи къ силѣ, субстанцію къ движенію, условлено или, по крайней мѣрѣ, подготовлено безсознательнымъ переворотомъ, уже совершившимся въ языкѣ европейскихъ народовъ. Наука сознала и кристаллизовала въ ученіе то, чѣмъ уже насыщена была народная мысль въ смутной формѣ. Таковъ захватъ выводовъ, получаемыхъ изъ грамматическаго анализа, изъ изученія элементарныхъ формъ языка. Разумѣется, не отстанетъ отъ него въ широтѣ выводовъ анализъ болѣе сложныхъ произведеній словеснаго творчества. Но анализъ этотъ, если не удовлетворяться его поверхностными суррогатами, разумѣется, и труднѣе—въ мѣру сложности изучаемаго матеріала. Если такъ трудно выяснить, какое направленіе принимаетъ и какія преобразованія претерпѣваетъ простѣйшая мысль, находя себѣ выраженіе въ словѣ и предложеніи, то во сколько же разъ труднѣе понять до конца тѣ пути, которыми она идетъ въ созданіи безконечнаго міра образовъ, представляемаго поэтическимъ произведеніемъ.

Задача эта такъ сложна, что мы, несомнѣнно, находимся въ стадіи самыхъ слабыхъ и ничтожныхъ попытокъ даже не рѣшенія, но лишь постановки ея; и только увѣренность, что послѣ многихъ вѣковъ безпредметныхъ исканій мы имѣемъ, наконецъ, единственно надежный методъ для ея рѣшенія,—только эта увѣренность даетъ намъ право думать, что загадка художественнаго творчества будетъ раскрыта до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ способна въ анализѣ явленій дойти наша мысль. Первыя критическія работы г. Куликовскаго дали намъ въ свое время случай оцѣнить достоинства его пріемовъ, осторожныхъ, послѣдовательныхъ и плодотворныхъ. Попрежнему изученіе художественнаго произведенія служитъ для него лишь средствомъ для обрѣтенія выводовъ общаго характера. Онъ подходитъ къ нему съ широкими данными психологіи и литературной исторіи и выноситъ изъ его изслѣдованія новыя объясненія душевной жизни, особенно въ моменты ея творческаго напряженія. Возможно не удовлетвориться его доводами и не принять его выводовъ, но невозможно не признать, что эти доводы взяты именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ, что съ этими выводами надо считаться. Съ ними надо считаться даже тамъ, гдѣ они не пріобрѣли опредѣленности, достаточной для того, чтобы быть облеченными въ вполнѣ ясную форму. Такими мы въ особенности считаемъ цѣнныя замѣчанія автора о сущности лирической поэзіи; они очень интересны для того, кто хочетъ найти лирикѣ мѣсто въ той теоріи искусства, которая опредѣляетъ художественное творчество, какъ мышленіе въ образахъ; но они оставляютъ просторъ для слишкомъ многихъ вопросовъ и недоумѣній, чтобы вести дальнѣйшее изслѣдованіе отъ нихъ. Первоисточникомъ такъ называемаго эстетическаго чувства является то чувство умственнаго удовлетворенія, которое сопутствуетъ процессу мышленія—научнаго или художественнаго—

„когда онъ протекаетъ безпрепятственно и успѣшно“. Въ процессѣ художественнаго творчества это чувство осложняется другимъ ощущеніемъ: „воспріятіемъ того *ритма*, который присущъ художественной мысли по преимуществу, какъ въ ея внутреннемъ механизмѣ, такъ и во внѣшнихъ выраженіяхъ“. И вотъ, если это воспріятіе ритма—или „внутренней гармоніи“, какъ его еще иначе называетъ авторъ—„настолько энергично, что является не только спутникомъ художественной мысли, но и однимъ изъ факторовъ въ ней, одною изъ дѣятельностей, ее слагающихъ, то она становится—*лирикой*, лирическимъ (въ обширномъ смыслѣ) мышленіемъ“. Лирику въ тѣсномъ и болѣе употребительномъ смыслѣ мы имѣемъ тамъ, гдѣ „чувство гармоніи дано въ сочетаніи съ какимъ-нибудь другимъ чувствомъ опредѣленной категоріи (грусть, радость, любовь и т. д.)“. Уже это рождаетъ вопросы. Мы привыкли считать эстетическое чувство, хотя и спутникомъ, но производнымъ отъ художественной дѣятельности (творчества или воспріятія); чтобы назвать его факторомъ творчества, нужны-бы объясненія, которыхъ мы здѣсь не находимъ. Разъ оно присуще всѣмъ процессамъ мышленія, удовлетворяющаго нашу жажду гармоніи, то на одной его энергичности едва ли возможно основать отличіе лирики отъ другихъ родовъ поэзіи. И это неясное опредѣленіе привело автора къ утвержденіямъ, которыя или нуждаются въ доказательствахъ или—если они по существу не доказуемы—не годятся въ доводы. Онъ цитируетъ одно мѣсто изъ пушкинскаго „Разговора книгопродавца съ поэтомъ“; напомнимъ лишь конецъ его:

Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ и т. д.

Здѣсь, по утвержденію автора, чувство, сравнительно съ другимъ стихотвореніемъ Пушкина на ту-же тему, выражено „безъ просвѣтлѣнія и умиротворенія, а въ его натуральномъ, живомъ, „кричащемъ“ состояніи“. Съ этимъ можно согласиться, но едва ли причина этого въ томъ, что этому чувству недоставало „переработки лирикою“; не вѣрнѣе ли, что ему недоставало переработки жизнью? И ужъ, конечно, совсѣмъ виситъ на воздухѣ утвержденіе, что „это—не лирика, и, вообще,—не поэзія; это—прямое, непосредственное выраженіе извѣстнаго чувства, не претвореннаго въ поэтическій процессъ“. Конечно, не всякое хорошее, сильное, умѣлое выраженіе чувствъ есть лирика, конечно, лирика есть выраженіе чувствъ плюсъ еще нѣчто, но, кажется, въ опредѣленіи

этого рѣшающаго придатка авторъ принимаетъ слѣдствіе за причину, что такъ легко въ этой сложной сферѣ. Онъ признаетъ, что лирика есть „орудіе обобщенія чувствъ“, но отграничиваетъ ее отъ иного искусства, находя, что обобщеніе „достигается здѣсь не созданіемъ типовъ“. Намъ казалось бы, что и лирика есть видъ мышленія въ образахъ; она есть „орудіе обобщенія чувствъ“ потому, что она есть выраженіе, описаніе, воспроизведеніе личнаго чувства конкретно-индивидуальнаго, но обобщеннаго, интеллектуализованнаго, возведеннаго въ типъ. Обобщеніе есть не отдаленный результатъ воздѣйствія лирической поэзіи, но ея существеннѣйшій элементъ. Именно поэтому она является орудіемъ сбереженія психической силы,—быть можетъ, наравнѣ съ музыкой, однимъ изъ самыхъ могучихъ. До сихъ поръ это мало признано, и авторъ хорошо опредѣляетъ отживающее прошлое и новое, научное воззрѣніе на лирическую поэзію; онъ съ полнымъ правомъ указываетъ на ту пагубную роль, которую играли въ пониманіи и популяризаціи личной лирики опредѣленія и термины старой эстетики, все толковавшей о красотѣ да наслажденіи, и еще болѣе этой барской теоріи—ея практическое примѣненіе: „аристократически-эпикурейское отношеніе къ поэзіи, сложившееся въ привилегированныхъ классахъ и сводящееся къ безплодному, самодовлѣющему смакованію „красотъ“ и самоуслажденію изысканными тепличными чувствованіями, большею частью свидѣтельствующими о томъ, что въ существенномъ поэтъ остался непонятымъ“. Этой теоріи и практикѣ сибаритскаго наслажденія, послѣднее слово и исторически необходимое сведеніе къ абсурду которой онъ усматриваетъ въ декадентскомъ эстетизмѣ, онъ считаетъ должнымъ противопоставить иную, новѣйшую, которую называетъ трудовою и демократическою. „Названіе „трудовой“ указываетъ на основную мысль, гласящую, что поэзія, какъ и всякое искусство, есть работа мысли, цѣнность которой опредѣляется сбереженіемъ и накопленіемъ умственной силы и общимъ упорядоченіемъ и возвышеніемъ душевнаго тона. Терминомъ „демократическая“ я хочу только указать на то, что поэтическая работа мысли существуетъ на земномъ шарѣ не для услажденія досуговъ привилегированныхъ классовъ, а для накопленія психической силы, необходимой для поступательнаго движенія человѣчества, а это движеніе сводится къ демократизаціи культуры и всѣхъ ея благъ“.

Эти строки взяты изъ очерка о Гейне,—наиболѣе оригинальнаго, чѣмъ насъ подарила недавняя столѣтняя годовщина рожденія поэта. И здѣсь, и въ характеристикѣ Гете, и въ статьѣ о Чеховѣ далеко не все на первый взглядъ безспорно, но таковъ ужъ удѣлъ самостоятельной мысли: торная дорога не передъ нею, а за нею.

Ечинацъ. Мысли о языкахъ. Спб. 1902.

Книжка носитъ подзаглавіе: „Признаки плохого преподаванія, плохого изученія, плохихъ учебниковъ и плохихъ школъ въ изученіи языковъ“ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько здравыхъ мыслей, къ сожалѣнію, затерянныхъ въ сутолокѣ менѣе цѣнныхъ соображеній и затуманенныхъ чудаческимъ изложеніемъ. Существенное перепутано съ ненужнымъ, все раздѣлено на перенумерованные параграфы, изъ коихъ не всѣ снабжены подлежащими, но за то категоричность тона, напоминающаго команду, не оставляетъ желать ничего большаго. Все предусмотрѣно. Если, натолкнувшись на приказъ за № 92, гласящій: „Весьма многіе ученики сильно портятъ себѣ память и здоровье тайнымъ порокомъ: „Nichts schwächt Geist und Leib mehr als Wollust“. „Kant über Erziehung“,—вы бы рѣшились сказать, что это не имѣетъ никакого отношенія къ ограниченной задачѣ, поставленной себѣ авторомъ, то онъ предупреждаетъ васъ примѣчаніемъ на первой страницѣ: „Многія мысли подходятъ и къ другимъ предметамъ, но это не умаляетъ ихъ значенія по отношенію къ языкамъ“. Если бы вамъ показалось, что изреченіе № 96: „одни учебники, хрестоматіи и сочиненія даютъ много словъ, а мало мыслей, другіе наоборотъ мало словъ, больше мыслей“—представляетъ собою мысль достаточно общеизвѣстную, чтобы не нуждаться въ декретированіи, то авторъ заранѣе заявляетъ: „94. Мысли эти не для тѣхъ писаны, которые обыкновенно говорятъ: „Это не новость“, „это всѣмъ извѣстно“. „Еррунда“!—Энергія послѣдняго восклицанія дѣйствуетъ нѣсколько устрашающимъ образомъ на всякаго, кто рѣшился бы не согласиться съ мнѣніями автора, и потому мы предпочтемъ, оставивъ при себѣ нѣкоторыя маловажныя возраженія, съ удовольствіемъ остановиться на тѣхъ его мысляхъ, которыя, при всемъ неожиданномъ своеобразіи формы, вызываютъ по существу наше полное сочувствіе. Такъ, онъ полагаетъ, что „36. Результаты изученія языковъ у учительницъ по методу: хи, хи, хи, ха, ха, ха—весьма сомнительны. Изученіе языковъ требуетъ системы“. Вотъ это несомнѣнно. Но по тому или иному методу—автору не мѣшало бы подзаняться русскимъ языкомъ; въ этимологіи онъ силенъ, но стилистика заставляетъ желать лучшаго.

На рубежѣ столѣтій. Т. I. Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и культурныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. **В. В. Битнеръ.**

Передъ нами увѣсистый томъ въ 500 слишкомъ страницъ текста съ 500 слишкомъ рисунками. Въ какой мѣрѣ нужны всѣ эти рисунки и какова цѣна всей этой массѣ печатныхъ листовъ, мы сейчасъ увидимъ. Съ рисунками дѣло просто. Если они хорошо исполнены, удачно подобраны и не удорожаютъ слишкомъ цѣну изданія,—они желательны и полезны. По отношенію къ рисун-

камъ, заполняющимъ книгу г. Битнера,—мы можемъ сказать, что большинство изъ нихъ съ технической стороны удовлетворительны, а нѣкоторые и прямо хороши, но это и все, что мы можемъ о нихъ сказать съ похвалою. Громадное же количество ихъ невольно заставляетъ задуматься: а не занимаютъ-ли они слишкомъ мѣста въ ущербъ полнотѣ изложенія? Да—мѣшаютъ и даже очень мѣшаютъ. На стр. 10 читаемъ: „Глядя на многія горы съ ихъ поперечными или продольными долинами, иззубренными, пиловидными или конусовидными вершинами, намъ и въ голову не придетъ, что первоначально могло не быть этихъ глубокихъ долинъ и пропастей, ни странныхъ, причудливой формы вершинъ,—что все это образовалось впослѣдствіи, подъ вліяніемъ разныхъ геологическихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, однако, мы не можемъ въ нашемъ обзорѣ входить въ подробности дѣйствія каждаго изъ этихъ агентовъ, — достаточно лишь упомянуть о нихъ“.

На стр. 22: „Въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ, конечно, никакой возможности останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи условій дѣятельности разнообразныхъ геологическихъ агентовъ и связанной съ этимъ разницы въ получаемыхъ результатахъ. Но разбросанные въ разныхъ мѣстахъ текста рисунки, представляющіе картины изъ всѣхъ частей свѣта, въ совокупности лучше всякихъ словъ иллюстрируютъ, какъ эту геологическую дѣятельность, такъ и ея результаты“... Черезъ двѣ строки на той же 22 страницѣ читаемъ слова: „Къ сожалѣнію, вдаваться въ подробное изложеніе ея (геологіи) началъ мы здѣсь не можемъ“.

На стр. 33: „не имѣя возможности за недостаткомъ мѣста говорить о мощности пластовъ“; на стр. 52: „къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности заняться этимъ“. И еще на стр. 64: „къ сожалѣнію, приходится обходить молчаніемъ очень многое, въ высшей степени интересное“. Наконецъ, на стр. 82: „вдаваться въ подробности каждой изъ нихъ (гипотезъ о причинахъ ледниковыхъ періодовъ) мы не имѣемъ возможности“... О чемъ же, наконецъ, имѣетъ возможность говорить г. Битнеръ?!. Уяснилъ-ли онъ себѣ: о чемъ *обязанъ* говорить онъ въ своемъ трудѣ? Вѣдь разъ онъ не можетъ говорить о дѣйствіяхъ различныхъ агентовъ, формировавшихъ и по сейчасъ формирующихъ составъ и рельефъ земной коры, не можетъ вдаваться въ изложеніе началъ геологіи, не можетъ заняться разсмотрѣніемъ развитія флоры и фауны на землѣ и т. д. и т. д.— такъ о чемъ же онъ имѣетъ возможность говорить? Сію минуту увидимъ, но прежде покончимъ съ рисунками. Первая часть книги, носящая громкое заглавіе „Исповѣдь земли. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи“—занимаетъ всего 95 страницъ, изъ нихъ 45 заняли рисунки, о которыхъ самъ авторъ и въ предисловіи и въ текстѣ оговаривается, „что къ сожалѣнію нѣкоторые рисунки не безу-

пречны съ научной точки зрѣнія". Зачѣмъ же разстраивать себя, г. Битнеръ, и такъ много „сожалѣть"; проще было бы выкинуть добрую половину этихъ рисунковъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ эти водопады въ 7—8 экземплярахъ, эти вулканы, эти гейзеры—вѣдь рисунки эти не новость—съ ними уже знакома читающая публика по другимъ изданіямъ. Или можно-бы было расширить первую часть, выкинувши изъ второй—посвященной „Сѣдой древности человѣчества" болѣе чѣмъ 120 никому ненужныхъ и ничѣмъ неоправдывающихъ свое пребываніе на страницахъ изданія рисунковъ и виньетокъ, а вѣдь эти рисунки и виньетки занимаютъ бѣдно, бѣдно страницъ 70—80!

Что же предлагаетъ г. Битнеръ читателю вмѣсто основъ геологіи, обѣщанныхъ, кстати сказать, имъ же самимъ въ предисловіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я въ своемъ изложеніи позаботился о томъ, чтобы прежде всего познакомить читателей съ основами той отрасли культурнаго прогресса, обзоръ успѣховъ которой составляетъ цѣль того или иного очерка. При этомъ важнѣйшіе изъ предметовъ, которые не входятъ въ программу среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, излагаются мною настолько подробно, что читатель, незнакомый съ данною отраслью знаній, прежде чѣмъ узнать о достигнутыхъ въ ней успѣхахъ, знакомится съ ея основами и, во всякомъ случаѣ, получаетъ возможно цѣльное представленіе о предметѣ". Какъ это обѣщаніе согласуется съ цитированными выше „сожалѣніями" г. Битнера—это мы понять не можемъ. И тѣмъ болѣе не можемъ, что, по нашему мнѣнію, посвятить нѣсколько строчекъ теоріямъ катаклизмъ, вулканической и нептунической, посмѣяться надъ невѣжествомъ геологовъ конца 18 и начала 19 вѣка, скомкать Кювье и упомянуть о Ляйеллѣ—не значитъ дать исторію геологіи, какъ науки. Равномѣрно не значитъ познакомить читателя съ основаніями геологіи, — сравнивъ кору земную съ кожицей печенаго яблока, упомянувъ о сбросахъ и сдвигахъ и на 5 страницахъ перепечатавъ разсказъ г. Дмитріевскаго о впечатлѣніяхъ его при обзорѣ Йоллостонскаго національнаго парка. Наконецъ, по нашему мнѣнію, не значитъ познакомить читателя съ успѣхами геологіи и палеонтологіи, если перечислить названія пластовъ и системъ, разведя все это водой вздорныхъ описаній картинъ борьбы исчезнувшихъ чудищъ. Но къ сожалѣнію—больше ничего въ разсматриваемомъ очеркѣ нѣтъ. А между тѣмъ, геологами подняты и разрѣшены, хотя бы и гипотетически, такіе важные вопросы, какъ вопросъ объ образованіи современныхъ материковъ, подмѣчена аналогія въ ихъ построеніи, изучается вопросъ о вулканахъ и ихъ связь съ береговой полосой океановъ, вопросъ о землетрясеніяхъ, о поднятіи береговъ, о состояніи внутренности земного шара и т. д. и т. д. Но напрасно будетъ читатель искать у г. Битнера свѣдѣній по этимъ вопросамъ...

Теперь о второй части... Но она такъ громадна, такъ неуклюже конструирована и задѣваетъ такую массу дѣйствительно важныхъ вопросовъ, а г. Битнеръ ихъ такъ безжалостно комкаетъ, тасуетъ, жуетъ и пережевываетъ, что мы совершенно отказываемся отъ разбора и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что здѣсь есть все, начиная отъ описанія дѣйствительно великихъ научныхъ открытій великихъ людей, переходя къ никому ненужнымъ и всѣмъ извѣстнымъ изъ учебниковъ описаніямъ Олимпійскихъ игръ или жертвоприношеній Ваалу и кончая неразрѣшенными вопросами изъ прошлой жизни человѣчества. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ авторъ мимоходомъ разрѣшаетъ, великодушно сообщая, что эти рѣшенія „не имѣютъ никакихъ серьезныхъ научныхъ основаній“ (205), а только такъ, стало-быть, игра ума... Есть еще нѣсколько обѣщаній „поговорить объ этомъ въ слѣдующемъ очеркѣ“, но обѣщаній неисполненныхъ, а за то нѣтъ ни слова объ открытыхъ остаткахъ древнихъ культуръ въ пустыняхъ центральной Азіи и на югѣ Африки; нѣтъ ни слова о такомъ могучемъ помощникѣ въ дѣлѣ проникновенія въ глубь доисторическихъ временъ жизни человѣчества, какимъ является фольклоръ—это дѣтище исключительно XIX вѣка. И мало-ли чего еще нѣтъ.

Г. Битнеръ выражаетъ надежду, „что его трудъ будетъ нѣсколько отличаться отъ имѣющихся у насъ и за-границей обзоровъ истекшаго столѣтія“. И мы надѣемся, даже увѣрены, что трудъ г. Битнера—единственный въ своемъ родѣ. Мы надѣемся, что нигдѣ больше не встрѣтимъ такого беззастѣнчиваго саморекламированія, такихъ, съ позволенія сказать, популяризаторовъ.

Въ заключеніе приведемъ одно маленькое подстрочное замѣчаніе г. Битнера: „Нельзя не пожалѣть, что этотъ замѣчательный ученый въ своихъ антропологическихъ работахъ сталъ подчиняться вліянію „политики“, направленной къ „онѣмечиванію“ и склонной къ подтасовкѣ научныхъ фактовъ“. Это говорится о Вирховѣ...

В. К. Пискорскій. Исторія Испаніи и Португаліи. Спб. 1902.

Популярный очеркъ г. Пискорскаго много выигралъ бы, если бы былъ—даже не въ два—а въ три раза больше по размѣрамъ и обстоятельнѣе по изложенію. Сложную и долгую исторію двухъ странъ отъ начала и вплоть до нашихъ дней описать на 198 страницахъ нѣтъ никакой возможности безъ ущерба для качества книги. Очевидно, это чувствовалъ и авторъ, ибо у него совсѣмъ не выдержанъ масштабъ изложенія: періодъ XIV—XVI вв. занимаетъ треть всей книги (прибл. отъ 100 до 150 стр.), XVII же вѣку въ Испаніи отведены двѣ страницы, а въ Португаліи всего *одна* (151-я), хотя это столѣтіе — одно изъ весьма важныхъ въ исторіи перелома, низведшаго Испанію во второстепенныя дер-

жавы; испанскому XVIII вѣку посвящены 8 страницъ (152—159), что также болѣе, нежели недостаточно. Слишкомъ бѣгло описанъ и XIX вѣкъ.

Наиблѣе удачною частью книги мы считаемъ разсказъ о свободныхъ учрежденіяхъ на Пиренейскомъ полуостровѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени, и о борьбѣ противъ нихъ королевской власти. Изслѣдованія испанскихъ ученыхъ давно уже опровергли самымъ основательнымъ образомъ старое мнѣніе (котораго, между прочимъ, держался и Бокль) о постоянномъ деспотизмѣ, будто бы царствовавшемъ въ Испаніи съ незапамятныхъ временъ. Погибшая средневѣковая испанская конституція была отнюдь не менѣе сильна въ дѣлѣ охраны правъ личности и общественнаго контроля надъ дѣйствіями правительства, нежели уцѣлѣвшая (современная ей) конституція англійская. Очень жаль, что объ испанскихъ конституціяхъ XIX вѣка авторъ не нашелъ нужнымъ разсказать столь же подробно. Вообще, чѣмъ ближе къ современной эпохѣ, тѣмъ изложеніе книги дѣлается схематичнѣе и схематичнѣе: напр., на 181 страницѣ въ 7—8 строчкахъ говорится о Кановасѣ и о томъ, что онъ былъ лѣтомъ 1897 года убитъ анархистомъ. Слѣдовало бы упомянуть о практиковавшихся Кановасомъ гнуснѣйшихъ пыткахъ и издѣвательствахъ надъ политическими арестантами въ тюрьмахъ. Подобные пропуски нельзя не считать существенными, ибо старое правило „audiatur et altera pars“ никогда не должно забываться историками. Изъ внѣшнихъ недочетовъ мы отмѣтили бы только кое-какіе ненужные испанизмы: реконкиста (отвоеваніе территоріи у арабовъ), рехіонализмъ (мѣстныя децентрализаціонныя тенденціи) и т. п.

Несмотря на указанные недостатки, книга эта полезна для первоначальнаго ознакомленія съ древнимъ и средневѣковымъ періодами испанской исторіи. Приложенныя историческія карты весьма наглядно уясняютъ сущность территоріальныхъ перемѣнъ, пережитыхъ Пиренейскимъ полуостровомъ до 1492 года.

В. Я. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. М. 1902.

„Очерки“ г. Желѣзнова составляютъ одинъ изъ выпусковъ „Библіотеки для самообразованія“, издающейся въ Москвѣ, подъ редакціею нѣсколькихъ ученыхъ и педагоговъ (гг. А. С. Бѣлкина, П. Г. Виноградова, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, П. И. Новгородцева, Е. Н. Орловой, В. Д. Соколова и А. И. Чупрова), принимающихъ дѣятельное участіе въ московской „коммиссіи по организаціи домашняго чтенія“. Общая задача этой „Библіотеки“—дать серію такихъ популярно-научныхъ книгъ, изъ которыхъ каждая сообщала бы „необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько нибудь основательнымъ“. Въ цѣломъ

„Библіотека“ должна составить рядъ „пособій“, признанныхъ коммиссіею (домашняго чтенія) „необходимыми“ для усвоенія ея систематическихъ программъ, но несуществовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ, или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ“. Въ качествѣ такого пособія по политической экономіи редакціею „Библіотеки“ и выбранъ курсъ публичныхъ лекцій, прочитанный г. Желѣзновымъ въ Кіевѣ, въ 1898—1899 г. и затѣмъ исправленный и дополненный имъ для печатнаго изданія.

Выборъ этотъ нельзя не признать удачнымъ,—курсъ г. Желѣзнова дѣйствительно отличается многими выдающимися достоинствами. Замѣчательная ясность, простота и стройность изложенія, соединенныя съ богатствомъ фактическаго матеріала, умѣло сгруппированнаго и размѣщеннаго авторомъ на небольшомъ относительно пространствѣ его книги, — дѣлаютъ эту книгу весьма цѣннымъ пособіемъ для приступающихъ къ изученію экономической науки. Но книга г. Желѣзнова не только учебникъ для начинающихъ, она можетъ заинтересовать и гораздо болѣе широкіе круги читающей публики. Г. Желѣзновъ не ограничивается выясненіемъ однихъ основныхъ понятій экономической теоріи, но затрогиваетъ также цѣлый рядъ живыхъ вопросовъ хозяйственной дѣйствительности и знакомитъ читателя съ массою любопытныхъ фактовъ изъ настоящаго и прошлаго экономической жизни.

Нельзя сказать, однако, чтобы всѣ отдѣлы курса г. Желѣзнова отличались одинаковою полнотою и обстоятельностью. Въ общемъ конкретная часть книги, изложеніе экономическихъ фактовъ, значительно сильнѣе чисто теоретическихъ ее главъ. Быть можетъ, здѣсь отразилось вліяніе самой формы публичныхъ чтеній и желаніе автора всячески избѣгать сложныхъ и отвлеченныхъ разсужденій, могущихъ утомить вниманіе аудиторіи, — но какъ бы то ни было, анализъ теоретическихъ положеній страдаетъ порой у г. Желѣзнова нѣкоторою поверхностностью и недостаткомъ должной отчетливости.

Такъ, напр., въ главѣ о цѣнности мы совсѣмъ не находимъ точнаго опредѣленія этого основного въ экономической теоріи понятія. „Наиболѣе общій вопросъ въ ученіи объ обмѣнѣ — говоритъ г. Желѣзновъ (стр. 292),—есть теорія мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность служитъ основаніемъ, по которому продукты обмѣниваются другъ на друга; она составляетъ опредѣленную норму, придающую правильность и устойчивость столь сложнымъ и запутаннымъ отношеніямъ, какъ обращеніе товаровъ на рынкѣ. Естественно, что экономическая наука съ давнихъ поръ старается разгадать эту норму, свести ее къ извѣстнымъ элементарнымъ явленіямъ хозяйственной дѣятельности общества“. „Что же такое цѣнность“,— спрашиваетъ затѣмъ авторъ на слѣдующей, 293 стр. и даетъ та-

кой отвѣтъ. „Наблюдая продажу товаровъ на рынкѣ, мы найдемъ, что всѣ они, безъ различія ихъ качествъ, приравниваются къ извѣстной суммѣ денегъ. Книги, хлѣбъ, ситецъ, бумага, посуда одинаково обмѣниваются на деньги. Вотъ это-то свойство товара обмѣниваться на другіе предметы и носитъ названіе мѣновой цѣнности". Въ первомъ, описательномъ опредѣленіи цѣнности она оказывалась *нормою*, регулирующею мѣновыя отношенія, по второму, выраженному въ краткой формулѣ, это—только свойство, дающее товару *возможность* обмѣниваться, что далеко не одно и тоже. Но это разнорѣчіе такъ и остается не согласованнымъ: всѣ дальнѣйшія разсужденія цитируемой главы касаются уже источника цѣнности (г. Желѣзновъ излагаетъ теоріи цѣнности субъективной и трудовой), къ опредѣленію же самаго понятія цѣнности авторъ болѣе не возвращается. Нѣкоторую сбивчивость въ опредѣленіяхъ можно указать и въ главѣ о капиталѣ. Такъ, опредѣляя (на стр. 223), что такое капиталъ, г. Желѣзновъ совершенно правильно различаетъ *общее* понятіе о капиталѣ (какъ о совокупности „средствъ созданныхъ прежнимъ трудомъ и назначенныхъ для облегченія или осуществленія будущаго производства"), отмѣчающее коренныя черты присущія капиталу во всѣ эпохи хозяйственнаго развитія человѣчества, и понятіе спеціальное, *историческое*, соотвѣтствующее роли капитала собственно въ современномъ хозяйственномъ строѣ, исходя изъ котораго подъ капиталомъ „слѣдуетъ понимать средства производства, владѣніе которыми открываетъ возможность присвоенія продуктовъ чужого труда въ видѣ прибыли". Въ дальнѣйшемъ, однако, это коренное въ теоріи капитала различеніе не развивается съ достаточною послѣдовательностью, а напротивъ того изложеніе ведется такъ, что малоподготовленному читателю очень легко спутать двѣ только что установленныя точки зрѣнія на капиталъ. Такъ, на слѣдующей же за только что цитированной, 224 стр. г. Желѣзновъ, перечисляя категоріи средствъ производства, входящихъ въ составъ капитала, въ его первомъ, *общемъ* значеніи, относитъ сюда, между прочимъ, и *деньги*, употребляемыя для цѣлей производства и обращенія (закупки сырыхъ матеріаловъ, *уплаты жалованья рабочимъ* и т. д.), хотя съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства заработная плата (или „жалованье рабочимъ") представляетъ собою составную часть общественнаго дохода, а никакъ не капитала. Если считать капиталомъ деньги, уплачиваемыя нанимателемъ рабочимъ, то въ составъ капитала могутъ быть съ такимъ же правомъ введены и предметы непосредственнаго потребленія, пріобрѣтаемые рабочими на эти деньги или получаемые ими непосредственно отъ нанимателя въ видѣ платы. Но въ такомъ случаѣ совершенно стушевывалось бы то различіе между двумя понятіями капитала—общимъ и историческимъ—которое выставлено было г. Желѣзновымъ: только съ точки

зрѣнія существующихъ при капиталистическомъ строѣ отношеній предметы потребленія рабочихъ или деньги, имъ уплачиваемыя за работу, могутъ разсматриваться какъ часть капитала. Г. Желѣзновъ подчеркиваетъ это по отношенію къ предметамъ непосредственнаго потребленія, но деньги, уплачиваемыя рабочимъ за работу, почему-то считаетъ входящими въ составъ капитала и съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія.

Вообще, повторяемъ, теоретическая часть курса г. Желѣзнова можетъ вызывать не мало возраженій. Гораздо выгоднѣе выдаются другія его стороны. Наиболѣе разработанными являются тѣ отдѣлы курса, которые посвящены характеристикѣ различныхъ сторонъ современнаго капиталистическаго строя, въ особенности вопросамъ *труда* въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Такъ, ученію о заработной платѣ отведено около четверти книги (4 лекціи изъ 17); причемъ г. Желѣзновъ знакомитъ читателя не только съ существующими въ экономической наукѣ теоріями заработной платы (развитіе и послѣдовательная смѣна которыхъ разсматриваются въ связи съ измѣненіями въ самой хозяйственной жизни капиталистическихъ націй), но рядомъ съ этимъ сообщаетъ массу теоретическихъ данныхъ о современномъ положеніи и исторіи наемнаго труда въ развитыхъ промышленно странахъ и въ нашемъ отечествѣ; мы находимъ въ его курсѣ и статистическія данныя о сравнительной высотѣ рабочей платы въ Россіи и въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ (Америкѣ и Англіи); и очеркъ союзнаго движенія среди англійскихъ рабочихъ, подробное изложеніе современныхъ формъ коллективнаго договора о заработной платѣ и способовъ соглашенія между рабочимъ и нанимателемъ, а съ другой стороны статистику рабочихъ стачекъ въ Англіи и Америкѣ и ихъ результатовъ; цѣлая глава посвящена историческому очерку фабричнаго законодательства и т. д. Очень много интересныхъ и цѣнныхъ фактическихъ указаній, иллюстрирующихъ теоретическіе выводы, мы встрѣчаемъ и въ другихъ отдѣлахъ курса.

Не во всѣхъ случаяхъ, конечно, выводы автора и въ прикладной и исторической частяхъ его курса можно считать безпорочными. Г. Желѣзновъ иногда склоненъ нѣсколько переоцѣнивать результаты промышленнаго прогресса въ его современной капиталистической формѣ (укажемъ для примѣра на замѣчанія его на стр. 42 и 165 и сл. о паденіи милитаризма и о ростѣ народнаго образованія въ связи съ потребностями развивающейся промышленности). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ слишкомъ упрощаетъ вопросы большой сложности и потому заключенія его являются нѣсколько односторонними; это можно замѣтить какъ по отношенію къ характеристикѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ процессовъ (напр., „разложеніе крестьянства“, — стр. 146), такъ и по отношенію къ встрѣчающимся въ его курсѣ характеристикамъ

литературныхъ взглядовъ на соціальныя явленія (напр., воззрѣній Г. И. Успенскаго, — стр. 109 и сл. — которому онъ совершенно напрасно приписываетъ идеализацію „власти земли“ въ крестьянской жизни). Но никогда и нигдѣ въ сужденіяхъ г. Желѣзнова не обнаруживается никакого привкуса буржуазной тенденціи: интересы трудящихся всегда составляютъ центральный пунктъ, на которомъ онъ старается сосредоточить вниманіе своихъ слушателей и читателей.

Въ общемъ и цѣломъ книга г. Желѣзнова, повторяемъ, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу популярно-научную литературу и нельзя не пожелать ей широкаго распространенія среди читающей публики.

Д-ръ П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни лицъ низшаго медицинскаго персонала въ Россіи. Спб. 1902.

Редакція газеты „Фельдшеръ“ разослала при одномъ изъ №№ своей газеты „опросныя карты“ съ 50 вопросами относительно положенія и условія работы „фельдшерицъ, фельдшерицъ-акушерокъ, повивальныхъ бабокъ и фельдшеровъ“. Отвѣты всѣхъ этихъ лицъ обработаны д-ръ Кедровымъ въ настоящей брошюрѣ.

Конечно, всякій понимающій дѣло человѣкъ могъ ожидать, что отзывы должны нарисовать довольно безотрадную картину, однако, факты, собранные нашимъ авторомъ, вѣроятно, покажутся неожиданными всѣмъ, не принимавшимъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ.

Начнемъ съ чисто внѣшней стороны, съ разстояній, которыя приходится проѣзжать фельдшеру въ годъ. Оказывается, что даже въ такой сравнительно густонаселенной губерніи, какъ Воронежская, фельдшеру за годъ приходится проѣзжать 5146 верстъ (стр. 49). А какъ приходится совершать эти передвиженія, видно хотя бы изъ слѣдующихъ отвѣтовъ. Изъ Херсонской губерніи пишетъ фельдшеръ слѣдующее: „Если подводу отъ больного не пришлютъ, то хожу пѣшкомъ“ (стр. 50). „Въ Эриванской губерніи фельдшеру приходится проѣзжать по 20 и 30 верстъ верхомъ и *безъ сѣдла* и ночевать въ конюшняхъ безъ постели“ (стр. 50). „Въ Екатеринославской губерніи фельдшеръ по пріѣздѣ въ деревню ждетъ иногда сутки очередной лошади, чтобы ѣхать дальше къ больному“ (стр. 50). Изъ Хоперскаго уѣзда фельдшеръ пишетъ: „почта старается всегда дать мнѣ на поѣздку къ больнымъ *хромую* лошадь, вслѣдствіе чего зимой нерѣдко приходится въ бурю и мятель ночевать въ степи“ (стр. 51) и т. д., и т. п.

Переходимъ къ жалованью. „Земскіе фельдшера получаютъ въ мѣсяцъ чаще всего отъ 21 до 25 руб. (35,0%) и затѣмъ отъ 26 до 30 руб. (28,0%)“ (стр. 58). „Сельскіе фельдшера (фельдшера въ

неземскихъ губерніяхъ) чаще всего получаютъ мизерное жалованье отъ 16 до 20 руб. (39,2% лицъ), затѣмъ 30% лицъ — отъ 11 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Фельдшера и фельдшерицы, служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ частныхъ больницахъ и прочіе, чаще всего получаютъ въ мѣсяцъ отъ 21 до 25 руб. жалованья (27,5% лицъ); затѣмъ отъ 16 до 20 руб. (22,5% лицъ) и только 12,5% лицъ этой категоріи получаютъ отъ 26 до 30 руб. въ мѣсяцъ" (стр. 59).

Не удивительно поэтому, что работа при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ скоро подрываетъ здоровье низшаго медицинскаго персонала, а такъ какъ представителямъ этого персонала особенно часто приходится имѣть дѣло съ тифозными больными, то отсюда и вытекаетъ та легкость, съ которою фельдшера и фельдшерицы дѣлаются жертвами тифозныхъ болѣзней: 62,5% заболѣваній у лицъ низшаго медицинскаго персонала приходится на долю заразныхъ болѣзней. Сверхъ всего этого, отвѣты фельдшеровъ и фельдшерицъ выяснили еще не мало и другихъ неудобствъ ихъ существованія, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь слѣдующіе:

„Напряженная дѣятельность въ земскихъ, городскихъ и сельскихъ врачебныхъ пунктахъ, отсутствіе временныхъ отпусковъ для отдыха и съ научными цѣлями дѣлаютъ фельдшера автоматомъ въ работѣ и вынуждаютъ его пробавляться во все время службы давно отжившими знаніями по своей спеціальности" (стр. 90).

„Дѣти лицъ низшаго медицинскаго персонала, вслѣдствіе скуднаго матеріальнаго обезпеченія родителей, нерѣдко лишены возможности получить среднее образованіе, не всѣ получаютъ даже первоначальное образованіе, не обезпечены ни пенсіей, ни эмеритурой родителей въ будущемъ и, въ случаѣ внезапной смерти родителей, вынуждены оставаться безпомощными". (стр. 90).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій ***Георга Брандеса***. Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. Лучицкой. Т. VI, VII и VIII. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ перес. и доставкой 6 р.

Собраніе сочиненій ***Эрнеста Ренана***. Переводъ съ франц. подъ редакціей В. Н. Михайлова. Т. VII. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ перес. и дост. 6 р.

Собраніе сочиненій ***Элизы Ожешко***. Переводъ съ польск. подъ ред. С. С. Зелинскаго. Т. IX. Изданіе Б. К Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе 12 томовъ, 4 р., съ перес. и дост. 5 р

Собраніе сочиненій ***Манса Нор***

Эау. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей В. Н. Михайлова. Т. VIII. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ перес. и дост. 6 р.

Полное собраніе сочиненій *К. Головина* (*К. Орловскаго*). Т. VI. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

«Лѣствица». Поэма въ VII главахъ *А. Л. Миропольскаго*. «Ко всѣмъ, кто ищетъ»—какъ предисловіе *Валерія Брюсова*. Москва .MCM III. книгоиздательство «Скорпіонъ».

Сборникъ стихотвореній на еврейскіе мотивы. Съ пояснительными примѣчаніями. Спб. 1903. Ц. 15 к.

Михаилъ Цейнеръ. Стихотворенія. 2-е изданіе. Томскъ. 1902. Ц. 65 к., съ перес. 75 к.

Уральскія миніатюры. Разсказы и очерки *А Г. Турнина*. Изданіе П. И. Пѣвина. Екатеринбургъ. 1902. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

А. Кирпищикова. Повѣсти и разсказы. Книга 1. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 70 к.

Н. И. Позняковъ. Ничего. Разсказы про людей. Изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб. 1903. Ц. 1 р.

Э. Ожешко. Звенья. Разсказъ. Переводъ съ польск. Эм. З—нъ. Спб. 1902. Ц. 7 к.

Иветтъ Гильберъ. Герои шансонетки. Переводъ съ франц. Романъ. Изданіе т-ва «Книговѣдъ». Спб. 1903. Ц. 1 р.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Московская Нана. Романъ. М. 1902. Ц. 1 р.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Почти обо всемъ. (Несовременные и современные нравы). М. 1903. Ц. 1 р.

К. Н. Воиновъ. Прелюдіи. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ разсказовъ. Одесса. 1902.

К. Н. Воиновъ. Одесса. 1903. Недосказанные разсказы (оригинальные и переводные). Ц. 40 к.—Огоньки. (Сборникъ разсказовъ оригинальныхъ и переводныхъ). Ц. 30 к.

С. Зенченко. Другъ за друга. Очерки и разсказы для дѣтей. Изданіе К. И. Тихомирова М. 1902. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ.

Дуэль въ океанѣ. Разсказъ *К. М. Станюковича*. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 10 к.

Н. Блиновъ. Жизнь Робинзона. Съ 102 рис. 3-е изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 70 к.

Ю. И. Каривинъ. Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Очерки изъ исторіи литературы. Саратовъ. 1902. Ц. 15 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1901 г. по 1-е октября 1902 г. Подъ редакціей директора коллегіи А. І. Степовича. Кіевъ. 1902.

В. А. Луганковскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I. Гоголь. Спб. 1903. Ц. 40 к.

В. В. Каллашъ. Puschkiniana. I. Библіографическіе труды о Пушкинѣ. II. Стихотворенія о Пушкинѣ. Кіевъ. 1902.—Н. В. Гоголь и его письма. М. 1902.—Жуковско-Гоголевская юбилейная литература. М. 1902.—Поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ. М. 1902.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Т. III. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XXII.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона подъ редакціей и съ дополненіями Ю. Энгеля. Вып. VIII.

С. С. Гусевъ (Слово Глаголь). Наши общественныя дѣла и бездѣлье. Спб. 1902. Ц. 1 р.

М. Э. Гуковскій. Новыя вѣянія и настроенія. Изданіе И. А. Хмѣльницкаго. Одесса. 1903.

Д. В. Веневитиновъ. Критико-біографическій очеркъ *А. В. Фелонина*. Спб. 1902. Ц. 30 к.

П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Портреты: Н. В. Станкевичъ, В. Г, Бѣлинскій, Н. А. Герценъ, А. И. Герценъ и снимокъ съ «кондиціи» императрицы Анны. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Пенаторосъ. Современныя настроенія. (Діалоги). Изданіе конт. газ. «Южное Обозрѣніе». Одесса. 1902. Ц. 35 к.

Д-ръ *Г. И. Гордонъ*. Сіонизмъ и христіане. 2-е изданіе. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Юрьевъ. 1902. Ц. 1 р.

Сказки и легенды, собранныя братьями *Гриммъ*. Переводъ А. С. Фридеманъ. Съ иллюстр. П. Гротъ-Іоганна и П. Лейнвебера. Изданіе О. Н. По-

повой. 2 тома. Спб. 1903. Ц. 1 р. 20 к. томъ.

Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль *Г. Уэльса*. Переводъ съ англ. А. Каррикъ. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Н. А. Бѣловъ. Что такое философія? Харьковъ. 1902. Ц. 40 к.

А. Бѣляевъ. Что есть истина. Очеркъ. Уральскъ. 1902.

Р. Винделъбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Переводъ съ нѣм. Е. И. Максимовой, В. М. Невѣжиной и Н. Н. Платоновой подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. Г. I. Спб. 1902. Ц. 3 р., съ билетомъ на II-й т. 4 р.

Самосознаніе *Теодора Липпса*. Перев. съ нѣм. М. Лихарева. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1903. Ц. 30 к.

Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Подъ ред. С. Н. Южакова. Издатели: Библіографическій Институтъ (Мейеръ) и т-во «Просвѣщеніе». Т. X. Вып. 9—10. Спб. 1902.

Prof. *Th. Ziehen*. Отношеніе мозга къ душевной дѣятельности. Переводъ съ нѣм. Изданіе Ц. Крайзъ. Спб. 1902. Ц. 40 к.

П. Жидъ (Paul Gide). Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Ю. Гамбарова. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 2 р.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей Г. А. Гроссмана. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1903. Ц. 2 р.

Марія Кожевникова. Материнство и умственная работа. М. 1902. Ц. 25 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда. Спб. 1902. Ц. 40 к.

В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ (Каторга). Съ иллюстраціями. М. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Годичное торжественное засѣданіе Юридическаго о-ва при Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1902.

Н. Плавтовъ. Очерки русскаго желѣзнодорожнаго права. Изданіе Н. В. Петрова. Харьковъ. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Г. Медвѣдевъ. Врачъ-художникъ. Отвѣтъ на книгу Вересаева «Записки врача». Спб. 1903. Ц. 30 к.

Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. *Н. И. Тезякова*. 3-е изданіе. Съ 5 рис. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Отчетъ по командировкѣ на рѣку Вислу. Д-ра мед. *А. В. Чирикова*. Спб. 1902.

Проф. *Р. Випперъ*. Учебникъ древнѣйшей исторіи. Съ рис. и картами. 2-е изданіе. М. 1902. ц. 1 р.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Изданіе Акц. Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1902. *В. К. Пискорскій*. Исторія Испаніи и Португаліи. Ц. 1 р.—*П. Г. Мижуевъ*. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Ц. 1 р.

Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Соч. *Лависса*. Т. II. Современная эпоха. Переводъ съ франц. Е. П. Кончаловской. М. 1903. Ц. 35 к.

Древнѣйшая исторія востока. Исторія Ассиріи отъ возвышенія Ассирійской державы до паденія Ниневіи *З. А. Рагозиной*. Съ 101 рис. и 2-мя картами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Срединное царство. Очерки жизни и исторіи Китая. Составила *Д. И. Котляръ*. Съ 21 рис. въ текстѣ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 80 к.

М. Н. Косичъ. Литвины-Бѣсорусы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни. Спб. 1902.

Павелъ Россіевъ. Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16 рис. М. 1903. Ц. 20 к.

А. С. Лебедевъ. Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. (По архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1902. Ц. 2 р.

Кронштадтскій маякъ (19 октября 1902 г.). Ко дню именинъ о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). Нижній-Новгородъ. 1902. Ц. 10 к.

Протоіерей *І. И. Сергіевъ* (Кронштадтскій). Полный кругъ словъ и поученій. Безплатное приложеніе къ «Православно-русскому Слову». Спб. 1902.

В. В. Святловскій. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Спб. 1902. Вып. I, IV и V. Ц. за 5 выпусковъ 5 р. безъ перес.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. 3-е изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. Из-

даніе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 25 к.

Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. *С. С. Бехтѣева*. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Изданіе Е. Д. Кусковой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Е. Пажитновъ. Къ аграрному вопросу. Законъ убывающаго плодородія почвы и его значеніе въ политической экономіи. М. 1903. Ц. 75 к.

В. И. Анофріевъ. Основные вопросы дѣятельности потребительныхъ обществъ. Изданіе московскаго союза потребительныхъ о-въ. М. 1902. Ц. 40 к.

Итоги шестилѣтія. (Замѣтки земскаго начальника). *В. Яновичъ*. Пермь. 1902. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Василій Якимовъ. По слѣдамъ голода. Изъ воспоминаній. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности правительства въ пользу кустарной промышленности, Спб. 1902.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи. Составленъ по порученію М-ва земледѣлія и государственныхъ имуществъ *Н. В. Пономаревымъ* подъ редакціей Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Справочный указатель кустарныхъ производствъ и кустарныхъ мастеровъ. Вып. V. Спб. 1902.

Указатель всероссійской кустарно промышленной выставки 1902 г. Спб.1902.

Проф. *А. М. Зайцевъ*. Озеро Шира и его окрестности. (Съ 15 фототип. и картою). Томскъ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

М. Серебряковъ. На южный берегъ Крыма. Воспоминанія участника-руководителя экскурсіи учениковъ Виленской 1-й гимназіи. Вильна. 1902.

Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ. *И. Ѳ. Горностаева* и *Я. М. Богуславскаго*. Съ 50 иллюстр., планами и картою. Изданіе постоянной комиссіи по техническому образованію. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общинъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. II. Среднерусская черноземная область. Съ политипажами, діаграмами, картограммами и картами. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1902. Ц. 3 р. 25 к.

Плотность свѣтового эѳира и оказываемое имъ сопротивленіе движенію. *И. О. Ярковскаго*, инженеръ-технолога. Брянскъ. 1901. Ц. 25 к.

И. Н. Якубовичъ. I. Причина всемірнаго тяготѣнія. II. Гипотеза о приближеніи земли къ солнцу. 2-е изданіе. Брестъ-Литовскъ. 1902. Ц. 30 к.

«Библіотека для самообразованія». *М. Ганчъ*. Краткое руководство по стереохиміи. М. 1903. Ц. 1 р.

Неорганическая химія (Начальный курсъ). Съ 7 портр. и 95 рис. *А. Реформатскаго*. М. 1903. Ц. 2 р.

Императорское русское о-во акклиматизаціи животныхъ и растеній. Дневникъ отдѣла ихтіологіи. Подъ редакціей В. А. Погоржельскаго. Вып. 7, 8 и 9. М. 1902.

Природа растеній *Д. Нелюбова*. Съ 32 таблицами хромолитографіи и 210 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Психическая жизнь животныхъ *Л. Бюхнера*. Переводъ съ нѣм. М. Успенской, подъ ред. М. А. Энгельгардта. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ Пушкинской безплатной библіотеки-читальни въ Великомъ Устюгѣ. за 1891 годъ. Великій Устюгъ. 1902.

Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Составилъ *В. Зелинскій*. 3-е изданіе. М. 1902. Ц. 1 р.

Педагогическія бесѣды *Т. Лубенца*. Изданіе кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

По вопросу о порчѣ водопроводныхъ трубъ обратными токами электрическихъ трамваевъ. Заявленіе инженера *Н. П. Зимина* 5-му русскому водопроводному съѣзду. М. 1902.

Научныя изслѣдованія американскаго способа очищенія воды и примѣры его примѣненія. *Н. П. Зимина*. М. 1902.

Сельскій трудъ. Изданіе петерб. собранія сельскихъ хозяевъ. Спб. 1902. *Ив. Поповъ*. О ковкѣ лошадей и объ уходѣ за копытомъ. Съ 4 рис. Ц. 2 к.— *В. Бажаевъ*. Какъ завести правильное полевое травосѣяніе. Съ 4 раскр. план. Ц. 7 к.

И Горбуновъ-Посадовъ. Русскій сельскій календарь на 1903 годъ. М. 1902. Ц. 20 к.—Русскій деревенскій календарь для черноземныхъ губерній. Ц. 5 к.—Русскій деревенскій календарь для нечерноземныхъ губерній. Ц. 5 к.

Поваренная книга. Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетаріанскихъ обѣдовъ. Съ 66 рис. Составила *Ю. А. Іогансонъ*. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 4 р.

Политика.

Законодательные выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Законъ Фаллу.—Македонскія дѣла.—Текущія событія: Законодательные выборы въ Даніи, сеймовые выборы въ Нижній Австріи, муниципальные выборы въ Англіи, южноамериканскія дѣла.

I.

4 ноября (22 октября) происходило въ Соединенныхъ Штатахъ частичное возобновленіе палаты депутатовъ вашингтонскаго конгресса и вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же группѣ штатовъ выборы губернаторовъ и мѣстныхъ законодательныхъ палатъ. Половина (приблизительно) избирателей была опрошена этими тройными голосованіями, такъ что день 4 ноября, помимо того значенія, какое ему придавала возможность перехода большинства въ палатѣ депутатовъ отъ республиканцевъ къ демократамъ, имѣлъ и значеніе показателя народнаго настроенія и предуказателя имѣющихъ быть черезъ два года президентскихъ выборовъ. Кромѣ того, вновь избранныя законодательныя палаты штатовъ имѣютъ выбрать весною половину сенаторовъ и, въ случаѣ торжества на выборахъ 4 ноября демократовъ, большинство въ сенатѣ могло быть отнято у республиканцевъ. Словомъ, хотя это было только частичное возобновленіе вашингтонской палаты депутатовъ, выборы могли круто повліять на измѣненіе и внутренняго состоянія, и международнаго положенія великой заатлантической республики. Ставка была очень крупная и обѣ партіи, въ теченіе сорока лѣтъ оспаривающія другъ у друга власть, вполнѣ сознавали серьезность дня 4 ноября и вели упорную и систематическую борьбу.

Великія историческія партіи, на которыя распадается сѣвероамериканская нація, сохраняя старыя наименованія, мало-по-малу совершенно измѣнили свою программу, особенно республиканская партія. Она возникла изъ сліянія большинства партіи виговъ, существовавшей со дня основанія американской республики, до 1860 года, съ аболиціонистами и частью демократовъ (въ сѣверныхъ штатахъ). Партія виговъ группировалась вокругъ задачи сплотить штаты по возможности тѣсно и вмѣсто союза штатовъ, какъ того желали демократы, создать единое государство, хотя и федеративное. Виги преобладали на сѣверѣ, гдѣ не было рабства, демократы на рабовладѣльческомъ югѣ. Вслѣдствіе этого, когда кардинальнымъ вопросомъ національной американской жизни выдвинулся вопросъ объ отмѣнѣ невольничества, большинство

виговъ стало на сторонѣ освобожденія, а большинство демократовъ—противъ. Тогда то и образовалась республиканская партія, поставившая свой главной задачей освобожденіе невольниковъ. Рабовладѣльческое меньшинство партіи виговъ присоединилось къ демократамъ такъ же, какъ свободомыслящее меньшинство демократовъ вошло въ новую республиканскую партію вмѣстѣ съ небольшою, ранѣе еще выдѣлившеюся изъ демократовъ и изъ виговъ партіей аболиціонистовъ. Президентскіе выборы 1861 года кончились торжествомъ республиканскаго кандидата, славнаго въ исторіи Америки Авраама Линкольна. Произошло затѣмъ отпаденіе рабовладѣльческихъ штатовъ, междоусобная война, возстановленіе союза съ отмѣною невольничества и уравненіемъ цвѣтного населенія съ бѣлымъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Республиканская партія блестяще свершила свою великую историческую миссію и за это, при деморализаціи демократической партіи, надолго осталась властительницей судебъ сѣверо-американскаго народа. Съ 1861 по 1885 гг. республиканцы безсмѣнно владѣли президентурою, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, а съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати лѣтъ (срокъ полномочіямъ нынѣшней президентуры кончается 4 марта 1905 г.) только восемь лѣтъ (1885—1889 и 1893—1897 гг.) власть находилась въ рукахъ демократовъ, при чемъ въ обоихъ случаяхъ одна изъ палатъ конгресса оставалась республиканскою. Демократы ни разу за сорокъ пять лѣтъ не имѣли въ своихъ рукахъ всѣ три высшія учрежденія, изъ которыхъ слагается сѣверо-американское правительство. Между тѣмъ, за тѣ же сорокъ пять, по крайней мѣрѣ, тридцать пять лѣтъ республиканцы господствовали и въ президентурѣ и въ конгрессѣ. Велика было ихъ заслуга въ шестидесятые годы XIX в. Велика и награда, дарованная имъ сѣверо-американскою націей. Но велика и отвѣтственность республиканской партіи передъ судомъ исторіи и потомства...

Побѣда республиканцевъ въ шестидесятые годы XIX в. была побѣдою свободы, просвѣщенія и прогресса надъ рабствомъ и обскурантизмомъ; но рабство было уничтожено; бывшимъ рабамъ дарованы всѣ человѣческія и гражданскія права; возстановленъ внутренній миръ; залѣчены раны и другія невзгоды междоусобія; поправлены разстроенные войною финансы; проведены соотвѣтствующія новому положенію дѣлъ конституціонныя и законодательныя реформы съ цѣлью обезпечить незыблемость новаго свободнаго строя великой націи; устранены отъ власти и вліянія враги этого новаго строя,—все это наполнило собою шестидесятые годы и вмѣстѣ съ тѣмъ все это исчерпывало поставленныя республиканцами задачи. Ихъ надо было замѣнить новыми... Логически это было бы продолженіе того же дѣла эмансипаціи угнетенныхъ и зависимыхъ классовъ отъ экономическаго господства плутократіи, уже въ то время очень развитой въ Соединенныхъ

Штатахъ, а также и рядъ другихъ задачъ въ духѣ экономическихъ реформъ, въ духѣ просвѣщенія и общаго народнаго благосостоянія, отнюдь не измѣряемаго числомъ милліардеровъ. Это было бы логически, но исторія имѣетъ свою логику и республиканская партія не только не усвоила себѣ этой программы, продолжающей славное уже совершенное ею дѣло, не только не стала на сторону народа противъ плутократіи, но совершенно тому напротивъ стало мало-по-малу главною представительницей плутократіи и ея интересовъ.

Дѣло въ томъ, что побѣда республиканской партіи надъ демократами была не только побѣдою свободы и прогресса надъ рабствомъ и обскурантизмомъ, но и побѣдою сѣверныхъ штатовъ надъ южными, а именно въ сѣверныхъ штатахъ крѣпла, росла и развивалась американская плутократія. Она раздѣлила торжество сѣверянъ, но плоды этого торжества мало по малу узурпировала единственно въ свою пользу. Протекціонизмъ, аграрное законодательство, дозволившее образованіе колоссальнѣйшихъ въ мірѣ латифундій; торгово-промышленное законодательство, позволившее развитіе трестовъ (синдикатовъ); золотая валюта; доктрина Монроэ, истолкованная въ смыслѣ исключительныхъ правъ сѣверо-американцевъ надъ материкомъ и Сѣверной и Южной Америки; завоевательная политика и т. д. и т. д., словомъ „имперіализмъ", вотъ постепенно образовавшіяся новыя задачи республиканской партіи, уже четыре десятилѣтія держащей въ своихъ рукахъ направленіе исторіи сѣверо-американскаго народа и, если первое десятилѣтіе было употреблено на проведеніе въ жизнь прежнихъ задачъ партіи, а нѣкоторое время потомъ партія еще не нашла своего новаго курса, то за всѣмъ тѣмъ около четверти вѣка она неуклонно слѣдуетъ новому обрѣтенному ею курсу, все ярче и многостороннѣе развивая свою программу, сложившуюся къ концу XIX вѣка въ систему „имперіализма", какъ это выраженіе понимается въ Америкѣ и Англіи.

Совсѣмъ иную эволюцію въ это время испытала другая великая историческая партія сѣверо-американской республики, демократическая. Въ началѣ американской исторіи, демократы были децентралисты и фритредеры, но обстоятельства, о которыхъ уже упомянуто выше, сдѣлали ихъ или, вѣрнѣе, часть изъ нихъ, рабовладѣльческою и сепаратистскою партіей. Однако, послѣ паденія рабства и возстановленія государственнаго единства, эти задачи оказались невозможными и партія должна была съ ними разстаться. Послѣ завершенія республиканцами своей первоначальной программы, не только имъ, но и демократамъ пришлось искать новой программы. Изъ прошлаго демократы могли сохранить: стремленіе оградить мѣстную автономію отъ попытокъ централизаціи; приверженность къ доктринѣ фритредерства; и тѣ принципы и методы внутренней и внѣшней политики, которыми

руководились великіе президенты демократы, какъ Вашингтонъ, Джефферсонъ, Монроэ и др. (полное воздержаніе отъ вмѣшательства въ дѣла Стараго Свѣта, огражденіе Новаго Свѣта отъ вмѣшательства державъ Стараго Свѣта, враждебное отношеніе къ милитаризму и завоеваніямъ и т. д.). Для полной политической программы этого мало, но для начала эволюціи было вполнѣ достаточно. Фритредеры по традиціи, демократы естественно заняли оппозиціонное положеніе по отношенію къ протекціонизму, усвоенному республиканцами въ угоду нью-іоркской и филадельфійской плутократіи. Тѣ же традиціи толкнули ихъ и на борьбу съ милитаризмомъ и завоевательной политикой, усвоенной республиканцами въ угоду тѣмъ же плутократовъ. Къ этому совершенно естественно присоединились и борьба съ трестами, и сопротивленіе золотой валютѣ, и требованіе новаго аграрнаго и новаго рабочаго законодательства, и наконецъ объединеніе на почвѣ антиимперіализма. Въ то время, какъ нѣкогда *народная* республиканская партія мало-по-малу плутократизировалась и къ началу XX вѣка стала вполнѣ плутократическою и имперіалистскою, старая демократическая партія, омраченная нѣкогда преобладаніемъ рабовладѣльческихъ элементовъ, постепенно освобождалась отъ этихъ печальныхъ завѣтовъ, а въ другихъ сторонахъ своей старой программы и въ новыхъ условіяхъ исторической жизни нашла элементы для развитія въ антиимперіалистскую народную партію. Демократы становятся, наконецъ, дѣйствительными демократами въ европейскомъ смыслѣ слова. Эволюція эта еще не завершилась, нѣкоторые старые элементы аристократическаго юга еще играютъ роль въ дѣятельности демократической партіи, но уже теперь вполнѣ ясно, что это пережитки старины, имѣющіе исчезнуть съ вымираніемъ старшихъ поколѣній совершенно такъ же, какъ и республиканская партія заключаетъ нѣкоторые пережитки своей былой благородной и народной программы, которые и здѣсь постепенно исчезаютъ съ постепеннымъ вымираніемъ представителей старшихъ поколѣній, этихъ младшихъ сверстниковъ Линкольна, Семнера, Сюарда, Гранта, Фаррагута и другихъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ и участниковъ великой борьбы. Оставляя же прошлое прошлому, а пережитки ихъ роковой судьбѣ, въ настоящее время нація Соединенныхъ Штатовъ дѣлится на два лагеря: плутократическій лагерь имперіализма — это республиканская партія; и антиимперіалисты — это демократы и болѣе радикальная партіи популистовъ и соціалистовъ, которыя обѣ поддерживаютъ теперь демократовъ и которыхъ можно теперь разсматривать, какъ лѣвое крыло демократической партіи.

„Имперіализмъ“ въ его цѣломъ раздѣляетъ двѣ партіи, но имперіалистская программа заключаетъ въ себѣ много составныхъ частей и въ каждый данный моментъ выдвигается на первый планъ та или другая изъ этихъ составныхъ частей. Такъ,

то наступаетъ очередь протекціонизма, то валюты, то продажности республиканскихъ чиновниковъ; теперь на первомъ планѣ стоятъ тресты (trusts), эти чудовищныя плутократическія организаціи, одинаково угрожающія потребителю, производителю и государству. Вопросъ о трестахъ былъ центральнымъ и главенствующимъ на законодательныхъ выборахъ 4 ноября.

Что такое, однако, эти тресты? Съ одной стороны, это то явленіе, которое въ Европѣ называется синдикатами предпринимателей или картелями, а съ другой стороны это нѣчто гораздо большее, это громадная американская надстройка надъ строеніемъ синдикатовъ и картелей. Синдикатами или картелями въ Европѣ (прежде и въ Америкѣ) называются формальныя соглашенія между болѣе или менѣе значительнымъ числомъ предпріятій одного рода съ цѣлью ограничить или даже устранить конкурренцію между собою. Обязательства, принимаемыя членами синдикатовъ, бываютъ весьма различны. Иногда они ограничиваются обѣщаніемъ не понижать продажную цѣну продуктовъ ниже условленнаго въ договорѣ уровня. Порою такимъ же способомъ нормируется и цѣна сырья, пріобрѣтаемаго членами картели. Это зачаточныя организаціи. Дальнѣйшимъ крупнымъ шагомъ является обязательство не производить продуктовъ больше условленнаго для каждаго члена количества. Затѣмъ, учреждается контроль и, наконецъ, сбытъ продуктовъ объединяется. Съ этою цѣлью, члены картели образуютъ акціонерную *торговую* компанію и принимаютъ обязательство поставлять этой компаніи опредѣленное количество продуктовъ по условленной цѣнѣ и не продавать продуктовъ болѣе никому, а сбытъ на рынокъ составляетъ уже задачу компаніи и прибыли дѣлятся между членами синдиката. Это высшая форма картелей въ Европѣ, находящихъ ограниченіе въ издавна существующемъ законодательствѣ, воспрещающемъ стачки продавцевъ противъ покупателей. Это законодательство, хотя и устарѣлое и во многихъ отношеніяхъ легко обходимое при современныхъ условіяхъ, сдерживаетъ всетаки аппетиты картелей, которыя при томъ всюду остаются лишь болѣе или менѣе тѣснымъ *союзомъ* предпріятій, самостоятельныхъ и отдѣльныхъ. Система Trust'овъ упраздняетъ эту самостоятельность и отдѣльность входящихъ въ синдикатъ предпріятій. Они, эти предпріятія, т. е. цѣлыя отрасли промышленности, сливаются въ одно предпріятіе. Владѣльцы предпріятій, входящихъ въ трестъ, переуступаютъ права собственности организаторамъ или организатору треста и всѣ предпріятія трестируемой отрасли промышленности или торговли становятся однимъ предпріятіемъ, руководимымъ одною волею по одному плану. Цѣнность всѣхъ трестируемымъ предпріятій точно опредѣляется и всѣ владѣльцы получаютъ сертификаты, цѣнныя бумаги вродѣ акцій, на каковыя и получаютъ дивидендъ, а если они несутъ и трудъ въ

новой организаціи, то и вознагражденіе на общемъ основаніи. Хорошо организованный трестъ, т. е. втянувшій въ себя огромное большинство предпріятій данной отрасли промышленности, становится въ полномъ смыслѣ слова монополистомъ въ этой отрасли, очень скоро онъ задавливаетъ или въ себя втягиваетъ всѣ оставшіяся внѣ его предпріятія и вполнѣ распоряжается рынкомъ, устанавливая цѣну сырья, плату рабочимъ и цѣну продуктамъ. Все это настолько повышаетъ доходность производства, что владѣть сертификатомъ треста много выгоднѣе, нежели владѣть самими предпріятіями. Конечно, довѣриться такимъ сертификатамъ возможно, лишь имѣя дѣло съ организаціями, обладающими милліардами, что только увеличиваетъ могущество этихъ организацій. Надо отмѣтить, что, будучи по существу лишь болѣе развитою формою картели, тресты юридически представляютъ не союзъ, а индивидуальную собственность и никакимъ законамъ о коаліціяхъ и стачкахъ не подлежатъ. Напр., всѣ антлантическія американскія пароходныя компаніи, поддерживающія сообщеніе между Америкой и Европою, всѣ такія же, кромѣ одной, компаніи въ Англіи, и нѣкоторыя компаніи Германіи вошли въ 1902 году въ чудовищный трестъ, т. е. передали свои суда, доки, пристани, факторіи, склады, агентуры, мастерскія, верфи въ собственность американскому архимилльярдеру Моргану, а сами получили отъ него сертификаты. Морганъ отнынѣ одинъ собственникъ этого безчисленнаго парового флота, вѣроятно не менѣе, если не болѣе половины торговаго парового флота всего міра. Отъ него одного зависитъ назначеніе не только платы за проѣздъ и за перевозку груза, но и назначеніе линій движенія, даже пріостановка всякаго движенія его судовъ. Кто можетъ ему воспретить это? А между тѣмъ, какія совершенно неисчислимаго значенія и цѣны интересы связаны съ этимъ движеніемъ, съ направленіемъ линій движенія, съ цѣною транспорта! Всѣ эти интересы зависятъ нынѣ отъ Моргана и онъ, конечно, сумѣетъ повести дѣло такъ, чтобы эти интересы были удовлетворены, но, разумѣется, не даромъ. Въ Англіи извѣстіе объ этомъ трестѣ произвело потрясающее впечатлѣніе и правительство поспѣшило войти въ соглашеніе съ единственною не трестированною компаніей трансатлантическаго сообщенія и, обязавъ ее не входить въ трестъ, даровало крупную субсидію и привилегію казенныхъ грузовъ. Это между прочимъ, а примѣръ этого треста мы привели съ цѣлью показать, какую чудовищно-громадную силу пріобрѣтаютъ эти тресты, прямо господствуя надъ интересами націи и государства. Въ послѣдніе годы процессъ трестированія разныхъ отраслей промышленности Соединенныхъ Штатовъ пошелъ съ особой быстротой и возбудилъ въ народѣ сильное движеніе противъ себя. Вздорожаніе продуктовъ и пониженіе заработной платы являются плодомъ этого процесса и американскій народъ видитъ, какъ самъ бѣднѣетъ, чтобы сугубо

обогащать королей треста. Шумиха имперіализма съ его внѣшними успѣхами и обычныя заблужденія рабочихъ, что протекціонизмъ и имъ приноситъ выгоду, давали и еще даютъ опору республиканцамъ, но тресты грозили отрезвить массу и отвратить ее отъ республиканской партіи. Демократы, при поддержкѣ популистовъ и соціалистовъ, борьбу съ трестами поставили во главу своей избирательной программы и народное недовольство трестами сказывалось настолько ярко, что демократы не безъ основанія разсчитывали на побѣду 4 ноября. Тѣмъ больше, что корифеи республиканской партіи упорно отстаивали неприкосновенность трестовъ и ихъ полную свободу.

Такъ шла борьба до осени этого года, когда нѣкоторая часть республиканцевъ начала приходить къ заключенію, что народъ отворачивается отъ республиканской партіи, и что главная причина этой эволюціи въ покровительствѣ трестамъ. Необходимо сдѣлать уступки, чтобы не потерять господствующаго положенія. Во главѣ этой готовой на нѣкоторый компромиссъ фракціи республиканцевъ сталъ самъ президентъ Рузвельтъ. Совершенно вопреки постановленіямъ главнаго комитета партіи, онъ заявилъ въ оффиціальной рѣчи, что неограниченная свобода трестовъ противна интересамъ народа и государства, и что въ этомъ отношеніи необходимо подготовить нѣкоторыя ограничительныя мѣропріятія, хотя и законныя права трестовъ должны быть уважаемы и останутся неприкосновенными. Это въ сущности ни къ чему не обязывающее заявленіе произвело огромное впечатлѣніе. Рузвельтъ предпринялъ цѣлую избирательную кампанію, объѣзжалъ страну и всюду говорилъ рѣчи, очень краснорѣчивыя, и внушавшія надежду на новую политику. Зная, что народъ начинаетъ тяготиться протекціонизмомъ, Рузвельтъ высказывался тоже противъ *крайностей* протекціонизма. Если къ этому прибавить, что онъ же провелъ въ конгрессѣ, хотя не безъ труда, билль объ автономіи Кубы (на чемъ настаивали демократы) и хотя не провелъ, но внесъ билль объ установленіи болѣе справедливаго по отношенію къ Кубѣ таможеннаго тарифа (билль не утвержденъ сенатомъ), то понятно, если имя Рузвельта стало именно настолько популярно, насколько теряла популярность сама республиканская партія въ ея главныхъ представителяхъ. Выступивъ противъ трестовъ, противъ „крайностей“ протекціонизма, а въ вопросѣ о Кубѣ за свободу и справедливость, Рузвельтъ усвоилъ, сильно умѣривъ и значительно затуманивъ, программу демократовъ и предупредилъ массовое отпаденіе народныхъ массъ отъ республиканской партіи, чего иначе можно было ожидать. Отличнымъ избирательнымъ маневромъ явилась также нота объ угнетеніи евреевъ въ Румыніи. Это не только привлекло на сторону республиканцевъ еврейскіе голоса, но и вообще, произвело превосходное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Удачное посред-

ничество Рузвельта въ стачкѣ углекоповъ въ Пенсильваніи тоже сыграло свою роль.

Въ палатѣ депутатовъ, которую призвана замѣнить нынѣ наполовину обновленная палата, республиканцы располагали солиднымъ большинствомъ въ сорокъ голосовъ. Они сохранили большинство и на новыхъ выборахъ, но сократилось оно вдвое, такъ что теперь они располагаютъ большинствомъ только въ двадцать голосовъ. Это значительное сокращеніе числа республиканскихъ избирателей явно обнаруживаетъ эволюцію народныхъ массъ, и можно предполагать, что безъ вмѣшательства Рузвельта съ указанными имъ перспективами получить и отъ республиканцевъ часть желаемаго, результаты выборовъ 4 ноября могли быть иными. Это личный успѣхъ президента Рузвельта. Республиканцы должны были, хотя покуда только на словахъ, пойти на уступки. Осуществятъ ли они эти уступки за тѣ два года, которые имъ даны до президентскихъ выборовъ 1904 года? Отъ этого во многихъ отношеніяхъ будетъ зависѣть исходъ президентскихъ выборовъ и совпадающихъ съ ними законодательныхъ выборовъ другой половины палаты.

Интересно отмѣтить, что родина Рузвельта, гдѣ онъ былъ и мэромъ и губернаторомъ, городъ Нью-Іоркъ, нанесъ самое рѣшительное пораженіе республиканцамъ. Правда, штатъ Нью-Іоркъ переизбралъ губернаторомъ республиканца Оделя, но очень слабымъ большинствомъ.

Отмѣтимъ еще, что въ Колорадо выбрана депутатомъ въ конгрессъ женщина, мистрисъ Гренфелль, вмѣстѣ со всѣмъ спискомъ демократовъ, большинствомъ 2.400 голосовъ. Выборъ этотъ, повидимому, не конституціонный и, вѣроятно, признанъ не будетъ, но онъ сыграетъ свою роль въ исторіи эмансипаціи женщины и подготовитъ почву для реформы, которая въ Соединенныхъ Штатахъ, вѣроятно, не за горами. Избраніе г-жи Гренфелль произвело въ Америкѣ повсемѣстно пріятное впечатлѣніе, и это благопріятное отношеніе общественнаго мнѣнія отразилось и на правительствѣ, которое предложило г-жѣ Гренфелль въ случаѣ неутвержденія ея въ званіи депутата, постъ суперинтендента народнаго просвѣщенія, должность вліятельную и почетную.

II.

Во Франціи министерство Комба продолжаетъ энергически и безостановочно проводить заявленную имъ при вступленіи во власть программу. За конгрегаціями и двухлѣтнимъ срокомъ военной службы, нынѣ наступила очередь извѣстнаго закона Фаллу. Министръ народнаго просвѣщенія Шомье внесъ въ сенатъ ноября (25 окт.) законопроектъ о частныхъ среднеучебныхъ за-

веденіяхъ, которымъ замѣняется законъ Фаллу, изданный въ 1850 г. До 1850 года образованіе было монополіей государства и отчасти церкви, которая одна завѣдывала духовными училищами (по закону 1814 года) и которой, если не юридически, то фактически было предоставлено и женское образованіе. Частныя училища, хотя и существовали, но были въ полной власти государства, которое ихъ разрѣшало и закрывало по административному усмотрѣнію, утверждало и устраняло директоровъ, контролировало составъ преподавателей, обязывало держаться утвержденныхъ программъ и одобренныхъ учебниковъ. Законъ Фаллу, изданный 15 марта 1850 года, отмѣнилъ монополію государства и предоставилъ право открывать и содержать частныя учебныя заведенія всякому совершеннолѣтнему французу, имѣющему званіе баккалавра (соотвѣтствуетъ нашему аттестату зрѣлости), а для женскихъ учебныхъ заведеній даже обладающимъ начальнымъ образованіемъ. Программа такихъ заведеній, составъ преподавателей, учебники, системы воспитанія, все было предоставлено полному и безконтрольному усмотрѣнію директора заведенія. Законъ Фаллу, однако, не отмѣнилъ монополіи церкви на завѣдываніе духовными учебными заведеніями (приготовляющими лицъ для духовной карьеры, священниковъ, законоучтителей, учителей конгрегаціонистскихъ школъ и разныхъ викарныхъ духовныхъ должностей). Кромѣ государства, конечно, только церковь достаточно богата средствами и обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы въ широкихъ размѣрахъ организовать учебное дѣло. Иначе говоря, законъ Фаллу открывалъ для церкви возможность стать опаснымъ конкуррентомъ государству въ дѣлѣ народнаго образованія. Дѣйствительно, постепенно за полстолѣтіе, протекшее со дня изданія закона Фаллу, католическое духовенство раскинуло широкую сѣть собственныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ программа, учебники и составъ преподавателей были одинаково проникнуты клерикальнымъ духомъ, и гдѣ юношество воспитывалось и воспитывается въ идеяхъ, непримиримо враждебныхъ современному строю государственной и общественной жизни.

Первый ударъ закону Фаллу нанесенъ былъ еще въ 1880 году закономъ, изданнымъ по иниціативѣ Жюля Ферри, и которому дополненіемъ и развитіемъ были законъ Поля Бера 1881 года и законъ Дюво 1883 года. Этими тремя актами объявлено обязательное для каждаго француза и француженки начальное свѣтское образованіе по утвержденной парламентомъ программѣ и при обязательно свѣтскихъ учителяхъ и учительницахъ, обладающихъ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ, именно аттестатами отъ государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній или спеціальнымъ дипломомъ по особымъ программамъ послѣ экзамена при государственныхъ же учебныхъ заведеніяхъ. Надо было, однако, не мало времени, чтобы создать необходимый преподавательскій персоналъ

и соотвѣтственно съ этимъ подготовленіемъ учительскаго персонала распространять сѣть свѣтскихъ правительственныхъ школъ. Для начальныхъ мужскихъ школъ это дѣло было завершено года три тому назадъ, для женскихъ завершается только въ настоящемъ 1902 году. Такимъ образомъ, въ настоящее время рѣчь идетъ, собственно говоря, исключительно о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, открываемыхъ частными лицами или обществами. „Полная отмѣна закона 15 марта 1850 года,—говорится въ докладѣ Шомье,—представляется правительству повелительною необходимостью для республики".

Новый законъ, если, конечно, онъ будетъ одобренъ парламентомъ, первою гарантіей противъ опасности свободы обученія, какъ эта свобода была понята и формулирована закономъ Фаллу, предлагаетъ очень значительное повышеніе образовательнаго, моральнаго и профессіональнаго ценза директора и всего школьнаго персонала. Директора и преподаватели старшихъ классовъ, кромѣ преподавателей новыхъ языковъ, должны обязательно имѣть университетскіе дипломы (licencié); преподаватели новыхъ языковъ, а въ низшихъ (прогимназическихъ) классахъ всѣхъ предметовъ могутъ быть и баккалавры; въ приготовительныхъ—или баккалавры или лица, имѣющія дипломы народныхъ учителей перваго разряда. Для директрисъ и преподавательницъ въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній цензъ этотъ пониженъ до диплома средней школы, но при спеціальномъ испытаніи по программамъ, которыя будутъ составлены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Женщины съ дипломомъ университетскимъ отъ этого дополнительнаго экзамена освобождаются. Съ другой стороны, ст. 4 законопроекта воспрещается открывать и содержать учебныя заведенія или состоять въ нихъ и при нихъ въ какихъ бы то ни было должностяхъ и званіяхъ слѣдующимъ категоріямъ гражданъ:

„1) Всѣмъ, лишеннымъ правъ;

2) Лицамъ, приговореннымъ къ позорнымъ наказаніямъ;

3) Лицамъ, приговореннымъ за воровство, мошенничество, нарушеніе довѣрія, безнравственные поступки и за обиды малолѣтнихъ;

4) Лицамъ, лишеннымъ своихъ родительскихъ правъ;

5) Лицамъ, лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ, предвидимыхъ пунктами 1, 2, 3, 5, 6 и 8 статьи 42 уголовнаго кодекса;

6) Лицамъ принадлежащимъ къ недозволеннымъ конгрегаціямъ; и

7) Лицамъ, коимъ воспрещено преподаваніе или содержаніе школъ постановленіемъ департаментскихъ совѣтовъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, университетскихъ совѣтовъ или высшаго совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія".

Постановленія совѣтовъ, департаментскихъ и университетскихъ могутъ быть обжалованы въ высшій совѣтъ, рѣшенія котораго

считаются окончательными. Если не забыть о совершенной независимости и полной компетентности университетскихъ совѣтовъ, а также о системѣ департаментскихъ совѣтовъ, частью избираемыхъ и поставленныхъ независимо, то нельзя не признать, что и пунктъ 7 этой статьи не открываетъ простора для произвола и даетъ достаточныя гарантіи, особенно при зоркомъ контролѣ общественнаго мнѣнія и парламента. Законопроектъ прибавляетъ, что и всѣ уже открытыя школы должны въ опредѣленный срокъ выполнить поставленныя условія.

Несомнѣнно, что потребованныя законопроектомъ ограниченія вполнѣ разумны и, сохраняя свободу обученія, гарантируютъ школѣ извѣстный необходимый уровень образованности и нравственности. Несомнѣнно также, что эти ограниченія и это требованіе образовательнаго и моральнаго ценза затруднитъ нынѣ столь не трудное пополненіе преподавательскаго и вообще педагогическаго персонала католическихъ школъ. Затрудненіе будетъ, однако, временное, потому что и среди лицъ съ высшимъ образованіемъ, частью вслѣдствіе рецидива невѣжества, большею же частью изъ разсчета личной пользы, найдется постепенно необходимый контингентъ лицъ, готовыхъ служить обскурантизму.

Очень похожи на эти постановленія объ открытіи частныхъ школъ и постановленія о ихъ закрытіи. Дѣла о закрытіи возбуждаются школьными инспекторами и направляются они либо въ судъ, либо въ университетскіе совѣты. Въ судъ поступаютъ дѣла о нарушеніи законовъ, а также влекущія уголовное наказаніе. Дѣла же о нарушеніи правилъ санитарныхъ, о заслуживающей порицанія воспитательной системѣ, о дурномъ содержаніи или обращеніи, о недостаточности образовательнаго и нравственнаго ценза, наконецъ, о направленіи преподаванія, не согласномъ съ конституціей и законами страны, поступаютъ въ университетскіе совѣты, на рѣшеніе которыхъ допускается аппеляція въ высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, постановленія котораго окончательны. И эти постановленія вполнѣ разумны и составляютъ значительное улучшеніе законодательства, но спеціально противъ клерикализма направлено только требованіе, чтобы преподаваніе было согласовано съ конституціей и законами. Очень важно требованіе, чтобы система воспитанія, принятая въ школѣ, не заслуживала порицанія со стороны университетскаго совѣта. Извѣстно, что клерикальныя школы основываютъ воспитательную систему на выработкѣ рабскаго повиновенія и для достиженія этой цѣли широко пользуются тѣлесными наказаніями. Надзоръ за этою стороною дѣла заставитъ клерикаловъ искать другихъ, менѣе яркихъ способовъ для дисциплинированія и обезличенія учащихся въ ихъ школахъ.

Чтобы эти постановленія объ открытіи и закрытіи школъ не остались мертвою буквою, необходимо организовать контроль.

Этотъ вопросъ законопроектъ разрѣшаетъ удовлетворительно, обязывая личный персоналъ школъ допускать школьныхъ инспекторовъ къ осмотру заведеній, къ присутствію на урокахъ и экзаменахъ, къ опросу учащихся, къ ознакомленію съ учебниками и тетрадями и пр. Законопроектъ опредѣляетъ крупные штрафы и личную отвѣтственность (тюремное заключеніе) за нарушеніе требованій закона. Наконецъ, онъ уничтожаетъ монополію церкви на духовныя учебныя заведенія и подчиняетъ ихъ контролю государства. Кромѣ того, частнымъ учебнымъ заведеніямъ воспрещается присваивать себѣ названіе *лицеевъ* и *колежей*, оффиціальное названіе правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи.

Таковы существенныя черты законопроекта Шомье, имѣющаго собою замѣнить законъ Фаллу. „Между этою свободою, которая исключаетъ контроль, и монополіей, которая исключаетъ свободу, законодателю надо было найти систему, которая обезпечила бы и свободу частной школы, и неоспоримыя права государства контролировать ходъ національнаго образованія“. Такъ резюмируетъ Шомье свою задачу. Онъ думаетъ, что онъ ее разрѣшилъ. Конечно, многое будетъ зависѣть отъ примѣненія закона и можно многое сдѣлать и съ закономъ Шомье. Тѣмъ не менѣе, его умѣренность, почти робость по отношенію къ клерикаламъ обратила вниманіе и возбудила неудовольствіе въ средѣ лѣвой. Законопроектъ будетъ, по всей вѣроятности, подвергнутъ горячей критикѣ не только справа, но и слѣва. Конечно, онъ представляетъ собою очень значительное улучшеніе школьнаго дѣла, и для регулированія и контролированія частныхъ школъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова едва ли что-либо еще требуется. Образовательный и моральный цензъ, санитарныя условія, воспитательная система, духъ преподаванія поставлены въ соотвѣтствіе съ условіями современнаго общественнаго строя, и правительству дана достаточная власть, чтобы обезпечить исполненіе требованій закона. Изолированное частное учебное заведеніе едва ли будетъ въ состояніи обойти законъ. Другое дѣло, католическая церковь, эта всемірная, сплоченная, дисциплинированная, богатая матеріальными средствами и политическими связями, идеально организованная сила. Для нея новый законъ будетъ, конечно, непріятенъ, но вполнѣ обезоружить ея злоупотребленія онъ не будетъ въ состояніи. Правда, онъ вооружитъ до извѣстной степени правительство, которое, если пожелаетъ, можетъ значительно ослабить вредныя стороны школьной организаціи клерикаловъ, особенно строгимъ надзоромъ за воспитательною системою и неослабнымъ подавленіемъ системы рабскаго подчиненія учащихся чрезъ устраненіе наиболѣе въ этомъ направленіи отличавшихся директоровъ и преподавателей и чрезъ закрытіе особенно послѣдовательныхъ въ своей

системѣ заведеній. Это была бы упорная и трудная борьба. Законъ для нея даетъ оружіе правительству, но достаточно ли даваемое вооруженіе?

III.

Изъ четырехъ съ половиною милліоновъ жителей, населяющихъ остатки Европейской Турціи, около милліона живетъ въ Албаніи, тысячъ семьсотъ занимаютъ Ѳракію, а остальные 2.850.000 человѣкъ разселены по Македоніи и прилегающей къ ней съ сѣвера странѣ Коссова, составляющей съ Македоніей одно географическое цѣлое и, вѣроятно, имѣющей раздѣлить съ нею судьбу. Эти около трехъ милліоновъ человѣкъ по религіи распредѣляются, главнымъ образомъ, между православными и магометанами. Первыхъ около милліона восьмисотъ тысячъ, вторыхъ немного меньше милліона, а около ста тысячъ падаетъ на евреевъ, католиковъ, армянъ и др. Между магометанами: славянъ (сербовъ и болгаръ)—623.000, турокъ—270.000, албанцевъ—138.000 и остальныхъ (грековъ, румыновъ, цыганъ и пр.) около 31—32 тысячъ. Между православными: славянъ (сербовъ и болгаръ)—1.490.000, албанцевъ — 500.000, грековъ — 167.000, румыновъ (цинцаръ)—93.000. Православные славяне сами по себѣ составляютъ большинство населенія Македоніи, а въ соединеніи, съ одной стороны, съ славянами-магометанами и съ другой—въ соединеніи, съ православными не славянами представляютъ подавляющее численностью большинство. Первая комбинація даетъ цифры: 2.110.000 славянъ при 830.000 остального населенія. Вторая комбинація даетъ 1.800.000 православныхъ при милліонѣ съ небольшимъ всѣхъ остальныхъ. Эти цифры, настолько точныя, насколько возможно для турецкой провинціи, показываютъ, что, чѣмъ бы страна эта ни была раньше, теперь это православная славянская земля, родственная по крови и религіи прилегающимъ славянскимъ землямъ, Болгаріи, Сербіи и Черногоріи. Между этими странами идетъ теперь ожесточенный споръ, кому ближе македонскіе славяне, болгарамъ или сербамъ. Сербы доказываютъ, что болгаръ въ Македоніи едва двѣсти тысячъ, а остальные милліонъ девятьсотъ тысячъ сербы; болгаре же и совсѣмъ не допускаютъ присутствія сербовъ въ Македоніи, кромѣ незначительныхъ колоній на сѣверной окраинѣ. Ученые другихъ національностей склоняются скорѣе на сторону болгаръ, но никто не рѣшается дать точнаго распредѣленія македонскихъ славянъ между болгарами и сербами, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые склонны видѣть въ большинствѣ македонскихъ славянъ самостоятельную вѣтвь южно-славянскаго племени, такъ-что только меньшинство въ этомъ случаѣ подлежитъ распредѣленію между болгарами и сербами.

Этотъ нерѣшенный вопросъ въ спорѣ болгаръ и сербовъ обратилъ въ послѣднее общее вниманіе въ виду вспыхнувшаго въ Македоніи революціоннаго движенія, хотя въ настоящее время непосредственнаго значенія для рѣшенія македонскаго вопроса то или другое рѣшеніе сербо-болгарскаго спора не имѣетъ. Отдѣлять Македонію отъ Турціи никто теперь не думаетъ, а для автономіи, тѣмъ болѣе для реформъ, безразлично, славяно-македонскій языкъ ближе болгарскому или сербскому или образуетъ самостоятельную македонскую вѣтвь? Важно одно, чтобы говорящіе на этомъ спорномъ языкѣ, какъ и всѣ ихъ земляки, говорящіе по гречески, албански, румынски, получили возможность человѣческаго существованія и хотя бы умѣренную личную и имущественную безопасность. Повидимому, это неоспоримо. Однако, лингвистическій споръ отразился и на ходѣ движенія. Оно было поднято болгарами изъ Болгаріи и этого было достаточно, что бы оно не нашло поддержки ни въ Сербіи, ни въ Греціи. Движеніе, повидимому, подавлено. Намъ обѣщаютъ его возобновленіе весною. Вѣроятно, это обѣщаніе нельзя будетъ исполнить. Осеннее движеніе не обнаружило той упругости, которая въ 1875—1877 годахъ дозволила герцеговинцамъ и боснякамъ перенести двѣ зимы и побудить, наконецъ, народы Европы заняться ихъ участью. И теперь, какъ и тогда, народы не склонны заниматься участью страдающихъ, а вынудить ихъ къ вниманію можно такими жертвами, о которыхъ страшно думать послѣ того, какъ геройскія жертвы буровъ остались безъ послѣдствій... Турція, правда, обязалась берлинскимъ трактатомъ даровать Македоніи (подъ именемъ Западной Румеліи) автономію вродѣ той, какая была дарована Восточной Румеліи. Прошло четверть вѣка, а обязательство осталось не выполненнымъ. Можно смѣло утверждать, что оно никогда не будетъ выполнено, если Турція къ тому не будетъ вынуждена силою, а гдѣ теперь эта сила?

Россія занята Дальнимъ Востокомъ, Франція связана своими африканскими дѣлами; въ Англіи у власти стоитъ консервативный кабинетъ, не склонный къ освободительной политикѣ; Германія дружитъ съ султаномъ, а Австро-Венгрія болѣе всего хлопочетъ о statu quo на балканскомъ полуостровѣ, имѣя сама виды на Македонію. Если силы искать у державъ, то едва-ли скоро ее можно найти. Но сила самихъ освобожденныхъ уже племенъ несомнѣнно достаточна для освобожденія остальной частей Европейской Турціи. Одна Сербія была разбита въ 1876 году, какъ одна Греція въ 1897 году, какъ была бы разбита Болгарія въ 1902 году, если бы вмѣшалась въ македонское движеніе, но эти три государства въ соединеніи съ Черногоріей и Румыніей (около 100 тысячъ румыновъ населяетъ Македонію) составили бы силу, противъ которой едва-ли бы устояла Турція, особенно при возстаніи турецкихъ христіанъ, при несомнѣнной поддержкѣ

европейскаго общественнаго мнѣнія, при нравственной поддержкѣ, по крайней мѣрѣ, Россіи, Франціи, Италіи, при притокѣ волонтеровъ и пожертвованій, при господствѣ союзниковъ на морѣ, при возможности непосредственно угрожать турецкой столицѣ... И, однако, скорѣе Вильгельмъ возвратитъ добровольно Эльзасъ французамъ, а Чэмберленъ независимость южно-африканскимъ республикамъ, чѣмъ греки, сербы, болгаре и румыны соединятся для борьбы съ общимъ врагомъ, подъ игомъ котораго еще недавно склонялись и страдали сами!

Несомнѣнно, что рѣшивъ только стать на почву справедливости и безкорыстія, эти племена могли бы придти къ соглашенію въ настоящемъ, а будущую судьбу вновь освобожденныхъ странъ представили бы самому освобожденному населенію. Такимъ рѣшеніемъ если бы кто либо въ Европѣ и не былъ доволенъ, то навѣрное скрылъ бы, и Европа охотно санкціонировала бы новое положеніе вещей, которое вдобавокъ сильно уменьшало бы опасности миру, связанныя съ восточнымъ вопросомъ.

IV.

Въ Даніи въ серединѣ октября происходили частичные выборы въ ландетингъ (верхняя палата датскаго парламента), въ которомъ до сихъ поръ неизмѣнно господствовала правая въ то время, какъ въ нижней палатѣ (фолькетингъ) уже давно преобладаетъ лѣвая. Болѣе ограниченный кругъ избирателей въ ландетингъ былъ причиною этого несоотвѣтствія между двумя палатами. Послѣдніе октябрскіе выборы окончились побѣдою умѣренно-лѣвой, и теперь обѣ палаты будутъ имѣть парламентское большинство лѣвыхъ, что очень облегчитъ и законодательную работу парламента, и вообще все управленіе государства. Уже десятки лѣтъ, какъ законодательство почти пріостановилось и многія назрѣвшія потребности остаются безъ удовлетворенія, потому что ландетингъ и фолькетингъ неодинаково смотрѣли на способъ рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ. Теперь этотъ тормазъ для законодательной и правительственной дѣятельности устраненъ и слѣдуетъ ожидать оживленной и плодотворной парламентской сессіи.

Пораженіе правой на выборахъ въ ландетингъ имѣетъ и международное значеніе. Правая представляетъ собою именно ту партію, которая не примирилась и не желаетъ примириться съ утратою сѣвернаго (населеннаго датчанами) Шлезвига и о-ва Альзена. Правая всѣ эти сорокъ лѣтъ мечтала и теперь мечтаетъ о своего рода реваншѣ, для чего необходимо содержать на готовѣ значительныя военныя силы. Конечно, никакая партія въ Даніи не могла мечтать своими силами отнять у нѣмцевъ захваченныя тѣми датскія земли, но въ случаѣ столкновенія трой-

ственнаго союза съ двойственнымъ двѣсти тысячъ датчанъ, поддержанныхъ болѣе сильнымъ флотомъ двойственнаго союза, могли бы сыграть свою роль въ исходѣ великаго конфликта. Лѣвая держится въ этомъ вопросѣ совершенно другого мнѣнія. Нисколько не становясь на сторону нѣмцевъ въ ихъ хищническомъ захватѣ датской земли, лѣвая полагаетъ, что мечты о реваншѣ слишкомъ дорого стоятъ маленькой и небогатой Даніи. Эта партія, нынѣ обладающая большинствомъ въ обѣихъ палатахъ, стремится къ экономіи путемъ значительнаго сокращенія военнаго и военно-морского бюджета, и оградить внѣшнюю безопасность страны желаетъ путемъ полученія отъ великихъ державъ Европы коллективной гарантіи цѣлости и независимости цѣною нейтрализаціи (т. е. цѣною отказа отъ права войны). Въ такомъ положеніи находятся теперь Бельгія и Швейцарія. Какое можетъ быть принципіальное возраженіе противъ распространенія этого режима и на Данію? Кромѣ видовъ Германіи на включеніе въ будущемъ и Даніи въ составъ имперіи или же видовъ двойственнаго союза на ея поддержку въ столкновеніи съ тройственнымъ, другихъ препятствій не предвидится. Обновленному копенгагенскому правительству придется считаться съ этими возможными препятствіями. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ ожидать въ недалекомъ будущемъ, что будетъ серьезно поднятъ вопросъ о нейтрализаціи Даніи.

Еще одинъ международный вопросъ связанъ съ пораженіемъ правыхъ на выборахъ въ копенгагенскій ландетингъ. Данія продала Соединеннымъ Штатамъ небольшую группу острововъ въ Вестъ-Индіи, извѣстную подъ именемъ датскихъ Антилловъ, занимающую площадь въ 310 кв. килом. съ населеніемъ съ небольшимъ 30 тыс. человѣкъ, большею частью цвѣтныхъ. Каменистая малоплодородная почва и нездоровый для европейцевъ климатъ дѣлаютъ эти острова датчанамъ не только не нужными, но и прямо обременительными, тогда какъ для сосѣднихъ Соединенныхъ Штатовъ они могутъ имѣть значеніе и приносить выгоду. Сдѣлка была выгодна обѣимъ сторонамъ; незначительное населеніе острововъ только выигрываетъ, соединяясь съ сосѣднею великою и богатою страною. Территоріальная уступка требуетъ, однако, по датской конституціи утвержденія парламента, которому въ началѣ 1902 года и былъ предложенъ датско-американскій трактатъ по этому предмету. Фолькетингъ утвердилъ его, но ландетингъ отказалъ въ своемъ согласіи. Мотивомъ отказа ландетингъ выставилъ, что не было предварительнаго опроса населенія острововъ, согласны-ли они на эту перемѣну гражданства. Надо помнить, что датчане Альзена и сѣвернаго Шлезвига тоже не были спрошены, согласны ли они на передачу ихъ отъ Даніи нѣмцамъ. Своимъ постановленіемъ относительно датской Вестъ-Индіи ландетингъ возобно-

вилъ ретроспективный протестъ противъ захвата нѣмцами датскихъ земель и заявилъ, что считаетъ свои нравственныя права на эти земли сохраняющими силу. Теперь слѣдуетъ ожидать, что вскорѣ датско-американскій договоръ по этому предмету будетъ возобновленъ правительствомъ и ратификованъ парламентомъ безъ дальнѣйшихъ промедленій.

Такимъ образомъ, на октябрьскихъ выборахъ въ Даніи націонализмъ потерпѣлъ серьезное пораженіе. Его пораженіе на апрѣльскихъ выборахъ во Франціи не могло не остаться безъ вліянія и на датскія событія, особенно въ виду того, что и тамъ, и здѣсь націонализмъ игралъ на струнѣ реванша и на вполнѣ достойномъ уваженія чувствѣ симпатіи къ угнетенному положенію единоплеменниковъ. Пораженіе націонализма въ Даніи явилось, хотя и не крупнымъ, но все же вполнѣ замѣтнымъ дополненіемъ его пораженія во Франціи и должно благопріятно отразиться на настроеніи и другихъ народовъ, особенно нѣмцевъ, противъ которыхъ преимущественно направленъ и французскій, и датскій націонализмъ.

Не столь отраденъ исходъ областныхъ выборовъ въ Нижней Австріи, гдѣ въ октябрѣ избирались члены областнаго нижнеавстрійскаго ландтага. Здѣсь побѣдили анти-семиты съ Люгеромъ во главѣ. Побѣдилъ націонализмъ и узкая нетерпимость.

Прошлый ландтагъ имѣлъ большинство изъ союзныхъ вначалѣ партій антисемитовъ (Люгеръ) и всенѣмцевъ (Шенереръ), но послѣ онѣ разошлись и на октябрьскихъ выборахъ 1902 года антисемиты и всенѣмцы выступили другъ противъ друга. Въ виду того, что правая (феодально-клерикальная), лѣвая (буржуазно-либеральная) и соціалистическая партіи заключили между собою соглашеніе для борьбы съ антисемитами, позволительно было разсчитывать на успѣхъ. Голосованіе, однако, ниспровергло эти надежды. Антисемиты теперь одни, безъ всенѣмцевъ, имѣютъ большинство въ ландтагѣ, и Люгеръ упрочилъ свое положеніе крѣпче, чѣмъ прежде. Много говорятъ объ избирательныхъ злоупотребленіяхъ со стороны антисемитовъ. Весьма возможно, но этимъ однимъ, къ сожалѣнію, нельзя объяснить успѣхъ этой формы націонализма. Онъ объясняется скорѣе всего тѣмъ обстоятельствомъ, что атмосфера австрійской общественной жизни переполнена вообще всяческимъ націонализмомъ, такъ что чему же удивляться, если и эта форма, возмущающая даже многихъ націоналистовъ, свила себѣ теплое гнѣздо, въ которомъ плодится и множится. Для объясненія исхода октябрьскихъ выборовъ въ Вѣнѣ и ея области не слѣдуетъ упускать такъ же изъ виду, что феодалы, нѣмецкіе либералы и соціалисты, эти яко бы союзники противъ антисемитовъ питаютъ взаимно непримиримую вражду. Вожди заключили соглашеніе, но масса избирателей едва-ли соблюдала его съ достаточною для успѣха точностью.

1 ноября въ Англіи и Уэльсѣ повсемѣстно, кромѣ Лондона, происходили муниципальные выборы (въ городахъ). Эти выборы показали нѣкоторое движеніе избирательнаго корпуса на лѣво. Въ то время, какъ консерваторы и либералы-уніонисты умѣли отбить у своихъ противниковъ 54 полномочія, у нихъ отняли либералы 84 мѣста, рабочая партія 24 и соціалисты 5, всего 113. Консерваторы потеряли 57 мѣстъ. Черезъ три дня 4 ноября происходили дополнительные муниципальные выборы въ Гласго (Шотландія). На мѣсто выбывшаго консерватора избранъ либералъ значительнымъ большинствомъ.

Читатель, быть можетъ, не забылъ, что въ сѣверной тропической части Южной Америки въ двухъ сосѣднихъ республикахъ Венесуэлѣ и Колумбіи съ весны 1902 года возгорѣлась ожесточенная междоусобная война. Въ Колумбіи противъ господствующей клерикальной партіи возстали либералы, а въ Венесуэлѣ противъ либеральнаго правительства взбунтовались клерикалы. Теперь это жестокое междоусобіе можно считать оконченнымъ. Въ Колумбіи между правительствомъ и инсургентами заключено мирное соглашеніе, а въ Венесуэлѣ клерикальные мятежники разбиты и бѣжали въ горы. Сочувствіе Европы и Сѣв. Америки было въ обоихъ случаяхъ на сторонѣ клерикаловъ, вѣрныхъ слугъ европейской и американской плутократіи. Торжество венесуэльскихъ либераловъ повело къ разочарованію, и теперь рѣчь идетъ объ англо-германскомъ соглашеніи противъ Венесуэлы!!

С. Южаковъ.

Аграрный вопросъ въ Якутской области *).

Знакомство съ аграрными отношеніями якутовъ представляетъ двоякій интересъ: во-первыхъ, научный, такъ какъ отношенія эти явились результатомъ эволюціи якутской родовой общины въ условіяхъ, созданныхъ русскимъ господствомъ; во-вторыхъ, практическій, такъ какъ тѣневыя стороны этихъ отношеній вызвали со стороны высшей мѣстной администраціи рядъ мѣропріятій, имѣющихъ широкое принципіальное значеніе.

---

*) Настоящая статья составлена на основаніи слѣдующаго матеріала: для древнѣйшаго періода—на основаніи отчасти печатныхъ, отчасти рукописныхъ собраній сказокъ, легендъ и преданій якутскаго народа; данныхъ рукописи Павлинова (не опубликованной), работавшаго въ архивѣ. як. обл. правленія въ 70-хъ годахъ XIX вѣка; записки, представленной якутскими депутатами,

Основное явленіе, бросающееся въ глаза изслѣдователю аграрныхъ отношеній якутовъ, состоитъ въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи земли между членами инородческихъ обществъ: большая часть, при томъ лучшихъ угодій находится въ рукахъ якутской аристократіи — „тойоновъ"; масса населенія надѣлена землею—покосною—болѣе или менѣе скудно; и, наконецъ, значительная часть—свободна отъ земли. Согласно статистическому изслѣдованію, произведенному въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлого вѣка, въ нѣкоторыхъ наслегахъ Якутскаго округа число безземельныхъ колеблется отъ 16 и до 30%!

Такое распредѣленіе земель, неожиданное въ мѣстности съ столь рѣдкимъ населеніемъ, приближаетъ якутскія аграрныя отношенія къ общерусскимъ, которыя тоже характеризуются концентраціей земли въ рукахъ привилегированнаго, численно незначительнаго класса крупныхъ частныхъ собственниковъ, малоземеліемъ массы крестьянства и наличностью значительнаго сельскаго пролетаріата.

Какъ ни велика разница между историческими условіями, приведшими къ сходнымъ явленіямъ въ Европейской Россіи и на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи,—послѣдствія ихъ тождественны. И тамъ, и здѣсь масса населенія, не находя благопріятныхъ условій для приложенія своего труда, бѣдствуетъ и закабаляется въ руки ростовщиковъ и, не обладая ни покупательными, ни платежными средствами,—служитъ зыбкой и невѣрной почвой для промышленнаго развитія страны и для государственныхъ финансовъ.

Такое положеніе дѣла привело въ Якутской области мѣстную высшую власть, не связанную, кстати сказать, по отношенію къ

вызванными въ Иркутскъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка для составленія степныхъ законовъ; печатныхъ трудовъ о якутахъ Кочнева, Сѣрошевскаго, Преклонскаго и др.; Памятной книжки Якутской области, вып. I, въ которомъ имѣется заслуживающая вниманія статья неоффиціальныхъ сотрудниковъ мѣстнаго статистическаго комитета «Якутскій родъ», вызвавшая оживленную полемику, въ томъ числѣ статью Г. Ефремова въ трудахъ В.-Сиб. отд. Географическаго общества.

Для періода отъ 1-ой Ясачной коммиссіи до 20-хъ годовъ XIX вѣка—на основаніи работы сотрудника якутской экспедиціи Л. Г. Левенталя, имѣющейся въ распоряженіи г. якутскаго губернатора и предназначавшейся для памятной книжки.—Г. Левенталь впервые детально разработалъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, исторію землевладѣнія и обложенія якутовъ за этотъ періодъ и далъ исторію возникновенія классной системы... Весьма жаль, что работа эта, представляющая цѣнный научный вкладъ, до сихъ поръ не опубликована.

Періодъ, начиная съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, разработанъ на основаніи собственныхъ архивныхъ изысканій и оффиціальныхъ документовъ.

Въ дѣлѣ критической оцѣнки разнообразнаго и зачастую противорѣчиваго матеріала о якутахъ, я весьма многимъ обязанъ указаніямъ Всеволода Михайловича Іонова, замѣчательнаго знатока якутскаго фольклора и мѣстныхъ общественно экономическихъ отношеній. *Авторъ.*

инородцамъ, „посторонними соображеніями“, къ рѣшенію поддержать, во имя государственныхъ и народныхъ интересовъ, экономически слабую часть инородцевъ и побудить якутскія общества перераспредѣлить общественныя земли въ смыслѣ уравнительности и обезпеченія всѣхъ родовичей надѣлами, пропорціональными численному составу ихъ семей.

Намъ думается, что эта аргарная реформа, вмѣстѣ съ поднятіемъ производительныхъ силъ населенія (въ Якутской области путемъ покровительства переходу отъ скотоводства къ земледѣлію), является способомъ рѣшенія вопроса, имѣющимъ не только мѣстное, но и принципіальное, общерусское значеніе. Поэтому и считаемъ мы своевременнымъ познакомить русскаго читателя съ исторіей и современнымъ положеніемъ аграрныхъ отношеній на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири.

I.

Въ эпоху покоренія якутовъ русскими (въ началѣ второй четверти XVII вѣка) племенная организація у якутовъ отсутствовала. Племя дѣлилось на значительное число крупныхъ родовыхъ союзовъ—„джоновъ“,—взаимныя отношенія между которыми были то мирныя, то враждебныя, въ зависимости отъ столкновенія ихъ интересовъ, преимущественно экономическихъ (споры за покосныя мѣста, грабежи скота и т. п.). Джоны распадались на роды въ тѣсномъ смыслѣ слова—на „ага-уса“ по якутски; принадлежность рода къ тому или другому джону опредѣлялась общностью происхожденія его отъ одной общей родовой группы, расщепившейся съ теченіемъ времени на самостоятельныя части, вслѣдствіе численнаго разрастанія ея и разселенія по территоріи, дѣлавшаго неудобной и излишней общность хозяйственной жизни.—Роды, наконецъ, распадались на отдѣльныя хозяйственныя группы, при томъ, кажется, тогда уже двухъ типовъ: 1) мелкія, малосемейныя, жившія болѣе или менѣе обособлено, охотой и промыслами и 2) крупныя, многосемейныя—охотниче-скотоводческія. Такая крупная хозяйственная единица—семейная община—сравнительно богатая, сильная и потому способная дать защиту и обезпечить существованіе своихъ членовъ, была построена по типу родовыхъ союзовъ вообще, т. е. завѣдываніе имуществомъ и руководство всей коллективной жизнью находилось въ рукахъ старшаго въ родѣ,—„тойона“, родоначальника, почетнаго господина, которому подчинялись младшіе члены семьи и отдаленные сородичи, жившіе вмѣстѣ съ нимъ и игравшіе роль рабочей силы, вмѣстѣ съ невольниками (военноплѣнными) и купленными рабами. Такимъ образомъ, уже въ самыхъ нѣдрахъ якутскаго общества наблюдалась разслойка населенія на родовую аристократію—рас-

порядительницу богатствами и имуществомъ группы, рядовыхъ сородичей и, наконецъ, припущенниковъ разнаго происхожденія и неполноправныхъ.

Общій родовой глава, родовой старшина, вмѣстѣ съ главами крупныхъ хозяйственныхъ единицъ, входившихъ въ составъ рода, составлялъ аристократическій, правящій слой якутскаго народа, игравшій первенствующую роль на народныхъ собраніяхъ.

Родовой глава джона, являясь въ средѣ тойоната наиболѣе вліятельнымъ членомъ, былъ въ то же время военнымъ вождемъ и представителемъ джона въ столкновеніяхъ съ другими джонами. Должно сказать, однако, что степень подчиненія родовъ джонамъ была не велика и политическая власть общаго родового главы—зачаточна, завися преимущественно отъ личныхъ свойствъ его. Легенды, напримѣръ, сохранили имена только двухъ лицъ, успѣвшихъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительную власть, именно Тыгына—тойона Кайгаласскаго джона и Лёгёя—Борогонскаго тойона; но и о нихъ память сохранилась, можетъ быть, лишь потому, что это были двѣ соперничавшія силы, раздоры которыхъ и помогли русскимъ такъ легко справиться съ многочисленнымъ и сильнымъ народомъ.

Каждый джонъ представлялъ собою обыкновенно не только родственное единство, но и территоріальное, такъ какъ родственные роды жили по сосѣдству, при чемъ какъ территорія джона, такъ и территоріи отдѣльныхъ родовъ опредѣлялись взаимнымъ треніемъ. Было бы, конечно, ошибочнымъ думать, что на той стадіи экономическаго развитія, которой достигли къ XVII вѣку якуты,—скотоводы-звѣроловы,—понятіе о территоріи, даже родовой, отличалось большой опредѣленностью. Не говоря уже о томъ, что звѣроловныя угодья, за исключеніемъ ближайшихъ къ мѣстамъ осѣдлости охотничьихъ тропъ и ловищъ, находились въ общемъ, или, вѣрнѣе, нерегулированномъ пользованіи,—но даже выгоны, мѣста лѣтнихъ кочевокъ были слабо диференцированы, какъ между родами, такъ и между джонами. Имѣются историческія указанія, что, напримѣръ, еще въ XVIII вѣкѣ Кайгаласскій джонъ, обитавшій южнѣе нынѣшняго Якутска, кочевалъ иногда въ самомъ сердцѣ Намскаго джона, въ сѣверной части Якутскаго округа. Опредѣленнѣе и регулированнѣе было пользованіе покосами; по отношенію къ этому виду угодій дѣйствовало, кажется, захватное право, детали котораго въ настоящее время едва-ли могутъ быть выяснены. Во всякомъ случаѣ они были весьма различны въ различныхъ мѣстахъ, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ обилія свободныхъ покосовъ и той степени разложенія, которой подверглась родовая община какъ хозяйственное цѣлое. Тамъ, гдѣ родъ представлялъ еще хозяйственную общину, тамъ имѣлъ мѣсто общинный захватъ; тамъ, гдѣ родъ распался, вслѣдствіе численнаго разростанія и топографическихъ условій,

на отдѣльныя, хозяйственно-независимыя единицы,—тамъ общинный захватъ уступалъ мѣсто семейному, при чемъ онъ совершался тѣмъ свободнѣе, чѣмъ сильнѣе была хозяйственная единица. Несомнѣннымъ указаніемъ на это послѣднее обстоятельство можетъ служить постоянно встрѣчающееся и нынѣ самовольное огораживаніе общественныхъ выгоновъ, иногда съ превращеніемъ ихъ въ покосы или пахотныя поля, совершаемое тойонами, вопреки возникающему правовому сознанію массы населенія.

Право пользованія разъ захваченными, или на иныхъ основаніяхъ присвоенными (путемъ выдѣла изъ общаго владѣнія рода или меньшей хозяйственной единицы, при ея дробленіи) покосами имѣло тенденцію переходить въ наслѣдственное, личное право, въ право собственности; объ этомъ съ большой силой свидѣтельствуютъ несомнѣнные, подтверждаемые архивными документами, случаи перехода, въ первой половинѣ XVIII вѣка, покосныхъ мѣстъ изъ рукъ въ руки по закладнымъ, купчимъ и завѣщательнымъ документамъ, равно и отдачи сѣнокосовъ въ приданое, сопряженной съ переходомъ земли въ *чужой родъ*. Кстати, первая половина XVIII вѣка была свободна отъ всякихъ попытокъ русской власти, прямо или косвенно, регулировать земельныя отношенія якутовъ, такъ что нѣтъ основаній думать, что тенденція эта *создана* новыми и посторонними вліяніями. Въ этихъ новыхъ условіяхъ она только окрѣпла.

Такимъ образомъ, еще до прихода русскихъ, земля распредѣлилась неравномѣрно среди населенія и закрѣпилась въ наиболѣе сильныхъ скотоводческихъ семьяхъ; а такими были семьи наиболѣе вліятельной, богатой и сильной части якутскаго народа—родовой аристократіи.

Русское завоеваніе оказало значительное и многообразное вліяніе на развитіе якутскихъ общественныхъ отношеній. Вліяніе это можетъ быть сведено, главнымъ образомъ, къ двумъ моментамъ: во-первыхъ, господству родового строя былъ нанесенъ сильный ударъ и ускоренъ переходъ родовой общины въ сосѣдскую; во-вторыхъ, значеніе тойоната было отчасти даже усилено, но, въ согласіи съ общимъ ходомъ вещей, онъ утерялъ свой аристократическій характеръ и пріобрѣлъ, такъ сказать, административно-плутократическій.

Первое время отношенія русскихъ къ якутамъ ограничивались сборомъ ясака; но сборъ этотъ сопровождался такими вымогательствами, что населеніе было терроризовано и, въ связи съ неудачными попытками возстанія съ цѣлью вернуть независимость, прибѣгло къ единственному остававшемуся въ его распоряженіи средству—къ бѣгству. Иногда части родовъ, иногда цѣлые роды снимались и уходили въ Китай, Даурію, на Олекму, Вилюй, Яну и даже Колыму. Населеніе, такимъ образомъ, раздѣлилось, и оставленныя мѣста занимались то не эмигрировав-

шими сородичами, то чужеродцами. Отколовшіяся части родовъ, осѣдая на новыхъ мѣстахъ, то сохраняли связь съ оставшеюся частью, то образовывали новую хозяйственно-административную единицу и разрывали связь съ старымъ гнѣздомъ,—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ разстояній. Такимъ образомъ, создалась изумительная черезполосность родовыхъ территорій и сосѣдская связь между чужеродцами. Она еще больше увеличилась, когда были разысканы и въ свою очередь объясачены и эмигранты; многіе изъ нихъ захотѣли тогда вернуться на старыя мѣста; но мѣста эти были уже заняты, и они селились тамъ, гдѣ могли, гдѣ удавалось найти кусокъ земли,—иногда въ предѣлахъ своего стараго рода, получая небольшой надѣлъ на основаніи „стараго родства", иногда среди чужеродцевъ, добывая землю путемъ покупки, аренды, полученія въ приданое, захватомъ. Это еще усилило чрезполосицу, а съ другой стороны еще ослабило значеніе кровныхъ связей. Рядомъ съ этимъ старое неравенство въ распредѣленіи земли еще болѣе возросло. Конечно, земли, освободившіяся послѣ ухода эмигрантовъ, попадали преимущественно въ руки болѣе сильной части якутскихъ обществъ, въ руки тойоновъ, „почетныхъ" и „лучшихъ" людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зависимости отъ паденія пушного промысла и все возраставшаго значенія скотоводства,—спросъ на землю (собственно на покосныя мѣста и отчасти выгонныя) все возрасталъ и борьба за нее все обострялась. Регулятивнаго-же принципа, обычно-правовой нормы, достаточно гибкой, чтобы охватить измѣнившіяся хозяйственныя и политическія условія жизни народа — якутское прошлое не выработало. Путаясь между общинными воззрѣніями на землю, наслѣдственнымъ, личнымъ характеромъ обладанія угодьями и новой жестокой потребностью въ землѣ, якуты за рѣшеніемъ земельныхъ споровъ своихъ начали обращаться къ русской власти и положительно засыпали первую ясачную коммиссію (60-ые годы XVIII вѣка) своими жалобами. Съ принципами земельнаго права, установленными коммиссіей, мы познакомимся ниже.

Положеніе тойоната въ условіяхъ, созданныхъ завоеваніемъ, было первое время крайне тяжелымъ. Считаясь съ существовавшими въ краѣ соціальными силами и ихъ распредѣленіемъ, русскіе не могли не признать значенія тойоната и потому именно на тойоновъ были направлены всѣ вымогательства при сборѣ ясака: и той законной части его, которая шла въ казну, и той незаконной, которая шла на обогащеніе пришельцевъ и, главнымъ образомъ, властей. Это обстоятельство, а также тотъ гнетъ, который съ теченіемъ времени все сильнѣе ложился на независимый до тѣхъ поръ народъ и на гордую и властолюбивую аристократію его,—вызывали активное сопротивленіе, заговоры и попытки возстанія, во главѣ которыхъ стоялъ, конечно, тойонатъ. За нимъ,

какъ за выразителемъ національныхъ интересовъ, шелъ народъ и, такимъ образомъ, значеніе тойоната, благодаря національной борьбѣ, возрасло. Но за то его личный составъ понесъ чрезвычайныя потери. Многія и многія аристократическія семьи были поголовно истреблены, во многихъ родахъ истреблена вся знать. Большое число знатныхъ семей, наконецъ, обнищало подъ тяжестью поборовъ и мѣсто ихъ было занято случайно разбогатѣвшими, или получившими значеніе благодаря русской поддержкѣ рядовыми родниками. Тойонатъ отчасти потерялъ, такимъ образомъ, аристократическій характеръ. Этотъ процессъ еще усилился, когда, съ постепеннымъ замиреніемъ края и упорядоченіемъ административнаго устройства его, должности родовыхъ начальниковъ разныхъ степеней стали источникомъ административнаго вліянія и значительныхъ денежныхъ и другихъ экономическихъ выгодъ. Сдѣлавшіяся предметомъ усиленныхъ домогательствъ со стороны вліятельныхъ и зажиточныхъ инородцевъ, должности родовыхъ, наслежныхъ и улусныхъ начальниковъ — старшинъ, старостъ, головъ и т. п.—превратились изъ наслѣдственныхъ въ выборныя, при чемъ, какъ это видно изъ списковъ родовыхъ начальниковъ конца XVIII вѣка, большая часть должностей занималась людьми незнатнаго происхожденія. Вмѣстѣ съ наслѣдственностью изчезла и пожизненность; должности начали часто и легко переходить изъ рукъ въ руки. Должно еще отмѣтить, что процессъ этотъ совершался, не смотря на періодически возникавшія попытки высшей мѣстной власти закрѣпить наслѣдственность и пожизненность должностей, во избѣжаніе частыхъ кляузъ и дѣлъ, выроставшихъ на почвѣ конкурренціи за должности.

Необходимость платить ясакъ и значительные незаконнные поборы легла тяжелымъ бременемъ на якутскій народъ въ цѣломъ, и особенно тяжелымъ — на бѣднѣйшую его часть. Мелкія слабыя хозяйства, подъ вліяніемъ его, раззорялись, входили въ долги, закабалялись своими зажиточными сосѣдями во временную и даже вѣчную работу, продавали дѣтей, скотъ, закладывали и продавали землю; въ крупныхъ семейныхъ общинахъ младшіе родовичи, „работники“ и др., ясакъ за которыхъ вносилъ глава семьи,— становились отъ него въ еще болѣе тѣсную зависимость. Якутское общество, такимъ образомъ, дифференцировалось, росло крупное скотоводческое хозяйство, жившее кабальнымъ трудомъ въ различныхъ его формахъ, хозяйственная же самостоятельность экономически слабыхъ элементовъ падала. Азартная погоня за пушнымъ звѣремъ, начавшаяся здѣсь со времени прихода русскихъ, вредно отразилась на обиліи и постоянствѣ пушного промысла, а злоупотребленія при пріемкѣ пушнины сборщиками постепенно вели къ уплатѣ ясака не мѣхами, а деньгами; появившаяся, такимъ образомъ, потребность въ деньгахъ, при рѣдкости ихъ въ странѣ и господствѣ натуральнаго хозяйства, поставила бѣднѣй-

шую часть населенія въ еще болѣе тяжелое и зависимое положеніе. Ту же роль сыграли повинности, главнымъ образомъ, подушная, подводная и почтовая, отчасти требовавшія отъ населенія денегъ и обладанія имуществомъ—лошадьми,—отчасти, въ позднѣйшее время, вносившія въ обращеніе значительное количество денежныхъ знаковъ. Изъ повинностей особаго вниманія заслуживаетъ подводная. Насколько она была велика, можно судить по слѣдующему: Якутскъ въ теченіе всей второй половины XVII вѣка и всего XVIII в. служилъ опорнымъ пунктомъ для заселенія всего сѣверо-восточнаго побережья. Всѣ походы противъ тунгусовъ, чукчей, завоеваніе Камчатки и Охотскаго моря, снабженіе вновь занятаго края военными и продовольственными припасами для казаковъ и служилыхъ людей, доставка туда войскъ и чиновниковъ—все совершалось черезъ Якутскъ: до Якутска—сплавомъ по Ленѣ, отъ Якутска — на якутскихъ вьючныхъ лошадяхъ. Во время второй экспедиціи Беринга — въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка,—по донесенію иркутской провинціальной канцеляріи „доставка на Камчатку однихъ лишь продовольственныхъ грузовъ требовала въ годъ около 10.000 лошадей. Сама же экспедиція занимала свыше 6.000 лошадей и 650—700 проводниковъ въ годъ. Походъ Павлуцкаго противъ чукчей (1742—1747 г.) совершенъ тоже на якутскихъ лошадяхъ. Экспедиціи Биллингса (1785—1793 г.) потребовала около 4.000 лошадей и 500 проводниковъ въ годъ. Это были, впрочемъ, экстраординарные случаи; но и обычныя поставки перевозочныхъ средствъ достигали значительной величины; такъ, ежегодный транспортъ казенной клади въ одинъ только г. Охотскъ требовалъ свыше $2^1/_2$ тысячъ лошадей. До 1763 года подводная повинность отбывалась якутами безплатно; съ этого года—за деньги. До этого года она служила, правда, источникомъ раззоренія народа, но въ чрезвычайной степени усиливала задолженность массы населенія у богачей; съ установленіемъ платы,—она явилась источникомъ денежнаго обогащенія тѣхъ же общественныхъ заправилъ.

Дѣло въ томъ, что русская власть сразу признала якутскую бытовую общественную организацію и, не пытаясь даже вмѣшаться въ строй ихъ общественной жизни, ограничилась, тѣмъ, что придала инородческимъ бытовымъ учрежденіямъ административный характеръ. Такъ, по инструкціи Саввы Владиславовича, ставшей закономъ по высочайшемъ ея утвержденіи 8 ноября 1724 года, было принято родовое дѣленіе якутовъ, а за князцами признано право суда надъ родовичами (кромѣ крупныхъ уголовныхъ проступковъ), обязанность и право участія въ сборѣ ясака и др. Фактически компетенціи родовыхъ властей, какъ въ дѣлѣ управленія, такъ и въ дѣлѣ отбыванія податей и повинностей—все росли. Внутренній же распорядокъ якутскихъ обществъ,

равно какъ и распредѣленіе земли и все вновь создававшихся повинностей,—были предоставлены всецѣло самимъ инородцамъ и происходили на основѣ, во-первыхъ, исторической традиціи и, во-вторыхъ, борьбы частныхъ интересовъ, гдѣ побѣдителемъ являлся, конечно, сильнѣйшій.

Эта борьба интересовъ въ новыхъ, сложныхъ и трудныхъ условіяхъ и создала тотъ порядокъ, который застала здѣсь, въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, первая ясачная коммиссія, порядокъ, который можетъ быть характеризованъ двумя признаками: сильной имущественной дифференцировкой населенія и ничѣмъ нестѣсняемымъ хозяйничаньемъ „лучшихъ людей" въ общественныхъ инородческихъ дѣлахъ.

Первая ясачная коммиссія, снабженная чрезвычайными полномочіями, была назначена въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 г. Ей было поручено произвести перепись инородческаго населенія, упорядочить обложеніе ясакомъ, гдѣ нужно, уменьшить его и уравнять, установить принципы обложенія, создать гарантіи противъ злоупотребленія сборщиковъ и мѣстной администраціи.

Коммиссіи была дана высочайше утвержденная инструкція, которая предписывала руководствоваться при опредѣленіи ясака слѣдующими признаками: во-первыхъ, численностью населенія въ платежной единицѣ,—а таковой, какъ увидимъ ниже, былъ признанъ родъ,—во-вторыхъ, „состояніемъ мѣста, гдѣ жительствуютъ, довольствомъ звѣря и способностью въ промыслѣ, — достатками тѣхъ плательщиковъ въ разсужденіи промысловъ". Второй пунктъ инструкціи предписывалъ войти въ соглашеніе съ князцами и старшинами *) относительно принятія ими на себя, въ качествѣ представителей родовъ, платежа, такимъ образомъ вычисленнаго, ясака,—„не съ каждаго плательщика порознь, а суммой со всего улуса". Ясакъ предписано было взимать и опредѣлять мѣхами цѣнныхъ звѣрей,—соболя и лисицы, разрѣшивъ, въ случаѣ неупромыслицы, замѣнять ихъ мѣхами другихъ звѣрей, какіе будутъ въ наличности, по извѣстному разсчету, или деньгами, по неизмѣнной таксѣ. Измѣненіе разъ опредѣленной величины ясака, причитающагося съ рода, могло быть произведено, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, только съ разрѣшенія сената.

Такимъ образомъ, дѣло распредѣленія ясака внутри родовъ предоставлено было самимъ инородцамъ, и ни законодательная власть, ни тѣмъ болѣе мѣстная администрація на него вліянія имѣть не могли. Но косвенное и чрезвычайно сильное вліяніе на весь ходъ этого распредѣленія въ будущемъ оказали дѣйствія коммиссіи по урегулированію аграрныхъ отношеній, которое хотя и не входило въ программу ея дѣятельности, но было навязано

*) Князцами назывались главы джоновъ, переименованныхъ въ волости, наслеги; старшинами главы родовъ.

ей самой жизнью. Дѣло въ томъ, что коммиссія была завалена жалобами инородцевъ на неравномѣрность распредѣленія земли между родами и на захваты ея какъ этими послѣдними, такъ и отдѣльными лицами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для нея съ несомнѣнностью выяснилось, что платежная способность населенія въ чрезвычайно значительной степени зависитъ отъ развитія скотоводства, т. е. въ концѣ-концовъ отъ количества покосныхъ мѣстъ. Ясно, что, стремясь къ удобоплатимости и уравнительности ясака, коммиссія не могла игнорировать количество покосовъ, принадлежавшихъ родамъ, и не заботиться о нѣкоторомъ хотя бы уравненіи ихъ. Въ этомъ направленіи и сдѣланы были ею первые шаги: многоземельные роды увѣщались уступить часть своихъ покосовъ малоземельнымъ, не имѣвшимъ потому возможности расширять свое скотоводство и, слѣдовательно, обезпечить исправную уплату ясака; въ отдѣльныхъ случаяхъ коммиссія даже предписывала произвести такое уравненіе немедленно. И хотя непосредственно она не успѣла произвести уравненія земель между обществами въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, но установила принципъ: *земля по ясаку*, и въ духѣ этого принципа въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка шло отчасти добровольное, но, главнымъ образомъ, принудительное перераспредѣленіе земель между обществами.

По спорамъ между отдѣльными лицами коммиссія держалась другого принципа; предоставивъ обществамъ самимъ распредѣлять ясакъ между своими сочленами, она не была заинтересована въ распредѣленіи земли между ними, но перехода земли въ чужой родъ, по частнымъ-ли сдѣлкамъ, или путемъ захватовъ чужеродцами,—она допустить не могла; отсюда запрещеніе всякихъ видовъ отчужденія земли чужеродцамъ и воспрещеніе даже жительства въ предѣлахъ чужого рода; всѣ же предъявленные споры были рѣшены на основаніи доказаннаго свидѣтельскими показаніями *наслѣдственнаго пользованія* землею. Коммиссія приняла этотъ принципъ, потому что наслѣдованіе изъ поколѣнія въ поколѣніе было наиболѣе непререкаемымъ основаніемъ земельнаго владѣнія якутовъ, выработаннымъ всей ихъ исторической жизнью. Но, признавъ наслѣдственное право на землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду неравенства земельныхъ надѣловъ внутри рода, установивъ два типичныхъ оклада ясака—соболиный и лисичный *), — коммиссія, очевидно, закрѣпила это неравенство и создала принципъ— *ясакъ по землѣ*.

Итакъ, съ одной стороны, земля по ясаку, съ другой—ясакъ по землѣ. Въ первомъ случаѣ отнесеніе равнаго ясака,—рѣшеніемъ же родового собранія ясакъ могъ быть уравненъ между всѣми родовичами,—давало право на равный земельный пай; во

*) Цѣнность перваго равнялась въ то время 7 рублямъ; второго—двумъ.

второмъ—разъ установленное неравенство ясачнаго платежа вело къ неравенству и землевладѣнія, и земля обращалась въ собственность (хотя и ограниченную) того, кто платилъ ясакъ.

Нечего и говорить, что всѣ очерченныя выше общественныя отношенія якутовъ привели къ торжеству второго принципа. Такъ создалась дѣйствующая понынѣ, такъ называемая, „классная система" распредѣленія платежей и земли.

Въ своемъ чистомъ, такъ сказать, идеальномъ видѣ система эта состоитъ въ слѣдующемъ. Весь причитающійся на долю каждаго рода ясакъ дѣлится на оклады неравной величины: въ цѣлаго соболя, половину его и т. д.; цѣлую лисицу, полъ, четверть ея,—или, по переводу на деньги,—на оклады въ 7, $3^1/_2$, 2, 1 и $^1/_2$ рубля. Вся покосная земля дѣлится соотвѣтственно этому тоже на части (при чемъ единицей мѣры у якутовъ считается не площадь извѣстной величины, а опредѣленное количество травы—стогъ). Если на каждый первоклассный окладъ придется, скажемъ, 12 остожьевъ, то на второклассный—6, на 3-ій классъ—$3^1/_2$, на 4-ый—$1^3/_4$ и т. д. Въ первомъ классѣ по платежу ясака и количеству земли окажутся, конечно, всѣ тойоны, всѣ богачи; мелкіе, дробные классы ясака съ ничтожными количествами покосовъ—придутся на долю бѣдняковъ.

Въ своемъ конкретномъ видѣ классная система осложнилась многочисленными злоупотребленіями, которые, какъ грибы, разрослись на почвѣ безусловнаго преобладанія тойоната и его интересовъ въ общественной жизни якутовъ. Къ нимъ относится, прежде всего, всюду встрѣчающееся качественное неравенство сѣнокосовъ въ разныхъ классахъ. Обычно всѣ лучшіе сѣнокосы зачислены въ высшіе классы; плательщики же низшихъ окладовъ ясака владѣютъ не только меньшимъ количествомъ покосовъ, но и худшими покосами. Далѣе, неопредѣленность и растяжимость понятій „стогъ" и „остожье" повела къ тому, что первоклассныя остожья содержатъ иногда въ 2 и 3 раза больше возовъ сѣна, чѣмъ остожья низшихъ классовъ. Наконецъ, въ каждомъ обществѣ имѣется значительное количество покосовъ, не записанныхъ въ классы,—въ земельныя вѣдомости,—и не обложенныхъ ясакомъ, которыми безданно пользуются все тѣ же „отцы".

Такимъ образомъ, окрѣпла и получила отчасти юридическое, отчасти обычно-правовое оправданіе концентрація покосной земли, этого источника богатства скотоводовъ, въ рукахъ тойоната. Защищенная отчасти традиціями родового быта, когда тойонъ являлся представителемъ и защитникомъ интересовъ родовой группы, отчасти административно-судебной властью, предоставленной тойонату русской административной практикой, а затѣмъ и закономъ,—защищенная, наконецъ, дружной взаимной поддержкой, которую классъ тойоновъ оказываетъ другъ другу,—классная система пережила $1^1/_2$ вѣка, не смотря на увеличеніе числен-

ности населенія, на все болѣе ожесточавшуюся борьбу за землю „молодшихъ людей“ и на попытки администраціи, — временами возникавшія,—ограничить ее.

Прочность классной системы объясняется всѣмъ строемъ якутской жизни и поддерживалась тѣмъ напряженіемъ платежныхъ средствъ народа, не успѣвшаго еще развить свои производительныя силы, которое вызвано было потребностями управленія краемъ. Кромѣ ясака, на населеніе легъ цѣлый рядъ повинностей, отчасти натуральныхъ, отчасти денежныхъ, — нынѣ носящихъ названіе земскихъ повинностей и мірскихъ сборовъ,— а также рядъ налоговъ — подушный, ружный (на причты) и др. и, наконецъ, сборовъ въ капиталы — хозяйственный, продовольственный, страховой. Въ якутской средѣ всегда была склонность перекладывать натуральныя повинности и ясакъ на деньги, такъ какъ мѣстныя условія заключаютъ въ себѣ особыя препятствія для отбыванія многихъ повинностей натурой: разсѣянность жительства, отсутствіе дорогъ, полукочевой образъ жизни и т. д. Такимъ образомъ, фактически уже очень давно отбываніе повинностей приняло денежную форму; о налогахъ и сборахъ въ капиталы нечего и говорить—они всегда были такими. Количество денежныхъ платежей, падавшихъ поэтому на населеніе, было значительно; количество же денегъ, находившихся въ обращеніи, ничтожно и добывалось, въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, съ трудомъ. Уже одно это обстоятельство могло создать такую сильную экономическую зависимость бѣднаго, въ массѣ, населенія отъ зажиточнаго слоя его, которая дѣлала невозможной для нея борьбу съ аграрными злоупотребленіями и системой неравномѣрнаго распредѣленія земли.

Но были и другія условія. Во-первыхъ, относительная обремененность платежами была больше въ низшихъ земельныхъ классахъ, чѣмъ въ высшихъ; это зависѣло отъ того, что подати — въ тѣсномъ смыслѣ слова—взимались подушно, а не по классамъ; такимъ образомъ, напр., въ началѣ XIX вѣка каждая якутская семья, независимо отъ класса землепользованія, къ которому она принадлежала, платила съ ревизской души по 2 р. 79 коп. Во-вторыхъ, хотя остальныя повинности были распредѣлены по классамъ, но тойонатъ всегда старался переложить возможно бо́льшую часть ихъ на низшіе классы, и даже обложить безземельныхъ, число которыхъ съ теченіемъ времени все расло; предѣломъ этого стремленія служила или фактическая невозможность, или законодательныя ограниченія.—Эта сравнительная обремененность низшихъ классовъ землепользованія сказалось особенно сильно, когда, вслѣдствіе роста населенія, началось дробленіе классовъ и появились надѣлы, соотвѣтствующіе ясачному окладу въ $^1/_2$ и $^1/_4$ лисицы. Эти низшія категоріи часто оказывались въ такомъ

положеніи, что принуждены были бросать землю, которая естественно скоплялась въ рукахъ земельной знати.

Поддерживало, наконецъ, классную систему и все то, что способствовало имущественной дифференціаціи общества; а такимъ моментомъ являлся въ XVIII вѣкѣ и первой четверти XIX установившійся способъ исполненія большинства повинностей. Было уже упомянуто, что большинство повинностей, считались ли они по закону натуральными или денежными, были, внутри обществъ, т. е. самими общественниками, переложены на деньги, отчасти вслѣдствіе невозможности отбывать ихъ въ другой формѣ уравнительно, отчасти подъ давленіемъ заинтересованныхъ тойоновъ.— Исполнялись-же повинности обыкновенно съ подряда, при чемъ подрядчиками являлись, конечно, тѣ-же тойоны, во-первыхъ, какъ люди, обладавшіе матеріальными средствами, нужными для этого, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что они-же вершили всѣ общественныя дѣла; слѣдовательно, и вопросъ о томъ, кому уступить выгодный подрядъ, рѣшался ими. Выгода его зависѣла отъ того, что они же рѣшали и вопросъ о цѣнѣ подряда, которая потомъ и раскладывалась на всѣхъ плательщиковъ. Отсюда стремленіе повышать совершенно безмѣрно цѣны подрядовъ. Въ сохранившихся вѣдомостяхъ сборовъ и повинностей и раскладочныхъ вѣдомостяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ слѣдующими, напр., ни съ чѣмъ не сообразными цифрами. Въ 1785 году плата за „тѣло" лошади, т. е. за пользованіе ею въ теченіе года, при содержаніи почтоваго станка, засчитано было въ Боягантайскомъ улусѣ въ 15 руб.; въ Намскомъ-же, одномъ изъ самыхъ богатыхъ сѣномъ, въ 1799 году въ 40 р. и 45 руб., въ 1810 году, уже 100 и 150 руб. при продажной цѣнѣ лошади въ 20 рублей. Плата косцу за лѣто положена въ 150 руб.; содержаніе 4 лошадей съ ямщикомъ—606 руб.—Насколько дуты эти цифры, видно изъ слѣдующаго. Въ концѣ XVIII вѣка провозъ казенной клади въ Охотскъ, Удскій Острогъ, Колымскъ совершался на якутскихъ лошадяхъ за плату; но нѣкоторое время транспортомъ занималась и Россійско-американская компанія, нанимая якутовъ по вольной цѣнѣ... Цѣны эти въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка колебались между 12—14 рублями за провозъ вьюка (5—$5^1/_2$ пуд.) отъ Якутска до Охотска. Съ начала XIX вѣка компанія была устранена и, освободившись отъ конкуррента, якутскіе родоначальники повели цѣны за доставку въ гору. Въ 1805 г. лошадь до Охотска стоила уже 27 руб.; въ 1807 г. 29 руб. въ 1830 г.— 40 руб. Таковы были подрядныя цѣны, установленныя соглашеніемъ казны съ родоначальниками; цѣны по тому времени весьма хорошія, такъ какъ онѣ выше даже теперешнихъ. Между тѣмъ обществамъ приходилось долгое время доплачивать къ получавшейся отъ казны платѣ столь значительныя суммы, что отвозъ клади являлся самой крупной и тяжелой повинностью.—Такъ изъ

донесенія Олекминскаго земскаго исправника видно, что въ 1798 г. приплата на лошадь равнялась у Вилюйскихъ якутовъ 21—24 руб. Изъ вѣдомости сборовъ по Намскому улусу за 1799—1801 годъ видно, что приплата эта по разсчету на каждую ревизскую душу приходилась: въ 1799 году—7 р. 85 к., въ 1800 г.—11 р. 12 к. въ 1801 г.—15 р. 3 к. По разнымъ улусамъ въ различные годы приплаты колебались, но доходили до 55 р. за лошадь!

Такимъ образомъ, порядокъ вещей, въ связи съ установившимся способомъ отбыванія повинностей, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Все количество причитающихся съ рода повинностей исполнялось за счетъ рода подрядчиками, т. е. тойонами, лучшими людми, по цѣнамъ установленнымъ ими, благодаря ихъ значенію и вліянію въ родѣ. Стоимость же исполненной повинности раскладывалась между всѣми сородичами по извѣстной системѣ (классной), при чемъ доля каждаго, въ особенности бѣднаго плательщика оказывалась безъ мѣры увеличенной. Если плательщикъ не имѣлъ наличныхъ денегъ для уплаты ея, онъ оставался въ долгу,—но не у родовой кассы, а, по мѣстному обычаю, у тѣхъ изъ тойоновъ-подрядчиковъ, которые исполнили за него повинность. Долги эти уплачивались постепенно работой или произведеніями хозяйства, изъ года въ годъ пересрочивались, наростали и, въ концѣ-концовъ, создавалась неисходная кабала для большинства населенія, въ которой каждый тойонъ и держалъ своихъ маломощныхъ сосѣдей.

Если случайно тойонъ раззорялся,—онъ и его потомки спускались внизъ общественной лѣстницы, сами попадали въ кабалу, лишались возможности отбывать ясакъ и повинности, лишались поэтому и земли. Если, вслѣдствіе особой предпріимчивости, удачи или другихъ обстоятельствъ, бѣднякъ разживался и освобождался отъ кабалы и соціальнаго подчиненія тойонамъ,—онъ требовалъ участія въ подрядахъ, высшаго класса земли, доли общественнаго вліянія. И тойонатъ раздвигался и давалъ ему мѣсто въ своей средѣ.

Что-же служило основнымъ условіемъ, выраженіемъ и послѣдствіемъ богатства и значенія рóдника? Всегда принадлежность къ высшему классу землепользованія. Потому что обиліе земли было условіемъ значительнаго скотоводства, этого главнаго источника богатства населенія. Оно давало вліяніе въ обществѣ, оно-же обусловливало возможность отбывать подати и повинности за себя и за другихъ, и такимъ образомъ обращать ихъ въ кабалу, пользоваться ихъ почти даровымъ трудомъ и на этой почвѣ развивать и расширять свое хозяйство и сферу своего хозяйственнаго и общественнаго вліянія. Получался такимъ образомъ безконечный процессъ, въ основѣ которой лежала земельная монополія, а въ результатѣ—нищета массы.

II.

Первая четверть XIX столѣтія отмѣчена рядомъ распоряженій и высочайшихъ указовъ, завершенныхъ „Положеніемъ о земскихъ повинностяхъ“ 1822 г., опубликованнымъ одновременно съ „Уставомъ объ инородцахъ“. Общая цѣль ихъ—урегулировать какъ управленіе и административное устройство инородцевъ, такъ и порядокъ и способъ установленія и отбыванія повинностей. Поставивъ размѣръ и родъ сборовъ подъ контроль высшихъ государственныхъ учрежденій, а исполненіе ихъ подчинивъ надзору высшей мѣстной администраціи, узаконенія ограничили произволъ и злоупотребленія родоначальниковъ въ этой области. Но классной системы они не затронули, оставивъ какъ распредѣленіе земскихъ повинностей, такъ и распредѣленіе земли,— эту основу классовъ,— и ясака на волю инородческихъ обществъ. § 27 устава объ инородцахъ (изд. 1822 г.) гласитъ: „подробное раздѣленіе участковъ сихъ (владѣемыхъ обществомъ) земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ, по жеребью, или другимъ ихъ обыкновеніямъ“. Объ этотъ § закона разбивались до сихъ поръ всѣ попытки администраціи коснуться якутскихъ аграрныхъ отношеній. Попытокъ этихъ было немного, онѣ были слабы и неумѣлы, но ознакомиться съ ними тѣмъ не менѣе нужно.

Согласно „Уставу объ инородцахъ“, послѣдніе подлежатъ суду на основаніи своихъ степныхъ законовъ, собрать и разработать которые имѣлось въ виду при составленіи устава. Съ этой цѣлью въ 1822 и 1823 г. въ Иркутскъ были вызваны инородческіе депутаты, въ томъ числѣ и якутскіе, составившіе тамъ записку о якутскихъ законахъ и обычаяхъ. Изъ нея, и изъ разспросовъ этихъ депутатовъ, высшая мѣстная власть впервые узнала о существованіи классовъ. Конечно, депутаты показывали, что ясачно-окладные классы, особенно высшаго разряда, являются благодѣтелями своихъ обществъ, что хотя они и владѣютъ всею общественной землей, но за то и несутъ всѣ подати и повинности, а кромѣ того, содержатъ еще громадную массу хозяйственно-несамостоятельныхъ родниковъ, немогущихъ по бѣдности пользоваться землею и нести лежащіе на ней платежи. Оставляя въ сторонѣ всю фактическую невѣрность этого изложенія, главное управленіе Восточной Сибири потому уже не могло не усомниться въ правильности его, что гораздо проще и естественнѣе было предположить какъ разъ обратную связь между концентраціей земли и бѣдностью массъ. Не потому ли масса хозяйственно-несамостоятельна и неспособна относить повинности, что не имѣетъ ни клочка земли, что вся земля захвачена

меньшинствомъ? А захватъ этотъ представлялся въ то время въ истинно грандіозныхъ цифрахъ. Согласно вѣдомостямъ, составленнымъ въ 1824 году родоначальниками 7 улусовъ Якутскаго округа, въ ихъ обществахъ числилось 40.437 ревизскихъ душъ, изъ нихъ „поборныхъ", т. е. способныхъ нести повинности и относившихъ ихъ въ дѣвствительности, оказывалось только 14.341, — т. е. всего 35,46%. Почти 65% населенія оказывались неспособными къ какимъ-либо платежамъ по крайней бѣдности. Такой порядокъ угрожалъ не только интересамъ фиска, онъ являлся бременемъ и для ясачно-окладныхъ классовъ; въ виду этого главное управленіе предложило иркутскому губернатору обратить особенное вниманіе на классы землепользованія и отнесенія повинностей, съ тѣмъ, чтобы выяснить истинное количество плательщиковъ, и чтобы добиться надѣленія землею возможно большаго числа родовичей.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1824 года послѣдовалъ циркуляръ иркутскаго гражданскаго губернатора Зеркалева, касавшійся нѣкоторыхъ больныхъ мѣстъ обложенія, но въ 5 пунктѣ своемъ предписывавшій „запретить старостамъ (наслежнымъ князцамъ) самовольную передачу земель изъ однихъ семей въ другія, а всегда дѣлать это съ вѣдома головы и съ объясненіемъ причинъ и основаній для этой передачи. Запретить всѣмъ родовичамъ, кто бы они ни были, за свой счетъ отдавать излишнія свои земли въ кортомъ; всѣ вообще лишнія земли отдавать съ согласія общества въ оброкъ желающимъ, а вырученныя такимъ путемъ деньги обращать на покрытіе общественныхъ расходовъ".

Какъ и большая часть административныхъ распоряженій, даваемыхъ на основаніи поверхностнаго знанія дѣла, пунктъ этотъ оказался отчасти несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, отчасти безцѣльнымъ и при томъ невполнѣ законнымъ. Дѣло въ томъ, что князцы никогда самовольно и не перераспредѣляли земли; по обычному якутскому праву распредѣленіе земель и перераспредѣленіе ея въ тѣхъ случаяхъ и размѣрахъ, какіе происходили, зависѣло формально отъ общества и совершалось на родовыхъ и наслежныхъ собраніяхъ. Но на собраніяхъ фактическое значеніе имѣли голосъ и воля только тойоновъ, почему и рѣшенія соотвѣтствовали интересамъ аристократіи. Улусные же головы ни по закону, ни по обычаю не могли вмѣшиваться въ рѣшенія общественныхъ собраній по земельнымъ вопросамъ. Предписаніе образовать изъ земель, отдаваемыхъ въ кортомъ, мірскія оброчныя статьи, какъ вполнѣ произвольное, не согласованное съ общими нормами землепользованія, при неразмежованности инородческихъ земель и отсутствіи наблюденія за исполненіемъ,—было вполнѣ непримѣнимо, да и примѣненное не расширило бы площади землевладѣнія низшихъ классовъ и не увеличило бы числа надѣленныхъ.

Пунктомъ 6-ымъ того же циркуляра предписано было родовымъ управленіямъ составлять, съ вѣдома и согласія всѣхъ родниковъ, ежегодныя поименныя вѣдомости съ обозначеніемъ класса, земельнаго надѣла и участія въ повинностяхъ каждаго общественника. Общіе итоги этихъ вѣдомостей приказано было доставлять въ главное управленіе. Въ связи съ полученными такимъ образомъ данными находится распоряженіе, данное въ 1828 году главнымъ управленіемъ якутской степной думѣ, наблюсти, чтобъ было прекращено дробленіе и множественность ясачныхъ окладовъ; указывая, что со временъ первой ясачной коммиссіи существуютъ два типичныхъ оклада—соболиный и лисичный, управленіе требуетъ, чтобы всѣ родники были равномѣрно обложены ясакомъ въ размѣрѣ трети соболя и полу-лисицы и равномѣрно же надѣлены соотвѣтственно землей.

Возникшая по поводу этого распоряженія переписка между степной думой и инородными управами, этими послѣдними и родовыми управленіями, да нѣкоторыя формальныя измѣненія въ порядкѣ составленія земельныхъ вѣдомостей,—были единственными послѣдствіями добрыхъ намѣреній главнаго управленія, тѣмъ болѣе, что и оно само не поднимало болѣе этого вопроса. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что оно выжидало окончанія дѣйствій второй ясачной коммиссіи, назначенной въ 1827 году. Новая коммиссія должна была переоблóжить ясакъ, ставшій для различныхъ обществъ весьма неуравнительнымъ, такъ какъ при неизмѣнности его въ теченіе 50 съ лишнимъ лѣтъ, соотвѣтствіе съ числомъ плательщиковъ и платежными силами обществъ измѣнилось, при томъ въ различныхъ обществахъ различно. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясачная коммиссія должна была, въ качествѣ высшей мѣстной инстанціи, утвердить проектъ размежеванія обществъ разныхъ наименованій (улусовъ, наслеговъ и родовъ) между собою. Это размежеваніе или, правильнѣе сказать, взаимное соглашеніе обществъ относительно границъ своихъ владѣній, съ производствомъ точнаго описанія ихъ, должно было исполнить требованіе § 26 устава объ инородцахъ, согласно которому каждый родъ („поколѣніе") получаетъ особый земельный надѣлъ,—и послужить непререкаемымъ основаніемъ правъ инородческихъ обществъ на ихъ земли. Въ то же время, ознакомившись на мѣстѣ съ бытовыми отношеніями инородцевъ, коммиссія должна была по всѣмъ вопросамъ, обратившимъ ея вниманіе, войти въ главное управленіе съ особыми мотивированными заключеніями. Въ числѣ этихъ вопросовъ стоялъ и порядокъ землепользованія. Вотъ этого-то заключенія коммиссіи и ожидало главное управленіе для того, чтобы провести принципъ уравнительности распредѣленія земли между якутами.

Но вѣрно второй коммиссіи не суждено было послужить исходнымъ пунктомъ аграрной реформы. Она, правда, установила но-

вый принципъ исчисленія ясака, причитающагся съ рода, въ зависимости отъ числа наличныхъ „работниковъ“, т. е. лицъ въ возрастѣ 18—50 лѣтъ... Если бы одновременно съ работой переобложенія дѣйствительно совершено было предположенное размежеваніе земли между обществами; если бы въ основу его положенъ былъ принципъ соотвѣтствія земли числу работниковъ,—тогда эта новая платежная единица,—работникъ—получила бы значеніе и въ дѣлѣ распредѣленія земли внутри рода. Но на дѣлѣ къ размежеванію и не приступали, все ограничилось перепиской, поэтому и „работникъ“ сохранилъ только счетное значеніе, а дѣйствительный работникъ тойона продолжалъ оставаться безземельнымъ. Мы, лично, не могли узнать, представили-ли коммиссія въ главное управленіе свое заключеніе по вопросамъ землепользованія. Въ мѣстныхъ архивахъ слѣдовъ его, или ссылокъ на него, не имѣется. Остается предположить, что окончивъ въ 1835 году свою работу на мѣстахъ, коммиссія или не нашла нужнымъ поднять общій вопросъ, или же онъ потонулъ въ иркутскихъ и петербургскихъ канцеляріяхъ, охладѣвшихъ къ тому времени къ вопросу о классной системѣ. Послѣднее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что вопросъ этотъ, всплывъ на поверхность въ двадцатыхъ годахъ XVIII-го вѣка, во время усиленной работы, связанной съ проведеніемъ въ жизнь устава объ инородцахъ,—былъ къ концу XIX-го вѣка такъ основательно забытъ, что его пришлось вновь *открывать*. Этимъ „открытіемъ“ край обязанъ частнымъ изслѣдователямъ его—неоффиціальнымъ, сотрудникамъ мѣстнаго статистическаго комитета.

III.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ четвертей XIX вѣка классная система распредѣленія земли подверглась частичнымъ измѣненіямъ, вызваннымъ отчасти внѣшними условіями, отчасти внутренней борьбой за землю, и представляется въ слѣдующемъ видѣ. Тотъ или другой, но въ общемъ значительный процентъ семей владѣетъ участками общественной земли того или другого класса, сообразно чему платитъ и ясакъ, и подати и отбываетъ повинности извѣстнаго класса.—Семейные участки, въ общемъ, переходятъ по наслѣдству; но принципъ наслѣдственнаго пользованія ограниченъ, во-первыхъ, борьбой интересовъ и потребностей, во-вторыхъ, ростомъ населенія и необходимостью надѣлять землею подростающихъ членовъ обществъ, и въ-третьихъ, обстоятельствомъ, вытекающимъ изъ обычая измѣрять покосы не по площади, а по урожаю травы; это вызываетъ, при частичныхъ и мѣстныхъ неурожаяхъ травы, или порчѣ луговъ вслѣдствіе естественныхъ причинъ (размывъ весенними водами, заносъ пескомъ

и т. п.) частное же и временное перераспредѣленіе земли (уравненіе урожая). Въ общемъ, наслѣдственно владѣемая земля находится, такимъ образомъ, въ ограниченномъ, но постоянномъ движеніи, регуляторомъ котораго является общественное собраніе якутовъ: улуское, наслежное и родовое.

Общественное собраніе якутовъ есть институтъ древній и самобытный, сохранившій при томъ до послѣднихъ дней рядъ архаическихъ внѣшнихъ признаковъ въ организаціи его и веденіи дѣлъ. Подобно древнему кóлу, радѣ, вѣчу и народному собранію древнихъ германцевъ, оно, въ томъ случаѣ, если происходитъ на просторѣ, располагается въ видѣ ряда концентрическихъ круговъ. Внутренній кругъ составляютъ тойоны: родоначальники и богачи. Обсужденіе дѣлъ ведется только этимъ кругомъ, отъ него зависитъ и выборъ должностныхъ лицъ и рѣшенія, принимаемыя собраніемъ. Второй кругъ образуютъ рядовые сородичи. Въ преніяхъ онъ принимаетъ участіе лишь спорадическимъ выраженіемъ одобренія и неодобренія, отдѣльными замѣчаніями и т. п.; энергичный и единичный протестъ для члена этого круга опасенъ; каждаго такого протестанта, какъ человѣка экономически зависимаго, находящагося по горло въ долгахъ, тойоны могутъ раздавить. Вліяетъ на поведеніе этого круга и традиціонное уваженіе къ родоначальникамъ и старшимъ, и нуженъ былъ долгій путь, чтобы эмансипировать хотя отчасти общественниковъ отъ авторитета тойоната. Наконецъ, третій кругъ, кругъ зрителей и слушателей, состоитъ изъ несамостоятельныхъ, младшихъ членовъ семей.

Народное собраніе такого состава разбираетъ и рѣшаетъ всѣ вопросы о землѣ и главнымъ образомъ вопросы о включеніи новыхъ членовъ въ классы и выключеніи старыхъ, а также о ежегодномъ уравненіи классовъ по урожайности *). Юридическимъ основаніемъ для рѣшенія вопросовъ первой категоріи служитъ установленный еще первой ясачной коммиссіей низшій и высшій предѣлъ возраста для отнесенія ясака. Въ настоящее время каждый 18-лѣтній можетъ быть включенъ въ классъ, и каждый 50-лѣтній выключенъ изъ него. Конечно, приведеніе въ исполненіе этого принципа зависитъ отъ собранія, примѣняющаго его въ интересахъ наиболѣе сильнаго общественнаго слоя. Поэтому подросшіе дѣти тойона, владѣющаго первоклассным земельнымъ паемъ, скорѣе могутъ разсчитывать на полученіе второкласснаго или третьекласснаго пая, или выкроеннаго изъ числа выгонныхъ земель, или отнятою у перешедшаго предѣльный возрастъ, или умершаго третьеклассника, особенно если у него нѣтъ великовозрастныхъ дѣтей,—чѣмъ претенденты изъ числа маломощ-

*) Рѣшенія могутъ, впрочемъ, быть обжалованы; инстанціи: органъ якутскаго самоуправленія, административныя учрежденія, судъ.

ныхъ или безземельныхъ. Такъ какъ всѣ лучшія земли уже разобраны, а выдѣленіе новаго пая изъ общаго выгона затрагиваетъ интересы всѣхъ, раздробленіе же высшаго пая на нѣсколько низшихъ противорѣчитъ интересамъ тойоната, то вступить въ классъ, перейти въ высшій, для маломощнаго, а тѣмъ болѣе безземельнаго якута—не легко, и цѣлый рядъ подобныхъ требованій исполняется не иначе, какъ по распоряженію русскихъ властей.

Вопросъ о ежегодныхъ уравненіяхъ по урожаю рѣшается слѣдующимъ образомъ. На ежегодномъ весеннемъ общественномъ собраніи выбираются, изъ числа почетныхъ и свѣдущихъ лицъ, такъ называемые „джекутаты" т. е. депутаты. Русское происхожденіе этого искаженнаго слова свидѣтельствуетъ о сравнительной молодости этого обычая, стоящаго въ связи съ пропорціональностью земли и ясака, установленной ясачной комиссіей. Въ то время, когда ростъ травъ опредѣлился—джекутаты объѣзжаютъ всѣ покосы и опредѣляютъ, чьи паи пострадали отъ независящихъ обстоятельствъ—воды, кобылки и т. д., кому, слѣдовательно, и отъ кого, на это лѣто, долженъ быть отрѣзанъ кусокъ покоса для того, чтобы соотвѣтствіе между измѣнчивымъ урожаемъ травы и неизмѣннымъ размѣромъ ясака не потерпѣло ущерба. Отрѣзка въ пользу пострадавшихъ производится и отъ надѣловъ первоклассниковъ, но всегда отъ худшихъ участковъ.

Наконецъ, третья причина, — численный ростъ населенія — вызываетъ дробленіе паевъ. Это дробленіе несомнѣнно и происходитъ, замедляясь вслѣдствіе отвода новыхъ участковъ изъ числа удобныхъ для сѣнокошенія выгоновъ, и компенсируясь—для высшихъ классовъ — рядомъ способовъ увеличенія сѣнокосной площади.

Это, во-первыхъ, спускъ озеръ. Якутская область больше, чѣмъ какая-либо другая мѣстность Россіи, можетъ быть названа „страною озеръ". Ихъ безчисленное множество; расположены они, вслѣдствіе особенностей рельефа мѣстности, часто на разныхъ уровняхъ и многія изъ нихъ мелки. Спускъ воды изъ нихъ поэтому часто очень легокъ, требуетъ мало затратъ и даетъ обширныя площади прекрасныхъ сѣнокосовъ. Случаи общественныхъ осушекъ бываютъ особенно въ послѣднее время; но чаще право спустить озеро дается собраніемъ („внутреннимъ кругомъ", тойонами) тойону же, напримѣръ, князцу, головѣ, выборному, въ благодарность за общественную службу. По обычаю, такая отдача совершается на 40 лѣтъ, послѣ которыхъ озерище возвращается обществу для раздачи между всѣми членами. Въ дѣлахъ стараго якутскаго земскаго суда имѣется множество дѣлъ объ отдачѣ обществомъ того или другого озера тому или иному тойону. Съ тридцатыхъ годовъ велись при судѣ особые списки спущенныхъ озеръ—на основаніи донесеній инородныхъ управъ. И хотя приговоры на спускъ воды давались часто, и часто производи-

лись дѣйствительно — въ донесеніяхъ управъ и въ книгахъ суда, тѣмъ не менѣе, постоянно находилось одно и то же: полное отсутствіе спущенныхъ озеръ. Это пріемъ въ цѣляхъ обхода закона о возвратѣ обществу озерища черезъ 40 лѣтъ. И, дѣйствительно, такихъ возвратовъ почти не бываетъ.

Второй способъ — расчистки луговъ изъ-подъ зарослей; онѣ совершаются, главнымъ образомъ, тѣми, кто можетъ пользоваться дешевой рабочей силой, — т. е. тойонами же.

Третій способъ — произвольное выгораживаніе общественной земли, въ цѣляхъ индивидуальнаго пользованія. Явное насиліе, совершенное могущественнымъ человѣкомъ, рѣдко встрѣчаетъ сопротивленіе при его жизни. Общественный протестъ выражается въ томъ, что въ день смерти захватчика всѣ самовольно поставленныя изгороди ломаются.

Наконецъ, и теперь въ безконтрольномъ и безплатномъ пользованіи тойоната находятся всѣ не внесенныя въ земельныя книги урочища; а такихъ не мало. Предписаніи администраціи о разысканіи ихъ и составленіи изъ нихъ мірскихъ оброчныхъ статей,—остаются на бумагѣ. И теперь, какъ и раньше, высшіе по качеству покосы отчисляются въ первый классъ. И теперь, какъ и раньше, остожье первоклассника заключаетъ иногда вдвое и втрое больше сѣна, чѣмъ остожье низшаго класса.

Казалось бы, что при томъ обиліи земель, какое существуетъ въ Якутской области, можно бы увеличить паи низшихъ классовъ, не нарушая прямо интересовъ земельныхъ монополистовъ,— тойоновъ. Но этого нельзя достигнуть выдѣломъ части выгонныхъ—низкихъ и потныхъ—земель; нельзя потому, что на почвѣ классной системы выросли крупныя промышленныя скотоводческія хозяйства, ревниво охраняющія выгоны отъ превращенія ихъ въ покосы. Дѣйствительно, выгонъ,—это неподѣленное, общее достояніе всего общества; пользованіе имъ не обложено никимъ платежомъ, сколько бы скота хозяинъ ни выгналъ на выпасъ. Для крупныхъ скотоводческихъ хозяйствъ существованіе обширнаго и безплатнаго общественнаго выгона является самой удобной и выгодной формой эксплуатаціи общества. Недостающее ему количество зимняго корма онъ долженъ пріобрѣтать путемъ различныхъ сдѣлокъ, подрядовъ, затрачивать кое-какой капиталъ на раздачу въ долгъ, нести нѣкоторый рискъ. Лѣтній же кормъ онъ пріобрѣтаетъ для любого количества скота безъ хлопотъ, на основаніи права общаго владѣнія выгонной землей. Понятно почему, особенно въ послѣднее время, вмѣстѣ съ развитіемъ торговаго скотоводства и лѣтняго откармливанія скота съ промышленными цѣлями, тойоны стремятся увеличить площадь лѣтняго выгона на счетъ сѣнокосовъ и всячески тормозятъ обратный процессъ, соотвѣтствующій интересамъ малоземельной массы. Недостатокъ же зимняго корма, если таковой у нихъ

бываетъ, они, какъ сказано, пополняютъ „подрядами“, т. е. выдачей впередъ денегъ, за которыя получившій ихъ малоземельный, малохозяйный и потому всегда нуждающійся сородичъ, подряжается поставить, изъ будущаго урожая, извѣстное количество сѣна. Явленіе близкое нашей „зимней наемкѣ“, съ тою разницею, что объектомъ подряда является не трудъ, а продуктъ труда подрядчика на собственной землѣ. Сѣно подряжается, конечно, дешево: на 100% и больше ниже рыночной цѣны. Такимъ образомъ, въ рукахъ тойоната скопляются громадныя массы сѣна со своей и чужой земли, и судьба скотоводства всѣхъ сородичей, особенно въ неурожайный годъ, находится въ ихъ рукахъ. Конечно, это дорого обходится бѣдняку. Подряды на сѣно подсѣкаютъ въ корень возможность для малоземельнаго расширить свое хозяйство. Подряды на продукты скотоводства снимаютъ въ пользу тойона сливки даже съ наличнаго скуднаго хозяйства. Получается настоящая кабала, какой-то безконечный кругъ, выйти изъ котораго для малоземельнаго представляетъ задачу высокой трудности.

IV.

Начало девяностыхъ годовъ отмѣчено двумя, имѣвшими большое значеніе для Якутской области, событіями: Сибиряковъ ассигновалъ средства на такъ называемую Якутскую экспедицію, организованную Восточно-Сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества, въ цѣляхъ этнографическаго, бытового и экономическаго изученія края и, во-вторыхъ, губернаторомъ области былъ назначенъ В. Н. Скрипицынъ. Изслѣдованіе, произведенное съ большимъ рвеніемъ и знаніемъ дѣла персоналомъ, состоявшимъ отчасти изъ лицъ мѣстной администраціи, главнымъ же образомъ, изъ проживающихъ въ области лицъ, никакого служебнаго положенія не занимающихъ, собрало громадный фактическій матеріалъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опубликованный Восточно-Сибирскимъ отдѣломъ за неимѣніемъ средствъ и, въ нѣкоторой своей части, бѣгло изложенный въ настоящей статьѣ. Онъ же послужилъ исходнымъ пунктомъ для „Инструкціи“, составленной въ 1898 году якутскимъ губернаторомъ и рекомендующей новый порядокъ распредѣленія земли.

Инструкція исходитъ изъ того положенія, что классная система распредѣленія земли, какъ противорѣчащая требованію уравнительности, высказанному въ одной изъ статей устава объ инородцахъ,—не законна и не должна примѣняться. Это основное положеніе подкрѣпляется ссылкой на рядъ законоположеній и высочайшихъ указовъ относительно государственныхъ крестьянъ, за время съ 1830 годовъ, по вопросамъ землепользованія и обложенія. Вопросъ о примѣнимости ихъ въ якутской жизни нѣ-

сколько условенъ. Дѣло въ томъ, что прямымъ и основнымъ закономъ по отношенію къ инородцамъ является только уставъ. Но, составленный 80 лѣтъ тому назадъ и только поверхностно измѣненный въ послѣдующихъ изданіяхъ, онъ давно не вмѣщаетъ въ себѣ измѣнившейся и усложнившейся инородческой жизни. Поэтому и администрація не разъ уже, въ вопросахъ непредусмотрѣнныхъ уставомъ, руководствовалась законоположеніями, прямо къ якутамъ не относившимися, и законодательная власть не разъ вводила инородцевъ за общую скобку,—наприм., по вопросу о мірскихъ сборахъ, о земскихъ повинностяхъ и пр.

Вмѣсто классной системы, инструкція въ ея первомъ изданіи рекомендуетъ распредѣленіе земли по душамъ, не исключая и женскихъ душъ, слѣдовательно, по ѣдокамъ. Касаясь, далѣе, ряда частныхъ вопросовъ, инструкція допускаетъ для обществъ въ широкихъ размѣрахъ уклоненія отъ намѣченнаго ею порядка, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, но указываетъ на необходимость держаться принципа уравнительности.

Эта первая редакція была въ 1899 году предложена на обсужденіе особаго совѣщанія, составленнаго изъ представителей мѣстной власти и вліятельныхъ инородцевъ, въ числѣ которыхъ было три образованныхъ якута. За исключеніемъ одного, всѣ инородцы высказались противъ инструкціи, доказывая, что зло не въ классной системѣ, а въ частныхъ злоупотребленіяхъ, наприм., въ пользованіи тойонами землею, не внесенной въ земельныя вѣдомости и не обложенной ясакомъ. Такой вотумъ понятенъ, если принять во вниманіе, что всѣ присутствовавшіе инородцы, за исключеніемъ двухъ,—чиновниковъ—принадлежали къ тойонату. Не смотря на несочувствіе присутствовавшихъ инородцевъ, инструкція, съ небольшими поправками, была принята *). По обсужденіи, она была объявлена на наслежныхъ собраніяхъ и инородческимъ обществамъ было предложено составить приговоры о сообразномъ съ ней распредѣленіи земли.

Значительное число обществъ Вилюйскаго округа такіе приговоры и составило; но тутъ возникъ вопросъ: на сколько обязательна инструкція, являющаяся не законодательнымъ актомъ, а лишь толкованіемъ закона мѣстною властью. Тойонатъ утверждалъ, что обязательной силы она не имѣетъ, но первое время не рѣшался агитировать противъ нея, зная, что мѣстная власть считаетъ проведеніе инструкціи дѣломъ необходимымъ. Такъ же взглянулъ на нее и генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, и, когда до свѣдѣнія инородцевъ было доведено, что инструкція

*) Главная поправка заключалась въ установкѣ правила, сообразно которому увеличеніе числа равныхъ земельныхъ паевъ, причитающихся на долю каждой семьи, возрастаетъ медленнѣе роста ея членовъ. Такъ, семья изъ 3-хъ членовъ получаетъ 3 пая; изъ 4-хъ членовъ—$3^1/_2$ пая, изъ 5 чл.—4 и т. д.

имѣетъ лишь значеніе „благожелательнаго совѣта“—всѣ данные приговора были взяты обратно.

Эта внѣшняя неудача новаго дѣла не имѣла, однако, большого значенія. Кость была брошена, и теперь уже внутри общества загорѣлась, вокругъ вопросовъ затронутыхъ ею, ожесточенная борьба. Можно сказать, что порядокъ распредѣленія земли сталъ наиболѣе жгучимъ вопросомъ якутской жизни и разслоилъ народъ на сторонниковъ инструкціи и противниковъ ея. Въ первой категоріи—масса; во второй—тойоны. Массѣ инструкція дала форму требованія, ощущеніе стоящей за ней силы, въ видѣ воли властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе своего права бороться съ земельной монополіей, котораго ей именно и не доставало.

Между тѣмъ, разработка вопросовъ землепользованія шла своимъ чередомъ въ Якутскѣ, и новое совѣщаніе, состоявшее почти исключительно изъ инородцевъ, приглашенныхъ администраціей, но работавшее безъ всякаго давленія со стороны послѣдней, составило послѣднюю редакцію инструкціи, утвержденной губернаторомъ 19 февраля 1902 г.

Она является замѣчательнымъ по своей цѣльности и разработанности памятникомъ дѣятельности людей изъ народа, по основному вопросу народной жизни. Принципъ старой инструкціи въ ней сохраненъ и лишь детально разработанъ по отношенію къ различнымъ угодьямъ; новымъ является пунктъ, устанавливающій плату за каждую голову скота, выкармливаемаго на общественномъ выгонѣ и съ торговыми цѣлями; этимъ поголовнымъ налогомъ въ пользу общества обложено такимъ образомъ промышленное скотоводство, распространеніе котораго вызывало стремленіе тойоновъ расширять площадь выгона на счетъ луговъ и тормозить обращеніе удобныхъ выгоновъ въ пашню. Другой пунктъ устанавливаетъ правило, сообразно которому неявка тойоновъ на общественное собраніе не лишаетъ постановленія его законной силы. Значеніе этого положенія ясно изъ тѣхъ указаній на традиціонный характеръ якутскихъ собраній, которыя даны въ настоящей статьѣ, и изъ того обстоятельства, что тойонамъ хорошо знакомъ такъ часто практикующійся въ западныхъ парламентахъ способъ обструкціи. Не являясь на собраніе, они тормозятъ дѣло всякій разъ, когда сомнѣваются въ его исходѣ.

Несомнѣнно, что около новой редакціи инструкціи съ новой силой возгорится борьба. Несомнѣнно, что въ работѣ общественной мысли, связанной съ созданіемъ этихъ новыхъ правовыхъ нормъ, въ борьбѣ свободно проявляющихся мнѣній и интересовъ, связанныхъ съ дѣломъ проведенія ихъ въ жизнь,—только и можетъ окрѣпнуть и реализироваться новый аграрный строй, намѣченный инструкціей. Безъ этой борьбы инструкція, внѣшняя по своему происхожденію якутскому народу, всегда оставалась

бы бумагой и только бумагой, даже если бы обладала обязательной силой.

Новый же аграрный строй, осуществленіе котораго,—раньше или позже,—неизбѣжно, вмѣстѣ съ совершающимся переходомъ отъ скотоводства къ земледѣлію, рѣшитъ для ближайшаго будущаго насущнѣйшіе вопросы якутской жизни, и рѣшитъ въ интересахъ и массъ, и государства одновременно. Утріе же будетъ печься само о себѣ.

Ал. Бѣлевскій.

Крестьянскіе университеты въ скандинавскихъ странахъ.

Гордость маленькаго датскаго народа, скрашивающая его жизнь, сравнительно съ жизнью великихъ народовъ Европы, заключается не въ томъ, что онъ пользуется политическимъ и общественнымъ благоустройствомъ—другіе народы пользуются имъ также; не гордятся датчане и развитіемъ среди нихъ искусствъ и наукъ; въ этомъ отношеніи великіе народы даже превосходятъ ихъ. Но они имѣютъ право гордиться своимъ крестьянствомъ,—и высокимъ его интеллектуальнымъ уровнемъ и благопріятною матеріальною обстановкою его жизни.

Этотъ подъемъ датскаго крестьянства—дѣло послѣднихъ десятилѣтій. Только къ началу XIX-го вѣка датское сельское населеніе освободилось отъ крѣпостного состоянія. Въ Даніи не существовало рабства, но крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Почти вся земля принадлежала казнѣ или привилегированнымъ классамъ. Въ 1788 году крестьяне были освобождены и надѣлены землею. Законъ 1814 года положилъ начало элементарной школѣ. До 1849 года дѣло народнаго обученія шло, однако, довольно медленно, хотя уже и тогда много было грамотныхъ крестьянъ.

Въ 1849 году Данія получила либеральную конституцію, предоставившую населенію широкое вліяніе на политическую жизнь страны. Палата депутатовъ полностью и сенатъ на $^2/_5$ своего состава избираются съ тѣхъ поръ всеобщею подачею голосовъ.

Около половины XIX вѣка началось и широкое просвѣтительное движеніе среди крестьянскаго населенія. Первыя проявленія его мы встрѣчаемъ въ Шлезвигѣ, на почвѣ борьбы датскаго языка съ нѣмецкимъ. Большинство крестьянъ Шлезвига, принадлежавшаго датской коронѣ, были датчанами по языку и чув-

ствамъ; но слѣды прежняго нѣмецкаго господства въ этой странѣ еще сохранялись. Особенно силенъ былъ нѣмецкій элементъ въ городахъ. Когда нѣмецкія притязанія на Шлезвигъ сдѣлались угрожающими, среди датчанъ возникло стремленіе создать изъ датскихъ крестьянъ этой мѣстности противовѣсъ классу горожанъ, симпатизировавшихъ нѣмцамъ. Возникло датское національное движеніе; датскіе писатели, дѣятельные патріоты, стали во главѣ этого движенія; собирались многочисленные крестьянскіе митинги, которые должны были пробудить и поддержать національное сознаніе среди крестьянскаго населенія.

Умственному пробужденію датскихъ крестьянъ содѣйствовало также и религіозное движеніе. Во главѣ послѣдняго сталъ величайшій изъ датскихъ народныхъ дѣятелей, Николай Фридрихъ Северинъ Грундтвигъ. Это былъ религіозный мыслитель и могучій поэтъ. Плоскій „раціонализмъ", господствовавшій въ то время въ лютеранствѣ, отталкивалъ его, и онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу во имя болѣе чистаго и болѣе глубокаго пониманія христіанства. Къ счастью, Грундтвигъ не отрѣшился при этомъ отъ жизни съ ея насущными потребностями: онъ понималъ, что слѣдуетъ быть не только хорошимъ христіаниномъ, но также и хорошимъ гражданиномъ. Проникнутый и глубокимъ религіознымъ чувствомъ, и восторженнымъ уваженіемъ къ преданіямъ языческой старины датскаго народа,—Грундтвигъ создалъ собственный національный идеалъ. Онъ вѣрилъ, что его маленькій народъ, идя по вѣрному пути, можетъ широко развить свои силы для жизни „угодной и Богу и людямъ". Съ изумительной энергіею Грундтвигъ работалъ для проведенія въ жизнь своего идеала, и теперешній датскій крестьянинъ очень многимъ обязанъ ему.

Грундтвигъ находилъ, что для общенія образованныхъ людей съ народомъ недостаточны тѣ средства, которыя даетъ церковь и школа, имѣющая дѣло только съ дѣтьми, неспособными воспринять сколько-нибудь глубокія мысли; слѣдуетъ вліять также и на взрослыхъ. Онъ думалъ, что необходимо создать новую школу, не такую школу, гдѣ бы обучали тому, что нужно въ практической жизни, но школу, которая пробуждала бы человѣческія чувства, любовь къ труду и истинно-религіозное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго возникаетъ въ человѣкѣ идеализмъ, сильный и трезвый, побуждающій его жить, трудиться и любить.

Охваченный этими мыслями, Грундтвигъ написалъ небольшую книгу: „Попытка основанія школы для взрослыхъ датскихъ крестьянъ". Онъ доказывалъ въ ней, что для достиженія образованія существуетъ не одинъ только путь обученія въ университетѣ; по мнѣнію Грундтвига, университетъ расширяетъ пропасть, существующую между образованными классами и массой, и не можетъ служить школою для воспитанія цѣлаго народа. Грундтвигъ называлъ университетъ „черною" или „монашескою школою". Онъ

находилъ, что школа должна быть народною, основою ей должны служить идеи, извѣстныя народу и любимыя имъ.

Каждый народъ имѣетъ свои особенности въ складѣ воззрѣній на міръ и на жизнь. Грундтвигъ исходилъ изъ той мысли, что народная школа въ Даніи должна быть основана на исторіи датскаго народа. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ должны быть: отечественная исторія, исторія всеобщая, географія, а затѣмъ изящныя искусства и пѣніе, все, что „радуетъ и волнуетъ здоровую душу", по выраженію Грундтвига.

Число сторонниковъ Грундтвига сначала было не велико. Университетскіе круги и городская интеллигенція не только не поддерживали этого движенія, но боролись противъ него. Первую школу по идеѣ Грундтвига основалъ крестьянинъ острова Фіоніи Христіанъ Кольдъ. Въ эту небольшую школу, сходились десятка два молодыхъ людей изъ окрестныхъ селеній. Школа была бѣдна, и матеріальныя средства крестьянъ, посѣщавшихъ ее, были также очень ограничены. Никто не думалъ тогда, что основаніе этой школы станетъ началомъ цѣлаго грандіознаго движенія. Кольдъ былъ человѣкъ самостоятельный въ своихъ воззрѣніяхъ, хотя и большой оригиналъ; онъ умѣлъ учить и возбуждать къ дѣятельности молодыхъ людей, окружавшихъ его. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ заставилъ его, однако, закрыть школу.

Слѣдующая школа, лучше организованная, устроена была подъ руководствомъ самого Грундтвига въ Рёддингѣ, въ Шлезвигѣ (Южная Ютландія), въ 1843 году. Школа эта должна была служить однимъ изъ средствъ борьбы датчанъ противъ надвигавшейся германизаціи этого края. Широко образованный человѣкъ, профессоръ университета въ Килѣ (тогда этотъ городъ былъ еще датскимъ) г. Фесооръ сталъ ея директоромъ. Съ большимъ трудомъ удалось набрать въ школу отъ 30 до 40 молодыхъ людей. Помимо общеобразовательнаго курса въ Рёддингской школѣ учащимся сообщали и свѣдѣнія по земледѣлію, такъ какъ въ то время даже самые развитые крестьяне, наиболѣе дѣятельные въ борьбѣ за національность, не могли понять, на что нужна школа, гдѣ не преподаютъ практическихъ свѣдѣній, и не хотѣли платить деньги за подобное обученіе. Тогда приходилось еще разъяснять имъ, что стоитъ платить деньги и за умственное образованіе; въ настоящее время они хорошо сознаютъ это уже сами.

„Высшая школя для крестьянъ" (Bauerhochschule) особенно развилась послѣ войны съ Германіей 1864 года, когда у датчанъ отняли цѣлую треть ихъ государства. Сначала отчаяніе и уныніе охватило населеніе; оно ослабло, какъ больной послѣ сильной потери крови, но потомъ оправилось. Мужественные люди опять принялись за работу. Жители стали разводить лѣса на своихъ обширныхъ ландахъ, начали обрабатывать болота, какъ будто для того, чтобы пріобрѣсти внутри страны то, что утратили въ

отнятой окраинѣ. Съ этихъ именно поръ въ Даніи взялись горячо за работу просвѣщенія народа. Тогда поняли, что въ маленькой странѣ необходимо, чтобы каждый человѣкъ достигъ того развитія, на какое онъ способенъ, такъ какъ тутъ каждая единица имѣетъ большое значеніе, нужна каждая сила. Если положеніе небольшой страны—доля незавидная, за то свѣтъ знанія можетъ освѣщать всѣ уголки ея. Нужно было воспользоваться этимъ преимуществомъ. Небольшія общества должны дѣлать все возможное, чтобы доказать свое право на существованіе. Подъ вліяніемъ идей Грундтвига, началось движеніе въ народъ, въ деревню, для работы въ крестьянской школѣ.

Руководителямъ движенія предстояло на первыхъ порахъ много дѣла: приходилось разъѣзжать по странѣ и устраивать бесѣды съ крестьянами, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости давать образованіе молодежи. Иногда имъ приходили на помощь средствами для основанія школъ кружки крестьянъ, которыхъ имъ удавалось убѣдить и воодушевить; иногда же они жертвовали своимъ собственнымъ состояніемъ или брали деньги взаймы и устраивали первыя школы. Такъ возникли школы въ Рислингѣ, Теструпе, Валлекильде.

Сначала движеніе не встрѣчало сочувствія въ массѣ интеллигенціи. Въ городахъ, въ домахъ большинства священниковъ и крупныхъ помѣщиковъ относились въ лучшемъ случаѣ равнодушно, а часто съ враждою и насмѣшкой къ этимъ попыткамъ „воспитывать“ крестьянина, глумились и надъ самыми дѣятелями; говорили, что новыя школы разстроютъ здравый смыслъ земледѣльца; что въ нихъ обучаютъ пѣснямъ, въ которыхъ нѣтъ ни мелодіи, ни смысла, да передаютъ неразумные разсказы о языческихъ временахъ, миѳы и сказки о баснословныхъ герояхъ. Высшее общество тоже очень недружелюбно смотрѣло на начинавшееся интеллектуальное движеніе среди крестьянъ, „недавнихъ крѣпостныхъ“.

Зачѣмъ обучать ихъ тому, что не поможетъ имъ добывать насущный хлѣбъ? Зачѣмъ учить ихъ читать книги и пѣть пѣсни, составленныя для людей изъ привилегированыхъ круговъ?—говорили въ свѣтскихъ салонахъ. Но молва о внутренней жизни школъ во многомъ была несогласна съ истиной, такъ какъ враги новой школы очень мало знакомы были съ тѣмъ, на что нападали съ такой яростью. И сама школа не оставалась неподвижною, постепенно развиваясь и измѣняясь. Теперешнія народныя школы совсѣмъ не похожи на то, чѣмъ онѣ были 30 или 40 лѣтъ тому назадъ. Въ нихъ твердо удержалась только одна основная идея, за которую стоитъ каждая школа, чтущая традиціи и идеалы Грундтвига, это именно идея, что каждая школа должна быть индивидуальной. Нѣтъ постоянной программы, нѣтъ общей для всѣхъ обязательной формы преподаванія.

Каждый кто сознаетъ себя въ состояніи основать школу, можетъ браться за это дѣло, если только онъ сумѣетъ внушить къ себѣ довѣріе въ народѣ. Въ чемъ онъ чувствуетъ себя сильнымъ, то и должно ему служить точкой отправленія. Сначала школы лишь пробуждали умы. На сообщеніе учащимся положительныхъ знаній обращалось мало вниманія. Тогда задавались лишь цѣлью научить крестьянскую молодежь видѣть и слышать; ей говорили, что существуетъ богатый разнообразный міръ, въ которомъ гораздо болѣе красоты, величія, радостей и горестей, нежели въ ихъ деревнѣ; нуженъ былъ даровитый учитель, который умѣлъ бы говорить съ деревенскимъ людомъ, вся жизнь котораго столько лѣтъ протекала въ узкихъ рамкахъ, намѣченныхъ его непосредственнымъ трудомъ и его ограниченнымъ кругозоромъ.

Въ первые годы въ школѣ, дѣйствительно, черезчуръ много времени отводилось пѣнію и разсказамъ о разныхъ приключеніяхъ миѳическихъ героевъ, но дѣлалось это для того, что заинтересовать, возбудить и развлечь учащихся. Школы основывались по проекту Грундтвига на нѣкоторомъ разстояніи отъ городовъ, среди полей; въ школьныхъ зданіяхъ были общія спальни, столовыя и аудиторіи для бесѣдъ. Сначала поступали исключительно молодые люди, молодыхъ дѣвушекъ не было. Школьная молодежь жила вмѣстѣ съ своими учителями. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ они слушали, что имъ разсказывали учителя. Обученіе было устное, такъ какъ одна изъ основныхъ мыслей Грундтвига заключалась въ томъ, что нужно вносить больше жизни въ преподаваніе, онъ отвергалъ мертвое слово тѣхъ руководствъ, по которымъ преподаютъ въ обыкновенныхъ школахъ. По окончаніи урока учащіеся разговаривали съ учителемъ, просили его сообщить имъ разныя свѣдѣнія; часто довѣряли ему свои сердечныя тревоги, искали у него совѣта и утѣшенія. Молодые люди дружились между собою. Пяти или шести мѣсячное пребываніе въ школѣ служило ученикамъ и своего рода отдохновеніемъ отъ ихъ тяжелаго физическаго труда; пока они оставались въ школѣ, они находились въ учрежденіи, гдѣ все было устроено имъ на пользу, гдѣ всякое слово произносилось съ цѣлью развить и одушевить ихъ.

Теперь созидательная работа окончилась. Могущественное зданіе поддерживается всѣми, кто имѣетъ значеніе въ этой маленькой странѣ; правительство даетъ субсидіи, общины тратятъ значительныя суммы на народныя школы, общественное мнѣніе теперь преклоняется передъ ними, а не нападаетъ на нихъ; крестьяне съ каждымъ годомъ все въ большемъ количествѣ посѣщаютъ школы.

Плодотворная мысль Грундтвига и первая скромная попытка Кольда принесли свои плоды. Въ Даніи существуетъ теперь 60

такихъ высшихъ школъ, большихъ и малыхъ. Главная школа основана въ Асковѣ; она имѣетъ болѣе широкую программу преподаванія. Эти „высшія школы“ привились и за предѣлами Даніи, въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, во всѣхъ скандинавскихъ странахъ. Счастливая идея Грундтвига пустила ростки, и они расцвѣтаютъ, хотя еще нѣжны и гибки. Всюду въ крестьянскія школы ежегодно набирается все больше и больше молодежи. Всякая школа какъ въ Даніи, такъ и въ другихъ названныхъ странахъ, совершенно свободна; главная школа не издаетъ никакихъ обязательныхъ правилъ; всякій директоръ—хозяинъ въ своей школѣ и ведетъ ее по своему усмотрѣнію. Въ видѣ примѣра того, какъ ведется работа въ этихъ школахъ, укажемъ на то, что онѣ имѣютъ общаго въ Даніи, хотя и тутъ могутъ встрѣтиться нѣкоторыя различія.

Въ теченіе года читаются два курса: одинъ съ 1-го ноября по 1-е апрѣля для молодыхъ людей; другой съ 1-го мая по 1-е августа для молодыхъ дѣвушекъ. Обыкновенно принимаютъ учащихся моложе 17 лѣтъ; но если человѣкъ 30-ти лѣтъ пожелаетъ вступить въ школу, то и его примутъ радушно; это рѣдкое явленіе, но такіе случаи все же бываютъ.

Зима выбрана для обученія молодыхъ людей, потому что въ это время года можно легче обойтись безъ нихъ при сельскихъ работахъ. Напротивъ, молодыя дѣвушки нужнѣе дома зимою, чѣмъ лѣтомъ, а потому ихъ распускаютъ изъ школъ въ концѣ іюля, такъ какъ въ эту пору обыкновенно начинается въ Даніи жатва, а тогда всѣ рабочія руки нужны.

Въ „высшей школѣ“ весь день распредѣленъ между опредѣленными занятіями, и ученики всегда знаютъ, что имъ дѣлать. Въ Даніи ученики всегда живутъ въ школѣ. Въ зданіи школы обыкновенно устраивается достаточное количество общихъ спаленъ для помѣщенія всѣхъ учениковъ. Есть школы, въ которыя вступаютъ ежегодно на каждый курсъ 200 учащихся; есть и небольшія школы, въ которыхъ числится отъ 10 до 20 учениковъ; все зависитъ отъ личности директора. Вообще большія школы—лучшія, но иногда преимущество остается и за малыми. Если директоръ малой школы умный и опытный человѣкъ, онъ можетъ сильнѣе вліять на небольшое число учащихся. Въ большихъ школахъ всегда бываетъ очень шумно, какъ будто тамъ ежедневный праздникъ; тамъ отдѣльныя личности теряются въ толпѣ.

Если школа не имѣетъ столько кроватей, чтобы ихъ хватило на всѣхъ учениковъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ размѣщаютъ у крестьянъ (такъ поступаютъ всегда въ Финляндіи, такъ какъ здѣсь школы бѣдны и малы и не могутъ принимать интерновъ). Ученики датскихъ школъ обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ. Директоръ и учителя присутствуютъ за обѣдомъ.

Учебные предметы, всегда преподаваемые въ высшихъ крестьянскихъ школахъ, слѣдующіе:

1. Исторія, отечественная и всеобщая.
2. Родной языкъ и его литература.
3. Географія.
4. Физика.
5. Пѣніе.
6. Гимнастика (преподается лицамъ обоего пола).
7. Шитье, вязанье и пр. (преподаются лишь молодымъ дѣвушкамъ).
8. Въ настоящее время кромѣ того постоянно повторяютъ учебные предметы начальной школы: чтеніе, письмо и ариѳметику; прежде этого не было.

Число учителей не зависитъ отъ числа учениковъ; большая часть уроковъ передается въ видѣ бесѣды сразу всѣмъ ученикамъ, собраннымъ въ большой залѣ. На урокахъ, на которыхъ желаютъ возбудить большее вниманіе каждаго ученика, учащихся дѣлятъ на группы и размѣщаютъ по разнымъ комнатамъ.

Законъ Божій не входитъ въ число учебныхъ предметовъ. Грундтвигъ, самъ глубоко вѣрующій человѣкъ, полагалъ, что христіанская вѣра должна преобладать надъ всѣмъ ходомъ ученія, подобно тому, какъ Духъ Божій носился надъ бездной. Каждое утро читается общая молитва; въ воскресенье самъ директоръ или одинъ изъ учителей ведетъ бесѣду на религіозную тему; кромѣ того, церковь всегда недалеко отъ школы, и каждый изъ учащихся можетъ безпрепятственно посѣщать ее.

Занятія продолжаются обыкновенно отъ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера, включая сюда перемѣны. Ежедневно занимаются гимнастикой.

Приведемъ программу школы въ Теструпе; это большая школа въ Ютландіи, очень извѣстная и любимая учащимися (ихъ бываетъ обыкновенно каждый семестръ по 150):

1. Всеобщая исторія, 9 уроковъ въ недѣлю.
2. Родной языкъ, 15 уроковъ.
3. Исторія скандинавскихъ странъ, 6 уроковъ.
4. Географія, 3 урока.
5. Ариѳметика, 4 урока.
6. Физика, 2 урока.
7. Чтеніе стихотвореній, 4 урока.
8. Гимнастика, 9 уроковъ.

Въ воскресные вечера, отъ 7 до 9 часовъ — чтеніе или бесѣда. Но внѣ этой программы ежемѣсячно еще устраиваются большія собранія, на которыя директоръ приглашаетъ окрестныхъ жителей; на этихъ собраніяхъ ведутся бесѣды, иногда учителями школы, иногда же особыми ораторами, пріѣхавшими издалека; бесѣды ведутся на жгучія современныя темы или на злобы дня,

а также иногда о литературныхъ или религіозныхъ вопросахъ и проч. Въ „высшей школѣ“ каждая бесѣда начинается и оканчивается пѣснями. Вообще въ этихъ школахъ очень любятъ пѣсни. Въ Даніи имѣется чудный сборникъ датскихъ пѣсенъ (нѣкоторыя изъ нихъ составлены на шведскомъ и норвежскомъ языкѣ). Всего въ этомъ сборникѣ 500 пѣсенъ; всѣ онѣ написаны истинными поэтами, какъ-то: Грундтвигомъ, Рихардомъ, Ингеманомъ, Бьёрнсономъ и др. Время отдыха проводятъ за столомъ, въ разговорахъ, въ играхъ на открытомъ воздухѣ и т. д. Ученики сближаются между собою; въ свободное время всякій занимается, чѣмъ хочетъ. Учителя удѣляютъ много времени на бесѣды съ молодежью. Въ большихъ школахъ, гдѣ учителя не могутъ пожертвовать всѣмъ своимъ временемъ молодежи, они назначаютъ пріемные часы; въ эти часы къ нимъ приходятъ ученики, предлагаютъ имъ разные вопросы или же разговариваютъ съ ними о разныхъ религіозныхъ и жизненныхъ вопросахъ, озабочивающихъ ихъ.

Иногда совершаются экскурсіи въ музеи или въ лѣсъ, гдѣ устраиваются празднества состязанія съ другими школами въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Никакихъ экзаменовъ въ крестьянской школѣ не полагается и не дается никакихъ бумажекъ, которыя доставляли бы какія-либо преимущества прошедшимъ курсъ. Въ этомъ-то и кроется тайна успѣха этого рода школъ. Онѣ задаются лишь одною цѣлью: расширить нравственный и умственный круговоръ народа, удовлетворить насколько возможно его умственный голодъ. Теперь, впрочемъ, есть много такихъ „высшихъ школъ“, гдѣ преслѣдуютъ и какую-либо реальную цѣль; въ этихъ видахъ устраивается особые классы, въ которыхъ ученики практически обучаются ремеслу или земледѣлію и вмѣстѣ съ тѣмъ слушаютъ научный курсъ на бесѣдахъ; свободное время они посвящаютъ изученію своей профессіи, для чего приглашаются учителя-спеціалисты.

Кто же платитъ за образованіе? Сами крестьяне. Большею частью платятъ родители учениковъ, но встрѣчаются и такіе ученики, которые откладываютъ часть своего заработка, чтобы имѣть возможность провести хотя одинъ семестръ въ высшей школѣ. Школа открыта для всѣхъ; плата почти вездѣ одна и та же; за ученіе, помѣщеніе и содержаніе взимаютъ 30 скандинавскихъ кронъ, т. е. 15 рублей ежемѣсячно. Но около трети всѣхъ учениковъ Даніи посѣщаютъ школы безплатно, или же за очень умѣренную плату; почти во всѣхъ школахъ есть безплатныя вакансіи. Кромѣ того общины поддерживаютъ ежегодно опредѣленное число учениковъ. Всѣ ученики привозятъ съ собою свое платье, матрасъ, подушку, постельное бѣлье и одѣяло. Книги учащіеся получаютъ отъ школы; они могутъ пользоваться ими, пока живутъ въ школѣ; тетради покупаются.

Ученики сами убираютъ свои спальни. Обыкновенно въ каждомъ дортуарѣ помѣщается отъ четырехъ до шести учащихся, иногда только двое. Спальни обыкновенно очень скромны; въ нихъ стоитъ только кровать и умывальникъ для каждаго ученика и кромѣ того сундучки, въ которыхъ лежатъ вещи, принадлежащія ученикамъ.

Постройка и украшеніе школы зависитъ отъ матеріальнаго ея обезпеченія и отъ воли директора. Существуютъ простыя школы, съ комнатами и залами, въ которыхъ можно помѣстить не болѣе 40 — 50 учениковъ; но во всѣхъ школахъ есть особый залъ для гимнастики, гдѣ происходятъ ежемѣсячныя собранія и устраиваются празднества.

Есть школы, какъ напримѣръ, въ Валлекильдѣ, Фридрихсборгѣ, Теструпе, очень красиво и даже грандіозно построенныя; столовыя и залы для бесѣдъ въ этихъ школахъ украшены картинами и статуями; такія залы могутъ вмѣщать въ себя отъ 300 до 400 учениковъ.

Учителя крестьянскихъ школъ по большей части семинаристы, уже преподававшіе ранѣе въ элементарной школѣ; встрѣчаются среди учителей и кандидаты, кончившіе университетскій курсъ, обыкновенно богословы. Большинство учителей относится очень серьезно къ своему дѣлу и продолжаютъ свои научныя занятія самостоятельно и по окончаніи школьнаго курса; между ними много талантливыхъ людей и искусныхъ ораторовъ, умѣющихъ понимать и говорить съ людьми изъ народа. Ихъ трудъ теперь довольно хорошо оплачивается, лучше, нежели трудъ учителей начальныхъ школъ, но за то этотъ трудъ требуетъ большихъ знаній и спеціальнаго призванія къ дѣлу. Очень часто ученикъ, проведшій одну или двѣ зимы въ высшей школѣ, потомъ становится учителемъ въ той же школѣ; но предварительно онъ проходитъ курсъ школы въ Асковѣ, которая имѣетъ цѣлью именно дать основательную подготовку лицамъ, посвящающимъ себя преподавательскому дѣлу.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ копенгагенскій университетъ во время каникулъ устраиваетъ курсы по разнымъ предметамъ для учителей высшихъ школъ. Такимъ образомъ, завязываются сношенія между „бѣлой школой“ деревни и „черной школой“ столицы; это служитъ однимъ изъ признаковъ того, что въ нашей странѣ теперь солидарны всѣ классы народа. Правительство поддерживаетъ высшія школы ежегодной субсидіей въ 200.000 франковъ. Каждая школа получаетъ не болѣе 4.000 франковъ, за исключеніемъ школы въ Асковѣ, получающей 20.000 франковъ ежегодно.

Школа въ Асковѣ замѣнила собою прежнюю школу въ Реддингѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ Шлезвигъ перешелъ въ 1867 году во власть нѣмцевъ, школа въ Реддингѣ при-

нуждена была закрыться; ея директоръ Людвигъ Скредеръ рѣшилъ возстановить ее по ту сторону границы; онъ избралъ прекрасную мѣстность, называемую Асковъ, на разстояніи менѣе чѣмъ трехъ километровъ отъ того ручья, который отдѣляетъ подданныхъ Даніи отъ тѣхъ датчанъ, которые живутъ подъ законами нѣмцевъ. Понемногу школа Аскова развилась и заняла первенствующее положеніе среди другихъ школъ, являясь пограничнымъ оплотомъ датской культуры; здѣсь работали многіе выдающіеся учителя, какъ самъ директоръ школы, преподававшій математику, изобрѣтатель Поль Лакуръ и многіе другіе. Въ асковской школѣ очень прилежно занимаются математикой и физикой. По мысли Грундтвига, назначеніемъ высшихъ школъ было служить оплотомъ идеализма, но и сюда, какъ и всюду, теперь проникъ реализмъ.

Въ школу Аскова лѣтомъ принимаютъ, какъ и въ другіе школы, молодыхъ дѣвушекъ и читаютъ имъ обыкновенный курсъ наукъ; но зимою, съ 1-го ноября по 1-е мая, принимаютъ учениковъ обоего пола, окончившихъ курсъ высшей школы или курсъ городского музея, или же вообще курсъ какой-либо школы, программа которой шире, нежели курсъ начальной школы. Школа въ Асковѣ представляетъ какъ бы крестьянскій университетъ, но развившійся совершенно независимо отъ латинскаго университета. Зимою въ асковской школѣ разные учебные предметы преподаются такъ подробно, что ученики не въ состояніи проходить всѣ преподаваемые здѣсь курсы, а выбираютъ тѣ, какіе имъ болѣе пригодны.

Въ 1885 году здѣсь было 8 учителей и учительницъ, въ 1895 уже 19. Число учащихся зимою доходитъ обыкновенно до 150 человѣкъ, изъ нихъ около 90 учениковъ и около 60 ученицъ. Теперь, впрочемъ, число это уже значительно выросло; такъ въ 1901—1902 учебномъ году общее число учениковъ здѣсь составляло уже 264 человѣка.

Молодые люди живутъ въ школѣ и въ ней же столуются; молодыя дѣвушки живутъ въ семействахъ учителей, на полномъ содержаніи школы.

Во время бесѣдъ всѣ ученики и ученицы собираются въ одну залу. Въ этой смѣшанной школѣ, за всѣ 16 лѣтъ ея существованія, отношенія между учащеюся молодежью того и другого пола были вполнѣ безукоризнены. Завязывались романы, кончавшіеся обрученіями, бывали и случаи „флирта“, но нельзя указать ни одного проступка, заслуживавшаго серьезнаго осужденія. Въ мѣрахъ строгой дисциплины здѣсь совсѣмъ нѣтъ и не было надобности.

Пріятное зрѣлище представляетъ жизнь асковской школы зимою. Здѣсь учащіеся болѣе развиты, нежели въ другихъ школахъ; учатся они очень усердно; ученики размѣщены по комнатамъ, по два и даже по одному въ каждой. Помѣщеніе здѣсь отопляется, чего не дѣлается въ другихъ школахъ, гдѣ ученики

проводятъ все время въ залѣ бесѣдъ. Въ асковской школѣ есть большая библіотека въ 10.000 томовъ, химическая лабораторія и значительныя коллекціи физическихъ приборовъ.

Самыя школьныя зданія напоминаютъ здѣсь исторію школы. Въ центрѣ ихъ находится небольшой домикъ, гдѣ 35 лѣтъ тому назадъ ютилась школа, послѣ изгнанія ея изъ Шлезвига. Точно мать, окруженная сильными и здоровыми дѣтьми, эта старая школа обставлена теперь новыми постройками, возводимыми по мѣрѣ развитія школы. Далѣе идутъ помѣщенія для учителей, окруженныя садами; значительное число ремесленниковъ и торговцевъ поселилось возлѣ школы, такъ что мало по малу цѣлое мѣстечко образовалось тамъ, гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ были одни голыя поля. Сооружена и церковь; школа имѣетъ своего священника, избираемаго ею вмѣстѣ съ окрестными жителями. Въ асковскую школу собираются учащіеся не только изъ всѣхъ мѣстностей датскаго королевства, но также изъ Швеціи, Норвегіи, съ Ферейскихъ острововъ, изъ датскихъ колоній въ Америкѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ), иногда даже изъ Финляндіи и Исландіи, но большинство учащихся—датчане, живущіе подъ режимомъ Пруссіи, по ту сторону датской границы.

Высшія крестьянскія школы являются оружіемъ датчанъ въ ихъ борьбѣ за родной языкъ въ Шлезвигѣ. Каждый годъ двѣсти молодыхъ людей изъ Шлезвига проходятъ курсъ въ этихъ школахъ. Они избираютъ ту или другую школу, по своему усмотрѣнію, но всегда отъ восьми до десяти человѣкъ обучаются въ школѣ Аскова. Ежемѣсячно здѣсь устраиваются собранія для окрестныхъ жителей; на этихъ собраніяхъ учителя говорятъ рѣчи, обычныя и во многихъ другихъ школахъ.

Въ школахъ Аскова, какъ и въ остальныхъ школахъ, ежегодно осенью устраивается празднество, на которое приглашаются прежніе ученики, ихъ родственники и всѣ друзья школы. Въ теченіе двухъ-трехъ дней проводится время въ общемъ кружкѣ, слушаются бесѣды и проповѣди; на досугѣ собравшіеся обмѣниваются между собою мыслями, новостями и возобновляютъ прежнія дружескія сношенія. За умѣренную плату гости школы живутъ и столуются въ помѣщеніи школы, въ огромной кухнѣ которой готовятъ разныя кушанья для всѣхъ, пожелавшихъ присутствовать на этомъ празднествѣ.

Нѣтъ нужды объяснять, какое большое вліяніе на жизнь датскихъ крестьянъ имѣли высшія школы. Съ 1844 до 1900 г. школы посѣтило всего 140.000 человѣкъ (до 90.000 мужчинъ и до 50.000 молодыхъ дѣвушекъ). 116.000 учениковъ были изъ датчанъ; 24.000 иностранцы и прежніе датчане, т. е. германскіе подданные. Въ среднемъ высшія школы посѣщало ежегодно 2.000 человѣкъ или, иначе говоря, изъ всего датскаго сельскаго

населенія въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ высшія школы посѣщаетъ 16 процентовъ *).

Въ 1853—1854 году въ высшихъ школахъ было всего 200 учениковъ. Въ 1873—1874 г. это число поднимается уже до 3240 учениковъ и ученицъ. Въ 1893—1894 г. учениковъ и ученицъ насчитывалось приблизительно 6000.

Высшія школы развили и укрѣпили въ датскомъ крестьянствѣ довѣріе и любовь къ знанію; у крестьянъ явилась потребность учиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ они сдѣлались гораздо отзывчивѣе и ко всѣмъ улучшеніямъ въ земледѣліи. Въ короткое время развилось въ Даніи молочное производство. Двадцать-двадцать пять лѣтъ тому назадъ культура зерновыхъ хлѣбовъ перестала быть выгодной; тогда датскіе крестьяне стали изготовлять масло и откармливать рогатый скотъ и свиней. Когда запрещенъ былъ ввозъ въ Англію живого скота, крестьяне устроили обширныя общественныя бойни и стали вывозить замороженное мясо.

И кооперативное движеніе тоже обязано своимъ возникновеніемъ высшимъ школамъ; онѣ дали крестьянину вѣру въ самого себя, научили его, какъ поступать въ борьбѣ за существованіе, поднявъ его умственное развитіе. Что касается собственно практическихъ знаній и умѣній по отношенію къ обработкѣ земли, ухаживанію за скотомъ и т. п., то сообщеніе такихъ знаній не входило въ задачи школы Грундтвига; для этого въ Даніи существуютъ спеціальныя школы; однако, въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ есть и практическій классъ, въ однѣхъ школахъ для ремесленниковъ, въ другихъ для земледѣльцевъ; такъ, напримѣръ, въ школѣ Лингби, расположенной въ 20 километрахъ разстоянія отъ Копенгагена, есть земледѣльческій музей и тамъ преподаютъ извѣстные профессора-агрономы.

Но благотворное вліяніе школъ Грундтвига сказывается не только въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ крестьянства. Школы вообще оживили крестьянъ. Почти во всѣхъ деревняхъ есть особые домики, гдѣ устраиваются празднества; туда крестьяне собираются слушать бесѣды, произносимыя приглашенными ими образованными людьми; бесѣды читаются по религіи, политикѣ, географіи и проч.; здѣсь устраиваются экономическія собранія; по временамъ правительственные инструкторы даютъ крестья-

*) Чтобы составить себѣ понятіе объ экономическомъ положеніи родителей учащихся въ Höjskoler (высшихъ школахъ), возьмемъ для примѣра школу въ Оллерупѣ, которая можетъ служить типомъ и для всѣхъ прочихъ школъ. Здѣсь ученики раздѣляются на 4 группы: 1) дѣти крестьянъ, обладающихъ участкомъ отъ 7 до 35 десятинъ, 2) отъ 1 до 7 десят. 3) дѣти ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ и 4) крупныхъ землевладѣльцевъ, купцовъ и чиновниковъ и т. д. За послѣднее пятилѣтіе къ первой группѣ принадлежало въ среднемъ 53% общаго числа учениковъ, во 2-й—31%, къ 3-й—14% и къ 4-й—2%. Въ Асковѣ: къ 1-й группѣ—50%, къ 2-й—23%, къ 3-й—12%, къ 4-й—27% (за десятилѣтіе).

намъ объясненія, какъ обрабатывать поля, какъ разводить сады, чѣмъ кормить скотъ, какъ разводить куръ, пчелъ; какъ примѣнять къ дѣлу разные новые пріемы въ земледѣльческой культурѣ и скотоводствѣ и т. д.

Вліяніе школы сказывается и въ обиходѣ домашней и семейной жизни крестьянъ. Наблюдается больше опрятности, больше вкуса въ одеждѣ; поднялось и улучшилось положеніе женщинъ въ семьѣ: въ лучшихъ крестьянскихъ кружкахъ жена становится помощницей, товарищемъ мужа; обрученіе и бракъ заключаются по взаимной склонности, а не изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ родителей, какъ прежде. Стоитъ заглянуть на ежегодныя осеннія собранія въ школѣ Аскова, Теструпе или другихъ, чтобы убѣдиться наглядно, насколько измѣнился образъ жизни датскихъ крестьянъ, и оцѣнить значеніе того умственнаго пробужденія, которое дала имъ высшая школа.

Въ зависимости отъ возростающихъ умственныхъ интересовъ среди крестьянъ, во многихъ деревняхъ стали устраиваться библіотеки; ими завѣдуютъ обыкновенно священники или школьные учителя, иногда и судьи,—безплатно или за ничтожное вознагражденіе (3—4 франка въ годъ). Крестьянскія семьи имѣютъ право брать книги на домъ. Общины ежегодно назначаютъ на пополненіе библіотекъ извѣстныя суммы; совѣты приходскіе и департаментскіе даютъ на это субсидіи отдаленнымъ и бѣднымъ деревнямъ; правительство также поддерживаетъ дѣло. Существуютъ также особые кружки читателей, члены которыхъ платятъ отъ 5 до 10 франковъ въ годъ для покупки сообща новыхъ книгъ, возбуждающихъ ихъ интересъ.

Умственное пробужденіе крестьянъ создало политическую партію лѣвой, основанную крестьянами, особенно земледѣльцами, владѣющими отъ 20 до 80 десятинъ (это собственники средней руки). Болѣе двухъ третей датской палаты депутатовъ (въ которой всего 114 членовъ) составляютъ крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ менѣе чѣмъ пятнадцатью десятинами земли. Въ датскомъ сенатѣ значительную часть также составляютъ крестьяне-землевладѣльцы. Нужно сказать, что обыкновенный крестьянинъ въ Даніи владѣетъ участкомъ земли не свыше 8 десятинъ; кто владѣетъ количествомъ земли болѣе 80 десятинъ, тотъ считается уже крупнымъ землевладѣльцемъ. Самъ теперешній министръ земледѣлія (землевладѣлецъ)—имѣетъ всего лишь 20 десятинъ земли.

Партія правой, поддерживаемая королемъ, чиновниками, крупными землевладѣльцами и буржуазіей, до послѣдняго времени держала власть въ своихъ рукахъ; король изъ ея среды избиралъ министровъ. Долгое время продолжалась борьба изъ-за власти; въ настоящее время партія лѣвой побѣдила: Данія имѣетъ теперь министерство, избранное большинствомъ представителей націи. Данія съ гордостью можетъ указать на миннстра земледѣлія, ко-

торый прежде былъ мелкимъ землевладѣльцемъ, и на министра народного просвѣщенія, который былъ сельскимъ учителемъ. И они достигли власти, не отказавшись отъ своего спеціальнаго положенія, не вступивъ въ союзъ съ привиллегированными кружками, но въ союзѣ со своею природною партію, въ качествѣ вождей лѣвой. Вотъ вѣское доказательство развитія датскихъ крестьянъ.

Рядомъ съ движеніемъ религіозно-либеральнымъ, возбужденнымъ Грундтвигомъ, есть среди датскаго народа и другое религіозное движеніе болѣе ранняго происхожденія, вновь ожившее недавно подъ вліяніемъ священника Вильгельма Бека, умершаго два года тому назадъ. Это религіозное направленіе ставитъ своею задачею борьбу съ „мірскою жизнью". Піэтизмъ его довольно суровъ,—доходя иногда до болѣзненности. Это піэтистическое движеніе распространено особенно среди рыбаковъ, живущихъ на морскомъ берегу; къ нимъ примкнули и многіе земледѣльцы. Во многихъ приходахъ мы видимъ около церкви маленькія часовни піэтистовъ, куда они собираются нѣсколько разъ въ недѣлю для общей молитвы и для слушанія проповѣдей, произносимыхъ пасторами-піэтистами или вдохновенными мірянами. Піэтисты не принимаютъ участія ни въ политической, ни въ культурной жизни; они относятся враждебно и къ высшимъ школамъ Грундтвига. Чтобы утвердить молодежь въ своихъ понятіяхъ и побудить ее вести тотъ образъ жизни, какой они находятъ истинно христіанскимъ, піэтисты основали четыре школы для молодежи, которыя посѣщаются ежегодно нѣсколькими сотнями учениковъ. По программѣ въ этихъ школахъ много говорится о служеніи Богу; всѣ науки изучаются тамъ съ христіанской точки зрѣнія, какъ понимаютъ ее піэтисты.

Высшія школы въ Швеціи и Норвегіи не такъ хорошо устроены, какъ датскія; въ нихъ обучается меньшее число молодежи. Но это дѣло тамъ началось позже; у нихъ не было ни Грундтвига, ни Кольда. Однако, въ Швеціи школьное движеніе быстро идетъ впередъ. Правительство и высшіе классы очень интересуются этими школами. Въ Швеціи высшія школы не пользуются такою самостоятельностью, какъ въ Даніи, ими завѣдуютъ совѣты департаментовъ или другія подобныя учрежденія вмѣстѣ съ директоромъ, который обыкновенно ими же и избирается. Швеція бѣднѣе Даніи и ея населеніе не столь плотное, какъ въ послѣдней; вслѣдствіе этого ученикамъ трудно посѣщать школы и обходится это дороже. Въ 1897 году въ Швеціи было уже 28 высшихъ народныхъ школъ для молодыхъ людей и 17 для молодыхъ дѣвушекъ. Въ 1896 году основали школу даже въ Норрботтенѣ, близь полярнаго круга. Первая высшая школа была основана въ Швеціи въ 1868 году (25 лѣтъ послѣ основанія школы въ Реддингѣ). Въ высшія народныя школы Швеціи по-

ступаютъ обыкновенно ученики той провинціи, гдѣ находится школа.

Въ Норвегіи Грундтвигъ и датское движеніе имѣли большее вліяніе, чѣмъ въ Швеціи. Это объясняется тѣмъ, что у норвежцевъ и датчанъ одинъ и тотъ же литературный и оффиціальный языкъ; кромѣ того, въ обѣихъ этихъ странахъ еще до сихъ поръ сохранились слѣды прежней политической уніи, въ которой они состояли съ 1386 по 1814 годъ. Не смотря, однако, на это, движеніе въ пользу высшихъ крестьянскихъ школъ въ Норвегіи не проникло такъ глубоко въ среду народа, какъ можно бы было ожидать. Въ настоящее время въ Норвегіи 12 такихъ школъ. Число учениковъ, посѣщающихъ ихъ, составляетъ отъ 500 до 600 ежегодно. Руководители этого движенія люди извѣстные, какъ Ульманъ, президентъ стортинга; поэтъ и политическій ораторъ Бьёрнсонъ также сочувствуетъ этимъ школамъ и поддерживаетъ ихъ.

Но Норвегія очень бѣдна; почти у половины ея жителей ежегодный доходъ не превышаетъ 800 франковъ. Эта скалистая страна, съ многочисленными ледниками, очень обширна, но населеніе ея очень рѣдкое. Норвегія въ девять разъ больше Даніи, но жителей въ ней меньше, чѣмъ въ послѣдней. Правительство устраиваетъ курсы для молодежи, въ связи съ начальными школами, на нѣмецкій манеръ (Hochschule); въ этихъ школахъ молодежь остается отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, по окончаніи курса элементарныхъ школъ; здѣсь повторяютъ пройденное ранѣе и расширяютъ свое образованіе. Содержатся эти высшія школы на государственный счетъ. Подобной системы рѣдко держатся въ Даніи, и она сильно понизила качество труда высшихъ школъ въ Норвегіи.

Какъ въ Швецію, такъ и въ Норвегію высшая школа занесена изъ Даніи. Въ Норвегіи первый директоръ первой высшей народной школы былъ датчанинъ; одно время высшія школы находились въ упадкѣ, но теперь онѣ опять разростаются.

Въ Финляндіи движеніе въ пользу высшей крестьянской школы началось лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. За образецъ финляндцы взяли датскую школу, для изученія которой многія лица, преимущественно изъ университетскихъ круговъ, ѣздили въ Данію. Особенность финляндскаго движенія составляетъ то, что оно создано и поддержано университетскою молодежью, тогда какъ въ Даніи, какъ мы видѣли, высшая крестьянская школа возникла, укрѣпилась и восторжествовала, не только безъ поддержки, но даже въ борьбѣ съ университетомъ и студенчествомъ. Въ Даніи школьное движеніе было сильнѣе, подобно растенію, пустившему ростки на народной почвѣ, а не акклиматизированному

при большихъ или меньшихъ затрудненіяхъ, какъ въ другихъ странахъ. Данія можетъ похвалиться тѣмъ, что указала Финляндіи, какъ ей воспитывать свое сельское населеніе, и какъ сблизить его съ высшими классами. Въ Финляндіи существуетъ въ настоящее время двѣнадцать высшихъ крестьянскихъ школъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ идетъ преподаваніе на шведскомъ языкѣ, въ другихъ на финскомъ. Въ Даніи ученики собираются со всей страны въ разныя школы, вслѣдствіе чего грубый провинціализмъ исчезаетъ, и сліяніе всѣхъ элементовъ нашего народа облегчается именно высшими школами. Въ Финляндіи вслѣдствіе большихъ разстояній и бѣдности крестьянъ, ученики не могутъ жить въ школѣ; они приходятъ ежедневно изъ сосѣднихъ деревень или же живутъ у крестьянъ за очень умѣренную плату, близь школы.

Школы для крестьянской молодежи строятся и поддерживаются высшими классами Финляндіи съ корпораціями студентовъ во главѣ. Въ короткое время для этого собираются значительныя суммы. Кромѣ того, выдаются постоянныя субсидіи. Финляндцы сознаютъ, что каждый гражданинъ обязанъ заботиться о школахъ для крестьянства. Правительство также хотѣло поддержать эти школы, но суммы, назначенныя на этотъ предметъ въ финляндскомъ бюджетѣ, были вычеркнуты изъ него.

Высшія школы привились въ Финляндіи. Одинъ финляндецъ говорилъ автору этихъ строкъ, что если финляндскій народъ не захочетъ идти въ школы, то они погонятъ его туда. Но прибѣгать къ насилію не было никакой надобности. Финляндскіе крестьяне все въ большемъ и большемъ числѣ охотно посѣщаютъ высшія школы, руководимыя образованными преподавателями и преподавательницами, преданными этому дѣлу. Всѣ эти учителя сами провели нѣкоторое время въ главныхъ высшихъ школахъ Даніи.

Высшая школа для крестьянъ имѣется также на островахъ Фаръ-Эръ, лежащихъ въ Сѣверномъ морѣ. Она построена близь столицы этихъ островковъ, гор. Торсгавена. Эти скалистые островки принадлежатъ Даніи. Здѣсь населенія всего 15.000 человѣкъ, говоритъ оно на языкѣ, родственномъ датскому. Всѣ взрослые люди понимаютъ датскій языкъ, такъ какъ ему обучаютъ въ датской школѣ, и на датскомъ языкѣ происходитъ богослуженіе въ церквахъ.

Есть также предположеніе устроить высшую школу въ Исландіи. Когда оно осуществится, то идея Грунтвига окажется выполненной во всѣхъ скандинавскихъ странахъ.

Всѣ высшія школы Скандинавіи находятся въ связи между собою. Ежегодно нѣсколько директоровъ и учителей собираются на съѣзды въ Даніи, Швеціи или Норвегіи. Они многому научаются здѣсь другъ отъ друга и сближаются между собою. Всякая здра-

вая мысль о необходимости тѣснѣйшаго сближенія между всѣми скандинавскими странами находитъ въ высшихъ школахъ благодарную почву для своего развитія.

Вотъ краткій очеркъ развитія высшихъ школъ для крестьянъ. Сначала консерваторы и буржуазія опасались, что вліяніе школъ Грундтвига отвлечетъ значительную часть сельскаго населенія отъ ихъ прямого труда и вмѣстѣ съ тѣмъ разовьетъ въ учащихся ложную гордость и тщеславіе. Въ первые 20—30 лѣтъ существованія этихъ школъ, дѣйствительно, посѣщеніе ихъ считалось большимъ преимуществомъ и нѣкоторые ученики, прослушавшіе курсъ высшей школы, не хотѣли болѣе оставаться въ родной деревнѣ и заниматься крестьянскимъ трудомъ. Кое-кому изъ болѣе талантливыхъ удалось выдвинуться на педагогическомъ поприщѣ и въ другихъ отрасляхъ интеллигентнаго труда. Но были и неудачники. Это давало новые поводы къ нападкамъ на школу. Но осуждать великое и здравое движеніе, благотворное для нѣсколькихъ тысячъ людей, изъ-за того только, что нѣкоторыя отдѣльныя личности заблуждались, конечно, было бы смѣшно. Въ настоящее время посѣщеніе высшей школы не является уже исключеніемъ, скорѣе исключеніе составляетъ обратное; поэтому кичиться этимъ уже нѣтъ возможности. Что же касается бѣгства отъ земли и отъ крестьянскаго труда, то высшія школы совсѣмъ не поощряютъ этого. Напротивъ того, онѣ постоянно внушаютъ своимъ ученикамъ, что всякій трудъ достоинъ уваженія, что трудъ земледѣльца есть основной источникъ благосостоянія Даніи и что они должны гордиться тѣмъ, что будутъ хорошими земледѣльцами.

Стремленіе сельскаго населенія въ города, переходъ земледѣльцевъ къ работѣ на фабрикахъ, въ портахъ и т. п. имѣетъ мѣсто и въ Даніи, какъ и въ другихъ странахъ Европы. Но это явленіе зависитъ отъ очень глубокихъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ. И въ число ихъ никакъ нельзя поставить вліяніе высшей школы, оказывающей въ этомъ отношеніи скорѣе задерживающее дѣйствіе. Къ тому же въ высшихъ школахъ учатся преимущественно дѣти болѣе зажиточныхъ крестьянъ, а изъ деревень бѣгутъ въ города главнымъ образомъ бѣдняки, у которыхъ не хватаетъ ни денегъ, ни досуга на посѣщеніе высшихъ школъ.

Замѣтимъ, что съ каждымъ днемъ возрастаетъ число молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ изъ горожанъ, посѣщающихъ высшія школы; особенно въ школѣ Аскова встрѣчаемъ ежегодно сыновей и дочерей не только мелкой, но и крупной буржуазіи. Родители ихъ сочувствуютъ направленію этихъ школъ и сознаютъ, какую пользу можетъ принести ихъ дѣтямъ пребываніе въ теченіе полугода среди деревенской молодежи; школы служатъ также средствомъ сліянія разныхъ классовъ маленькаго датскаго народа, или, по крайней мѣрѣ, сліянія молодежи этого народа.

Теперь недовольство школою Грундтвига идетъ уже не отъ консерваторовъ, а совсѣмъ изъ другого лагеря. На школу нападаютъ именно за ея консерватизмъ радикалы и свободомыслящіе. И они во многомъ правы. Дѣйствительно, директора и учителя высшихъ школъ убѣжденные консерваторы и вѣрны религіознымъ завѣтамъ Грундтвана. Но Грундтвигъ при всемъ своемъ религіозномъ направленіи никогда не отворачивался отъ жизни. И великимъ достоинствомъ его школы является присущій ей духъ свободной индивидуальности. Грундтвиговская школа не замыкается въ какое-то законченное и неподвижное учрежденіе, —такъ что новаторамъ открыто здѣсь широкое поприще. Правда, имъ придется вести борьбѣ, чтобы завоевать себѣ мѣсто; но всѣ средства къ такой борьбы для нихъ доступны и открыты, также какъ и для людей другого лагеря. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы рядомъ съ теперешними школами, построенными на религіозномъ началѣ, возникла школа по программѣ свободомыслящихъ,—то при удовлетвореніи установленнымъ закономъ условій относительно числа учениковъ и размѣра тратъ—она могла бы расчитывать и на казенное пособіе, на равныхъ правахъ съ другими школами. Въ настоящее время такихъ школъ нѣтъ, ибо въ крестьянскомъ населеніи нѣтъ на нихъ запроса. Но никакъ нельзя предсказать будущую эволюцію школъ Грундтвига. Этотъ типъ школы доступенъ для идеаловъ каждой эпохи. И каждый, кто въ состояніи собрать около себя молодежь и пріобрѣсти ея довѣріе, можетъ сдѣлаться основателемъ высшей школы такого типа.

Оге Мейеръ Бенедиктсенъ.

Взаимная борьба и взаимная помощь.

(Письмо изъ Англіи).

I.

Въ интересной книгѣ Уэльса „Предвидѣнія“, о которой читатели уже знаютъ, есть такое мѣсто. Авторъ говоритъ о маленькихъ народностяхъ, желающихъ играть своими игрушками „какъ разъ по серединѣ большой дороги исторіи“, и доказываетъ, что сильныя народности имѣютъ право „убрать слабыхъ“. Можно было бы, конечно, спорить по существу противъ такого взгляда. Можно было бы возразить, напр., что подъ сомнѣніемъ находится, какая общественная форма выше въ эволюціонномъ отношеніи: слабая Голландія или сильная Пруссія, считающая, что первая сидитъ на ея пути. Но не въ томъ дѣло. Не подлежитъ сомнѣнію,

что грубая сила, смѣшиваемая съ насиліемъ, становится теперь культомъ. Для прославленія ея поэты и церковь (въ Англіи, напр.) не жалѣютъ красокъ. Для оправданія ея въ послѣднее время выдвинута своеобразно понятая идея „борьбы за существованіе"—такими лицами, которые были ожесточенными врагами Дарвина.

„У Мальтуса идея борьбы за существованіе носила крайне непривлекательный характеръ; но когда она побывала въ рукахъ экономистовъ и нѣкоторыхъ біологовъ—она стала очень удобнымъ ученіемъ для тѣхъ, которые довольны всѣмъ существующимъ. Тріада конца XVIII в. признана была метафизикой. Всѣ существующія учрежденія являются законнымъ результатомъ эволюціи" *). Своеобразно понятой теоріей борьбы за существованіе пользуются теперь авторы крайне характерныхъ вступленій къ „Британской Энциклопедіи" для возведенія въ „научныя явленія" фактовъ грубаго произвола и насилія. Своеобразно понятая теорія борьбы за существованіе явилась камнемъ преткновенія даже для замѣчательныхъ мыслителей. Спенсеръ, напр., съ восторгомъ отзывался объ „Liberty and Property Defence League", состоящей изъ „непримиримыхъ" консерваторовъ. Генри Мэнъ въ консервативномъ *Quarterly Review* восхвалялъ за это Спенсера и славилъ „благодѣтельное вліяніе экономическаго соперничества". Въ интересной книжкѣ Эдуарда Клодда—*The Story of Creation* мы находимъ разсужденіе о процессѣ „выпалыванія" общества; по мнѣнію автора, „какъ только его благодѣтельное вліяніе проявляется, возникаетъ въ обществѣ ожесточенная борьба за жизнь между всѣми индивидуумами. Война эта не знаетъ перемирія и пощады. Мѣняется тактика и оружіе: у передовыхъ народовъ войны въ первобытной формѣ замѣняются промышленными; человѣка безжалостно морятъ за станкомъ вмѣсто того, чтобы убить безъ пощады. Но все равно, будетъ-ли то бой стана съ станомъ или рынка съ рынкомъ — исходъ его опредѣляется силой. Промышленныя войны ведутся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежнія кровавыя битвы, но совсѣмъ не смягчаются элементомъ рыцарства, который проявлялся иногда прежде" **). Гораздо болѣе пламеннымъ бардомъ благодѣтельнаго вліянія борьбы за существованіе въ границахъ даннаго общества—является Гексли въ своей знаменитой статьѣ „The Struggle for Existence", о которой рѣчь дальше.

Начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, у насъ и въ Зап. Европѣ появлялось не мало работъ, въ которыхъ указывалось, какъ невѣрно понимается нѣкоторыми крайними дарвинистами принципъ борьбы за существованіе. Другіе изслѣдователи остро-

*) *D. Ritchie*, Darwinism and Politics, p. 4.
**) *The Story of Creation*, p.p. 211—212.

умно примѣняли теорію Дарвина для демонстрированія, что эволюція совсѣмъ не означаетъ ожесточенной борьбы одного противъ всѣхъ. Такой попыткой была извѣстная русской публикѣ книга Сутерлэнда „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта". Въ ней авторъ показываетъ, „какъ изъ потребностей животной жизни, по мѣрѣ того, какъ онѣ возникаютъ и развиваются, — выростаетъ сначала съ необычайной медленностью, а затѣмъ незамѣтно ускоряя свое развитіе вмѣстѣ съ его поступательнымъ движеніемъ, тотъ нравственный инстинктъ, который, съ сопутствующимъ ему разумомъ, составляетъ благороднѣйшее явленіе, когда либо виданное на нашей старой планетѣ". Сутерлэндъ, какъ извѣстно, показываетъ эволюцію родительскаго инстинкта.

Предъ нами теперь болѣе широкое, болѣе остроумное и болѣе смѣлое обобщеніе, чѣмъ трудъ Сутерлэнда. Я говорю о только что вышедшей книгѣ *Mutual Aid* (Взаимная помощь). Когда-то эти статьи печатались въ *Nineteenth Century* и тогда обратили на себя вниманіе. Авторъ доказываетъ, что, на ряду съ борьбой за существованіе, въ мірѣ животныхъ наблюдается законъ взаимной поддержки, законъ *Mutual Aid.* И эволюція обусловливается именно послѣднимъ закономъ. Въ своей книгѣ Сутерлэндъ прослѣдилъ развитіе нравственнаго инстинкта „въ его непрерывной постепенности, начиная отъ первобытнаго дикаря и кончая благороднѣйшими изъ представителей человѣчества,—и всегда какъ біологическій процессъ". На первыхъ же страницахъ авторъ предупреждаетъ читателя, что онъ „не встрѣтитъ ни малѣйшей попытки привести въ соотвѣтствіе этотъ процессъ съ какимъ бы то ни было общимъ планомъ вселенной". „Вопросъ о томъ, въ какой степени наши этическія концепціи составляютъ отдѣльныя части той или другой всеобъемлющей идеи,—говоритъ авторъ,—безусловно чуждъ нашему изслѣдованію".

Авторъ *Mutual Aid* стоитъ на еще болѣе научной почвѣ, чѣмъ авторъ „Происхожденія нравственнаго инстинкта". Онъ показываетъ проявленіе закона взаимной помощи у безпозвоночныхъ, затѣмъ у птицъ, низшихъ млекопитающихъ и, наконецъ, у человѣка и выясняетъ важность этого фактора. Въ человѣческомъ обществѣ авторъ показываетъ вліяніе закона у первобытныхъ дикарей, у варваровъ, въ средневѣковомъ городѣ, наконецъ, въ наше время. Очень часто гипотезы автора слишкомъ смѣлы (т. е. относительно существующихъ данныхъ). Очень часто, рядомъ съ фактами, приводимыми ими, читатель могъ бы выставить другіе, прямо противоположные. Новѣйшія изслѣдованія, напр., далеко не подтверждаютъ идеализаціи средневѣковаго города; но, при всемъ томъ, обобщенія автора такъ оригинальны, такъ остроумны, что читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ читаетъ книгу отъ первой строки до послѣдней.

II.

„Понятія о борьбѣ за существованіе, какъ факторѣ эволюціи, введенное въ науку Дарвиномъ и Уоллэсомъ,—говоритъ авторъ,—дало намъ возможность обнять въ одномъ обобщеніи безконечный рядъ явленій; и это обобщеніе стало вскорѣ базисомъ философскихъ, біологическихъ и соціологическихъ теорій. Дарвинъ обхватилъ одной теоріей безконечный рядъ фактовъ, какъ приспособленіе функцій и строенія организмовъ къ окружающей средѣ, затѣмъ физіологическую и анатомическую эволюцію и даже умственный и нравственный прогрессъ, для объясненія которыхъ прежде выставлялись различныя причины. Быть можетъ, въ началѣ Дарвинъ самъ не вполнѣ сознавалъ то широкое значеніе, которое имѣетъ факторъ, выставленный имъ сперва для объясненія только одной серіи фактовъ; но онъ предвидѣлъ, что вводимый имъ въ науку терминъ потеряетъ свое философское и единственно вѣрное значеніе, если будетъ употребляться только въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ борьбы между отдѣльными индивидуумами за средства къ существованію. Въ *Происхожденіи видовъ* Дарвинъ подчеркиваетъ, что терминъ имѣетъ „широкій и метафорическій смыслъ и включаетъ не только жизнь индивидуума, но также шансы на оставленіе потомства“.

Въ *Происхожденіи человѣка* Дарвинъ иллюстрируетъ широкое примѣненіе термина. Онъ указываетъ, какъ во многихъ случаяхъ въ обществѣ животныхъ борьба за средства къ существованію между отдѣльными индивидуумами исчезаетъ, какъ *борьба* замѣняется *взаимнымъ содѣйствіемъ* и какимъ образомъ эта замѣна ведетъ къ развитію умственныхъ и нравственныхъ способностей, дающихъ возможность виду выжить. Дарвинъ указываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ наиболѣе приспособленными являются не тѣ, которые обладаютъ наибольшей физической силой, не наиболѣе хитрые, а тѣ, которые умѣютъ группироваться, чтобы взаимно помогать другъ другу. „Общества животныхъ, заключающія наибольшее число членовъ, относящихся съ симпатіей другъ къ другу,—достигнутъ полнаго развитія и породятъ многочисленное потомство“. (The Descent of Man, p. 163). Съ дарвиновской теоріей случилось то же, что съ многими другими, относящимися къ человѣческому обществу: вмѣсто того, чтобы еще больше расширить смыслъ ея въ направленіи, указанномъ великимъ ученымъ,—ревностные послѣдователи постарались придать ей только узкое значеніе. Въ ихъ изображеніи животный міръ предсталъ, какъ арена вѣчной борьбы между полуголодными индивидуумами, жаждущими крови другъ друга. Эти узкіе дарвинисты выдвинули боевой кличъ: „горе побѣжденнымъ“, какъ послѣднее слово біоло-

гіи. Они много говорили о „безжалостности“ закона и освящали борьбу за личныя выгоды біологическими теоріями. „Не только экономисты,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*,—знающіе естественныя науки изъ вторыхъ рукъ, по популяризаціямъ,—но даже многіе видные дарвинисты сдѣлали все возможное, чтобы поддержать этотъ ложный взглядъ на борьбу за существованіе“. Обратимся, напримѣръ, къ Гексли. Въ своей лекціи „Борьба за существованіе и ея отношеніе къ человѣку“ онъ говоритъ: „Съ точки зрѣнія моралиста міръ животныхъ напоминаетъ борьбу гладіаторовъ на цирковой аренѣ. Съ существами обращаются хорошо и ихъ выпустили на борьбу. Побѣдителемъ выйдетъ наиболѣе сильный, ловкій и хитрый. Зрителю нѣтъ надобности повернуть палецъ внизъ: пощады все равно никому не дается“. Въ другомъ мѣстѣ той же самой лекціи Гексли продолжаетъ: „погибаютъ“ наиболѣе слабые и глупые, тогда какъ сильные и искусные, умѣющіе бороться съ окружающими условіями, хотя и не одаренные въ другомъ смыслѣ,—выживаютъ. Жизнь—безпрерывная и открытая борьба. За временными предѣлами семьи, естественнымъ состояніемъ является, какъ у Гоббса, борьба всѣхъ противъ каждаго“.

Соотвѣтствуетъ ли все это тому, что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности въ природѣ? Взгляды Гексли являются антитезой воззрѣніямъ Руссо, видѣвшаго въ природѣ только любовь, миръ и гармонію, разрушенныя появленіемъ человѣка. Дѣйствительность занимаетъ среднее мѣсто между розовымъ оптимизмомъ Руссо и чернымъ пессимизмомъ Гексли. „Если мы изучаемъ животныхъ не въ лабораторіяхъ и музеяхъ,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*,—а въ лѣсахъ и въ преріяхъ, въ степяхъ и въ горахъ,—мы сразу замѣтимъ слѣдующее. Хотя между различными видами и, въ особенности, между различными классами животныхъ идетъ сильная борьба,—но одновременно между особями, принадлежащими къ тому же виду, или, по крайней мѣрѣ, къ тому же обществу, существуетъ въ такой же степени, если не большей еще,—взаимопомощь и защита другъ друга. Общежительность—такой же законъ природы, какъ и взаимная борьба“. Кто выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы: тѣ ли, которые воюютъ безпрерывно или же помогающіе другъ другу? Наблюденія показываютъ, что наиболѣе приспособлены животныя, пріобрѣвшія привычки взаимопомощи. У нихъ больше шансовъ выжить въ борьбѣ за существованіе и они достигаютъ высшихъ формъ умственнаго и физическаго развитія. Принявъ во вниманіе многочисленные факты, мы должны придти къ заключенію, что взаимопомощь (mutual aid)—такой же законъ животной жизни, какъ и взаимная борьба. Какъ факторъ эволюціи, по всей вѣроятности, взаимопомощь имѣетъ гораздо большее значеніе, ибо содѣйствуетъ развитію такихъ чертъ и привычекъ, которыя гарантируютъ дальнѣйшее развитіе вида и, одновременно, даютъ индивидууму наибольшую возможность пользо-

ваться жизнью и наименьшей затратой энергіи. Первый по времени изъ послѣдователей Дарвина на законъ взаимопомощи указалъ русскій зоологъ, профессоръ деканъ петербургскаго университета Кесслеръ. Сдѣлалъ онъ это въ докладѣ, прочитанномъ въ 1880 г. на съѣздѣ естествоиспытателей. „Зоологія и науки, трактующія о человѣкѣ,—говорилъ Кесслеръ,—безпрерывно настаиваютъ на томъ, что они называютъ безжалостнымъ закономъ борьбы за существованіе. Но они забываютъ про существованіе другого закона—взаимной помощи, который, во всякомъ случаѣ, въ примѣненіи къ животнымъ, важнѣе перваго". „Чѣмъ больше индивидуумы держатся вмѣстѣ,—продолжаетъ Кесслеръ,—чѣмъ больше взаимно помогаютъ другъ другу, тѣмъ больше шансовъ у вида выдержать въ борьбѣ и прогрессировать дальше... Взаимопомощь наблюдается во всѣхъ классахъ животныхъ". Свою мысль Кесслеръ иллюстрировалъ нѣсколькими примѣрами изъ жизни жуковъ-могильщиковъ, нѣкоторыхъ птицъ и млекопитающихъ. „Я, конечно, не думаю отрицать борьбы за существованіе,—закончилъ Кесслеръ,—но я утверждаю, что прогрессивному развитію животнаго царства, въ особенности человѣка, больше содѣйствуетъ взаимопомощь, чѣмъ взаимная борьба... Всѣ органическія существа имѣютъ двѣ настоятельныя потребности: питаться и размножаться. Первая приводитъ ихъ къ борьбѣ и къ взаимному уничтоженію, въ то время, какъ необходимость поддержать видъ приводитъ ихъ къ сближенію и къ взаимной поддержкѣ. Но я склоненъ думать, что въ эволюціи органическаго міра, въ прогрессивномъ измѣненіи органическихъ существъ,—взаимная помощь индивидуумовъ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ ихъ взаимная борьба".

Взгляды Кесслера подтвердилъ многочисленными примѣрами другой зоологъ, Н. А. Сѣверцовъ, дѣлавшій крайне цѣнныя наблюденія надъ жизнью птицъ во время своихъ путешествій по Средней Азіи. Сѣверцовъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ видахъ соколовъ, „имѣющихъ почти идеальную организацію для грабежа", но тѣмъ не менѣе вымирающихъ, тогда какъ другіе виды соколовъ, знающихъ взаимную помощь,—размножаются. „Возьмемъ, съ другой стороны,—говоритъ русскій зоологъ,—общественную птицу, утку. Въ общемъ, она плохо приспособлена, но она знаетъ взаимную помощь и, вслѣдствіе этого, встрѣчается на всемъ земномъ шарѣ. Мы насчитываемъ множество видовъ утокъ".

При изученіи борьбы за существованіе, въ прямомъ и метафорическомъ смыслѣ,—продолжаетъ авторъ *Mutual Aid*,—насъ поражаетъ, прежде всего, безчисленность фактовъ, свидѣтельствующихъ о взаимопомощи въ царствѣ животныхъ. Она наблюдается не только при воспитаніи потомства, что признаетъ большинство эволюціонистовъ, но примѣняется также для безопасности индивидуума и для снабженія его необходимой пищей. Во мно-

гихъ отрядахъ животнаго царства взаимопомощь является правиломъ. Мы наблюдаемъ ее даже среди низшихъ животныхъ... Наше знаніе жизни безпозвоночныхъ, за исключеніемъ термитовъ, муравьевъ и пчелъ, очень несовершенно, а между тѣмъ, мы уже имѣемъ большой запасъ тщательно провѣренныхъ наблюденій. Ассоціаціи саранчи, бабочекъ-ванессъ, цикадъ и пр. почти не изслѣдованы; но самый фактъ ихъ существованія доказываетъ, что онѣ, вѣроятно, составлены на тѣхъ же самыхъ принципахъ, какъ временныя сообщества муравьевъ и пчелъ въ пору переселеній. Относительно жуковъ имѣются въ этомъ отношеніи провѣренныя наблюденія надъ жизнью могильщиковъ (Necrophorus). Каждый деревенскій мальчикъ у насъ знаетъ, какъ дружно возятся эти пестрые (черные съ оранжевыми пятнами) жуки, когда имъ нужно зарыть трупъ крысы, суслика или крота. Взаимопомощь наблюдается даже среди животныхъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени развитія. Такъ, напр., нѣкоторыя земноводные крабы въ Вестъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ соединяются въ большія стада для путешествія къ берегу моря, гдѣ животныя мечутъ свою икру. Въ каждомъ такомъ стадѣ наблюдается согласіе, кооперація и взаимопомощь. Романесъ въ своей книгѣ „Animal Intelligence“ цитируетъ наблюденіе, сдѣланное д-ромъ Эразмусомъ Дарвиномъ надъ тѣмъ, какъ обыкновенные крабы во время линянія охраняютъ другъ друга отъ морскихъ хищниковъ. Что касается жизни муравьевъ и пчелъ, то она такъ хорошо извѣстна всѣмъ по изслѣдованіямъ Л. Бюхнера, Романеса и Лэббока, что достаточно ограничиться одними упоминаніями. Въ Бразиліи живутъ тысячи видовъ муравьевъ (ихъ тамъ такъ много, что существуетъ поговорка: „Бразилія принадлежитъ не людямъ, а муравьямъ“); но вражда между населеніемъ одного муравейника или колоніи муравейниковъ совершенно неизвѣстна. Хотя различные виды ведутъ между собою ожесточенную войну, но въ каждомъ обществѣ существуетъ согласіе и взаимопомощь и часто наблюдается даже самопожертвованіе для общаго блага. „Удивительныя постройки муравьевъ, которыя, сравнительно, превышаютъ зданія, воздвигнутыя человѣкомъ, — ихъ мощенныя дороги, крытыя галлереи, пространныя житницы, хлѣбныя поля, „жатвы“, практичный методъ обращенія съ куколками, сооруженія гнѣздъ для тли, которую Линней назвалъ „муравьиными коровами“, наконецъ ихъ мужество, храбрость и смышленность,—все это является результатомъ взаимопомощи, широко практикуемой трудолюбивыми насѣкомыми. Эта жизнь имѣла также послѣдствіемъ еще одну важную черту: чрезвычайное развитіе личнаго почина, который породилъ смышленность въ высокой степени, такъ поражающую человѣка“. Этотъ второй принципъ, по мнѣнію автора, не сразу былъ понятъ наблюдателями, которые поэтому говорили сперва такъ много о „муравьиныхъ царицахъ“.

Послѣ изслѣдованій Huber'a и Forel'я внѣ сомнѣнія, что въ муравьиномъ обществѣ личному почину предоставляется широкій просторъ. Если бы всѣ наши познанія животнаго царства,—продолжаетъ авторъ,—ограничивались только наблюденіями надъ термитами и муравьями, то и тогда мы могли бы сказать, что взаимная помощь (ведущая къ взаимному довѣрію, первому условію для мужества) и личный починъ (первое условіе для интеллектуальнаго прогресса) являются двумя факторами, имѣющими въ эволюціи животнаго царства безконечно большее значеніе, чѣмъ взаимная борьба. Въ самомъ дѣлѣ, муравьи развиваются, не имѣя ни одной изъ тѣхъ „защитительныхъ" чертъ, которыя абсолютно необходимы животному, ведущему одинокую жизнь. Цвѣтъ тѣла муравья сразу бросается въ глаза его врагамъ. Высокіе муравейники легко усматриваются въ лѣсу или на лугу. Тѣло не защищено крѣпкимъ панцыремъ. Личинки его являются лакомой пищей для многихъ лѣсныхъ обитателей, А между тѣмъ, именно вслѣдствіе общественной жизни, этихъ насѣкомыхъ не истребили птицы и муравьѣды. Ихъ боятся гораздо болѣе сильныя насѣкомыя. Когда Форель высыпалъ мѣшокъ съ муравьями на лугъ, то замѣтилъ, какъ „сверчки обратились въ бѣгство, покинувъ свои норки на произволъ судьбы; кузнечики бросились въ разсыпную, пауки и жуки оставили свою добычу, чтобы самимъ не стать добычей". Даже гнѣзда ихъ были взяты муравьями послѣ битвы во время которой многіе изъ нихъ погибли за благо общества. Не могутъ скрыться отъ муравьевъ даже проворныя насѣкомыя. Форель часто наблюдалъ, какъ бабочки, комары, мухи и т. п. бывали захвачены муравьями врасплохъ и убиты. Сила муравьевъ заключается во взаимной поддержкѣ и во взаимномъ довѣріи. И если муравей и термитъ стоятъ, въ умственномъ отношеніи, во главѣ класса насѣкомыхъ; если по храбрости онъ можетъ сравниться съ самыми храбрыми позвоночными; и если, по словамъ Дарвина, мозгъ его одно изъ величайшихъ чудесъ въ мірѣ, быть можетъ, чудеснѣе даже мозга человѣка,—то все это потому, что въ ихъ обществѣ взаимная помощь совершенно замѣнила взаимную борьбу.

Тоже самое можно сказать объ обществахъ пчелъ. „Общественность пчелъ тѣмъ болѣе поучительна,—говоритъ авторъ,—что хищническіе инстинкты и лѣность свойственны этимъ насѣкомымъ и проявляются каждый разъ, когда обстоятельства тому благопріятствуютъ. Хорошо извѣстно, что существуетъ много пчелъ, предпочитающихъ грабежъ трудовой жизни работника. Классъ хищниковъ увеличивается одинаково, какъ въ годы великихъ неурожаевъ, такъ и необычайнаго изобилія. Когда поля голы, пчелы-грабители появляются гораздо чаще. Съ другой стороны, на сахарныхъ плантаціяхъ въ Вестъ-Индіи—грабежъ, лѣность и даже пьянство становятся совершенно обычнымъ явле-

ніемъ среди пчелъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что среди пчелъ противо-общественные инстинкты продолжаютъ еще существовать; но естественный подборъ долженъ истребить ихъ, потому что совмѣстная работа болѣе выгодна для поддержанія вида, чѣмъ развитіе хищническихъ инстинктовъ въ нѣкоторыхъ индивидуумахъ". Общественные инстинкты муравьевъ, пчелъ и даже термитовъ не идутъ дальше муравейника или улья; но Форель описываетъ колонію, состоящую изъ двухсотъ муравейниковъ. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ даже о двухъ различныхъ видахъ (Formica exsecta и F. pressilabris), живущихъ совмѣстно въ одной колоніи, но въ различныхъ муравейникахъ. Въ Пенсильваніи Макъ-Кукъ видѣлъ громадный „городъ", состоящій изъ 1600—1700 муравьиныхъ кучъ. Бэйтсъ, авторъ хорошо извѣстной у насъ въ Россіи книги „Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ" (о немъ Дарвинъ отзывается, какъ „объ умнѣйшемъ человѣкѣ нашего времени")—описываетъ громадныя колоніи термитовъ, муравейники которыхъ покрываютъ на громадномъ протяженіи травяныя степи Южной Америки. Въ нѣкоторыхъ изъ гигантскихъ муравейниковъ мирно уживаются два-три различныхъ вида. Многія изъ этихъ построекъ термитовъ соединены крытыми галлереями (*H. W. Bates*, The Naturalist on the River Amazons, II, p. 59).

III.

Поднимаясь выше, мы чаще и чаще встрѣчаемся съ явленіями взаимной помощи среди животныхъ. Нужно вспомнить при томъ, что изученіе жизни даже высшихъ животныхъ очень неполно. Правда, первоклассные наблюдатели собрали массу фактовъ, но есть еще цѣлые отряды животныхъ, о которыхъ фактически мы ничего не знаемъ. Иныя млекопитающія живутъ постоянно подъ землей. Тѣ жвачныя, общественная жизнь которыхъ и кочеванія крайне интересны,—не подпускаютъ близко человѣка. Больше всего фактовъ мы имѣемъ относительно жизни птицъ; но и тутъ общественная жизнь многихъ видовъ далеко еще не изслѣдована. Но и тѣ данныя, которыя имѣются уже, крайне поучительны. Среди хищныхъ птицъ сравнительно рѣдко наблюдаются ассоціаціи большія, чѣмъ семейныя; но Сѣверцовъ описываетъ охотничьи артели, если можно такъ выразиться, бѣлохвостыхъ орловъ Этимъ не ограничиваются всѣ факты относительно общественности среди хищныхъ птицъ. Бразильскій коршунъ, напр., очень общественная птица. Охотничьи артели (hunting associations) бразильскихъ коршуновъ подробно описываетъ, между прочимъ, Дарвинъ. „Когда добыча слишкомъ велика для одной птицы, коршунъ этотъ зоветъ на помощь пять или шесть товарищей". Послѣ охоты, вечеромъ, бразильскіе коршуны, какъ наши галки, собираются стаей, чтобы

посидѣть вмѣстѣ. Тутъ можно усмотрѣть коршуновъ и другого вида. „Общественный ястребъ“ получилъ свое названіе вслѣдствіе рѣзко выраженныхъ соціальныхъ инстинктовъ. Этотъ видъ живетъ громадными стаями, соединяющимися для совмѣстной охоты и для взаимнаго удовольствія“. Пустельга (Tinnunculus cenchris), улетающая на зиму въ Азію, собирается тамъ громадными стаями. Въ нашихъ южнорусскихъ степяхъ она тоже прежде встрѣчалась въ несмѣтныхъ стаяхъ. Норманъ видѣлъ, какъ пустельги и другіе виды соколовъ (Falco tinnuunculus, F. oesulon, F. subbuteo) собирались ежедневно вмѣстѣ для „спорта“. Соколы летали въ перегонку до намѣченнаго пункта и, добравшись до него, возвращались обратно. Было бы слишкомъ долго перечислять, какія птицы соединяются въ „охотничьи артели“, но слѣдуетъ упомянуть про „рыболовныя артели“ пеликановъ. Рыбачатъ эти неуклюжія птицы сообща, цѣлыми тысячами, при чемъ проявляютъ замѣчательную дисциплину и умъ. Пеликаны растягиваются длинной цѣпью и затѣмъ, ударяя лапами по водѣ, загоняютъ рыбу въ заранѣе намѣченную бухточку. Въ узкихъ рѣкахъ пеликаны раздѣляются на двѣ цѣпи, одна плыветъ вверхъ по теченію, другая—внизъ, загоняя, такимъ образомъ, рыбу. Рѣзко выраженные общественные инстинкты проявляетъ даже нашъ воробей, о которомъ сказано было такъ много нелестнаго. По наблюденіямъ Gurney, воробей всегда сообщаетъ товарищамъ, гдѣ предстоитъ пожива. Воробьи ревниво охраняютъ свою общину отъ вторженія чужихъ, но въ общемъ въ предѣлахъ ея живутъ мирно. „Совмѣстную охоту и питаніе вмѣстѣ можно считать установленнымъ фактомъ,—говоритъ авторъ *Mutual Aid.* Внѣ сомнѣнія также та польза, которую извлекаютъ птицы отъ совмѣстной дѣятельности“. Самая сильная хищная птица порой безпомощна предъ совмѣстной дѣятельностью мелкихъ пташекъ. Даже боевой орелъ, который можетъ унести въ когтяхъ зайца или молодую антилопу,—часто вынужденъ оставить добычу предъ дружнымъ натискомъ коршуновъ, устраивающихъ правильную погоню за сильнымъ хищникомъ, если завидятъ у него хорошую добычу. Коршуны гонятся также за сильной скопой (морской орелъ), чтобы отбить у ней рыбу“. Маленькая, но необыкновенно проворная пиголица (Vanellus cristatus) смѣло нападаютъ на хищныхъ птицъ. Dr. Элліотъ Коуесъ, авторъ труда „Birds of the Kerguelen Island“ говоритъ: „нѣтъ ничего забавнѣе, какъ наблюдать, какъ пиголицы нападаютъ на сарычакоршуна, ворону или на орла. Пиголицы, повидимому, увѣрены въ побѣдѣ. И нужно видѣть ярость хищной птицы! Въ подобныхъ случаяхъ пиголицы удивительно поддерживаютъ другъ друга. Мужество ихъ возрастаетъ съ численностью“. Не менѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи маленькая трясогузка. „Я часто удивлялся мужеству и проворству ея,—замѣчаетъ старикъ Брэмъ,—описывая, какъ трясогузки дружно отбиваютъ нападеніе ястреба.

Когда стаѣ трясогузокъ удастся прогнать хищную птицу, воздухъ оглашается торжествующимъ щебетаніемъ ихъ; затѣмъ птички разлетаются". Такимъ образомъ, трясогузки собираются для извѣстной цѣли, чтобы прогнать врага. Точно также все пернатое населеніе лѣса, хищники и пѣвчія птицы, собираются вмѣстѣ, когда становится извѣстно, что днемъ показался филинъ.

Но наиболѣе поразительныя явленія общественной жизни ради безопасности индивидуума, удобства его и удовольствія замѣчаемъ мы въ двухъ большихъ семействахъ—журавлиныхъ и попугаевъ. Семейство журавлиныхъ отличается необыкновенной общественностью... Оно живетъ въ большой дружбѣ не только съ сородичами, но также и съ большинствомъ водяныхъ птицъ. „Журавль дѣятеленъ съ ранняго утра до поздней ночи,—говоритъ Брэмъ,—но поисками пищи онъ занятъ лишь нѣсколько часовъ, по утрамъ". Все остальное время отдается игрѣ и „общественной жизни". „Журавль поднимаетъ деревяшки или камешки, подбрасываетъ ихъ и пытается поймать. Онъ сгибаетъ шею, раскрываетъ крылья, пляшетъ, подпрыгиваетъ, гоняется съ другими журавлями въ запуски и всячески проявляетъ свое хорошее расположеніе духа". (*Бремъ*, т. IV, p. 671). Такъ какъ журавль живетъ обществами, то ему не страшны почти никакіе враги, для предупрежденія о приближеніи которыхъ стая разставляетъ караульныхъ. Другой крайне общественной птицей является попугай. „За исключеніемъ только времени спариванія,—говоритъ Брэмъ,—попугаи живутъ безчисленными стаями. Они выбираютъ опредѣленное мѣсто въ лѣсу, откуда каждое утро отправляются на промыселъ. Члены каждой стаи пребываютъ вѣрны другъ другу и сообща дѣлятъ и горе, и радость... Въ случаѣ опасности попугаи поддерживаютъ другъ друга и помогаютъ болѣе слабымъ возвращаться домой". Послѣдствіемъ широко развитой общественной жизни у попугаевъ является, по мнѣнію автора, ихъ выдающіяся умственныя способности. У сѣраго попугая онѣ такъ развиты, что нѣкоторые англійскіе натуралисты называютъ его „bird-man" (птицечеловѣкъ).

„Всѣ приведенные факты,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*,—показываютъ, что война одного противъ всѣхъ—*не* составляетъ закона природы. Взаимная помощь является такимъ же естественнымъ закономъ, какъ и взаимная борьба. И этотъ законъ становится еще болѣе очевиднымъ, когда мы анализируемъ другія ассоціаціи птицъ и сообщества млекопитающихъ".

Крайне интересныя общества можно наблюдать на озерахъ и болотахъ, гдѣ собираются перелетныя птицы. Безчисленные виды мирно живутъ тамъ вмѣстѣ, охраняя другъ друга. Тысячи чаекъ и морскихъ ласточекъ, какъ хлопья снѣга, покрываютъ воду. Безчисленное множество пловунчиковъ гомозится на берегу, ищетъ кормъ или просто „наслаждается жизнью". Жизнь кипитъ всюду

ключемъ. И вотъ сюда являются на добычу хищники, „идеально приспособленные для грабежа". Въ воздухѣ раздается ихъ голодный, жадный, зловѣщій клекотъ, когда они цѣлыми часами караулятъ, чтобы выхватить изъ этой громадной стаи добычу. Но какъ только хищники приближаются, ихъ усматриваютъ десятки часовыхъ и подаютъ тревожный сигналъ. Хищники, обезумленные голодомъ, скоро забываютъ всякую предосторожность и открыто, напроломъ падаютъ на живую массу; но на нихъ нападаютъ со всѣхъ сторонъ и они должны быстро отступить. Въ отчаяніи хищникъ накидывается на дикихъ утокъ; но умныя общественныя птицы быстро собираются въ стаю и улетаютъ, если нападающій рыбный орелъ, ныряютъ въ воду, если то соколъ, или поднимаютъ облако водяной пыли, пугающее разбойника, если то коршунъ (см. цитированнаго у Брэма, въ IV т., стр. 760—Сейферлитца). И, не смотря на то, что озеро кипитъ жизнью, хищникъ улетаетъ съ гнѣвнымъ клекотомъ и выглядываетъ падаль, молодую птицу или полевую мышь, еще не научившуюся во время слушаться предостереженій товарищей. Идеально приспособленный разбойникъ долженъ удовлетвориться отдѣльными крохами. Сообщества нѣкоторыхъ птицъ во время гнѣздованія хорошо извѣстны. Нѣкоторые виды птицъ собираются въ это время цѣлыми колоніями и сообща вьютъ гнѣзда. Общественная жизнь не прекращается и тогда, когда птенцы оперятся. Она принимаетъ новую форму: птицы тогда живутъ обществами отчасти ради безопасности, но, главнымъ образомъ, ради удовольствія, доставляемаго имъ компаніей.

Но больше всего взаимопомощь наблюдается среди птицъ во время перелетовъ. Это явленіе изслѣдовано въ цѣломъ рядѣ капитальныхъ трудовъ *).

Переходя теперь къ млекопитающимъ, мы поражаемся, прежде всего, громаднымъ численнымъ превосходствомъ общественныхъ животныхъ надъ хищниками, которые, большею частью, животныя не соціальныя. Когда европейцы прибыли въ Америку, они застали тамъ громадныя стада бизоновъ. Караваны переселенцевъ часто бывали задержаны на два-три дня переходами этихъ животныхъ. Равнины четырехъ изъ континентовъ до сихъ поръ заселены безчисленными колоніями полевыхъ мышей, сурковъ, тарбагановъ и другихъ грызуновъ. Тропическіе лѣса Азіи и Африки и теперь еще укрываютъ стада слоновъ, носороговъ и многочисленныя общества обезьянъ. А на далекомъ сѣверѣ бродятъ стада оленей. Еще ближе къ полюсу водятся стадами мускусные быки и песцы.

---

*) Главнѣйшія изъ нихъ: *Severzoff* «Etude sur le passage des oiseaux dans l'Asie Centrale» (Bull. Soc. Natur. Moscou, 1880). *Middendorff*, Die Isepiptecen Russlands. *Homeyer*, Die Wanderung der Vögel. *Gätke*, «Die Vogel warte Helgolands, etc.

На плоскогоріяхъ Центральной Азіи мы находимъ табуны кулановъ, онагровъ и дикихъ верблюдовъ. Всѣ они живутъ безчисленными обществами, хотя теперь, послѣ трехъ вѣковъ господства „пороховой цивилизаціи", это—лишь обломки обществъ животныхъ прежняго времени. Какъ ничтожно, сравнительно, число хищныхъ животныхъ! Ассоціація и взаимная помощь постоянно наблюдаются среди животныхъ. Общественная жизнь наблюдается даже у нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ. Таково, напримѣръ, громадное семейство собачьихъ. Здѣсь часто мы наблюдаемъ общества, возникшія съ цѣлью охоты. Подобныя ассоціаціи извѣстны среди американскихъ степныхъ волковъ (Canis latrans), шакаловъ, азіатскихъ дикихъ собакъ и пр. „Деревни" американскихъ степныхъ собакъ крайне интересны. Куда ни посмотрѣть кругомъ, прерія всюду покрыта холмиками земли, „на каждомъ изъ нихъ стоитъ степная собака, обмѣнивающаяся съ сосѣдкой короткимъ лаемъ. Какъ только усматривается приближеніе человѣка, все населеніе моментально скрывается въ норки. Прерія пустѣетъ, какъ будто по волшебству. Но какъ только опасность миновала,—животныя снова появляются. Цѣлыя семьи выползаютъ тогда изъ норъ и начинаютъ играть. Щенята царапаютъ другъ друга, барахтаются, визжатъ отъ удовольствія, а старики стоятъ на стражѣ. Нѣкоторые изъ нихъ отправляются „въ гости" къ сосѣдямъ. Утоптанныя тропинки отъ одной кучи къ другой показываютъ, что степныя собаки часто навѣщаютъ другъ друга". Такая же общественная жизнь наблюдается среди сурковъ. Характернѣе всего то, что животныя эти сохранили еще свои сварливые инстинкты, которые снова проявляются въ плѣну. Среди млекопитающихъ больше всего любятъ общественную жизнь, какъ таковую, грызуны и, въ частности, тушканчики и зайцы. „Крайне трудно сказать, что сводитъ животныхъ вмѣстѣ,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*, — необходимость ли взаимной защиты или же удовольствіе чувствовать себя окруженнымъ индивидуумами того же вида. Во всякомъ случаѣ, обыкновенный заяцъ, не собирающійся обществами для совмѣстной жизни и не надѣленный даже въ значительной степени родительскими инстинктами, — не можетъ, повидимому, обойтись безъ совмѣстной игры. Дитрихъ де-Винкель, считающійся лучшимъ изслѣдователемъ жизни зайцевъ, говоритъ, что они любятъ игру до безумія. Она ихъ до такой степени опьяняетъ, что зайцы въ игрѣ часто принимаютъ приближающуюся лису за товарища". Общественная жизнь рѣзко замѣтна въ громадномъ семействѣ лошадиныхъ, куда входятъ азіатскіе куланы и онагры, зебры, мустанги, *cimarones*—пампасовъ и полудикія лошади Монголіи и Сибири. Эти животныя, въ общемъ, плохо приспособленныя для борьбы съ многочисленными врагами,—быстро исчезли бы, если бы не ихъ общественный духъ. Приближающагося хищника встрѣчаютъ вмѣстѣ нѣсколько жеребцовъ и прого-

няютъ его. Ни волкъ, ни медвѣдь не могутъ вырвать жеребенка изъ косяка. Они опасны только для отбившагося животнаго. На сѣверѣ въ Сибири лошади проводятъ на подножномъ корму всю зиму. Пишущій эти строки не разъ наблюдалъ, какъ жеребцы выбивали копытами снѣгъ, чтобы отрыть для всего косяка „бердагесъ“ (высокую траву, занесенную снѣгомъ въ сентябрѣ, когда она еще сочная). Во время засухи тысячи животныхъ собираются вмѣстѣ, чтобы перекочевать на новое мѣсто. „Союзъ—ихъ главное орудіе для борьбы за существованіе“. Особенно любопытны кочеванія жвачныхъ, и въ частности—сѣвернаго оленя. Въ шестидесятыхъ годахъ, напримѣръ, наблюдалось громадное переселеніе оленей въ низовьяхъ Амура. „Въ концѣ октября,—говоритъ русскій путешественникъ,—я прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ Амуръ прорываетъ Малый Хинганъ (Дусъ-Аллинъ), прежде чѣмъ слиться съ Сунгари. Я нашелъ всю казачью станицу въ необыкновенномъ волненіи: сотни тысячъ оленей переправлялись черезъ Амуръ, чтобы добраться до равнины. Нѣсколько дней подрядъ казаки избивали краснаго звѣря. Тысячи животныхъ погибали ежедневно, а кочеваніе продолжалось. Такого переселенія никогда не было ни раньше, ни позже. Объяснить его можно тѣмъ, что въ Большомъ Хинганѣ выпалъ такой глубокій снѣгъ, который заставилъ оленей сдѣлать отчаянную попытку добраться до земляного берега Амура. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней и на Дусъ-Алинѣ выпалъ глубокій снѣгъ въ полтора аршина“. Оленямъ нужно было собраться вмѣстѣ за много сотенъ верстъ; имъ нужно было всѣмъ уяснить себѣ грозящую опасность. Принявъ все это во вниманіе, нельзя не поразиться удивительнымъ общественнымъ духомъ этихъ животныхъ. Еще болѣе рѣзко выраженные общественные инстинкты отмѣчаютъ изслѣдователи у обезьянъ. Безчисленные примѣры этого рода приведены у Уоллэса, Джемса Форбэса, Романесса, Брэма, Дарвина.

„Мы видимъ изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, — говоритъ авторъ *Mutual Aid*, что общественная жизнь не представляетъ исключительнаго явленія въ царствѣ животныхъ. Она составляетъ естественный законъ и больше всего развита у высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Виды, живущіе одиноко или небольшими семьями, — сравнительно немногочислены и насчитываютъ немного индивидуумовъ. Дальше. Очень вѣроятно, что многія животныя, которыя теперь не живутъ стадами,—стали таковыми только подъ вліяніемъ человѣка... Мы находимъ ассоціаціи въ мірѣ животныхъ во всѣхъ стадіяхъ эволюціи. Согласно замѣчательной мысли Герберта Спенсера, развитой Перье въ „Colonies Animales“, колоніи были въ самомъ началѣ эволюціи въ царствѣ животныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ эволюціи, мы видимъ, что сближеніе въ ассоціаціи становится все болѣе и болѣе сознательнымъ. Оно утрачиваетъ свой

чисто физическій характеръ, перестаетъ быть просто инстинктивнымъ и становится разумнымъ. У высшихъ позвоночныхъ мы видимъ что сближеніе въ ассоціаціи носитъ періодическій характеръ. Животныя соединяются въ общества для опредѣленной цѣли поддержанія вида: для переселенія, охоты или для взаимной защиты... Общество принимаетъ иногда нѣсколько высшія формы, гарантируя индивидууму бо́льшую независимость, не лишая его выгодъ соціальной жизни. Многіе стадные грызуны, напримѣръ, имѣютъ свои собственныя норы, куда индивидуумъ удаляется, когда онъ предпочитаетъ остаться наединѣ. Но эти норы расположены колоніями, „городами", что обезпечиваетъ всему населенію всѣ выгоды и удовольствія общественной жизни. У нѣкоторыхъ видовъ, напримѣръ, у крысъ, сурковъ, зайцевъ и пр. общественная жизнь поддерживается, не смотря на сварливыя и эгоистическія наклонности отдѣльныхъ индивидуумовъ. Соціальная жизнь не обусловливается физической структурой индивидуума, какъ напримѣръ, у муравьевъ; она ведется ради выгодъ взаимной помощи или же для удовольствія. Любовь къ общественности (sociability), т. е. потребность животнаго соединяться съ себѣ подобными даже ради удовольствія, — только теперь обратила на себя должное вниманіе зоологовъ". (Въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ Хэдсона —„Naturalist on the La Plata" и Карла Гросса — „Play of Animals"—мы находимъ такія главы, какъ „Музыка и пляска въ природѣ".) О привычкѣ птицъ собираться вмѣстѣ для плясокъ и украшать свои „танцовальные залы" намъ сказалъ Дарвинъ въ тринадцатой главѣ „Происхожденія человѣка" *). Но эта привычка плясать гораздо больше распространена, чѣмъ предполагалось раньше.

Итакъ, жизнь обществами является самымъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, понимаемой въ широкомъ смыслѣ. Такая жизнь даетъ возможность самому слабому насѣкомому, птицѣ или животному охранять себя отъ сильнаго хищника; она обезпечиваетъ долговѣчность, содѣйствуетъ виду поддержать потомство съ наименьшей затратой энергіи. Она даетъ возможность стаднымъ животнымъ перекочевывать въ поискахъ за новымъ мѣстопребываніемъ. Вполнѣ допуская, что сила, ловкость, окраска и способность переносить голодъ и холодъ, словомъ, всѣ качества, на которыя указываютъ Дарвинъ и Уоллэсъ,

*) «Капитанъ Стокъ описалъ привычки и «танцовальныя залы» австралійской chlamydera maculata... Эти любопытныя постройки, сооруженныя *только* для собраній... стоили птицамъ вѣроятно много труда. «Бесѣдка» (Bower) одной породы, напр., имѣетъ четыре фута въ длину, восемь дюймовъ въ вышину и построена на крѣпкой платформѣ изъ палочекъ... Эти бесѣдки украшены перьями, раковинами, костями и листьями». (The Descent of Man, изд. 1901, стр. 581—583). Птица въ такой степени привыкла къ своимъ «клубамъ», что пробуетъ строить ихъ даже въ неволѣ.

даютъ индивидууму или виду возможность быть болѣе приспособленнымъ къ извѣстнымъ условіямъ—авторъ „Mutual Aid“ утверждаетъ, что при всякихъ условіяхъ общественность является наиболѣе благопріятнымъ свойствомъ въ борьбѣ за существованіе. Виды, у которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ общественная жизнь исчезаетъ,—обречены на гибель, въ то время, какъ виды, умѣющіе группироваться, имѣютъ больше всего шансовъ выжить и оставить потомство. Такимъ образомъ, наиболѣе приспособленными къ борьбѣ за существованіе являются наиболѣе общественныя животныя. Общественность является главнымъ факторомъ эволюціи: она охраняетъ видъ, уменьшая въ то же время необходимое количество затрачиваемой энергіи и содѣйствуетъ развитію умственныхъ способностей. „Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что общественная жизнь была бы невозможна безъ соотвѣтственнаго развитія общественныхъ инстинктовъ, и, въ особенности, нѣкоторыхъ элементарныхъ коллективныхъ понятій справедливости, превратившихся въ привычку. Если бы каждый индивидуумъ постоянно злоупотреблялъ своимъ личнымъ правомъ, безъ того, чтобы другіе не заступились за обиженнаго, общественная жизнь была бы невозможна.“ И, по мнѣнію автора, понятіе о справедливости, въ большей или меньшей степени, наблюдается у стадныхъ животныхъ. Ласточки и журавли возвращаются ежегодно издалека въ свои собственныя гнѣзда. Если какой нибудь лѣнивый воробей вздумаетъ занять гнѣздо, выстроенное товарищемъ, или утащитъ оттуда хоть нѣсколько перьевъ,—стая заступается за обиженнаго. Не будь этого, ассоціаціи для гнѣздованія не могли бы существовать.

Если всѣ эти взгляды вѣрны, появляется вопросъ, какое отношеніе они имѣютъ къ теоріи борьбы за существованіе, установленной Дарвинымъ, Уоллэсомъ и ихъ послѣдователями. Внѣ сомнѣнія, что понятія о борьбѣ за существованіе въ органическомъ мірѣ величайшее обобщеніе XIX вѣка. „Жизнь—дѣйствительно борьба,—говоритъ авторъ,—и изъ этой борьбы побѣдителями выходятъ наиболѣе приспособленные. Но отвѣты на вопросы: „какимъ орудіемъ, главнымъ образомъ, ведется борьба“ и „кто такіе наиболѣе приспособленные“?—будутъ неодинаковы. Они находятся въ зависимости отъ того, какое значеніе придается двумъ различнымъ взглядамъ на борьбу: т. е. признаемъ-ли мы борьбу въ прямомъ смыслѣ, т. е. за пищу и безопасность отдѣльныхъ индивидуумовъ или борьбу въ метафорическомъ смыслѣ, какъ говоритъ Дарвинъ (борьбу коллективную противъ неблагопріятныхъ условій). Никто не станетъ отрицать, что между индивидуумами каждаго вида существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные періоды, нѣкоторая борьба за средства къ существованію. Но вопросъ въ томъ, — продолжаетъ авторъ *Mutual Aid*, — принимаетъ ли она размѣры, указанные Дарвинымъ, и имѣла-ли

она въ эволюціи животнаго міра придаваемое ей значеніе? Авторъ отвѣчаетъ отрицательно. Онъ указываетъ, между прочимъ, на то, что у самого Дарвина параграфъ „Борьба за жизнь между индивидуумами того же вида“ не заключаетъ ни одного факта. Великій ученый принимаетъ положеніе, какъ аксіому. Соперничество между индивидуумами не является закономъ ни для низшихъ животныхъ, ни для человѣка,—доказываетъ авторъ *Mitual Aid*.—Значеніе его ограничено. Уничтоженіе соперничества путемъ взаимной помощи создаетъ лучшія условія. У насъ въ Россіи послѣднее положеніе съ большимъ остроуміемъ развивалось „Старымъ Трансформистомъ“ (Н. Г. Чернышевскимъ) въ сентябрьской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за 1888 г.

VI.

Мы переходимъ теперь къ человѣку. Посмотримъ, какое значеніе въ эволюціи его игралъ законъ взаимной помощи. Человѣкъ не составляетъ исключенія, хотя старый взглядъ, по которому людской родъ—аггрегація существъ, всегда готовыхъ бороться другъ съ другомъ и удерживаемыхъ отъ этого лишь страхомъ предъ закономъ,—находитъ все еще сторонниковъ. Взглядъ этотъ, какъ извѣстно, установленъ Гоббсомъ. Въ противоположность сентименталистамъ, видѣвшимъ въ „естественномъ состояніи“ золотой вѣкъ, Гоббсъ доказывалъ, что это состояніе не что иное, какъ безпрерывная борьба между индивидуумами, случайно собранными вмѣстѣ. Взглядъ Гоббса раздѣляется еще многими. Въ послѣднее время мы имѣемъ школу писателей, воспользовавшихся, собственно, не идеей, а терминологіей Гоббса. Во главѣ ихъ стоялъ Гексли. Въ 1888 г. онъ прочиталъ докладъ, въ которомъ выставлялъ первобытныхъ людей своего рода тиграми, чуждыми всякимъ нравственнымъ представленіямъ, ожесточенно борющимися другъ съ другомъ. „Внѣ ограниченныхъ и временныхъ условій семьи, гоббсовская война каждаго противъ всѣхъ была нормальнымъ условіемъ существованія,“—сказалъ Гексли. Не разъ указывалось на то, что главная ошибка Гоббса и философовъ XVIII в. заключалась въ представленіи, что первобытное человѣчество состояло изъ отдѣльныхъ бродячихъ семействъ. Послѣ изслѣдованій Бахофена, Макъ-Ленана, Моргана, Тэйлора, Мэна, Поста, Лэббока и др. мы знаемъ, что первобытной формой организаціи человѣчества было—племя, кланъ, а не семья. Этотъ выводъ могъ быть предвидѣнъ зоологами. Дарвинъ отлично сознавалъ, что одиноко живущія обезьяноподобныя существа никогда не могли бы развиться въ людей. Въ силу этого, онъ полагалъ, что человѣкъ долженъ быть потомкомъ сравнительно слабаго, *но общественнаго* животнаго. Первыя человѣческія общества явились

дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ обществъ, которыя составляютъ существенную черту жизни высшихъ животныхъ.

Самыя раннія доказательства, имѣющіяся у насъ, показываютъ, что даже въ первомъ фазисѣ развитія—человѣкъ былъ общественнымъ животнымъ. Палеолитическія орудія (т. е. изъ неполированнаго камня) находятся всегда въ громадномъ количествѣ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Еще большія доказательства въ этомъ отношеніи мы имѣемъ относительно неолитическаго періода. Когда ледниковый покровъ, доходившій до середины Франціи, а у насъ въ Россіи, вѣроятно, до нынѣшней Кіевской губерніи, началъ таять, отъ него остались безчисленныя болота и озера, занимавшія тогда каждую впадину на землѣ. Слѣды этихъ давнымъ давно высохшихъ озеръ и рѣкъ геологъ легко открываетъ теперь всюду въ Европѣ, въ Азіи и Америкѣ. А на берегахъ этихъ озеръ находятъ полированныя каменныя орудія въ такомъ изобиліи, что приходится только поражаться густотой населенія въ то время. Найдены громадныя „мастерскія" каменнаго вѣка, въ которыхъ работало вмѣстѣ много людей. Извѣстно также, что изъ этихъ „фабрикъ" каменныя орудія доставлялись племенамъ, жившимъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ матеріала для изготовленія топоровъ (нефрита) нѣтъ. Дальнѣйшей ступенью развитія являются свайныя постройки на швейцарскихъ озерахъ. Онѣ еще больше свидѣтельствуютъ объ общественной жизни и общественныхъ работахъ. На берегахъ Женевскаго озера найдены слѣды двадцати четырехъ деревень, на Констанцкомъ озерѣ—тридцать четыре деревни, на Невшательскомъ—сорокъ шесть и т. д. Доказано, что жители свайныхъ деревень, по всей вѣроятности, совершенно не знали войны.

Такимъ образомъ, имѣющіяся у насъ данныя относительно жизни первобытныхъ людей въ послѣ-ледниковомъ періодѣ — скорѣе свидѣтельствуютъ противъ взгляда Гоббса, чѣмъ въ пользу его. Но у насъ есть еще многочисленныя изслѣдованія современныхъ племенъ, находящихся въ такомъ же фазисѣ культуры, какъ европейцы эпохи полированнаго камня. Сюда относятся эскимосы, родственныя имъ чукчи, жители Огненной земли, Новой Гвинеи и пр. Прежде всего поражаетъ насъ при изслѣдованіи такъ называемыхъ дикарей сложность и цѣлесообразность законовъ обычнаго права. Выводы, къ которымъ пришелъ Морганъ при изслѣдованіи обычнаго права краснокожихъ индѣйцевъ, хорошо извѣстны. Мы знаемъ, между прочимъ, что „семья" болѣе поздняя форма эволюціи, чѣмъ родъ и кланъ. „Если мы примемъ, во вниманіе сложность организацій, наблюдаемыхъ у племенъ стоящихъ на низшей ступени развитія и не признающихъ иного авторитета, кромѣ общественнаго мнѣнія,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*,—то мы сразу увидимъ, какъ глубоко коренятся общественные инстинкты даже у первобытныхъ народовъ. Ди-

карь, живущій при такой организаціи и добровольно подчиняющійся правиламъ, сталкивающимся постоянно съ его личнымъ желаніемъ,—безъ сомнѣнія, не есть животное, лишенное совершенно этическихъ принциповъ и не знающее удержа своимъ страстямъ... Устойчивость клановъ, слѣды которыхъ наблюдаемъ у всѣхъ народовъ,—показываетъ, что представленіе о первобытномъ человѣчествѣ, какъ конгломератѣ индивидуумовъ, повинующихся только внушеніямъ собственныхъ страстей, совершенно ошибочно. Безграничный индивидуализмъ является продуктомъ позднѣйшаго времени и отнюдь не есть отличительный признакъ первобытнаго человѣка". Болѣе внимательное изученіе дикарей подтверждаетъ этотъ взглядъ. Возьмемъ, напр., бушмэновъ, находящихся на крайне низкой ступени развитія. Когда европейцы захватили ихъ территорію и разогнали дичь, бушмэны стали красть скотъ. Тогда бѣлые начали безпощадно истреблять этихъ дикарей. Въ 1774 г. истреблено пятьсотъ бушмэновъ, въ 1808 г.—три тысячи. Ихъ изводили ядомъ, какъ крысъ, заманивали, какъ волковъ, на падаль и т. п. Наши познанія о бушмэнахъ сообщены тѣми самыми людьми, которые занимались истребленіемъ ихъ. Мы знаемъ, однако, что когда явились европейцы, бушмэны жили небольшими кланами, которые иногда бывали объединены общимъ союзомъ. Дикари охотились сообща и дѣлили добычу безъ ссоры. Мы знаемъ также, что бушмэны никогда не оставляли своихъ раненыхъ и проявляли сильную привязанность къ товарищамъ. Такіе-же общественные инстинкты наблюдатели отмѣчаютъ у готентотовъ, стоящихъ немногимъ выше бушмэновъ. Лэббокъ называетъ ихъ „самыми грязными животными въ мірѣ". И готентоты дѣйствительно грязны. Хотя они имѣли уже скотъ и знали употребленіе желѣза до появленія европейцевъ, они стоятъ на очень низкой ступени развитія. А между тѣмъ, этнографы съ большой похвалой отзываются объ общественности готентотовъ и объ ихъ готовности помогать другъ другу. Если дать что-нибудь готентоту, онъ сейчасъ-же подѣлится съ товарищами. Подобная черта крайне поразила Дарвина у дикарей Огненной Земли. Колбенъ выразилъ удивленіе по поводу того, что готентотъ постоянно зоветъ товарища раздѣлить съ нимъ пищу. „Таковъ нашъ обычай",—отвѣтилъ дикарь. Этотъ обычай наблюдается, однако, у многихъ первобытныхъ племенъ. У остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, обитателей Борнео, папуасовъ и пр., путешественники наблюдали обычаи, нѣсколько расходящіеся съ традиціонными взглядами о свирѣпости сіуксовъ, о кровожадности даяковъ и пр. Взаимная вражда между племенами не рѣдкое явленіе, но она является результатомъ не „переполненія извѣстной площади", и не „упорнаго соперничества", а, главнымъ образомъ, суевѣрія. Когда дикарь заболѣваетъ, пріятели и родственники его собираются вмѣстѣ

для обсужденія, кто могъ бы причинить болѣзнь. Наконецъ, причина найдена. Болѣзнь, по всей вѣроятности, „вселена“ врагомъ, жителемъ сосѣдней деревни. И, поэтому, родственники рѣшаютъ сдѣлать набѣгъ на сосѣдей. Многія черты въ жизни дикарей смущаютъ совершенно наблюдателей. Бушмэны, напр., алеуты и другія племена крайняго юга и сѣвера очень любятъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ, у тѣхъ же народовъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ дѣтоубійство. Я лично самъ наблюдалъ, какіе нѣжные родители якуты. Между тѣмъ, сравнительно еще недавно они оставляли своихъ дѣтей на произволъ судьбы въ тайгѣ. Барону Врангелю пришлось еще видѣть старухъ, которыхъ въ дѣтствѣ подобрали въ лѣсу. Чѣмъ же объяснить такіе, повидимому, противорѣчивые факты? Дѣтоубійство практиковалось (и практикуется) дикарями подъ давленіемъ крайней нищеты. Оно является жертвой индивидуума для спасенія клана, которому уже и безъ того трудно кормить всѣхъ родовичей. Чтобы сократить число рожденій, дикари наложили цѣлый рядъ обязательствъ, которыя строго соблюдаются всѣмъ племенемъ. Но не смотря на все это, кланъ не можетъ порой прокормить всѣхъ дѣтей. Замѣчено, что какъ только средства къ существованію увеличиваются, обычай дѣтоубійства исчезаетъ среди дикарей. Въ общемъ, родители крайне неохотно повинуются обязанности разстаться съ дѣтьми и прибѣгаютъ ко всякаго рода компромиссамъ, чтобы спасти жизнь новорожденныхъ. Какъ указалъ Элизе Реклю, дикари, съ этой цѣлью, придумали счастливые и несчастные дни рожденія и щадятъ дѣтей, родившихся въ счастливые дни. Они пытаются отсрочить смерть на нѣсколько часовъ, а затѣмъ говорятъ, что ребенокъ, жившій день, долженъ умереть только естественной смертью. То же самое можно сказать относительно убійства стариковъ. Когда старикъ чукча чувствуетъ, что онъ уже не охотникъ, что силы ослабѣли, и что онъ становится въ тягость племени,—онъ начинаетъ просить дѣтей, „послать его на гору“, т. е. убить. Сыновья и друзья начинаютъ уговаривать старика, убѣждать его пожить съ ними; но старикъ непреклоненъ. Я знаю примѣръ, который описалъ въ моей книгѣ „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“. Въ 1888 г. среди чукчей появилась „красная старуха“, т. е. оспа. Она выкосила цѣлыя стойбища. И вотъ въ одномъ изъ лагерей старикъ-чукча рѣшилъ отправиться „къ старикамъ“ (т. е. умереть) и похлопотать тамъ, чтобы „красную старуху“ убрали. Старика долго отговаривали дѣти, но онъ былъ непреклоненъ. Онъ устроилъ всѣ свои дѣла, созвалъ пріятелей на обѣдъ, затѣмъ нарядился въ новую пухлянку и попросилъ любимаго сына нанести ему ударъ копьемъ въ сердце, что сынъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь нѣчто другое, чѣмъ „дикость

и жестокость нравовъ". Въ сущности говоря, предъ нами актъ величайшаго самопожертвованія ради блага племени.

Другой обычай многихъ дикарей, приводящій въ ужасъ европейцевъ,—людоѣдство. Недавно этому вопросу было посвящено спеціальное засѣданіе парижскаго антропологическаго общества и разсмотрѣно много новыхъ фактовъ. По всей вѣроятности, обычай людоѣдства порожденъ крайней нуждой; но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ суевѣрія, развился и достигъ такихъ размѣровъ, какъ въ имперіи ацтековъ въ Мексикѣ или въ недавнее время на Фиджи. И теперь многіе дикари доведены голодомъ до необходимости ѣсть падаль въ крайней степени разложенія. Они вырываютъ и поѣдаютъ трупы даже во время эпидеміи. Теперь представимъ себѣ человѣка ледниковаго періода, жившаго въ сыромъ и холодномъ климатѣ, когда растительность была очень скудна (какъ, напр., теперь, въ сибирскихъ урманахъ по низовьямъ Оби). Вспомнимъ также, что свѣжее мясо и кровь являются единственнымъ лѣкарствомъ отъ скорбута, когда растительная пища не извѣстна. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ условій, человѣкъ сталъ въ ледниковомъ періодѣ плотояднымъ животнымъ, хотя не былъ имъ раньше. Онъ находилъ тогда въ изобиліи стада оленей; когда же они укочевывали, человѣкъ бывалъ вынужденъ прибѣгать къ людоѣдству. Ледниковый періодъ мы можемъ теперь наблюдать на нашемъ крайнемъ сѣверо-востокѣ. Живущіе тамъ инородцы, вѣроятно, находятся на такой же ступени развитія, какъ европейцы въ то время, какъ ледяной покровъ достигалъ до нынѣшней Малороссіи. Одно изъ этихъ племенъ—тунгусы—отличается большою кротостью. Между тѣмъ, я помню, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ кланъ этихъ инородцевъ, когда олени подохли отъ „копытца" (эпидемическая болѣзнь), сталъ людоѣдами. Объ этомъ, въ свое время, много говорила сибирская пресса. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ суевѣрія, людоѣдство превратилось въ религіозный обычай. Враговъ съѣдали, чтобы унаслѣдовать ихъ мужество. Въ еще болѣе поздній періодъ съ тою же цѣлью съѣдались глаза и сердце непріятеля. У племенъ, имѣвшихъ жреческую касту и сложную миѳологію, изобрѣтены были боги, жаждущіе крови и требующіе человѣческихъ жертвъ. Людоѣдство приняло наиболѣе отталкивающія формы въ религіозномъ фазисѣ развитія. Хорошо извѣстнымъ примѣромъ является Мексика. Въ Фиджи король имѣлъ право съѣсть любого изъ своихъ подданныхъ. И здѣсь тоже мы находимъ сильную касту жрецовъ, сложную миѳологію и полную автократію (см. *W. T. Pritchard*, Polynesian Reminiscences). Итакъ, людоѣдство порождено крайнимъ голодомъ, но стало впослѣдствіи религіознымъ обычаемъ. Въ этой формѣ оно сохранилось долго еще послѣ того, какъ исчезло безъ слѣда среди другихъ племенъ, не достигшихъ теократической стадіи развитія.

„Было бы слишкомъ утомительно приводить еще примѣры изъ жизни дикарей,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*. Всюду, у всѣхъ племенъ мы находимъ тѣ же общественные инстинкты и тотъ же духъ солидарности. И когда мы пытаемся проникнуть въ мракъ прошлыхъ вѣковъ, мы находимъ ту же совмѣстную жизнь племенемъ, тѣ же ассоціаціи (хотя въ первобытной формѣ) для взаимной поддержки. Поэтому, Дарвинъ былъ совершенно правъ, когда видѣлъ въ „общественности" человѣка—главный факторъ его эволюціи. Популяризаторы великаго ученаго, слѣдовательно, совершенно не правы, утверждая противоположное *). Первобытный человѣкъ, конечно, не является олицетвореніемъ добродѣтели, какъ утверждали сентименталисты XVIII в. подъ вліяніемъ Руссо, но мы не видимъ въ немъ также идеала „дикости". Дикарь проявляетъ одну черту, выработанную въ немъ необходимостью упорной борьбы за существованіе, онъ отождествляетъ свою жизнь съ таковою всего племени. И безъ этого качества люди никогда не достигли бы той ступени развитія, на которой находятся теперь. Первобытные люди до такой степени отождествляютъ себя съ племенемъ, что каждый, даже незначительный поступокъ становится общественнымъ дѣломъ. Все ихъ поведеніе урегулировано безконечной серіей неписанныхъ законовъ, являющихся послѣдствіемъ коллективнаго опыта, т. е. знанія, что вредно и что полезно племени. Безъ сомнѣнія, мотивы, на которыхъ эти законы основаны, порой до невѣроятности нелѣпы. Многіе изъ нихъ внушены суевѣріемъ. Во всемъ, что дикарь дѣлаетъ, онъ видитъ только непосредственный результатъ поступка и совершенно не въ состояніи предвидѣть косвенныхъ и дальнѣйшихъ послѣдствій. Но это только преувеличеніе недостатка, въ которомъ Бентамъ упрекаетъ современныхъ законодателей цивилизованныхъ странъ. Абсурденъ или нѣтъ законъ обычнаго права, дикарь повинуется ему, не смотря на стѣсненіе личной воли; повинуется гораздо болѣе безпрекословно, чѣмъ европеецъ—писаннымъ законамъ". Для первобытнаго человѣка кланъ это — онъ самъ. Въ границахъ его—все дѣлится сообща. Миклуха-Маклай говоритъ, что папуасъ, находящійся въ лѣсу, прежде чѣмъ начать ѣсть, трижды восклицаетъ, приглашая всѣхъ голодныхъ пообѣдать съ нимъ. Даже въ наше время на крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири якутъ заѣзжаетъ въ любое время ночи въ попутную юрту и чувствуетъ себя тамъ, какъ дома.

Короче сказать,—заканчиваетъ авторъ,—въ предѣлахъ клана

*) Въ «Происхожденіи человѣка» Дарвинъ говоритъ: «Слабыя силы, отсутствіе естественнаго оружія и пр. съ лихвою замѣняются его умственными способностями и его общественными инстинктами, въ силу которыхъ онъ получаетъ помощь отъ окружающихъ и оказываетъ ее». На другой страницѣ Дарвинъ замѣчаетъ, что умственныя способности человѣка развились, главнымъ образомъ, для блага общины.

соблюдается принципъ „одинъ за всѣхъ“, который не распространяется на сосѣдніе кланы, даже если они федерированы для взаимной защиты. Каждый кланъ представляетъ отдѣльную единицу... Въ силу этого, жизнь дикаря нормируется двумя принципами: отношеніемъ къ „своимъ“, т. е. клану и къ „чужимъ“. Второй принципъ крайне растяжимъ (какъ и законы международнаго права у европейскихъ народовъ). Поэтому, во время войны свершаются акты величайшей жестокости.

Въ самыя раннія эпохи, рудименты знанія, когда оно смѣшивалось съ знахарствомъ, стали орудіемъ въ рукахъ индивидуумовъ противъ племени,—говоритъ авторъ *Mutual Aid*. Эти зачатки тщательно держались въ секретѣ и передавались только посвященнымъ, въ тайныхъ обществахъ колдуновъ, шамановъ и жрецовъ. Въ то же время войны и набѣги создали военную власть, а также сословіе воиновъ, сообщества которыхъ пріобрѣли большое значеніе.

Нельзя однако,—по мнѣнію автора, указать ни одной эпохи въ жизни человѣчества, когда войны являлись бы нормальнымъ состояніемъ. Въ то время, какъ воины истребляли другъ друга, а жрецы освящали рѣзню—массы вели обыденнную жизнь и занимались обыденной работой. Крайне интересно изучать эту повседневную жизнь массъ, наблюдать тѣ средства, при помощи которыхъ онѣ поддерживали свои собственныя соціальныя организаціи, основанныя на понятіи народа о справедливости, взаимной помощи и о взаимной поддержкѣ.

V.

Мы переходимъ теперь къ жизни „варваровъ“, хлынувшихъ широкимъ потокомъ на Римскую имперію и раздавившихъ ее своею численностью. Изъ отдѣльныхъ обломковъ авторъ дѣлаетъ остроумную попытку возстановить жизнь массъ, надъ которой не останавливались изслѣдованія историковъ стараго типа. Была ли жизнь варваровъ во время и послѣ великаго переселенія народовъ хаосомъ дикихъ и грубыхъ силъ и проявленіемъ одного лишь свирѣпаго насилія? До сихъ поръ нѣтъ еще неопровержимой теоріи, объясняющей, почему двадцать вѣковъ тому назадъ началось движеніе варваровъ изъ Азіи въ Европу, на Западную Римскую имперію. Географы, изслѣдующіе развалины когда-то многолюдныхъ городовъ, погребенныхъ теперь подъ пескомъ, въ Средней Азіи, на берегахъ исчезнувшихъ озеръ и рѣкъ,—предлагаютъ свое объясненіе: *высыханіе*. И теперь еще этотъ процессъ продолжается тамъ и въ Юго-Западной Сибири. Ядринцевъ, напримѣръ, упоминаетъ про деревни, выстроенныя тамъ, гдѣ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ находилось одно изъ

озеръ группы Чаны. Противъ высыханія человѣкъ былъ безпомощенъ. Когда населеніе сѣверо-западной Монголіи и Восточнаго Туркестана увидало, что вода исчезаетъ, ему оставался только одинъ исходъ—двигаться вдоль долинъ, идущихъ по направленію къ западу. Вслѣдствіе высыханія Центральной Азіи исчезъ цѣлый рядъ цивилизацій, какъ это открылъ во время своей замѣчательной Орхонской экспедиціи нашъ талантливый путешественникъ и великій знатокъ Монголіи Д. А. Клеменцъ. Такимъ образомъ, одно племя за другимъ вынуждено было двинуться въ Европу, вытѣсняя на западъ и на востокъ жителей равнинъ. Племена искали мѣстъ, удобныхъ для продолжительнаго пребыванія. Во время этого переселенія смѣшивались расы: аборигены съ пришлецами, арійскія племена съ урало-китайскими. Было бы не удивительно, поэтому, если бы совершенно погибли въ пути тѣ соціальныя учрежденія, которыя сплачивали племена на ихъ первоначальной родинѣ. Но эти учрежденія не погибли, а подверглись лишь измѣненіямъ, согласно новымъ условіямъ жизни. Тевтоны, кельты, скандинавы, славяне и другія племена, когда они въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе съ Римомъ, находились въ переходномъ состояніи, въ смыслѣ ихъ общественныхъ организаціи. Кланы, основанные на дѣйствительной или предполагаемой общности происхожденія,—сплочали варваровъ въ продолженіе тысячелѣтій. Но эти союзы соотвѣтствовали своей цѣли только до тѣхъ поръ, покуда въ родѣ или въ самомъ кланѣ не было отдѣльныхъ семей. Но въ кланѣ медленно, но безпрерывно развивалась патріархальная семья. Это означало послѣдовательное накопленіе богатствъ и власти и наслѣдственную передачу ихъ. Процессъ расчлененія на семьи только ускорился частыми переселеніями и войнами варваровъ. Разселеніе на племена и смѣшеніе съ инородцами особенно благопріятствовало окончательному распаденію союзовъ, основанныхъ на родствѣ. Такимъ образомъ, варвары видѣли, что ихъ ждетъ одно изъ двухъ: или раствореніе клановъ въ отдѣльныя агрегаціи семей, при чемъ одна, обладающая военнымъ или жреческимъ авторитетомъ, взяла бы верхъ, или необходимость выработать новую форму организаціи, основанную на какомъ-нибудь новомъ принципѣ.

Многія племена не въ силахъ были противостоять процессу расчлененія: они распались и исчезли для исторіи. Но наиболѣе сильныя не расчленились. Изъ испытанія они вышли съ новой организаціей—*деревенской общиной*, которая держала ихъ вмѣстѣ впродолженіе пятнадцати вѣковъ. Понятіе объ общей *территоріи*, пріобрѣтенной или защищаемой совмѣстными силами, замѣнило собою исчезающее представленіе объ общемъ происхожденіи. Домашніе боги постепенно теряли характеръ предковъ и превратились въ боговъ данной территоріи. „Земля“ отождествилась съ ея обитателями. Вмѣсто союзовъ по крови выросли новые,

территоріальные союзы, и эта организація, повидимому, представляла большія преимущества при данныхъ обстоятельствахъ. Она признавала и даже подчеркивала, такъ сказать, значеніе семьи. Деревенская община отказалась отъ права вмѣшиваться въ то, что происходитъ въ предѣлахъ отдѣльной семьи, и предоставила большую свободу личному почину; въ принципѣ она допускала союзъ между людьми различныхъ племенъ. Въ то же время она поддерживала необходимую связность дѣйствія и была достаточно сильна, чтобы противостоять стремленіямъ колдуновъ, жрецовъ и профессіональныхъ воиновъ пріобрѣсти преобладающее вліяніе. Поэтому, деревенская община стала первоначальной клѣточкой будущей организаціи. У многихъ народовъ община сохранила свой характеръ до настоящаго времени.

Теперь внѣ сомнѣнія, что деревенская община не была характерной особенностью славянскихъ племенъ или тевтоновъ. Она господствовала въ Англіи во время саксонскаго и норманскаго періода. Слѣды ея нѣкоторые изслѣдователи усматриваютъ здѣсь еще въ XVIII вѣкѣ. Деревенская община лежала въ основѣ соціальной организаціи въ Шотландіи, Ирландіи и въ Уэльсѣ. Во Франціи мы наблюдаемъ слѣды ея еще въ XVIII вѣкѣ. Тюрго уничтожилъ сельскіе сходы для распредѣленія пахатной земли, найдя ихъ „слишкомъ шумными". Деревенская община пережила римскій строй въ Италіи и возродилась послѣ паденія имперіи. Она лежала въ основѣ общественнаго строя у скандинавскихъ племенъ, у славянъ, финновъ (pittäyä и, вѣроятно, kihlakunta), куровъ и ливовъ. Деревенскія общины въ Индіи, среди арійскихъ и неарійскихъ племенъ, хорошо извѣстны по изслѣдованіямъ Мэна *). Земельную общину мы находимъ у монголовъ (*улусъ*), кабиловъ (*таддартъ*), яванцевъ (*десса*), малайцевъ (*кота* или *тофа*), у абиссинцевъ, въ Центральной Африкѣ, у индѣйцевъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, на островахъ Великаго Океана, словомъ,—говоритъ авторъ,—мы не знаемъ ни одного народа, который не прошелъ бы черезъ періодъ деревенской общины. Этотъ фактъ опровергаетъ взглядъ, въ силу котораго общинное землевладѣніе въ Европѣ создано крѣпостнымъ правомъ. Община древнѣе крѣпостного права; и даже послѣднее не могло сломить ее. Деревенская община—опредѣленный фазисъ эволюціи, явившійся послѣдствіемъ родовой организаціи.

Такова была соціальная организація, возникшая у варварскихъ племенъ, какъ только они основались на продолжительное время въ Европѣ... Потребовалось много времени,—продолжаетъ ав-

*) Теорія Мэна подвержена серьезной критикѣ и противъ многихъ положеній его, считавшихся твердо установленными, выставлены возраженія въ книгѣ Баденъ-Пауэлла: «Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи». Русскій переводъ г-жи Кончевской вышелъ въ 1900 г.

торъ,—прежде чѣмъ роды, или кланы, признали существованіе отдѣльной семьи, въ отдѣльной избѣ или юртѣ. Но даже послѣ этого кланъ, какъ общее правило, не признавалъ перехода собственности по наслѣдству. За тѣмъ кланъ сталъ признавать личное имущество только въ видѣ движимости, какъ скотъ, орудія, оружіе; изъ недвижимыхъ же только то, которое „можетъ погибнуть отъ огня“ (жилыя помѣщенія) *). Что же касается земли, то община не признавала личныхъ правъ на нее... Расчистка изъ-подъ лѣса и поднятіе цѣлины дѣлалась всей общиной или, во всякомъ случаѣ, совмѣстными усиліями нѣсколькихъ семей (съ соглашенія общины). Расчищенные участки находились въ личномъ пользованіи четыре, двѣнадцать или двадцать лѣтъ, а послѣ этого они присоединялись къ другимъ пахатнымъ землямъ, принадлежащимъ общинѣ. Потребовалось долгое вліяніе римскаго закона и церкви, чтобы пріучить варваровъ къ мысли, что личное право собственности на землю—возможно.

На базисѣ общности земли у варваровъ развилась цѣлая серія учрежденій, нѣкоторыя изъ которыхъ были завѣщаны кланомъ. Эти организаціи просуществовали много вѣковъ, покуда возвысились государства, основанныя по римскому и византійскому образцамъ. Деревенская община не только гарантировала каждому право на земельный участокъ, но являлась также организаціей для взаимной поддержки и помощи всякаго рода. У варваровъ община защищала отъ насилія, содѣйствовала развитію нравственныхъ правилъ и пр. Всякая перемѣна юридическая, хозяйственная, военная и т. д. обсуждалась на сходѣ деревни или союза деревень (въ древней Англіи — folkmotes). Община унаслѣдовала всѣ функціи рода. Она была *universitas*, *міромъ*, сама по себѣ. Совмѣстно производились общія охоты (какія теперь бываютъ у забайкальскихъ бурятъ) **), общее воздѣлываніе виноградниковъ, общія запашки и сѣнокосы.

Общими силами выполнялись громадныя работы, какъ напр., старая дорога, ведущая изъ нѣмецкой Швейцаріи во французскую, черезъ Геми. Туристъ, спускающійся съ Кандерстега въ Лоэшъ-лэ-Бэнъ (въ Ронской долинѣ), помнитъ, конечно, циклопическую, головоломную дорогу, вырубленную въ гигантской, почти отвѣсной стѣнѣ. Нѣчто подобное выполнили „варвары“ въ Европѣ: они проложили дороги въ первобытномъ лѣсу и черезъ трясины того времени. Деревенскія общины, работая по своей личной иниціативѣ, отвоевали землю у тайги, осушили болота, укрѣпили зыбучіе пески и пр. Черезъ рѣки настланы были грубые мосты,

*) См. *Stobbe*, Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechtes, p. 62.

**) Обломки древнихъ обычаевъ занесены русскими въ XVII вѣкѣ на крайній сѣверо-востокъ Сибири. Тамъ мы еще наблюдаемъ иногда рыбную ловлю всѣмъ народомъ (въ Колымскомъ округѣ—*черезовую ловлю*, при чемъ уловъ дѣлится между всѣми участками, даже дѣтьми).

связанные изъ бревенъ, и устроены перевозы. Окопы вокругъ селъ, сторожевыя башни, которыми усѣяна была тогда страна,— все это работа деревенскихъ общинъ варваровъ. Когда община становилась многочисленна, она выдѣляла колонистовъ, основывавшихъ въ лѣсу новый починокъ. Такимъ образомъ, первобытный край мало-по малу покрывался сѣтью селъ. „Воображаемый варваръ,—говоритъ авторъ,—т. е. человѣкъ, сражавшійся и убивавшій ради одного только каприза, не существовалъ, точно также, какъ не существуетъ „кровожадный" дикарь. Варваръ дѣйствительности, напротивъ, жилъ, соображаясь съ тѣмъ, что полезно и вредно для его племени или союза племенъ. Правила этой жизни передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе въ пѣсняхъ, сагахъ, поговоркахъ и пословицахъ".

Въ понятіяхъ о правосудіи варвары, очевидно, немногимъ отличались отъ дикарей. Они тоже признавали, что за убійство должно воздать убійствомъ и что рану слѣдуетъ отплатить раной. Съ теченіемъ времени мы видимъ, однако, стремленіе замѣнить вирой жестокій принципъ: „кровь за кровь, око за око". Авторъ, не признаетъ при этомъ, что замѣна явилась своего рода carte blanche для богатыхъ, имѣвшихъ, такимъ образомъ, возможность откупиться за преступленіе, которое грозило бѣдняку смертью. „Штрафъ былъ такъ высокъ, что, во всякомъ случаѣ, не поощрялъ преступленія".

Деревенскія общины варварскаго періода допускали союзы между различными племенами. Херуски соединились со свэвами, сарматы съ аланами и т. д. Войны, конечно, бывали неизбѣжны; но Мэнъ въ своемъ изслѣдованіи происхожденія международнаго закона справедливо замѣчаетъ: „Никогда человѣкъ не былъ настолько свирѣпъ или глупъ, чтобъ, прежде чѣмъ рѣшиться на такое бѣдствіе, какъ война, не дѣлалъ бы какихъ нибудь усилій предотвратить его". Мэнъ цитируетъ цѣлый рядъ законовъ, придуманныхъ варварами, чтобъ покончить распрю какъ-нибудь иначе, чѣмъ войной. (*Henry Maine*, International Law, p. p. 11– 13). До какой степени чужды человѣку воинственные инстинкты, видно изъ слѣдующаго. Когда варвары осѣли прочно на мѣстѣ, они такъ быстро отвыкли отъ военнаго дѣла, что имъ пришлось держать князей съ спеціальной дружиной для защиты отъ насильниковъ... Итакъ, когда родовая организація подверглась распаденію, извнутри вслѣдствіе развитія семьи, а извнѣ вслѣдствіе переселенія и необходимости включить новые элементы чуждаго происхожденія,— возникла деревенская община, основанная на территоріальной концепціи. Эта новая форма, развившаяся изъ предшествующей (кланъ), дала варварамъ возможность выдержать наиболѣе смутный періодъ въ исторіи, не подвергшись распаденію на отдѣльныя семьи, что повело бы, въ такомъ случаѣ, за собою борьбу за существованіе. Подъ вліяніемъ новой соціальной организаціи раз-

вились новыя формы культуры. Развилось земледѣліе. Достигли высокой формы совершенства кустарные промыслы. Общины отвоевали пустыню, проложили дороги и усѣяли первобытный лѣсъ сѣтью починковъ, устроили церкви, ярмарки и укрѣпленные центры. Мало-по-малу крѣпла мысль о необходимости болѣе широкаго союза между племенами различнаго происхожденія. Видоизмѣнялось понятіе о справедливости. Эта организація выработала обычное право, составляющее до сихъ поръ повседневные законы трехъ четвертей человѣчества. Община выработала также систему, имѣвшую цѣлью охранить массы отъ меньшинства, власть котораго росла пропорціонально съ возможностью накоплять личное богатство. Экономическій, умственный и нравственный прогрессъ, осуществленный человѣчествомъ при новыхъ формахъ общественности, былъ такъ великъ, что когда впослѣдствіи возникли государства, они ограничились тѣмъ, что завладѣли въ интересахъ меньшинства всѣми юридическими, хозяйственными и административными функціями, которыя деревенская община выполняла въ интересахъ всѣхъ.

Общественность и необходимость взаимной поддержки являются такими существенными чертами человѣческаго характера, что въ исторіи мы совершенно не можемъ открыть времени, когда люди жили бы отдѣльными семьями, постоянно воюющими между собою изъ за средствъ къ существованію. Наоборотъ, новѣйшія изслѣдованія показали, что, начиная съ доисторическихъ временъ, люди группировались въ роды, кланы или племена, поддерживаемыя идеей объ общемъ происхожденіи и поклоненіемъ общимъ предкамъ. Въ теченіе многихъ тысячелѣтій эти организаціи держали людей вмѣстѣ, даже тогда, когда не было властей, чтобы насильно заставить повиноваться законамъ. Родовое начало наложило свой сильный отпечатокъ на послѣдующее развитіе человѣка. И когда кланъ распался, вмѣсто него явилась новая общественная организація, основанная на территоріальномъ принципѣ. Она тоже удерживала людей вмѣстѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, давая имъ возможность дальше развивать ихъ общественныя учрежденія... Человѣчество всегда предпочитало миръ войнѣ. За исключеніемъ немногихъ племенъ, загнанныхъ во время великаго переселенія въ безплодныя пустыни и въ горы и вынужденныхъ, вслѣдствіе этого, періодически грабить своихъ сосѣдей, находившихся въ лучшихъ условіяхъ,—всѣ остальные народы, какъ только они осѣлись на новомъ мѣстѣ, быстро возвратились къ плугу и своимъ стадамъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я коснусь фактовъ дальнѣйшей эволюціи общественности и проявленія ея въ средневѣковомъ народѣ и въ наше время.

Діонео.

Рабочій праздникъ въ Швейцаріи.

Мой хорошій знакомый, швейцарскій старожилъ, горячо убѣждалъ меня поѣхать въ Винтертуръ, гдѣ долженъ быть состояться первый конгрессъ объединенной швейцарской рабочей партіи и традиціонный „праздникъ Грютли“.

— Въ нынѣшнемъ году,—говорилъ мнѣ знакомый,—благодаря присоединенію всего „Грютли-ферейнъ“ къ рабочей партіи,—и конгрессъ, и праздникъ обѣщаютъ быть особенно многолюдными и особенно интересными. Подобный „народный праздникъ“ можетъ дать иностранцу болѣе полное и ясное представленіе о характерѣ швейцарцевъ, чѣмъ годъ жизни въ Швейцаріи.

Я послушался совѣта и поѣхалъ.

Прежде всего—нѣсколько словъ о „Грютли“.

„Грютли-ферейнъ“—одинъ изъ самыхъ старыхъ и самыхъ популярныхъ въ Швейцаріи ферейновъ, сыгравшій извѣстную роль въ дѣлѣ культурнаго развитія Швейцаріи въ теченіе минувшаго столѣтія. Основанный болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ (въ 1838 г.) въ Женевѣ, какъ мѣстный „Кружокъ для развлеченія и саморазвитія“, „Грютли“ (наименованный по названію долины Rütli, гдѣ произошелъ въ 1307 г. знаменитый союзъ трехъ кантоновъ, положившій основаніе современной Швейцаріи), постепенно становился болѣе идейнымъ, проникался сперва культурно-національными, а затѣмъ и соціально-политическими тенденціями, распространился чуть-ли не по всей Швейцаріи, объединяя многія тысячи лицъ, и, въ концѣ-концовъ, превратился въ сильную организацію, съ которой приходится теперь считаться и правительству, и политическимъ партіямъ. Въ исторіи развитія этого ферейна какъ нельзя болѣе ярко высказались основныя черты характера швейцарца: крайняя осторожность, постепенность и рядомъ съ этимъ чуткое вниманіе къ запросамъ жизни и времени.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій своего существованія ферейнъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, задачи культурно-національнаго характера: рядомъ съ заботами объ умственномъ образованіи и развитіи своихъ членовъ (устройство курсовъ, воскресныхъ школъ, конферансовъ и т. п.), онъ удѣлялъ много вниманія дѣлу физическаго и эстетическаго развитія своихъ членовъ, устраивалъ гимнастическія и стрѣлковыя общества, пѣвческіе союзы. Затѣмъ онъ взялъ въ свои руки нѣкоторыя дѣла благотворительнаго характера: даровой уходъ за больными въ госп-

таляхъ и на дому, организацію помощи бѣднымъ. Нѣсколько позже ферейнъ началъ устраивать кассы взаимопомощи, пенсіонныя кассы для стариковъ и больныхъ, кассы взаимнаго страхованія и т. п.

Одновременно съ расширеніемъ дѣятельности ферейна, продолжалъ систематически рости и количественный составъ его. Имѣя при своемъ основаніи одну секцію съ 60-ю членами, „Грютли" черезъ 7 лѣтъ, въ 1845 г., имѣлъ уже семь секцій съ 370 членами, а въ 1872 г. въ составъ его входило 116 секцій съ 4,217 членами и число, какъ секцій, такъ и членовъ, продолжало безпрерывно рости до 1895 г.

Преслѣдуя задачи чисто культурнаго характера, „Грютли", въ составъ котораго входили лица различныхъ сословій, старался держаться въ сторонѣ отъ политической агитаціи и соціальной борьбы. Но, по мѣрѣ развитія швейцарской индустріи, по мѣрѣ того, какъ въ „Грютли" проникли сознательные рабочіе, — ферейну пришлось волей-неволей расширить рамки своей дѣятельности. Въ началѣ 70-хъ гг. новый редакторъ оффиціальнаго органа „Грютли" („Der Grütlianer", начавшій издаваться въ 1841 г.), Блейлеръ, сталъ отводить въ газетѣ большое мѣсто разработкѣ соціальнаго вопроса и внесъ предложеніе о радикальной реорганизаціи ферейна въ духѣ политическаго демократизма. Не смотря на то, что предложеніе это было рѣзко отклонено, ферейнъ въ томъ же 1873 г. высказался за введеніе 10-ти часового рабочаго дня.

Начавшаяся въ средѣ „Грютли" борьба между его радикальными и умѣренными элементами особенно обострилась во второй половинѣ 70-хъ гг., когда во всей странѣ началось сильное движеніе въ пользу новаго фабричнаго законодательства. „Грютли" не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого движенія, принялъ въ немъ активное участіе и при народномъ голосованіи 27 октября 1877 г. сталъ на сторону демократической партіи, чѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ и была обусловлена побѣда этой партіи. Законъ объ ограниченіи рабочаго времени былъ принятъ большинствомъ 181,204 голосовъ противъ 170,857.

Одновременно съ этой агитаціей, въ средѣ „Грютли" начали все настойчивѣе раздаваться голоса о необходимости объединенія ферейна съ рабочей партіей и ремесленными союзами. Не смотря на то, что предложеніе это, внесенное на обсужденіе одного изъ съѣздовъ, было отвергнуто большинствомъ голосовъ, „Грютли" принялъ программу, которая заключала въ себѣ такіе пункты, какъ „упраздненіе зависимости рабочихъ отъ капиталистовъ, составляющей главное основаніе классового владычества, и замѣна современнаго наемнаго труда артельнымъ (genossenschaftlichen). Слѣдующій шагъ въ смыслѣ приближенія къ рабочей партіи былъ сдѣланъ ферейномъ въ 1892 г., когда, снова отказавшись отъ

всякаго объединенія съ партіей, „Грютли“ принялъ уже опредѣленную соціалъ-демократическую программу. Понадобилось послѣ этого еще 10 лѣтъ усиленной агитаціи въ обѣихъ организаціяхъ, чтобы это объединеніе состоялось. Оно было принято на конгрессѣ 1901 г. въ Солотурнѣ единогласно со стороны 275 делегатовъ рабочей партіи и большинствомъ 140 голосовъ противъ 6 со стороны „Грютли“.

Главное препятствіе, мѣшавшее въ теченіе четверти вѣка объединенію двухъ организацій, имѣвшихъ почти одну и ту же соціально-политическую программу, заключалось, съ одной стороны, въ неорганизованности швейцарской рабочей партіи, а съ другой — въ характерѣ дѣятельности и нѣкоторыхъ особенныхъ традиціяхъ „Грютли“.

Швейцарская рабочая партія, основанная въ началѣ 70-хъ гг., насчитываетъ въ настоящее время всего-на-всего 16,000 членовъ, не смотря на то, что среди организованныхъ швейцарскихъ рабочихъ (которыхъ въ общемъ отъ 150 до 200 тысячъ) имѣется до 50,000 соціалъ-демократовъ. Двѣ трети этихъ послѣднихъ, принадлежа къ мѣстнымъ соціалъ-демократическимъ союзамъ, не считаютъ для себя ни нужнымъ, ни полезнымъ вступленіе въ партію. Въ этомъ сказалось вліяніе общегосударственнаго швейцарскаго строя, основаннаго на началахъ широкой децентрализаціи.

Рабочая партія, имѣя постоянно передъ собою задачу объединенія различныхъ соціалъ-демократическихъ организацій, не могла удѣлять особенно много вниманія дѣлу объединенія съ „Грютли“. Кромѣ того, партія относилась нѣсколько подозрительно къ разнородному составу „Грютли“ и прямо опасалась принять ферейнъ in corpore въ свою организацію. Съ своей стороны „Грютли“, вся дѣятельность котораго проникнута тенденціями націоналистическаго характера, испытывалъ какой-то мистическій страхъ, который усердно поддерживался буржуазной печатью, передъ объединеніемъ съ „интернаціоналистической“ партіей. И надо признаться, что въ этомъ отношеніи уступки были сдѣланы не ферейномъ, а рабочей партіей, которая, и до объединенія, и на конгрессѣ нынѣшняго года, дѣлала всякія усилія, чтобы засвидѣтельствовать о своемъ патріотизмѣ. И не смотря, однако, на это, объединеніе съ рабочей партіей стоило „Грютли“ нѣсколько тысячъ членовъ, выступившихъ изъ ферейна. Мы видѣли, что въ 1872 г. ферейнъ имѣлъ 4,217 членовъ (116 секцій). Въ 1881 г. въ составъ его входили уже 185 секцій съ 6,165 чл.; въ 1890 г.— 353 секціи съ 16,391 чл. Но съ принятіемъ соціалъ-демократической программы число секцій и членовъ начинаетъ уменьшаться. Въ 1895 г. ферейнъ имѣетъ уже только 331 секцію съ 12,439 чл., а въ 1901—не болѣе 10,000 членовъ. Такимъ образомъ, объединенная рабочая партія заключаетъ въ себѣ въ настоящее время около 26,000 членовъ.

Винтертуръ, выбранный мѣстомъ для перваго конгресса объединенной рабочей партіи—небольшой городокъ Цюрихскаго кантона въ 22,000 жителей. Это, однако, не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ первыхъ индустріальныхъ городовъ Швейцаріи. Винтертурскіе механическіе заводы, какъ и винтертурскій техникумъ пользуются міровою извѣстностью. Семи-тысячное рабочее населеніе Винтертура считается въ нѣкоторомъ родѣ авангардомъ швейцарскаго организованнаго рабочаго класса.

Винтертуръ одинъ изъ самыхъ старыхъ швейцарскихъ городовъ, знавшій еще римское владычество. Въ теченіе своего многовѣкового существованія, городъ пережилъ много бурь, вынесъ много нападеній, осадъ, разореній, переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ XV вѣкѣ онъ находился подъ владычествомъ австрійцевъ. Въ 1467 г. герцогъ Сигизмундъ заложилъ его городу Цюриху за 10,000 гульденовъ, которые не были уплачены. Городъ остался „собственностью Цюриха". Попытался было Винтертуръ въ 1543 г. выкупиться у своего новаго владѣльца, но это вызвало только „негодованіе" Цюриха, и Винтертуръ до настоящаго времени играетъ подчиненную роль по отношенію къ Цюриху и не упускаетъ случая, чтобы не пожаловаться на своего „деспотическаго властелина", который-де употребляетъ всѣ усилія, чтобы не дать бѣдному Винтертуру развернуться въ самостоятельный политическій и индустріальный центръ.

Физіономія города, однако, не носитъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ „деспотическаго гнета". Городъ чистенькій, живописный, оживленный, имѣетъ свои достопримѣчательности, своихъ великихъ людей, памятники которыхъ красуются на площадяхъ, имѣетъ богатый музей, большую библіотеку. Бюджетъ города достигаетъ $2^1/_2$ милліоновъ, изъ которыхъ пятая часть (541,665 фр.) удѣляется на нужды народнаго образованія.

Напомнимъ, кстати, что Винтертуръ былъ центромъ, откуда вышла теперешняя демократическая (самая демократическая во всей Швейцаріи) конституція цюрихскаго кантона. Въ 60-хъ гг. упомянутый Блейлеръ и извѣстный философъ Фр. Ал. Ланге, бывшій тогда профессоромъ цюрихскаго университета и жившій въ Винтертурѣ, основали газету „Landbote", которая служила предводительствующимъ органомъ для партіи, отстаивавшей новую конституцію.

Когда я пріѣхалъ въ Винтертуръ, праздникъ, долженствовавшій продолжаться цѣлыхъ пять дней, уже начался. Кромѣ делегатовъ конгресса, на праздникъ съѣхались со всѣхъ концовъ Швейцаріи около семи тысячъ человѣкъ грютліанцевъ и членовъ рабочей партіи,—и поѣзда продолжали привозить все новыхъ гостей. По случаю праздника городъ разукрасился. Всюду развѣвались длинныя трехсаженныя двухцвѣтныя знамена, многіе

дома были обвѣшены гирляндами изъ зелени и искусственныхъ цвѣтовъ, надъ дверьми кафе, ресторановъ и лавокъ красовались гостепріимныя надписи: „Willkommen“! Улицы небольшого городка представляли собою картину необычайнаго оживленія. Повсюду двигались группы празднично одѣтыхъ и, повидимому, празднично настроенныхъ рабочихъ съ красными и другими значками въ петлнчкахъ, проходили гимнасты въ своихъ легкихъ костюмахъ, проносились знамена. Съ разныхъ мѣстъ доносились звуки музыки.

Первый номеръ оффиціальной программы праздника: „торжественная встрѣча центральнаго знамени“, уже прошелъ, когда я пріѣхалъ, но впереди предстояла такая масса и такое разнообразіе номеровъ, что я не особенно былъ огорченъ этимъ упущеніемъ. Для меня выступилъ, въ видѣ „перваго номера программы“, прозаическій вопросъ о квартирѣ. Благодаря огромному наплыву гостей, всѣ гостиницы оказались биткомъ набитыми. Чтобы какъ нибудь устроиться въ незнакомомъ городѣ, я рѣшилъ обратиться къ одному хотя и незнакомому земляку, студенту винтертурскаго техникума.

Земляка я нашелъ въ крайне мрачномъ настроеніи. Онъ сидѣлъ за книгами и чертежами, готовился съ яростью къ предстоящему экзамену и находился за десять тысячъ миль отъ „праздника“. Изливъ предо мною свою обиду на „проклятый техникумъ“, на безконечные экзамены, изъ-за которыхъ нельзя пойти ни на одно собраніе, онъ началъ входить въ мое положеніе.

— Квартиру вы сами теперь, конечно, не найдете: всюду занято,—сказалъ онъ мнѣ.—Но комитетъ праздника долженъ былъ позаботиться объ этомъ. Мнѣ говорили, что онъ заготовилъ нѣсколько тысячъ комнатъ въ частныхъ домахъ для пріѣзжихъ. Пойдемте въ „Гельвецію“...

— Что это за „Гельвеція“?

— Это нѣчто вродѣ „народнаго дома“. Тамъ и ресторанъ, и кафе, и залы для собраній и конферансовъ. Домъ принадлежитъ рабочей партіи—и тамъ теперь засѣдаетъ комитетъ праздника.

Въ Гельвеціи всѣ залы оказались биткомъ набиты посѣтителями, сидѣвшими за кружками пива. Въ разныхъ мѣстахъ, за отдѣльными столами, сидѣли различные комитеты и работали. Въ залахъ стоялъ густой дымъ сигаръ, глухой шумъ—но въ общемъ залы скорѣе напоминали канцелярію, чѣмъ кафе. Всюду шла лихорадочная подготовительная работа къ празднику, а еще болѣе къ конгрессу.

Справившись, гдѣ засѣдаетъ „комитетъ праздника“, мы подошли къ столу и мой чичероне заговорилъ съ предсѣдателемъ на томъ ужасномъ швейцарскомъ нарѣчіи—Schwitzerdeutsch,—въ которомъ слова не имѣютъ ни начала, ни конца и о значеніи

которыхъ можно только догадываться по нѣкоторой аналогіи ихъ съ членораздѣльной рѣчью. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, мой землякъ воскликнулъ съ отчаяньемъ:

— Ужасные швицеры! Никакого толку отъ нихъ добиться нельзя.

— Въ чемъ дѣло? Квартиръ нѣтъ?

— Чего! квартиры есть, нѣсколько тысячъ комнатъ снято. А отвести вамъ комнаты не могутъ.

— Почему же?

— А спросите ихъ! Видѣли вѣдь: глядитъ на меня пристально, соображаетъ, тянетъ слова, а толку никакого... Должно быть они не увѣрены, что хватитъ комнатъ для членовъ „Грютли" и „Рабочей партіи". Ждутъ еще нѣсколько тысячъ человѣкъ.

— Что же дѣлать?

Мой собесѣдникъ подумалъ.

— Знаете что,—пойдемте къ пастору!—заявилъ онъ рѣшительно.—Это лучше всего будетъ. Онъ все устроитъ.

— Къ кому?—переспросилъ я не безъ нѣкотораго удивленія.

— Къ пастору,—повторилъ мой собесѣдникъ.—Pfarrer Рейхенъ. Онъ президентъ организаціоннаго комитета. Очень симпатичный и толковый человѣкъ. Онъ вамъ все устроитъ.

— Какое отношеніе имѣетъ пасторъ къ этому празднику?—спросилъ я опять.

— Какъ какое!—удивился въ свою очередь мой собесѣдникъ.—Онъ одинъ изъ самыхъ активныхъ членовъ партіи. Онъ стоитъ во главѣ винтертурской рабочей организаціи...

— Что же онъ, христіанскій соціалистъ?

— Нисколько. Самый опредѣленный соціалъ-демократъ. Это нисколько ему не мѣшаетъ быть очень вѣрующимъ человѣкомъ и занимать мѣсто священника. Да онъ не составляетъ какого-нибудь исключенія. Среди активныхъ дѣятелей швейцарской рабочей партіи имѣется много священниковъ... конечно не католическихъ!—прибавилъ онъ.

— Вотъ познакомитесь съ нимъ,—продолжалъ онъ,—и увидите, что ничего страннаго въ этомъ нѣтъ.

Пастора мы дома не нашли, но встрѣтили его по дорогѣ въ Гельвецію. Онъ оказался человѣкомъ лѣтъ 35. Высокій, стройный, элегантно одѣтый, съ открытымъ умнымъ лицомъ и живой рѣчью, онъ скорѣе былъ похожъ на французскаго профессора, чѣмъ на шейцарскаго пастора. Не смотря на то, что онъ былъ заваленъ массою дѣлъ, онъ отнесся очень внимательно къ моему положенію, отвелъ мнѣ хорошую и недорогую комнату, далъ мнѣ билеты на конгрессъ, на всѣ развлеченія, на банкетъ и особый „значекъ", какъ для „представителя прессы".

Было ужъ около 8-и часовъ вечера. Въ большомъ залѣ Гельвеціи долженъ былъ состояться музыкально-вокально-артисти-

ческій вечеръ, программа котораго заключала всего на всего 21 номеръ. Чего чего только въ ней не было! Пѣніе, музыка, декламація, живыя картины, гимнастическія упражненія, рѣчи и сценическія представленія. Театральный залъ былъ уже полонъ народу, который, въ ожиданіи развлеченія, закусывалъ; залъ имѣлъ теперь видъ ресторана и двѣ расторонныя горничныя разносили тарелки съ рубленной печенкой.

Пасторъ, ушедшій было, вернулся съ молодой, изящно одѣтой женщиной, которую онъ мнѣ представилъ лаконическимъ; „моя жена", усадилъ ее и принялся распоряжаться въ залѣ.

Вечеръ начался прочувствованной рѣчью одного изъ организаторовъ, д-ра Штудера, который, упомянувъ о дѣятельности „Грютли" въ прошломъ, въ общихъ чертахъ намѣтилъ программу конгресса объединенной партіи.

Послѣ его рѣчи начались „номера", которые всѣ были выполнены очень тщательно, очень добросовѣстно и очень посредственно. Было спѣто хоромъ около 20-и пѣсенъ, преимущественно о красотѣ и величіи Vaterland'a, были поставлены съ десятокъ живыхъ картинъ, очень патріотическихъ, въ которыхъ вымазанныя съ головы до ногъ мѣломъ фигуры имѣли позы до невѣроятности трагическія или благородныя. Была представлена сцена изъ „Вильгельма Телля" и т. д. Но самымъ интереснымъ номеромъ программы была очень недурно сыгранная аллегорическая пьеса „Грютли на перепутьи", спеціально написанная для этого праздника кантональнымъ совѣтникомъ Вальтеромъ. Дѣйствующія лица пьесы: „Грютліанецъ", представители его корпорацій: пѣвецъ, гимнастъ, стрѣлокъ и сидѣлка, „Капиталія", „Соціа" и разные историческіе герои Швейцаріи...

Было уже около 12-и часовъ ночи, когда пьеса была окончена, но программа вечера еще далеко не была исчерпана. Оставалось еще 7—8 номеровъ, опять пѣніе, музыка, живыя картины. А между тѣмъ, на слѣдующій день долженъ былъ состояться конгрессъ, открыіе котораго было назначено на 7 часовъ утра.

Послѣ четырехъ часовъ безпрерывнаго представленія публика въ залѣ оставалась въ томъ же настроеніи, въ какомъ была въ началѣ вечера, сидѣла неподвижно, смотрѣла и слушала внимательно, спокойно, не изъявляя ни восторговъ, ни нетерпѣнія, и только изрѣдка награждала артистовъ жиденькими апплодисментами. И кажется, если бъ представленіе продолжалось не четыре, а двадцать четыре часа, она оставалась бы на своихъ мѣстахъ въ той же позѣ и въ томъ же настроеніи.

На конгрессѣ 1901 г. въ Солотурнѣ было принято рѣшеніе, что объединенныя партіи будутъ ежегодно устраивать свой конгрессъ совмѣстно. Однако, въ нынѣшнемъ году. „Грютли" пред-

стояло рѣшить нѣкоторые спеціально ея касающіеся вопросы—и, раньше общаго конгресса, состоялось засѣданіе делегатовъ Грютли.

Засѣданіе было открыто въ 7 часовъ утра, подъ предсѣдательствомъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Грютли", Альбиссера, молодого человѣка, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей объединенія. На засѣданіи присутствовало 176 делегатовъ, представлявшихъ 135 секцій. Засѣданіе продолжалось безъ перерыва 5 часовъ, до 12-и, и было посвящено, помимо отчетности, главнымъ образомъ, вопросамъ внутренней реорганизаціи ферейна и преимущественно „вопросу о печати". На сцену выступилъ и больше всего обсуждался вопросъ о центральномъ партійномъ органѣ. Вопросъ оказался довольно сложнымъ. И „Грютли", и рабочая партія имѣютъ свои партійные органы (у Грютли—Der Grütlianer, у рабочей партіи — „Arbeiterstimme" и „Volksrecht")—и каждая организація, конечно, предпочитаетъ, чтобы ея органъ былъ признанъ центральнымъ органомъ партіи. Грютліанцы отнеслись къ этому вопросу съ нѣкоторой страстностью, сдѣлали изъ него „вопросъ чести", хотя, по мѣстнымъ условіямъ, ихъ органъ не совсѣмъ подходитъ для роли центральнаго. Было рѣшено отстаивать это требованіе энергично на общемъ съѣздѣ.

Послѣ часового перерыва въ томъ же залѣ городской думы и подъ предсѣдательствомъ того же Альбиссера, былъ открытъ общепартійный конгрессъ, которому предстояло обсудить нѣсколько важныхъ вопросовъ ближайшей партійной дѣятельности. Въ конгрессѣ принимало участіе 266 делегатовъ. Присутствовали на конгрессѣ въ качествѣ почетныхъ гостей: Бебель, представлявшій германскую рабочую партію, и Эскью—англійскую.

Конгрессъ былъ открытъ привѣтственной рѣчью Бебеля. Послѣ его рѣчи конгрессъ приступилъ къ обсужденію стоящихъ на очереди вопросовъ. Покончивъ быстро съ вопросомъ о центральномъ органѣ, въ духѣ требованій „Грютли", конгрессъ занялся вопросомъ объ „избирательныхъ округахъ", составляющимъ больное мѣсто швейцарской рабочей партіи. Въ Швейцаріи избирается одинъ депутатъ на 20.000 человѣкъ населенія, но избирательные округи устанавливаются правительствомъ, которое обыкновенно выкраиваетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ изъ нимъ рабочіе элементы были въ меньшинствѣ. Для этого городскіе округи присоединяются, по частямъ, къ деревенскимъ. Рабочая партія, уже раньше выставившая требованія о правильномъ распредѣленіи округовъ, приняла теперь по этому поводу опредѣленныя резолюціи и выработала планъ кампаніи.

Другой, еще болѣе важный вопросъ, подлежавшій обсужденію конгресса—это вопросъ о таможенномъ тарифѣ. Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ базельскій министръ финансовъ Вульшлегеръ. Въ виду истекающей въ 1903 г. тарифной конвенціи съ иностранными державами, швейцарскій парламентъ выра-

боталъ проектъ новаго тарифа на основахъ протекціонизма. Особенно большія пошлины наложены на иностранныя вина и на скотъ. Въ своемъ обширномъ и замѣчательно обоснованномъ докладѣ Вульшлегеръ доказывалъ, что этотъ протекціонистскій тарифъ, безполезный для средней крестьянской массы, явится разорительнымъ для пролетаріата и можетъ подорвать нѣкоторыя важныя отрасли народнаго хозяйства (какъ, напримѣръ, сыровареніе, которое можетъ встрѣтить конкуренцію со стороны Италіи, если вывозъ скота оттуда въ Швейцарію будетъ затрудненъ). И референтъ предложилъ партіи всѣми силами бороться противъ введенія новаго тарифа. Докладъ былъ принятъ конгрессомъ (однако, не единогласно).

На конгрессѣ не было возбуждено ни одного изъ тѣхъ „принципіальныхъ вопросовъ", которые въ послѣдніе годы столь волнуютъ рабочія партіи во Франціи, Германіи, Италіи. Всѣ дебаты велись на почвѣ непосредственныхъ практическихъ „задачъ сегодняшняго дня" и не сходили съ почвы парламентской дѣятельности.

Конгрессъ былъ закрытъ въ 8 часовъ вечера, послѣ семи часовъ непрерывной работы.

Праздникъ „Грютли", устраиваемый разъ въ три года, имѣетъ для грютліанцевъ значеніе не одного только развлеченія. Главная цѣль его—это состязаніе между различными обществами, входящими въ составъ ферейна. Состязаются пѣвцы, гимнасты, стрѣлки—и выбранные для этого случая жюри присуждаютъ наиболѣе отличившимся обществамъ награды, которыя вручаются публично, при звукахъ музыки.

Третій день праздника былъ предназначенъ для этихъ состязаній. Въ этотъ же день долженъ былъ состояться и торжественный „цугъ", и банкеты. Въ виду обилія номеровъ программы этого дня, начало состязанія было назначено на 5 часовъ утра.

Главные номера праздника—состязанія, банкеты, выдачи наградъ и представленія—въ виду обилія участвующихъ, были перенесены за городъ, на большую поляну, на которой былъ импровизированъ огромный баракъ, разсчитанный на 10 тысячъ человѣкъ. Недалеко отъ барака было устроено помѣщеніе для стрѣльбы, съ 20-ю отдѣленіями и въ 300 шагахъ отъ него, у опушки лѣса, были поставлены мишени съ номерами отъ 1 до 20. Народный праздникъ привлекъ на поляну и цѣлую массу торговцевъ, торговокъ, появились различные балаганы, панорамы, карусели, дешевенькіе цирки и театры — и поляна теперь представляла оригинальную, пеструю и оживленную картину.

Съ самаго ранняго утра по направленію изъ города къ полянѣ тянулись толпы народа, мужчины, женщины и дѣти—и къ

8 — 9 часамъ и баракъ, и поляна, и балаганы были уже полны народа. Съ поляны доносился учащенный сухой трескъ выстрѣловъ, надъ ближайшимъ лѣсомъ стояла бѣлая тучка отъ порохового дыма, къ помѣщенію стрѣльбы подходили все новыя общества, смѣняя тѣхъ, которые уже кончили стрѣлять. Въ самомъ залѣ царилъ поразительный порядокъ и какая то особая торжественность. Двадцать человѣкъ лежатъ вытянувшись на импровизированныхъ палаткахъ, прицѣливаются и стрѣляютъ. Изъ-подъ мишеней подымаются знаки, показывающіе куда пуля попала— и спеціальные счетчики при каждомъ стрѣлкѣ, отмѣчаютъ за каждымъ стрѣлкомъ, за каждымъ обществомъ и удачные, и неудачные выстрѣлы.

Часамъ къ 10-ти секціи начинаютъ уже готовиться къ „цугу". На площади появляются мальчики съ картонными плакатами, на которыхъ крупными буквами написаны имена разныхъ городовъ и коммунъ. Мальчики выстраиваются въ рядъ, въ 40—50 шагахъ другъ отъ друга—и вокругъ каждаго плаката начинаетъ группироваться секція того города или коммуны, которая обозначена на плакатѣ. Каждая секція имѣетъ свой флагъ (всего было 199 секцій). Большинство секцій имѣютъ еще свои значки, которые члены носятъ на шляпахъ: лозанцы—кисть винограда, бернцы— изображеніе медвѣдя, базельцы— базельскій пряникъ, и такъ далѣе, до лука и моркови включительно. Женщинъ между членами секціи очень мало. Только въ винтертурской секціи фигурируютъ 30 или больше молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, съ красными шарфами черезъ плечо: это винтертурскій женскій хоръ.

Къ секціямъ Грютли скоро присоединяются делегаты ремесленныхъ организацій. Каждое ремесло имѣетъ свой флагъ, свою эмблему (молотъ, игрушечный паровозъ, станокъ и т. п.). Нѣкоторые несутъ большіе плакаты съ надписями.

Поляна имѣетъ въ этотъ моментъ положительно видъ какой-то фееріи: тысячи народа, пестрые костюмы, разноцвѣтные знамена и флаги, гимнасты въ трико, знаменосцы въ средневѣковыхъ костюмахъ. Въ разныхъ мѣстахъ играетъ музыка, изъ барака доносится стройное хоровое пѣніе и все это сливается съ не прекращающимся сухимъ трескомъ выстрѣловъ.

Часамъ къ 11-ти „цугъ" выстраивается. Онъ тянется на разстояніи трехъ километровъ и въ немъ участвуютъ 7500 человѣкъ. Раздаются звуки національнаго гимна — и „цугъ" направляется къ городу. Всѣ идутъ въ ногу, сохраняя глубокое молчаніе. Особенно торжественно и важно выступаютъ знаменосцы.

Приготовился и городъ къ этому торжеству. По улицамъ, по которымъ проходитъ „цугъ", нѣтъ дома, на которомъ не было бы флаговъ, который не былъ бы украшенъ зеленью и цвѣтами. Надъ многими лавками, надъ многими дверьми и даже надъ входами въ улицы, въ переулки—плакаты съ надписями въ стихахъ

или въ прозѣ. Что за надписи! Самъ Маниловъ не могъ бы придумать ничего болѣе чувствительнаго. Вотъ, напримѣръ, узенькій грязный переулокъ „Schmidgessli“ — и надъ нимъ надпись: „Я, Кузнецкій переулочекъ, узокъ, теменъ и бѣденъ. Я не красивъ. Но мои обитатели живутъ въ мирѣ и они счастливы!“ Отъ подобныхъ надписей не спаслась даже городская дума, гдѣ надъ большимъ заломъ, въ которомъ происходило засѣданіе конгресса, надпись огромными буквами гласила:

Das Reden ist nur Silber
Das Schweigen aber Gold.
Doch sollst du niemals schweigen
Aus Furcht, aus Gunst um Sold! *)

Цугъ медленно двигается по улицамъ города. По тротуарамъ стоитъ плотной стѣной любопытствующая публика, нѣтъ окна, изъ котораго не глядѣли бы возбужденныя лица. Но не слышно ни восклицаній, ни апплодисментовъ. Торжественная тишина нарушается только музыкой. На лицахъ любопытствующей публики привѣтливая, довольная улыбка, съ которой обыкновенно старшіе глядятъ на мирныя развлеченія благонравныхъ дѣтей. Ни на одномъ лицѣ, ни въ одномъ взглядѣ не встрѣтилъ я чего нибудь похожаго на вражду или ненависть.

Встрѣтившись послѣ „цуга“ съ пасторомъ, я, между прочимъ, спросилъ его, чѣмъ объясняется такое отношеніе любопытствующей массы къ политической демонстраціи.

Пасторъ даже нѣсколько удивился моему вопросу.

— Какъ же бы она могла иначе относиться?

— Въ Парижѣ, напримѣръ, подобный цугъ сопровождался бы криками: „Vive!“ „A bas!“ и легко могъ бы кончиться свалкой,— отвѣтилъ я.

Пасторъ нѣсколько подумалъ.

— Видите-ли. Здѣсь населеніе совершенно не видитъ въ подобномъ цугѣ политической демонстраціи. Многіе, пожалуй, даже видятъ въ этомъ нѣчто вродѣ религіознаго обряда... Право. Да и сами грютліанцы отчасти такъ относятся къ этимъ церемоніямъ... Ну, а затѣмъ не забудьте, что винтертурцы чувствуютъ себя въ роли хозяевъ, обязанныхъ выказывать свое гостепріимство. И наконецъ, у насъ вообще, народъ спокойный и не привыкъ кричать ни „Vive!“, ни „A bas“!

Часамъ къ 12 и „цугъ“ вернулся на поляну, гдѣ президентъ праздника, съ высокой трибуны, окруженной всѣми знаменами, произнесъ привѣтственную рѣчь объединенной партіи.

Послѣ цуга состоялся банкетъ, въ которомъ приняло участіе

*) Рѣчь—серебро, молчаніе—золото. Ты, однако, никогда не молчи изъ страха, лицепріятія или корысти.

около 8000 человѣкъ. Банкетъ былъ устроенъ въ баракѣ. Меню обѣда было довольно скромное: супъ, два мяса и бутылка плохенькаго вина на двоихъ. Но все было сервировано чисто, опрятно и аккуратно. Бумажныя скатерти и бумажныя салфетки очень нравились публикѣ.

Банкетъ начался любопытной рѣчью оффиціальнаго представителя отъ правительства Цюрихскаго кантона. Выразивъ партіи привѣтъ отъ имени правительства, представитель заявилъ, что, хотя правительство не раздѣляетъ всѣхъ воззрѣній партіи, оно однако, слѣдитъ съ большой симпатіей за ея дѣятельностью и постарается провести большинство экономическихъ реформъ, предложенныхъ партіей.

Публика отвѣтила на эту рѣчь апплодисментами.

Во время банкета въ баракѣ царилъ поразительный порядокъ и спокойствіе. Не было слышно ни одного громкаго слова, ни выраженія неудовольствія. Каждый занималъ свое мѣсто, каждый получалъ во время, что ему полагалось, и никто ничего лишняго не требовалъ. У каждаго изъ сотенъ столовъ сидѣли большей частью незнакомые между собою люди—и всюду велась мирная бесѣда. Незнакомые товарищи чокались за процвѣтаніе партіи и расходились, пожимая другъ другу руки.

Вообще—во все время праздника эта десятитысячная толпа поражала меня такой культурностью, которой я не встрѣчалъ ни во Франціи, ни даже въ Германіи. Въ теченіе четырехъ дней праздника я не встрѣтилъ *ни одного* пьянаго, не слышалъ ни одного ругательнаго слова (не говоря уже о дракахъ и скандалахъ). А вѣдь большинство участниковъ этого праздника—крестьяне и рабочіе самыхъ глухихъ угловъ Швейцаріи! Все это, конечно, въ большой степени обусловливается характеромъ швейцарцевъ, но большую роль тутъ играетъ и привитая культурность, глубокое сознаніе своихъ правъ и глубокое уваженіе къ человѣческой личности и правамъ другого.

Основная черта характера швейцарца—это, насколько я могъ замѣтить, внимательное, вдумчивое и простое отношеніе къ явленіямъ жизни. Швейцарецъ не понимаетъ и не любитъ никакихъ „словъ", какъ бы красивы и громки они ни были. Онъ практикъ и ко всему приступаетъ исключительно съ своей практической мѣркой. Онъ не способенъ увлекаться отдаленными идеалами, какъ бы велики и прекрасны они ни были, но онъ ясно различаетъ путь, ведущій къ этимъ идеаламъ, различаетъ этотъ путь всего только на нѣсколько вершковъ, „этапъ сего дняшняго дня"—но разъ, сознавъ пользу и выгоду этого пути, онъ ужъ по немъ идетъ твердой крестьянской поступью, не смущаясь никакими призраками, не отступая ни передъ какими затрудненіями.

Швейцарцы имѣютъ очень мало ораторовъ и не чувствуютъ

въ нихъ особенной надобности. Швейцарцу не надо вдохновляться, не надо „великихъ словъ“ для „великихъ дѣлъ“. Для него отчасти и не существуетъ „великихъ дѣлъ“. Они выступаютъ передъ нимъ безъ ореола, въ оболочкѣ практической пользы. Свобода для него такое же прозаическое и такое же необходимое условіе жизни, какъ и питаніе, какъ и воздухъ...

Послѣ банкета состоялось въ городской церкви состязаніе между хорами пѣвческихъ обществъ. Хоръ каждаго общества пѣлъ свой особый номеръ. Почти всѣ пѣсни были патріотическаго характера, но патріотическаго въ смыслѣ любви къ родинѣ и воспѣванія красотъ Швейцаріи. Пѣлись одна за другой пѣсни: „Das Vaterland“, „Heimweh“, „Heimat und Vaterland“ „Erhalte Gott die Schweiz“, „Heimatland“, „Abschied vom Vaterland“ и т. д. Вечеромъ состоялось въ баракѣ на полянѣ состязаніе между гимнастами. На сценѣ было нѣсколько сотъ гимнастовъ. Молодые, стройные, сильные и граціозные, они въ своихъ упражненіяхъ представляли чудную картину здоровой красоты человѣческаго тѣла.

Четвертый день былъ посвященъ раздачѣ наградъ, которая началась торжественной церемоніей. Жюри вызывали секціи, удостоившіяся награды. Къ эстрадѣ подходилъ знаменосецъ, наклонялъ знамя и стоявшія на эстрадѣ дѣвушки въ бѣломъ, при звукахъ оркестра, вѣнчали знамя лавровымъ вѣнкомъ. Затѣмъ вызывались представители обществъ—стрѣлковыхъ, гимнастическихъ пѣвческихъ—и имъ выдавалась, при радостныхъ восклицаніяхъ (единственныхъ въ продолженіе всего праздника) членовъ этого общества, та или другая присужденная награда. Награды состояли изъ серебряныхъ бокаловъ и ковшей, большихъ роговъ въ серебряной оправѣ, стѣнныхъ часовъ и т. под. Кое-кто остался недоволенъ, но громко никто, конечно, этого не выразилъ.

Раздача наградъ продолжалась долго. За нею должны были состояться снова банкетъ, снова представленія, пѣніе и т. д. Но съ раздачей наградъ главный интересъ праздника уже былъ исчерпанъ, большинство пріѣзжихъ гостей уже разъѣзжалось. Съ вокзала каждые полчаса отходили спеціальные поѣзда.

Въ поѣздѣ, на которомъ я уѣзжалъ, я встрѣтилъ предсѣдателя конгресса Альбиссера. Его провожало нѣсколько сотъ рабочихъ, съ которыми онъ долго прощался, обмѣниваясь восклицаніями и пожеланіями.

Когда поѣздъ тронулся, онъ, все еще не успокоившись отъ волненія, вдругъ обратился ко мнѣ:

— Вы, кажется, были на конгрессѣ, не правда-ли? Ну, что, скажете?

— Весь вопросъ въ томъ, насколько объединеніе партіи съ Грютли крѣпко и серьезно.

Мой собесѣдникъ разсмѣялся.

— Вы не знаете швейцарцевъ. Двадцать лѣтъ пришлось работать, пока добились этого объединенія, но разъ оно состоялось—кончено! Теперь каждый грютліанецъ чувствуетъ себя больше членомъ партіи, чѣмъ грютліанцемъ.

— Мнѣ еще показалось немного страннымъ, что у васъ на конгрессѣ не выступали принципіальные вопросы, которые такъ волнуютъ теперь другія партіи въ Европѣ. Неужели у васъ такое единодушіе?

Президентъ не сразу мнѣ отвѣтилъ.

— Полнаго единодушія и у насъ, конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но нѣтъ и раскола. Преобладающимъ направленіемъ является у насъ бернштейніанство—и съ этимъ приходится мириться. Что подѣлаете! Страна наша—крестьянская, а крестьяне практики. Намъ приходится работать помаленьку, у земли. Къ тому же, при нашихъ учрежденіяхъ, при той широкой политической свободѣ, которою мы пользуемся, иная дѣятельность и невозможна...

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ предо мною выступилъ опять-таки узкій практикъ швейцарецъ, который дальше своего носа ничего не видитъ...

С. Ан—скій.

Хроника внутренней жизни.

I. О знакахъ препинанія, жизненныхъ явленіяхъ и законности.—II. По поводу юбилея печати.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—III. Изъ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія.

I.

Среди мелкихъ разсказовъ Чехова есть, между прочимъ, одинъ, въ которомъ повѣствуется о коллежскомъ секретарѣ Ефимѣ Перекладинѣ, страдавшемъ изъ-за знаковъ препинанія. Бѣда коллежскаго секретаря заключалась не въ отсутствіи знакомства съ этими знаками. Напротивъ, онъ болѣе или менѣе зналъ, когда какіе знаки слѣдуетъ ставить, но за сорокъ лѣтъ служебной дѣятельности ни разу не могъ примѣнить на дѣлѣ свое знакомство съ восклицательнымъ знакомъ и на сорокъ первый годъ это обстоятельство жестоко огорчило его. „Сорокъ лѣтъ писалъ и ни разу восклицательнаго знака не поставилъ“,—въ смущеніи восклицалъ коллежскій секретарь по собственному адресу.

Современный русскій писатель нерѣдко переживаетъ положеніе, довольно близкое къ тому, въ какое попалъ этотъ герой Чеховскаго разсказа. Разница только въ томъ, что коллежскій секретарь Ефимъ Перекладинъ скорбѣлъ о невозможности поставить въ бумагахъ восклицательный знакъ, а русскій писатель нашего времени, давно забывъ думать о восклицательныхъ знакахъ, начинаетъ все безнадежнѣе вздыхать о двоеточіи. И опять-таки въ теоріи писатель хорошо знаетъ, что такое двоеточіе и зачѣмъ оно употребляется. Знаетъ онъ и то, что литература, назначеніемъ которой является разъясненіе смысла и взаимной зависимости жизненныхъ явленій, не должна и не можетъ существовать безъ двоеточія. Но все это теорія. А практика жизни неуклонно и настойчиво пріучаетъ писателя обходиться безъ двоеточія. Человѣкъ слабъ и потому неудивительно, что писатель все еще уклоняется отъ тѣхъ послѣдствій, какія должно повлечь за собою для литературы исчезновеніе двоеточій. Преслѣдуя эту цѣль, современный писатель порою даже готовъ уподобиться тому миѳическому корректору, который въ случаяхъ затрудненій ставилъ „маленькую запятую", и въ свою очередь прибѣгнуть къ своего рода маленькимъ двоеточіямъ. Но и эта уловка рѣдко даетъ благопріятные результаты. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ подмѣнѣ настоящаго знака препинанія маленькимъ не очень много смысла, суровая практика жизни въ большинствѣ случаевъ такъ же безпощадно уничтожаетъ маленькое двоеточіе, какъ и настоящее. При такихъ условіяхъ писателю остается, кажется, отказаться отъ употребленія двоеточія и довольствоваться указаніемъ на отдѣльныя явленія жизни, не посягая ни на разъясненіе ихъ, ни на установленіе между ними причинной связи.

Такія указанія явятся, конечно, довольно своеобразной литературой, но при извѣстныхъ условіяхъ и они могутъ имѣть нѣкоторый смыслъ, не вполнѣ утрачивая его даже и въ томъ случаѣ, когда указываемыя жизненныя явленія не отличаются крупными размѣрами. Недаромъ у насъ одно время существовала цѣлая группа писателей, главною задачею своей дѣятельности ставившихъ отыскиваніе и указываніе маленькихъ отрадныхъ явленій. Названные писатели, несомнѣнно, были правы, утверждая, что и мелкіе факты могутъ быть характерными для жизни. Въ своихъ оптимистическихъ разсужденіяхъ эти писатели допускали лишь одну ошибку, забывая подсчитать, какія явленія занимаютъ въ жизни болѣе видное мѣсто,—тѣ ли отрадные факты, которые они признавали характерными, или же другіе, прямо противоположные первымъ по своему значенію. Но статистика, какъ извѣстно, вообще признается занятіемъ мало полезнымъ, а при иныхъ обстоятельствахъ даже и вреднымъ. Въ виду этого и мы оставимъ въ сторонѣ всякіе статистическіе разсчеты и ограни-

чимся простымъ указаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ различныхъ областей нашей общественной жизни, напередъ отказываясь отъ всякаго разъясненія этихъ фактовъ, выходящаго за предѣлы чисто фактическихъ же сопоставленій.

Не такъ давно едва ли не всѣ столичныя и провинціальныя газеты обошло любопытное „разъясненіе", напечатанное первоначально въ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ". „Съ дозволенія нижегородскаго преосвященнаго Назарія, пожелавшаго узнать степень вредности представленій фокусника Роберта Ленца,—говорится въ этомъ „разъясненіи"—я принялъ на себя трудъ присутствовать 12 мая на представленіи его въ Николаевскомъ театрѣ. Я несомнѣнно убѣжденъ, что безъ содѣйствія нечистой силы (злыхъ духовъ) Р. Ленцъ не обходится. Это видно („нѣтъ ничего тайнаго, что̀ бы не сдѣлалось явнымъ", очевиднымъ) изъ того, что въ своихъ крикливыхъ афишахъ, уснащенныхъ самымъ безцеремоннымъ самохвальствомъ, Р. Ленцъ совершенно откровенно изобразилъ около себя чорта со всѣми его аксессуарами: когтями, хвостомъ, рожками, во всей его чернотѣ. Бѣсъ на афишѣ изображенъ въ подобострастномъ положеніи, пресмыкающимся у ногъ Ленца и благоговѣйно взирающимъ на величественную фигуру Ленца. Вся фигура Ленца на афишѣ запечатлѣна житейскою гордостью и надменностью, а на гордыхъ людей злые духи готовы смотрѣть, какъ на своихъ господъ, или, лучше сказать, показываютъ видъ (дьяволъ вѣдь „отецъ лжи" и всякаго притворства), что смотрятъ, какъ на господъ, ибо на самомъ дѣлѣ гордые люди—жалкіе рабы духовъ нечистыхъ. Самая, слѣдовательно, афиша Ленца и тонъ этой афиши (тонъ самохвальства и самовозвеличиванья) говоритъ ясно, что онъ фокусничаетъ съ помощью силы нечистой, съ помощью злыхъ духовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы на афишѣ изображать чорта во всемъ его безобразіи, еслибы Ленцъ не былъ съ нимъ въ интимнѣйшемъ общеніи? Какими средствами вступаетъ Ленцъ въ общеніе съ діаволомъ и бѣсами, я не знаю, но утверждаю, что фокусы свои онъ производитъ съ помощью бѣсовъ" *).

Нѣкоторые органы нашей прессы неустанно и горько жалуются на наблюдаемое ими исчезновеніе вѣры въ чудеса и вообще на чрезмѣрное распространеніе просвѣщенія. Только что приведенный документъ достаточно убѣдительно показываетъ, что такія жалобы во всякомъ случаѣ нѣсколько преждевременны и преувеличены.

Въ той же самой части нашей печати, которая высказываетъ подобныя жалобы, раздаются за послѣднее время упорныя сѣтованія на недостаточность контроля за проникновеніемъ книги въ русскую деревню. Факты однако же и въ этомъ случаѣ гово-

*) Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 20 окт. 1902 г.

рять нѣсколько иное. Немногимъ болѣе мѣсяца тому назадъ газеты передавали любопытный эпизодъ, разыгравшійся въ м. Лоевѣ Минской губерніи. „Мѣстный маленькій чиновникъ“ увидалъ у одного изъ мѣстныхъ же крестьянъ учебникъ алгебры и, увидавъ, счелъ нужнымъ „немедленно донести своему начальству, что у крестьянина Н. имъ найдена книга, полная вольнодумія“. Правда, съ пріѣздомъ высшаго чина недоразумѣніе благополучно разъяснилось и дало даже пищу обывательскому остроумію. „Бѣднаго маленькаго чина—прибавляла впервые сообщившая объ этомъ событіи газета *) — иначе теперь никто и не называетъ, какъ „алгебра“. Въ свою очередь, газеты передавали всю эту исторію, какъ смѣшной курьезъ, и въ качествѣ таковаго она попала даже на столбцы „Гражданина“. По существу, однако же, разсказанная исторія едва-ли является особенно смѣшною и во всякомъ случаѣ комическій элементъ далеко не преобладаетъ въ ней. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только мысленно поставить себя въ положеніе того крестьянина, у котораго найденъ былъ злосчастный учебникъ алгебры. Положимъ, недоразумѣніе съ алгеброй разрѣшилось благополучно, но вѣдь завтра „маленькій чиновникъ“ можетъ увидать у того же крестьянина учебникъ астрономіи, а то и книжку о корнеплодахъ. Какъ онъ поступитъ въ этомъ случаѣ? Отвѣтить на этотъ вопросъ тѣмъ легче, что разсказанная исторія не содержитъ въ себѣ ничего исключительнаго или случайнаго. „Маленькій чиновникъ“ не обязанъ быть знакомымъ съ алгеброй, астрономіей и корнеплодами, и, разъ ему вмѣняется въ обязанность собственными усиліями разыскивать „неподлежащее къ крестьянскому обиходу“ во всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгахъ, совершенно естественно, что онъ найдетъ это неподлежащее прежде всего въ непонятныхъ для него алгебрѣ, астрономіи, корнеплодахъ и во многомъ еще другомъ. Въ дѣйствительности, такіе казусы и совершаются не только въ Минской губерніи и не только маленькими чиновниками. Года два тому назадъ намъ привелось упомянуть о томъ, какъ въ одной изъ сельскихъ библіотекъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи, становой приставъ счелъ нужнымъ отобрать и запечатать нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ библіотекѣ и допущенныхъ въ нее соотвѣтствующимъ начальствомъ **). Подобные факты не разъ повторялись и въ послѣдніе мѣсяцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи, какъ сообщалось уже въ одной изъ нашихъ хроникъ за текущій годъ, мѣстная губернская администрація признала нужнымъ пересмотрѣть имѣвшіяся на дому у крестьянъ книги и въ

*) «Минскій Листокъ». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 23 сентября 1902 г.

**) «Р. Богатство», 1900 г., № 9, «Хроника внутр. жизни», стр. 214.

результатѣ такого пересмотра большинство этихъ книгъ было ею признано „по содержанію своему совершенно не подходящими къ умственному кругозору крестьянина“ *). Въ свою очередь, въ Уфимской губерніи недавно, при составленіи такъ называемыхъ Павленковскихъ библіотекъ, губернскою администраціей были вычеркнуты изъ списковъ этихъ библіотекъ извѣстныя изданія М. Н. Слѣпцовой („Книжка за книжкой“), прошедшія, помимо общей цензуры, еще и спеціальную цензуру Ученаго Комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Трудно сказать, на какомъ юридическомъ основаніи держится подобный порядокъ, такъ какъ законъ не знаетъ какихъ-либо спеціальныхъ обязанностей чиновъ губернской администраціи по цензурованію книгъ для крестьянскаго населенія, какъ не опредѣляетъ и условій, при которыхъ разрѣшенная цензурой книга можетъ быть признана администраціей неподходящей и потому запретной для крестьянина. Но если трудно найти юридическое основаніе для такого порядка, то тѣмъ легче предвидѣть нѣкоторыя практическія послѣдствія, вытекающія изъ него. Въ самыхъ разнообразныхъ углахъ Россіи ведутся въ настоящее время громкіе и настойчивые разговоры о необходимости расширенія народнаго образованія, какъ перваго шага къ поднятію народнаго благосостоянія. Но врядъ-ли можно серьезно думать о дѣйствительномъ распространеніи образованія въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока практика жизни ставитъ на пути этого образованія непредусмотрѣнныя никакимъ закономъ преграды и пока признается нужнымъ усиленно внѣдрять въ среду нерѣдко темнаго еще деревенскаго населенія взглядъ на книгу, какъ на что-то, таящее въ себѣ спеціальную опасность для крестьянина или, по меньшей мѣрѣ, непристойное для него.

На мысли о значеніи закона и законности наводятъ, впрочемъ, не только тѣ эпизоды родной дѣйствительности, которые соприкасаются съ областью народнаго образованія. Между прочимъ, сибирскія газеты за послѣднія недѣли принесли съ собою рядъ фактовъ, которые всего точнѣе можно было бы опредѣлить, какъ загадочныя картинки съ подписью: гдѣ же законъ? Владивостокскому окружному суду, разсказываетъ „Дальній Востокъ“,— въ скоромъ времени „предстоитъ разрѣшить очень интересный вопросъ: что представляетъ собою Харбинъ? есть-ли это частновладѣльческое помѣстье, изъ котораго хозяинъ можетъ по произволу удалять всякаго, не угодившаго ему, или это — городъ, въ которомъ должны дѣйствовать обще-имперскіе законы и порядки?“ Такой вопросъ возникъ на слѣдующей почвѣ. „Администрація Восточно-Китайской желѣзной дороги не разъ уже выдворяла изъ Харбина по своему усмотрѣнію и безъ всякихъ законныхъ

*) «Р. Богатство», 1902 г., № 9, «Хроника внутр. жизни», стр. 182.

поводовъ отдѣльныхъ лицъ. Случалось, что выдворялись люди, успѣвшіе прочно укорениться въ Харбинѣ, завести себѣ тамъ значительное имущество, дѣла, личныя связи и пр.“ Теперь же „одинъ изъ такихъ выдворенныхъ предъявилъ къ дорогѣ искъ, который перешелъ въ аппелляціонномъ порядкѣ въ окружный судъ“ *). Не менѣе патріархальные нравы, чѣмъ въ Харбинѣ, царятъ, по разсказу „Восточнаго Вѣстника“, на станціи Омосо Уссурійской желѣзной дороги. 1-го сентября текущаго года на этой станціи „нѣкто г. А., представляющій мѣстное начальство“, безъ всякаго повода избилъ и подвергъ суточному аресту слесаря и проводника вагоновъ названной дороги, Григорія Лукашева. На заявленіе послѣдняго объ этомъ начальникъ главныхъ мастерскихъ, инженеръ Шпаковскій, сдѣлалъ, по сообщенію газеты, слѣдующую надпись, адресованную на имя начальника тяги Уссурійской желѣзной дороги: „настоящее заявленіе Лукашева имѣю честь представить съ просьбой ходатайствовать объ огражденіи хотя бы служащихъ Уссурійской желѣзной дороги отъ столь дикаго самоуправства“ **). Объ огражденіи отъ „дикаго самоуправства“ на линіи Уссурійской дороги всѣхъ вообще обывателей г. Шпаковскій, очевидно, не рѣшается и мечтать. Въ параллель къ приведеннымъ разсказамъ „Дальняго Востока“ и „Восточнаго Вѣстника“, „Восточное Обозрѣніе“, въ свою очередь, повѣствуетъ, со словъ „Забайкалья“, о подвигахъ одного инженера на Забайкальской желѣзной дорогѣ, который, нещадно избивая рабочихъ, пользуется при этомъ услугами особаго тѣлохранителя, въ видѣ вооруженнаго револьверомъ студента-практиканта; изображающаго собою какъ бы „манчжурца приготовительнаго класса“ ***).

На Дальнемъ Востокѣ, какъ можно думать, судя по этимъ фактамъ, случаи произвола какъ будто сосредоточиваются около новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Не совсѣмъ, впрочемъ, избавлены отъ этихъ случаевъ и другія мѣстности.

27 іюня текущаго года въ иркутскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію станового пристава Антипова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 348-й и 2 ч. 1540-й ст. ул. о нак., т. е. въ незаконномъ лишеніи свободы, продолжавшемся болѣе недѣли, безъ всякихъ къ тому основаній. Дѣло это возникло по слѣдующему поводу. 10 октября 1899 года въ с. Тулунѣ, по распоряженію мѣстнаго крестьянскаго начальника, былъ собранъ сельскій сходъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ ассигнованіи обществомъ суммъ на содержаніе полицейскаго надзирателя и состоящей при немъ полицейской стражи. На сходѣ

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 21 окт. 1902 г.
**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 3 окт. 1902 г.
***) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 29 окт. 1902 г.

былъ, между прочимъ, и крестьянинъ Казаковъ, который при обсужденіи этого вопроса заявилъ, что обществомъ на содержаніе десяти вольнонаемныхъ полицейскихъ служителей отпускается ежегодно 2.000 р., тогда какъ на дѣлѣ полицейскихъ содержится значительно менѣе этого числа, и что въ виду этого онъ дальнѣйшее увеличеніе уже ассигнованныхъ на этотъ предметъ суммъ считаетъ совершенно излишнимъ. Усмотрѣвъ въ заявленіи Казакова признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 940 ул. о нак., т. е. лживаго доноса, становой приставъ Антиповъ, особенно усердно ратовавшій за увеличеніе суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе полицейской команды, составилъ объ изложенномъ протоколъ и вслѣдъ затѣмъ, предъявивъ къ Казакову обвиненіе по 940 ст. ул. о нак., на основаніи 1 п. 257 ст. уст. судопр. заключилъ его подъ стражу въ Тулуновскую волостную тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ, спустя девять дней, уже по распоряженію товарища прокурора *). Возбужденное Антиповымъ противъ Казакова преслѣдованіе было, однако, тотчасъ же прекращено за отсутствіемъ состава преступленія, а жалоба Казакова, обвинявшая станового пристава Антипова въ превышеніи власти, повела къ тому, что Антиповъ самъ былъ преданъ суду по обвиненію въ незаконномъ лишеніи свободы.

Очутившись такимъ образомъ въ роли подсудимаго, Антиповъ чувствовалъ себя въ ней, повидимому, очень странно. На предварительномъ слѣдствіи онъ „виновнымъ себя не призналъ, ссылаясь на то, что передъ заключеніемъ Казакова подъ стражу онъ совѣтовался объ этомъ и съ судебнымъ слѣдователемъ, и съ мировымъ судьей, а затѣмъ о самомъ заключеніи донесъ товарищу прокурора, исправнику и даже губернатору и что всѣ означенныя лица знали о содержаніи Казакова подъ стражею". На судѣ же Антиповъ показалъ слѣдующее: „надо знать, что вольнонаемная полицейская стража въ с. Тулунѣ—моя иниціатива. Объ учрежденіи ея я лично докладывалъ его превосходительству, г. начальнику губерніи, и его превосходительство вполнѣ одобрилъ это. Она функціонировала уже цѣлый годъ. Но нашлись лица, которыя были противъ этого. Когда мы были засѣдателями и пользовались правами мировыхъ посредниковъ, мы прямо отстраняли отъ участія въ сходѣ такихъ господъ, какъ Казаковъ,—крикуновъ, міроѣдовъ, которые рѣшеніе схода направляли исключительно въ свою пользу, что ему надо, а не въ общественную. То же дѣлали мои предмѣстники: напримѣръ, приставъ Андреевъ удалялъ со схода; удалялъ и я. Въ 1899 г., когда введенъ былъ институтъ крестьянскихъ начальниковъ, мы лиши-

*) Пунктъ первый ст. 257-й уст. уг. судопр. гласитъ: «полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія».

лись возможности воздѣйствовать на сходъ. Въ этомъ году мнѣ было поручено его превосходительствомъ, г. начальникомъ губерніи, стараться, чтобы полицейская стража продолжала существовать. Этимъ же вопросомъ очень интересовался бывшій прокуроръ иркутскаго окружнаго суда, г. Подольковъ, кромѣ того, это дѣло мнѣ было поручено уѣзднымъ исправникомъ. И вдругъ на сходѣ какой-то Казаковъ кричитъ, что общество отпускаетъ 2.000 рублей, что вмѣсто 10 полицейскихъ содержится 5—4, а остальныя деньги кладутся въ карманъ волостнымъ старшиной, писаремъ и сельскими властями". На замѣчаніе предсѣдательствующаго, что все это не давало основанія заключать Казакова подъ стражу, Антиповъ отвѣчалъ: „Я знаю... Но по инструкціи бывшаго прокурора судебной палаты Кобылина можно... Я донесъ объ этомъ арестѣ исправнику, губернатору, товарищу прокурора... Товарищъ прокурора находился въ то время въ Братскомъ острогѣ. Я туда послалъ копію постановленія съ нарочнымъ... Всѣ были извѣщены, даже и губернаторъ"...

Такимъ образомъ Антиповъ, глубоко недоумѣвая, что́ собственно въ его дѣйствіяхъ могло быть неумѣстнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ и не пытался скрывать, что законъ игралъ въ этихъ дѣйствіяхъ лишь роль прозрачной ширмы. Антиповъ и самъ хорошо понималъ, что въ обсужденіи Казаковымъ на сходѣ вопроса объ ассигнованія суммъ на полицейскую стражу не было и не могло быть ничего общаго съ „лживымъ доносомъ". Не менѣе хорошо понималъ онъ и то, что при обвиненіи въ подобномъ преступленіи имѣющаго осѣдлость крестьянина не было никакихъ основаній путемъ тюремнаго заключенія пресѣкать ему способы къ уклоненію отъ слѣдствія. Но дѣло было въ другомъ. Вопросомъ объ ассигнованіи суммъ на полицейскую стражу въ с. Тулунѣ интересовались губернаторъ, исправникъ, прокуроръ, а тутъ „какой-то Казаковъ" осмѣливается противорѣчить этому ассигнованію. Положимъ, законъ даетъ Казакову право на это, а право наблюденія за дѣйствіями схода предоставляетъ не становому приставу, а крестьянскому начальнику, но недаромъ-же существуетъ народная пословица: „законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло". И вотъ къ общественнику, обсуждающему на сходѣ вопросъ о производительности ассигнуемыхъ обществомъ расходовъ, предъявляется обвиненіе въ „лживомъ доносѣ", а немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ, „на основаніи п. 1 ст. 257 уст. уг. судопр.", заключается и въ тюрьму,—въ видахъ пресѣченія ему способовъ уклоненія отъ слѣдствія.

Обвинявшій Антипова товарищъ прокурора находилъ въ его дѣйствіяхъ по лишенію Казакова свободы „типичный образецъ своеволія", „незаконное воздѣйствіе, оформленное закономъ". Съ своей стороны иркутскій окружный судъ, признавъ Антипова виновнымъ въ незаконномъ лишеніи свободы, постановилъ все же

сравнительно мягкій приговоръ надъ нимъ, присудивъ его именно къ тюремному заключенію срокомъ на шесть мѣсяцевъ *). Мы не беремся, однако, судить, насколько этотъ приговоръ окажется способнымъ предупредить возникновеніе подобныхъ же дѣлъ въ недалекомъ будущемъ.

То упрощенное представленіе о правахъ крестьянскаго населенія которое нашло себѣ яркое выраженіе въ дѣйствіяхъ станового пристава Антипова, достаточно широко распространено и за предѣлами Сибири. Не далѣе, какъ 3 сентября текущаго года въ чердынской выѣздной сессіи пермскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло станового пристава 3-го стана Чердынскаго уѣзда Тульчинскаго, также по обвиненію въ незаконномъ лишеніи свободы. Тульчинскій обвинялся именно въ томъ, что, получивъ сообщеніе о найденномъ въ с. Юрлѣ дѣтскомъ черепѣ, не донесъ объ этомъ прокурорскому надзору, а продержалъ заподозрѣнную имъ въ дѣтоубійствѣ крестьянку Щеколову 19 дней подъ арестомъ безъ всякаго постановленія и въ не надлежащемъ мѣстѣ—въ крестьянской избѣ, спеціально нанятой для этой цѣли. Щеколова была освобождена лишь мѣстнымъ товарищемъ прокурора, случайно узнавшимъ о такомъ незаконномъ лишеніи свободы. Вмѣстѣ съ Тульчинскимъ судился также урядникъ, который помогалъ ему вести слѣдствіе и для отысканія матери убитаго младенца самолично освидѣтельствовалъ и „доилъ" нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣвушекъ с. Юрлы. Окружный судъ приговорилъ пристава Тульчинскаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а урядника, обогатившаго слѣдовательскую практику новымъ пріемомъ экспертизы,—къ отрѣшенію отъ должности **).

Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковые результаты. Неудивительно поэтому, что на крайнемъ югѣ Россіи мы встрѣчаемъ судебныя дѣла такого же характера, какъ въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ. Въ сенатѣ не такъ давно слушалось дѣло по аппелляціоннымъ отзывамъ бывшихъ: полицейскаго пристава Елисаветпольскаго уѣзда Воробьева и урядника Теръ-Захарова на приговоръ тифлисской судебной палаты по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ по должности. Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. Урядникъ Теръ-Захаровъ, при соучастіи нѣсколькихъ полицейскихъ стражниковъ, нанесъ 17 декабря 1899 г. въ сел. Зурнабадѣ, при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, жестокіе побои плетьми семерымъ жителямъ этого селенія. Съ своей стороны приставъ Воробьевъ, предположивъ, что жители колоніи Еленендорфъ уклоняются отъ опроса ихъ приставомъ по обвиненію въ сопротивленіи полицейскимъ стражникамъ 17 декабря, арестовалъ всѣхъ жителей и продержалъ подъ

*) «Право», 14 сент. 1902 г.

**) «Пермскій Край». Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 18 сент. 1902 г.

стражею съ 21 по 23 декабря. Разслѣдованіемъ дѣла было обнаружено, что никакого сопротивленія жителями сел. Зурнабадъ полицейской стражѣ оказано не было, а столкновеніе произошло изъ-за неправильныхъ дѣйствій урядника и стражниковъ. Судебная палата, принявъ во вниманіе, что приставъ не имѣлъ права при производствѣ дознанія не только задерживать и подвергать кого-либо приводу для опроса, но даже вызывать къ себѣ лицъ, которыхъ онъ желалъ разспросить, приговорила Воробьева къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, а Теръ-Захарова къ аресту при тюрьмѣ на 2 мѣсяца. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, оставилъ этотъ приговоръ палаты въ силѣ *).

До извѣстной степени аналогичное, хотя и менѣе характерное дѣло разбиралось въ началѣ прошлаго мѣсяца выѣздною сессіею одесской судебной палаты въ Херсонѣ. Дѣло это сводилось къ обвиненію бывшихъ городовыхъ Кашпуровскаго, Ланчуковскаго и Баклана въ истязаніи при исполненіи служебныхъ обязанностей и возникло слѣдующимъ образомъ. Въ ночь на 10 іюля 1901 г. въ м. Кривомъ-Рогѣ два подвыпившіе крестьянина завели между собою ссору, а находившійся при этомъ мѣщанинъ, опасаясь драки, пошелъ за полиціей. Когда на его зовъ явились городовые Кашпуровскій и Ланчуковскій, они застали изъ двухъ ссорившихся одного Столѣтняго, котораго и задержали. Выведя его на улицу, они стали бить его кулаками и ногами. Столѣтній успѣлъ какъ-то вырваться и убѣжалъ въ домъ крестьянки Сычъ. Здѣсь онъ снялъ со стѣны икону и, держа ее передъ собою, восклицалъ: „Спаситель, спаси меня, у меня есть жена и дѣти!“ Но вбѣжавшіе вслѣдъ за нимъ городовые вытащили его изъ комнаты въ корридоръ, повалили на полъ и снова стали бить куда и чѣмъ попало. Избивали его такимъ образомъ въ теченіе получаса, такъ что присутствовавшая при этомъ Сычъ стала бояться, какъ бы онъ не умеръ отъ побоевъ. Когда городовые ушли, Столѣтній, немного оправившись, пошелъ было домой, но возлѣ волостного правленія былъ задержанъ тѣми же городовыми и еще третьимъ, Бакланомъ. Его привели въ кордегардію и снова начали бить, при чемъ ставили головой внизъ и били нагайкой, кулаками, шашкой и т. д. Осматривавшій послѣ этого Столѣтняго врачъ отнесъ побои къ разряду легкихъ, но въ виду особыхъ условій нанесенія ихъ все же призналъ ихъ истязаніемъ. Такъ было изложено дѣло въ обвинительномъ актѣ и это изложеніе было всецѣло подтверждено на судѣ показаніями свидѣтелей. Въ виду этого судебная палата признала всѣхъ трехъ подсудимыхъ виновными и приговорила Кашпуровскаго и Ланчуковскаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а дѣло о Бакланѣ, находящемся въ настоящее время на военной службѣ, постановила передать его

*) «Од. Новости26», сент. 1902 г.

прямому начальству для наложенія на него дисциплинарнаго взысканія *).

Какъ наглядно показываетъ этотъ эпизодъ, къ которому легко можно было бы подобрать не мало вполнѣ ему подобныхъ, крестьянинъ, и попадая въ городъ, далеко не всегда выходитъ изъ атмосферы безправія и внѣзаконныхъ воздѣйствій. Но наиболѣе сгущенною эта атмосфера является все же въ границахъ деревни. Время отъ времени это обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе даже высшихъ административныхъ сферъ. Такъ, еще недавно, по сообщенію газетъ, министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило, что оштрафованіе земскими начальниками всѣхъ участниковъ схода за шумъ и безпорядки по 61 ст. положенія о земскихъ начальникахъ представляется безусловно нежелательнымъ и что поэтому за безпорядки на сходахъ надлежитъ избѣгать огульнаго наложенія дисциплинарнаго взысканія на всѣхъ участниковъ схода, ограничиваясь лишь наказаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыми безпорядки дѣйствительно учинены **). Такое разъясненіе нельзя, конечно, назвать лишнимъ, но само по себѣ взятое, оно едва-ли устранитъ всѣ нежелательныя послѣдствія примѣненія 61 статьи положенія о земскихъ начальникахъ. Болѣе или менѣе яркія иллюстраціи этихъ послѣдствій по временамъ даются и печатью. Между прочимъ, сравнительно недавно въ газетахъ разсказывалось, какъ земскій начальникъ 3-го участка Суджанскаго уѣзда Кологривовъ своимъ постановленіемъ отъ 29 марта текущаго года подвергъ все крестьянское общество с. Борокъ, въ числѣ 280 домохозяевъ, за отказъ отъ сдачи въ аренду права охоты въ общественномъ лѣсу, административному взысканію на основаніи 61 статьи: 34-хъ человѣкъ — трехрублевому штрафу, а всѣхъ остальныхъ — двухрублевому. Вдобавокъ, постановленіе это крестьянамъ объявлено не было и они узнали о немъ лишь тогда, когда волостной старшина приступилъ къ его исполненію. „Два мѣсяца—прибавляли газеты, разсказывая эту исторію,—крестьяне ходятъ въ камеру земскаго начальника съ просьбою о выдачѣ имъ оффиціальной копіи на предметъ обжалованія, но получить ее не могутъ, потому что земскаго начальника все это время въ камерѣ не было, а штрафъ съ нихъ настойчиво взыскивается“. Обстоятельства, вызвавшія наложеніе этого штрафа, были таковы. Боркское сельское общество сдавало право охоты въ своемъ общественномъ лѣсу нѣкоему Юрьевичу за 15 р. въ годъ. Однако размноженіе волковъ въ этомъ лѣсу стало приносить крестьянамъ большіе убытки: въ короткое время заѣденнаго волками скота было зарегистрировано на сумму 1.000 р. Въ февралѣ текущаго года окончился срокъ аренды и

*) «Югъ». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 25 окт. 1902 г.
**) «Бирж. Вѣдомости». Цитируемъ по «Кіевлянину», 1 сент. 1902 г.

хотя Юрьевичъ предлагалъ повысить арендную плату съ 15 до 50 р., но крестьяне вовсе отказались отъ сдачи права охоты въ аренду и предоставили право охоты въ своемъ лѣсу всякому желающему, чтобы положить конецъ разведенію хищниковъ. Однако мѣстный земскій начальникъ Кологривовъ, самъ страстный охотникъ, принялъ участіе въ Юрьевичѣ и командировалъ на сельскій сходъ волостного старшину. „Послѣдній въ самую горячую рабочую пору созывалъ сельскій сходъ три раза и каждый разъ настаивалъ на сдачѣ въ аренду права охоты. Крестьяне, не смотря на то, что натискъ старшины имъ приходилось каждый разъ выдерживать чуть-ли не 12 часовъ въ душной атмосферѣ и терять драгоцѣнное рабочее время, отъ сдачи охоты въ однѣ руки отказались". Результатомъ этого упорства крестьянъ и явилось наложеніе на нихъ указаннаго выше штрафа *).

Не трудно видѣть, что дѣйствія г. Кологривова немного выиграли бы въ правомѣрности и въ томъ случаѣ, если бы административное взысканіе было обращено имъ не на всѣхъ, а лишь на нѣкоторыхъ участниковъ сельскаго схода. Статья 61 положенія о земскихъ начальникахъ разрѣшаетъ имъ „въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій" ихъ лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, „подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей". Но ни эта и никакая другая статья положенія не даютъ земскому начальнику права принуждать крестьянское общество къ тѣмъ или инымъ имущественнымъ сдѣлкамъ, касающимся его надѣльныхъ земель. Въ данномъ случаѣ рекомендуемая сдѣлка была бы явно невыгодною для крестьянъ. Но даже и помимо этого соображенія образъ дѣйствій г. Кологривова едва-ли можетъ найти для себя какую-либо защиту. Въ только что разсказанной исторіи мы, очевидно, опять встрѣчаемся, говоря словами товарища прокурора иркутскаго окружнаго суда, съ „незаконнымъ воздѣйствіемъ, оформленнымъ закономъ".

Современная деревня испытываетъ немало попытокъ такого воздѣйствія и порою онѣ исходятъ даже отъ мелкихъ сельскихъ властей, успѣвшихъ приноровиться къ окружающей ихъ атмосферѣ. Въ пензенскомъ уѣздномъ съѣздѣ недавно слушалось очень любопытное въ этомъ отношеніи дѣло — по обвиненію нѣсколькихъ крестьянъ въ нарушеніи тишины въ публичномъ мѣстѣ. 3 февраля настоящаго года въ с. Безсоновѣ, лежащемъ верстахъ въ тридцати отъ Пензы, собрался сельскій сходъ для рѣшенія дѣла о прирѣзкѣ земли мѣстнымъ церковнослужителямъ. Во время споровъ по этому предмету одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что недавно по этому вопросу была статья въ „Сельскомъ Вѣст-

*) «Р. Вѣдомости», 3 іюля 1902 г.

никѣ“, и попросилъ писаря прочитать ее. Писарь отказался. Сельскій староста также не позволилъ читать указанной статьи, а когда десятка два голосовъ стали настойчиво требовать ея прочтенія, староста, повысивъ голосъ, заявилъ: „именемъ закона приказываю всѣмъ разойтись“. Разговоры и требованія, однако, продолжались. Тогда сельскій староста немедленно донесъ объ этомъ земскому начальнику и пригласилъ урядника для водворенія порядка. Съ своей стороны земскій начальникъ привлекъ около 10 человѣкъ крестьянъ къ отвѣтственности и всѣхъ ихъ обвинилъ въ нарушеніи тишины въ публичномъ мѣстѣ. Дѣло было, однако перенесено въ уѣздный съѣздъ. Здѣсь товарищъ прокурора не призналъ возможнымъ отожествить рѣчи, произносимыя на сельскомъ сходѣ его участниками, съ нарушеніемъ тишины въ публичномъ мѣстѣ и поэтому не нашелъ въ дѣйствіяхъ крестьянъ состава преступленія. Сообразно этому всѣ обвиняемые были оправданы съѣздомъ *).

Если уже сельскій староста такъ легко соблазняется возможностью „водворять порядокъ“ на деревенскомъ сходѣ, то, пожалуй, не приходится удивляться и тому, что другія лица, стоящія на соціальной лѣстницѣ немного выше старосты, въ свою очередь, входя въ сношенія съ крестьянами, необыкновенно быстро усваиваютъ себѣ въ этихъ сношеніяхъ чрезвычайно властный тонъ. Недавно опять-таки газеты перепечатывали очень интересный документъ, представляющій изъ себя наставленіе, разосланное одною особой по Славяносербскому уѣзду Екатеринославской губерніи. Особенно хороши были въ этомъ наставленіи слѣдующіе три пункта: „1) Старшины и писаря недоимочныхъ волостей не только будутъ лишены мною установленнаго вознагражденія, но я вынужденъ буду ежемѣсячно обращаться къ содѣйствію гг. земскихъ начальниковъ, которые не оставятъ безнаказанными нерадивыхъ старшинъ и писарей. До настоящаго времени я не обходилъ наградой старшинъ и писарей, не обращался съ жалобами къ гг. земскимъ начальникамъ, дѣйствовалъ больше просьбой, чѣмъ приказаніемъ,—въ этомъ же году рѣшеніе мое будетъ непреклонно. 2) Одинъ изъ волостныхъ писарей злоупотребилъ моимъ мягкимъ, вѣжливымъ обращеніемъ, котораго я придерживаюсь какъ въ отношеніи сельскаго начальства, такъ и въ отношеніи всѣхъ крестьянъ вообще. Онъ позволилъ себѣ въ моемъ присутствіи въ волостномъ правленіи курить, слишкомъ развязно держалъ себя и, наконецъ, предложилъ садиться, тогда какъ онъ долженъ былъ ждать, пока я самъ предложу ему сѣсть. Надѣюсь, что ни одинъ умный писарь не позволитъ себѣ такого невѣжества, и 3) дѣятельныхъ старшинъ и писарей благодарю за службу, нерадивыхъ же прошу не вынуждать меня на крайнія мѣры“.

---

*) «Курьеръ». Цитируемъ по «Нижегор. Листку», 11 окт. 1902 г.

Грозный громовержецъ, разославшій это наставленіе, въ которомъ онъ обучалъ крестьянскихъ властей „вѣжливости“, суля имъ великія милости и нещадныя кары, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣстнымъ агентомъ земскаго страхованія *).

Скромный агентъ земскаго страхованія, лицомъ къ лицу съ крестьянами возмнившій себя громовержцемъ, лишь отразилъ въ своей нелѣпой фигурѣ общія условія современной деревенской дѣйствительности. Почти всякое лицо, соприкасающееся съ крестьяниномъ, является для него или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя „начальствомъ“, а идея начальства порою совершенно заслоняетъ собою идею закона. Туринскій корреспондентъ „Уральской Жизни“ не такъ давно сообщалъ объ одномъ изъ мѣстныхъ крестьянскихъ начальниковъ, будто онъ крайне неохотно выдаетъ крестьянамъ копіи своихъ постановленій, заявляя въ этихъ случаяхъ, что недовольные могутъ жаловаться на него Николаю Угоднику. Только при условіи настойчиваго требованія крестьянинъ получаетъ нужную для него бумагу, но не всегда помогаетъ и настойчивость **). Трудно ожидать, конечно, чтобы обстановка, въ которой создаются подобные административные пріемы, очень благопріятствовала развитію въ крестьянской массѣ уваженія къ закону и законности. Но тѣ порядки, какими управляется жизнь этой многомилліонной массы, въ концѣ концовъ не остаются безъ воздѣйствія и на всю жизнь страны, содѣйствуя развитію въ ней тѣхъ же тенденцій, порожденіемъ которыхъ явились они сами. Благодаря этому обыватели, принадлежащіе къ различнымъ слоямъ общества и занимающіе самыя различныя положенія, время отъ времени внезапно убѣждаются, что та или иная сторона ихъ жизни попала подъ вліяніе особыхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, воздѣйствій.

За послѣднія недѣли газеты пестрятъ мелкими и крупными сообщеніями, иллюстрирующими эту сторону нашей общественной жизни. Возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ. По словамъ „Приднѣпровскаго Края“, „начальникъ екатеринославской почтово-телеграфной конторы г. Мухинъ распорядился, чтобы почтальоны въ свободное отъ службы время не одѣвались въ статское платье. У ослушниковъ статская одежда отбирается и складывается въ сараѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства“ ***). Едва-ли какой-либо законъ даетъ право начальнику почтовой конторы требовать отъ почталіоновъ ношенія форменной одежды въ свободное отъ службы время. Но г. Мухина, какъ видно, это обстоятельство нисколько не смутило. Если не существуетъ закона, который воспрещалъ бы почталіонамъ имѣть статское платье, то нашелся сарай, въ

*) «Нижег. Листокъ», 29 авг. 1902 г.
**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 7 сент. 1902 г.
***) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 29 авг. 1902 г.

которомъ можно складывать отобранную по распоряженію начальства статскую одежду.

Если въ Екатеринославѣ начальникъ почтовой конторы вводитъ упрощенную расправу для почталіоновъ, то въ другихъ городахъ людьми, въ теоріи, несомнѣнно, знакомыми съ закономъ, такая расправа подчасъ практикуется и надъ лицами, не имѣющими удовольствія состоять ихъ подчиненными. Въ Вильнѣ, какъ сообщилъ корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей", мировой судья Сердюковъ далъ пощечину ученику мѣстнаго реальнаго училища, только за то, что послѣдній, не будучи знакомъ съ Сердюковымъ, назвалъ его просто: „господинъ" *). Въ Житомирѣ, по разсказу „Кіевлянина", 29 августа вагонъ трамвая зацѣпилъ извозчичью пролетку, при чемъ сидѣвшіе на ней два офицера Архангелогородскаго полка были сброшены толчкомъ, и одинъ изъ нихъ получилъ серьезные ушибы, а другой отдѣлался сравнительно легко. „Когда,—продолжаетъ газета,—вагонъ былъ остановленъ, одинъ изъ офицеровъ, тотъ, который меньше пострадалъ, подошелъ къ площадкѣ и ударилъ вагоновожатаго шашкой. Кондуктору, который соскочилъ, поднялъ валявшуюся фуражку и подалъ ее тому же офицеру, послѣдній далъ... увѣсистую пощечину" **). Въ „Од. Новостяхъ" недавно было помѣщено письмо нѣсколькихъ пассажировъ, ѣхавшихъ изъ Новороссійска на пароходѣ Россійскаго общества „Россія". Авторы этого письма разсказываютъ, какъ въ Новороссійскѣ на ихъ глазахъ два пассажира 3-го класса, оказавшіеся, по слухамъ, безбилетными, были, по распоряженію капитана, „схвачены за руки и ноги пароходною прислугою, вынесены на берегъ и буквально выброшены, какъ мѣшки съ грузомъ". „На одинокіе протесты изъ публики—прибавляютъ авторы письма—капитанъ парохода „Россія" властно заявилъ, что „бунтующіе изъ публики будутъ высажены такимъ же образомъ" ***). Значительная часть „публики" теперь, повидимому, такъ уже привыкла къ актамъ упрощенной расправы, что не считаетъ нужнымъ и протестовать противъ нихъ. Съ своей стороны капитанъ парохода „Россія", очевидно, не менѣе сельскаго старосты с. Безсонова увѣренъ въ томъ, что всякій протестъ противъ его дѣйствій является „бунтомъ" и „нарушеніемъ общественной тишины".

Этою модною въ наши дни болѣзнью, несомнѣнно, страдаетъ и одинъ изъ обывателей г. Аккермана. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать газетный отчетъ о дѣлѣ, слушавшемся 17 августа текущаго года въ камерѣ Аккерманскаго городского судьи. Дѣло это сводилось къ обвиненію бывшаго студента Б. Л. Лив-

*) «Спб. Вѣд.», 29 авг. 1902 г.
**) «Кіевлянинъ», 3 сент. 1902 г.
***) «Од. Нов.», 28 сент. 1902 г.

шица и мѣщанина П. Штейнберга по 30-й и 38-й ст. устава о нак.—въ ослушаніи стражѣ и нарушеніи общественной тишины. Такое обвиненіе явилось результатомъ сообщенія аккерманскаго уѣзднаго воинскаго начальника мѣстному полиціймейстеру, что 14 іюля около 12 часовъ ночи одинъ изъ проживающихъ въ Аккерманѣ студентовъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ дневальнаго Василюка, стоявшаго на посту, за то, что этотъ рядовой не позволилъ ему пройти къ самымъ казармамъ. Выстрѣлъ произвелъ студентъ Лившицъ или другой бывшій съ нимъ человѣкъ. Вообще, стрѣляютъ ночью у казармъ, по сообщенію воинскаго начальника, очень часто, отъ чего могутъ быть ранены дневальные или можетъ произойти взрывъ патроновъ, угрожающій опасностью всему городу. Поэтому воинскій начальникъ просилъ произвести дознаніе и привлечь виновныхъ къ суду. Судебное разбирательство оказалось однако же богато неожиданностями. Свидѣтель со стороны обвиненія, рядовой Василюкъ, показалъ, что, когда онъ находился на часахъ возлѣ казармъ, къ вбитому по распоряженію воинскаго начальника на берегу лимана столбу, съ надписью о воспрещеніи постороннимъ лицамъ купаться на этомъ мѣстѣ, подошли два неизвѣстныхъ ему человѣка и стали ломать этотъ столбъ, а когда Василюкъ предложилъ имъ уйти и подалъ свистокъ, неизвѣстные убѣжали внизъ къ лиману и оттуда раздался вскорѣ выстрѣлъ. Такимъ образомъ уже въ показаніи этого свидѣтеля мѣсто казармъ, къ которымъ будто бы стремился студентъ Лившицъ вопреки настояніямъ дневальнаго, почему-то занялъ столбъ съ надписью о воспрещеніи купанья. Дальнѣйшія показанія принесли и новыя неожиданности. Василюкъ видѣлъ около столба неизвѣстныхъ ему людей. Другой свидѣтель, рядовой Самодѣлъ, удостовѣрилъ на судѣ, что 14 іюля въ полночь, возвращаясь изъ города, онъ встрѣтилъ вблизи казармъ со стороны лимана Лившица въ студенческой формѣ и Штейнберга. Выстрѣла онъ не слышалъ, но ему говорилъ о выстрѣлѣ Василюкъ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній было однако же установлено alibi Лившица въ указанные часы. Вслѣдъ затѣмъ и все дѣло внезапно приняло иной характеръ. Именно, свидѣтель Паліевъ показалъ слѣдующее. 14 іюля, около 4 часовъ дня, онъ отправился на берегъ лимана вблизи казармъ купаться. Здѣсь онъ встрѣтилъ рядового Горбунова, заявившаго ему, что въ этомъ мѣстѣ постороннимъ купаться вопрещается. На заявленіе Паліева, что онъ всетаки будетъ купаться, такъ какъ бечевникъ по закону долженъ находиться въ общемъ пользованіи и никто не въ правѣ изъять его изъ таковаго, Горбуновъ пригрозилъ бросить одежду Паліева въ воду. Вскорѣ Горбуновъ появился надъ обрывомъ лимана съ двумя мальчиками, сыновьями воинскаго начальника, и всѣ они стали швырять въ купавшагося Паліева довольно увѣсистыми камнями. Когда находившіеся тутъ же Лившицъ и Штейнбергъ попытались заступиться за Паліева, то

Горбуновъ, обругавъ ихъ, ударилъ Штейнберга по лицу. Возмущенные молодые люди втроемъ отправились съ жалобой къ воинскому начальнику. Во дворѣ казармъ одинъ изъ солдатъ, узнавъ о цѣли ихъ прихода, толкнулъ Лившица въ грудь, остальные же окатили ихъ цѣлымъ потокомъ нецензурной ругани, а затѣмъ пошли доложить, что „какіе-то молодые люди ворвались во дворъ, шумятъ, бунтуютъ и проч.“ Такъ какъ г. Андреяновъ отсутствовалъ изъ дому, то гостившій у него родственникъ распорядился задержать ихъ впредь до пріѣзда воинскаго начальника. Прибывшій вскорѣ г. Андреяновъ сталъ кричать, что предастъ молодыхъ людей военному суду, и, лишь уступивъ увѣщаніямъ своей жены, освободилъ ихъ изъ-подъ стражи и отпустилъ домой, а на слѣдующій день написалъ въ полицію о привлеченіи ихъ къ суду за нарушеніе общественной тишины. Показаніе Паліева подтвердилъ на судѣ и другой свидѣтель, г. Астраханцевъ. Въ результатѣ городской судья призналъ Б. Лившица и П. Штейнберга по суду оправданными *). Такимъ образомъ теперь остается неразрѣшеннымъ только не лишенный интереса вопросъ, не разъяснитъ-ли компетентное судебное учрежденіе г. Андреянову, что ни воинскій начальникъ, ни даже его родственникъ не могутъ лишать свободы людей, виновныхъ лишь въ желаніи выкупаться.

До извѣстной степени аналогичный случай оригинальнаго примѣненія законовъ и начальственныхъ распоряженій произошелъ и въ Кутаисѣ. Въ этомъ городѣ 6 апрѣля текущаго года полиціймейстеръ Лисовскій въ 11 часовъ вечера прекратилъ домашній спектакль въ дворянской школѣ, руководясь циркуляромъ о воспрещеніи скопищъ**). Всякій спектакль, хотя бы и домашній, необходимо предполагаетъ, конечно, извѣстное „скопище“,— скопище актеровъ и скопище зрителей. И тѣмъ не менѣе вполнѣ естественно, казалось бы, задаться вопросомъ, подлежитъ ли циркуляръ, воспрещающій скопища, столь распространительному толкованію, что на основаніи его возможно запрещать спектакли, концерты и т. п. собранія. Если разрѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то, оставаясь послѣдовательнымъ, придется, пожалуй, признать, что подобный циркуляръ воспрещаетъ и публичное богослуженіе, въ свою очередь неизбѣжно влекущее за собою извѣстное скопленіе народа. Но возможность такихъ вопросовъ и сомнѣній, какъ видно, не допускалась лицомъ, прекратившимъ спектакль въ кутаисской дворянской школѣ. Иначе, впрочемъ, взглянуло на дѣло само кутаисское дворянство, которое, по словамъ газетъ, „въ настоящее время крайне заинтересовано исходомъ своей жалобы на дѣйствія мѣстнаго полиціймейстера“. Мѣстная губернская администрація высказалась за объ-

*) «Р. Вѣд.», 26 авг. 1902 г.

**) «Новое Обозрѣніе». Цитируемъ по «Праву» № 17, 21 апр. 1902.

явленіе полиціймейстеру выговора, но дворянство этимъ не удовлетворилось и намѣрено передать свою жалобу дальше, предполагая командировать по этому дѣлу губернскаго предводителя дворянства въ Петербургъ *).

Если такимъ образомъ даже наиболѣе привилегированныя группы обывателей не избавлены отъ возможности случаевъ пренебреженія закономъ, то, конечно, тѣмъ менѣе рѣдкими могутъ быть подобные случаи въ тѣхъ областяхъ обывательской жизни, гдѣ авторитетъ власти по самому ея характеру является особенно сильнымъ, а права подчиненныхъ этому авторитету лицъ—особенно скромными. Это и наблюдается на практикѣ. Въ „Развѣдчикѣ" на дняхъ былъ напечатанъ характерный приказъ по войскамъ московскаго военнаго округа. „Къ сожалѣнію,—говорится въ этомъ приказѣ — случаи нанесенія ударовъ нижнимъ чинамъ, какъ начальниками изъ нижнихъ же чиновъ, такъ и офицерами, хотя и рѣдко, но продолжаютъ имѣть мѣсто въ частяхъ округа. Обращая вниманіе начальствующихъ лицъ на это прискорбное явленіе, безусловно требую принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ совершенному искорененію въ войскахъ кулачной расправы. Предупреждаю, что съ виновными впредь буду поступать со всею строгостью закона" **). Немногимъ раньше въ газетахъ былъ опубликованъ подобный же приказъ по войскамъ одесскаго военнаго округа. „Произведеннымъ по жалобѣ, поданной на капитана „—", разслѣдованіемъ,—говорится въ этомъ документѣ,—обнаружена виновность офицера въ нанесеніи побоевъ состоящему при немъ казенною прислугой рядовому того же батальона „—". Не приличествуетъ отцу-командиру бить ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ,—и капитанъ „—" вполнѣ заслужилъ удаленіе отъ командованія ротой; но, принимая во вниманіе отличный отзывъ ближайшаго начальства о службѣ этого офицера и ходатайство о немъ коменданта керченской крѣпости, а также грубое поведеніе рядоваго „—" по отношенію къ членамъ семьи капитана „ — ", вызвавшее поступокъ командира роты, предписываю арестовать капитана „ — " на гауптвахтѣ на 20 дней. Такъ какъ случаи кулачной расправы въ войскахъ округа, къ сожалѣнію, повторяются довольно часто, то я вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю на это вниманіе начальниковъ всѣхъ степеней и предписываю принять дѣйствительныя мѣры къ искорененію этой некультурной привычки. Временно командующій войсками генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Каульбарсъ" ***). Уже одинъ фактъ почти одновременнаго появленія подобныхъ приказовъ въ двухъ значительно удаленныхъ другъ отъ друга

---

* «Ниж. Листокъ», 26 сент. 1902 г.

** Цитируемъ по «Спб. Вѣд.», 4 ноября 1902 г.

***) «Од. Новости». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 19 авг. 1902 г.

округахъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что отмѣченныя въ этихъ документахъ явленія въ настоящее время далеко не представляютъ собою чего-либо случайнаго и экстраординарнаго. А между тѣмъ, было время,—по крайней мѣрѣ, нашему поколѣнію разсказывали объ немъ наши отцы и старшіе братья,—когда кулачная расправа начала было исчезать изъ жизни русской арміи.

За послѣднее время высшему военному начальству приходится, впрочемъ, и по другимъ поводамъ напоминать о существованіи закона. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, опубликованный недавно въ „Русскомъ Инвалидѣ" приказъ командира 3-го армейскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Чайковскаго. „Одинъ изъ командировъ полковъ корпуса,—гласитъ этотъ приказъ,—утвердивъ неправильный приговоръ по дѣлу объ одномъ изъ нижнихъ чиновъ, въ утвержденіи своемъ, между прочимъ, изложилъ: „копію съ приговора послать на родину, дабы и тамъ односельчане знали, что рядовой, состоявъ на службѣ, позволилъ себѣ ослушаться своего прямого начальника, за что и приговоренъ къ такому тяжкому наказанію". Главный военный судъ, отмѣнивъ неправильный приговоръ, сообщилъ на усмотрѣніе командующаго войсками приведенное выше неправильное распоряженіе командира полка объ отсылкѣ копіи приговора на родину для объявленія односельчанамъ. Его высокопревосходительство, разсмотрѣвъ это дѣло, приказалъ внушить командиру этого полка, что измѣнять законъ по личному усмотрѣнію никто не имѣетъ права и чтобы впредь такое нарушеніе не допускалось. Объявляя объ этомъ, предлагаю командирамъ частей какъ можно внимательнѣе относиться къ дѣламъ утвержденія приговоровъ полковыхъ судовъ и ни подъ какимъ видомъ не позволять себѣ отступленій отъ существующихъ законоположеній" *).

„Отступленія отъ существующихъ законоположеній", рождающіяся на почвѣ замѣны закона „личнымъ усмотрѣніемъ", естественно, совершаются тѣмъ легче и принимаютъ тѣмъ бо̀льшіе размѣры, чѣмъ меньшими являются права тѣхъ лицъ, за счетъ которыхъ они происходятъ. Газеты за послѣднее время дали нѣсколько описаній случаевъ отступленія отъ закона, происходившихъ въ тюремномъ быту, и въ этихъ описаніяхъ какъ бы сконцентрированы всѣ тѣ черты, которыя можно было наблюдать въ разбросанномъ видѣ въ приведенныхъ выше эпизодахъ. Напомнимъ два такія описанія.

19 сентября текущаго года казанская судебная палата разбирала дѣло бывшаго начальника Николаевскаго исправительнаго арестанскаго отдѣленія въ Верхотурскомъ уѣздѣ, г. Фосса, по обви-

*) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 26 окт. 1902 г.

ненію его въ разнаго рода хищеніяхъ и въ истязаніяхъ арестантовъ. По словамъ газетнаго отчета *), въ дѣлѣ „фигурировали подложные счета, обкрадываніе казны всевозможными путями и способами, невѣроятныя истязанія арестантовъ". На судебномъ слѣдствіи раскрылась поразительная картина тюремной жизни, остававшаяся неизмѣнною въ теченіе ряда лѣтъ. Нѣсколько выдержекъ изъ того же отчета смогутъ дать приблизительное понятіе объ этой картинѣ. „Передъ г. Фоссомъ трепетали не только истязуемые имъ арестанты, не только разный подчиненный ему людъ, но запуганы были даже врачъ и священникъ. Изъ людей, одаренныхъ рѣчью, они сдѣлались безгласными. Все трепетало и безмолствовало. И неудивительно: г. Фоссъ съ людьми не церемонился. За малѣйшую провинность онъ наказывалъ арестантовъ розгами, а служащихъ, подчиненныхъ ему, увольнялъ въ 24 часа". „Одинъ арестантъ за попытку къ побѣгу былъ доставленъ въ больницу въ такомъ видѣ, что представлялъ собою сплошной кровоподтекъ, съ проломами, ранами, кровохарканіемъ. Били его не только надзиратели, но и самъ начальникъ Фоссъ. И этотъ избитый, искалѣченный, не оправившійся еще отъ побоевъ арестантъ былъ жестоко высѣченъ. Система сѣченія розгами была „фоссовская". Розги распаривались, солились. Число ударовъ опредѣлялось по вдохновенію. Былъ случай сумасшествія арестанта послѣ столь звѣрской расправы. Проявлявшіе малодушіе при наказаніяхъ служащіе г. Фоссомъ немедленно увольнялись, какъ непригодные къ несенію своихъ обязанностей"... „Арестантовъ кормили тухлой солониной, которую выбрасывали, какъ никуда негодную, окрестные золотопромышленники. Эту солонину подбиралъ г. Фоссъ и довольствовалъ ею арестантовъ. Когда послѣдніе отказались употреблять ее въ пищу, г. Фоссъ усмотрѣлъ въ этомъ бунтъ и расправился съ арестантами такъ, какъ только онъ умѣлъ расправляться... „Бунтъ" былъ побѣдоносно усмиренъ. По словамъ свидѣтеля, помощника тюремнаго инспектора И. И. Шилкарскаго, комната, въ которой г. Фоссъ производилъ свои звѣрскія расправы съ арестантами, была забрызгана и окрашена кровью. Кровь окрашивала и полъ, и стѣны, и потолокъ. Арестантовъ пороли не на жизнь, а на смерть. Это были не наказанія, а истязанія, какая-то жестокая бойня людей, цѣлое море проливаемой крови"... Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло, приговорила Фосса къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію на три года въ арестантскія роты.

Иркутская судебная палата недавно, въ свою очередь, разсматривала дѣло объ истязаніи арестантовъ по обвиненію станового пристава Турчанинова въ томъ, что онъ послѣ ареста нѣсколь-

*) «Уральская Жизнь». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 25 сент. 1902 г.

кихъ бѣглыхъ арестантовъ, превысивъ свою власть, приказалъ наложить на нихъ ручные, ножные и не установленные закономъ шейные кандалы. По разсказу на судѣ одного изъ потерпѣвшихъ, операція наложенія шейныхъ кандаловъ сопровождалась мучительными болями; арестантовъ заставляли ложиться на наковальню и заковывали желѣзо на голое тѣло, не смотря на то, что въ то время стоялъ морозъ въ 30 градусовъ. Первоначально дѣло это разбиралось въ окружномъ судѣ и въ немъ подсудимый утверждалъ, что распоряженіе заковать арестантовъ въ шейные кандалы было дано помощникомъ исправника Саломатовымъ, а онъ, становой приставъ, явился лишь исполнителемъ этого распоряженія. Саломатовъ, однако, отрицалъ это, и окружный судъ приговорилъ Турчанинова къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца. Въ засѣданіи судебной палаты, на вопросъ предсѣдателя, не желаетъ-ли подсудимый объяснить что-либо, Турчаниновъ далъ такое объясненіе: „Мнѣ навязывается какая-то жестокость, это— неправда. Если бы я дѣйствительно обладалъ такимъ низкимъ качествомъ, какъ месть къ арестантамъ, я бы не ограничился только ошейниками. Предо мною были преступники, которые оказывали вооруженное сопротивленіе, и при дѣйствительномъ желаніи мнѣ ничего бы не стоило перестрѣлять ихъ и быть по закону правымъ“. Засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ свое великодушіе, помѣшавшее ему „перестрѣлять“ сопротивлявшихся арестантовъ, г. Турчаниновъ оставилъ всетаки безъ разъясненія вопросъ, по какимъ мотивамъ къ пойманнымъ уже арестантамъ было примѣнено жестокое и незаконное истязаніе, ни въ какомъ случаѣ не могшее играть роль предупредительной мѣры. Палата, отмѣнивъ приговоръ окружнаго суда, постановила подвергнуть Турчанинова аресту на гауптвахтѣ на три недѣли *).

Вглядываясь въ эту вереницу фактовъ, даваемыхъ современной дѣйствительностью, трудно не видѣть, что, какъ бы ни были мелки тѣ или иные изъ нихъ, вся ихъ совокупность является серьезнымъ указаніемъ на продолжающееся умаленіе значенія законности въ общественной жизни. Но, какъ намъ уже не разъ приходилось указывать, путь къ поднятію законности имѣется лишь одинъ, и этотъ путь заключается въ расширеніи правъ, предоставляемыхъ закономъ личности обывателя.

II.

Въ началѣ будущаго 1903 года исполнится двѣсти лѣтъ со времени появленія въ Россіи періодической печати. Мы находимся, такимъ образомъ, наканунѣ двухсотлѣтняго юбилея русской

*) «Вост. Обозрѣніе». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 2 окт. 1902 г.

прессы. Повидимому, однако, этотъ юбилей обѣщаетъ пройти такъ же сѣро и незамѣтно, какъ и большинство литературныхъ праздниковъ послѣдняго времени. На предстоящій юбилей заранѣе уже ложится сѣроватый оттѣнокъ, а проекты ознаменованія этого юбилея, циркулирующіе въ обществѣ и печати, носятъ до чрезвычайности скромный и непритязательный характеръ. Такой характеръ ихъ выступаетъ особенно ярко, если оставить въ сторонѣ предположенія, направленныя къ воспроизведенію прошлаго русской прессы, и остановиться лишь на проектахъ, имѣющихъ въ виду ея настоящее и будущее.

Первоначально, въ качествѣ такихъ проектовъ, были выдвинуты предположенія создать „школу журналистовъ" и убѣжище для „инвалидовъ печати". Скоро, однако, обнаружилось, что оба эти неуклюжіе проекта не могутъ разсчитывать на сколько-нибудь значительное сочувствіе, и постепенно они оба, кажется, канули въ Лету. За послѣднее время на мѣсто ихъ выдвинулись два другіе—созданія въ Москвѣ „московскаго общества дѣятелей періодической печати" и обложенія всѣхъ періодическихъ изданій, ихъ сотрудниковъ и даже читателей особымъ сборомъ въ пользу существующей въ Петербургѣ „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ" съ цѣлью усиленія имѣющагося при этой кассѣ пенсіоннаго капитала. Первому изъ этихъ проектовъ присуще по преимуществу мѣстное значеніе, и мы не будемъ поэтому сейчасъ останавливаться на немъ. Но другой проектъ, усиленно пропагандируемый частью нашей печати, невольно вызываетъ на нѣкоторыя замѣчанія.

Идея взаимопощи писателей имѣетъ за себя очень много серьезныхъ соображеній и заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія, а практическое осуществленіе этой идеи у насъ представляется, быть можетъ, болѣе важнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Благодаря чрезмѣрной массѣ случайностей, обременяющей литературный трудъ и заработокъ въ Россіи, русскій писатель гораздо легче и гораздо чаще своего западно-европейскаго собрата попадаетъ въ тяжелое матеріальное положеніе. Съ другой стороны, въ значительной мѣрѣ благодаря той же самой причинѣ, лишь очень рѣдкій изъ русскихъ писателей успѣваетъ цѣнемъ литературнаго труда обезпечить себя на годы старости, когда постоянный трудъ становится непосильнымъ. Въ эти минуты кризиса и годы слабости несравненно пріятнѣе, конечно, получать помощь по праву, а не изъ милости, обращаться къ средствамъ, собраннымъ на началахъ взаимопомощи, а не къ общественной благотворительности, въ какой бы деликатной формѣ ни предлагалась эта послѣдняя. Такія и подобныя имъ разсужденія не разъ высказывались въ печати организаторами учрежденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ". Само собой, эти разсужденія могли

быть встрѣчаемы лишь сочувствіемъ. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ „Касса взаимопомощи“ въ своей дѣятельности не разъ уже уклонялась отъ тѣхъ принциповъ, которые, по словамъ ея организаторовъ, положены въ основу всѣхъ ея дѣйствій, и однимъ изъ такихъ уклоненій представляется намъ и послѣдній проектъ обложенія періодическихъ изданій, ихъ сотрудниковъ и читателей. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся поближе къ тому, что намъ предлагаютъ.

По отношенію къ періодическимъ изданіямъ авторами проекта предлагается двоякаго рода обложеніе: добровольное и обязательное. При этомъ первый видъ обложенія связывается съ оплатою перепечатокъ статей и сообщеній изъ другихъ періодическихъ изданій. Издателямъ газетъ и журналовъ предлагается именно въ видахъ суммарной оплаты такихъ перепечатокъ дѣлать взносы въ томъ или иномъ, добровольно устанавливаемомъ самими издателями, размѣрѣ въ пенсіонный капиталъ „Кассы взаимопомощи“. Эта часть проекта была выдвинута еще ранѣе, независимо отъ предстоящаго юбилея, и за послѣднее время лишь пропагандируется въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Отчасти она находитъ уже себѣ и практическое осуществленіе. Минувшимъ лѣтомъ газеты сообщали, что представитель „Кассы взаимопомощи“ объѣзжаетъ различные города и входитъ въ соглашеніе съ издателями относительно уплаты ими взносовъ въ „Кассу“ за помѣщаемыя въ ихъ изданіяхъ перепечатки. „Въ настоящее время— говорится въ статьѣ г. Лукина въ „Р. Вѣдомостяхъ“ — производятъ такую уплату сорокъ три столичныхъ и провинціальныхъ изданія, вносящихъ въ общей сложности (отъ 360 р. до 1 р.)— 3.514 р. въ годъ“. „Было бы очень желательно, — прибавляетъ г. Лукинъ,—чтобы и остальныя наши періодическія изданія приняли участіе въ этомъ добровольномъ пожертвованіи въ пользу пенсіоннаго капитала“ *). Врядъ-ли, однако, возможно присоединиться къ этому пожеланію. „Касса взаимопомощи“ давно и усиленно агитируетъ за необходимость установленія оплаты перепечатокъ, но эта мысль далеко не находитъ себѣ всеобщаго признанія. Не далѣе, какъ два года тому назадъ, когда въ Петербургѣ еще существовалъ гораздо болѣе авторитетный и по составу, и по количеству своихъ участниковъ „Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“, большинство его членовъ категорически высказалось противъ установленія оплаты перепечатокъ въ періодическихъ изданіяхъ, допустивъ изъ этого общаго правила лишь нѣкоторыя частныя исключенія. Но если отказаться отъ этого мнѣнія, съ моей точки зрѣнія, однако, являющагося единственно правильнымъ, и признать, что перепечатки всегда требуютъ оплаты, то очевидно, что плата за нихъ должна при-

*) «Р. Вѣдомости», 27 окт. 1902 г.

надлежать лишь автору перепечатываемой статьи и не можетъ быть никѣмъ ни отдаваема, ни получаема помимо его вѣдома и согласія. Между тѣмъ „Касса взаимопомощи“ изъявляетъ претензію на полученіе платы за перепечатку статей не только членовъ „Кассы“, но и всѣхъ вообще русскихъ писателей, и, осуществляя эту претензію на дѣлѣ путемъ соглашенія съ издателями, употребляетъ собранныя отъ имени всѣхъ писателей средства на нужды исключительно членовъ „Кассы“. Надо ли доказывать, что такой порядокъ, имѣя очень мало общаго съ „взаимопомощью“, противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости и не можетъ быть защищаемъ ни съ какой точки зрѣнія, исключая развѣ непосредственныхъ интересовъ членовъ „Кассы“? И можно ли желать упроченія и расширенія такого порядка?

Помимо добровольнаго обложенія періодическихъ изданій въ пользу „Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“ проектируется, однако, еще и обязательное. „Достаточно было бы,— говорится по этому поводу въ обошедшемъ многія газеты письмѣ одного изъ основателей „Кассы взаимопомощи“, г. Градовскаго,— чтобы всѣ частныя изданія были обязаны закономъ (о которомъ и можно ходатайствовать по случаю 200-лѣтія періодической печати) вносить въ пользу пенсіоннаго капитала кассы отъ 25 до 200 р. въ годъ“ *). Часть писателей склонна, повидимому, принимать этотъ проектъ серьезно. Довольно трудно, однако, представить себѣ, на какихъ основаніяхъ *всѣ* изданія могли бы быть обложены въ пользу *нѣкоторыхъ* писателей-членовъ „Кассы взаимопомощи“ и какъ можно было бы мотивировать ходатайство о законѣ, устанавливающемъ за общій счетъ всей періодической печати привилегированное положеніе одной группы писателей.

Иниціаторы проекта, выставляемаго въ интересахъ „Кассы взаимопомощи“, выступаютъ и еще съ двумя предложеніями. Всѣмъ сотрудникамъ періодическихъ изданій они предлагаютъ установить вычетъ извѣстнаго процента съ гонорара въ пенсіонный капиталъ „Кассы“, при чемъ съ этою мѣрою связываются самыя розовыя ожиданія. „Если бы — говорится, напр., въ цитированной уже статьѣ г. Лукина,—всѣ сотрудники обложили свои жалованья и получаемый ими гонораръ хотя полупроцентнымъ сборомъ, то пенсіонный капиталъ возросъ бы до такихъ размѣровъ, при которыхъ каждый труженикъ печати считалъ бы себя вполнѣ обезпеченнымъ подъ старость пенсіею“. Эти строки, несомнѣнно, могли быть написаны лишь въ результатѣ очень малаго знакомства съ страховымъ дѣломъ, если только не предположить, что вмѣсто словъ: „каждый труженикъ печати“ въ нихъ нужно читать: „каждый членъ „Кассы взаимопомощи.“ Наконецъ, наряду

*) «Од. Новости», 13 окт. 1902 г.

съ этою мѣрою редакціямъ хотя бы главнѣйшихъ газетъ и журналовъ предлагается пригласить своихъ читателей при подпискѣ на 1903 годъ добавлять „хотя бы нѣсколько копѣекъ“ въ пользу пенсіоннаго капитала „Кассы“. И опять-таки въ этихъ предложеніяхъ взаимопомощь упорно смѣшивается съ благотворительностью и упускается изъ виду то обстоятельство, что не совсѣмъ удобно отъ имени вообще писателей приглашать къ пожертвованіямъ на нужды одной писательской группы.

У насъ имѣется благотворительное учрежденіе, преслѣдующее задачу помощи писателямъ. Такимъ учрежденіемъ является именно Литературный Фондъ, существующій уже около полувѣка. При этомъ средства Фонда составились и составляются главнымъ образомъ изъ взносовъ и пожертвованій самихъ писателей, такъ какъ русское общество никогда не было особенно отзывчивымъ къ писательской нуждѣ. Но Литературный Фондъ, какъ и подобаетъ благотворительному учрежденію, оказываетъ помощь по мѣрѣ своихъ средствъ всякому нуждающемуся писателю, независимо отъ того, состоитъ-ли онъ членомъ Фонда или нѣтъ. Въ виду этого всего естественнѣе было бы и всѣ пожертвованія, идущія на нужды писателей, направлять въ Литературный Фондъ. Конечно, „Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ“, въ свою очередь, можетъ собирать и принимать пожертвованія и такое право оговорено даже въ ея уставѣ. Но все же, кажется, лицамъ, ратующимъ за интересы „Кассы взаимопомощи“, не мѣшало бы нѣсколько точнѣе проводить границу между взаимопощью и благотворительностью и не слѣдовало бы забывать, что можно приглашать только къ такимъ пожертвованіямъ и только такія пожертвованія принимать, которыя не затрагиваютъ правъ третьихъ лицъ. Въ проектахъ же, выставляемыхъ въ настоящій моментъ отъ имени „Кассы взаимопощи“, сознаніе этого обязательства, повидимому, въ значительной мѣрѣ утрачено.

Впрочемъ, едва ли можно и вообще назвать особенно удачной мысль ознаменовать двухсотлѣтній юбилей русской печати помѣщеніемъ во всѣхъ органахъ прессы воззваній къ читателямъ съ просьбой о пожертвованіяхъ въ пользу писателей. На русскомъ обществѣ, несомнѣнно, лежитъ большой и тяжелый долгъ по отношенію къ литературѣ. Но этотъ долгъ трудно погасить пожертвованіемъ нѣсколькихъ копѣекъ и даже нѣсколькихъ рублей. Само собою разумѣется, я не хочу сказать, что общество вовсе не должно заботиться о матеріальной помощи писателямъ. Но не въ этой благотворительной помощи должна бы заключаться главная забота общества о литературѣ, служащей выраженіемъ умственной жизни націи. Среди нуждъ русскаго писателя первое мѣсто врядъ-ли можетъ быть отведено нуждамъ матеріальнаго характера. Мало того,—какъ ни велики эти матеріальныя нужды, и онѣ, несомнѣнно, могли бы въ значительной

мѣрѣ утратить свой острый характеръ, если бы измѣнились нѣкоторыя иныя условія нашей литературы, имѣющія ближайшее отношеніе къ общественнымъ интересамъ. Русскій писатель могъ бы значительно улучшить свое матеріальное положеніе уже въ томъ случаѣ, если бы весь его трудъ находилъ себѣ соотвѣтственную оплату. Но кто же не знаетъ, съ какими случайностями связана такая оплата и какая масса писательскаго труда не выходитъ за предѣлы редакціонныхъ помѣщеній даже при полномъ желаніи редакцій воспользоваться этимъ трудомъ?

Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что приближеніе 200-лѣтняго юбилея русской печати вызвало пока на сцену главнымъ образомъ проекты сбора пожертвованій на пенсіи писателямъ, нельзя не признать довольно характернымъ для настоящей минуты. И, быть можетъ, особенно характернымъ является при этомъ то, что такіе проекты имѣютъ, по крайней мѣрѣ, наружный успѣхъ въ Петербургѣ, томъ самомъ Петербургѣ, въ которомъ русскіе писатели еще такъ недавно оживленно обсуждали нужды своей профессіи, далеко не замыкая этого обсужденія въ сравнительно узкія рамки матеріальныхъ интересовъ. Правда, не такъ давно мнѣ случилось натолкнуться въ столичной корреспонденціи одной изъ провинціальныхъ газетъ на весьма суровый отзывъ о петербургскихъ писателяхъ. Авторъ этого отзыва съ горькимъ и не лишеннымъ презрительнаго оттѣнка сожалѣніемъ говоритъ о „разбросанности" петербургскихъ писателей, мѣшающей имъ явить собою достойный подражанія примѣръ товарищества трудящихся. По его словамъ, писатели въ Петербургѣ „сидятъ волей-неволей по угламъ, куксятся, въ гости другъ къ другу не ходятъ, сплетничаютъ (увы!), завистничаютъ (увы и ахъ!), кому-то въ карманѣ дули показываютъ и все это вмѣсто того, чтобы являть примѣръ" *). Проницательный корреспондентъ, какъ видите, заглянулъ даже въ карманъ петербургскаго писателя и увидалъ тамъ дулю, но всетаки, думается мнѣ, проницательность его немногаго стоитъ. Слишкомъ многаго въ жизни писателей онъ не замѣтилъ, и потому его отзывъ слишкомъ мало способенъ объяснить ихъ „разбросанность". Самъ я второй годъ уже не живу въ Петербургѣ и потому не знаю, ходятъ-ли петербургскіе писатели другъ къ другу въ гости. Не знаю я, впрочемъ, и того, почему это важно. Надо думать, петербургскимъ писателямъ всетаки случается и теперь бывать другъ у друга въ гостяхъ, какъ случается имъ, вѣроятно, и встрѣчаться въ редакціяхъ. Но хожденіе „въ гости" и встрѣчи въ редакціяхъ — одно, а общеніе разныхъ писательскихъ кружковъ на почвѣ общихъ интересовъ, общеніе, направленное къ созданію товарищества трудящихся,—другое. Но въ мѣру прони-

*) «Од. Новости», 6 октября 1902 г.

цательный корреспондентъ, такъ хорошо знающій, что петербургскіе писатели „кусятся, сплетничаютъ и завистничаютъ“, могъ бы, казалось, знать и то, что еще недавно въ Петербургѣ существовало такое общеніе писателей и что въ то время въ гораздо меньшей степени наблюдалась и „разбросанность“ ихъ.

За послѣднее время состоялось нѣсколько административныхъ распоряженій по дѣламъ печати. Приводимъ эти распоряженія въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они были опубликованы въ газетахъ.

Въ прошломъ году вятская губернская земская управа, руководясь тѣмъ, что въ программу „Вятской Газеты“ входитъ литературно-историческій отдѣлъ, обращалась въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ разрѣшить ей разсылку подписчикамъ „Вятской Газеты“ въ видѣ приложенія къ этой газетѣ издаваемаго вятскимъ губернскимъ земствомъ „Сборника памяти Н. В. Гоголя“, въ составъ котораго должны войти: 1) очеркъ В. П. Острогорскаго: „О жизни и дѣятельности Н. В. Гоголя“; 2) „Тарасъ Бульба“, 3) „Ревизоръ“, 4) „Старосвѣтскіе помѣщики“ и 5) „Страшная месть“. Не такъ давно въ Вяткѣ полученъ отвѣтъ, что главное управленіе по дѣламъ печати не признало возможнымъ уважить это ходатайство, такъ какъ программой „Вятской Газеты“ беллетристическія произведенія не предусмотрѣны *)

Въ третьемъ нумерѣ „Сборника Пермскаго Земства“ напечатано слѣдующее заявленіе отъ редакціи: „Вслѣдствіе запрещенія цензора „Сборника Пермскаго Земства“, пермскаго вице-губернатора, редакція вынуждена прекратить со второй книжки „Сборника“ за текущій годъ печатаніе разныхъ извѣстій о дѣятельности земскихъ учрежденій, помѣщавшихся въ „Сборникѣ“ въ теченіе многихъ лѣтъ. На таковое распоряженіе цензора губернскою управою подана жалоба въ главное управленіе по дѣламъ печати“ **).

Въ столичныхъ газетахъ опубликовано слѣдующее распоряженіе: „По дошедшимъ до главнаго управленія по дѣламъ печати свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ въ текущемъ 1902 году ставилась на мѣстныхъ театрахъ пьеса Максима Горькаго подъ названіемъ „Мѣщане“ и появились анонсы о постановкѣ новой пьесы того же автора подъ названіемъ „На днѣ“. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что означенныя пьесы не внесены въ ежемѣсячно публикуемые въ „Правит. Вѣстникѣ“ списки пьесъ, разрѣшенныхъ драматическою цензурою къ представленію, и что пьеса „Мѣщане“ была сначала дозволена къ постановкѣ (съ исключеніями) только московскому худо-

---

*) «Р. Вѣдомости», 7 іюля 1902 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 17 октября 1902 г.

жественному театру и нынѣ разрѣшается лишь каждый разъ по особому ходатайству, главнымъ управленіемъ признано нужнымъ установить наблюденіе за тѣмъ, чтобы сцены Горькаго „Мѣщане“ разрѣшались къ постановкѣ только по экземплярамъ, скрѣпленнымъ драматическою цензурою, а также, чтобы не допускались анонсы о новой пьесѣ М. Горькаго „На днѣ“ до предъявленія цензированныхъ экземпляровъ“ *).

По словамъ „Бессарабца“, „бессарабскій губернаторъ циркулярно сообщилъ полиціймейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ, что воспрещена къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ, въ читальняхъ и въ продажѣ отпечатанная безъ предварительной цензуры книга гр. Л. Н. Толстого „Дорого стоитъ“ и другія произведенія“ **).

III.

Когда въ январѣ текущаго года въ Петербургѣ было основано Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства и „связанныхъ съ нимъ отраслей народнаго труда“, многимъ представлялось, что работа, возложенная на это совѣщаніе, и въ особенности на его мѣстные органы, будетъ совершена съ чрезвычайною быстротою. Такъ, повидимому, смотрѣло на дѣло и само особое совѣщаніе, на первыхъ порахъ назначившее образованнымъ по его плану мѣстнымъ комитетамъ очень короткій срокъ для представленія ихъ мнѣній и отзывовъ. На практикѣ, однако, эти ожиданія не оправдались и уже работы мѣстныхъ комитетовъ потребовали больше времени, чѣмъ первоначально предполагалось имъ удѣлить. Срокъ окончанія этихъ работъ уже очень скоро былъ отложенъ до 15 октября текущаго года, а затѣмъ продолженъ еще до февраля будущаго 1903 года.

Судя по проникающимъ въ печать свѣдѣніямъ, значительная часть уѣздныхъ комитетовъ воспользовалась этимъ временемъ для серьезной и добросовѣстной работы надъ предложеннымъ имъ вопросомъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Любопытнымъ показателемъ этого служитъ, между прочимъ, отношеніе къ уѣзднымъ комитетамъ органовъ реакціонной прессы. „Къ сожалѣнію,—писали „Московскія Вѣдомости“ еще въ началѣ сентября—о работахъ этихъ комитетовъ имѣется сравнительно мало свѣдѣній, между тѣмъ, несомнѣнно, мнѣнія исключительно мѣстныхъ людей, при томъ не связанныхъ съ разными общественными „пирогами“, правдивѣе живописуютъ настоящую деревенскую жизнь, чѣмъ канцелярскія заключенія „либеральныхъ“ петербургскихъ чиновниковъ и публицистовъ“ ***). Но не прошло и мѣ-

*) «Н. Время», 1 ноября 1902 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 2 ноября 1902 г.

***) «Моск. Вѣд.», 3 сент. 1902 г.

сяца, „не износилъ и башмаковъ“ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а уже его газета успѣла радикально перемѣнить свой взглядъ и убѣдиться, что и мнѣнія уѣздныхъ комитетовъ ничего не стоютъ, и свѣдѣній объ этихъ комитетахъ имѣется черезчуръ много. „Въ комитетахъ—утверждаетъ теперь московская реакціонная газета—говорятъ обо всемъ, кромѣ именно сельскаго хозяйства, а услужливыя земцамъ газеты отвели цѣлыя рубрики отчетамъ о занятіяхъ этихъ комитетовъ“ *). „Мѣстные люди“, еще такъ недавно съ торжествомъ противопоставлявшіеся „либеральнымъ петербургскимъ чиновникамъ и публицистамъ“, теперь обращаются въ глазахъ „Моск. Вѣдомостей“ въ Бобчинскихъ и Добчинскихъ, мѣстные комитеты—въ безплодныя „говорильни“, отъ которыхъ нельзя ждать никакого толку.

Любопытно попытаться разгадать причину столь рѣзкой перемѣны взглядовъ московской газеты и столь немилостиваго ея отношенія къ мѣстнымъ комитетамъ, которые она сама же торопилась привѣтствовать. Сами „Моск. Вѣдомости“ объясняютъ свою строгость тѣмъ, что въ комитетахъ „мѣстные вопросы расплываются въ общіе“ **). По поводу одного изъ уѣздныхъ комитетовъ (Грязовецкаго), который, высказавъ свои общіе взгляды на нужды сельскаго хозяйства, прибавилъ, что, за недостаткомъ времени и подготовки для основательной разработки поставленныхъ программой особаго совѣщанія спеціальныхъ вопросовъ, онъ поневолѣ вынужденъ отвѣчать на нихъ лишь выраженіемъ благихъ пожеланій, названная газета съ явной попыткой на иронію замѣчаетъ: „Грязовецкій уѣздный комитетъ, отвѣчая общими пожеланіями и фразами на отдѣльные пункты программы особаго совѣщанія, полагаетъ, очевидно, что онъ гораздо легче можетъ дать указанія министерству финансовъ относительно общей финансовой политики, министерству народнаго просвѣщенія—относительно цѣлей и способовъ народнаго образованія, а министерству юстиціи и государственному совѣту—объясненіе коренной причины нарушенія правъ собственности и на способы радикальнаго устраненія такихъ нарушеній“ ***). Въ сущности, однако, собака зарыта не здѣсь и это очень не трудно показать.

Чуть-ли не единственнымъ комитетомъ, работы котораго вызвали безусловныя похвалы „Моск. Вѣдомостей“, является Чернскій уѣздный комитетъ. Московская газета посвятила три обширныя статьи изложенію и восхваленію спасительныхъ для сельскаго хозяйства проектовъ, возбужденныхъ въ этомъ комитетѣ небезъизвѣстнымъ нашей печати г. Бодиско. И эти проекты, дѣйствительно, заслуживаютъ извѣстнаго вниманія. По мнѣнію г. Бо-

*) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.
**) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.
***) «Моск. Вѣд.», 23 сент. 1902 г.

диско, для достиженія дѣйствительной охраны сельско-хозяйственной собственности „желательно реформировать существующія узаконенія“ на слѣдующихъ началахъ: „1) Предоставить въ необходимыхъ случаяхъ право защиты собственности оружіемъ. 2) Необходимо безукоснительное присужденіе къ наказаніямъ и взысканіямъ за всякіе проступки противъ собственности, какъ бы таковые ни были малозначительны, дабы карался не столько фактъ, сколько нарушенный принципъ и, конечно, независимо отъ причинъ, коими поступокъ вызванъ. 3) Необходимо измѣненіе системы наказаній, въ особенности возможно меньшимъ пользованіемъ тюремнымъ заключеніемъ, гдѣ отбывающіе болѣе развращаются средой, чѣмъ исправляются. Тюремное заключеніе слѣдуетъ замѣнить: или заключеніемъ одиночнымъ, съ сокращеніемъ сроковъ его, или дисциплинарными работами; къ несовершеннолѣтнимъ же слѣдуетъ примѣнять наказаніе розгами. 4) Такъ какъ въ мелкихъ проступкахъ противъ собственности бываютъ часто погрѣшны малолѣтніе, необходимо привлекать къ отвѣтственности родителей за то, что не воспитываютъ въ дѣтяхъ уваженія къ чужой собственности. 5) При проступкахъ противъ собственности сельскихъ обществъ коллективно, при потравахъ общественными стадами и табунами, при порубкахъ и т. д. должна быть введена коллективная отвѣтственность, гражданская и уголовная. 6) Необходимо выработать узаконенный порядокъ для производства обысковъ по деревнямъ въ случаѣ подозрѣнія въ сокрытіи краденаго лѣса или иныхъ предметовъ. 7) Необходимо примѣненіе болѣе строгихъ мѣропріятій противъ нищенства, когда таковымъ занимаются люди, способные къ труду“. „Для предупрежденія пожаровъ“ г. Бодиско, а за нимъ и вообще Чернскій комитетъ, считаютъ „въ высшей мѣрѣ необходимымъ“—„установленіе строгой кары грозителямъ *) и немедленное подчиненіе ихъ полицейскому надзору, при объявленіи, что, въ случаѣ возникновенія пожара, грозитель будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ поджигатель“, такъ какъ „такимъ путемъ грозитель не только потерпитъ наказаніе, но даже явится до нѣкоторой степени охранителемъ селенія отъ поджога“. „Если—проектируетъ далѣе г. Бодиско—вслѣдъ за угрозой дѣйствительно произойдетъ пожаръ отъ поджога, грозитель долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за поджогъ и во всякомъ случаѣ присужденъ къ наказанію, хотя бы въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ поджигатель, если совершеніе преступленія будетъ не доказано“ **). Я не собираюсь сейчасъ разбирать проекты г. Бодиско по существу и думаю даже, что они вообще не нуждаются въ такомъ

*) Т. е. лицамъ, угрожающимъ поджогомъ. Языкъ и орѳографія г. Бодиско вообще сохранены мною безъ измѣненій.

**) «Моск. Вѣдомости», 4 и 5 сент. 1902 г.

разборѣ. Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что и эти курьезные проекты выходятъ далеко за предѣлы тѣснаго круга „мѣстныхъ вопросовъ". Авторъ приведенныхъ курьезовъ также желаетъ „реформировать существующія узаконенія", также стремится дать „объясненіе коренной причины нарушенія правъ собственности" и указать „способы радикальнаго устраненія такихъ нарушеній". Но все это нисколько не мѣшаетъ „Моск. Вѣдомостямъ" восхвалять г. Бодиско и пошедшій по его стопамъ Чернскій комитетъ. Эти восхваленія помогаютъ найти истинную причину суровости, проявляемой реакціонной газетой по отношенію къ мѣстнымъ комитетамъ особаго совѣщанія. Ея негодованіе возбуждается, очевидно, не тѣмъ, что въ комитетахъ возбуждаются „общіе вопросы", а тѣмъ, что послѣдніе разрѣшаются несогласно съ проповѣдываемыми ею взглядами.

Съ этой точки зрѣнія „Московскія Вѣдомости" имѣютъ, дѣйствительно, серьезныя основанія для недовольства. „Мѣстные люди", призванные высказать свое мнѣніе о нуждахъ деревни, проявили въ общемъ совершенно не тѣ желанія, какія столько времени провозглашала отъ ихъ имени реакціонная печать. Правда, нельзя было бы сказать, что исключительно сословныя и классовыя вожделѣнія вовсе не нашли себѣ мѣста въ дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ. Не въ одномъ Чернскомъ уѣздѣ сдѣлана была попытка обратить мѣстные комитеты въ орудіе узко понятыхъ владѣльческихъ выгодъ и выставить программу, ведущую къ подчиненію всей жизни крестьянства интересамъ помѣщичьей усадьбы. Но, по крайней мѣрѣ, среди тѣхъ комитетовъ, о работахъ которыхъ имѣются свѣдѣнія въ печати, подобныя попытки были немногочисленны и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ увѣнчивались успѣхомъ. По большей же части мѣстные комитеты съумѣли удержаться на болѣе широкой почвѣ нуждъ сельскаго хозяйства, не отожествляя послѣдняго исключительно съ хозяйствомъ помѣщичьимъ.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ неизбѣжно долженъ былъ вывести обсуждавшіе его комитеты на вполнѣ опредѣленную дорогу „общихъ вопросовъ". Въ самомъ дѣлѣ, было бы крайне трудно доказать, что мѣстные комитеты, запрошенные о нуждахъ сельскаго хозяйства, переживающаго, по признанію правительства, тяжелый и общій кризисъ, могутъ въ своихъ отвѣтахъ ограничиться указаніемъ на спеціальныя нужды своихъ уѣздовъ. Конечно, такія спеціальныя нужды, не имѣющія отношенія къ другимъ мѣстностямъ, существуютъ почти въ каждомъ уѣздѣ: въ одномъ нужно облѣсить пески, въ другомъ—высушить болота, въ третьемъ—устроить орошеніе безводныхъ мѣстностей, въ четвертомъ позаботиться о сокращеніи овраговъ, въ пятомъ—принять мѣры къ улучшенію породы скота и т. д. Но государственная власть не можетъ ни разбирать всѣ эти частныя нужды от-

дѣльныхъ хозяйствъ, ни, тѣмъ болѣе, принимать на себя заботу объ ихъ удовлетвореніи. Мало того,—если бы всѣ бѣды сельскаго хозяйства ограничивались такого рода нуждами, не могло бы быть и рѣчи о переживаемомъ имъ тяжеломъ кризисѣ. Между тѣмъ этотъ кризисъ на лицо и никто не рѣшается оспаривать того, что онъ имѣетъ почти одинаковое значеніе для самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи. Подобное положеніе могло создаться лишь на почвѣ общихъ условій, обезсиливающихъ работу сельскаго хозяина и лишающихъ его возможности собственными силами вести сколько-нибудь плодотворную борьбу съ частными препятствіями, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ неизбѣжны въ такой же мѣрѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Въ виду этого со стороны лицъ, призванныхъ къ участію въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, было совершенно естественно главною своею задачей поставить выясненіе именно этихъ общихъ условій, поскольку они сказываются въ жизни данной мѣстности.

Правда, не всѣ комитеты пошли по этой дорогѣ. Предсѣдатели нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ нашли нужнымъ энергически устранять всѣ предложенія и сужденія членовъ по вопросамъ обще-экономическимъ, податнымъ, правовымъ, земскимъ, культурно-образовательнымъ и т. п., какъ „совершенно не относящіяся къ дѣлу". Такъ было въ Слободскомъ комитетѣ (Вятской губ.) и въ нѣкоторыхъ другихъ *).

Въ другихъ случаяхъ и всѣ члены комитета, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, считали необходимымъ обращать свое вниманіе исключительно на частныя нужды и искать помощи для сельскаго хозяйства въ болѣе или менѣе мелкихъ спеціальныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ, Меленковскій уѣздный комитетъ (Владимірской губ.) въ видахъ помощи сельскому хозяйству рекомендовалъ основаніе субсидируемыхъ правительствомъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, которыя имѣли бы опытныхъ инструкторовъ и завѣдывали продажей машинъ и искусственныхъ удобреній. Подобнымъ же образомъ и Варшавскій губернскій комитетъ главное свое вниманіе сосредоточилъ на образованіи сельско-хозяйственныхъ обществъ и заведеніи инструкторовъ **). Аналогичные по своему значенію вопросы и проекты были выдвигаемы въ работахъ и еще нѣсколькихъ комитетовъ. Но пальма первенства въ дѣлѣ разысканія частныхъ причинъ общаго кризиса сельскаго хозяйства принадлежитъ, кажется, Игуменскому комитету (Минской губ.), рѣшившему обратить вниманіе правительства на тотъ вредъ, какой причиняютъ хозяйству гуси. „Обладая большою подвижностью,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ этого комитета — гуси весьма легко проникаютъ въ чужія вла-

*) «Русскія Вѣдомости», 4 сентября 1902 г.
**) «Русскія Вѣдомости», 11 авг. и 5 окт. 1902 г.

дѣнія, но такъ осторожны и хитры, что при обнаруженіи ихъ на потравѣ не всегда поддаются задержанію; обыкновенно въ такомъ случаѣ они улетаютъ, вслѣдствіе чего потерпѣвшій рѣдко имѣетъ возможность узнать ихъ хозяина и потребовать отъ него вознагражденія за убытокъ". Въ виду такой хитрости гусей, не желающихъ подвергаться аресту, почтенный ораторъ признавалъ необходимымъ дополнить правила объ охраненіи полей примѣчаніемъ, въ силу котораго потерпѣвшій отъ потравы могъ бы защищать отъ гусей свои поля и огороды огнестрѣльнымъ оружіемъ, и Игуменскій комитетъ постановилъ записать это заявленіе въ протоколъ *).

Повидимому, однако, лишь небольшая часть мѣстныхъ комитетовъ рѣшилась заключить вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства въ столь узкія рамки, лишающія этотъ вопросъ всего въ дѣйствительности принадлежащаго ему значенія. По крайней мѣрѣ, большинство тѣхъ комитетовъ, о которыхъ есть свѣдѣнія въ печати, взглянуло на дѣло иными глазами и поставило свою работу гораздо шире, пріурочивъ ее къ освѣщенію общихъ нуждъ сельскаго хозяйства. Едва-ли простою случайностью явилось при этомъ то обстоятельство, что наиболѣе широкую постановку такая работа пріобрѣла тамъ, гдѣ въ совѣщаніяхъ комитетовъ приняли видное участіе земскіе дѣятели. Составъ уѣздныхъ комитетовъ, какъ извѣстно, поставленъ въ зависимость отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предводители, сознавая всю важность порученнаго имъ дѣла, нашли нужнымъ пригласить къ участію въ комитетскихъ совѣщаніяхъ всѣхъ земскихъ гласныхъ уѣзда **), во многихъ другихъ случаяхъ въ уѣздные комитеты было приглашено большое число земскихъ гласныхъ, и именно эти комитеты, поставленные въ извѣстную связь съ земствомъ, проявили наибольшую энергію и наболѣе широкое пониманіе своей задачи. Громадное большинство этихъ комитетовъ начало свои занятія съ признанія невозможности ограничиться обсужденіемъ лишь вопросовъ, включенныхъ въ разосланную мѣстнымъ комитетамъ программу особаго совѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень многіе комитеты указывали, что въ интересахъ правильнаго выясненія этихъ нуждъ къ дѣлу такого выясненія слѣдовало бы привлечь земскія учрежденія. „Если—говорится по этому поводу въ одномъ изъ принятыхъ Темниковскимъ комитетомъ докладовъ—особое совѣщаніе признало, что „едва-ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спросив мнѣнія тѣхъ, чьи

*) «Русскія Вѣдомости», 5 окт. 1902 г.

**) Такимъ путемъ были образованы комитеты въ уѣздахъ Лохвицкомъ, Темниковскомъ, Александровскомъ, Ветлужскомъ, Грязовецкомъ, Рузскомъ, Богородицкомъ, Балахнинскомъ, Тамбовскомъ, Суджанскомъ, Новомосковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ.

нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя потребности", то очевидно, что такое мнѣніе можетъ быть представлено только земскими учрежденіями, которыя являются единственными представителями всего населенія. Земство имѣетъ въ этомъ отношеніи большой опытъ и авторитетъ, теоретическій и практическій; земство явится въ большинствѣ случаевъ исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отзывамъ бо̀льшую жизненность и силу; земство обладаетъ въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обширной организаціей, при помощи которой только и возможно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу выясненія сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія" *). Приблизительно такіе же аргументы высказывались и во многихъ другихъ комитетахъ, равнымъ образомъ рѣшившихъ указать на желательность привлеченія земства къ обсужденію нуждъ сельскохозяйственной промышленности.

Эти рѣшенія комитетовъ вызываютъ сильное негодованіе въ извѣстной части нашей печати. „Занятія комитетовъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ—не то иронически, не то ядовито замѣчаютъ „Московскія Вѣдомости"—сводятся лишь къ защитѣ земства и въ этой защитѣ проглядываетъ какъ будто заранѣе обдуманное, по предварительнымъ сношеніямъ, рѣшеніе причастныхъ къ земству лицъ" **). „Заранѣе обдуманное, по предварительнымъ сношеніямъ, рѣшеніе",—неправда-ли, какъ это похоже на „совершенное по заранѣе обдуманному намѣренію и предварительному уговору преступленіе"? Послѣдовательности ради, почтенная газета, обнаруживающая такое явное пристрастіе къ „юридическому" стилю, должна была бы, однако, пойти въ своихъ инсинуаціяхъ и дальше, распространивъ ихъ въ равной мѣрѣ и на лицъ, къ земству непричастныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о пользѣ земскихъ учрежденій для правильнаго развитія сельскаго хозяйства говорятъ и такіе комитеты, въ которыхъ нѣтъ на лицо ни одного земца. Каневскій уѣздный комитетъ „постановилъ, что для проведенія въ жизнь всѣхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій, какія будутъ выработаны особымъ совѣщаніемъ, необходимо введеніе въ Кіевской губерніи земскихъ учрежденій, такъ какъ безъ дружной работы всѣхъ классовъ населенія, безъ живого участія общественнаго элемента въ этой работѣ и безъ гласнаго ея контроля, всѣ выработанныя мѣры могутъ оказаться мертворожденными". Къ тому же заключенію пришли Липовецкій, Звенигородскій и Таращанскій комитеты ***). Въ Новой-Ушицѣ (Подольской губ.) комитетъ „единогласно при-

*) «Р. Вѣд.», 8 авг. 1902 г.
**) «Моск. Вѣд.», 28 сент. 1902 г.
***) «Кіевлянинъ», 3 и 4 сент. 1902 г.

земства

зналъ, что для проведенія въ жизнь проектируемыхъ особымъ совѣщаніемъ улучшеній необходимо введеніе въ краѣ земства по положенію 1864 г.", при чемъ „это заключеніе комитета было поддержано и бывшими въ засѣданіи представителями духовенства" *). Въ свою очередь, Новоградволынскій уѣздный комитетъ „единогласно постановилъ ходатайствовать о введеніи въ Волынской губерніи земства на общихъ съ земскими губерніями основаніяхъ" **). Въ Таганрогскомъ комитетѣ представитель мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества внесъ, отъ имени послѣдняго, заявленіе, что для дѣйствительной помощи сельскому хозяйству необходимо созданіе въ краѣ земскихъ учрежденій ***). Въ пользу введенія земства высказался и Ростовскій-на-Дону окружной комитетъ ****). Съѣздъ сельскихъ хозяевъ Кубанской области, признавая, что „административныя учрежденія не въ силахъ и по существу не могутъ широко выполнить сложную задачу опредѣленія и удовлетворенія нуждъ хозяйственной жизни мѣстнаго населенія и развитія его самодѣятельности", постановилъ „ходатайствовать о созданіи въ Кубанской области учрежденій, составленныхъ изъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія представителей, при чемъ этимъ учрежденіямъ должно быть предоставлено право обложенія мѣстнаго населенія и право расходованія полученныхъ такимъ путемъ суммъ, въ интересахъ удовлетворенія нуждъ хозяйственной жизни мѣстнаго населенія" *****) Съ точки зрѣнія „Моск. Вѣдомостей" всѣ участники только что перечисленныхъ совѣщаній, надо полагать, являются преступниками, быть можетъ, еще отягчающими свою вину „заранѣе обдуманнымъ рѣшеніемъ". Но съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, не постигающаго, какъ можно въ важныхъ дѣлахъ выступать съ рѣшеніями, не обдуманными заранѣе, дѣло обстоитъ не такъ ужъ страшно. Если даже обыватели мѣстностей, въ которыхъ еще отсутствуютъ земскія учрежденія, находятъ, что только участіе послѣднихъ явится гарантіей плодотворности мѣропріятій, направленныхъ на помощь сельскому хозяйству, то тѣмъ естественнѣе обывателямъ земскихъ губерній держаться того же мнѣнія и желать, чтобы предположенныя мѣропріятія были обсуждены при помощи земства. Та симпатія общества къ мѣстному самоуправленію, какая сказывается во всѣхъ этихъ заявленіяхъ, конечно, непріятна „Моск. Вѣдомостямъ", но она не должна бы являться для нихъ неожиданностью. Впрочемъ, наши реакціонеры, никогда не трудившіеся сколько-нибудь

*) «Од. Новости», 8 окт. 1902 г.
**) «Спб. Вѣдом.», 6 окт. 1902 г.
***) «Од. Новости», 29 сент. 1902 г.
****) «Спб. Вѣдом.», 28 сент. 1902 г.
*****) «Нов. Время», 4 окт. 1902 г.

внимательно вглядываться въ русскую жизнь, съумѣли совершенно проглядѣть ея развитіе и благодаря этому въ послѣднее время испытываютъ одно разочарованіе за другимъ. Такъ, между прочимъ, разочаровались они и въ „мѣстныхъ людяхъ", на которыхъ возложили было твердое упованіе, и это разочарованіе, повидимому, особенно сильно огорчило ихъ, не сообщивъ, однако, имъ ни бо́льшаго миролюбія, ни большей проницательности.

Во всякомъ случаѣ, утверждая, что работы мѣстныхъ комитетовъ „сводятся лишь къ защитѣ земствъ", „Моск. Вѣдомости", по давно усвоенному ими обыкновенію, далеко отошли отъ истины. Выражая пожеланія о привлеченіи земства къ обсужденію нуждъ сельскаго хозяйства, многіе комитеты и съ своей стороны немало поработали для посильнаго разрѣшенія поставленной имъ задачи. Прежде всего важенъ уже общій принципъ, выставленный въ этихъ работахъ. Кіевскій губернаторъ, открывая засѣданіе мѣстнаго губернскаго комитета, высказался въ томъ смыслѣ, что „уѣздные комитеты въ своей работѣ должны обращать преимущественное вниманіе на нужды крестьянскаго хозяйства" *). Та, несомнѣнно, вполнѣ правильная, точка зрѣнія, какая выразилась въ этихъ словахъ, многими комитетами была усвоена, независимо отъ всякихъ указаній со стороны. „Вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—заявлялъ въ Борисоглѣбскомъ уѣздномъ комитетѣ предсѣдатель мѣстной земской управы, г. Измайловъ,—есть прежде всего вопросъ о нуждахъ и положеніи крестьянъ, такъ какъ крестьяне, являясь преимущественно, если не исключительно, земледѣльческимъ классомъ, составляютъ 80 процентовъ всего населенія Россіи" **). „Вопросъ сельско-хозяйственный—говорилъ въ Черниговскомъ комитетѣ предсѣдатель мѣстной уѣздной управы г. Тризна—въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому." По мнѣнію предсѣдателя Грязовецкой земской управы, высказанному въ принятой мѣстнымъ комитетомъ запискѣ, „въ виду того, что громадное большинство русскихъ сельскихъ хозяевъ—крестьяне, да и въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ крестьяне являются работниками или арендаторами, ихъ правовое, культурное и экономическое положеніе имѣетъ громадное вліяніе на состояніе сельскаго хозяйства" ***). Приблизительно такой же взглядъ былъ принятъ и съ большею или меньшею послѣдовательностью проведенъ въ работахъ цѣлаго ряда уѣздныхъ комитетовъ.

Признавъ, что правильное развитіе сельскаго хозяйства задерживается серьезными общими препятствіями и что нужды сель-

---

*) «Кіевлянинъ», 4 сент. 1902 г.
**) «Спб. Вѣдом.», 11 сент. 1902 г.
***) «Спб. Вѣдом.», 24 сент.; «Р. Вѣдом.», 20 авг. 1902 г.

скаго хозяйства являются главнымъ образомъ нуждами крестьянскаго населенія, комитеты самыхъ различныхъ мѣстностей имперіи пришли къ одинаковымъ заключеніямъ насчетъ истиннаго характера этихъ нуждъ. Согласно указаніямъ, сдѣланнымъ во многихъ комитетахъ и подтвержденнымъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, никакія серьезныя и прочныя улучшенія въ области сельскаго хозяйства представляются невозможными, пока масса крестьянскаго населенія остается лишенною благъ даже элементарнаго образованія. „Достаточно сослаться — говорилъ въ засѣданіи смоленскаго уѣзднаго комитета его предсѣдатель — на такой фактъ, что послѣдней переписью 1897 г. въ нашемъ уѣздѣ обнаружено 109 селеній, въ которыхъ совершенно не оказалось грамотныхъ дѣтей, да и общій уровень дѣтской грамотности опредѣляется для нашего уѣзда въ 5,7 на 100 душъ обоего пола. А между тѣмъ едва-ли надо говорить о томъ вліяніи, какое оказываетъ на матеріальное благосостояніе населенія степень его образованности“ *). Сознавая важность этого вліянія, рядъ уѣздныхъ комитетовъ нашелъ нужнымъ въ своихъ заключеніяхъ прежде всего подчеркнуть тотъ фактъ, что для успѣшности „распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній“, о которомъ говоритъ программа особаго совѣщанія, необходима наличность среди населенія извѣстнаго общаго образованія и развитія. Признаніе тѣсной связи между тяжелымъ положеніемъ сельскаго хозяйства и жалкимъ состояніемъ народнаго образованія въ странѣ привело устанавливавшіе такую связь комитеты къ заключенію о необходимости предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности народнаго образованія и облегчить распространеніе внѣшкольнаго просвѣщенія. Указывая на необходимость увеличить размѣръ средствъ, затрачиваемыхъ государствомъ на всѣ виды народнаго образованія, многіе изъ уѣздныхъ комитетовъ наряду съ этимъ высказывали настойчивыя пожеланія, чтобы поднятъ былъ самый уровень народной школы и были уничтожены разнообразныя ограниченія, стѣсняющія въ настоящее время широкое примѣненіе частной и общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Для освобожденія русской деревни изъ-подъ давящей ее тяжести умственнаго мрака, по словамъ одного изъ членовъ Грязовецкаго комитета, „требуются не жалкіе палліативы въ видѣ церковно-приходскихъ школъ, земскихъ начальныхъ училищъ или скромныхъ по своимъ размѣрамъ и еще болѣе по своему содержанію библіотечекъ съ ограниченными каталогами, а необходимы мѣры радикальныя, измѣненія коренныя, обоснованныя на правильной системѣ“ **).

*) «Спб. Вѣдомости», 4 сент. 1902 г.

**) «Р. Вѣдомости», 20 авг. 1902 г.

Наряду съ отсутствіемъ въ деревнѣ образованія уѣздные комитеты нашли возможнымъ отмѣтить и другое важное препятствіе, мѣшающее развитію сельскаго хозяйства. „Какія бы мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства ни принимались,—говорится по этому поводу въ одной изъ заслушанныхъ и принятыхъ Рузскимъ комитетомъ записокъ — какія бы жертвы ни дѣлало государство въ интересахъ этой коренной отрасли народнаго труда, всѣ эти мѣропріятія не принесутъ надлежащихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока не предоставлено будетъ частнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ права свободнаго развитія самодѣятельности“ *). Проявленіе какой бы то ни было самодѣятельности представляется особенно затруднительнымъ для крестьянскаго населенія, рѣзко отличающагося въ своихъ гражданскихъ правахъ отъ всѣхъ другихъ сословій. Ярко и выразительно было обрисовано значеніе этихъ отличій однимъ изъ крестьянъ Ковровскаго уѣзда, приглашеннымъ въ мѣстный комитетъ. По его словамъ, для поднятія сельскаго хозяйства необходимы прежде всего „реформы крестьянскаго положенія“, такъ какъ и причиной упадка сельскаго хозяйства является, главнымъ образомъ, то „давительное“ положеніе, въ которомъ находится крестьянство. „Кого порятъ розгой?—говорилъ онъ.—Крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ?—крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ—всѣ имѣютъ свои права, только не имѣетъ ихъ крестьянинъ. Я, вотъ, крестьянинъ: меня пригласили на засѣданіе и я говорю, а если кому-нибудь мои слова не понравятся, завтра же меня посадятъ подъ арестъ и некому мнѣ жаловаться. Если вникнуть въ крестьянское положеніе, посмотрѣть на житье крестьянина, особенно въ зимнее время: черная изба, холодъ, голодъ, то это такое горе, котораго нельзя словами описать. Крестьянское положеніе поставлено у насъ самымъ низшимъ. Поэтому богатый уходитъ изъ крестьянства, остаются только бѣдные. Необходимо поднять крестьянское положеніе, сдѣлать его высшимъ, тогда только поднимется и крестьянское хозяйство“ **). Съ большею систематичностью, но не съ меньшею опредѣленностью, тѣ же мысли были высказаны въ засѣданіи Смоленскаго уѣзднаго комитета мѣстнымъ предводителемъ дворянства. „Вмѣстѣ съ ростомъ всей нашей общественности и распространеніемъ образованія въ народной средѣ—говорилъ послѣдній—растетъ и личность крестьянина, развивается его общественное сознаніе и потребность въ самоопредѣленіи. Но всѣ стремленія этого рода встрѣчаютъ на своемъ пути многочисленныя и тяжелыя препятствія. Самодѣятельности и почину крестьянина негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по ру-

---

** «Р. Вѣд.», 23 авг. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 22 сент. 1902 г.

камъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что такія явленія, какъ семейные раздѣлы и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина. Самодѣятельность, починъ, широкій кругозоръ, смѣлая инициатива и увѣренность въ своихъ силахъ, — всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности,—могутъ ли имѣть они мѣсто при современномъ положеніи вещей? Немалыя препятствія встрѣчаютъ и стремленія населенія къ разнаго рода коопераціямъ. Для полученія разрѣшенія на открытіе какого-нибудь общества, товарищества, библіотеки и т. п. приходится производить массу совершенно излишнихъ хлопотъ, притомъ очень часто оказывающихся и безрезультатными. Да и въ случаѣ полученія разрѣшенія дѣятельность обществъ ставится зачастую въ такія рамки, которыя лишаютъ ее серьезнаго значенія". При существующихъ условіяхъ „законодательная дѣятельность отстаетъ отъ жизни, а не идетъ наравнѣ съ ней, законъ превращается въ мертвую букву. Новые законы создаются въ бюрократическихъ кабинетахъ, при предположеніи, что выслушиваніе мнѣній тѣхъ, чьи нужды они должны удовлетворить, можетъ только повредить дѣлу. Самая организація процесса у насъ способна подрывать въ населеніи чувство законности и уваженія къ суду. Функціонирующій у насъ волостной судъ, съ волостнымъ писаремъ во главѣ, не имѣетъ ничего общаго съ юриспруденціей и подчиненъ непосредственно земскому начальнику. Съ закономъ 89 г. мы отступили отъ основного принципа судебной организаціи—отдѣленія судебной власти отъ административной. Взяточничество въ волостныхъ судахъ и усмотрѣніе должностныхъ лицъ въ камерахъ земскаго начальника стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, съ одной стороны, въ томъ, что можно добиться всего за взятку, а съ другой—что должностныя лица пользуются полнѣйшей безнаказанностью и всемогуществомъ. И то, и другое не можетъ, конечно, способствовать укрѣпленію въ населеніи чувства законности" *).

Выясненію спеціальныхъ условій современнаго крестьянскаго суда, между прочимъ, посвящена любопытная записка, внесенная въ Суджанскій комитетъ однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Какъ указывается въ этой запискѣ, правильному функціонированію волостныхъ судовъ препятствуютъ и неудачная ихъ организація, и частая неграмотность судей, и то сильное вліяніе, какое оказываютъ на послѣднихъ волостные старшины, писаря и другія

*) «Спб. Вѣдомости», 4-го сент. 1902.

лица сельской администраціи. Съ преобразованіемъ суда по закону 1889 г. роль въ судѣ этихъ лицъ не уменьшилась. Должность волостныхъ судей изъ числа избранныхъ сельскимъ населеніемъ кандидатовъ всегда занимаютъ тѣ лица, которыя на руку старшинѣ и писарю, такъ какъ при утвержденіи кандидатовъ земскіе начальники руководствуются указаніями волостныхъ старшинъ и писарей. Такимъ образомъ, волостной судъ пополняется по преимуществу лицами, лишенными всякой самостоятельности и рѣшительно не отвѣчающими своему назначенію. Въ большинствѣ случаевъ такой составъ суда разсѣкаетъ судебный гордіевъ узелъ очень просто: чья изъ двухъ, просителя или отвѣтчика, чаша съ деньгами, продуктами и водкой тяжелѣе потянетъ, тотъ и выиграетъ дѣло. Составить рѣшеніе, подтасовать показанія свидѣтелей, мотивировку въ ту или другую сторону — дѣло уже рукъ дѣлопроизводителя. Между тѣмъ компетенція волостного суда очень широка: онъ разрѣшаетъ многія уголовныя дѣла, имѣя право налагать на виновныхъ наказанія до 20 ударовъ розгами и 30 сутокъ ареста или до 30 сутокъ ареста и 30 р. штрафа, онъ же вѣдаетъ и гражданскіе иски: до 300 р.— всякіе споры и тяжбы, кромѣ дѣлъ о правѣ собственности и т. п., до 500 р.— о наслѣдственномъ имуществѣ, не входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ надѣла. Неправильности и подкупности такого суда немало содѣйствуетъ и ничтожное вознагражденіе судей. Судьи получаютъ до 60 р. въ годъ, предсѣдатель до 100 р., и за это они обязаны отдавать на разбирательство дѣлъ до 200 и болѣе дней въ теченіе года. Съ другой стороны, аппелляціонныя и кассаціонныя инстанціи далеко не всегда могутъ выяснить неправильность рѣшенія волостного суда, благодаря какъ полному отсутствію у народа самыхъ элементарныхъ познаній о своихъ юридическихъ правахъ и обязанностяхъ, такъ и постановкѣ дѣла въ этихъ инстанціяхъ. Земскій начальникъ, разрѣшая своею властью нѣкоторыя дѣла, безъ вызова и допроса сторонъ, а лишь на основаніи записей и рѣшеній волостного суда, въ большинствѣ случаевъ скомбинированныхъ и направленныхъ въ одну сторону, не можетъ судить о степени правосудности этихъ рѣшеній. Уѣздные же съѣзды и губернскія присутствія обыкновенно совершенно игнорируютъ то, что крестьянскій судъ построенъ на неписанномъ обычномъ правѣ и „внутреннемъ убѣжденіи судей“ и, основывая свои рѣшенія исключительно на обще-гражданскихъ законахъ вообще и на X томѣ Свода Законовъ въ особенности, тѣмъ самымъ разбиваютъ весь строй и укладъ крестьянской жизни. То же обстоятельство, что въ этихъ учрежденіяхъ лишь очень слабо представленъ юридическій элементъ, въ свою очередь вредно отзывается на правильности толкованія ими законовъ. Вдобавокъ, и самый порядокъ разсмотрѣ-

нія дѣлъ въ уѣздныхъ съѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ представляется мало удовлетворительнымъ. Уѣздные съѣзды для разбора дѣлъ назначаютъ въ мѣсяцъ два дня, а на самое слушаніе дѣлъ употребляютъ въ дѣйствительности за два дня отъ 6 до 8 часовъ и за это время разрѣшаютъ отъ 100 до 200 дѣлъ судебныхъ, да отъ 20 до 40 административныхъ. Такимъ образомъ, на каждое дѣло приходится около $1^1/_2$ минутъ, и этого времени хватаетъ не только на вызовъ сторонъ и свидѣтелей, но и на докладъ дѣла, спросъ сторонъ и свидѣтелей и постановленіе резолюціи. „Маленькіе сенаты" — губернскія присутствія приблизительно за такое же, если не меньшее время, разсматриваютъ дѣла въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ съѣзды. Въ значительной степени такая быстрота въ рѣшеніи дѣлъ объясняется тѣмъ, что члены названныхъ учрежденій смотрятъ на свою судебную дѣятельность исключительно, какъ на тяжелую повинность, и въ уѣздномъ съѣздѣ дѣла рѣшаются въ сущности единоличнымъ мнѣніемъ заранѣе разсматривающаго ихъ уѣзднаго члена, къ которому пассивно присоединяются его товарищи, а въ губернскомъ присутствіи такая же роль принадлежитъ непремѣнному члену. Во всякомъ случаѣ благодаря такому положенію дѣла волостные судьи, призванные разбирать вопросы, по своей юридической важности и тонкости совершенно не подходящіе къ ихъ компетенціи, и въ аппелляціонныхъ и кассаціонныхъ инстанціяхъ не имѣютъ установленій, способныхъ исправить недостатокъ ихъ рѣшенія, а, слѣдовательно, и все крестьянское судопроизводство оказывается поставленнымъ въ условія, имѣющія мало общаго съ правосудіемъ *).

Исходя изъ такихъ и подобныхъ имъ соображеній и указаній, цѣлый рядъ уѣздныхъ комитетовъ постановилъ признать необходимымъ, въ интересахъ поднятія сельскаго хозяйства, уравненіе крестьянства въ правахъ съ другими сословіями и ходатайствовать о такомъ уравненіи передъ особымъ совѣщаніемъ. Такое рѣшеніе принято въ комитетахъ Темниковскомъ, Александровскомъ, Грязовецкомъ, Рузскомъ, Казанскомъ, Епифанскомъ, Новомосковскомъ, Нижегородскомъ, Балахнинскомъ, Смоленскомъ, Рязанскомъ, Суджанскомъ, Елизаветградскомъ, Новоторжскомъ, Ковровскомъ, Горбатовскомъ, Черниговскомъ, Вологодскомъ, Борисоглѣбскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣкоторыя совѣщанія, какъ напримѣръ, Новоторжскій и Рузскій комитеты и Бессарабское общество садоводства, къ этой общей формулѣ присоединили еще особыя пожеланія относительно необходимости уничтоженія тѣлеснаго наказанія, какъ наиболѣе унижающаго личность крестьянина.

Трактуя вопросъ о сравненіи крестьянъ въ правахъ съ дру-

*) «Спб. Вѣд.», 1 авг. 1902 г.

гими сословіями, Нижегородскій уѣздный комитетъ призналъ, между прочимъ, желательнымъ возвращеніе къ прежней системѣ выборовъ гласныхъ въ земскія собранія отъ сельскихъ обществъ, такъ какъ въ настоящее время крестьянское представительство въ земствѣ является совершенно фиктивнымъ. Постановленія о желательности измѣненія дѣйствующей выборной системы въ смыслѣ увеличенія числа гласныхъ отъ крестьянъ сдѣланы были также въ комитетахъ Борисоглѣбскомъ, Козловскомъ и Грязовецкомъ *). Но сверхъ того многіе комитеты признали необходимымъ въ интересахъ большей успѣшности мѣропріятій земства на пользу сельскаго хозяйства произвести и болѣе коренную перестройку существующей земской организаціи, частью въ видѣ возвращенія земству его прежнихъ правъ, частью въ видѣ созданія на-ново такихъ условій, которыя обезпечили бы земству бо̀льшую самостоятельность и устойчивость. Такъ, въ запискѣ Костромской управы, представленной въ мѣстный комитетъ, было указано на желательность возвращенія продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства и отмѣны закона о фиксаціи земскихъ расходовъ; постановленія, признающія желательность отмѣны этого послѣдняго закона, были приняты также въ Грязовецкомъ и Козловскомъ комитетахъ **). Рядъ комитетовъ, въ томъ числѣ Грязовецкій, Нижегородскій, Козловскій, Борисоглѣбскій, Арзамасскій, Кишиневскій и Аккерманскій, высказался за необходимость созданія мелкой земской единицы въ видахъ приближенія земства къ населенію, и въ то же время другіе комитеты, какъ, напримѣръ, Темниковскій, Новомосковскій, Горбатовскій и Черниговскій, для той же цѣли признали желательнымъ переустройство земскаго представительства на началахъ безсословности ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые комитеты сочли нужнымъ указать на желательность вообще большей самостоятельности земскихъ учрежденій и большей внимательности къ ихъ голосу. „Если—говорится по этому поводу въ принятой Рузскимъ комитетомъ запискѣ предсѣдателя мѣстной управы, г. Цыбульскаго, — законъ возлагаетъ на земскія учрежденія главнымъ образомъ попеченіе о народномъ благосостояніи и о развитіи мѣстной сельскохозяйственной жизни, то, естественно,—та самодѣятельность, которая признается главной основой сельскохозяйственной промышленности, найдетъ лучшее свое проявленіе въ расширеніи правъ земства... Та централизація власти, то недовѣріе правительства къ обществу, то усиленіе административной опеки надъ крестьян-

*) «Нижег. Листокъ», 25 авг. и 16 сент.; «Спб. Вѣдомости», 16 и 26 сент.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902 г.

**) «Спб. Вѣд.», 26 сент. и 6 авг.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902.

***) «Р. Вѣд.», 20 авг., 4 и 10 сент.; «Спб. Вѣд.», 26 сент.; «Нижег. Лист.», 2 сент.; «Од. Нов.», 21 и 27 сент.; «Р. Вѣд.», 8 авг. и 10 сент.; «Спб. Вѣд.», 23 и 24 сент. 1902 г.

скимъ населеніемъ, которыя выразились въ рядѣ законовъ, изданныхъ со второй половины 80-хъ годовъ, служатъ главнымъ препятствіемъ къ развитію самодѣятельности въ области сельскаго хозяйства и къ поднятію его производительности". Соотвѣтственно этому Рузскій комитетъ и нѣкоторые другіе, какъ Бузулукскій, Темниковскій, Черниговскій, Грязовецкій, Суджанскій и Богородицкій, настаивая на необходимости большей самостоятельности земства, вмѣстѣ съ тѣмъ постановили ходатайствовать о привлеченіи земскихъ учрежденій къ участію въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскаго хозяйства, либо о передачѣ заключеній этого совѣщанія на обсужденіе земскихъ собраній *).

Третью группу общихъ и неотложныхъ нуждъ сельскаго хозяйства, указанныхъ уѣздными комитетами, составляютъ собственно хозяйственныя нужды, стоящія въ зависимости отъ финансовой и экономической политики государства. Почти во всѣхъ комитетахъ, обсуждавшихъ эти вопросы, лежащіе на крестьянствѣ земельные платежи признаны чрезмѣрно тяжелыми и не соотвѣтствующими ни дѣйствительной доходности земли, ни платежнымъ силамъ названнаго класса. Равнымъ образомъ, по мнѣнію большинства комитетовъ, и вся современная податная система, основанная на перенесеніи главнаго налоговаго бремени, путемъ косвеннаго обложенія, на плечи менѣе состоятельныхъ классовъ, и экономическая политика, направленная по преимуществу къ покровительству крупной промышленности, стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами сельскаго хозяйства и создаютъ тяжелое разстройство послѣдняго. Въ соотвѣтствіи съ этимъ многіе комитеты выразили пожеланія полной отмѣны или, по крайней мѣрѣ, серьезнаго пониженія выкупныхъ платежей, перехода отъ системы косвеннаго обложенія къ прогрессивному подоходному налогу и ослабленія таможеннаго покровительства обрабатывающей промышленности, особенно въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя служатъ непосредственно нуждамъ сельскаго хозяйства. Помимо этого отдѣльными комитетами были выражены и еще нѣкоторыя пожеланія. Такъ, Борисоглѣбскій комитетъ указалъ на желательность принятія на счетъ государственнаго казначейства земскихъ и волостныхъ расходовъ, носящихъ общегосударственный характеръ. Съ другой стороны, въ Смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ было высказано пожеланіе, чтобы представителямъ населенія было предоставлено участіе въ обсужденіи нуждъ финансоваго хозяйства страны **).

Сравнительно уже меньшее число комитетовъ подошло еще

---

*) «Р. Вѣдомости», 23 авг.; «Нижег. Лист.», 22 сент.; «Р. Вѣд.», 8 авг.; «Спб. Вѣд.», 24 сент.; «Р. Вѣд.», 20 авг. и 23 сент.; «Спб. Вѣд.», 23 сент. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 11 и 7 сент. 1902 г.

ближе къ матеріальнымъ нуждамъ крестьянства и, въ частности, къ тому наболѣвшему мѣсту современной русской деревни, какое представляетъ собою аграрный вопросъ. Недостаточное вниманіе комитетовъ къ этой сторонѣ дѣла, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ ихъ составѣ далеко не вездѣ находились крестьяне и даже тамъ, гдѣ предсѣдатели признали полезнымъ присутствіе крестьянъ, послѣдніе не всегда были приглашены въ достаточномъ количествѣ. Надо думать, именно это отсутствіе крестьянъ и невниманіе къ ихъ голосу создали въ нѣкоторыхъ комитетахъ уродливую постановку вопроса объ общинѣ, объявленной чуть ли не главной причиной безправнаго положенія крестьянства. При отсутствіи крестьянъ не могъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ получить надлежащей постановки и вопросъ о земельной нуждѣ, тяготѣющей въ настоящее время надъ громадною частью крестьянства. Но въ нѣкоторыхъ комитетахъ этотъ вопросъ былъ все же поставленъ и были даже проектированы извѣстныя мѣры для болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія его. Предсѣдатель Таврической губернской земской управы включилъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ въ примѣрную программу для докладовъ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ, разосланную имъ уѣзднымъ управамъ губерніи *). Поставленъ этотъ вопросъ и въ Кишиневскомъ, Бузулукскомъ и Новгородскомъ уѣздныхъ комитетахъ. Въ Тамбовскомъ комитетѣ признано желательнымъ, въ видахъ уменьшенія малоземелья, надѣлить крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственные надѣлы, землей, въ размѣрѣ полнаго надѣла, изъ казенныхъ оброчныхъ статей Тамбовской губерніи, а тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ неполные надѣлы, изъ казенныхъ земель восточныхъ губерній, смежныхъ съ Тамбовской **). Балашовскій уѣздный комитетъ въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій призналъ, что въ интересахъ поднятія сельскаго хозяйства „первой неотложной необходимостью является расширеніе крестьянскаго землепользованія, такъ какъ масса земледѣльческаго населенія страны изъ года въ годъ подвергается все большему обѣднѣнію благодаря недостатку въ землѣ“. Равнымъ образомъ и въ Грязовецкомъ уѣздѣ главною нуждою сельско-хозяйственной промышленности было признано крайнее безземелье крестьянскаго населенія, и мѣстный комитетъ нашелъ желательнымъ предоставленіе крестьянамъ возможности на льготныхъ условіяхъ получить достаточное количество земли изъ земель казны. Аналогичное постановленіе было принято и въ Пермскомъ уѣздномъ комитетѣ. Епифанскій (Тульской губ.) и Новомосковскій (Екатеринославской губ.) уѣздные комитеты, также отмѣчая фактъ кре-

*) «Од. Новости», 19 авг. 1902 г.

**) «Од. Нов.», 21 сент.; «Нижег. Листокъ», 22 сент. и 9 авг. 1902 г.

стьянскаго малоземелья, полагали противодѣйствовать ему путемъ облегченія крестьянской аренды на частновладѣльческихъ земляхъ, облегченія покупки земель черезъ Крестьянскій банкъ, лучшаго устройства переселеній въ Сибирь и другихъ подобныхъ мѣръ *).

Но наиболѣе широко, повидимому, былъ поставленъ этотъ вопросъ г. Цыбульскимъ, докладъ котораго Рузскому комитету намъ не разъ уже приходилось цитировать въ предыдущемъ изложеніи. „Крестьяне, составляющіе $^4/_5$ всего населенія Европейской Россіи и производящіе $^2/_3$ всего хлѣба, собираемаго въ Россіи,— говорится, между прочимъ, въ этомъ докладѣ—не обезпечены землей въ достаточномъ количествѣ, чтобы могли выдержать безъ голодовокъ, изъ году въ годъ повторяющихся, то податное бремя, которое они несутъ. Малоземелье крестьянъ является настолько очевиднымъ, что не требуетъ особыхъ цифровыхъ доказательствъ: населеніе въ Россіи съ 1861 года увеличилось въ очень значительномъ размѣрѣ, такъ что тѣ земельныя нормы, которыя были признаны достаточными 40 лѣтъ тому назадъ, теперь врядъ-ли могутъ обезпечить крестьянамъ удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей, не говоря о платежахъ и повинностяхъ государственныхъ. Для примѣра приведемъ справку по отношенію къ Рузскому уѣзду. Надѣленіе землей крестьянъ уѣзда въ 1861 г. было сдѣлано, считая по $3^1/_2$ десятины на каждую ревизскую душу. Въ настоящее время, по даннымъ послѣдней переписи 1897 г., приходится на каждую наличную душу по 1,6 дес. Если принять, что 0,6 дес. находится подъ усадьбами, огородами и выгонами, то полевое хозяйство приходится вести на одной десятинѣ. Съ этимъ вопросомъ особенно близко знакомо земство и нерѣдко многія агрономическія начинанія, съ цѣлью поднятія продуктивности земли, разбиваются по той причинѣ, что „негдѣ“ проводить эти улучшенія. Можно ли серьезно говорить объ измѣненіи системы полеводства съ переходомъ отъ традиціоннаго трехполья къ многопольнымъ сѣвооборотамъ, если всю систему приходится вводить на одной десятинѣ? Финансовая политика въ Россіи должна придти на помощь тому населенію, на которомъ лежитъ главная тяжесть податного бремени. Въ этихъ цѣляхъ является безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа. Эту задачу могъ бы выполнить Крестьянскій банкъ, обороты котораго, по даннымъ послѣднихъ отчетовъ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Желательнымъ является также пониженіе процентовъ въ платежахъ при выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земель. Крайне полезно было бы, чтобы нормы дополнительныхъ надѣловъ, предварительно ихъ утвержденія въ законодательномъ

*) «Р. Вѣдомости», 16 и 20 авг.; «СПБ. Вѣдомости», 19 сент.; «Р. Вѣд.», 10 сент. 1902 г.

порядкѣ, передавались на заключеніе земскихъ собраній, такъ какъ лишь земства, близко стоя къ населенію, являясь естественнымъ его представителемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточную экономическую организацію въ лицѣ своихъ сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ, статистическихъ бюро и пр., могутъ дать болѣе справедливый отвѣтъ на поставленный вопросъ" *).

По первоначальному газетному сообщенію, докладъ г. Цыбульскаго былъ принятъ Рузскимъ комитетомъ въ полномъ объемѣ. Затѣмъ, однако, въ газетахъ появилась дополнительная замѣтка, сообщавшая, что съ мыслью г. Цыбульскаго объ обязательной нарѣзкѣ крестьянамъ земли путемъ государственнаго выкупа „Рузскій комитетъ не согласился и единогласно отвергъ ее, находя, что вопросъ о способѣ устраненія крестьянскаго малоземелья есть вопросъ, подлежащій компетенціи высшихъ правительственныхъ учрежденій" **). Судя по тому, что эта поправка не вызвала никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, ее приходится считать съ фактической стороны вѣрной. Но мотивировку постановленія комитета, данную въ этой замѣткѣ, довольно трудно считать удачной. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и всѣ другіе вопросы, возбуждавшіеся въ комитетѣ, подлежатъ компетенціи высшихъ правительственныхъ учрежденій, что̀ нисколько не препятствовало обсужденію этихъ вопросовъ входить и въ компетенцію комитета. Остается предполагать, что приведенное постановленіе объясняется не столько границами компетенціи комитета, сколько его землевладѣльческимъ составомъ. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ отмѣтить, что та же мысль, какая была положена въ основу процитированной части доклада г. Цыбульскаго, предложена и непосредственно вниманію особаго совѣщанія однимъ изъ землевладѣльцевъ Боровскаго уѣзда, г. Недоховскимъ. „Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія—говоритъ этотъ послѣдній въ своей запискѣ, представленной въ особое совѣщаніе и напечатанной въ „Вѣстникѣ Финансовъ",—не можетъ встрѣтить на пути къ своему осуществленію бо̀льшихъ затрудненій, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись предъ 19 февраля 1861 г. и которыя благополучно устранены. Теперь это будетъ гораздо легче. Всѣ уже привыкли къ экспропріаціямъ недвижимой собственности на нужды государственныя и общественныя".

На этомъ мы и остановимъ перечисленіе важнѣйшихъ указаній, данныхъ мѣстными комитетами относительно наиболѣе неотложныхъ нуждъ сельскаго хозяйства. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, въ этихъ указаніяхъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ ничего совершенно новаго. Въ нашей литературѣ и даже въ нашей общественной жизни не разъ дава-

*) «Р. Вѣд.», 23 авг. 1902 г.
**) «Р. Вѣд.», 24 авг. 1902 г.

лись и болѣе обстоятельныя и полныя указанія тѣхъ неудобствъ, какія проистекаютъ для народной жизни отъ недостаточнаго развитія образованія, отъ излишней административной опеки и отсутствія у населенія, особенно крестьянскаго, прочныхъ и ясныхъ правъ, отъ финансовой системы, возлагающей главную тяжесть обложенія на трудящіеся классы, и экономической политики, заставляющей русскаго потребителя съ ущербомъ для себя оплачивать создаваемые покровительствомъ промышленности барыши крупныхъ предпринимателей. Тѣмъ не менѣе далеко не безразличнымъ является засвидѣтельствованный совѣщаніями мѣстныхъ комитетовъ фактъ, что сознаніе этихъ неудобствъ проникло въ широкіе слои провинціальнаго общества. Комитеты, конечно, не могли открыть какого-нибудь вполнѣ новаго, никому еще до нихъ неизвѣстнаго секрета паденія сельскаго хозяйства, какъ не могли найти и чудодѣйственнаго способа разомъ поднять это хозяйство изъ современнаго его упадка. Но они могли выяснить и освѣтить направленіе общественнаго мнѣнія въ соприкасающихся съ названной областью вопросахъ и это они, несомнѣнно, до извѣстной степени сдѣлали. Можно только пожалѣть, что въ ихъ работахъ остался недостаточно глубоко разработаннымъ вопросъ объ экономическомъ положеніи крестьянства и что наряду съ этимъ уѣздные комитеты почти совершенно не выяснили того практическаго пути, на которомъ ихъ благія пожеланія могутъ обратиться въ дѣйствительность. Въ губернскихъ комитетахъ, въ которые теперь переходятъ работы уѣздныхъ и составъ которыхъ заранѣе опредѣленъ, восполненіе этихъ пробѣловъ едва-ли возможно. Но для такого восполненія есть другой путь—на земскихъ собраніяхъ предстоящей сессіи. Законъ предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ право ходатайства о хозяйственныхъ нуждахъ населенія и еще недавно въ словахъ, обращенныхъ Государемъ къ земскимъ представителямъ Курской губерніи, земству было подтверждено, что его „призваніе—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ“. Остается пожелать, чтобы земскія собранія, сознавая всю важность настоящаго момента, энергично взялись за предстоящую имъ работу выясненія хозяйственныхъ нуждъ населенія и, воспользовавшись всѣмъ опытомъ, какой дала уже аналогичная работа сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заполнили тѣ пробѣлы, какіе оставила эта послѣдняя.

IV.

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ сообщеній и распоряженій. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

8 ноября въ „Правит. Вѣстникѣ“ было напечатано слѣдующее сообщеніе: „29-го іюля 1902 г., въ гор. Харьковѣ, на жизнь харьковскаго губернатора, шталмейстера князя Оболенскаго, было совершено покушеніе. Виновникъ его, крестьянинъ села Лазановки, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Ѳома Карнѣевъ Качуръ, какъ то установлено предварительнымъ слѣдствіемъ и сознаніемъ обвиняемаго, покусился на это преступленіе по побужденіямъ политическаго свойства, въ виду чего дѣло о немъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 17 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, было передано военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени. 26-го октября кіевскій военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ означенное дѣло, приговорилъ Ѳому Качура къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ сей, по надлежащей конфирмаціи, подлежалъ исполненію. Между тѣмъ, шталмейстеръ князь Оболенскій представилъ Его Императорскому Величеству Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ, ходатайствуя о помилованіи Качура, изложилъ: „мать моя, жена и двѣ дочери дерзаемъ молить Ваше Императорское Величество оказать человѣку этому милосердіе, даровавъ ему жизнь. Мы глубоко вѣруемъ, Государь, что одному Богу мы обязаны спасеніемъ моей жизни и горячо молимся Ему, чтобы эта явленная намъ милость Божія рукою Вашего Величества коснулась и самаго виновника. Горько было бы сознавать семьѣ моей, что ихъ сынъ, отецъ и мужъ явится косвенной причиной смерти другого“. Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше снизойти къ просьбѣ князя Оболенскаго и Высочайше повелѣть опредѣленную въ приговорѣ кіевскаго военно-окружнаго суда смертную казнь крестьянину Ѳомѣ Качуру замѣнить ссылкой въ каторжныя работы безъ срока“.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по сообщеніямъ газетъ, 28 октября „отдѣленіемъ московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ дверяхъ, началось слушаніемъ дѣло о крестьянинѣ П. А. Заломовѣ, 25 лѣтъ, мѣщанахъ А. И и М. И. Быковыхъ, 22 и 24 лѣтъ, горнозаводскомъ мастеровомъ Е. Гр. Наумовѣ, 25 л., кр. П. Д. Дружкинѣ, 25 л., кр. Н. В. Фроловѣ, 28 л., кр. А. П. Ляпинѣ (Буренкинѣ), 26 л., горнозав. маст. М. И. Самылинѣ, 24 л., горноз. маст. Н. Ф. Сутягинѣ, 19 л., кр. И. Д. Шибаевѣ, 24 л., кр. А. П. Барановѣ, 17 л., кр. М. Е. Богатыревѣ, 27 л., кр. В. Н. Солдатовѣ, 29 л., и кр. Я. С. Полозовѣ, 25 л., обвиняемыхъ по 252 ст. улож. о наказ. Всѣ обвиняемые—сормовскіе рабочіе“. 30-го же октября въ Нижнемъ въ засѣданіи судебной палаты съ сословными представите-

лями должно было начаться слушаніемъ „дѣло о пот. двор. С. И. Моисеевѣ, 22 лѣтъ, ковенскомъ мѣщанинѣ В. М. Лубоцкомъ, 19 л., кр. Г. Е. Михайловѣ, 21 года, дочери священника Н. В. Синевой, 22 л., пот. поч. гражд. А. И. Доброхотовой, 23 л., пот. поч. гражд. К. Н. Дердевѣ, 23 л., двор. Т. А. Лѣнивовой, 24 л., пот. поч. гражд. М. А. Георгіевскомъ, 23 л., и дочери купца А. Н. Кисловой, 23 л., обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 252 и 252[1] ст. улож. о наказ.“ *).

Дѣло объ уличныхъ безпорядкахъ въ г. Батумѣ, назначенное было къ слушанію 25 октября, отложено, по словамъ „Бакинскихъ Извѣстій“, до будущей сессіи за неявкою нѣкоторыхъ подсудимыхъ и свидѣтелей **).

Въ „Правит. Вѣстникѣ“ опубликованъ слѣдующій высочайшій приказъ по военному вѣдомству, данный 14 октября въ Ливадіи: „Командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, числящійся по гвардейской кавалеріи генералъ-лейтенантъ, его императорское высочество великій князь Павелъ Александровичъ исключается изъ службы“.

---

7 ноября состоялся Именной Высочайшій указъ на имя Правительствующаго Сената слѣдующаго содержанія:

„Въ постоянномъ попеченіи объ упорядоченіи правительственнаго завѣдыванія торговымъ мореплаваніемъ и портами, Нами учреждены были при министерствѣ финансовъ совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, отдѣлъ торговаго мореплаванія и комитетъ по портовымъ дѣламъ.

„Признавая нынѣ за благо дѣла торговаго мореплаванія и портовъ сосредоточить въ самостоятельномъ учрежденіи въ ряду государственныхъ установленій, повелѣваемъ:

„1) Совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, комитетъ по портовымъ дѣламъ и отдѣлъ торговаго мореплаванія, со всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, а равно управленіе строительныхъ и ремонтныхъ, для торговыхъ судовъ, заведеній выдѣлить изъ состава министерства финансовъ и предоставить вѣдѣнію особаго главнаго управленія торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ оное главноуправляющему, облеченному правами, въ статьѣ 159 учр. мин. (св. зак., т. I, изд. 1892 г.) указанными.

„2) Присвоить главноуправляющему права и обязанности, принадлежащія нынѣ: по части торговаго мореплаванія и портовъ— министру финансовъ, а по части технической въ портахъ—министру путей сообщенія

---

*) «Нижегор. Листокъ», 29 и 26 окт. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 6 ноября 1902 г.

„и 3) Главноуправляющему озаботиться внесеніемъ въ установленномъ порядкѣ на Наше утвержденіе проекта учрежденія и штата подвѣдомственнаго ему главнаго управленія, а также предположеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ о торговомъ мореплаваніи и портахъ, которыя вызываются новымъ порядкомъ управленія оными.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе".

Того же числа данъ Правительствующему Сенату и другой Высочайшій указъ такого содержанія: „Предсѣдателю совѣта по дѣламъ торговаго мореплаванія, Его Императорскому Высочеству великому князю Александру Михайловичу Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами".

В. Мякотинъ.

Письмо въ редакцію.

При октябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства" было разослано объявленіе объ изданіи въ 1903 г. журнала „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія", причемъ, въ числѣ сотрудниковъ этого журнала, былъ названъ, между прочимъ, В. А. Мякотинъ. Въ настоящее время В. А. Мякотинъ проситъ редакцію „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія" заявить, что онъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не находитъ возможнымъ принимать участіе въ этомъ журналѣ.

Редакторъ Вѣстника и Библіотеки Самообразованія

Профессоръ **П. Броуновъ.**

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

От	„Группы студентовъ Рижскаго Политехническаго Института"	7 р. — к.
„	студентовъ Юрьевскаго университета и Института Владимірцевъ	4 „ 65 „
„	Ш. И. Шелова изъ Иркутска	5 „ — „
„	А. И. Успенской, Турьинскіе рудники . . .	10 „ — „
	Итого	26 р. 65 к.

А всего съ прежде поступившими 868 р. 15 к.

Изданія
Товарищества „Просвѣщеніе“.

С.-Петербургъ, 7 рота, соб. д. № 20.

Книжный магазинъ и город. отд.: Невскій пр., 50.

„Большая Энциклопедія“.

Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія

подъ общей редакціей **С. Н. Южакова**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Біологическія науки, кромѣ ботаники — пр.-доц., зоол. академіи наукъ, **А. М. Никольскій.** — Ботаника и сельское хозяйство — проф. **В. Я. Добровлянскій.** — Ветеринарныя науки — м-ръ вет. **М. Н. Потапенко.** — Военный отдѣлъ — проф. **А. С. Лыкошинъ.** — Востоковѣдѣніе — этногр. акад **Д. А. Клеменцъ.** — Географія, геологія и минералогія — м-ръ геологіи **С. Н. Никитинъ.** — Древнерусская письмен. и славянскія литературы — проф. **А. К. Бороздинъ.** — Иностранныя литературы — проф. **Ѳ. А. Браунъ** и проф. **П. И. Вейнбергъ.** — Классич. древности — проф. **М. И. Ростовцевъ.** — Лингвистика — проф. **Д. Н. Овсянико-Куликовскій.** — Математика и астрономія — **Л. Г. Малисъ.** — Медицина — врачъ **Р. А. Брагинская.** — Музыка — проф. **Л. А. Саккетти.** — Русская литература XIX в. — **А. М. Скабичевскій.** — Соціологія и исторія — **С. Н. Южаковъ.** — Физика, химія и техника — проф. **А. Н. Миткинскій** и д-ръ химіи **В. А. Ковалевскій.** — Философія — **П. Ѳ. Кантеревъ.** — Экономическій отдѣлъ — проф. **В. Г. Троицкій.** — Юридическій отдѣлъ — проф. **В. М. Гессенъ.**

и сотрудничествѣ болѣе 200 русскихъ ученыхъ и литературныхъ силъ.

Издатели:

Библіографическій Институтъ (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“ въ С.-Петербургѣ.

Около 150,000 статей и указаній на 16,000 страницахъ текста съ прибл. 10,000 иллюстрацій, картъ и плановъ въ текстѣ и на 1000 отдѣльныхъ приложеніяхъ, изъ которыхъ болѣе 60 хромолитографій и болѣе 120 картъ и плановъ въ краскахъ.

200 выпусковъ по 50 коп. или 20 томовъ въ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ по 6 руб.

„Большая Энциклопедія“ выходитъ съ конца 1899 г. тетрадями, содержащими по 2 выпуска, объемомъ въ 10 листовъ, и **должна закончиться въ продолженіе пяти лѣтъ**, въ 1904 году. До октября 1902 г. вышли 198 выпусковъ.

Выпуски 1—2-й (въ одной тетрадкѣ) высылаются для ознакомленія съ изданіемъ за 1 руб. (можно почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Отъ редакціи „Большой Энциклопедіи".

Въ проспектахъ о выходѣ „Большой Энциклопедіи", выпущенныхъ осенью 1899 года, было точно и ясно сказано, что все изданіе будетъ закончено въ пятилѣтній срокъ и не превзойдетъ 20 томовъ, а слѣдовательно и цѣна его не превыситъ объявленной въ проспектѣ. Это категорическое обѣщаніе проспекта не могло не сосѣйствовать въ извѣстной степени успѣху, который заслужилъ нашъ трудъ. А это обстоятельство, въ свою очередь, послужило для насъ поводомъ дать въ этихъ строкахъ отчетъ объ исполненіи нами принятой на себя работы.

Больше половины обѣщаннаго срока уже миновало, именно 3/5 всего срока, остается 2/5. Иначе говоря, теперь слѣдовало закончить 12 томовъ. Они редакціей дѣйствительно почти закончены. Одинадцатый томъ весь подписанъ къ печати еще въ сентябрѣ 1902, а двѣнадцатый весь набранъ, почти весь сверстанъ и подписанъ къ печати. Значитъ, опозданіе меньше полутома, т. е., по теперешнему темпу работы, не больше 2—3 недѣль. Первоначально, по совершенно понятнымъ причинамъ, неизбѣжнымъ въ только-что организуемомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ, ходъ работы былъ гораздо медленнѣе и только постепенно ускорялся, но мѣрѣ окончательной организаціи и согласно указаніямъ опыта. Въ настоящее время скорость работы, если ничего непредвидѣннаго не произойдетъ, даетъ намъ полную надежду окончить „Большую Энциклопедію" въ обѣщанный пятилѣтній со дня выхода перваго выпуска срокъ.

Три пятыхъ словаря сдѣланы: вмѣстили-ли они ровно 3/5 всего словарнаго матерьяла или меньше? И въ послѣднемъ случаѣ, не угрожаетъ-ли это обстоятельство увеличеніемъ размѣра словаря и его цѣны? По этому вопросу, мы можемъ вполнѣ категорически заявить, что такое превышенія размѣра изданія никоимъ образомъ допущено редакціей не будетъ. Нѣкоторые неизбѣжные при началѣ труда прочеты, нѣсколько распространившіе долю первыхъ буквъ алфавита, своевременно были замѣчены; весь остающійся матерьялъ пересмотрѣнъ съ точки зрѣнія его величины и равномѣрно распредѣленъ на остающіеся тома „Большой Энциклопедіи"; редакція строго слѣдитъ за соблюденіемъ этихъ нормъ и нисколько не сомнѣвается, что съумѣетъ ихъ сохранить, а все изданіе вмѣстить въ 20 томовъ того же формата и размѣра, какъ и вышедшіе.

Давая только что приведенныя объясненія, мы желали удостовѣрить, что твердо стремимся въ точности выполнить условія, на которыхъ публика радушно встрѣтила этотъ трудъ. Эти условія, однако, заключаются для насъ въ двухъ пунктахъ: быстрота работы и сжатость. Эти два условія, особенно вмѣстѣ взятыя, естественно порождаютъ нѣкоторые недостатки и пробѣлы. Мы не закрываемъ глаза на эти погрѣшности, неизбѣжныя въ поставленныхъ условіяхъ. Мы не думаемъ, однако, чтобы ихъ было много, и мы надѣемся недосмотры исправить, а пробѣлы пополнить въ обѣщанномъ намъ издателями дополнительномъ томѣ, который имѣетъ выйти вслѣдъ за послѣднимъ, двадцатымъ томомъ „Большой Энциклопедіи".

Что касается плана изданія, тѣхъ силъ, которыя удалось соединить для этого дѣла, и качества самаго труда, то пусть само изданіе за себя говоритъ. Мы же отъ себя только скажемъ, чего не слѣдуетъ ждать отъ этого изданія: не слѣдуетъ ждать (какъ то нѣкоторые наши читатели дѣлаютъ) объясненія всѣхъ словъ русскаго языка. Это изданіе не объяснительный словарь языка русскаго (какъ академическій) и не призвано объяснить значеніе и иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ (для этого существуютъ спеціальныя изданія). Это изданіе — словарь энциклопедическій, т.-е. призвано дать въ популярномъ изложеніи и въ размѣрѣ, соотвѣтственномъ размѣру словаря, обозрѣніе не всѣхъ словъ, но всѣхъ наукъ, расположивъ это изложеніе не въ систематическомъ, а въ алфавитномъ порядкѣ.

Редакторъ „Большой Энциклопедіи"

Спб. 20 ноября 1902 г. **С. Южаковъ.**

Прогрессъ современной науки и связанная съ нимъ крайняя спеціализація знаній съ особой силой выдвинули потребность въ такъ наз. энциклопедическихъ, т.-е. такихъ изданіяхъ, которыя стремятся ознакомить читателя хотя-бы съ наиболѣе основными фактами и выводами всѣхъ отраслей науки и искусства, въ возможно общедоступной формѣ.

Задавшись цѣлью дать русской публикѣ дѣйствительно доступную — какъ по существу сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ и по цѣнѣ — энциклопедію, Библіографическій Институтъ (Мейеръ) и Т-во „Просвѣщеніе" остановились на мысли предпринять переизданіе для Россіи извѣстнаго большого энциклопедическаго словаря Мейера. При этомъ издатели поставили себѣ задачей сохранить въ русскомъ изданіи изящную внѣшность и большую часть иллюстрацій оригинала, что же касается содержанія, то оно для иностранныхъ отдѣловъ представляется сокращеннымъ воспроизведеніемъ Meyer'a, а для русскихъ отдѣловъ и частью для теоретическихъ, особенно общественно-научныхъ, должно быть совершенно переработано. Поэтому, не только все, что касается Россіи и для насъ особенно важныхъ отраслей знанія (полит. экономія), а также западно славянскихъ и смежныхъ съ Россіей восточныхъ странъ, входящихъ въ сферу русскихъ интересовъ и русскаго вліянія, написано самостоятельно русскими учено-литературными силами но и прочіе отдѣлы „Большой Энциклопедіи" переработаны, соотвѣтственно требованіямъ русскаго читателя: вездѣ, гдѣ необходимо, сдѣланы или сокращенія, или дополненія, приведена русская литература и т. д. Кромѣ оригинальной обработки русскихъ отдѣловъ, „Большой Энциклопедіи" поставила себѣ еще вторую задачу — именно отвести болѣе значительное мѣсто теоретическимъ, научнымъ и философскимъ объясненіямъ на счетъ сокращенія иностранныхъ историко-географическихъ и чисто справочныхъ указаній. При этомъ указанія и объясненія не столько исключаются, сколько сжимаются въ размѣрѣ.

Издатели.

Списокъ сотрудниковъ „Большой Энциклопедіи“.

Абрамовичъ, Д. И., проф.
Аваловъ, Э. Д.
Аделунгъ, Н. Н., Зоол. Акад. Наукъ.
Альтгаузенъ, А. Ф.
Аничковъ, Е. В., прив.-доц.
Анненскій, Н. Ѳ.
Антоновичъ, М. А.
Антоновскій, Ю. М.
Бархаткинъ, М. И.
Башкировъ, А. В.
Біанки, В. Л., зоол. Акад. Наукъ.
Богдановичъ, А. И.
Бодуэнъ де Куртиэ, И. А., проф.
Бородинъ, И. П., проф.
Бороздинъ, А. К., проф.
Брагинская, Р. А., врачъ.
Брагинскій, М. А.
Брандтъ, Г. Г.
Брауде, А. В.
Браудо, А. И.
Браунъ, Ѳ. А., проф.
Буличъ, С. К., проф.
Быковская, Н. П.
Быковъ, П. В.
Бѣлоконскій, И. П.
Бѣляевъ, Н. Т.
Васильевъ, А. А.
Ватсонъ, М. В.
Веймарнъ, П. П.
Вейнбергъ, А. А.
Вейнбергъ, П. И., проф.
Вереха, П. Н., проф.
Веселовскій, А. Н., акад.
Вицняковъ, Н. П.
Водовозовъ, В. В.
Воларовичъ, П. Е.
Вольтеръ, Э. А., прив. доц.
Ганейзеръ, Е. А.
Ганфманъ, М. И.
Гарднеръ, Д. Д.
Гедройцъ, К. Б.
Гессенъ, В. М., проф.
Гессенъ, Ю. М.
Гессенъ, Я.
Гильченко, В. А.
Головчинеръ, И. Л., хим.
Голубевъ, А. К.
Голубовскій, П. В., проф.
Гольдмерштейнъ, Л. М.
Гольдштейнъ, М. Ю., прив.-доц.
Горнфельдъ, А. Г.
Гребницкій, А. С.
Гревсъ, И. М., д-ръ ист.
Гринченко, Б. Д.
Гуревичъ, Я. Г.
Дементьевъ, Е. М., врачъ.
Добровлянскій, В. Я., проф.
Дьяконовъ, М. Н., проф.
Есауловъ, А. А.
Жебелевъ, М. И., прив.-доц.
Житецкій, П. П.
Закъ, Л. С.
Заремба, А. В.
Звонниковъ, А. И.
Златовратскій, Н. Н.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф., проф.
Ивановскій, А. А., проф.
Ивановъ, Г. И.
Ильинскій, Г. А.
Ильинскій, Н. А.
Иностранцевъ, К. А.
Іолшинъ, М. П.
Канделаки, В. А.
Каллашъ, В. В.
Каптеревъ, П. Ѳ.
Карышевъ, Н. А., проф.
Карѣевъ, Н. И., проф.
Кивлицкій, Е. А.
Клеменцъ, Д. А., этн. Ак. Наукъ.
Ковалевскій, В. А., д-ръ химіи.
Ковалевская, Е. Ѳ., д-ръ хим.
Кондаковъ, Н. П., акад.
Конева, Е. О., врачъ.
Кордтъ, В. А.
Корзухинъ, И. А., инж.
Коржинскій, С. И., акад.
Короленко, В. Г., поч. ак.
Коршунъ, Л. Г., инж.
Коссовичъ, П. С., проф.
Коловичъ, П. С., проф.
Кулаковскій, Ю., проф.
Кулябко, А. А., пр.-доц.
Лазаревскій, А. М.
Лебедевъ, А. А., горн. инж.
Лесевичъ, В. В.
Ливенсонъ, М. В.
Линсцеръ, Г. Ф.
Липовскій, А. Л.
Лисовскій, Н. М.
Лыкошинъ, А. С., проф.
Любименко, В. Н.
Ляцкій, Е. А.
Лященко, А. І.
Малисъ, Л. Г.
Малкинъ, О. Л.
Маминъ, Д. Н.
Марченко, А. Г.
Миклашевскій, А. Н., проф.
Милюковъ, П. Н., проф.
Митинскій, А. Н., проф.
Митинскій, П. Н., проф.
Миткевичъ, В. О.
Михайловскій, Н. К.
Михайловскій, Н. Г. (Гаринъ), инженеръ.
Мокіевскій, П. В.
Морозовъ, П. О.
Морозовъ, Г. Ѳ., проф.
Мурашкинцевъ, А. А.
Мякотинъ, В. А., м-ръ исторіи.
Никитинъ, С. Н., м-ръ геологіи.
Николай — Онъ.
Никольскій, А. М., прив.-доц., зоологъ Академіи Наукъ.
Новодворскій, В. В.
Обнорскій, Н. П.
Обручевъ, В. А.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф.
Осадчій, Т. И.
Острогорскій, В. П.
Остроградскій, А., доц.
Павловъ-Сильванскій, Н. Н.
Павловъ-Сильванскій, Н. П.
Петражицкій, Л. О., проф.
Пискорскій, В. К., проф.
Погодинъ, А. Л., проф.
Покровскій, М. М.
Потанинъ, Г. Н.
Потапенко, И. Н., м-ръ ветер.
Прессъ, М. А., инж.
Пруссакъ, А. А.
Пѣтуховъ, Е. В., проф.
Ростовцевъ, М. И., проф.
Ротастъ, М. К.
Савинковъ, Б.
Саккетти, Л. А., проф.
Семевскій, В. И.
Семенюта, П. П.
Сиверсъ, Н. Н.
Сильчевскій, Д. П.
Симони, П. К.
Скабичевскій, А. М.
Скрягинъ, А. А., контр-ад.
Соколовскій, П. А.
Соколовъ, Н. М.
Станюковичъ, К. М.
Степановъ, Н. А.
Сторожевъ, В. Н.
Сѣкирскій, Н. Н.
Танфильевъ, Г. И.
Тарле, Е. В., прив.-доц.
Тимофеева, М. Н.
Томашевскій, Б. В., прив.-доц.
Траншель, В. А.
Тураевъ, Б., прив.-доц.
Успенскій, А. Гл., инжен.
Фалѣевъ, Н. И.
Ферингеръ, А. Г.
Филиповъ, М. М., д-ръ фил.
Храневичъ, К. І.
Цытовичъ, Н. П.
Чернолусскій, В. А.
Чудновскій, С. Л.
Чупровъ, А. И., проф.
Шауманъ, А. К.
Шауманъ, Н. Г.
Шахматовъ, А. А., акад.
Шафрановъ, П. А.
Шишмаревъ, В. Ѳ.
Штернбергъ, Л. Я.
Шумаковъ, С. А.
Щеголевъ, П. Е.
Щепкина, Е. Н.
Щербацкій, Ѳ. И., прив.-доц.
Щербина, Ѳ. А.
Южаковъ, С. Н.
Ярмерштедтъ, В. К.
Яроцкій, В. Г., проф.
Ячевскій, А. А.
и др.

Для болѣе удобнаго помѣщенія „Большой Энциклопедіи“ нами изготовлены изъ лучшаго матеріала и тщательной работы

ВИСЯЧІЯ СТѢННЫЯ ПОЛКИ,

которыя могутъ служить украшеніемъ любой комнаты. — Полка, изображеніе которой помѣщено здѣсь, вмѣщаетъ въ верхнемъ отдѣленіи какъ разъ всѣ 20 томовъ „Большой Энциклопедіи“. Нижнее отдѣленіе предназначено для дополнительныхъ томовъ или другихъ часто пользуемыхъ книгъ.

Цѣна такой висячей стѣнной полки изъ дубоваго дерева **20 р.**, изъ орѣховаго — **25 р.** Со стеклянными дверцами на **10 р.** дороже.

Согласно нашему правилу, и полки выдаются и доставляются въ разсрочку при внесеніи не менѣе 5 руб. задатка и ежемѣсячномъ взносѣ отъ 4 руб.

Пересылка полокъ за счетъ покупателя, за упаковку въ ящикъ считается 2 руб. 50 коп.

М. Штандфуссъ, проф.

Жизнь бабочекъ,

ихъ ловля, воспитаніе и сохраненіе.

Руководство для собирателей.

Переводъ съ нѣмецкаго
О. Соколовой и Е. Шевыревой,
съ приложеніемъ работъ другихъ авторовъ,
подъ редакціей Ученаго Секретаря Русскаго Энтомологическаго Общества
Ив. Шевырева.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествовѣдѣніе, а равно и учительскихъ институтовъ и семинарій.

Цѣна 2 руб. 50 коп.; въ изящномъ коленкор. переплетѣ 3 руб. 25 коп.

Подробныя иллюстрированныя проспекты высылаются безплатно.

Серія популярно-научныхъ роскошно иллюстрированныхъ изданій

„Вся Природа“

состоитъ изъ семи, въ настоящее время законченныхъ печатаніемъ сочиненій въ 13 большихъ роскошно переплетенныхъ томахъ.

Цѣна 98 руб. 80 коп.

„Мірозданіе“ — 1 томъ . .	въ роск.	полук.	перепл.	8 р.	60 к.
„Исторія земли“ — 2 тома .	„ „	„	„	15 „	— „
„Происхожденіе животнаго міра“ — 1 томъ	„ „	„	„	7 „	— „
„Народовѣдѣніе“ — 2 тома .	„ „	„	„	15 „	— „
„Человѣкъ“ — 2 тома . .	„ „	„	„	14 „	20 „
„Жизнь животныхъ“ Брэма 3 тома	„ „	„	„	24 „	— „
„Жизнь растеній“ — 2 тома	„ „	„	„	15 „	— „

Всѣ названныя сочиненія, оставаясь каждое въ отдѣльности совершенно самостоятельнымъ изслѣдованіемъ даннаго явленія нашей природы, ***представляютъ*** *въ совокупности* ***единое цѣлое,*** *одно изданіе, предметомъ котораго является наша природа. Заинтересовавшись однимъ предметомъ, каждый изъ читателей ощущаетъ потребность восполнить свои свѣдѣнія и удовлетворить своей любознательности по другому, который является дополненіемъ перваго. Идя навстрѣчу этой потребности и желая сдѣлать пріобрѣтеніе цѣльныхъ изданій, необходимыхъ каждому стремящемуся къ восполненію своего образованія человѣку,* ***общедоступнымъ,*** *мы рѣшились,* ***не повышая нисколько цѣны,*** *ввести*

систему разсрочки платежа

на слѣдующихъ льготныхъ условіяхъ: лица, желающія пріобрѣсть „Всю Природу“ или только нѣкоторыя ея части съ разсрочкой платежа, извѣщаютъ насъ простымъ письмомъ, что желаютъ получить такія-то изданія и обязуются выплачивать ежемѣсячно столько, чтобы въ теченіе года или полутора погасить весь свой долгъ.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Мірозданіе.

Астрономія въ общепонятномъ изложеніи

д-ра **Вильгельма Мейера,**

бывшаго директора общества „Urania" въ Берлинѣ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ

подъ ред. профес. Императорскаго С.-Петербургскаго университета

С. П. фонъ-Глазенапа.

***Одобрено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*

15 выпусковъ (большой томъ) убористой печати, около 50 листовъ большого формата, на веленевой бумагѣ, съ 287 рисунками въ текстѣ, 18 хромолитографіями и геліогравюрами, 13 рѣзанными на деревѣ картинами и 10 картами въ краскахъ.

Цѣна полнаго сочиненія 7 р. 50 к., отдѣльные выпуски 60 коп. — Въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ 8 р. 60 к.

Исторія земли.

Проф. М. Неймайра.

Переводъ съ 2-го переработаннаго и дополненнаго проф. **Улигомъ** нѣмецкаго изданія съ обширными дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ **В. В. Ламанскаго** и **А. Н. Нечаева**

подъ общей редакціей заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго университета

А. А. Иностранцева.

***Рекомендовано** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній.*

***Рекомендовано** Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи**, для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства, какъ одно изъ капитальныхъ и строго научныхъ сочиненій по отдѣлу естествознанія.*

***Рекомендовано** Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.*

30 выпусковъ (2 большихъ тома: 1-й томъ VI+761 стр., II-й томъ XV+848 стр.), съ 1120 рисунками въ текстѣ, 4 картами въ краскахъ, 22 хромолитографіями и 12 рѣзанными на деревѣ картинами,

---

Цѣна за всѣ 30 вып. 12 р. 80 к., отдѣльн. вып. 50 к. — 2 больш. тома въ изящн. полукож. перепл. 15 руб.

Первый (пробный) выпускъ каждаго изданія высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Происхожденіе животнаго міра.

Сочиненіе проф. **Вильгельма Гааке.**

Переводъ съ нѣмецкаго д-ра **М. Е. Ліона**

подъ редакціей доктора зоологіи проф. **Ю. Н. Вагнера.**

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній Министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.

15 выпусковъ, XII+634 страницы большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, съ 469 художественными иллюстраціями въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 9 рѣзан. на деревѣ черными картинами и 11 хромолитографіями.

Цѣна за всѣ 15 выпусковъ 6 руб., отдѣльн. вып. 50 коп. — Въ роскошн. переплетѣ 7 руб.

Предлагаемая книга проф. В. Гааке, одного изъ главныхъ составителей „Жизни животныхъ Брэма", представляетъ прямое и необходимое дополненіе этого классическаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ является отдѣльнымъ совершенно самостоятельнымъ сочиненіемъ. Изучая животный міръ не только въ современномъ его видѣ, но и въ постепенномъ его развитіи, изслѣдуя вліяніе разныхъ условій окружающей среды, климата, пребыванія на сушѣ или въ водѣ, смѣны геологическихъ періодовъ и проч. на развитіе тѣхъ или другихъ особенностей животнаго организма, авторъ даетъ высоко интересную картину развитія того пестраго разнообразія животныхъ формъ, которое мы наблюдаемъ теперь. „Происхожденіе животнаго міра" должно и у насъ, какъ въ западной Европѣ, стать настольной книгой для всѣхъ, интересующихся успѣхами современной зоологіи. Всѣ факты и выводы иллюстрируются многочисленными, художественно исполненными рисунками, которые дѣлаютъ чтеніе книги особенно интереснымъ и легко доступнымъ.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семик. марокъ. которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Народовѣдѣніе.

Проф. д-ра Фридриха Ратцеля.

Переводъ съ значительными оригинальными дополненіями со 2-го совершенно переработаннаго нѣмецкаго изданія

Д. А. Коропчевскаго.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано такъ цѣлесообразнымъ допустить это сочиненіе въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

36 выпусковъ (2 тома), около 1600 страницъ большого формата и убористой печати, съ 1103 рисунками въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ, 30 хромолитографіями и 26 черными картинами.

Цѣна за всѣ 36 вып. 12 руб. 60 коп., отд. вып. 35 коп.; въ 2 роскошн. полукож. перепл. 15 руб.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Русская лира.

Сборникъ произведеній русской художественной лирики.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Настоящій сборникъ распадается по характеру выбранныхъ произведеній на девять книгъ и содержитъ на 400 страницахъ любимѣйшія и лучшія произведенія всѣхъ нашихъ классическихъ и современныхъ поэтовъ. Книга напечатана на веленевой бумагѣ, четкимъ и красивымъ шрифтомъ и можетъ служить украшеніемъ каждой библіотеки и лучшимъ предметомъ для подарка.

Цѣна 1 руб. 50 коп.; въ изящн. тисн. зол. коленкор. перепл. 2 руб. 25 коп.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Человѣкъ.

Сочиненіе доктора **І. Ранке,**

профессора Мюнхенскаго университета и Главнаго Секретаря Германскаго Антропологическаго Общества.

Переводъ со второго дополненнаго и вновь переработаннаго нѣмецкаго изданія д-ра **М. Е. Ліона** и д-ра медицины Берлинскаго университета **А. Л. Синявскаго**

подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго.**

30 выпусковъ, около 1500 страницъ большого формата и убористой печати, или 2 большихъ тома, на веленевой бумагѣ, съ 1398 рисунками въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ и 35 хромолитографіями.

Цѣна за всѣ 30 вып. 12 руб., отд. вып. 50 коп., — въ 2 роскошн. полукож. перепл. — 14 руб. 20 коп.

Профессоръ Ранке принадлежитъ къ числу первоклассныхъ европейскихъ антропологовъ, и наука обязана ему многими выдающимися антропологическими работами. Книга его справедливо ***можетъ быть названа самымъ полнымъ и въ то же время самымъ популярнымъ руководствомъ по естественной исторіи человѣка.*** *Въ первой части ея излагается развитіе, строеніе и жизнь человѣческаго тѣла, т.-е. эмбріологія, анатомія и физіологія. Вторая часть содержитъ описаніе современныхъ и доисторическихъ человѣческихъ расъ и подраздѣляется на два отдѣла: 1) описаніе физическихъ различій, встрѣчающихся въ человѣческомъ родѣ, — сравненіе строенія тѣла человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ, сопоставленіе относительной величины частей тѣла у различныхъ расъ и населеній, цвѣта кожи, глазъ и волосъ и строенія послѣднихъ, описаніе формы черепа у различныхъ расъ, классификація нынѣ живущихъ человѣческихъ расъ и антропологическая характеристика ихъ; 2) описаніе древнѣйшихъ человѣческихъ жилищъ въ Европѣ, остатковъ человѣка дилювіальной эпохи и главныхъ культурныхъ моментовъ древняго и новаго каменнаго и бронзоваго вѣковъ и первыхъ времень желѣзнаго вѣка въ сѣверной и средней Европѣ.*

Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что „Человѣкъ“ профессора Ранке обнимаетъ и соматическую, и этническую, и доисторическую антропологію, т.-е. всѣ главнѣйшіе отдѣлы этой науки.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семик. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

☛ Допускается разсрочка платежа. ☚

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Жизнь животныхъ Брэма.

Полный переводъ со 2-го вновь обработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія

для школы и домашняго чтенія

подъ редакціей проф. **П. Ф. Лесгафта** (I и II т. до 161 стр.) и проф. Спб. университета **А. С. Догеля** (съ 26 листа II т.).

Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*

60 выпусковъ (3 тома), около 3000 страницъ большого формата и убористой печати, съ 1179 рисунками въ текстѣ, 30 хромолитографіями, 50 черными картинами и 1 картой въ краскахъ.

Цѣна каждаго выпуска 35 коп.; въ 3 роскош. полукож. перепл. 24 руб.

Жизнь растеній.

Проф. **А. Кернера ф.-Марилаунъ.**

Переводъ (съ разрѣшенія издателей ориг.) со 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія съ библіографическимъ указателемъ и оригинальными дополненіями

А. Генкеля и В. Траншеля

подъ редакціей заслуж. проф. **И. П. Бородина.**

Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, и*

Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*

30 выпусковъ (2 больш. тома), 105 листовъ большого формата и убористой печати на веленевой бумагѣ, съ 2100 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 24 рѣзанными на деревѣ картинами и 40 хромолитографіями.

Цѣна за всѣ 30 выпуск. 12 р. 80 к., отдѣльн. вып. 50 коп. — Въ двухъ изящн. полукож. переплет. 15 руб.

„Жизнь растеній“ Кернера ф.-Марилаунъ обладаетъ, по единогласнымъ восторженнымъ отзывамъ печати, тѣми же выдающимися достоинствами, что и „Исторія земли“ проф. Нейматра, „Человѣкъ“ проф. Ранке и „Жизнь животныхъ“ Брэма. Всѣ эти сочиненія принадлежатъ къ одной серіи „Вся Природа“ и имѣютъ высокой задачей сдѣлать царство природы болѣе доступнымъ пониманію большинства, въ интересной и занимательной формѣ раскрывать передъ читателемъ исполненныя таинственности и чудесъ жизненныя явленія.

И вотъ, разъясненію на первый взглядъ загадочныхъ явленій растительной жизни и посвященъ трудъ проф. Кернера ф.-Марилаунъ. Онъ разсказываетъ намъ о всевозможнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ растеній; передъ нами проходятъ наскомоядныя растенія, растенія гиганты и карлики, растенія, защищающіяся отъ враговъ и нападающія на нихъ, и все это не въ видѣ сухого ученаго повѣствованія, а въ увлекательной формѣ, интересной особенно потому, что авторъ имѣлъ случай наблюдать почти всѣ описываемыя имъ растенія на мѣстѣ ихъ произрастанія и переноситъ читателя то въ полярныя страны Шпицбергена, то въ Австралію или Южную Америку.

Первый (пробный) выпускъ каждаго изданія высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Продолжается подписка

на роскошно иллюстрированное популярно-научное изданіе

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Профессоровъ: Аренса, Арндта, Борхерса, Брюггемана, Вильке, Вюста, Гари, Гедике, Гейнцерлинга, Гехта, Грунмаха, Гюртлера, Далена, Зеттегаста, Крамера, проф. **Крафта, Лассара-Кона, Лёвенталя,** инж. **Линда, Мите, Песслера, Плива, Рело, Рея, Ровальда, Розенбоома, Трептова, Троске, Фаульвассера, Шварца, Шмидта, Эбе** и мн. др.

Полный переводъ съ значительными дополненіями съ IX нѣмецкаго изданія подъ редакціей профессоровъ

А. А. Байкова, В. И. Баумана, Н. А. Гезехуса, В. Я. Добровлянскаго, А. Н. Митинскаго, † И. В. Мушкетова, В. В. Скобельцына, В. В. Эвальда и др.

Содержаніе:

Томъ I. Исторія и современная техника строительнаго искусства.
„ II. Силы природы и ихъ примѣненія.
„ III. Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ.
„ IV. Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ.
Томъ V. Горное дѣло и металлургія.
„ VI. Технологія металловъ.
„ VII. Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ.
„ VIII. Обработка волокнистыхъ веществъ.
„ IX. Пути сообщенія.
„ X. Міровая торговля и хозяйство.

---

100 выпусковъ или 10 томовъ въ роскошн. полукожан. перепл. Около 9000 страницъ, 7000 рисунк. въ текстѣ и 100 хромолитогр., картъ, плановъ въ краскахъ и черн. картинъ.

Задача изданія — распространить въ возможно болѣе широкомъ кругу свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ промышленности и техники, а равно и свѣдѣнія по тѣмъ основнымъ наукамъ, на которыя онѣ опираются, ввести обыкновеннаго читателя въ кругъ вопросовъ, связанныхъ съ общей промышленной жизнью страны, дать ему основы для правильнаго пониманія развитія промышленности и тѣхъ грандіозныхъ успѣховъ, которые сдѣлала и дѣлаетъ техника за послѣднее время.

Содержаніе изданія представляетъ собою полную, строго научную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, популярную энциклопедію по всѣмъ отраслямъ промышленности добывающей, обрабатывающей и распредѣляющей, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей современнаго культурнаго человѣчества.

Редакція.

Подписка принимается какъ на все изданіе, такъ и на отдѣльные томы.

Цѣна: 100 выпусковъ по 50 коп. или 10 томовъ въ роскошн. полукож. перепл. по 6 руб.

Пробный выпускъ для ознакомленія съ изданіемъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются въ счетъ платежа.

Допускается разсрочка платежа:

При внесеніи задатка отъ 3 руб. и обязательствѣ уплачивать ежемѣсячно не менѣе 1 руб. 50 коп. выдаются всѣ вышедшіе выпуски или томы въ роскошныхъ переплетахъ, остальные высылаются немедленно по выходѣ изъ печати (до октября 1902 г. вышли I, II, III, V и VI тт., остальные печатаются и выходятъ выпусками).

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Исторія и современная техника строительнаго искусства.

Полный переводъ подъ редакціей и съ значительными дополненіями по русскому зодчеству съ 9-го нѣмецкаго изданія

профессора Института Гражданскихъ Инженеровъ

В. В. Эвальда.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ учительскія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

10 выпусковъ (свыше 8000 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ предметнымъ и именнымъ указателемъ), съ 900 рисунковъ въ текстѣ и 13 отдѣльными приложеніями (хромолитографіями и черными картинами).

10 выпусковъ по 50 коп. Въ роскошномъ полукожаномъ переплетѣ 6 руб.

Все содержаніе настоящаго тома можно разсматривать состоящимъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ, послѣ краткаго историческаго очерка общечеловѣческой культуры, служащаго введеніемъ, излагается ходъ развитія архитектуры и строительнаго искусства въ различныя времена и у различныхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ и кончая современными; здѣсь же помѣщенъ краткій обзоръ исторіи русскаго зодчества, любезно составленный редакторомъ перевода, проф. В. В. Эвальдомъ, представляющій собой дополненіе къ нѣмецкому изданію.

Во второмъ отдѣлѣ описываются пріемы современной строительной техники, устройство и украшеніе различныхъ частей зданій, благоустройство городовъ и санитарныя приспособленія, наконецъ — освѣщеніе и отопленіе въ ихъ современномъ состояніи.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Силы природы и ихъ примѣненія.

Физическая технологія:

1-ая часть:

Механика или ученіе о движеніи тѣлъ.

(Инженеръ Rosenboom.)

2-ая часть:

Физическія явленія и силы, ихъ изученіе и приложеніе къ практической жизни.

(Профессоръ Grunmach.)

3-ья часть:

О машинахъ.

(Инженеръ Rosenboom.)

Полный переводъ съ IX нѣмецкаго изданія подъ редакціей проф. Технолог. Института Императора Николая I

Н. А. Гезехуса.

10 выпусковъ (ок. 900 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ именнымъ и предметнымъ указателемъ), на веленевой бумагѣ, 1000 рисунковъ въ текстѣ, 3 отдѣльныхъ приложенія (хромолитографія и черныя картины).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. переплетѣ 6 руб.

Первый (пробный) выпускъ высылается для ознакомленія съ изданіемъ за 6 семикоп. марокъ.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Электричество,

его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ.

Полный переводъ подъ редакціей и съ значительными дополненіями съ 9-го нѣмецкаго изданія

профессора Электротехническаго Института Александра III

В. В. Скобельцына.

10 выпусковъ (около 800 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ предметнымъ и именнымъ указателемъ), съ 900 рисунковъ въ текстѣ и 13 отдѣльными приложеніями (хромолитографіями и черными картинами).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 6 руб.

Сочиненіе это даетъ въ популярной формѣ, не устраняющей однако строгой научности изложенія, картину постепеннаго развитія электротехники и современнаго ея состоянія. Послѣ краткаго историческаго очерка, устанавливающаго точки отправленія современной электротехники, разсмотрѣны вопросы о добываніи электрической энергіи и ея распредѣленіи. Затѣмъ систематически разсмотрѣны всѣ техническія примѣненія электричества, какъ-то: электрическое освѣщеніе, электрическіе двигатели и ихъ примѣненія, гальванотехника и другія примѣненія химическихъ дѣйствій тока, разнообразные случаи техническаго примѣненія тепловыхъ дѣйствій тока, телеграфія, телефонія и другіе случаи электрической сигнализаціи, наконецъ примѣненія электричества въ сельскомъ хозяйствѣ. Книга заканчивается общимъ обзоромъ современнаго состоянія электротехнической промышленности въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное издание

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Сельское хозяйство

и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ.

Переводъ съ IX нѣмецкаго изданія,

обработаннаго **Аренсомъ, Арндтомъ, Брюггеманомъ, Гедике, Гейцерлингомъ, Грунмахомъ, Гюртлеромъ, Даленомъ, Зеттегастомъ, Крафтомъ, Левенталемъ, Мите, Песслеромъ, Ровальдомъ, Фаульвассеромъ, Френкелемъ, Циппереромъ, Шмидтомъ, Эбе** и многими другими спеціалистами.

Русскій переводъ, снабженный необходимыми для русскихъ читателей дополненіями, выйдетъ подъ общей редакціей профессоровъ Кіевскаго Политехническаго Института

В. Я. Добровлянскаго и **А. В. Ключарева**

при содѣйствіи **Л. Ф. Альтгаузена, А. С. Гребницкаго** и другихъ лицъ.

10 выпусковъ (около 800 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ именнымъ и предметнымъ указателемъ), на веленевой бумагѣ, 629 рисунковъ въ текстѣ, 9 отдѣльныхъ приложеній (цвѣтныя и черныя картины).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 6 руб.

Первый выпускъ высылается, для ознакомленія съ изданіемъ, за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Горное дѣло и металлургія.

Полный переводъ съ IX нѣмецкаго изданія, съ значительными дополненіями,

подъ ред. профес. С.-Петербургскаго Горнаго Института Екатерины II

И. В. Мушкетова (†) и В. И. Баумана.

10 выпусковъ (около 720 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ предметнымъ и именнымъ указателемъ), съ 600 рисунк. въ текстѣ и 12 приложеніями (цвѣтными и черными картинами).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 6 руб.

Все содержаніе названнаго сочиненія распадается на два самостоятельныхъ отдѣла, посвященныхъ одинъ—добывающей, а другой—обработывающей горной промышленности. Далѣе каждый отдѣлъ распадается на части, изъ которыхъ первая посвящена описанію отдѣльныхъ работъ и процессовъ, которые приходится примѣнять въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, а вторая содержитъ описаніе совокупности этихъ работъ при добычѣ ископаемыхъ на отдѣльныхъ рудникахъ и ихъ обработкѣ на заводахъ. Особенно удачной въ этомъ отношеніи является мысль дать описаніе каждаго способа разработки на извѣстномъ реальномъ примѣрѣ, такъ какъ такой способъ изложенія, при наличности большого числа рисунковъ, выполненныхъ по фотографіямъ, снятымъ съ натуры на данномъ рудникѣ, въ высшей степени облегчаетъ пониманіе даннаго отдѣла читателемъ-дилетантомъ.

Въ концѣ каждаго отдѣла приложены примѣчанія, содержащія необходимыя для русскаго читателя свѣдѣнія по исторіи и статистикѣ горнаго и металлургическаго дѣла въ Россіи, примѣры нѣкоторыхъ типичныхъ русскихъ рудниковъ и заводовъ, а равно и краткій геологическій очеркъ Россіи, составленный покойнымъ проф. Иваномъ Васильевичемъ ***Мушкетовымъ.***

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Технологія металловъ.

Новый переводъ съ IX нѣмецкаго изданія съ значительными дополненіями

подъ редакц. проф. Спб. Горнаго Института Екатерины II

А. Н. Митинскаго.

10 выпусковъ (ок. 700 страницъ большого формата и убористой печати, **съ подробнымъ** именнымъ и предметнымъ указателемъ), на веленевой **бумагѣ**, 1600 рисунковъ въ текстѣ, 6 отдѣльныхъ приложеній (черныя картины).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 6 руб.

Названное сочиненіе распадается на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ. Около половины его посвящено переработкѣ продуктовъ желѣзнаго производства въ готовыя издѣлія. Сначала описывается совокупность работъ въ кузницахъ, прокатныхъ заводахъ, литейныхъ, машиностроительныхъ заводахъ и т. д., а затѣмъ разсматриваются отдѣльныя производства — гвоздей, винтовъ, проволоки, цѣпей, шариковъ, пилъ, коньковъ, велосипедовъ и т. д. Слѣдующій отдѣлъ — производство огнестрѣльнаго оружія. Далѣе идетъ описаніе работъ слесарныхъ, технологія мѣди, бронзы, алюминія и т. д., производство часовъ, приспособленіе издѣлій изъ золота и серебра и монетное дѣло. Въ началѣ каждаго отдѣла сообщается краткая исторія даннаго производства, а описаніе современныхъ методовъ сопровождается массой рисунковъ и литографій, чрезвычайно облегчающихъ изученіе

Пробный выпускъ высылается, для ознакомленія съ изданіемъ, за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное популярно-научное сочиненіе

изъ серіи

Промышленность и техника.

Энциклопедія промышленныхъ знаній.

Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ.

Добываніе, обработка, испытаніе и перевозка строительныхъ камней.
Инженера М. Гари.
Известь, цементъ и гипсъ.
Инженера М. Гари.
Искусственные камни.
Инженера М. Гари.
Керамика.
Д-ра Г. Гехта.
Исторія керамики.
Производство кирпича, огнеупорныхъ матеріаловъ, гончарное производство.
Фаянсъ, майолика.
Каменная посуда.
Фарфоръ.
Стекольное производство.
Инженера Э. Крамера.
Историческій очеркъ.
Основныя свойства стекла, его составъ и классификація
Матеріалы стекольнаго производства.
Стеклоплавильныя печи.
Различные способы обработки стеклянной массы.

Развитіе химіи отъ древнихъ временъ до настоящаго времени.
Основныя понятія современной химіи.
Главнѣйшіе методы химическаго изслѣдованія.
Обжигъ извести.
Цементы.
Щелочи и кислоты.
Производство ціанистыхъ соединеній.
Квасцы.
Сода, поваренная соль и связанныя съ ними производства.
Фторъ, бромъ, іодъ.
Селитра и азотная кислота.
Порохъ и новѣйшія взрывчатыя вещества.
Фосфоръ, спички.
Дерево, какъ матеріалъ для химическихъ производствъ.
Искусственныя удобренія.
Производства маслъ и эѳировъ.
Мыло.
Свѣчи.
Сохнущія масла и лаки.
Маргаринъ.
Эѳирныя масла, ихъ примѣненія къ приготовленію ликеровъ и парфюмеріи.
Каменный уголь и связанныя съ нимъ производства.
Фабрикація толя.
Краски минеральныя и растительныя.
Медицинскіе препараты и дезинфекціонныя средства.
Нефть.
Сжиженіе газовъ и воздуха.

Полный переводъ съ IX нѣмецкаго изданія

подъ редакціей проф. Института Гражданскихъ Инженеровъ **В. В. Эвальда.** и лаборанта Института Путей Сообщенія **А. А. Байкова.**

10 выпусковъ (ок. 900 страницъ большого формата и убористой печати, съ подробнымъ именнымъ и предметнымъ указателемъ), на веленевой бумагѣ, 1000 рисунковъ въ текстѣ, 3 отдѣльныхъ приложенія (хромолитографія и черныя картины).

Цѣна: 10 выпусковъ по 50 коп.; въ роскожн. полукожаномъ переплетѣ 6 руб.

Пробный (первый) выпускъ высылается для ознакомленія съ изданіемъ за 6 семикоп. марокъ.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новое роскошно иллюстрированное научно-популярное сочиненіе

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составители профессора:

Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Графъ Э. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. фонъ Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, К. Зете, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, Ю. Колеръ, Ф. фонъ Лушанъ, Р. Маренгольцъ, Р. Майръ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, Р. фонъ Скала, Ал. Тилле, Арм. Тилле. Г. Циммереръ, Г. фонъ Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Г. Шіётъ, Э. Шмидтъ, Г. Шульцъ, Г. Шурцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей **Ганса Ф. Гельмольта.**

Полный переводъ, отчасти съ рукописи, печатающагося одновременно въ Библіографическомъ Институтѣ (Мейеръ) подлинника, съ исправленіями и дополненіями для нашего изданія самого д-ра **Гельмольта** и съ обширными дополненіями для русскихъ читателей, въ особенности въ русскомъ, восточномъ и славянскомъ отдѣлахъ.

Дополненія перевода, сдѣланнаго гг. **А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, М. В. Чепинскою, П. Е. Щеголевымъ, М. А. Бекетовой,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ,** проф. **Н. И. Карѣевъ,** прив.-доц. **Д. А. Коропчевскій,** академикъ **В. Н. Ламанскій, В. А. Мякотинъ,** академикъ **В. В. Радловъ,** проф. **М. И. Ростовцевъ, Б. А. Тураевъ** и др.

---

269 отдѣльн. приложен.; болѣе 50 большихъ картъ въ краскахъ, 60 хромолитографій и 145 черныхъ картинъ.

90 вып. (ок. 7500 стр. больш. формата и убористой печати на веленевой бумагѣ) по 50 коп. или 9 томовъ въ роскошныхъ полукожаныхъ переплетахъ по 6 руб.

О насущной необходимости въ наше время и особенно у насъ подобнаго изданія говорить не приходится. Трудность его осуществленія заключается, съ одной стороны, въ томъ, что одно лицо, какъ бы необычайно велики ни были его познанія и талантъ, не въ состояніи обнять всего предмета. Для этой цѣли должны были соединиться многія лица и общими усиліями, каждый по своей спеціальности, содѣйствовать созданію одного цѣлаго. Съ другой стороны, необходимо было найти такой талантъ, который съумѣлъ бы мастерски слить общій трудъ въ одно цѣлое, въ одну книгу. Намъ кажется, и вся ученая и общая печать единодушно подчеркиваетъ это обстоятельство, что настоящимъ изданіемъ удалось осуществить эти два стремленія.

***Отличіе** настоящей „Всемірной Исторіи“ отъ всѣхъ существующихъ и подобныхъ сочиненій состоитъ въ томъ, что она представляетъ собой **исторію всего человѣчества**, тогда какъ всѣ остальныя, безъ исключенія, являются, собственно, произвольно выбранными отрывками изъ „Всемірной исторіи“, будучи посвящены изложенію той или другой группы народовъ, преимущественно культурныхъ.*

*Чтобы въ огромномъ матеріалѣ не пропустить какой-либо частички человѣчества, мы излагаемъ предметъ въ **географическомъ** порядкѣ. Начиная съ самаго крайняго востока, который мы видимъ еще за Азіей, въ Америкѣ, мы замыкаемъ цѣпь обозрѣніемъ историческаго значенія Атлантическаго океана.*

Такимъ образомъ, краткое содержаніе всего изданія составитъ:

Томъ	*I.*	*Общій обзоръ. Доисторическій періодъ. Америка. Великій океанъ.*
„	*II.*	*Океанія и Восточная Азія. Индійскій океанъ.*
„	*III.*	*Западная Азія. Африка.*
„	*IV.*	*Средиземное море и страны по побережьямъ.*
„	*V.*	*Юго-восточная Европа. Славянскія племена.*
„	*VI.*	*Романскіе и германскіе народы.*
„	*VII.*	*Западная Европа, I-я часть.*
„	*VIII.*	*Западная Европа, II-я часть. Атлантическій океанъ.*

Дополненія, вводимыя въ русское изданіе „Исторіи человѣчества“, имѣютъ цѣлью болѣе подробное освѣщеніе отдѣловъ, представляющихъ спеціальный интересъ для русскихъ читателей, а также тѣхъ отдѣловъ, по которымъ имѣются цѣнныя оригинальныя изслѣдованія въ русской научной литературѣ.

Все изданіе будетъ закончено въ теченіе трехъ лѣтъ.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Вышли выпуски: 1—10 и 31—40, т. е. весь I-ый и весь IV-ый томъ. Послѣ IV-го будетъ выходить III, VII и др. Выпуски выходятъ не въ ариѳметическомъ порядкѣ и въ нѣмецкомъ оригинальномъ изданіи.

Иванъ Рукавишниковъ.

Стихотворенія и проза.

Съ иллюстраціями **А. Карелина.**

Книга первая. — Второе изданіе.

Цѣна 2 руб.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Хрестоматія

для

устныхъ и письменныхъ сочиненій

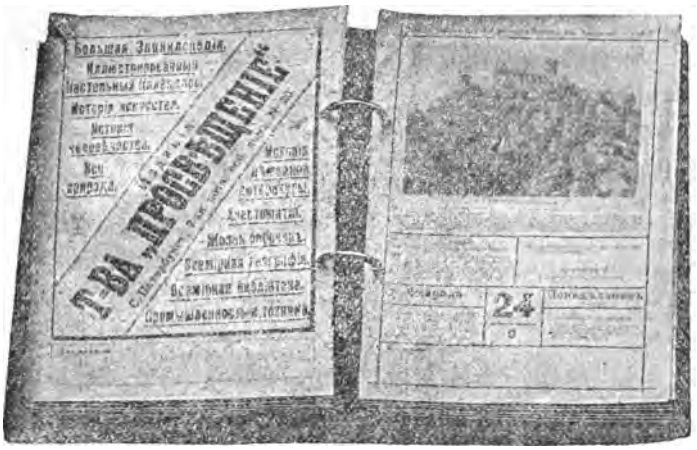
съ приложеніемъ 15 картинъ.

Составили преподаватели

В. Н. Куницкій и А. Л. Погодинъ.

Цѣна 60 коп.

Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва „Просвѣщеніе“ на 1903 г.



Съ иллюстраціями на каждый день, замѣтками объ историческихъ событіяхъ, сентенціями, поговорками и избранными мѣстами выдающихся поэтовъ и писателей.

На полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой, 1 р. 20 к.; въ формѣ отрывного календаря 80 коп. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Цѣна за объявленія: страница — 40 руб.; 1/2 страницы — 25 руб.; 1/4 страницы — 15 руб.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Исторія нѣмецкой литературы

съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

Профессоровъ Фридриха Фогта и Макса Коха.

Переводъ съ нѣмецкаго прив.-доц. Императорскаго Спб. университета

А. Л. Погодина.

***Рекомендована** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*

***Рекомендована** Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

---

15 выпусковъ, около 820 страницъ большого формата и убористой печати, 100 рисунковъ въ текстѣ, 2 геліогравюры, 18 хромолитографій и 6 черныхъ картинъ.

Содержаніе художественныхъ приложеній:

Хромолитографіи:

1. Пѣснь о Гильдебрандтѣ.
2. Распятіе Христово (изъ Евгенія Отфрида.
3. Царь Давидъ (изъ псалтыря Ноткера).
4. „Житіе Пресв. Маріи" Вернгера.
5. Сцены изъ „Парцифаля".
6. Латинскія пасхальныя драмы.
7. Поединокъ Тристана съ Морольфомъ.
8. Вавилонское столпотвореніе.
9. Морольфъ въ одеждѣ шпильмана.
10. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.
11. Гаддубъ.
12. Страница изъ „Welscher Gast".
13. Собака и волкъ (изъ басенъ Бонера).
14. Плясуны.
15. О. фонъ Волкенштейнъ.
16. Страницы изъ „Библіи" Вацлава.
17. Гансъ Заксъ.
18. Заключительная сцена изъ „Парцифаля" Р. Вагнера.

Гравюры:

1. Гете (шесть портретовъ).
2. Шиллеръ (шесть портретовъ).

Рѣзанныя на деревѣ черныя таблицы.

1. Странствующія комедіантки (съ картины Гогарта).
2. Рабочіе кабинеты Гете и Шиллера.
3. 4 нѣмецкихъ классика 18-го столѣтія.
4. 4 главныхъ представителя нѣмецкаго романтизма.
5. Мартинъ Лютеръ.
6. Главные представители Молодой Германіи и политической лирики.

Цѣна: 15 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 8 р. 60 к.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Альбомъ картинъ по географіи Европы.

Пояснительный текстъ доктора **А. Гейстбека.**

75 страницъ текста и 250 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ и картинъ на 128 таблицахъ.

Переводъ **А. П. Нечаева,** съ предисловіемъ **Д. А. Коропчевскаго.**

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.*

Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Финансовъ.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ.

Пояснительный текстъ доктора **А. Гейстбека.**

85 страницъ текста и 325 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ и картинъ на 168 таблицахъ.

Переводъ **А. П. Нечаева,** съ предисловіемъ **Д. А. Коропчевскаго.**

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Финансовъ.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.*

Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ.

Съ описательнымъ текстомъ профессора д-ра **В. Маршалля.**

Переводъ зоолога Императорской Академіи Наукъ **Г. Г. Якобсона** и **Н. Н. Зубовскаго,**

съ предисловіемъ профессора **Ю. Н. Вагнера.**

84 стр. текста и 258 рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ на 141 таблицѣ.

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*

Допущенъ *въ безплатныя читальни.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.*

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ.

Съ описательнымъ текстомъ профессора д-ра **В. Маршалля.**

Переводъ зоолога Императорской Академіи Наукъ

Г. Г. Якобсона и Н. Н. Зубовскаго, съ предисловіемъ профессора **Ю. Н. Вагнера.**

76 стр. текста и 238 рѣзан. на деревѣ художественн. рисунковъ и картинъ на 134 таблицахъ.

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*

Допущенъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ безплатныя читальни.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.*

Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ.

Съ описательнымъ текстомъ профессора д-ра **В. Маршалля.**

Переводъ зоолога Императорской Академіи Наукъ

Г. Г. Якобсона и Н. Н. Зубовскаго, съ предисловіемъ профессора **Ю. Н. Вагнера.**

67 стр. текста и 208 рѣзанн. на деревѣ художественн. рисунковъ и картинъ на 98 таблицахъ.

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, а также допущенъ въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ.

Съ описательнымъ текстомъ профессора д-ра **В. Маршалля.**

Переводъ зоолога Императорской Академіи Наукъ **Г. Г. Якобсона.**

Около 70 страницъ текста и 292 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ и картинъ.

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Альбомъ картинъ по географіи растеній.

Съ описательнымъ текстомъ д-ра **М. Кронфельда.**

Полн. перев. съ оригинальн. дополненіями прив.-доц. Спб. университета **А. Г. Генкеля.**

Около 80 страницъ текста и 216 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ и вытравленныхъ на мѣди художественныхъ рисунковъ.

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

---

*Предлагаемые **Альбомы картинъ по географіи и естествознанію** служатъ очень хорошимъ средствомъ для нагляднаго изученія соотвѣтственной области знанія. Текстъ и рисунки обработаны такимъ образомъ, что альбомы являются, съ одной стороны, необходимымъ, особенно для юношества, дополненіемъ къ географическому и зоологическому учебникамъ, съ другой — могутъ служить вполнѣ самостоятельными пособіями для класснаго и домашняго чтенія. Рисунки поясняются краткимъ, тщательно обработаннымъ текстомъ.*

Иванъ Рукавишниковъ.

Книга вторая.

Стихотворенія.

Съ иллюстраціями **А. А. Карелина.**

Цѣна 1 р. 80 к.

Для болѣе удобнаго сохраненія изданія

„Красота формъ въ природѣ“,

состоящаго изъ 50 отдѣльныхъ таблицъ

съ объяснительными къ каждой таблицѣ листами, **нами изготовлены**

изящныя коробки.

Цѣна 2 рубля.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новыя изданія Т-ва „Просвѣщеніе"

въ С.-Петербургѣ.

Красота формъ въ природѣ.

100 большихъ таблицъ съ описательнымъ текстомъ

проф. Эрнста Геккеля.

Полный переводъ подъ редакціей
профессора С.-Петербургскаго Университета
А. С. Догеля.

20 выпусковъ по 1 руб., въ 2-хъ изящныхъ коробкахъ 24 руб.

Извѣстный всему ученому міру естествоиспытатель въ указанномъ сочиненіи задумалъ познакомить возможно большій кругъ любителей природы и искусства съ разнообразіемъ и красотою формъ въ природѣ. Многія изъ удивительныхъ и особенно поражающихъ своею красотою формъ принадлежатъ къ той области низшихъ организмовъ, которая сдѣлалась извѣстною лишь во второй половинѣ XIX столѣтія. Рисунки большинства этихъ организмовъ помѣщены въ дорогихъ, рѣдкихъ и мало доступныхъ изданіяхъ. Авторъ сочиненія не только воспользовался нѣкоторыми изъ имѣющихся уже рисунковъ, но и прибавилъ къ нимъ много новыхъ. Таблицы рисунковъ исполнены великолѣпно и снабжены краткимъ объяснительнымъ текстомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современная скульптура и художественная промышленность найдутъ въ указанномъ сочиненіи много интереснаго и новаго.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 14 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Исторія искусства

всѣхъ временъ и народовъ.

Проф. К. Вёрмана,

Директора Дрезденской Галлереи.

Переводъ подъ редакціей Старшаго Хранителя Императорскаго Эрмитажа

А. И. Сомова.

Около 2200 страницъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, съ 1500 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 80 геліогравюрами и рѣзанными на деревѣ черными картинами и 50 хромолитографіями.

60 выпусковъ по 40 коп. или 3 большихъ тома въ роскошныхъ полукожаныхъ переплетахъ по 9 руб.

Западно-европейская литература такъ богата руководствами къ изученію исторіи искусства, въ томъ числѣ вышедшими въ свѣтъ въ самое недавнее время, что, казалось бы, не представляется надобности прибавлять къ нимъ хотя бы еще одно, новое. Однако, д-ръ К. Вёрманъ, многозаслуженный директоръ Дрезденской Галлереи, счелъ полезнымъ сдѣлать это. Предпринять составленіе сочиненія, которое мы предлагаемъ русскимъ читателямъ въ переводѣ съ нѣмецкаго языка, побудили почтеннаго ученаго слѣдующія соображенія.

Исторія искусства испытала рядъ превращеній съ того времени, какъ Плиній Старшій положилъ ей основаніе въ своей „Естественной Исторіи“, а именно включивъ относящіяся до нея свѣдѣнія въ ученіе о каменныхъ породахъ въ виду того, что онѣ доставляютъ художникамъ матеріалъ для ихъ работъ. Затѣмъ, въ XVI столѣтіи, превратившись подъ перомъ Вазари въ повѣствованіе о жизни художниковъ, исторія искусства сохраняла этотъ біографическій характеръ до второй половины XVIII стол. — до тѣхъ поръ, пока Винкельманъ не противопоставилъ исторіи художниковъ исторію произведеній искусства. Великіе философы первой половины и средины XIX стол. — Гегель въ Германіи, Тэнъ во Франціи и др. — взглянули на исторію искусства какъ на часть исторіи человѣческой культуры вообще, и съ этого времени она стала постоянно излагаться въ освѣщеніи той или другой философской системы. Отсюда, очевидно, произошла односторонность, которою въ большей или меньшей степени страдаютъ всѣ появившіеся донынѣ учебники этого предмета.

Изложить исторію искусства ради нея самой, внѣ зависимости отъ какой бы то ни было философской системы, познакомить читателя, главнымъ образомъ, съ развитіемъ собственно художественныхъ мотивовъ, выдвинуть на первый планъ постепенность ихъ видоизмѣненій, безъ заботы о полнотѣ перечисленія отдѣльныхъ памятниковъ искусства, способной произвести только путаницу въ памяти читателя, — такова была цѣль, которою задался проф. Вёрманъ въ своемъ новомъ сочиненіи и которая — насколько позволительно судить о томъ по началу этого труда — будетъ достигнута вполнѣ успѣшно.

Важнымъ преимуществомъ Вёрмановской „Исторіи искусства всѣхъ временъ и народовъ“ предъ другими сочиненіями подобнаго рода должно признать также и то, что въ ней впервые систематически разсмотрѣны проявленія художественнаго творчества у первобытныхъ и некультурныхъ народовъ, и что вообще въ этомъ трудѣ, представляющемъ собою сводъ данныхъ, до послѣдняго времени добытыхъ наукою и самостоятельно обработанныхъ авторомъ, строго-критическая точность и глубина содержанія соединяются съ простотою и ясностью изложенія, дѣлающими сочиненіе доступнымъ, не для однихъ спеціалистовъ, но и для всѣхъ мало-мальски образованныхъ людей. Наконецъ, цѣнность этого сочиненія увеличивается огромнымъ количествомъ помѣщенныхъ въ немъ рисунковъ, имѣющихъ тѣсную связь съ текстомъ.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новая серія сочиненій по всемірной географіи.

Проф. В. Сиверса.

Африка.

Профессора Ф. Гана.

Полный переводъ съ совершенно переработаннаго 2-го изданія

Д. А. Коропчевскаго.

200 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 21 хромолитографіи, геліогравюры и черныя картины.

15 выпусковъ по 50 коп.; въ роскошн. полукож. перепл. 8 руб. 50 коп.

Вся серія будетъ состоять изъ шести томовъ:

Австралія, Азія, Африка, Европа, Сѣверная и Южная Америка.

Первый (пробный) выпускъ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются.

Земля и жизнь.

Сравнительное землевѣдѣніе.

Проф. **Ф. Ратцеля.**

Единственный, разрѣшенный авторомъ и издателемъ оригинала, полный переводъ подъ редакціей ординарн. проф. Императорскаго Казанскаго университета

П. И. Кротова.

Около 1500 страницъ на веленевой бумагѣ, съ 400 рисунками въ текстѣ, 20 картами въ краскахъ и 40 таблицами хромолитографій и черныхъ картинъ.

30 выпусковъ по 50 коп., въ двухъ роскошныхъ полукожанныхъ переплетахъ 17 руб.

Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ.

Настольная книга и руководитель семьи.

Сочиненіе профессора **К. Э. Бока.**

Переводъ, съ разрѣшенія редактора и издателя, съ 16-го переработаннаго и дополненнаго изданія, подъ редакціей доктора медицины **С. Б. Орѣчкина.**

Со многими рисунками въ текстѣ и 2 хромолит. приложеніями.

2 тома по 2 руб., въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 6 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Новый способъ лѣченія.

Настольная книга для здоровыхъ и больныхъ.

Сочиненіе **М. Платена.**

Полный переводъ подъ редакціей бывшаго консультанта Императорскаго Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны

Д-ра мед. **А. П. Зеленкова.**

Съ приблизительно 600 рисунками въ текстѣ, 33 хромолитографированными таблицами, портретомъ автора и 10 разборными анатомическими моделями въ краскахъ.

3 тома въ роскошныхъ переплетахъ по 5 руб.

Новое Искусство
(Ars Nova).

Выдающіяся художественныя произведенія 1901 г.

Вступительная статья **Н. И. Кравченко.**

Редакція художественнаго отдѣла барона **Ф. фонъ-Мирбаха.**

45 геліогравюръ in folio на слоновой бумагѣ.

Цѣна 1 экз. на слоновой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ 60 руб.

Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ“ Брэма.

Картины расположены въ систематическомъ порядкѣ на 55 таблицахъ большаго формата 4°.

Большой альбомъ in folio въ папкѣ 1 руб. 75 коп.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

Критически провѣренный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и пр.

Подъ редакціей **П. О. Морозова.**

8 томовъ въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 9 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Полное собраніе сочиненій
М. Ю. Лермонтова.

Критически провѣренный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и пр.

Подъ редакціей **А. И. Введенскаго.**

4 тома по 75 коп., въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 5 руб.

Полное собраніе сочиненій
Н. Г. Помяловскаго.

Съ портретомъ и біографіею автора, составл. **Н. А. Благовѣщенскимъ.**

Девятое изданіе.

Содержаніе:

Буколъ. Мѣщанское счастье. Молотовъ. Зимній вечеръ въ бурсѣ. Бурсацкіе типы. Женихи бурсы. Бѣгуны и спасенные бурсы. Махиловъ. Данилушка. Переходное время бурсы. Андрей Ѳедоровичъ Чебановъ (изъ романа „Братъ и сестра"). Порѣчане. Братъ и сестра. Примѣчанія. Приложенія.

Большой томъ 2 руб. 75 коп., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. 75 коп.

Полное собраніе сочиненій
Генриха Гейне.

Критически провѣренный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и пр.

Подъ редакціей проф. **П. И. Вейнберга.**

Содержаніе:

Томъ I. Путешествіе въ Гарцъ. Нордерней. Идеи. Италія. — **Томъ II.** Отрывки объ Англіи. Повѣствовательные отрывки. Людвигъ Берне. — **Томъ III.** Стихійные духи. Докторъ Фаустъ. Боги въ изгнаніи. Богиня Діана. Романтическая школа. Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи. — **Томъ IV.** Французскія дѣла. Лютеція. — **Томъ V.** О французской сценѣ. Французскіе живописцы. Дѣвушки и женщины Шекспира. Письма изъ Берлина. О Польшѣ. — **Томъ VI.** Признанія. Донъ Кихотъ. Мысли и замѣтки. Статьи смѣшаннаго содержанія. Рецензіи. Мемуары. Жизнь Генриха Гейне. — **Томъ VII.** Альманзоръ. Вильямъ Ратклиффъ. Посмертныя стихотворенія. Книга пѣсенъ. Атта Тролль. **Томъ VIII.** Романцеро. Германія. Новыя стихотворенія. Добавленія.

Художественныя приложенія: Два портрета Гейне; Факсимиле Гейне; Памятникъ Гейне на островѣ Корфу; Гейне въ своей „матрацной могилѣ".

8 томовъ по 1 руб. 75 коп., въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 20 руб.

Полное собраніе сочиненій
И. А. Крылова.

4 тома въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ.

Допускается разсрочка платежа.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются безплатно.

Заказъ Книгоиздательскому Т-ву „Просвѣщеніе“.

(Нежелательное просимъ вычеркнуть, какъ названія, такъ и цѣны.)

Уплачивая при семъ задатокъ въ руб. ...., я заказываю и прошу книжный магазинъ выслать мнѣ его слѣдующія роскошно иллюстрированныя популярно-научныя изданія:

Земля и жизнь. *30 вып. по 50 коп. или 2 тома въ перепл. по 8 руб. 50 коп.*
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. *2 тома по 2 руб., въ перепл. по 3 руб.*
Новый способъ лѣченія. *3 тома въ перепл. по 5 руб.*
Новое искусство *(Ars Nova). 1 экз. въ перепл. 60 руб.*
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ Брэма“ *въ папкѣ. 1 руб. 75 коп.*
Полное собраніе сочиненій Пушкина. *8 т. въ перепл. 9 р.*
„ „ „ **Лермонтова.** *4 т. по 75 к., въ перепл. 5 руб.*
„ „ „ **Помяловскаго.** *2 р. 75 к., въ перепл. 3 р. 75 к.*
„ „ „ **Гейне.** *8 т. по 1 р. 75 к., въ перепл. 20 руб.*
„ „ „ **Крылова.** *4 т. въ перепл. 5 р.*

по слѣдующему адресу:
(просятъ писать подробно и четко)

.....

.....

Недоплаченныя за дѣланный мною симъ заказъ деньги я прошу / обязуюсь уплачивать до покрытія всей суммы мѣсячными взносами въ ..... руб. **дополучить съ меня посредствомъ наложеннаго платежа.**

Званіе и занятіе: .....

Имя: .....

Отчество: .....

Фамилія: .....

..... *дня 190* ..... *г.*

10-ти коп. гербовая марка.

Заказъ Книгоиздательскому Т-ву „Просвѣщеніе“.

(Нежелательное вычеркивается, какъ названія, такъ и цѣны.)

Уплачивая при семъ задатокъ въ ..... руб. ..... коп., я заказываю и прошу книжный магазинъ высылать мнѣ его роскошно иллюстрированную популярно-научную серію сочиненій по естествознанію:

„Вся природа“:

	Въ переплетѣ.
Міроздаціе.	8 р. 60 к.
Исторія земли. 2 т.	15 „ — „
Происхожденіе животнаго міра.	7 „ — „
Первобытные люди. 2 т.	15 „ — „
Человѣкъ. 2 т.	14 „ 20 „
Жизнь животныхъ Брэма. 3 т.	24 „ — „
Жизнь растеній. 2 т.	15 „ — „

на слѣдующихъ условіяхъ:

По полученіи сего заказа я прошу выслать мнѣ всего ..... вышедшихъ въ сентѣ роск. перепл. томовъ названныхъ изданій и послѣ 6 уплатъ ..... новыхъ том..... пока не будутъ, такимъ образомъ, высланы всѣ 13 томовъ. Я же, нижеподписавшійся, обязуюсь, начиная съ сего дня, уплачивать фирмѣ ..... числа каждаго мѣсяца по ..... руб. до окончательной уплаты всей суммы за настоящій заказъ.

Въ случаѣ, если я не выполню своего обязательства ежемѣсячнаго взноса, мое право уплаты заказа въ разсрочку прекращается, и вся сумма за заказанныя мною книги подлежитъ немедленной уплатѣ. Мѣстомъ исполненія и судебнаго разрѣшенія спора является мѣстожительство фирмы.

До окончательной уплаты, часть сочиненія, не покрытая произведенными платежами, находясь въ моемъ пользованіи, остается собственностью фирмы, которая можетъ, въ случаѣ неисправнаго платежа денегъ по заказу, во всякое время потребовать возвращенія обратно неоплаченныхъ книгъ.

Всѣ особыя соглашенія съ книжн. магаз. и агентомъ отмѣчены на семъ заказѣ, и другихъ, кромѣ здѣсь обозначенныхъ, ни письменныхъ, ни устныхъ условій не существуетъ.

Отказъ отъ подписаннаго заказа не допускается.

Ежемѣсячные взносы обязуюсь переводить почтовыми переводами книжному магазину.

Мѣсто службы: .....

Адресъ (жел.-дор. ст. и кварт.): .....

.....

Званіе и занятіе: .....

Имя: .....

Отчество: .....

Фамилія: .....

..... *дня 19* ..... *г.*

Гербовая марка на заказъ до 50 р. 10 к. „ 100 „ 40 „ „ 200 „ 80 „ и т. д.

Заказъ Книгоиздательскому Т-ву „Просвѣщеніе".

(Нежелательное прошу вычеркнуть, какъ названія, такъ и цѣны.)

Уплачивая при семъ задатокъ въ руб. ....., я заказываю и прошу книжный магазинъ выслать мнѣ его слѣдующія роскошно иллюстрированныя популярно-научныя изданія:

	Р.	К.
Красота формъ въ природѣ. 20 вып. по 1 руб., въ 2-хъ изящн. коробкахъ 24 руб.		
Африка. 15 вып. по 50 коп.; въ перепл. 8 р. 50 к.		
Исторія искусства. 60 вып. по 40 коп.; 3 тома по 9 руб.		
Большая Энциклопедія. 200 вып. по 50 коп.; 20 том. въ перепл. по 6 руб.		
Міроздаціе. 7 вып. 7 р. 50 к.; въ перепл. 8 р. 60 к.		
Исторія земли. 30 вып. 12 р. 80 к.; 2 тома въ перепл. 15 руб.		
Происхожденіе животнаго міра. 15 вып. 6 руб.; въ перепл. 7 руб.		
Народовѣдѣніе. 36 вып. 12 р. 60 к.; 2 тома въ перепл. 15 руб.		
Человѣкъ. 30 вып. 12 руб.; 2 тома въ перепл. 14 р. 20 к.		
Жизнь животныхъ Брэма. 60 вып. по 85 коп.; 3 тома въ перепл. 24 р.		
Жизнь растеній. 30 вып. 12 р. 80 к.; въ перепл. 15 руб.		
Строительное искусство. 10 выпусковъ по 50 коп.; въ перепл. 6 руб.		
Силы природы. 10 вып. по 50 коп.; „ „ 6 „		
Электричество. 10 вып. по 50 коп.; „ „ 6 „		
Сельское хозяйство. 10 вып. по 50 коп.; „ „ 6 „		
Горное дѣло и металлургія. 10 вып. по 50 к.; „ „ 6 „		
Технологія металловъ. 10 вып. по 50 коп.; „ „ 6 „		
Обработка камней и земель. 10 вып. по 50 коп.; „ „ 6 „		
Обработка волокнистыхъ веществъ. 10 вып. по 50 к. „ „ 6 „		
Исторія человѣчества. 90 вып. по 50 коп. или 9 т. въ перепл. 54 руб.		
Альбомъ картинъ по географіи Европы. Въ перепл. 1 р. 50 к.		
Альбомъ картинъ по географіи внѣевроп. странъ. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Альбомъ картинъ по зоологіи низш. животныхъ. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Въ перепл. 1 р. 75 к.		
Исторія нѣмецкой литературы. 15 вып. 7 р. 50 к.; въ перепл. 8 р. 60 к.		
Иллюстрированный настольный календарь Т-ва „Просвѣщеніе" на 1903 годъ. На полированной доскѣ, съ подставкою, 1 р. 20 к., въ формѣ отрывного календаря 80 к. Пересылка по дѣйствительной стоимости.		
.....		
.....		
.....		
Итого Руб.		

По полученіи сего заказа я прошу выслать мнѣ всего ..... вышедшихъ въ сентѣ рок. перепл. том..... названныхъ изданій и послѣ 6 взносовъ ..... новыхъ том..... или не ранѣе выхода, пока не будутъ, такъ образомъ, высланы всѣ томы. Я же, нижеподписавшійся, обязуюсь, начиная съ сего дня, уплачивать фирмѣ ..... числа каждаго мѣсяца по ..... руб. до окончательной уплаты всей суммы за настоящій заказъ.

Въ случаѣ, если я не выполню своего обязательства ежемѣсячнаго взноса, мое право уплаты заказа въ разсрочку прекращается, и вся сумма за заказанныя мною книги подлежитъ немедленной уплатѣ. Мѣстомъ исполненія и судебнаго разрѣшенія спора является мѣстожительство фирмы.

До окончательной уплаты, часть сочиненія, не покрытая произведенными платежами, находясь въ моемъ пользованіи, остается собственностью фирмы, которая можетъ, въ случаѣ неисправнаго платежа денегъ по заказу, во всякое время потребовать возвращенія обратно неоплаченныхъ книгъ.

Всѣ особыя соглашенія съ книжнымъ магазиномъ и агентомъ отмѣнены на семъ заказѣ, и другихъ, кромѣ здѣсь обозначенныхъ, ни письменныхъ, ни устныхъ условій не существуетъ.

Отказъ отъ подписаннаго заказа не допускается.

Ежемѣсячные взносы обязуюсь переводить почтовыми переводами книжному магазину.

Мѣсто службы: .....

.....

Адресъ (жел.-дор. станція): .....

Званіе и занятіе .....

.....

Имя: .....

Отчество: .....

Фамилія: .....

Гербовая марка на заказъ до 50 р. 10 к., „ 100 „ 40 „, „ 200 „ 80 „ и т. д.

(Подписываться слѣдуетъ непрерывно черезъ марку.)

..... *дня 190*..... г.

НОВАЯ КНИГА:

П. МЕЛЬШИНЪ.

„ПАСЫНКИ ЖИЗНИ". Разсказы.

Изд. редакція журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 руб.

Энциклопедическій Словарь

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при соучастіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), проф. А. И. Воейковъ (географія), проф. Н. И. Карѣевъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственый и лѣсоводство), Э. Л. Радловъ (философія), проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 71 полутомъ. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно рускими учеными и спеціалистами, при чемъ все касающееся Россіи обработывается наиболѣе полно и тщательно.

Заяленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала „Русское Богатство"—Петербургъ, *уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 20 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ ШЕСТИ рублей, независимо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

НОВАЯ КНИГА:

П. Булыгинъ.

РАЗСКАЗЫ.

Содержаніе: 1) Расплата. 2) Ночныя тѣни. 3) Любочкино горе. 4) По уставу.

Изданіе редакціи журнала **„Русское Богатство“.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

НОВАЯ КНИГА:

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. ***Народъ и его характеръ:*** Психологія француза.—Французское краснорѣчіе.—Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX-го вѣка.—Ренегаты и герои убѣжденія.—II. ***Общественные классы:*** Французское крестьянство.—Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки.—Безработные.—Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. ***Наука, литература, печать:*** Соціологія человѣка-звѣря.—О марксизмѣ вообще, по поводу французскаго марксизма въ частности.—Натурализмъ на службѣ у утопіи.—Французская пресса. — IV. ***Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ:*** Современное «чертобѣсіе». — Шовинистская и клерикальная реакція.—Дѣло Дрейфуса: 1) Торжество шовинизма.—2) Идейное пробужденіе Франціи.—3) Рейнскій процессъ и міровой характеръ процесса.—Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи.—Французскій парламентаризмъ и его критики.—Эволюція политическихъ партій во Франціи. — Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата. —

Цѣна 2 рубля.

НОВАЯ КНИГА:

В. А. Мякотинъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

ЭТЮДЫ и ОЧЕРКИ.

Изданіе **Л. Ф. Пантелѣева.** Спб. 1902 г.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ ***Н. П. Карбасникова*** (Спб.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул.; Варшава—Новый Свѣтъ; Вильна—Большая ул.).

НОВАЯ КНИГА:

Владиміра Короленко.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

Разсказъ.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство".

Цѣна 75 коп.

Въ контору журнала „Русское Богатство" (Спб., уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9) ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Сочиненія ГЛѢБА УСПЕНСКАГО

въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительной статьей **Н. К. Михайловскаго.** Изданіе Ф. Ѳ. Павленкова 1897 и 1898 гг.

Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к. Уступка 20%.** Пересылка на счетъ покупателей—посылкой, бандеролью или товаромъ большой скорости.

Имѣются въ продажѣ **сочиненія ГЛѢБА УСПЕНСКАГО** и въ восьми томахъ, изданія Ф. Ѳ. Павленкова.

Первый томъ: 1. Нравы Растеряевой улицы. — 2. Растеряевскіе типы и сцены.—3. Столичная бѣднота.
(**Первый томъ весь разошелся**).

Второй томъ: Разоренье. 1. Наблюденія Михаила Ивановича.—2. Тише воды, ниже травы.—3. Наблюденія одного лѣнтяя.

Третій томъ. Разсказы: 1. Книжка чековъ.—2. Неплательщики.—3. Хочешь—не хочешь.—4. На старомъ пепелищѣ.—5. Неизлечимый — 6. Не воскресъ.—7. Голодная смерть.—8. Три письма.—9. Больная совѣсть.

Четвертый томъ. Разсказы: Будка.— Спустя рукава.— Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Тяжкое обязательство.— На постояломъ дворѣ.—Изъ записокъ маленькаго человѣка.— Хорошая встрѣча. — Съ конки на конку. — Норовилъ по совѣсти.—Умерла за «направленіе».—Письма изъ Сербіи.—Мелочи.

Пятый томъ: 1. Изъ деревенскаго дневника.—2. Непорванныя связи.— 3. Овца безъ стада.

Шестой томъ: 1. Малые ребята.—2. Очерки, разсказы, письма.—3. Богъ грѣхамъ терпитъ.—4. Волей-неволей.

Седьмой томъ: 1. Крестьянинъ и крестьянскій трудъ.—2. Власть земли.— 3. Безъ своей воли.—4. Изъ разговоровъ съ пріятелями.—5. Не случись.—6. Пришло на память.

Восьмой томъ: 1. Скучающая публика.—2. Черезъ пень-колоду.—3. Очерки.

Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к. Уступка 30%.**

Пересылка на счетъ покупателей.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изд. *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. Ц. 75.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *пятое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *Въ* **С.-Петербургѣ** — *контора журнала, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9. Въ* **Москвѣ** — *отдѣленіе конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона реда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма постороннаго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія, 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(40-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСКА НА 1903 Г.

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р — к.
» 6 » 5 » 50 »	» 6 » 6 » — »	» 6 » 9 » — »
» 3 » 3 » — »	» 3 » 3 » 50 »	» 3 » 4 » 80 »
» 1 » 1 » — »	» 1 » 1 » 20 »	» 1 » 1 » 90 »

«Русскія Вѣдомости» выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка** при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины:

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣс. 85 коп., въ другіе города, съ пересылкой на 1 мѣс. 1 руб., при условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты.

Гг. **служащіе** въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, черезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату **помѣсячно** не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей»**—Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 г. на

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ

М. О. Меньшикова.

(II ГОДЪ ИЗД.)

Ежемѣсячное обозрѣніе разнообразныхъ вопросовъ жизни, литературы, политики и нравственной философіи. Журналъ включаетъ въ себя собраніе всѣхъ новыхъ сочиненій *М. О. Меньшикова*, переписку съ читателями, обзоръ этическихъ движеній за границей, мысли великихъ людей и пр. Цѣна 3 р. въ годъ. Допускается разсрочка. Спб., Кн. магазинъ „Нов. Времени“; для иногородныхъ—Царское Село, *М. О. Меньшикову*.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 28 ноября 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.